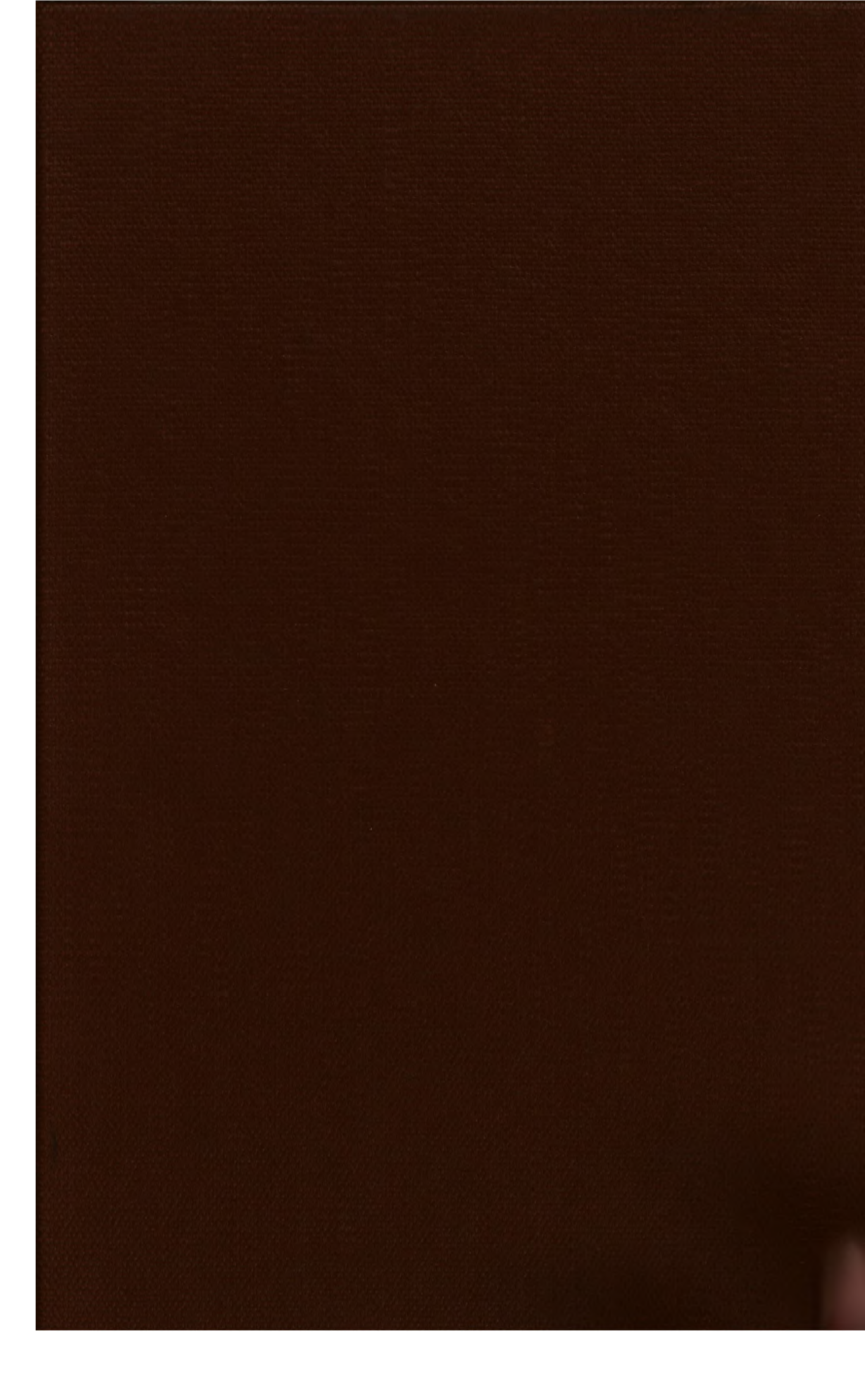

Годъ XIV-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Дозволено цензурою. 5 Февраля 1905 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Къ полуторавѣковому юбилею: 1755—1905).

I.

Основанный полтораста лѣтъ тому назадъ, Московскій университетъ до самаго конца XVIII вѣка влачилъ довольно жалкое существованіе. По уставу 12 января 1755 года въ немъ полагалось всего только десять каѳедръ на всѣхъ трехъ факультетахъ: философскомъ, юридическомъ и медицинскомъ, да и эти каѳедры въ теченіе перваго десятилѣтія не всѣ были замѣщены. До 1764 года на медицинскомъ и юридическомъ факультетахъ было всего только по одному профессору. Въ царствованіе императрицы Екатерины II число профессоровъ было увеличено, и нѣкоторыя каѳедры были заняты питомцами Московскаго университета, докончившими свое образованіе за границей. Но русскихъ ученыхъ все-таки было недостаточно, и приходилось или назначать профессорами приказныхъ дѣльцовъ вродѣ Горюшкина, или выписывать иностранцевъ. Неудивительно, что иностранные ученые составляли половину преподавательскаго персонала въ Московскомъ университетѣ XVIII вѣка.

Матеріальное, соціальное и нравственное положеніе московскихъ профессоровъ XVIII вѣка было очень незавидное. Профессорское жалованье на первыхъ порахъ не превышало 400—500 рублей, да и то иногда задерживалось по цѣлымъ мѣсяцамъ. Даже наканунѣ XIX вѣка очень немногіе профессора получали болѣе 600—700 руб. Получая такое незначительное содержаніе, профессора поневолѣ должны были изыскивать другіе источники матеріальнаго обезпеченія. Они открывали пансіоны, давали уроки въ богатыхъ домахъ, занимались медицинской практикой, читали публичныя лекціи и т. д. Эти лекціи особенно широко и выгодно были организованы у проф. Дильтея, который вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву обзавелся собственнымъ домомъ. Самымъ же предпріимчивымъ изъ московскихъ профессоровъ XVIII вѣка былъ Ростъ. Преподавая въ университетѣ математику и физику, Ростъ въ то же время состоялъ главнымъ агентомъ Голландской Компаніи и держалъ на жалованьи «нѣсколько сотъ приказчиковъ, рус-

скихъ людей, черезъ которыхъ онъ дѣйствовалъ по всей Россіи, закупалъ даже на корню всякій хлѣбъ, пеньку, конопляное и льняное сѣмя и масло, смолу, сало, сырыя кожи, волосъ, пухъ, перо, воскъ и прочія произведенія». Такимъ путемъ Ростъ нажилъ значительное богатство: у него было болѣе тысячи душъ крѣпостныхъ и сотни тысячъ рублей деньгами *). Но далеко не всѣ профессора имѣли посторонніе заработки сверхъ казеннаго содержанія. Отсюда рѣзкое различіе въ ихъ матеріальномъ положеніи: въ то время, какъ одни жили въ собственныхъ домахъ и разъѣзжали въ каретахъ, другіе ютились въ скверныхъ казенныхъ квартирахъ и не всегда могли нанять извозчика.

Общественное положеніе профессоровъ также было незавидное. Профессорское званіе не только въ XVIII вѣкѣ, но даже и въ началѣ XIX столѣтія считалось унизительнымъ для русскаго дворянства. Въ 1803 году Карамзинъ въ статьѣ «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей» писалъ, что «ученый дворянинъ есть нѣкоторая рѣдкость» и «что Россія можетъ единственно отъ *нижнихъ* классовъ гражданства ожидать ученыхъ». Да и само правительство цѣнило ученыхъ очень низко по сравненію съ военными и гражданскими чиновниками. Извѣстно, что даже геніальный Ломоносовъ, не смотря на свою разностороннюю ученую и общественную дѣятельность, не поднялся по табели о рангахъ выше статскаго совѣтника, да и этотъ чинъ онъ долженъ былъ униженно выпрашивать. Если такъ низко стояли на іерархической лѣстницѣ академики, то понятно, что профессора стояли еще ниже. До 1804 года никто изъ профессоровъ не имѣлъ чина выше коллежскаго совѣтника. Неудивительно поэтому, что въ XVIII вѣкѣ, и даже значительно позже, русскіе профессора выходили почти исключительно изъ духовнаго сословія. На такую скудно оплачиваемую и низко цѣнимую должность трудно было привлечь дворянина.

Далеко не всегда могъ московскій профессоръ XVIII вѣка отдаться, какъ слѣдуетъ, и исполненію своего долга. И тутъ ему мѣшали или неподготовленность слушателей, или недостатокъ учебныхъ пособій. Большинство иностранныхъ профессоровъ, и даже нѣкоторые изъ русскихъ, читали лекціи на латинскомъ языкѣ, но слушатели не всегда были въ состояніи понимать такое чтеніе и приходилось снабжать профессора-иностранца русскимъ переводчикомъ. Что касается учебныхъ пособій, то въ этомъ отношеніи очень характеренъ отчетъ попечителя М. Н. Муравьева 1803 годъ. По свидѣтельству этого документа, университетская библіотека «съ давняго времени оставалась въ скудномъ состояніи», «астрономія преподавалась единственно въ теоріи», хирургическіе и анатомическіе инструменты «выписываны были

---

*) Біографическій словарь Московскаго Университета. М. 1855. Т. II, стр. 447.

въ 1766 году и съ тѣхъ поръ сдѣлались вовсе неупотребительными», химическаго кабинета вовсе не было *). Извѣстно также, что московская полиція на первыхъ порахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не доставляла труповъ для анатомическаго театра.

Наконецъ, и свобода преподаванія въ XVIII вѣкѣ была сильно ограничена. Ни одинъ профессоръ не могъ читать лекцій по своему или чужому руководству безъ разрѣшенія профессорской конференціи. А предсѣдателемъ конференціи и ближайшимъ начальникомъ университета былъ назначенный правительствомъ директоръ, иногда не болѣе какъ съ гимназическимъ образованіемъ. Кромѣ товарищей и свѣтскаго начальства (одного и двухъ-трехъ кураторовъ), зорко слѣдила за профессорами и духовная власть. Когда проф. Аничковъ въ 1769 году напечаталъ разсужденіе о происхожденіи естественнаго богопочитанія, Московскій архіепископъ Амвросій, убитый во время чумы, представилъ Синоду «доношеніе», въ которомъ называетъ диссертацію «соблазнительнымъ и вреднымъ сочиненіемъ». По мнѣнію преосвященнаго Амвросія, профессоръ 1) «явно возстаетъ противу всего христіанства, богопроповѣдничества и богослуженія; 2) опровергаетъ св. писаніе и въ немъ богознаменія и чудеса, также рай и адъ и діаволовъ, соравнивая ихъ хитроковарнымъ образомъ съ натуральными или небывалыми вещьми; а Моисея, Сампсона и Давида—съ языческими богами; 3) во утвержденіе того атеистическаго мнѣнія приводитъ безбожнаго Епикурова послѣдователя Люкреція да всесквернаго Петронія». Къ счастью для Аничкова, должность оберъ-прокурора въ Синодѣ исправлялъ Чебышевъ, тотъ самый Чебышевъ, который, если вѣрить Фонвизину, публично проповѣдывалъ атеизмъ. Синодъ нашелъ, что нѣкоторыя выраженія Аничкова, дѣйствительно, неосторожны и могутъ показаться соблазнительными, а оберъ-прокуроръ не усмотрѣлъ въ сочиненіи никакихъ «противностей православному закону» и предложилъ оставить дѣло безъ послѣдствіи **).

Болѣе трагична была судьба пріѣзжаго философа Мельмана. По словамъ сенатора Лубяновскаго ***), это былъ «безстрастный отшельникъ отъ міра, влюбленный по уши въ безжалостную критику, дщерь философа Канта». Увлеченіе философіей Канта и погубило Мельмана. Въ 1795 году его представили противникомъ христіанской религіи и развратителемъ юношества. Отданный подъ судъ, Мельманъ не отказался отъ своихъ «заблужденій» и не отрекся отъ философіи Канта, котораго онъ называлъ «повторителемъ и внушителемъ словъ Христа и писанія Христова». Тогда Мельмана признали «поврежденнымъ въ умѣ»

*) Шевыревъ. „Исторія московскаго университета". М. 1855. Стр. 328—329.

**) См. замѣтку С. Соловьева. „Диспутъ въ Московскомъ университетѣ 25 августа 1769 года" („Русскій Архивъ", 1875 г., № 11).

***) „Русскій Архивъ", 1872 г.

и неспособнымъ къ своему званію и выслали за границу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Особенно характерно, что въ обѣихъ этихъ печальныхъ исторіяхъ, кромѣ духовнаго и свѣтскаго начальства, оказались замѣшанными и профессора. Противъ мнѣній Аничкова протестовали профессора Барсовъ, Дильтей, Керштенсъ, Лангеръ, Ростъ и Рейхель, причемъ послѣдній обозвалъ Лукреція «inter philosophos proletarium, porcum ex grege Epicuri». Въ исторіи же Мельмана, кромѣ митрополита Платона и куратора Хераскова, замѣшаны профессора Чеботаревъ и Шаденъ.

Среди московскихъ профессоровъ XVIII вѣка мы почти не встрѣчаемъ людей съ громкими именами въ области науки. Ихъ ученые труды въ большинствѣ случаевъ ограничивались неизбѣжными диссертаціями и актовыми рѣчами; даже учебныхъ руководствъ они составили очень мало. Почти всѣ профессора въ то время не составляли лекцій самостоятельно, а читали по какому-нибудь иностранному руководству, иногда очень устарѣвшему. Да и трудно было въ то время профессорамъ составлять свои собственные курсы. Одному лицу приходилось читать иногда чуть не за цѣлый факультетъ. Возможны были и такіе случаи, какъ чтеніе медикомъ Скіаданомъ лекцій по естественному и народному праву. Тутъ ужъ безъ чужого руководства не мыслимо было обойтись. Но если среди московскихъ профессоровъ XVIII вѣка не было выдающихся ученыхъ, зато были прекрасные преподаватели и хорошіе люди, которые своими лекціями и совѣтами благотворно вліяли на студентовъ и оставили въ нихъ свѣтлыя воспоминанія, хотя и не всегда чуждыя анекдотической окраски.

Изъ русскихъ профессоровъ, въ немногихъ дошедшихъ до насъ воспоминаніяхъ московскихъ студентовъ XVIII вѣка, чаще всего и въ наиболѣе симпатичномъ свѣтѣ являются словесники Барсовъ, Сохацкій и Чеботаревъ, философъ Аничковъ, медики Зыбелинъ и Политковскій. О Барсовѣ, напримѣръ, извѣстный сатирическій писатель кн. Долгорукій говоритъ, что «такихъ людей во всякомъ царствѣ и вѣкѣ немного». Наиболѣе же восторженныя воспоминанія изъ русскихъ профессоровъ оставилъ Страховъ, преподававшій физику въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка и пользовавшійся громадной популярностью не только въ университетѣ, но и среди московскаго общества. Обладая красивой внѣшностью, онъ славился и какъ профессоръ, и какъ ораторъ, и наконецъ, какъ устроитель любительскихъ спектаклей. На его публичныя лекціи собирались сливки московскаго общества, а студенты по окончаніи каждой лекціи торжественно провожали любимаго профессора до его квартиры.

Изъ профессоровъ-иностранцевъ наиболѣе свѣтлыя воспоминанія оставили Шаденъ и Шварцъ. Шаденъ, умершій въ 1797 году послѣ сорокалѣтняго служенія русскому просвѣщенію, по свидѣтельству Муравьева, былъ «препровожденъ въ гробъ съ благоговѣніемъ и пла-

чемъ слушателей своихъ». А нѣкоторые изъ этихъ слушателей выразили свои чувства въ стихахъ и прозѣ.

«Кто хочетъ научиться добродѣтели, пусть придетъ на погребеніе того, кто любилъ ее. Онъ научится болѣе, нежели отъ всѣхъ проповѣдниковъ, болѣе, нежели изъ всѣхъ написанныхъ доселѣ книгъ о нравственности!» Такъ писалъ студентъ Цвѣтаевъ (впослѣдствіи профессоръ) въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени». Въ томъ же журналѣ были посвящены кончинѣ Шадена стихотвореніе и статья братьевъ Запольскихъ Въ стихотвореніи говорится:

„Какъ риторъ, ты владѣлъ учащихся сердцами.
Какъ философъ—любить ты истину училъ,
И въ томъ примѣромъ самъ отличнѣйшимъ служилъ.
Ты былъ учености и мудрости ревнитель,
Ты вѣры былъ святой всю жизнь свою хранитель".

Въ прозаической статьѣ сообщается, что въ лицѣ Шадена Россія имѣла своего Канта.

Профессорская дѣятельность Шварца продолжалась менѣе пяти лѣтъ (1779—1784), но оставила глубокій слѣдъ въ исторіи московскаго университета и русскаго просвѣщенія. Съ именемъ этого благороднаго иностранца, искренно полюбившаго Россію, связаны просвѣтительная дѣятельность Новикова, основаніе педагогической и переводческой семинарій, собранія университетскихъ питомцевъ и «Дружескаго ученаго общества». Кромѣ университетскихъ лекцій Шварцъ читалъ еще приватныя лекціи по философіи, направленныя противъ французскаго раціонализма и оказывавшія сильное вліяніе на слушателей. «Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то,—говоритъ извѣстный мистикъ Лабзинъ—съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію».

Кромѣ Шадена и Шварца, хорошіе отзывы встрѣчаются объ историкѣ Рейхелѣ, физикѣ Ростѣ, филологѣ Баузе, философѣ Мельманѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

Были среди московскихъ профессоровъ и очень несимпатичныя личности, вродѣ математика Аршеневскаго и юриста Дильтея. Замѣчали наиболѣе развитые студенты и бѣдность, и недостаточность университетскаго преподаванія. Такъ, Лубяновскій жалуется, что университетъ, приготовляя его ко всему, порядочно не приготовилъ ни къ чему и особенно мало далъ свѣдѣній о Россіи. Но всѣ эти общіе и частные недостатки не помѣшали московскимъ студентамъ сохранить объ университетѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Даже Фонвизинъ, сообщившій потомству очень неприглядные факты о дворянской университетской гимназіи, счелъ нужнымъ заявить: «какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью вспоминать университетъ.» Съ

особеннымъ восторгомъ, можно сказать, съ благоговѣніемъ, отзывается о московскомъ университетѣ кн. Долгорукій въ предисловіи къ третьему изданію своихъ стихотвореній.

Бѣдный профессорами, московскій университетъ XVIII-го вѣка былъ бѣденъ и студентами. Даже казенныя стипендіи не скоро были замѣщены. Когда въ 1767 году 18 студентовъ были взяты въ коммиссію уложенія, конференція заявила, что университетъ опустѣлъ. Были годы, когда на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ было всего по одному студенту. Въ 1787 году въ университетѣ было только 82 студента. Едва ли даже въ самомъ концѣ XVIII вѣка московскій университетъ имѣлъ болѣе ста студентовъ, изъ коихъ половина пользовалась казенными стипендіями. Такое малолюдство объясняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что наука и образованіе не пользовались тогда особенными симпатіями русскаго общества. Да и московскій разсадникъ просвѣщенія на первыхъ порахъ имѣлъ очень незавидную репутацію. Фонвизинъ говоритъ о «нерадѣніи и пьянствѣ учителей», а учителя латинскаго языка называетъ «примѣромъ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ». Такой же рѣзкій отзывъ имѣемъ мы отъ гр. С. Р. Воронцова, который совѣтовалъ отцу въ 1759 году взять своихъ родственниковъ изъ московскаго университета, такъ какъ «они совсѣмъ ничего не знаютъ». «Нечему и дивиться,—прибавляетъ Воронцовъ,—когда учители пьяницы, а ученики самые подлые поступки имѣютъ. Человѣкъ самаго лучшаго воспитанія тамъ испортиться можетъ, не токмо, чтобы научиться».

Приведенные отзывы относятся къ университетской гимназіи, но въ то время университетъ и гимназія, имѣвшіе общихъ преподавателей, разсматривались, какъ одно цѣлое, и дурная репутація гимназическихъ учителей относилась и на счетъ университета. И само правительство склонно было считать университетъ не вполнѣ подходящимъ для дворянъ учебнымъ заведеніемъ. «Въ 1763 году,—говоритъ С. Соловьевъ,—вышелъ указъ: въ сенатѣ и прочихъ мѣстахъ юнкеровъ не имѣть, а наличныхъ всѣхъ изъ дворянъ помѣстить въ сухопутный и морской корпуса, а не изъ дворянъ — въ московскій университетъ». Послѣ этого можно только удивляться, что среди московскихъ студентовъ XVIII-го вѣка на ряду съ семинаристами и разночинцами мы встрѣчаемъ не только сыновей дворянъ, но даже лицъ съ графскими и княжескими титулами.

О жизни немногочисленнаго московскаго студенчества XVIII-го вѣка сообщается очень немногое, какъ въ оффиціальныхъ источникахъ, такъ и въ бѣдной литературѣ воспоминаній. Извѣстно, напримѣръ, что въ матеріальномъ отношеніи бѣдные студенты были почти вполнѣ обезпечены казенными стипендіями, частными уроками и переводами книгъ. Извѣстно также, что тогдашніе студенты учились гораздо больше, чѣмъ нынѣшніе, но находили также время для по-

сѣщенія театра и кулачныхъ боевъ, а иногда производили и «буйства», за что наказывались отдачею въ солдаты. Относительно же настроенія учащейся молодежи существуютъ только болѣе или менѣе глухія указанія, что ей не чуждо было и религіозное и политическое вольномысліе, вызывавшее такія мѣры со стороны учебнаго начальства, какъ обязательное чтеніе Библіи по воскреснымъ днямъ. Происходили также въ XVIII-мъ вѣкѣ и столкновенія студентовъ съ полиціей. Одна «исторія» подобнаго рода, по свидѣтельству проф. Тимковскаго *), вызвала даже закрытіе существовавшаго при университетѣ особаго учебнаго заведенія для сыновей донскихъ казаковъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ литературная дѣятельность московскихъ студентовъ XVIII вѣка. Рѣдкій журналъ позапрошлаго вѣка обходился безъ переводныхъ или оригинальныхъ статей и стихотвореній, принадлежавшихъ студентамъ. Нѣкоторые студенты даже сами выступали въ роли издателей. Въ 1760 году студентъ Богдановичъ, впослѣдствіи авторъ «Душеньки», издавалъ «Невинное упражненіе», а студентъ Санковскій въ 1764 году издавалъ «Доброе намѣреніе». Многіе писатели XVIII вѣка начали свою литературную дѣятельность еще на студенческой и даже на гимназической скамьѣ. Особенно замѣтно было участіе московскихъ студентовъ въ просвѣтительной дѣятельности Новикова и Шварца. «Новиковъ, говоря словами Шевырева, дѣйствовалъ, окруженный лучшими студентами университета». Они принимали участіе и въ переводѣ той массы книгъ, которая была издана Новиковымъ, и сотрудничали почти во всѣхъ его журналахъ.

Начавъ свою просвѣтительную дѣятельность еще на учебной скамьѣ, московскіе студенты продолжали ее на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Кромѣ «достойныхъ первосвященниковъ и пастырей церкви, высокихъ министровъ, правотворныхъ судей, мудрыхъ градоправителей, искусныхъ врачей, даже отличныхъ военнослужащихъ», о которыхъ упоминаетъ профессоръ Сохацкій въ своей юбилейной рѣчи (1805 года), изъ московскаго университета въ первый періодъ его существованія вышли десятки профессоровъ, писателей и журналистовъ, которые въ свое время стояли въ первыхъ рядахъ русской интеллигенціи. Достаточно напомнить, что съ московскимъ университетомъ XVIII вѣка въ благодарной памяти потомства соединены имена такихъ борцовъ за лучшее будущее, какъ Новиковъ, Фонвизинъ, Николай Тургеневъ, Пнинъ, Кайсаровъ, Яценковъ.

II.

«Дней Александровыхъ прекрасное начало» благопріятно отразилось и на судьбѣ московскаго университета. Въ началѣ 1803 года курато-

*) «Москвитянинъ» 1851 г., №№ 9—10.

ры были замѣнены однимъ попечителемъ, а на эту должность былъ назначенъ бывшій наставникъ молодого императора, М. Н. Муравьевъ, человѣкъ просвѣщенный и гуманный. Дѣятельность университета при новомъ попечителѣ замѣтно оживилась и выразилась, между прочимъ, въ устройствѣ цѣлаго ряда публичныхъ лекцій и въ учрежденіи ученыхъ обществъ. Кромѣ того, было приглашено десять иностранныхъ ученыхъ для занятія каѳедръ въ московскомъ университетѣ и было послано нѣсколько русскихъ студентовъ за границу для приготовленія къ профессурѣ. На долю Муравьева выпало и введеніе новаго университетскаго устава, который былъ выработанъ при его дѣятельномъ участіи. По уставу 5 ноября 1804 года вмѣсто трехъ факультетовъ явилось четыре «отдѣленія» (словесное, нравственно-политическое, физико-математическое и медицинское), а число каѳедръ было увеличено до 28-ми. Мѣсто назначаемаго правительствомъ директора занялъ ректоръ, выбираемый профессорами изъ своей среды сначала на одинъ, а потомъ на три года. Кромѣ избранія ректора, совѣтъ университета выбиралъ профессоровъ, опредѣлялъ порядокъ учебной жизни и представлялъ высшую инстанцію университетскаго суда. Вообще, «уставъ 1804 года надѣлилъ университеты широкой автономіей и свободой преподаванія», которыя, впрочемъ, скоро подверглись существеннымъ ограниченіямъ *).

Плодотворная дѣятельность Муравьева продолжалась очень недолго и была прекращена его смертью въ 1807 году. Среди его преемниковъ въ теченіе всего второго періода исторіи московскаго университета (1805—1835 годы) не было ни одного лица, которое принесло бы русскому просвѣщенію столько пользы и оставило бы такія свѣтлыя воспоминанія. По словамъ академика Сухомлинова, «имя Муравьева, осыпаемаго восторженными хвалами, славилось (даже) за границей, какъ имя поборника просвѣщенія». Первый преемникъ Муравьева, гр. А. К. Разумовскій, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, почти не интересовался дѣлами московскаго университета. Занявшій его мѣсто Голенищевъ-Кутузовъ оставилъ по себѣ дурную память, какъ человѣкъ гордый, вспыльчивый, требовательный и безтолковый. Это тотъ самый Кутузовъ, который попалъ въ лѣтописи русскаго мракобѣсія за свой нелѣпый доносъ на Карамзина по случаю пожалованія исторіографу ордена Владиміра 3 степени. Какъ извѣстно, въ этомъ доносѣ попечитель московскаго университета писалъ министру народнаго просвѣщенія, что сочиненія Карамзина «исполнены вольнодумческаго и якобиническаго яда», что въ нихъ явно проповѣдуется «безбожіе и безначаліе», и потому ихъ надобно сжечь, а автора «давно бы пора запереть», «яко врага Божія и врага всякаго блага и яко орудіе тьмы».

*) Рождественскій. „Историческій очеркъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія", Спб. 1902.

Въ попечительство этого обскуранта московскій университетъ пережилъ нашествіе французовъ, во время котораго пожаръ не пощадилъ зданій университета и истребилъ почти все его ученое имущество. При возстановленіи университета по изгнаніи французовъ Голенищевъ-Кутузовъ не проявилъ необходимой энергіи и съ 1817 года долженъ былъ уступить свою должность князю Оболенскому, который попечительствовалъ до половины 1825 года.

Поглощенный хозяйственными заботами, новый попечитель очень рѣдко появлялся въ университетѣ. «Попечителя князя Оболенскаго,— говоритъ Пироговъ,—видали мы только на актѣ, разъ въ годъ и то издали» *). Не вторгаясь въ дѣятельность профессоровъ и въ жизнь студентовъ, князь Оболенскій въ то же время съумѣлъ, по свидѣтельству Третьякова **), «оградить московскій университетъ отъ всѣхъ злыхъ навѣтовъ и нареканій, такъ что никто изъ профессоровъ не получилъ въ то время отъ высшаго начальства никакого замѣчанія насчетъ ученыхъ трудовъ своихъ». А это немалая заслуга князя Оболенскаго, если мы вспомнимъ, что современниками его были Магницкій и Руничъ, подвергшіе разгрому казанскій и петербургскій университеты.

Министръ Шишковъ, обвинившій своего предшественика кн. Голицына «во всякомъ покровительствѣ и ободреніи нравственнаго зла» и зачислившій въ число «карбонарскихъ и революціонныхъ книгъ» даже катехизисъ Филарета, не долго терпѣлъ князя Оболенскаго и замѣнилъ его генераломъ Писаревымъ. Съ перваго же своего появленія въ университетѣ Писаревъ напомнилъ студентамъ грибоѣдовскаго Скалозуба. «Это былъ фрунтовой генералъ,—говоритъ Костенецкій ***),—и чуть ли не на его счетъ сказаны Грибоѣдовымъ извѣстные стихи:

„Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ“.

«Писаревъ посѣщалъ университетъ всегда въ полномъ мундирѣ со звѣздой и лентой, держалъ себя воинственно, говорилъ всегда строго, отрывочно и громко». За эти свойства своей рѣчи, по свидѣтельству Пирогова, онъ былъ прозванъ «фаготомъ». О легкомысліи, самодурствѣ и грубости этого «мундирнаго попечителя» существуетъ цѣлый рядъ разсказовъ, одинъ характернѣе другого. «Однажды,—разсказываетъ Костенецкій,—входитъ онъ въ нашу аудиторію. Мы всѣ встали; только былъ у насъ студентъ Кояндеръ, съ малолѣтства не владѣвшій обѣими ногами и ходившій всегда на костыляхъ, который поэтому и не могъ встать. Писаревъ, замѣтивъ такую дерзость со стороны сту-

*) „Сочиненія Пирогова“. Спб. 1900. Т. II, стр. 233.

**) „Московскій университетъ въ воспоминаніяхъ Третьякова“ (1798—1830). См. „Русская Старина“ 1893 г., №№ 7—10.

***) „Русскій Архивъ“, 1887 г., №№ 1—6.

дента, подбѣгаетъ къ Кояндеру и кричитъ: «ты, отчего не встаешь?»—«У меня нѣтъ ногъ», отвѣчаетъ ему Кояндеръ. Тогда Писаревъ произнесъ фразу, обезсмертившую его навсегда въ памяти студентовъ: *«ну хоть безъ ногъ, да стой!»* которая была покрыта громкимъ нашимъ смѣхомъ».

Пироговъ видѣлъ Писарева на лекціяхъ медицинскаго факультета два раза, и каждое его появленіе сопровождалось скандаломъ. На лекціи у проф. Геймана онъ замѣтилъ студента, одѣтаго не по формѣ, и на всю аудиторію закричалъ: «это что значитъ? Такихъ надо удалять изъ университета». Студентъ спокойно отвѣтилъ: «да я не дорожу вашимъ университетомъ», поклонился опѣшившему генералу и ушелъ. Другой разъ, придя на лекцію проф. Мухина, Писаревъ спросилъ, почему онъ не читаетъ въ анатомическомъ театрѣ. Профессоръ отвѣтилъ, что тамъ Лодеръ передъ своими лекціями раскладываетъ кости и препараты. «А, если такъ, то я его самого разложу», отвѣчаетъ громко на всю аудиторію фаготъ». И такую безобразную выходку попечитель позволилъ по отношенію къ знаменитому въ свое время профессору и лейбъ-медику императора Александра I. Лодеръ, по словамъ Пирогова, довелъ до свѣдѣнія императора Николая объ этой выходкѣ, но попечитель былъ оставленъ на своемъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что молодой императоръ, ознакомившись съ поэмой Полежаева «Сашка» и отдавъ поэта въ солдаты, подвергъ Московскій университетъ строжайшему надзору, чтобы искоренить въ немъ «развратъ» всякаго рода. Для этой цѣли Писаревъ на первыхъ порахъ считался вполнѣ пригоднымъ лицомъ. «Имѣлъ ли онъ какое-либо понятіе о наукахъ?—говоритъ Костенецкій.—Этого, безъ сомнѣнія, не было; да этого отъ него и не требовалось. Нужно было только, чтобы онъ держалъ студентовъ въ субординаціи, а профессорамъ не позволялъ либеральничать, какъ говорилось тогда, вольнодумничать, и въ этомъ отношеніи онъ исполнялъ свою обязанность какъ нельзя лучше... Писаревъ только и обращалъ вниманіе, что на стрижку волосъ у студентовъ да на форму мундира».

Когда Шишкова смѣнилъ князь Ливенъ, вскорѣ послѣ того и «московскія музы, по выраженію Третьякова, избавились отъ военнаго надзора». Преемникомъ Писарева (съ 1830 до 1835 г.) былъ князь С. М. Голицынъ. По свидѣтельству Вистенгофа *), новый попечитель былъ «человѣкъ высокообразованный, гуманный, добраго сердца, характера мягкаго... Имя его всѣми студентами произносилось съ благоговѣніемъ», такъ какъ онъ дѣлалъ для нихъ много добра. Но эта восторженная оцѣнка не находитъ подтвержденія въ воспоминаніяхъ другихъ студентовъ. «Попечителемъ, — говоритъ Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ о московскомъ университетѣ,—былъ тогда из-

*) „Историческій Вѣстникъ“ 1892 г., № 2.

вѣстный въ Москвѣ богатый вельможа князь С. М. Голицынъ. Только это мы и знали о немъ, да знали еще большой барскій домъ на Пречистенкѣ и прекрасную дачу, Кузьминки, въ семи верстахъ отъ Москвы, куда нерѣдко отправлялись гулять взадъ и впередъ. Знали также всѣ ходившіе въ обществѣ анекдоты о его широкой благотворительности, о его роскошныхъ праздникахъ, даваемыхъ во время посѣщенія Москвы царскою фамиліею,—и больше ничего». «Онъ даже будто вовсе и не любилъ университета,—говоритъ Буслаевъ *),—и при насъ въ теченіе двухъ лѣтъ ни разу не былъ въ аудиторіяхъ на лекціи; только однажды посѣтилъ онъ нашу казенную столовую во время обѣда, прошелся взадъ и впередъ между столами и, закинувъ голову, смотрѣлъ по верхамъ въ потолокъ, на студентовъ же вовсе ни на кого и не взглянулъ». По словамъ Герцена **), Голицынъ былъ человѣкъ щедрый и добродушный, но недалекій; «онъ долго не могъ привыкнуть къ тому безпорядку, что когда профессоръ боленъ, то и лекціи нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій по очереди долженъ былъ его замѣнять». Съ Герценомъ сошелся въ оцѣнкѣ князя Голицына и Погодинъ, который о новомъ попечителѣ записалъ въ своемъ дневникѣ: «невѣжда и думаетъ исправлять просвѣщеніе». Но главный недостатокъ попечительства князя Голицына состоялъ въ томъ, что, занятый другими обязанностями, онъ передалъ ближайшее наблюденіе за университетомъ своимъ помощникамъ, сначала графу А. Н. Панину, а потомъ Голохвастову, которые явились достойными преемниками Писарева. По словамъ Вистенгофа ***), оба они были «необузданные деспоты» и «видѣли въ каждомъ студентѣ какъ бы своего личнаго врага, считая насъ всѣхъ опасною толпою, какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго общества. Они все добивались что-то сломить, искоренить, дать всѣмъ внушительную острастку».

«Графъ Панинъ,—говоритъ далѣе Вистенгофъ,—никогда не говорилъ со студентами, какъ съ людьми болѣе или менѣе образованными, что-нибудь понимающими. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на какихъ-то мальчишекъ, которыхъ надобно держать непремѣнно въ ежовыхъ рукавицахъ, повелительно кричалъ густымъ басомъ, командовалъ, грозилъ, стращалъ». Особенному гоненію подвергались со стороны графа Панина бороды, усы и длинные волосы. При немъ началось бритье и стрижка бородатыхъ, усатыхъ и волосатыхъ студентовъ на солдатскій манеръ и на казенный счетъ, причемъ самъ гр. Панинъ командовалъ цирульникамъ: «стриги короче! брей чище! не жалѣй мыла!» Строго слѣдилъ также гр. Панинъ, родной братъ извѣстнаго министра юстиціи, и за исправностью студенческой формы. «Ни одна разстегну-

*) „Мои воспоминанія". М. 1897.
**) „Былое и думы", ч. I, гл. VI и VII.
***) „Историч. Вѣстникъ" 1892 г., № 2.

тая или оборваная пуговица,—говоритъ гр. М. В. Толстой *),—не ускользала отъ его проницательнаго взгляда».

Впрочемъ, графъ Панинъ слѣдилъ не за одними волосами и пуговицами студентовъ. Въ 1831 году онъ задался цѣлью «почистить университетъ» и представилъ записку о профессорахъ съ оцѣнкой ихъ знаній, способностей и даже характера. Въ этой запискѣ **), предназначенной для министра народнаго просвѣщенія князя Ливена, встрѣчаются такія отмѣтки: «ректоръ (Двигубскій) безхарактеренъ и лукавъ»; «Рейссъ—ученый: тяжелодумъ, одаренный искусствомъ затруднять всякое возложенное на него дѣло»; «Павловъ — уменъ и ученъ, но не у мѣста»; «Перевощиковъ и ученъ и свѣдущъ въ астрономіи и довольно рѣчистъ, но подчиненный строптивый и начальникъ крутой отъ непреклонности нрава»; «Рясовской смыслитъ акушерство, но малодушенъ (!) въ заразительныхъ болѣзняхъ»; «Каченовскій... ученъ, но усыпителенъ»; «Гавриловъ годится въ архивъ старыхъ дѣлъ»; Василевскій —«голова безразсудная» и т. д. въ такомъ же родѣ. Есть въ «Запискѣ» и хорошіе отзывы, но главное, что въ ней поражаетъ, это крайне безцеремонное отношеніе къ профессорамъ, вся дѣятельность которыхъ, иногда очень почтенная, оцѣнивается тремя-четырьмя пренебрежительными строчками. И такая оцѣнка дѣлается не попечителемъ, а его чиновникомъ особыхъ порученій, который кое-что смыслилъ только въ военныхъ наукахъ. Такъ можно думать потому, что, найдя методу преподаванія этихъ наукъ у проф. Мягкова устарѣвшею, онъ сообщилъ ему новыя сочиненія по его спеціальности.

III.

Обращаясь къ студенческимъ воспоминаніямъ о лучшихъ профессорахъ первой трети XIX столѣтія, мы прежде всего встрѣчаемся съ именемъ Мерзлякова. Занимая каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи, Мерзляковъ въ теченіе четверти вѣка (1804—1830) увлекалъ студентовъ своими блестящими импровизаціями. По словамъ Сафоновича ***), у Мерзлякова «не было опредѣленной системы, и онъ говорилъ на каѳедрѣ, что приходилось ему по вкусу. Иногда цѣлая лекція посвящена была разбору какого-нибудь сочиненія, иногда разбиралъ онъ извѣстную литературную эпоху, иногда читалъ стихотворенія замѣчательнаго поэта». Профессоръ Морошкинъ, слушавшій Мерзлякова въ двадцатыхъ годахъ, говоритъ, что онъ «отъ роду не слыхалъ такой величественной декламаціи и такого могущественнаго дара импровизировать». По свидѣтельству Морошкина, Мерзляковъ обла-

*) „Русскій Архивъ“ 1881 г., № 3.
**) „Русская Старина“ 1880 г., т. XXVIII.
***) „Русскій Архивъ“ 1903 г., № 2.

далъ необычайнымъ искусствомъ управлять своимъ голосомъ, который производилъ на слушателей «дѣйствіе, подобное раскатамъ грома». Другой слушатель Мерзлякова въ двадцатыхъ годахъ, профессоръ Максимовичъ, также плѣнявшійся его «обаятельнымъ краснорѣчіемъ», впослѣдствіи называлъ его не иначе, какъ «соловьемъ стараго времени». По словамъ Ляликова *), «бывало не увидишь, какъ пролетитъ лекція» Мерзлякова, и «всякое его слово, отъ души сказанное — по свидѣтельству Погодина—западало въ душу и навсегда въ ней оставалось». «Живое слово Мерзлякова — говоритъ М. Дмитріевъ — и его неподдѣльная любовь къ литературѣ были столь дѣйственны, что воспламеняли молодыхъ людей къ той же неподдѣльной и благородной любви ко всему изящному, особенно въ изящной словесности! Его одна лекція приносила много и много плодовъ, которые дозрѣвали и безъ его пособія; его разборъ какой-нибудь одной оды Державина или Ломоносова открывалъ такъ много тайнъ поэзіи, что руководствовалъ къ другимъ дальнѣйшимъ открытіямъ законовъ искусства! Онъ бросалъ сѣмена столь свѣжія и въ землю столь воспріимчивую, что ни одно не пропадало, а приносило плодъ сторицею» **).

Въ своихъ чтеніяхъ Мерзляковъ руководился устарѣвшими уже эстетическими теоріями Батте и Эшенбурга, но непосредственное чувство брало перевѣсъ надъ отжившими теоріями. По выраженію Погодина, Мерзляковъ «прекрасно говорилъ, хоть и по старымъ теоріямъ, о прекрасномъ, о высокомъ, о чувствительномъ, о поэзіи, о драмѣ, о страстяхъ». Изъ русскихъ писателей Мерзляковъ восторгался преимущественно классиками XVIII вѣка, особенно Ломоносовымъ и Державинымъ, отдѣльныя произведенія котораго, напримѣръ, «Богъ» и «Водопадъ», онъ декламировалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и силой. Писателей XIX вѣка Мерзляковъ не одобрялъ, но впечатлѣніе отъ его декламаціи оказывалось сильнѣе его критическихъ разборовъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи эпизодъ, разсказанный Погодинымъ. Когда появился «Шильонскій узникъ» въ переводѣ Жуковскаго, Мерзляковъ разобралъ новую поэму на лекціи (причемъ аудиторія была биткомъ набита студентами всѣхъ четырехъ факультетовъ), и отнесся чрезвычайно строго и къ языку и къ направленію «модныхъ поэтовъ». «Молодое поколѣніе — говоритъ Погодинъ — слушало его разборъ съ почтеніемъ и соглашалось съ вѣрностью многихъ замѣчаній, но всетаки было въ восторгѣ отъ Байроновой поэмы», великолѣпно прочитанной Мерзляковымъ ***).

Кромѣ пристрастія къ устарѣлымъ эстетическимъ теоріямъ и не-

---

*) „Русскій Архивъ" 1875 г., № 11.

**) М. А. Дмитріевъ. „Мелочи изъ запаса моей памяти". М. 1869 г. Стр. 160.

***) Автобіографическія записки Морошкина и Погодина въ „Біографическомъ словарѣ московскаго университета".

способности понять такихъ поэтовъ, какъ Жуковскій и Пушкинъ другимъ недостаткомъ Мерзлякова была болѣзненная страсть къ спиртнымъ напиткамъ. Мерзляковъ страдалъ запоемъ и нерѣдко являлся на лекціи «восторженный отъ рома», или же вовсе не приходилъ въ университетъ по цѣлымъ недѣлямъ. Студенты снисходительно относились къ этой слабости профессора и объясняли ея происхожденіе несчастной любовью. Сколько бы ни пропустилъ Мерзляковъ лекцій, всегда, по свидѣтельству Ляликова, «встрѣча была самая симпатичная, какъ будто ничего не бывало», и «ораторъ, по словамъ Морошкина, выходилъ изъ аудиторіи, сопровождаемый единодушнымъ сознаніемъ слушателей: какой прекрасный человѣкъ, какая чистая душа Алексѣй Өеодоровичъ!»

Въ двадцатыхъ годахъ «преподаваніе Мерзлякова, по словамъ Галахова *), уже слабо напоминало прежній блескъ его лекцій». Но и въ это время у него не было недостатка въ слушателяхъ и поклонникахъ. «Кандидатъ, кончившій курсъ, студентъ 30-ти лѣтъ, студентикъ 15-ти-лѣтній, преклонныхъ лѣтъ любознательный сенатскій чиновникъ, армейскій офицеръ, все это, по словамъ Мурзакевича **), сидѣло, стояло, лѣпилось гдѣ попало на изящныхъ лекціяхъ Мерзлякова». Несмотря на всѣ свои недостатки, Мерзляковъ, благодаря своему краснорѣчію и душевной добротѣ (а добръ онъ былъ, по выраженію Погодина, «до излишества»), до конца жизни сохранилъ любовь и уваженіе своихъ слушателей и умеръ, «оплакиваемый студентами».

Прямую противоположность Мерзлякову представлялъ Каченовскій, изъ полкового квартирмейстера, да еще попавшаго подъ судъ, сдѣлавшійся правителемъ канцеляріи попечителя гр. Разумовскаго, а затѣмъ, въ 1810 году, получившій каѳедру. Въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ (1810—1842) онъ преподавалъ цѣлый рядъ предметовъ, а именно теорію изящныхъ искусствъ и археологію, русскую и всеобщую исторію, статистику и географію, наконецъ, съ 1835 года исторію и литературу славянскихъ народовъ. Насколько обаятельно было краснорѣчіе Мерзлякова, настолько были непривлекательны съ внѣшней стороны лекціи Каченовскаго, но зато насколько у перваго изъ нихъ «хромалъ методъ», настолько второй былъ силенъ именно своимъ методомъ. Рѣдкинъ, учившійся въ концѣ 1820-хъ годовъ, говоритъ, что «болѣе всѣхъ (профессоровъ) онъ обязанъ лекціямъ по русской исторіи Каченовскаго въ отношеніи не столько самого содержанія, сколько ученыхъ пріемовъ» (Біогр., сл. II, 380).

По словамъ Гончарова, Каченовскій «обыкновенно читалъ медленно, вяло и, пожалуй, если не вслушиваться глубоко въ его рѣчь,

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1876 г., № 11.
**) „Русская Старина“ 1887 г., № 2.

то и скучно. Точно какъ старый дядька нехотя мямлитъ въ сотый разъ сказку дѣтямъ, чтобы усыпить ихъ. Нѣкоторые и засыпали или, по крайней мѣрѣ, дремали подъ его однообразный, монотонный говоръ. Но всѣ слѣдившіе за непрерывной нитью его историческихъ разсказовъ, слушали съ глубокимъ интересомъ этотъ тонкій анализъ, въ которомъ самъ профессоръ никогда не приходилъ въ синтезу. Послѣдній возникалъ у слушателя самъ собою, по окончаніи лекціи или лекцій. Онъ принесетъ съ собой нѣсколько какихъ-то листковъ, клочковъ пергамента, книгу, лѣтопись какую-нибудь. Начнетъ съ подробности, мелочи и около нея опытной, твердой рукой начертитъ узоръ событія, подтвердитъ или опровергнетъ принятыя гипотезы и освѣтитъ эпоху со всѣхъ сторонъ».

Характеръ чтенія рѣзко измѣнялся только тогда, когда профессоръ касался какого-нибудь любимаго или спорнаго вопроса. Тогда, по словамъ Гончарова, «щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ, и глаза блистали сквозь очки, а въ голосѣ слышался задоръ прежняго редактора «Вѣстника Европы». Онъ мысленно видѣлъ передъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа». Такимъ же остался Каченовскій и до конца своего профессорства. «Любопытно было,—говоритъ С. М. Соловьевъ *),—видѣть этого маленькаго старичка съ пергаментнымъ лицомъ на каѳедрѣ: обыкновенно читалъ онъ медленно, однообразно, утомительно: но какъ скоро явится возможность подвергнуть сомнѣнію какой-нибудь памятникъ письменности славянъ или какое-нибудь извѣстіе,—старичокъ вдругъ оживится, и засверкаютъ подъ сѣдыми бровями каріе глаза, составлявшіе единственную красоту его невзрачнаго лица».

Будучи главнымъ представителемъ скептической школы въ русской исторіографіи, Каченовскій и въ своихъ лекціяхъ давалъ полную волю своему скептицизму. «Онъ терпѣть не могъ,—говоритъ Гончаровъ,—никакихъ миѳовъ въ исторіи и начиналъ лекціи русской исторіи съ Владиміра, предупредивъ насъ, что онъ не станетъ повторять басенъ, которыя мы слышали въ школѣ, напримѣръ, объ оригинальномъ мщеніи Ольги за смерть Игоря, о змѣѣ, ужалившей Олега, о кожаныхъ деньгахъ,—особенно о кожаныхъ деньгахъ»... Онъ отвергалъ также подлинность «Слова о полку Игоревомъ», считая его позднѣйшей подделкой. Вообще, «онъ отвергалъ участіе всякихъ сентиментовъ въ изученіи исторіи, а разнималъ ее холодной критикой, какъ анатомическимъ ножомъ трупъ. Мѣста священнымъ патріотическимъ чувствамъ въ наукѣ для него не было». Несмотря на все это, студенты, по словамъ Константина Аксакова **), не только боялись, но «любили и

*) „Русскій Вѣстникъ" 1896 г., № 2.
**) „День" 1862 г. №№ 39 и 40.

цѣнили» Каченовскаго «чуть ли не больше всѣхъ». «Молодость,—продолжаетъ Аксаковъ,—охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое самобытное мнѣніе—и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе во всѣхъ насъ».

Преклоняясь передъ ученостью Каченовскаго, студенты высоко цѣнили его и какъ человѣка. Одинъ только Свербѣевъ *) называетъ его «желчнымъ, пискливымъ, подозрительнымъ, завидливымъ, человѣконенавистнымъ скептикомъ». Другіе же слушатели Каченовскаго называютъ его «самымъ честнымъ», «строго-справедливымъ» и «благороднымъ человѣкомъ». Гончарову казалось, что Каченовскій былъ скептикомъ не только въ наукѣ, но и «во всемъ». Но скептицизмъ Каченовскаго, по свидѣтельству Соловьева, отражался въ его жизни только «мнительностью, крайней осторожностью, чрезмѣрнымъ страхомъ передъ отвѣтственностью: такъ, напримѣръ, онъ никогда не бралъ на домъ книгъ изъ университетской библіотеки, боясь, чтобы онѣ какъ-нибудь непредвидѣннымъ образомъ не пропали у него». Въ отношеніи же религіозномъ и политическомъ «не было человѣка болѣе консервативнаго».

Послѣдніе годы своей жизни, уже въ третій періодъ существованія московскаго университета, Каченовскій занималъ каѳедру славянскихъ нарѣчій и читалъ такой предметъ, «при разработкѣ котораго онъ, по словамъ Соловьева, не могъ доказать ученыхъ заслугъ ни по лѣтамъ, ни по приготовленію своему». Въ эти годы Каченовскій представлялъ самое печальное зрѣлище. На лекціи, говоритъ Буслаевъ **), «Каченовскій всякій разъ приносилъ съ собою Шафариковъ учебникъ, разлагалъ его на каѳедрѣ и старческимъ дряблымъ голосомъ, съ передышкою, подстрочно переводилъ нѣмецкую рѣчь на русскія слова. Монотонность такого чтенія съ неизбѣжными паузами, когда переводишь экспромтомъ, наводила на насъ томительную скуку, и тѣмъ больше потому, что намъ самимъ была хорошо знакома эта нѣмецкая книга; но мы терпѣли по необходимости и боялись отсутствовать на лекціи. Каченовскій и безъ того всегда отличался строгостью, а въ то время, будучи ректоромъ, требовалъ отъ насъ неукоснительнаго исполненія своихъ обязанностей, и для того выдалъ приказаніе, чтобъ передъ каждой его лекціей дежурный субъ-инспекторъ дѣлалъ намъ перекличку по списку и отмѣчалъ на немъ отсутствующихъ, для доклада ректору. Намъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ всѣмъ сполна приходить на лекцію, сидѣть смирно и для развлеченія каждому читать свою книгу». Но скромность студентовъ продолжалась не долго. Несмотря на все свое уваженіе къ прежнимъ заслугамъ Каченовскаго, не смотря на страхъ къ «взыскательному профессору и

*) „Воспоминанія о студенческой жизни». М. 1899.
**) „Мои воспоминанія“. М. 1897.

строгому ректору», студенты стали спасаться «отъ нестерпимой скуки разными потѣхами».

Кромѣ Мерзлякова и Каченовскаго, выдающимися профессорами словеснаго отдѣленія были Надеждинъ и отчасти Давыдовъ. Надеждинъ занималъ каѳедру теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи всего только четыре года (1831—1835), но оставилъ въ литературѣ воспоминаній очень яркій слѣдъ. Подъ именемъ археологіи онъ читалъ исторію искусствъ, начиная съ древней Индіи; теорію изящныхъ искусствъ онъ «начиналъ съ психологическаго анализа эстетическаго чувства и отсюда выводилъ идею изящнаго». Усмотрѣвъ у студентовъ «совершенное незнакомство съ правилами умозрѣнія», Надеждинъ выхлопоталъ разрѣшеніе читать лекціи по логикѣ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Такимъ образомъ молодому профессору (Надеждинъ родился въ 1804 г.) удалось до нѣкоторой степени замѣнить упраздненную въ 1826 году каѳедру философіи *).

Рѣдкій даръ слова и «привѣтливое гуманное обращеніе» сдѣлали Надеждина общимъ любимцемъ студентовъ и привлекали на его лекціи «толпы слушателей» изъ всѣхъ четырехъ факультетовъ. «Это былъ,—говоритъ Гончаровъ,—самый симпатичный и любезный человѣкъ въ обращеніи, и какъ профессоръ онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусства Греціи и Рима. Чего только не касался онъ въ своихъ импровизированныхъ лекціяхъ! Онъ читалъ на память, не привозя никакихъ записокъ съ собою. Память у него была изумительная. Онъ одинъ замѣнялъ десять профессоровъ. Излагая теорію изящныхъ искусствъ и археологію, онъ излагалъ и общую исторію Египта, Греціи и Рима. Говоря о памятникахъ архитектуры, о живописи, о скульптурѣ, наконецъ о творческихъ произведеніяхъ слова, онъ касался и исторіи философіи. Изливая горячо, почти страстно, передъ нами сокровища знанія, онъ училъ насъ и мастерскому владѣнію рѣчи. Записывая только однѣ его лекціи, можно было научиться чистому и изящному складу русскаго языка».

По свидѣтельству Лавдовскаго **), товарища Буслаева, «способъ выраженія Надеждинъ употреблялъ самый блестящій, языкъ самый яркій: неожиданныя сравненія, непредвидѣнныя антитезы, самыя смѣлыя метафоры, остроумныя сближенія языка ораторскаго и поэтическаго съ обыденною, простою рѣчью и т. д., все это восхищало, поражало, изумляло слушателя». Буслаевъ сравниваетъ «бойкую, рьяную,

*) См. автобіографію Надеждина („Русскій Вѣстникъ“ 1856 г., мартъ).

**) „Московскія Вѣдомости“ 1856 г., № 81. Цитировано по статьѣ Нила Попова: „Надеждинъ на службѣ въ Московскомъ университетѣ“ („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1880 г., № 1).

цвѣтистую и искрометную рѣчь» Надеждина съ горнымъ кипучимъ потокомъ. «Каждая лекція Надеждина,—говоритъ далѣе Лавдовскій,—представляла собою цѣлое, полное, замкнутое, стройное, прекрасное... Слушатель выходилъ съ его лекціи съ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинѣ его словъ. Несмотря на возвышенность своей философской теоріи въ эстетикѣ, онъ умѣлъ съ ясною и точною послѣдовательностью выводовъ излагать ее такъ, что всѣ понимали и принимали ее несомнѣнно. Начала, основанія своей теоріи представлялъ онъ съ такою осязательною отчетливостью и ясностью, что мудрено было ихъ не выразумѣть даже и лѣнивому и неповоротливому уму. Стройная и непреодолимая сила его доказательствъ, его діалектическое искусство могли приводить иногда къ мысли, что онъ способенъ убѣдить слушателя въ чемъ угодно».

Особенное краснорѣчіе проявилъ Надеждинъ въ сентябрѣ 1832 года при ревизіи Московскаго университета, когда онъ въ присутствіи Уварова объяснялъ идею безусловной красоты по Шеллингу. Изложеніе Надеждина было столь увлекательно, что «студенты, записывавшіе лекціи, по свидѣтельству Прозорова *), товарища Бѣлинскаго, бросили свои перья, чтобъ черезъ записыванье не проронить ни одного слова, и только смотрѣли на профессора, котораго глаза горѣли огнемъ вдохновенья; одушевленный голосъ сопровождался оживленностью физіономіи, живостью движеній, торжественностью самой позы; даже посторонніе посѣтители, вмѣсто тяжелой неподвижности, которую соблюдали на лекціяхъ другихъ профессоровъ, невольно обратились къ профессору и смотрѣли на него, какъ будто на оракула». Уваровъ былъ пораженъ краснорѣчіемъ Надеждина и, выходя изъ аудиторіи, по свидѣтельству Максимовича, сказалъ: «въ первый разъ вижу, чтобы человѣкъ, который такъ дурно пишетъ, могъ говорить такъ прекрасно». Блестящее краснорѣчіе Надеждина такъ увлекало слушателей, что лекціи его нерѣдко продолжались по истеченіи опредѣленнаго времени. «Однажды,—говоритъ Аксаковъ,—прочелъ онъ два часа слишкомъ, и студенты не напомнили ему, что срокъ его лекціи давно прошелъ».

Но блестящее изложеніе не всегда соединялось у Надеждина съ богатствомъ содержанія. Вслѣдствіе этого первоначальное увлеченіе краснорѣчіемъ профессора впослѣдствіи нѣсколько охладѣвало, но это охлажденіе все-таки не мѣшало съ пользой и удовольствіемъ слушать лекціи Надеждина даже наиболѣе развитымъ студентамъ. «Услышавъ умную, плавную рѣчь,—говоритъ К. Аксаковъ, —почуявъ, такъ сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требова-

---

*) Библіотека для Чтенія“ 1859 г., № 12.

ніямъ юношей: скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе, справедливо и строго оцѣнивъ Надеждина, студенты его любили и, уже не увлекаясь, охотно слушали его рѣчь». Въ числѣ студентовъ, чувствовавшихъ «бѣдность преподаванія» Надеждина, былъ и Станкевичъ, но и онъ, говоря о недостаткахъ любимаго профессора, по свидѣтельству Аксакова, «прибавлялъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими лекціями и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ». Тотъ же Аксаковъ говоритъ, что Надеждина любили за то еще, что онъ былъ очень деликатенъ со студентами, не требовалъ, чтобъ они ходили на лекціи, не выходили во время чтенія, и вообще не любилъ никакихъ полицейскихъ пріемовъ. «Это студенты очень цѣняли,—и, конечно, ни у кого не было такой тишины на лекціяхъ, какъ у Надеждина» *). Вообще, у Надеждина были всѣ данныя, чтобы сдѣлаться однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ профессоровъ московскаго университета въ третій періодъ его существованія; но, къ сожалѣнію, извѣстное письмо Чаадаева, напечатанное въ «Телескопѣ», навсегда устранило Надеждина отъ университетской каѳедры.

Давыдовъ состоялъ преподавателемъ въ московскомъ университетѣ цѣлыхъ тридцать лѣтъ (1817—1847) и читалъ лекціи по логикѣ, философіи, римской литературѣ, высшей алгебрѣ, пока, наконецъ, по смерти Мерзлякова, не занялъ его каѳедру.

Вначалѣ своей преподавательской дѣятельности Давыдовъ не чуждъ былъ идеалистическихъ порывовъ и подавалъ блестящія надежды. Въ двадцатыхъ годахъ, по свидѣтельству Галахова и Максимовича, онъ былъ «оракуломъ словеснаго отдѣленія, затмевалъ самого Мерзлякова и пользовался такою же популярностью, какая впослѣдствіи выпала на долю Грановскаго и Кудрявцева. Въ 1826 году Давыдовъ даже пострадалъ за свои философскіе взгляды. Когда онъ въ присутствіи флигель-адъютанта гр. Строганова, впослѣдствіи попечителя московскаго учебнаго округа, прочелъ вступительную лекцію «О возможности философіи, какъ науки», каѳедра философіи была закрыта, и лекторъ попалъ въ разрядъ «самыхъ отважныхъ якобинцевъ». Послѣ этого печальнаго инцидента Давыдовъ, поражавшій студентовъ, по словамъ Морошкина, «стремленіемъ къ выспреннимъ началамъ вѣдѣнія», сталъ спускаться все ниже и ниже, пока не превратился въ самаго беззастѣнчиваго ловца земныхъ почестей и отличій.

Если студенты двадцатыхъ годовъ сохранили о Давыдовѣ хорошія воспоминанія, то студенты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ представляютъ намъ его въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Наиболѣе

---

*) „Воспоминанія студентства 1832—1835 годовъ“ („День“ 1862 года, №№ 39 и 40.

полную и въ то же время наиболѣе мрачную характеристику Давыдова оставилъ намъ С. М. Соловьевъ, отзывы котораго подтверждаются и другими свидѣтельствами. По словамъ знаменитаго историка, Давыдовъ «былъ человѣкъ безспорно очень даровитый, способный къ многосторонней дѣятельности, могшій принести большую пользу наукѣ, если бы посвятилъ ей всего себя. Но онъ посвятилъ всего себя удовлетворенію одной страсти—честолюбія и честолюбія самаго мелкаго. Мало того, что, думая, хлопоча только о почестяхъ, онъ пренебрегъ наукою, скоро сдѣлался ученымъ отставшимъ, онъ продалъ дьяволу свою душу, ибо для достиженія почестей считалъ всѣ средства позволенными: нипочемъ было ему очернить человѣка, загораживавшаго ему дорогу, погубить его въ общественномъ мнѣніи, нипочемъ было ему унизиться до самой невообразимой лести передъ человѣкомъ сильнымъ и передъ лакеями человѣка сильнаго. Не обращая никакого вниманія на умственныя и нравственныя достоинства человѣка, онъ уважалъ только людей сильныхъ, могущихъ быть ему полезными или вредными. Не имѣя ни вѣры, ни совѣсти, этотъ человѣкъ, смотря по надобности, притворялся самымъ благочестивымъ: равнодушный къ вѣрѣ съ равнодушнымъ къ ней министромъ Уваровымъ, онъ благоговѣйно молился на колѣняхъ съ набожнымъ министромъ Ширинскимъ-Шихматовымъ. Однажды ему нужно было снискать благосклонность нѣкоторыхъ богомольныхъ барынь; вотъ онъ явился въ ихъ общество; ходя по комнатѣ, пошелъ въ карманъ за платкомъ и, какъ будто не нарочно, выронилъ изъ кармана маленькую книжку. Ему ее подняли, и любопытная барыня спросила, что это за карманная книжка у профессора; оказалось, что это Ѳомы Кемпійскаго о подражаніи Христу!» *).

«Жалкое зрѣлище,—продолжаетъ Соловьевъ,—представлялъ изъ себя Давыдовъ, когда ждалъ чина или ордена, безпокойство и волненіе его не имѣли границъ. Даже узнавъ, что представленіе подписано императоромъ, онъ не могъ успокоиться, спрашивалъ, не можетъ ли случиться, что курьера, везущаго орденъ или чинъ, постигло какое-нибудь несчастье на дорогѣ, и не можетъ ли этотъ случай отдалить новое представленіе на неопредѣленное время; не бывало ли тому прежде примѣровъ? Получивъ звѣзду Станислава, Давыдовъ не постыдился объявить, что высшіе ордена производятъ удивительное вліяніе, что онъ чувствуетъ себя нравственно лучше, выше, получивъ звѣзду. Получивъ орденъ Владиміра 2-й степени, онъ встрѣтился съ профессоромъ Никитенко и началъ внушать ему, что во всей Россіи чрезвычайно мало людей, которые имѣли бы владимирскую звѣзду въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника».

*) О низкопоклонничествѣ Давыдова разсказываютъ, что онъ увѣрялъ четырехъ сановныхъ Сергіевъ (графовъ Уварова и Строганова, князей Голицына и Гагарина), каждаго, конечно, порознь, что именно въ честь его-то онъ и назвалъ своего сына Сергѣемъ.

Съ непомѣрнымъ честолюбіемъ у Давыдова соединялось и корыстолюбіе, доводившее его до взяточничества и казнокрадства. По словамъ Соловьева, «онъ сильно пользовался казеннымъ добромъ, когда былъ инспекторомъ университетскаго пансіона, любилъ брать и отъ студентовъ, т.-е отъ ихъ родителей, богатые подарки въ благодарность за покровительство сынкамъ... Крайне вредно было его деканство тѣмъ, что онъ, изъ низкихъ видовъ, явно оказывалъ поблажку студентамъ, отецкимъ дѣтямъ, выводилъ ихъ, давалъ высшіе баллы, высшія степени не по достоинству, въ предосужденіе другимъ, болѣе достойнымъ, но отъ которыхъ деканъ не надѣялся получить ничего». Кромѣ того, Давыдовъ отличался крайней мстительностью. «Пресмыкаясь передъ сильными—говоритъ Соловьевъ,—онъ требовалъ пресмыкательства предъ собою отъ всѣхъ, кто былъ ниже, слабѣе его, и горе человѣку, въ которомъ онъ заподозрилъ чувства враждебныя къ себѣ или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ раболѣпства».

Понятно, что такой нравственный монстръ не былъ любимъ своими коллегами, которые приписывали ему «всѣ интриги» въ университетѣ. Не даромъ даже Погодинъ осыпаетъ Давыдова въ своемъ дневникѣ непечатной руганью.

Какъ преподаватель словесности, Давыдовъ также не оставилъ хорошихъ воспоминаній. Съ лекцій Давыдова, по словамъ Гончарова, слушатели не выносили «ничего особенно вѣскаго, замѣчательнаго, кромѣ болѣе или менѣе красивыхъ фразъ, сквозь которыя видѣлась нагота мысли и содержанія».

Въ послѣднее десятилѣтіе своей профессорской дѣятельности въ московскомъ университетѣ Давыдовъ въ своихъ лекціяхъ ограничивался пересказомъ изданныхъ имъ «Чтеній о словесности». «Но Давыдову,—говоритъ Соловьевъ,—не хотѣлось читать слово въ слово по книгѣ, и потому онъ прибѣгалъ къ средству, возможному только для него, именно цѣлый годъ переливать изъ пустого въ порожнее. Вся лекція состояла изъ набора словъ для выраженія извѣстнаго и преизвѣстнаго уже: студенты слушали сначала со вниманіемъ, ожидая, что же выйдетъ; подъ конецъ ничего не выходило, и потому курсу Давыдова дали названіе: *Ничто о ничемъ, или теорія краснорѣчія*».

Само собой разумѣется, что студенты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ относились къ Давыдову съ явной антипатіей, несмотря на всю его вѣжливость и даже популярничанье. Наиболѣе яркимъ проявленіемъ этой антипатіи явились сохраненные въ воспоминаніяхъ К. Аксакова слѣдующіе стихи Клюшникова, которые представляютъ прекрасный pendant къ отзывамъ Соловьева:

„Въ немъ грудь полна стяжанья мукой,
Полна разсчетовъ голова,
И тащится онъ за наукой,
Какъ за Минервою сова.

—

Сквернитъ своимъ прикосновеньемъ
Науку Божію педантъ.
Такъ школьникъ тѣшится обѣдней,
Такъ негодяй оффиціантъ
Ломаетъ барина въ передней.

—

Учитель нашъ былъ истинный педантъ,
Сорокоумъ,—дай Богъ ему здоровья!
Манеры важныя,—что твой оффиціантъ,
А голосъ, что мычаніе коровье.
Къ тому жъ талантъ, рѣшительный талантъ,
Нѣтъ мало,—даже геній пустословья:
Бывало, онъ часа три говоритъ
О томъ, кто постигаетъ, кто творитъ" *).

IV.

Изъ профессоровъ-юристовъ студенческія воспоминанія особенно часто говорятъ о Сандуновѣ, занимавшемъ каѳедру русскаго гражданскаго и уголовнаго судопроизводства болѣе двадцати лѣтъ (1811—1832). Сдѣлавшись профессоромъ изъ оберъ-секретарей сената, не обладавшій научной подготовкой и даже не признававшій никакой науки права, Сандуновъ велъ дѣло преподаванія приблизительно такимъ же образомъ, какъ его предшественникъ и учитель Горюшкинъ. «Лекція Сандунова,—говоритъ проф. Морошкинъ **),—обыкновенно начиналась чтеніемъ журнала прошедшаго засѣданія аудиторіи дежурнымъ протоколистомъ изъ студентовъ съ прописаніемъ, кто явился поздно въ засѣданіе и кого вовсе не было. Журналъ подписывался профессоромъ, какъ предсѣдателемъ присутствія, скрѣплялся секретаремъ класса и дежурнымъ протоколистомъ. Засимъ выдвигался на средину аудиторіи *налой*, выходилъ къ нему дежурный студентъ съ вновь вышедшими «Сенатскими Вѣдомостями» и читалъ заранѣе профессоромъ отмѣченныя узаконенія. Сандуновъ спрашивалъ студента по выбору, въ чемъ заключается сущность и разумъ закона, къ какому разряду законовъ относится, и какъ онъ подходитъ къ прежнимъ законамъ, по тому же предмету изданнымъ. По разрѣшеніи сихъ вопросовъ дежурный студентъ читалъ слѣдующее узаконеніе».

По прочтеніи «Сенатскихъ Вѣдомостей» происходилъ примѣрный разборъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Для этой цѣли изъ студентовъ были составляемы присутственныя мѣста въ полномъ составѣ,

*) О Давыдовѣ см. сборникъ проф. Боброва „Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка", т. II. Чтобы покончить съ болѣе или менѣе выдающимися профессорами словеснаго отдѣленія, слѣдовало бы привести отзывы студентовъ о Погодинѣ и Шевыревѣ, но ихъ профессорская дѣятельность принадлежитъ, главнымъ образомъ, третьему періоду, а потому рѣчь о нихъ впереди.

**) Біограф. словарь Московскаго университета.

съ канцеляріями и архивами. При этомъ должности, начиная съ губернаторовъ и кончая писцами, распредѣлялись сообразно знаніямъ и способностямъ студентовъ. «Трудно себѣ представить теперь,—говоритъ Свербѣевъ,—съ какой охотой, съ какимъ возбужденіемъ, скажу, съ какою юною запальчивостью происходили наши представленія, въ которыхъ главныя роли разыгрывались бойкими студентами и страстными повѣренными тяжущихся сторонъ. Подумаешь, что каждый боялся проиграть въ своемъ процессѣ цѣлое состояніе». Самъ Сандуновъ «раздувалъ пламя состязаній», но умѣлъ поддерживать самую строгую дисциплину, потому что студенты его боялись и «едва переводили духъ», когда профессоръ былъ сердитъ. Въ большинствѣ случаевъ «распоряженія профессора,—говоритъ Морошкинъ,—были столь наглядны и серьезны, что, при первомъ взглядѣ, аудиторія казалась истиннымъ судилищемъ геліастовъ». Но бывало, по свидѣтельству Костенецкаго, и такъ, что «истецъ, напримѣръ, все тянетъ ὁ, ὁ, ὁ, отвѣтчикъ прыскаетъ и давится, судья картавитъ и гримасничаетъ, секретарь сюсюкаетъ», а студенты смотрятъ на все это, какъ на шутку и забаву, и «надрываютъ животики».

«Очевидно,—говоритъ Морошкинъ,—что метода Сандунова не подвигала науку впередъ, а приготовляла для службы судей, секретарей и стряпчихъ. Онъ понималъ науку, какъ законоискусство». Науку же права онъ отвергалъ и, по словамъ Свербѣева, «при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ къ ней свое презрѣніе». Римскаго права, по свидѣтельству Погодина, онъ терпѣть не могъ и проф. Цвѣтаева, преподававшаго это право, называлъ «римскою попадьею». Само собою разумѣется, что студенты практическаго смысла и направленія были вполнѣ довольны своеобразнымъ преподаваніемъ Сандунова и находили, что у него «все было заманчиво, живо, весело». Свербѣевъ съ благодарностью говоритъ о Сандуновѣ, что, благодаря его урокамъ, онъ научился подкрѣплять свои помѣщичьи права законами, могъ составлять дѣловыя бумаги и обходиться, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, безъ помощи приказныхъ и стряпчихъ. Что касается студентовъ, «чающихъ науки отъ каѳедры законовѣдѣнія», то они, по выраженію Морошкина, стояли отъ Сандунова «далече». Да и самъ профессоръ не любилъ такихъ студентовъ. Прежде всего онъ требовалъ, чтобы они отреклись отъ того, что онъ называлъ «фантасмагоріей и всякимъ пустолюбіемъ». Такъ называемыхъ «высшихъ взглядовъ» онъ не терпѣлъ, презрительно называя ихъ «широковѣщательными теоріями» и метафизикой. Равно не терпѣлъ Сандуновъ и краснорѣчія. Его теорія судебнаго краснорѣчія, по словамъ Морошкина, заключалась въ словахъ: «надобно говорить дѣло и больше ничего». Замѣтивъ у какого-нибудь студента наклонность къ краснорѣчію и высшимъ взглядамъ, Сандуновъ посылалъ его въ словесный факультетъ, говоря: «Ты здѣсь не годишься, шелъ бы ты, батенька, въ стихотворцы».

Сандуновъ, по словамъ Свербѣева, «былъ человѣкъ необыкновенной остроты ума, рѣзкій, энергичный, не подчиняющійся никакимъ приличіямъ (впрочемъ, до извѣстной черты осторожнаго благоразумія), безцеремонный и иногда бранчивый со студентами». Ни богатство, ни знатность не спасали студента отъ самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ профессора. Съ его остраго языка то и дѣло слетали фразы вродѣ такихъ: «гдѣ хвостъ—начало, тамъ голова—мочало», «обычай у тебя бычій, а умъ телячій», «на антресоляхъ-то у тебя, батенька, видно маловато», «бороду брѣешь, а читать не умѣешь», «и борода выросла, а ума не вынесла», «шалопай ты, даромъ что дворянинъ» и т. п. Несмотря на подобныя выходки, студенты уважали и любили Сандунова, а одобреніе его цѣнили такъ высоко, что «о каждомъ ласковомъ словѣ его, по свидѣтельству Ляликова, цѣлыя недѣли толковали».

Студенты, «чающіе науки», не могли получить ея отъ Сандунова; недостаточно удовлетворялъ ихъ въ этомъ отношеніи и Левъ Цвѣтаевъ, преподававшій «теорію законовъ» и римское право въ теченіе всего второго періода (1805—1835). По свидѣтельству его ученика и преемника, Никиты Крылова, Цвѣтаевъ обладалъ «самымъ вѣрнымъ юридическимъ тактомъ», но лекціи его не для всѣхъ были интересны и доступны. «Старѣйшіе и прилежнѣйшіе изъ студентовъ-юристовъ—говоритъ Свербѣевъ—съ уваженіемъ отзывались о лекціяхъ строгаго и дѣльнаго... Цвѣтаева, но для меня онъ оставался всегда недоступнымъ, и я рѣдко надоѣдалъ ему и себѣ посѣщеніемъ этихъ лекцій». По словамъ Сафоновича, Цвѣтаевъ былъ «сухой и непріятный профессоръ, говорившій вяло и наводившій на слушателей сонъ». Костенецкій также отзывается о лекціяхъ Цвѣтаева неодобрительно. Но будучи недовольны лекціями Цвѣтаева, студенты уважали въ немъ серьезнаго ученаго. «Мы уважали эту спокойную и всегда важную личность,—говоритъ Костенецкій,—и никогда никакой шумъ не прерывалъ его монотонныхъ и усыпительныхъ лекцій». А въ двадцатыхъ годахъ студенты, по свидѣтельству Ляликова, даже любили Цвѣтаева и помогали ему снимать и надѣвать верхнее платье.

Словесники гордились Мерзляковымъ, юристы — Сандуновымъ, а медики—проф. Мудровымъ, занимавшимъ каѳедру патологіи и терапіи болѣе двадцати лѣтъ (1809—1831). Когда Пироговъ поступилъ въ московскій университетъ (а это было въ 1824 году), студенты говорили про Мудрова: «Да, Матвѣй Яковлевичъ молодецъ, геній! Чудо, не профессоръ. Читаетъ божественно!» Но воспоминанія самого Пирогова не подтверждаютъ такихъ отзывовъ. Мудровъ, по словамъ Пирогова, не принадлежалъ къ тѣмъ профессорамъ, которые «читали лекціи по руководствамъ 1750-хъ годовъ», но зато у него была «горячность и пристрастность къ новаторству» и на старости лѣтъ изъ

броуниста онъ сдѣлался отчаяннымъ бруссэистомъ *). Лекціи онъ читалъ «черезъ пень въ колоду, останавливаясь исключительно только на новомъ ученіи о горячкахъ». Пирогову Мудровъ принесъ много пользы тѣмъ, что постоянно толковалъ о необходимости учиться патологической анатоміи и вскрывать трупы, но самъ онъ никакихъ вскрытій не производилъ, а когда однажды студентъ началъ вскрывать кишку, Мудровъ «убѣжалъ на самую верхнюю ступень анатомическаго театра... и въ извиненіе своего бѣгства отъ патологической анатоміи приводилъ только: «я-де старъ, мнѣ не по силамъ нюхать вонь». Не будучи въ состояніи излагать свою науку во всемъ ея объемѣ, Мудровъ часто не зналъ, чѣмъ заполнить свои лекціи. Въ такихъ случаяхъ онъ убивалъ время насмѣшками надъ броунизмомъ, чтеніями о добродѣтеляхъ врача, истолкованіемъ притчи Гиппократа и т. п. А однажды, по словамъ Пирогова, бо́льшая половина лекціи состояла въ томъ, что профессоръ заставилъ какого-то провинившагося кутилу-студента изъ семинаристовъ читать молитву на Троицынъ день.

Какъ человѣкъ, Мудровъ получилъ очень не лестную характеристику въ воспоминаніяхъ Третьякова, бывшаго при попечителѣ князѣ Оболенскомъ правителемъ канцеляріи. Третьяковъ называетъ Мудрова «хитрымъ масономъ, льстивымъ, лицемѣрнымъ, искательнымъ, готовымъ пожертвовать всѣмъ для свое честолюбія». Но воспоминанія московскихъ студентовъ представляютъ намъ Мудрова въ совершенно иномъ свѣтѣ. Правда, Мудровъ выдавался своей религіозностью, которая могла даже показаться утрированной и дѣланной. Такъ, въ больничномъ корпусѣ, гдѣ жили одно время студенты-медики, по распоряженію Мудрова, «во всѣхъ корридорахъ на стѣнахъ были вылѣплены изъ алебастра кресты» (Ляликовъ). При входѣ въ клинику Мудрова были написаны слова: «Medice, cura te ipsum». Въ пріемной Мудрова висѣла таблица за стекломъ съ указаніемъ, какимъ святымъ и отъ какой болѣзни надо служить молебны. Проѣзжая мимо церкви во время службы, Мудровъ выходилъ изъ кареты, покупалъ рублевую свѣчу, протискивался впередъ, ставилъ свѣчу передъ иконостасомъ, клалъ земные поклоны и ѣхалъ дальше по своимъ дѣламъ. Но Мудровъ не ограничивался такой религіозностью. «Всѣ недостаточные и бѣдные люди,—говоритъ ученикъ его профессоръ Страховъ въ «Біографическомъ словарѣ»,—имѣли къ нему свободный доступъ, пользовались его совѣтами безъ всякой тѣни возмездія; онъ былъ не лѣнивъ посѣщать и бѣдняковъ, и сплошь да рядомъ, вмѣсто полученія платы за визитъ, самъ ссужалъ больныхъ деньгами на чай, вино и лѣкарства». Въ домѣ

*) Англичанинъ Броунъ и французъ Бруссэ—основатели двухъ медицинскихъ системъ, названныхъ ихъ именами.

своемъ онъ воспитывалъ нѣсколькихъ сиротъ и не терпѣлъ ни малѣйшей жестокости по отношенію къ животнымъ. Онъ приказывалъ кормить даже чужихъ собакъ и кошекъ; возставалъ противъ мышеловокъ и отравъ, говоря о мышахъ и крысахъ: «и онѣ твореніе рукъ Божіихъ, помѣстьевъ не имѣютъ, жалованья не получаютъ, надо же имъ питаться» и т. д.

Вообще, Мудровъ былъ большой чудакъ какъ въ частной жизни, такъ и въ отношеніи къ студентамъ. Кабинетъ Мудрова, по словамъ Страхова, имѣлъ бревенчатыя стѣны и волоковое окно вмѣсто форточки, чтобы напоминать профессору родительскую избушку. Завтракомъ ему служила нерѣдко чашка отвара черносмородиновыхъ листьевъ и пятикопеечная просфора, поднесенная какимъ-нибудь бѣднякомъ вмѣсто гонорара. Какъ истый бруссэистъ, признававшій главнымъ лечебнымъ средствомъ кровопусканіе, Мудровъ носилъ на перстнѣ печать съ изображеніемъ піавки. А вотъ напутствіе, которымъ Мудровъ, по свидѣтельству Страхова, снабжалъ молодыхъ людей: «Ступай, душа, будь скроменъ, не объѣдайся мясищемъ, не пей винища и пивища, бѣгай отъ картишекъ, будь покоренъ начальству, люби свое дѣло, свою науку, люби службу государеву, и будешь счастливъ и почтенъ». Слѣдуетъ еще прибавить, что Мудровъ писалъ и прекурьезные стихи, въ которыхъ не было ни размѣра, ни риѳмы *).

Другой «знаменитостью» медицинскаго отдѣленія изъ числа русскихъ профессоровъ былъ Мухинъ, занимавшій каѳедру анатоміи и физіологіи въ 1814—1835 годахъ. По свидѣтельству его ученика профессора Армфельдта («Біографическій словарь»), Мухинъ отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и рѣдкой аккуратностью. Имѣя громадную практику во всѣхъ концахъ Москвы, онъ не пропускалъ ни одной лекціи, ни одного диспута, ни одного экзамена, ни одного засѣданія въ университетѣ. Но какъ профессоръ, онъ стоялъ ниже Мудрова. Его лекціи, по словамъ Армфельдта, были очень живы и интересны, такъ какъ приправлялись анекдотами и «краснымъ словцомъ», но эти лекціи не представляли систематическаго изложенія науки и «гораздо болѣе походили на свободную бесѣду о различнѣйшихъ медицинскихъ предметахъ». «Лекціи Мухина для меня,—говоритъ Пироговъ,—тѣмъ достопамятны, что я, посѣщая ихъ аккуратно въ теченіе 4-хъ лѣтъ, ни разу не усомнился въ глубокомысліи наставника, хотя и ни разу не могъ дать себѣ отчета, выходя съ лекціи, о чемъ собственно читалось; это я приписывалъ собственному невѣжеству и слабой подготовкѣ. Только впослѣдствіи, пріѣхавъ въ Москву на время, послѣ окончанія курса въ Дерптѣ, и нарочно сходивъ на лекцію Мухина, я убѣдился въ моей невинности. Я слушалъ цѣлую лекцію съ большимъ вниманіемъ, не пропустивъ ни слова, и къ концу ея все-таки потерялъ

---

*) См., напримѣръ, „Русскій Архивъ“ 1903 г. Кн. I, стр. 435.

нить, такъ что потомъ никакъ не могъ дать себѣ отчета, какимъ образомъ Ефремъ Осиповичъ, начавъ лекцію изложеніемъ свойствъ и проявленій жизненной силы, ухитрился перейти подъ конецъ къ «малинѣ, которую мы, съ такимъ аппетитомъ, въ лѣтнее время кушаемъ со сливками». Пропускаю другой приведенный имъ примѣръ «о букашкѣ, встрѣчаемой иногда нами на кусочкѣ льда, которая, отогрѣвшись на солнцѣ, улетаетъ, съ хрустальнаго льда, воспѣвая хвалу Богу»,—пропускаю потому, что догадываюсь о связи жизненной силы съ оттаявшею букашкою въ этомъ примѣрѣ».

Какъ человѣкъ, Мухинъ отличался добрымъ сердцемъ. По свидѣтельству Армфельдта, онъ часто оказывалъ студентамъ матеріальную помощь, а однажды отказался отъ профессорскаго жалованья въ пользу четырехъ докторантовъ, не имѣвшихъ средствъ для дальнѣйшаго образованія. Но этотъ добрый человѣкъ отличался «чрезмѣрнымъ тщеславіемъ», которое доходило до смѣшного. «Не было такой грубой лести,—говоритъ Галаховъ,—которую бы онъ не принялъ съ удовольствіемъ». Лекаря въ своихъ докторскихъ диссертаціяхъ старались играть на этой слабой струнѣ профессора и кстати и некстати ссылались на его сочиненія. Одинъ изъ докторантовъ даже къ словамъ: «человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души» сдѣлалъ примѣчаніе съ ссылкой на сочиненіе «дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Е. О. Мухина».

На экзаменахъ у Мухина «лучшій способъ получить хорошую отмѣтку — по свидѣтельству гр. М. В. Толстого, — состоялъ въ томъ, чтобы какъ можно чаще повторять «ваше превосходительство». Другимъ недостаткомъ Мухина было крайне враждебное отношеніе его къ нѣмцамъ, какъ профессорамъ, такъ и студентамъ. На перекличкахъ происходили такія сцены. Когда Мухинъ вызывалъ студента съ нѣмецкой фамиліей, ему нарочно кричали: его нѣтъ, его нѣтъ! «Тогда старикъ,—говоритъ гр. Толстой—начиналъ обычную свою рѣчь: «вообще, такъ сказать, эти нѣмцы, иноземцы, чуждыхъ странъ урожденцы, пришельцы, бѣглецы, проходимцы, наукою не занимаются, латинскаго языка не знаютъ, нашего отечественнаго языка не понимаютъ, не разумѣютъ, знать не хотятъ, лекцій не слушаютъ, профессоровъ не уважаютъ; изъ нихъ выходятъ неучи, лѣчцы, знахари, коновалы, вообще сказать, вредные невѣжды и негодяи» и т. д.

Болѣе замѣчательнымъ профессоромъ медицинскаго отдѣленія былъ Дядьковскій, занимавшій каѳедру Мудрова. По словамъ проф. Глѣбова въ «Біографическомъ словарѣ», это былъ необыкновенно трудолюбивый, любознательный и разносторонне образованный человѣкъ, изучившій въ зрѣломъ возрастѣ четыре новыхъ языка. Его лекціи, научныя, краснорѣчивыя и логичныя, часто продолжались часа по четыре и рѣдко менѣе трехъ часовъ. Къ студентамъ Дядьковскій относился, какъ «добрый и умный отецъ къ своимъ дѣтямъ», а уми-

рая все свое имущество онъ завѣщалъ на пособія бѣднымъ семинаристамъ. Къ сожалѣнію, профессорская дѣятельность Дядьковскаго въ московскомъ университетѣ продолжалась только три года. Въ 1835 году онъ былъ лишенъ каѳедры вслѣдствіе обвиненія его въ кощунствѣ надъ православной религіей. Поводомъ же къ этому обвиненію послужило то обстоятельство, что на одной лекціи, говоря о гніеніи труповъ, онъ объяснилъ, что въ нѣкоторыхъ слояхъ земли и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, между прочимъ въ Березовѣ, трупы не подвергаются разложенію, а превращаются въ муміи. Къ этому объясненію профессоръ неосторожно прибавилъ, что такія муміи могутъ быть иными признаны за нетлѣнныя мощи какого-нибудь угодника. Но это обвиненіе въ кощунствѣ было только предлогомъ, истинной же причиной удаленія Дядьковскаго была его вражда съ нѣмецкими профессорами.

«Звѣздою» физико-математическаго отдѣленія былъ Павловъ, преподававшій минералогію, физику и сельское хозяйство въ теченіе двадцати лѣтъ (1820—1840). По словамъ Галахова *), «усиленное стремленіе московскаго юношества къ болѣе серьезному образованію ведетъ свое начало... съ двадцатыхъ годовъ, когда проф. М. Г. Павловъ... открылъ свои лекціи сельскаго хозяйства и минералогіи. Онъ первый далъ студентамъ понятіе о господствовавшей въ то время философіи Шеллинга или, точнѣе, о примѣненіи этой философіи къ естествовѣдѣнію... Океномъ. Новизна взглядовъ, мастерство изложенія въ логическомъ и систематическомъ отношеніяхъ сильно дѣйствовали на слушателей и, кромѣ того, привлекали въ университетъ постороннюю любознательную молодежь изъ наиболѣе просвѣщенныхъ семействъ высшаго московскаго общества». Своими лекціями и личностью Павловъ производилъ на студентовъ не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ впослѣдствіи Грановскій. «Когда онъ занималъ свое мѣсто,—говоритъ Галаховъ **),—полная тишина водворялась въ аудиторіи, несмотря на многочисленность студентовъ, стекавшихся изъ разныхъ факультетовъ, и уже ничѣмъ не нарушалась въ теченіе цѣлаго часа. Каждый съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдилъ за мыслями профессора въ прекрасно-научномъ ихъ изложеніи».

Слова Галахова находятъ подтвержденіе и въ воспоминаніяхъ другихъ слушателей Павлова, напримѣръ, въ краткихъ, но сочувственныхъ отзывахъ Максимовича и Щуровскаго ***), которые также говорятъ, что лекціи Павлова, отличаясь рѣдкой логичностью и художественностью, «питали новой жизнью» молодые умы студентовъ. Съ

---

*) „Историческій Вѣстникъ“ 1892 г., № 1.

**) „Русскій Вѣстникъ“ 1876 г., № 11.

***) „Біографическій словарь“. Автобіографія Максимовича полнѣе въ „Кіевской Старинѣ“ 1904 г., № 10.

особеннымъ восторгомъ говоритъ о лекціяхъ Павлова Костенецкій, учившійся на юридическомъ факультетѣ. По его словамъ, «это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ. Онъ имѣлъ удивительный даръ излагать лекцію ясно, въ высшей степени логично, безъ всякихъ краснорѣчивыхъ или напыщенныхъ фразъ, но просто и вразумительно до невѣроятности». «Я слушалъ Павлова три года,—говоритъ Костенецкій дальше,—не пропуская ни одной его лекціи... и этимъ лекціямъ я впервые былъ обязанъ не столько физическими свѣдѣніями, какъ вообще философскими идеями, почти началомъ моего умственнаго развитія... Когда я прослушалъ первую лекцію Павлова, то я былъ необыкновенно пораженъ, какъ будто какая-то завѣса спала съ ума моего, и въ головѣ моей засіялъ новый свѣтъ. Передо мною открылся новый міръ идей, новый взглядъ на науки... однимъ словомъ, въ первый разъ пробудилось мое мышленіе, и я увидѣлъ раскрывшуюся передо мною перспективу философскихъ понятій, которая такъ понравилась моему юному уму».

Слѣдуетъ, впрочемъ отмѣтить, что лекціи Павлова не чужды были и существенныхъ недостатковъ. Онѣ развивали, по словамъ Галахова, «гордое довольство» одними началами и выводами и пренебреженіе къ фактическому изученію предмета. Увлеченіе философскими теоріями и пренебреженіе къ фактамъ доходило у Павлова до того, что «въ теченіе всего курса мы,—говоритъ Галаховъ,—не посѣщали минералогическаго кабинета и не видали ни одного камня». Но и за вычетомъ всѣхъ этихъ невыгодъ оставался все-таки «такой цѣнный остатокъ, за который имя Павлова, по словамъ Галахова, возбуждало... живое чувство уваженія и благодарности».

Среди другихъ профессоровъ физико-математическаго факультета были люди почтенные и даже ученые, напримѣръ, астрономъ Перевощиковъ, физикъ и ботаникъ Двигубскій, математикъ Щепкинъ, но они не имѣли и десятой доли той популярности, какая выпала на долю Павлова; и Двигубскій вовсе не пользовался расположеніемъ студентовъ. Его преподаваніе физики, особенно послѣ Страхова и по сравненію съ лекціями Павлова, по свидѣтельству Галахова, было «крайне слабо и крайне утомительно». Лекціи его, по словамъ Максимовича, «тянулись усыпительно и вяло». Чтеніе, правда, сопровождалось опытами, но опыты рѣдко удавались. Двигубскій выдавался также грубостью своего обращенія, особенно когда онъ былъ ректоромъ въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Отъ его грубости страдали не только студенты, но даже и адъюнкты. Максимовичъ въ своей автобіографіи разсказываетъ, какъ Двигубскій явился на его лекцію послѣ посѣщенія университета министромъ кн. Ливеномъ и началъ при студентахъ говорить: «чему вы ихъ учите! они ничего не знаютъ у васъ! читайте-ка, я послушаю, какъ вы преподаете»! Но этимъ дѣло не кончилось. «Вдругъ онъ,—говоритъ Максимовичъ,—при какомъ-то

сказанномъ мною ботаническомъ терминѣ заговорилъ: «къ чему всѣ эти нововведенія!.. все это вздоръ».—«Это изъ вашей ботаники»,—сказалъ я со смиреніемъ такъ, что студенты захохотали» *).

Часто встрѣчается въ литературѣ воспоминаній и Прокоповичъ-Антонскій, преподававшій сельское хозяйство и минералогію до Павлова. Но хорошо отзываются о немъ только бывшіе воспитанники благороднаго пансіона при московскомъ университетѣ, гдѣ Антонскій долгое время состоялъ директоромъ. Но будучи хорошимъ директоромъ пансіона, Антонскій былъ плохимъ профессоромъ. По свидѣтельству Свербѣева, онъ очень рѣдко приходилъ на лекціи и оставался на каѳедрѣ «по четверти часа».

Кромѣ русскихъ профессоровъ, въ Московскомъ университетѣ во второй періодъ его существованія было не мало и нѣмцевъ, особенно вначалѣ. Въ 1805—1807 годы мы находимъ до пятнадцати профессоровъ съ нѣмецкими фамиліями. Къ 1812 году число профессоровъ-нѣмцевъ сократилось, а въ 1815 году послѣдовало распоряженіе замѣщать вакантныя каѳедры исключительно русскими. Распоряженіе это не было исполняемо буквально, и въ отдѣльныхъ случаяхъ назначались профессорами русскіе нѣмцы и даже иностранцы, но, въ общемъ, нерусскій элементъ къ концу періода значительно сократился. Что касается взаимныхъ отношеній русскихъ и иностранныхъ профессоровъ Московскаго университета, а также ихъ сравнительныхъ достоинствъ, то Герценъ посвятилъ этимъ вопросамъ слѣдующія остроумныя и недалекія отъ истины строки: «Профессора составляли два стана или слоя, мирно ненавидѣвшіе другъ друга. Одинъ состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ, другой — изъ не-нѣмцевъ. Нѣмцы, въ числѣ которыхъ были люди добрые и ученые, какъ Лодеръ, Фишеръ, Гильдебрандтъ и самъ Геймъ, вообще отличались незнаніемъ и нежеланіемъ знать русскій языкъ, хладнокровіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго кліентизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и огромнымъ количествомъ крестовъ, которыхъ они никогда не снимали. Не-нѣмцы, съ своей стороны, не знали ни одного (живого) языка кромѣ русскаго, были отечественно раболѣпны, семинарски неуклюжи, держались за исключеніемъ Мерзлякова въ черномъ тѣлѣ и вмѣсто неумѣреннаго употребленія сигаръ, употребляли неумѣренно настойку. Нѣмцы были больше изъ Геттингена, не-нѣмцы—изъ поповскихъ дѣтей».

Кромѣ упомянутыхъ Герценомъ Лодера, Фишера, Гильдебрандта и Гейма, въ литературѣ воспоминаній о Московскомъ университетѣ второго

*) Въ воспоминаніяхъ Герцена говорится о Двигубскомъ, что „видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ подошелъ къ нему подъ благословеніе и постоянно называлъ его „отецъ ректоръ“. При томъ онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ“.

періода встрѣчаются еще отзывы о такихъ профессорахъ-нѣмцахъ, какъ Маттеи, Буле, Рейнгардъ, Шлецеръ, Рейссъ, Гофманъ и нѣкоторые другіе. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ, безспорно, Лодеръ, читавшій лекціи по анатоміи въ 1819—1832 годахъ. Послѣ тридцатилѣтней профессорской дѣятельности въ Іенѣ и Галле, Лодеръ сдѣлался лейбъ-медикомъ императора Александра I, а въ 1818 году продалъ свое собраніе анатомическихъ препараторовъ для московскаго университета и безплатно сталъ читать лекціи на латинскомъ языкѣ въ построенномъ по его плану и подъ его надзоромъ новомъ анатомическомъ театрѣ. Русская партія медицинскаго факультета съ Мухинымъ во главѣ, опираясь на Писарева, хотѣла было выжить Лодера изъ московскаго университета, но императоръ Николай взялъ Лодера подъ свою защиту. Послѣ упомянутой выходки Писарева, Лодеръ получилъ аннинскую звѣзду, а Мухинъ, по настоянію князя Ливена, долженъ былъ примириться съ своимъ врагомъ.

По свидѣтельству Пирогова, Лодеръ былъ «высокостоящей во всѣхъ отношеніяхъ личностью». Изъ всѣхъ профессоровъ медицинскаго факультета одинъ только онъ владѣлъ «достаточными научными средствами для преподаванія своей науки». Точно также «наглядность ученія и демонстрацію можно было найти только на лекціяхъ Лодера». Но и у Лодера не было обязательнаго для каждаго студента анатомированія труповъ. Пироговъ во все время своего пребыванія въ московскомъ университетѣ «ни разу не упражнялся на трупахъ въ препаровочной, не вскрылъ ни одного трупа, не отпрепарировалъ ни одного мускула и довольствовался только тѣмъ, что видѣлъ приготовленнымъ и выставленнымъ послѣ лекцій Лодера».

Интересно также отмѣтить, что анатомическій театръ Лодера былъ снабженъ надписями вродѣ тѣхъ, которыя были въ клиникѣ Мудрова. Въ сѣняхъ было по-гречески написано извѣстное изреченіе: «познай самого себя». Въ анатомической аудиторіи вокругъ всей стѣны у самаго потолка было изображено: «Руцѣ Твоя создаста мя у сотвориста мя, вразуми мя, и научуся заповѣдемъ Твоимъ». А надъ каминомъ за каѳедрой было написано: «Искупуйте время, яко дніе лукави суть». Преподаваніе Лодера также соотвѣтствовало такой религіозной обстановкѣ.

С. Ашевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ Аснык'а.

I.

Безъ границъ.

У потоковъ есть русла, и въ морѣ
Есть границы для бурной волны,
И горамъ на небесномъ просторѣ
Данъ навѣки предѣлъ вышины!
Только сердце, лишь сердце людское
Сквозь и слезы, и боль, и печаль
Страстно рвется, не зная покоя,
Въ безпредѣльно-свободную даль...
Жадно хочетъ оно въ свое лоно
И пространство, и вѣчность вмѣстить,
И въ порывѣ все небо до склона,
Цѣлый міръ охватить!

II.

Не говори!

Не говори, отъ жажды умирая,
Что всѣ источники изсякли подъ землей,—
Въ пустынѣ ты гнался за призракомъ, не зная,
Что на лугу звенитъ и плещетъ ключъ живой!
Не говори въ предсмертный часъ съ тоскою,
Что чистой нѣтъ любви на сумрачной землѣ,—
Ты блескъ ея забылъ, когда передъ тобою
Блуждали огоньки въ холодной, сѣрой мглѣ!
Не говори въ безсильной укоризнѣ,
Что насъ одинъ обманъ плѣняетъ до конца,—
Ключъ свѣтлыхъ, свѣжихъ чувствъ не умолкаетъ въ жизни
И радостью поитъ усталыя сердца!

А. Лукьяновъ.

СЧАСТЬЕ.

Повѣсть.

(*Окончаніе* *)

X.

На дворѣ стоялъ конецъ сентября. Раннее утро чуть брезжило, но край неба уже розовѣлъ.

Туляковъ проснулся, раскрылъ глаза и сразу поднялся съ жесткаго дивана, служившаго ему постелью. День начиналъ пробиваться въ окно. На дворѣ, было слышно, тоже пробуждается утро: скрипитъ колесо колодца, стучитъ телѣга, фыркаетъ лошадь. Не раздумывая долго, Николай Васильевичъ спустилъ ноги и сталъ одѣваться. Дверь его комнаты была полураскрыта—это слуга приходилъ съ вычищеннымъ платьемъ и сапогами. Туляковъ взглянулъ въ корридоръ и почувствовалъ, что сердце его бьется и болитъ, какъ болѣло все больше и больше за послѣднее время.

Въ концѣ корридора была дверь въ спальню Катерины Валеріановны; молодая женщина спала, вѣроятно, мирно и сладко, а Тулякову хотѣлось бы стать передъ ней на колѣни, цѣловать край ея одежды, шептать ей, что она покорила его, что онъ любитъ, что ему не подъ силу сдержать слово, остаться чужимъ ей...

Онъ сердито тряхнулъ косматой послѣ сна головой, подошелъ къ умывальнику и сталъ мыться, стараясь холодной водой разогнать удручающія мысли. Потомъ одѣлся и вышелъ на крыльцо. День разгорался. Свѣжій, слегка влажный воздухъ такъ и просился въ грудь. Съ рѣчки слышался крикъ гусей; пахло дымкомъ овиновъ... Николай Васильевичъ прошелъ черезъ росистый, заросшій травой дворъ, гдѣ мѣстами горѣли золотомъ красныя рябины, и заглянулъ въ конюшню. Лошади звонко жевали овесъ, пофыркивая отъ удовольствія и переступая съ ноги на ногу. Воздухъ былъ жаркій и нѣсколько влажный. Пахло навозомъ,

*) См. „Міръ Божій", № 1, январь 1905 г.

дегтемъ отъ свѣжеобмазанныхъ рабочихъ шлей и конскимъ потомъ. Туляковъ любилъ этотъ запахъ.

Старикъ Ларіонъ сыпалъ овесъ гнѣдому Зубрику, который, не дожидаясь, пока ему зададутъ корму, тыкалъ красивой мордой съ нѣжной черной губой въ мѣшокъ, а сѣдой Ларіонъ сердито ругалъ его ненасытной утробой и подлецомъ.

Молодой, румяный Сергѣй, второй кучеръ, чистилъ Эмира, проводя жесткой щеткой отъ шеи до самаго крупа, и все покрикивалъ на щекотливаго, мускулистаго коня, который, торопливо пережевывая овесъ, все топтался на одномъ мѣстѣ и сердито поглядывалъ однимъ глазомъ на Сергѣя. Между обоими кучерами шла глухая непріязнь и соперничество. Ларіонъ считался главнымъ и ѣздилъ всегда съ генеральшей, а Сергѣй былъ приближенный Николая Васильевича. Кромѣ того, Ларіонъ былъ опытный ѣздокъ старой школы, сидѣлъ всегда прямо къ лошадямъ, локти оттопыривалъ и считалъ бы для себя за обиду выѣхать иначе, какъ въ твердой клеенчатой шляпѣ. Сергѣй бралъ молодечествомъ. Онъ носилъ фуражку, любилъ цвѣтныя рубашки, а на козлахъ сидѣлъ бочкомъ, возжи подбиралъ въ одну руку, другою же игралъ на нихъ, какъ на струнахъ. Лошади у него подъ руками сходили съ ума отъ наслажденія, пристяжки рвали, что есть силы, а коренникъ страстно колыхалъ всѣмъ тѣломъ и мчался, вытянувъ голову впередъ и раздувая тонкія, точно раскаленныя ноздри... Ларіонъ презрительно обзывалъ Сергѣя ямщикомъ, а послѣдній почтительно-насмѣшливо отгрызался:

— Вамъ бы, дяденька, Ларіонъ Митричъ, въ каретѣ съ фалеторомъ ѣздить...

Туляковъ обошелъ всѣхъ лошадей, похлопалъ по широкой спинѣ любимца своего темносѣраго Рыцаря и, грустно вздохнувъ, вышелъ на волю. Ничто его не радовало, хозяйство не утѣшало, какъ прежде...

Онъ направился на скотный дворъ. Тамъ по обѣ стороны широкаго корридора стояли по стойламъ разномастныя коровы, медлительно и основательно пережевывая кормъ. Доенье уже окончилось и молоко убрали, но въ воздухѣ еще стоялъ запахъ его. И здѣсь все, прежде такъ любимое Туляковымъ, не радовало, не занимало. По привычкѣ спросилъ онъ у Матрены про удой, молча постоялъ передъ породистымъ могучимъ быкомъ Мишкой и вышелъ на волю, направляя шаги къ гуменнику.

Ясное и холодное осенне утро полно было свѣжестью. Трава, мѣстами уже увядшая, блестѣла серебристой росой; надъ рѣчкой клубились бѣлые туманы. Высоко въ блѣдной синевѣ неба протянула стая журавлей, клиномъ прорѣзывая воздушный свой путь. А надъ лѣсомъ медленно выплывалъ огненный шаръ солнца...

На сосѣднихъ крестьянскихъ гуменникахъ шла дружная молотьба. Сильно и рѣзво взбѣгали вверхъ крѣпкіе, точно выточенные изъ металла цѣпы, порывисто описывали въ воздухѣ круги и отрывисто, жестко ударяли по золотистымъ снопамъ. Шагъ за шагомъ двигались работники, почти не переводя духа, выжидая очереди ударить, напряженные, всѣ ушедшіе въ работу. А на гумнѣ у Тулякова громыхала вѣялка, далеко откидывая пыль и мякину и ровно, красиво сортируя зерно. Запахъ овиннаго дыма вмѣстѣ съ ароматомъ хлѣбной пыли всегда опьянялъ Тулякова. Хотѣлось подойти къ грудамъ чистаго и полнаго зерна, все увеличивавшимся съ каждымъ поворотомъ вѣялки, запустить обѣ руки въ золотистыя груды и жадно перебирать это богатство. Даже шуршанье хлѣба, катившагося по гладкой доскѣ главной лунки, возбуждало Николая Васильевича; онъ готовъ былъ, не отрываясь, глядѣть на эти струи зерна, безъ перерыва катящіяся по лункѣ и небрежно отгребаемыя лопатой рабочаго...

Постоявъ немного, Туляковъ взялъ за колесо вѣялки и съ четверть часа, не отрываясь, вертѣлъ, надѣясь вернуть себѣ, какъ это бывало съ нимъ прежде, душевное равновѣсіе, хорошее настроеніе духа. Но теперь и это средство не помогало. По прежнему тоска стояла въ сердцѣ и все шевелился въ мозгу страшный вопросъ:

«А на что мнѣ все это?..»

Солнце поднималось по чистому, блѣдному небу все выше и выше, и медленно расходились надъ водою туманы.

— Шабашъ, ребята!..—крикнулъ старшій работникъ, волосатый Карпычъ.

Одинъ за другимъ, степенно и важно потянулись рабочіе къ длинному зданію, гдѣ жили постоянные, годовые батраки и гдѣ была отведена одна комната подъ контору. Туляковъ тоже направился туда. Онъ издавна завелъ обычай пить утренній чай въ конторѣ, гдѣ ему прислуживала жена Карпыча, простодушная и наивная Алена, женщина лѣтъ сорока пяти. Онъ приглашалъ обыкновенно къ этому чаепитію и Карпыча и также, какъ послѣдній, выпивалъ несмѣтное количество чашекъ, обливался потомъ и упорно молчалъ, будто совершая какое-то важное, почти священное дѣло, не безъ удовольствія выслушивая при этомъ всевозможныя новости отъ Алены, почтительно стоявшей всегда при этомъ у лежанки...

Но сегодня Николай Васильевичъ взялъ вмѣсто куска ситника только корочку, да и ту не доѣлъ, а чашку, опорожнивъ, поставилъ на блюдечко вверхъ дномъ. Алена тотчасъ же заскорбѣла.

— И чтой-то ты, батюшка, который день не ѣшь, не пьешь... Измаялась я, глядючи...

— Будетъ... Душа не принимаетъ...

— Аль неможется?

— Да, видно, что такъ...

— И-и, родной... Хворать-то не время. Глянько-ся, жена молодая, а онъ хворать!.. И то, видно, неможется: съ личика-то ты весь, родной, перепалъ...

— А ты не трещи.. Сорока...—угрюмо проговорилъ Карпычъ, утеръ носъ и въ шестой разъ поставилъ чашку на блюдечко донышкомъ.

Внимательная Алена немедля налила ее чаемъ.

— Кушай, батюшка, на здоровье...

Туляковъ, несмотря на свою привязанность къ деревнѣ, не умѣлъ разговаривать съ крестьянами, не умѣлъ даже подавать реплики словоохотливой Аленѣ. Но послѣдняя не смущалась его молчаливостью, ни суровостью всегда серьезнаго и строгаго Карпыча.

— Баринъ, а баринъ,—начала она, порежнему стоя у лежанки и опершись щекой о ладонь.—Что я тебѣ скажу...

— Что?

— Говорятъ, салаевская старшиниха намедни несправедливо родила...

— Это какъ?..

— Да ужъ такъ. Будто мальчикъ, а голова песья...

— Гм... Вздоръ, вѣроятно,—равнодушно проговорилъ Туляковъ. Онъ такъ былъ угнетенъ нравственно, что даже не находилъ въ себѣ ни силы, ни желанія болѣе опредѣленно опровергнуть этотъ слухъ.

— Бабъ только послушай, — презрительно отозвался Карпычъ,—наплетутъ.. Есть кипятокъ-отъ?

— Есть, есть, родимый, а не то я и еще наставлю,—радостно отвѣтила Алена, какъ будто ей доставляла великое наслажденіе возможность подчивать такихъ дорогихъ гостей.

Но Туляковъ уже не слушалъ ея. Онъ вышелъ изъ конторы и направился за околицу. Солнце стояло уже высоко; роса исчезала, и воздухъ становился теплѣе и суше. Туляковъ шелъ медленно и задумчиво поглядывалъ на поля, которыя сіяли тихою, кроткою улыбкой, чистыя, ровныя. Послѣ долгихъ и трудныхъ родовъ земля отдыхала. Роды окончились; убрано все, что сопровождало это таинство. Все приведено въ порядокъ, и родильница, усталая, обезсиленная, кротко глядѣла на чистую даль неба, какъ бы благодаря за помощь. Отдыхъ необходимъ; силы набираются сномъ. И сонъ близится, наступаетъ. Еще не отошло мгновеніе бодрствованія, но уже дремота долитъ, на нивахъ безмолвіе, и сонныя грезы витаютъ надъ землей...

Туляковъ остановился, почему-то вздохнулъ и поглядѣлъ на густыя, изумрудныя озими, чуть-чуть спутанныя утренними заморозками. Потомъ повернулъ голову въ сторону лѣса. За небольшой, въ крутыхъ бережкахъ рѣчкой Теменью сплошной стѣной начинался старый сосновый боръ. Онъ угрюмо молчалъ теперь и все думалъ что-то, хранилъ въ себѣ какую-то тайну...

И вдругъ слезы брызнули изъ глазъ Тулякова. Онъ, этотъ большой, сильный мужчина, такой беззаботный дотолѣ, не предполагавшій даже въ себѣ способности тосковать, такъ любившій природу, просторъ полей, вольный воздухъ деревни, не находилъ теперь помощи, поддержки отъ этой природы и чувствовалъ, что печаль одолѣваетъ его. На что ему вся эта роскошь засыпающихъ нивъ, это кроткое, трогательное увяданье лѣса, задумчивая прелесть блѣднаго осенняго неба? Ничего ему не надо, ничто не тѣшило его. Минуетъ зима, проснется весною природа во всей роскоши молодости и силы, а онъ и тогда не воспрянетъ духомъ, потому что некуда уйти отъ тоски, нечѣмъ утолить сердце...

Онъ повернулъ къ усадьбѣ и медленно шелъ, опустивъ на грудь голову и все думая о томъ, что взялъ на свои плечи непосильное бремя жить около любимой красавицы-жены и быть для нея ничѣмъ.

Онъ прошелъ въ свой кабинетъ, привелъ въ порядокъ свой костюмъ, даже попрыскалъ себя одеколономъ и направился въ столовую, гдѣ столъ уже былъ накрытъ для ранняго завтрака. У окна сидѣла съ работой въ рукахъ Катерина Валеріановна. Онъ молча поклонился ей. Иногда она отвѣчала ему тоже поклономъ, иногда, если онъ былъ около нея, протягивала ему руку, иногда даже не замѣчала его привѣта. На этотъ разъ она на мгновеніе остановила на немъ свой задумчивый, строгій взглядъ и протянула ему руку. И онъ съ забившимся отъ восторга сердцемъ почтительно и нѣжно поднесъ къ губамъ эту маленькую изящную руку. Ему хотѣлось покрыть ее страстными, горячими поцѣлуями, но онъ не осмѣлился сдѣлать это...

Вошла генеральша, за ней Пелагея Ивановна и всѣ собачки. Николай Васильевичъ молча и угрюмо прихлебывалъ свой кофе и дивился, замѣчая, что не только жена его не робѣетъ передъ строгой и придирчивой Варварой Сергѣевной, но что послѣдняя какъ будто заискиваетъ передъ снохой, безпокоится за вкусъ кофе, заботится о тартинкахъ для Кати. Отчего Катя сегодня блѣдна? Хорошо ли Катя спала? А Катерина Валеріановна принимала всѣ эти заботы съ спокойнымъ достоинствомъ, какъ нѣчто должное, величавая и прекрасная...

Пелагея Ивановна, та все пыталась поцѣловать молодую хозяйку въ плечико, но послѣдняя какъ-то умѣла избѣгать этого и ограничивалась рукопожатіемъ...

Послѣ завтрака Туляковъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, прилегъ по усвоенной привычкѣ на диванъ, пробѣжалъ газету и, усталый отъ ходьбы, сладко уснулъ. Ему снилось что-то радостное и прекрасное, и это была Катерина Валеріановна. Она была на цвѣтущихъ, ароматныхъ лугахъ, въ блескѣ майскаго утра, среди пѣсенъ весны и любви. Образы мѣнялись; она отдыхала въ желтѣющей зелени хлѣбовъ, усыпленная солнцемъ, убаюканная пѣснями жаворонка. Она глядѣла потомъ на Николая Васильевича новымъ, просвѣтленнымъ взоромъ и говорила ему, что она—природа и любитъ его. И она обвивалась колосьями ржи и синими васильками, осыпалась золотистымъ зерномъ; она была въ цвѣтущихъ лугахъ, въ ландышахъ, незабудкахъ, въ изумрудѣ травъ, терялась въ сумракѣ лѣса, сверкала въ горячихъ лучахъ солнца. Она горѣла въ румяной вечерней зарѣ, радовала взоръ въ блескѣ яснаго дня, трепетала въ пѣніи птицъ. Она, и нива, и зелень, и цвѣты, и свѣтъ, и пѣсни, все было одно цѣлое, великое и прекрасное, и онъ любилъ и былъ любимъ...

Онъ проснулся и долго не могъ придти въ себя. И все думалъ объ этихъ сонныхъ грёзахъ, и все тосковалъ, что на яву не повторятся они, и Катерина Валеріановна не скажетъ ему слова любви никогда, никогда...

XI.

Послѣ долгаго и скучнаго обѣда Туляковъ опять заглянулъ по хозяйству, потомъ прошелся въ лѣсъ, а когда стало темнѣть, пробрался потихоньку въ маленькую гостиную и сѣлъ въ уголкѣ, прикрытый цѣлой стѣной тропическихъ растеній. Онъ давно отыскалъ себѣ этотъ уголокъ и каждый вечеръ прятался тамъ въ надеждѣ дождаться Катерины Валеріановны, послушать, какъ она ходитъ рядомъ по залѣ своей плавной, спокойной походкой, какъ она сядетъ за рояль и сыграетъ что-нибудь. Ему было сладко сознавать, что она ходитъ или сидитъ недалеко отъ него, дышитъ однимъ съ нимъ воздухомъ. Онъ боялся выдать свое присутствіе, задерживалъ дыханіе, не шевелился и терпѣлъ, если у него затекала нога, уставала спина отъ неподвижнаго сидѣнья. Все выкупалось тѣмъ, что Катерина Валеріановна была близъ него. Иногда она входила въ маленькую гостиную и, не подозрѣвая его присутствія, останавливалась около окна и подолгу вглядывалась въ темноту осенняго вечера, о чемъ-то мечтая, надъ чѣмъ-то задумываясь. Случалось, что платье ея слегка задѣвало Николая Васильевича, и тогда восторгъ охватывалъ его сердце...

Темнѣло все больше и больше. Въ корридорѣ послышались легкіе шаги, и въ залу вошла Катерина Валеріановна. Она ме-

дленно прошлась по темной комнатѣ, потомъ остановилась около рояля, раскрыла его и сѣла. Понемногу стѣны комнаты, все окружающее исчезло; она была въ невѣдомомъ, чудесномъ мірѣ. Она заколдованная принцесса; ея обстановка—волшебный замокъ; ея новая жизнь—дивный сонъ. Вѣчно такъ не будетъ; свершится перемѣна, рушатся стѣны замка, уйдетъ волшебный сонъ, начнется счастье, великое, безконечное. Но и этотъ сонъ, предвѣстникъ счастья, и нѣжитъ, и лелѣетъ ее.

Она взяла аккордъ, потомъ другой, третій. Дѣйствительность скрылась, явился міръ видѣній и грезъ. Вонъ тамъ радость робко, чуть замѣтно бросаетъ яркіе лучи; здѣсь печаль, тоска; вотъ порывы къ чему-то невѣдомому, но лучезарному; а вотъ бремя горя, гнетъ тоски... И снова звуки и звуки, снова видѣнія и сны... Вотъ этотъ низкій, бархатный звукъ, это—лѣсъ, молчаливый, суровый, таящій думы, полный чудеснаго; вотъ этотъ новый звукъ, это пѣсня жаворонка надъ зеленѣющей нивой въ часы полуденнаго зноя; вотъ тихій аккордъ, это—журчаніе серебряныхъ струй рѣки, а вотъ отголосокъ ихъ въ дали лѣсной чащи. Вотъ сочетаніе таинственныхъ звуковъ, это — голосъ тишины; вотъ, чуть слышные переборы,—вѣяніе сновъ надъ весенней землей. Этотъ аккордъ—покой, безмолвіе, а этотъ—чуть слышная вдали буря. Вотъ новые звуки, это—блескъ осеннихъ уборовъ земли, а это—утреннія багровыя зори, а это—сверканіе росы въ первыхъ лучахъ солнца. Еще звуки—туманы надъ водами, бѣлые, холодные. Вотъ, тоска передъ смертью природы; вотъ багряница умирающаго дня...

А сердце начинаетъ томиться; появлялись новыя, невѣдомыя чувства; хотѣлось жизни, тепла. Чуть замѣтно, легкой тѣнью проносились первыя грёзы любви...

Ночь совсѣмъ опустилась на землю. Въ небѣ загорались звѣзды. Въ домѣ и на усадьбѣ была полная тишина.

Катерина Валеріановна встала и медленно прошлась по темной комнатѣ. Потомъ опять сѣла за рояль и задумалась, разсѣянно перебирая привычной рукою клавиши. Въ головѣ молодой женщины проносились смутныя, порою мучительныя мысли. Зачѣмъ она принесла себя въ жертву? Старикъ-отецъ не принялъ помощи и запретилъ напоминать ему объ этомъ. Ея жертва безплодна, не нужна. И вотъ она, Катерина Валеріановна, въ заколдованномъ замкѣ, въ волшебной дремотѣ сказочнаго міра. Гдѣ же смѣлый королевичъ, который нарушитъ очарованіе, вывезетъ ее на бѣломъ конѣ отсюда? Королевича нѣтъ и не будетъ, и не нарушится очарованіе никогда, никогда...

О мужѣ она не думала. Она временами забывала, что вотъ этотъ высокій, плечистый, съ добрыми глазами, съ густой бородой молодой человѣкъ мужъ ей, что она связана съ нимъ навѣки.

Да, было что-то; она стояла въ церкви въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, съ длинной, прозрачной фатой. Пѣли что-то торжественное, кто-то держалъ ея руку, надѣвалъ ей на палецъ кольцо. Но все это было страшно давно и все представляется теперь, какъ во снѣ. И пусть это будетъ сномъ, все тѣмъ же волшебнымъ сномъ очарованія, который охватываетъ ее въ эти длинные и темные осенніе вечера, когда тишина такъ властно охватываетъ душу, а звѣзды все шепчутъ что-то землѣ...

За вечернимъ чаемъ Варвара Сергѣевна сказала ей:

— Что ты, Катя, не съѣздишь въ городъ? Развлеклась бы немножко. Я замѣчаю, что ты все какая-то задумчивая. Nicolas у насъ бирюкъ, онъ не умѣетъ развлечь молодую жену...

· Къ отцу? Да, надо съѣздить. Вѣдь она, Катерина Валеріановна еще ни разу не была у него съ самой свадьбы. И ей вспомнилась вдругъ съ удивительной яркостью вся ея жизнь за послѣдній годъ, ея тоска, ея порывы къ чему-то лучшему, къ какому-то невѣдомому счастью, ея смутная надежда, что Гущинъ, этотъ умный красавецъ-старикъ, укажетъ ей выходъ изъ тяжелаго, тоскливаго положенія, въ которомъ она была этотъ годъ, и потомъ ея неожиданная свадьба, окончаніе всѣхъ ея туманныхъ надеждъ. И въ одинъ мигъ она снова пережила все то отчаяніе, которое испытывала послѣ предложенія Тулякова, ту тоску, которая мучила ее передъ вѣнцомъ. И опять гнѣвъ на мужа поднялся въ ея сердцѣ. Зачѣмъ онъ загубилъ ее. На что она нужна была ему? Но это послѣднее чувство мелькнуло и исчезло. Ей стало жаль Тулякова. Онъ такой добрый, предупредительный, такъ, видимо, старается услужить ей на каждомъ шагу. А, между тѣмъ, вѣдь, и онъ загубилъ себя этимъ бракомъ. Онъ женился безъ любви, онъ тяготится навязанной ему семьей...

На другое утро она поѣхала въ городъ. Лошади бѣжали доброю рысью, усадьба все болѣе и болѣе удалялась, а Катеринѣ Валеріановнѣ становилось не по себѣ. Вмѣсто прежняго полудремотнаго состоянія, въ которомъ смутно, туманно мелькали идеи о мужѣ, о новой семьѣ, о королевичѣ, который придетъ и нарушитъ очарованіе, вмѣсто этого духовнаго полусна, который былъ и томителенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сладокъ, являлась дѣйствительность, странная, уродливая, гнетущая душу чѣмъ-то безсмысленнымъ и жестокимъ, что было въ бракѣ молодой женщины. И эта дѣйствительность выступала все ярче и ярче по мѣрѣ того, какъ спокойный экипажъ все приближался къ маленькому, сонному городку.

Недовольнымъ, скучающимъ взоромъ окинула Катерина Валеріановна знакомыя улицы и равнодушно вошла въ домъ отца. Здѣсь все было знакомо и близко, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будто чужое.

— Ну, что? — проговорилъ старикъ и не зналъ, о чемъ говорить.

— Какъ ваше здоровье?—отвѣтила дочь тоже вопросомъ и тоже не знала, какъ поддержать разговоръ.

— Спасибо. А та что?

— Кто?

— Старуха.

— Здорова. Кланяется вамъ.

— Въ монастырь не сбирается?

— Нѣтъ. Она скоро за границу ѣдетъ.

— Къ французскимъ попамъ, чай?

— Не знаю. Кажется, въ Ниццу...

— Все едино. Патеровъ не минуетъ...

И опять оба замолчали и не знали, о чемъ говорить.

Немного погодя Катерина Валеріановна прошла къ Гущинымъ. Никодима Алексѣевича не было дома, а Вѣрочка съ Любой какъ-то странно отнеслись къ подругѣ. Онѣ съ жаромъ расцѣловали ее, но сейчасъ же будто позабыли про нее. Младшая Гущина, Любочка, была уже третій день объявленной невѣстой молодого, только что прибывшаго въ городъ слѣдователя и жила какъ во снѣ однѣми мыслями о женихѣ и о неожиданной крутой перемѣнѣ въ своей жизни. Она теперь ждала прихода этого жениха, страшно волновалась и то и дѣло подбѣгала къ окну взглянуть, не идетъ ли онъ. А Вѣрочка, нѣсколько задѣтая тѣмъ, что младшая сестра раньше ея успѣла стать невѣстой, волновалась въ свою очередь и изо всѣхъ силъ спѣшила поправить свое дѣло и влюбить въ себя городского врача. И она была какъ въ туманѣ, съ блуждающими глазами, думающая все объ одномъ и томъ же, то надѣющаяся на успѣхъ, то поддающаяся малодушному отчаянію. Катерина Валеріановна съ грустью почувствовала, что и здѣсь она лишняя, чужая. Она встала, простилась и пошла черезъ городской садъ къ дому Кармалинова. Но на боковой аллеѣ чуть не столкнулась съ Никодимомъ Алексѣевичемъ и вскрикнула отъ радостной неожиданности А моложавый, румяный, сверкающій брилліантами на пальцахъ Гущинъ такъ и впился въ нее своими острыми глазами, оглядывая ея лицо и фигуру и вызывая у ней краску непонятнаго ей самой, какого-то инстинктивнаго стыда.

— Вотъ она, наша золотая рыбка!—воскликнулъ Гущинъ, цѣлуя ея руки и увлекая къ скамьѣ.—Ну, сядемъ и поговоримъ... Итакъ, уже второй мѣсяцъ брачной жизни!.. Ну, признавайтесь, нравится?

— Мнѣ хорошо,—опять смущаясь подъ безцеремонными взглядами собесѣдника, проговорила она.

— Еще бы!.. Люблю я видѣть вотъ такихъ молоденькихъ, наивныхъ дамочекъ, которыя только что стали дамочками... Самъ молодѣю сердцемъ...

— Вы и безъ того молодой...

— Э, гдѣ ужъ!.. Ужъ, знаете, не то...

Онъ глядѣлъ теперь на Катерину Валеріановну какимъ-то особенно хищнымъ взглядомъ, а говорилъ иначе, чѣмъ прежде. Случалось, онъ и до ея замужества конфузилъ ее иными безцеремонными вопросами, но теперь начиналъ прямо приводить въ негодованіе разговоромъ о спальнѣ молодыхъ, вопросами про мужа, циничными, наглыми. Она, наконецъ, не выдержала и поднялась со скамьи, блѣдная отъ негодованія и обиды...

— Я васъ не понимаю,—проговорила она дрожащимъ голосомъ.—Вы что-то говорите такое, что меня оскорбляетъ... Вы прежде были иной... Прощайте...

— Матушка, да полно же!.. Ну, какъ же такъ?.. Вѣдь старому можно и пошутить съ молоденькой дамой... Ну, что въ этомъ такого?

Но она не оборачивалась къ нему и быстро шла къ улицѣ, а онъ едва поспѣвалъ за ней уже слабѣющими ногами много пожившаго старика.

— Ну, не сердитесь,—совсѣмъ просительно проговорилъ онъ передъ выходомъ изъ сада.

Она остановилась и поглядѣла на него долгимъ и грустнымъ взглядомъ.

— Я не сержусь,—тихо отвѣтила она.—Но если бы вы знали... какая пустыня вдругъ образовалась кругомъ меня!.. Я думала, я вѣрила, что здѣсь... въ вашей семьѣ... остались близкіе мнѣ... А теперь... никого, никого!..

— Милушка вы моя, да зачѣмъ же такъ?.. Я попрежнему другъ вашъ... Что это вы?.. Ну, давайте ручку, будемъ опять друзьями...

Она протянула ему руку и даже отвѣтила ему на пожатіе, но на душѣ ея не стало веселѣе. Не умомъ, а чутьемъ женщины поняла она, что этотъ человѣкъ, казавшійся ей до сихъ поръ ея единственнымъ, но за то вѣрнымъ другомъ, глядитъ на нее плотояднымъ, глубоко оскорблявшимъ ее взглядомъ.

И она спѣшила сѣсть въ экипажъ и торопилась домой, туда, гдѣ жизнь у нея проходила въ какой-то томительной, но временами сладкой умственной дремотѣ, гдѣ можно было мечтать наединѣ о несбыточномъ счастьѣ, о снахъ на яву..

XII.

Въ самомъ концѣ сентября повѣяло вдругъ тепломъ, солнце стало будто жарче горѣть на безоблачномъ небѣ; надъ землей

пронеслись обманчивыя грезы уже давно минувшей весны. Наступала вторая молодость природы, краткая, но прекрасная, жадно цѣпляющаяся за призракъ счастья и надеждъ...

Катерина Валеріановна вышла на широкій, обсаженный березами и липами дворъ усадьбы и машинально направилась къ заднему, фруктовому саду. Ей было особенно хорошо въ этотъ день. Повѣявшее тепло веселило сердце безсознательной радостью; уставшая дремать душа просила жизни...

У каретнаго сарая стоялъ Туляковъ, а Сергѣй усердно уминалъ сѣно въ задкѣ старенькой, запряженной въ одну лошадь плетушки и накрывалъ сидѣнье рванымъ коврикомъ.

— Извольте ѣхать, все въ аккуратѣ,—проговорилъ онъ.

Катерина Валеріановна замедлила шаги и остановилась около экипажа.

— Эту какъ зовутъ?—обратилась она къ мужу и погладила рукой уже не молодую, задумчиво и грустно глядящую куда-то вдаль гнѣдую лошадь.

Николай Васильевичъ радостно вспыхнулъ отъ неожиданнаго обращенія къ нему жены.

— Эту? Это Сваха... Уже старая лошадь... Мнѣ, знаете, жаль разставаться съ ней...

— А кто это ѣдетъ на ней?

— Я? Въ дальнюю рощу... Тамъ, знаете, рубятъ строевой лѣсъ...

— Сосны рубятъ?.. А меня вы не возьмете?

У Тулякова духъ захватило отъ восторга.

— Сергѣй!—крикнулъ онъ въ догонку уходившему кучеру.— Сію минуту коляску... Новую..- Эмира запречь и Бѣднаго... Да самъ принарядись...

Катерина Валеріановна положила быстрымъ движеніемъ руку на его плечо.

— Что вы, что вы?.. Зачѣмъ? Поѣдемъ вотъ такъ, на этой плетушкѣ...

— Но это же неудобно..

— Ничего...

И не дожидаясь, чтобы ее подсадили, она быстро взобралась на подножку плетушки и опустилась на неудобное сидѣнье, вся оживившаяся, повеселѣвшая. Ей хотѣлось смѣяться, шалить, пѣть, кричать. Впервые за цѣлыхъ три мѣсяца, прошедшихъ съ ея помолвки, она почувствовала себя веселой и беззаботной. Воздухъ былъ живителенъ, небо глядѣло такою лаской.

Счастливый, почти теряющій голову отъ восторга, Николай Васильевичъ робко примостился около жены и тронулъ лошадь. Дорога прошла черезъ небольшой мостикъ, перекинутый надъ рѣчкой, и врѣзалась въ лѣсъ. Плетенку стало качать изъ

стороны въ сторону, подбрасывать; Катерина Валеріановна чувствовала, что охабка сѣна, изображающая сидѣнье, не выдерживаетъ тяжести ея тѣла, что скоро ноги ея станутъ въ уровень съ головой, но все это тѣшило ее, наполняло сердце дѣтской радостью. Молодая женщина слегка вскрикивала при толчкахъ и ударахъ сбоку въ кузовъ плетенки, испуганно хватала мужа то за руку, то за плечо, но сейчасъ же смѣялась надъ своимъ испугомъ и все повторяла, наивно, дѣтски-радостно:

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь, какъ хорошо!..

Высокія стѣны лѣса охватывали извивающуюся дорогу со всѣхъ сторонъ. Впереди, позади, съ боковъ все были сосны, березы, осины. Только вверху надъ головами виднѣлся кусокъ блѣднаго осенняго неба.

— Хорошо иногда жить на свѣтѣ,—задумчиво проговорилъ Туляковъ, пуская лошадь шагомъ.

— Хорошо,—отозвалась и Катерина Валеріановна и тоже задумалась.

Она опять позабыла о самомъ существованіи мужа и все глядѣла, все слушала. И этотъ лѣсъ, молчаливый, угрюмый, таящій какія-то невѣдомыя думы, скрывающій въ себѣ какія-то тайны, представлялся ей однимъ безконечнымъ, могучимъ, полнымъ силы и красоты аккордомъ...

Дорога раза два выбѣгала на небольшія поляны и снова убѣгала въ глубь лѣса. Потомъ вдругъ круто завернула влѣво и сразу вышла на ровную, круглую площадь, окаймленную стѣнами высокихъ сосенъ. Около лѣса стояла новая изба съ дворомъ, передъ ней колодезь «журавль», а нѣсколько въ сторонѣ срубы и штабеля досокъ, свѣжихъ, ароматныхъ, покрытыхъ каплями выступившей смолы. Правѣе избы тянулась широкая, ровная просѣка съ отдѣльно стоявшими среди нея печальными соснами...

Красивый приказчикъ Андронъ, уже начинающій отращивать брюхо, благодаря легкой работѣ, принялъ лошадь и поспѣшилъ вынесть изъ избы скамью для хозяевъ.

— Пильщики гдѣ?—спросилъ Туляковъ.

— Пошли выпить... Не прикажете ли самоварчикъ наставить?

Но Катерина Валеріановна отказалась отъ чая. Она спѣшила на просѣку и, не дожидаясь мужа, которому Андронъ вынесъ засаленную книгу записей работъ, направилась къ мѣсту пилки. Но и Тулякову было не до записей. Онъ захлопнулъ книгу и поспѣшилъ вслѣдъ за женой. Ему казалось, что онъ не долженъ ни на минуту оставлять ее одну, что ему надо оберегать каждый ея шагъ.

Въ глубинѣ просѣки послышались удары топора, глухо отдававшіеся въ лѣсной чащѣ. Гдѣ-то пугливо крикнула птица; съ

одной изъ отдѣльно стоящихъ молодыхъ сосенъ, уцѣлѣвшихъ отъ гибели, поднялся ястребъ и, мѣрно взмахивая крыльями, уплылъ за вершины лѣса. Туляковы подошли къ опушкѣ просѣки и остановились; шагахъ во ста отъ нихъ двѣ пары рабочихъ уже хлопотали около огромныхъ, предназначенныхъ къ гибели сосенъ...

На одной изъ нихъ былъ сдѣланъ близъ самаго корня глубокій надрѣзъ топоромъ, и изъ свѣжей раны выступилъ сокъ, еще не успѣвшій уйти изъ комля. Дерево-гигантъ бодро стояло, вознося къ небу могучую вершину, готовое къ страданію.

Наступила минута тишины; ни одна вѣтвь не шелохнулась въ лѣсу; все будто замерло въ ожиданіи приближавшейся смерти. Потомъ послышался свистящій звукъ пилы. Рѣзали со стороны, противоположной надрѣзу. И казалось, весь лѣсъ прислушивался къ этому странному, отдающемуся въ глубинѣ чащи звуку, недоумѣвая и ужасаясь. А звукъ этотъ, вначалѣ рѣзкій, крикливый, становился все глуше и глуше; пила шла медленнѣй, тяжелѣй. Дерево не шелохнуло ни одной вѣткой; страшная рана еще не подорвала его силъ, и зеленая вершина попрежнему стремилась къ небу, будто призывая его въ свидѣтели совершаемаго преступленія.

Рабочіе пріостановились передохнуть. И опять было торжественное, недоумѣвающее молчаніе. И попрежнему на отдаленной вершинѣ разбитаго громомъ дерева задумчиво сидѣлъ воронъ, повернувъ голову и глядя куда-то вдоль неподвижнымъ, печальнымъ взоромъ. Но минута смерти уже приближалась. Пила опять завизжала, все глубже и глубже врѣзываясь въ крѣпь дерева. Воронъ тяжело взмахнулъ могучими крыльями и медленно уплылъ вдаль, прочь отъ мѣста злодѣянія. Что-то шевельнулось въ верхушкѣ сосны; потомъ точно дрожь пробѣжала по могучему стволу. Дрогнули вѣтви, и зеленая корона стала медленно, чуть замѣтно отдѣляться отъ вершинъ сосѣднихъ сосенъ. Дерево тихо клонилось и вдругъ грохнуло, и будто стонъ прошелъ по лѣсу изъ конца въ конецъ...

Когда свалили нѣсколько сосенъ подрядъ, Катерина Валеріановна вздохнула и поднялась съ пенька, на которомъ сидѣла.

— Это величественное, но грустное зрѣлище,—проговорила она.

— Поѣдемте домой,—отвѣтилъ Туляковъ,—становится свѣжо.

Они опять сѣли въ плетенку и шагомъ направились къ усадьбѣ. Начинало смеркаться. Лѣсъ засыпалъ, и на душѣ у Катерины Валеріановны было тихо и дремотно.

— Вы любите деревню?—спросила вдругъ молодая женщина, прерывая молчаніе.

Туляковъ весь внутренно дрогнулъ отъ ласковаго звука ея голоса.

— О, да,—отвѣтилъ онъ,—что можетъ быть лучше природы? Человѣкъ, мнѣ кажется, черствѣетъ душой вдали отъ природы. Даже человѣкъ художникъ и тотъ измельчаетъ, высохнетъ сердцемъ и умомъ, если будетъ имѣть дѣло только съ городомъ, только съ человѣкомъ...

— Но, вѣдь, для художника важнѣе всего человѣческое сердце.

— Разумѣется. Я хочу только сказать, что его собственная душа устанетъ имѣть дѣло только съ человѣкомъ. Онъ или будетъ заниматься исключительно больными сторонами человѣческаго духа, отрѣшеннаго отъ общенія съ природой, заключеннаго среди камня и желѣза, или, что еще хуже, начнетъ презирать человѣка. Онъ не найдетъ, что сказать о человѣкѣ. А горе художнику, который не имѣетъ, что сказать...

— Послушайте,—быстро и немного волнуясь сказала Катерина Валеріановна, — отчего это вы, такой хорошій и такой умный, образованный, такъ безпрекословно позволяете вашей матушкѣ распоряжаться вами?

Николай Васильевичъ покраснѣлъ и вздохнулъ.

— Зачѣмъ я стану огорчать ее?

— Да, это, конечно, хорошо. Но и она можетъ ошибаться... И, кромѣ того... бываютъ вопросы... Ну, не буду говорить... Что случилось, того не вернешь... Сердце Тулякова опять погрузилось въ тьму печали. Онъ понялъ, на что намекала Катерина Валеріановна, и ему было больно и грустно. Но молодая женщина снова перемѣнила тему разговора и снова ласково и участливо стала разспрашивать мужа о его отцѣ, о дѣтскихъ годахъ. Туляковъ охотно и откровенно отвѣчалъ на ея разспросы. Въ краткихъ словахъ передалъ онъ свою біографію, упомянулъ о томъ, что покойный отецъ его былъ человѣкъ съ мягкимъ сердцемъ, съ нѣжной душою и тоже покорялся Варварѣ Сергѣевнѣ.

— Вы видите, — съ улыбкой закончилъ Туляковъ,—у меня наслѣдственна покорность женщинѣ.

— А скажите: вы чувствуете довольство жизнью, вы миритесь со всѣмъ, что вамъ посылаетъ судьба?

— До послѣдняго времени да.

— Нѣтъ, я не про то... Вообще, вы счастливы?

— Повторяю, до послѣдняго времени я былъ счастливъ.

Она задумалась.

— Странно,—проговорила она будто про себя.

Потомъ, взглянувъ ему въ глаза, добавила:

— Надо будетъ измѣнить судьбу вашу... Ошибки иногда поддаются поправкѣ... Вѣдь, неправда ли, можно будетъ выхлопотать разводъ?

Сердце Тулякова совсѣмъ упало. Онъ глубоко вздохнулъ и опустилъ голову на грудь.

— Все возможно,—глухо проговорилъ онъ.—Не тревожьтесь. не мучайтесь... Я поступилъ легкомысленно, какъ мальчишка... Вообще я былъ настоящій мальчишка и только теперь немного выросъ... Какъ только мама уѣдетъ за границу, я сейчасъ же начну о разводѣ...

Они подъѣхали въ эту минуту къ дому. Катерина Валеріановна легко спрыгнула съ телѣжки, остановилась, подумала, хотѣла что-то сказать, но только протянула руку мужу и поблагодарила его за прогулку.

Какая-то смутная дума была въ ея головѣ, но она не рѣшилась остановиться на ней.

XIII.

Къ Тулякову, мирно читавшему въ кабинетѣ газету, вбѣжалъ Сергѣй.

— Несчастье у насъ, сударь...

— Ну, что еще?—спросилъ Николай Васильевичъ.

— Ваньку пильщика въ лѣсу топоромъ убило...

Туляковъ вскочилъ съ кресла.

— Какъ такъ? Кто сказалъ?

— Вона, въ контору привезли.

— Неужели до смерти?

— Нѣ-ѣтъ, не до смерти, а только здорово по ногѣ дербалызнуло... На совѣсть...

Туляковъ спѣшно направился къ конторѣ.

— И дуракъ же ты, Сергѣй,—говорилъ онъ по дорогѣ, волнуясь,—такъ бы и сказывалъ, а то: убило...

Онъ послалъ въ городъ за фельдшеромъ, а самъ подошелъ къ пострадавшему. Пильщикъ, молодой еще парень сидѣлъ, вытянувъ обнаженную ногу вдоль скамьи. Почти во всю длину икры тянулась кровавая рана. Привезшій его товарищъ, тоже молодой, безусый парень стоялъ у печки въ какомъ-то оцѣпенѣніи и тупо глядѣлъ на раненаго. Угрюмый Карпычъ суетился около шкафа съ лекарствами и перевязочными средствами и ругательски ругалъ Ивана.

— Болванъ, право слово, болванъ... Топора держать не умѣетъ, а туда же въ пильщики лѣзетъ... Оглашенные, прости, Господи...

— Да я, дяденька,—оправдывался Иванъ,—обѣма руками...

— Обѣма!.. Глаза-то на что были?.. Обѣма?.. Мордва некрещеная...

— Я какъ хвачу, а онъ, проклятущій, возьми да мимо, да въ сосну, а оттедова, братцы, въ меня...

— Изъ рукъ-то, видно, выпустилъ?—поинтересовался Сергѣй, ютившійся у притолки

— Какъ, милый человѣкъ, не выпустить? Выпустишь... Какъ я этта хвачу, а онъ возьми да мимо... Ну, я и выпустилъ... Не то бы самъ рожей въ пень угодилъ...

Туляковъ суетился и волновался, но сразу не могъ сообразить, съ чего начать, какъ приступить къ перевязкѣ. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что въ шкафу должны быть бинты и ухватился за нихъ. Оказалось, однако, что полотно только нарѣзано пополамъ, но не сшито, хотя онъ и приказалъ въ свое время сдѣлать это. Тогда онъ сплюнулъ отъ негодованія, отыскалъ въ шкафу иголку и нитки и занялся вдѣваніемъ конца нитки въ ушко, причемъ щурилъ то одинъ глазъ, то другой, обсасывалъ конецъ нитки, продувалъ ушко и ворчалъ вполголоса. Нитка упорно не хотѣла вдѣваться.

— Сергѣй,—крикнулъ онъ, наконецъ,—бѣги въ домъ, попроси тамъ другую иглу, не такую дурацкую. Не лѣзетъ, хоть лопни...

Сергѣй пошелъ, но въ эту минуту въ контору вошла Катерина Валеріановна, догадавшаяся, что на усадьбѣ произошло что-то особенное. Она поблѣднѣла при видѣ страшной раны, но тотчасъ же оправилась, подошла къ мужу и взяла у него иглу съ ниткой. Вдѣвъ послѣднюю въ ушко, она принялась сшивать полосы холста.

— Что вы не сказали мнѣ?—упрекнула она Тулякова, который почтительно глядѣлъ, какъ работали ея проворныя руки.

Потомъ она умѣло и быстро обмыла рану, закрыла ее ватой съ полухлористымъ желѣзомъ и стала забинтовывать при помощи подошедшей Алены.

— Вотъ барыня, такъ ужъ барыня,—одобрительно замѣтилъ молчавшій до сихъ поръ товарищъ Ивана.

— Ужъ такой, видно, даръ отъ Бога имѣетъ,—отозвался Карпычъ.

— Извѣстно, наша молодая барыня не изъ чего, какъ ради души спасенія,—пояснила Алена.—Ну, Богъ-атъ и посылаетъ умѣнья...

А Катерина Валеріановна шла въ это время къ дому и уже позабывала о происшествіи. Опять ея душу охватывало дремотное состояніе; опять она чувствовала себя въ зачарованномъ замкѣ. Шумъ лѣса навѣвалъ ей смутныя грезы; вершины сосенъ пѣли таинственныя пѣсни. Она прошла въ залу, сѣла за рояль, и пальцы ея вызвали какіе-то новые звуки, мрачные, тоскующіе. На мгновеніе все окружающее заволокло туманомъ, и сквозь него стала выдѣляться глубокая просѣка съ печально стоящими отдѣльными,

склонившимися на бокъ деревьями, сиротливыми, тоскующими. А вдали падали сосны, и тоскою смерти вѣяло надъ лѣсомъ..

Катерина Валеріановна встала, накинула на плечи жакетку и, не сказавшись никому, прошла черезъ мостикъ надъ Теменью на вчерашнюю лѣсную дорогу.

Тулякова шла, не думая о вѣрности пути. Ей хотѣлось опять поглядѣть на эту печальную картину гибели столѣтнихъ великановъ и казалось, что найти просѣку ничего не стоило. Вспорхнувшая въ вѣтвяхъ какая-то крупная птица заставила ее вздрогнуть, но она опять погрузилась въ смутныя думы и уходила все глубже и глубже въ лѣсъ. А лѣсъ становился выше и глуше. Солнечный свѣтъ едва доходилъ въ эту чащу, дорога едва обозначалась заросшими травой колеями и вдругъ оказалась прегражденной огромной наполовину уже истлѣвшей березой, которая лежала поперекъ пути. Но Катерина Валеріановна, погруженная въ свои думы не обратила вниманія на то, что вчера такой преграды, очевидно, не было и, перешагнувъ черезъ березу шла дальше.

Мѣстами лѣсъ рѣдѣлъ, хвойникъ уступалъ мѣсто березѣ, осинѣ, потомъ черной ольхѣ. Мѣстность понижалась, становилась влажной, трава была гуще и выше. Тогда до слуха молодой женщины доносилось задорное трещанье перелетавшихъ съ дерева на дерево дроздовъ и жалобное щебетанье какихъ-то мелкихъ осеннихъ птичекъ, которыя точно плакались на приближающуюся зимнюю стужу. Потомъ дорога опять подымалась выше, становилась песчаной, лѣсъ опять высился могучій, угрюмый, горящій въ косыхъ лучахъ солнца яркимъ багрянцемъ. Торжественная тишина царила въ лѣсу, и могучія сосны все думали какую-то великую думу...

Прошло больше часу, и Катерина Валеріановна почувствовала, что устала. Тогда она подошла къ лежащему въ сторонѣ буреломному дереву, присѣла на его комель и оглядѣлась.

«Должно быть, я ошиблась на перекресткѣ,—подумала она.— Надо вернуться домой».

Но идти сейчас не хотѣлось; ноги болѣли, въ тѣлѣ чувствовалась усталость. А въ лѣсу было такъ хорошо. Солнце опускалось все ниже и ниже къ горизонту. Среди тишины по лѣсу шелъ неопредѣленный, однообразный шумъ. Лѣсъ, казалось, дремалъ и тихо, мѣрно, дышалъ во снѣ...

Вонъ на темной зелени молодого ольшняка ярко горитъ краснѣющая листва дуба, это—тихій трепетъ верхнихъ нотъ оркестра, радость неопредѣленныхъ молодыхъ грезъ... Вонъ тѣсно сплотились могучія ели, черныя, угрюмыя, это—грозные аккорды басовъ, вырывающіеся наружу порывы страстей, тяжелыя думы, вскормленныя мракомъ осеннихъ ночей. Вонъ красивые, смѣлые переходы осенняго золота березы въ темную зелень сосны и снова

въ пурпуръ осинника, а выше—въ синеву неба, это—трели любви въ чудесныхъ сочетаніяхъ звуковъ. А эта таинственная громада бора, уходящая въ невѣдомую даль, высящаяся къ облакамъ, эти неуловимые переливы свѣта и тѣней, это—то могучіе, то робкіе, то порывистые, то трепетные аккорды, смущающіе невѣдомымъ чувствомъ душу, жаждущую уяснить тайну, проникнуть въ суть бытія...

Становилось темнѣй; солнце садилось. Катерина Валеріановна поднялась и тихо побрела назадъ. Опять дорога шла между стѣнами огромныхъ сосенъ, потомъ повернула куда-то влѣво и опустилась въ низину. Холодъ поднимавшагося тумана охватилъ тѣло ознобомъ. А дорога шла ниже, все ниже и вдругъ исчезла передъ большимъ моховымъ болотомъ. Катерина Валеріановна повернула назадъ, отыскала въ полутьмѣ наступившаго вечера колею дороги, прошла нѣсколько саженъ до повертка и направилась по новому пути, смутно припоминая себѣ, гдѣ именно должна быть усадьба. Легкая робость уже начинала прокрадываться въ душу молодой женщины. Но она бодро еще шла, разглядывая въ полумракѣ колею и припоминая примѣты пути. Откуда-то сорвался вѣтерокъ, пробѣжалъ по вершинамъ сосенъ и опять утихъ. Солнце совсѣмъ скрылось; ночь наступала быстрыми шагами, теплая, ласковая. Въ небѣ зажигались первыя звѣзды. Катерина Валеріановна прошла еще нѣсколько шаговъ и остановилась, испуганная и восхищенная. У самыхъ ногъ ея былъ страшный обрывъ и гдѣ-то далеко внизу чернѣло большое круглое озеро, все окруженное стѣнами бора. И звѣзды горѣли въ черной водѣ, и тишина все шептала...

Молодая женщина чувствовала, что ноги не слушаются ея отъ усталости. Тогда она опустилась на землю, прислонилась къ дереву и глядѣла передъ собой въ сумракъ ночи въ смутныхъ думахъ, въ неопредѣленной тревогѣ. Что-то странное совершалось въ ея душѣ. Тамъ, въ самыхъ тайникахъ этой еще полудѣтской души начинала подавать голосъ тоска, щемящая, но сладкая, призывающая слезы, манящая надежды на радость сердца. И Катерина Валеріановна заплакала и все глядѣла въ глубину темнѣющихъ небесъ, туда, откуда звѣзды посылали ей свой привѣтъ...

Потомъ она вспомнила, что заплуталась въ огромномъ бору, что ей не найти теперь дороги, и страхъ сжалъ ея сердце. Она вскочила и, забывая про усталость пошла прочь отъ обрыва, отыскивая во тьмѣ дорогу, припоминая, какъ шла сюда. Ей показалось, что она попала на дорожную колею. Тогда она пошла быстрѣй, то и дѣло поворачивая то вправо, то влѣво, но вскорѣ убѣдилась, что никакой дороги нѣтъ и что она бродитъ между соснами безъ малѣйшаго представленія о томъ, въ какой сторонѣ

лежитъ усадьба. И все же она шла, оробѣвшая, съ бьющимся сердцемъ, съ туманомъ въ головѣ. Она опускалась въ низины, опять поднималась на песчаные бугры и вдругъ сразу остановилась и отпрянула назадъ. Подъ ногами у ней была бездна; далеко внизу чернѣло озеро, и звѣзды отражались въ немъ. Силы покидали ее; страхъ въ сердцѣ разросся до отчаянія. Она упала на колѣни, закрыла лицо руками и горько заплакала отъ ужаса, отъ сознанія безвыходности положенія. Боръ казался ей теперь мрачнымъ подземельемъ; онъ душилъ ее; она готова была задохнуться подъ его безконечными сводами.

Потомъ этотъ порывъ отчаянія изчезъ. Силы окончательно покинули ее. Теперь ей ничего не хотѣлось кромѣ покоя, возможности не двигаться, не думать ни о чемъ. Она придвинулась, не вставая съ земли, къ огромной искривленной у корня соснѣ, сѣла, прислонилась къ дереву головой и закрыла глаза. Небо глядѣло на нее миріадами звѣздъ; вѣтви склонились надъ ней, угрюмыя, молчаливыя...

Потомъ будто шумъ какой пронесся вдали; будто музыка заиграла что-то нѣжное, милое; вонъ гдѣ-то прозвенѣла струна. Кто-то любящій, дорогой шепчетъ слово успокоенія. На сердцѣ стало тихо и сладко. Молодая женщина крѣпко спала.

Прошло часа два; перевалило за полночь. Яркій свѣтъ ударилъ на мгновеніе въ глаза спящей. Она открыла вѣки, но тотчасъ же опять ихъ сомкнула; сонъ не хотѣлъ разстаться съ ней. Но она чувствовала, что кто-то бережно и нѣжно поднималъ ее съ земли, осторожно обнимаетъ ее и куда-то несетъ. И она знала, кто это, и довѣрчиво держала усталую голову на его плечѣ и опять забывалась на мгновеніе крѣпкимъ сномъ и вновь приходила въ сознаніе.

— Пустите,—прошептала она, наконецъ, — вамъ тяжело... Я пойду... сама...

Но Туляковъ только крѣпче прижалъ ея тѣло къ груди и осторожно шелъ, счастливый, готовый всегда, всю жизнь нести въ сильныхъ рукахъ эту дорогую ему ношу. Онъ несъ, и самъ шепталъ въ упоеніи восторга:

— Дорогая, жизнь моя...

И плакалъ слезами счастья и цѣловалъ руку жены, довѣрчиво брошенную ему на плечо. А она опять засыпала на его плечѣ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ молодости. Потомъ она пришла въ себя уже въ телѣжкѣ, гдѣ сидѣла въ объятіяхъ Николая Васильевича. Ночь была темная и тихая. Лошадь легонько трусила по лѣсной дорогѣ; телѣжку бросало изъ стороны въ сторону, и спать становилось неудобно. Катерина Валеріановна раскрыла глаза и удивленно оглядывалась кругомъ.

*

— Что это? гдѣ это я?—прошептала она.

Ей было все странно кругомъ: и то, что она ѣдетъ въ лѣсу въ эту темную ночь, и то что Туляковъ крѣпко сжималъ ея руку, а главное то, что на эту руку упали двѣ горячія слезы.

— Вы плачете?—съ забившимся внезапно сердцемъ проговорила она.

Николай Васильевичъ не сразу могъ отвѣтить. Онъ только крѣпче сжалъ ея руку, а потомъ поднесъ къ губамъ и страстно поцѣловалъ.

— Вы такъ... напугали... Я терялъ уже надежду...

А у ней на сердцѣ дѣлалось все слаще и слаще.

Когда они подъѣхали, наконецъ, къ дому, сонливость совсѣмъ покинула молодую женщину. Она вылѣзла изъ телѣжки, взошла на крыльцо и остановилась въ раздумьѣ.

— Николай Васильевичъ, — позвала она мужа, а когда онъ вбѣжалъ на крыльцо, протянула ему руку и опять задумалась.

— Какъ это странно,—прошептала она,—удивительно странно...

— Ложитесь скорѣе въ постель, — безпокоился Туляковъ, — вамъ надо согрѣться... Я велю сейчасъ чаю...

Она не слушала его и, продолжая держать его руку, все повторяла:

— Удивительно странно... Ну, спокойной ночи... Простите за безпокойство... Вы такой... добрый... А это было... такъ странно... Ничего не понимаю...

Онъ опять робко и почтительно поднесъ ея руку къ губамъ а она еще впервые въ ихъ совмѣстной жизни, нагнулась и поцѣловала его щеку...

XIV.

Черезъ два дня Варвара Сергѣевна внезапно собралась и выѣхала за границу съ Пелагеей Ивановной и собачками. Передъ отъѣздомъ она позвала въ свою комнату невѣстку, обняла ее и сказала дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— Катя, у васъ съ мужемъ, я замѣчаю, все попрежнему нелады... Отчужденіе взаимное... Дружокъ, неужели я совершила ошибку?..—Мнѣ это такъ больно...—Катерина Валеріановна задумчиво поглядѣла на свекровь и ничего не отвѣтила. Она только поцѣловала у нея руку и вздохнула. Какая-то мысль упорно преслѣдовала ее эти послѣдніе дни, а она не могла съ ней совладать. И вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее очарованіе стало покидать ее. Она уже не была въ томъ заколдованномъ замкѣ, въ которомъ жилось такъ сладко и такъ тоскливо, въ которомъ мечталось о прекрасномъ королевичѣ-избавителѣ отъ чаръ. Теперь съ отъѣздомъ Вар-

вары Сергѣевны день молодой женщины сталъ наполняться разнообразными занятіями. Приходила кухарка спрашивать объ обѣдѣ, надо было принимать провизію, дѣлать распоряженія по мелкому домашнему хозяйству. Но больше всего брали времени у нея деревенскія женщины. Какъ-то само собой случилось такъ, что всѣ въ деревнѣ повѣрили въ медицинскія познанія молодой женщины, а затѣмъ въ ея умѣнье дать хорошій совѣтъ вообще. И къ ней сходились и за кое-какимъ лекарствомъ и просто поплакаться на свою долю. Случилось какъ-то такъ, что Катерина Валеріановна, никогда дотолѣ не жившая въ деревнѣ, видѣвшая крестьянъ только издали, нашла въ себѣ полный интересъ къ ихъ жизни и сразу научилась говорить съ ними, понимать ихъ и сочувствовать имъ. Съ утра и до вечера ей то и дѣло приходилось выходить на кухню, садиться около какой-нибудь женщины изъ деревни и подолгу бесѣдовать съ ней, помогая нерѣдко совѣтомъ, деньгами, а то просто словомъ участія или слезой сочувствія.

Однажды Туляковъ рѣшился замѣтить ей за завтракомъ:

— Вамъ, кажется, начинаютъ наши деревенскія бабы черезчуръ досаждать... Это, знаете, народъ безцеремонный... Если позволите, я велю не пускать ихъ...

Она вся вспыхнула, глаза ея загорѣлись.

— Что вы, что вы!..— воскликнула она.— Какъ не пускать?. Люди приходятъ посовѣтоваться, люди съ горемъ, а вы...

— Я, видите ли, за васъ безпокоюсь...

— Да что я сахарная, что ли?.. Пожалуйста, и не думайте имъ мѣшать... И потомъ, откуда это вы взяли, что они безцеремонны?.. Напротивъ, я удивляюсь ихъ деликатности... Я не ожидала, что это такой чуткій народъ...

Она все больше и больше входила въ интересы деревенскихъ своихъ знакомыхъ, позабывала для нихъ о собственномъ домѣ и жила теперь какой-то новой и полной жизнью. И болѣе, чѣмъ когда-либо, не помнила, что у нея есть мужъ.

Съ половины октября завернули морозы. Рѣчка покрылась толстымъ ледянымъ слоемъ, деревья опушило инеемъ. Но снѣгу все еще не было, и на безоблачномъ небѣ ярко свѣтило охолодѣвшее солнце. Туляковъ цѣлыми днями бродилъ съ ружьемъ по лѣсу, задумчивый, печальный. Ружье понапрасну болталось у него за плечами; онъ не замѣчалъ дичи и не ею была занята голова его. Онъ думалъ о томъ, что надо сдержать слово и освободить Катерину Валеріановну отъ ненавистнаго ей брака, но начать хлопоты о разводѣ не было силъ. А жена все больше и больше отдалялась отъ него. Онъ чувствовалъ, что сталъ ей чуждъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо. Случалось, что онъ по нѣсколько дней

не видалъ ея и садился за столъ въ одиночествѣ. А она въ эти дни питалась на кухнѣ, бесѣдуя съ какой-нибудь деревенской старухой, или даже въ деревнѣ, навѣстивъ кого-нибудь изъ больныхъ. У нея явилась, наконецъ, личная жизнь, и Туляковъ зналъ, что ему не удѣлено въ этой жизни уголка...

Однажды ихъ навѣстили Гущинъ и Вася Тупицынъ. Послѣдняго Катерина Валеріановна приняла съ радостной улыбкой, а относительно Гущина сама подивилась на себя: такой онъ сталъ ей чужой; она не находила словъ для разговора съ нимъ.

— А какъ вы расцвѣли,—замѣтилъ Никодимъ Алексѣевичъ,—жизни въ васъ прибыло...

Но она недоумѣвающе поглядѣла на него. Нѣтъ, жизни въ ней не прибыло. Она хотѣла бы жизни и счастья и вѣрила, что есть счастье, но не видѣла его, и будущее попрежнему было покрыто для нея туманомъ осени...

На возвратномъ пути въ городѣ Вася Тупицынъ, выѣхавъ за околицу деревни, бросилъ возжи лошади, отяжелѣвшему, грузному выкормку и поглядѣлъ сбоку на Гущина.

— Что задуматься изволили, Никодимъ Алексѣевичъ?..

Гущинъ вздохнулъ и закурилъ папиросу.

— Мало ли надъ чѣмъ задумаешься порой... Эхъ, ты, Вася, Вася!.. Хорошо тебѣ живется, потому что молодъ ты...

— И у меня молодость пройдетъ, Никодимъ Алексѣевичъ...

— Нѣтъ, вѣдь, чѣмъ хороша молодость? Первая, дѣвственная молодость? Ароматъ отъ нея; поэзія въ душѣ рождается, какъ глядишь на такую молодость... А вотъ, какъ выйдетъ дѣвушка замужъ, какъ начнетъ *расцвѣтать*, ну, мнѣ и грустно... Она счастье узнала, а аромата-то у нея уже нѣтъ... Кто-то тамъ поглотилъ этотъ ароматъ...

— А, смотришь, это не вы...

— Дуракъ ты, Васька, и больше ничего...

— А вы гляньте-ка, гляньте, Никодимъ Алексѣевичъ, благодать-то какую Богъ послалъ: вонъ звѣздочка зажглась, вонъ другая... А мѣсяцъ-то ровно мертвецъ ходитъ... И листомъ гнилымъ пахнетъ... Господи, какъ это превосходно!..

— А ты подхлесни своего борова-то...

— Борова-то? Это возможно... Ну, ты, поворачивай бока... А только доложу я вамъ, Никодимъ Алексѣевичъ, сердце у меня горитъ... Эва! сколько звѣздъ-то зажглось! И какъ это у нихъ скоропалительно... Никодимъ Алексѣевичъ, а Никодимъ Алексѣевичъ.

— Ну?

— Скажите вы мнѣ, и гдѣ эта самая Медвѣдица горитъ?

— А тебѣ она на что?

— Медвѣдица-то?.. А то вотъ еще баранъ какой-то есть. Учитель Парфеновъ сказывалъ... Оно, коли правду говорить, мнѣ не къ чему и знать... Такъ языкъ болтаетъ отъ полноты чувствія...

— Да ты съ чего это расчувствовался?

— Душа ликуетъ, Никодимъ Алексѣевичъ.

— Выпилъ ты, я вижу.

— Никакимъ манеромъ. А только что сердце стучитъ... Потому красота кругомъ неописуемая... Глянь-ка, баринъ: поле степь широкая, моздокская...

— Экъ тебя!..

— Ахъ ты, степь моя, степь широкая... Никодимъ Алексѣевичъ, дозвольте, дерну хуторокъ...

— Нѣтъ, ты и впрямь выпилъ, видно, Вася.

— То-есть, ни-ни. Я ужъ съ мѣсяцъ не пью, Никодимъ Алексѣевичъ... А душа ликуетъ... Безъ вина я пьянъ... Никодимъ Алексѣевичъ, восчувствуйте красоту...

— Ну, тебя въ болото. Отстань...

— Эхъ, ничего-то вы не понимаете... Господи, и сколь это на свѣтѣ распрекрасно!.. Никодимъ Алексѣевичъ, дозвольте васъ облобызать...

— Ахъ, отстань ты!.. Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, точно полоумный какой? Чему радуешься?

— Чему радуюсь? Ужъ тому радуюсь, что и сказать невозможно... Аль ужъ сказать?..

— Ну, говори.

— И то, видно, сказать... Эхъ, Никодимъ Алексѣевичъ, сердце вы мое растревожили... Ужъ то-то ли я узналъ, Никодимъ Алексѣевичъ...

— Да ну, не томи, говори...

— Ужъ скажу... Она-то, королева-то моя, Катерина-то Валеріановна...

— Ну?

— Какъ была, такъ и осталась..

— Ну, знаю, что осталась...

— Не то. Съ мужемъ врозь живетъ.

Гущинъ громко разсмѣялся.

— А вы не смѣйтесь, Никодимъ Алексѣевичъ; вѣрно узналъ.

— А тебѣ что за прибыль?

— Прибыль?.. Эхъ, сердце ваше безчувственное... Самъ знаю: что прибыли нѣтъ, а только, Никодимъ Алексѣевичъ... вы не смотрите на меня, что я плачу.. Это такъ, отъ чувства, Никодимъ Алексѣевичъ... Извѣстно, прибыли нѣтъ, а только... королева она непорочная, голубь чистая... И гляжу это я на нее давеча и думаю: а вотъ придетъ чудо, вдругъ и заснетъ она, королевна, и вѣкъ

будетъ спать; и положатъ ее въ хрустальный гробъ и привѣсятъ гробъ на золотыхъ цѣпяхъ среди дубравы заповѣдной на вѣковыхъ дубахъ. И будетъ спать она, красота неописуемая, во хрустальномъ гробу, а я буду стоять у гроба въ дубравѣ заповѣдной и глазъ не спущу съ красоты непорочной... Мѣсяцъ по небу поплыветъ, звѣздочки Божіи зажгутся, тишина кругомъ... И никого-то нѣтъ, окромя меня... И все я буду глядѣть, слезы лить. И весь изольюсь слезами, ручейкомъ около гроба потеку... А она все лежитъ—почиваетъ, и никто не коснется королевны непорочной... Одинъ я гляжу, слезы лью... Э-эхъ!..

— Гмъ...—промычалъ Гущинъ.

— И какъ это, кто смѣлъ думать, что достанется она кому-нибудь... Смерды мы, Никодимъ Алексѣевичъ, а она царевна чистая...

— А ты погоняй, погоняй борова, Иванъ-царевичъ...

XV.

Ночь спускалась темная, мрачная, молчаливая. Въ комнатахъ еще не зажигали огней, но было уже совсѣмъ темно. Катерина Валеріановна вошла въ залу, задумчивая, печальная, сѣла къ роялю, тронула клавиши привычной рукой и сейчасъ же съ какимъ-то отвращеніемъ захлопнула крышку. Тоска начинала охватывать душу молодой женщины сильнѣй и сильнѣй. Это была, повидимому, безпричинная тоска, но она мучила сердце, вызывала представленіе о смерти, уничтожала всякую мысль о радости жизни. Катерина Валеріановна подошла къ балконной двери и долго вглядывалась въ темноту ночи. Понемногу глазъ научился различать очертанія предметовъ во мракѣ, и Катерина Валеріановна видѣла прямо противъ себя огромную черную сторону бора, который высился сейчасъ же за рѣчкой. Онъ былъ теперь страшный, угрюмый, безжалостный; онъ стоялъ нѣмой угрозой, говорилъ только о смерти. Но и здѣсь всюду что-то грозитъ сердцу, вѣетъ холодомъ и тоской.

Катерина Валеріановна прошла въ свою комнату, зажгла лампу попробовала читать, взялась за работу и отбросила и книгу, работу. Сердце сжималось отъ боли, тосковало. Тогда она закрыла лицо руками и тихо заплакала. Она плакала отъ жалости къ себѣ самой. Такъ пусто кругомъ, нѣтъ никого, ни одной родной души; не съ кѣмъ подѣлиться мыслями, печалью сердца...

Въ столовой зажгли лампу, накрыли столъ къ ужину, подали самоваръ. Она прошла туда, надѣясь хоть въ этомъ уютѣ найти облегченіе отъ тоски, но и это не помогло. Николай Васильевичъ сидѣлъ молчаливый, угрюмый и какъ-то ожесточенно уничтожалъ

ужинъ, видимо, не замѣчая даже, что ѣстъ. Она пристально разглядывала его и дивилась, какой онъ сталъ худой, желтый и какая печаль лежитъ на этомъ, всегда беззаботномъ лицѣ. Потомъ она задумалась, потомъ тоска опять сжала ея сердце.

— Господи, какъ тяжело!—стономъ вырвалось у нея.

Туляковъ дрогнулъ и взглянулъ на нее страдальческимъ взглядомъ.

— Потерпите же немного,—тихо проговорилъ онъ.

— Терпѣть, всю жизнь терпѣть!—воскликнула Катерина Валеріановна, ломая руки въ порывѣ тоски.—И ради чего терпѣть?.. Ахъ, лучше смерть, лучше разомъ все окончить...

— Вы думаете, я не вижу, какъ вы страдаете?—продолжалъ онъ все тѣмъ же глухимъ, скорбнымъ голосомъ.—Не вините меня очень... Я поправлю, я все измѣню... Я, дѣйствительно, виноватъ въ непростительномъ легкомысліи... Я поступилъ, какъ мальчишка... Я и былъ мальчишкой... Но теперь я выросъ... О, я сталъ на десятки лѣтъ старше... И я все исправлю; имѣйте только терпѣніе...

Но она глядѣла на него какими-то безумными, ничего не понимающими глазами.

— За что? Чѣмъ я провинилась?—говорила она.—Вѣдь, это не жизнь, это могила... Заживо похоронили...

Тогда онъ всталъ во весь свой большой ростъ, блѣдный, измученный.

— Не говорите такъ, ради Бога не говорите... Обѣщаю вамъ вѣрнымъ словомъ, что завтра же напишу, начну хлопоты... Вы получите разводъ, я освобожу васъ... Ахъ, чего я не сдѣлаю!.. Не печальтесь же такъ.. Передъ вами вся жизнь... Вы опять будете свободной... выбирайте себѣ жизнь...

Онъ не договорилъ и, круто повернувшись, быстро вышелъ изъ комнаты. А Катерина Валеріановна, блѣдная, тяжело дышащая, долго глядѣла ему вслѣдъ и все плакала тихими, горькими слезами.

Потомъ она встала и прошла въ свою комнату. Ей было душно, не хватало воздуха. Силы какъ-то вдругъ упали, а на сердцѣ вмѣсто прежней тоски воцарился леденящій холодъ. Этотъ холодъ проникъ оттуда во все тѣло. Она начала понемногу дрожать. А мысль о смерти теперь казалась сладкой, успокоительной.. Прошло два часа. Близилась полночь. Катерина Валеріановна скинула платье, подошла къ постели, но почему-то мысль объ этой мягкой роскошной постели показалась ей ненавистной. Тогда она накинула капотъ, вдѣла ноги въ туфли и, потушивъ лампу, прилегла на диванъ. Она долго лежала съ раскрытыми глазами, приглядываясь къ темнотѣ, въ которой прыгали свѣтящіяся точки, про-

плывали и скрывались какія-то невѣдомыя чудовища, скалили зубы невиданные звѣри. А на сердцѣ все попрежнему былъ леденящій холодъ

Наконецъ, она стала забываться тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ. Перешло за полночь. Но вотъ зашумѣлъ вѣтеръ; лѣсъ заговорилъ страшнымъ, глухимъ говоромъ; полилъ дождь. Гдѣ-то далеко завыла собака, а быть можетъ и волкъ. Катерина Валеріановна раскрыла вдругъ глаза и сразу сѣла на диванѣ. Ознобъ охватилъ ея тѣло. Что-то страшное, роковое было въ этой комнатѣ, какой-то ужасъ гнѣздился во мракѣ угловъ. Дрожа отъ страха, соскольснула она босыми ногами на полъ, ощупала впотьмахъ дверь и выбѣжала въ корридоръ, а оттуда въ залу. Но и здѣсь было жутко, темнота грозила призраками, леденила душу ужасомъ. Лѣсъ гудѣлъ миріадами голосовъ, зловѣщій, сулящій гибель. Вѣтеръ вылъ въ трубѣ, а дождь неустанно стучалъ по желѣзу крыши.

Измученная робостью, не помнящая, что дѣлаетъ, опустилась Катерина Валеріановна на полъ около большого дивана, закрыла лице руками и горько заплакала, дрожа отъ холода и страха. Ей казалось, что уже все погибло, что смерть глядитъ со всѣхъ угловъ, неумолимая, безпощадная, жестокая. А вѣтеръ шумѣлъ все сильнѣй и сильнѣй и все угрюмѣе гудѣлъ лѣсъ...

Изъ кабинета вышелъ вдругъ со свѣчой въ рукѣ Николай Васильевичъ, направился въ залу, тревожно оглядываясь, и остановился, пораженный, растерявшійся.

— Катерина Валеріановна,—проговорилъ онъ,—что съ вами? Зачѣмъ такое отчаяніе?.. Ну, я же все, все сдѣлаю...

— Мнѣ страшно,—прошептала она, приподнимаясь съ пола и садясь на диванъ.—Я... отъ страха... Я заснула.. тамъ... у себя... И что-то привидѣлось... И мнѣ такъ холодно... Должно быть, лихорадка...

— Я сейчасъ принесу вамъ шубку...

Онъ было пошелъ, но она порывисто схватила его руку.

— Не уходите, нѣтъ, нѣтъ!.. Мнѣ страшно... Я не могу вынести...

Она подобрала подъ себя ноги, стыдливо прикрывъ ихъ подоломъ капота и опустила голову на диванную подушку.

— Посидите здѣсь,—умоляюще проговорила она,—мнѣ такъ тяжело одной... Такой страхъ все мучаетъ...

Но ознобъ все не унимался. Она тихо дрожала и все ежилась, подбирая подъ себя ноги, кутаясь въ широкія рукава капота.

— Прикройте,—прошептала она.

Онъ бросился въ свой кабинетъ, схватилъ подушку и коротенькую шубку, въ которой любилъ бродить осенью по лѣсу, и принесъ все это въ залу.

Осторожно и нѣжно приподнялъ онъ за плечи Катерину Валеріановну, подложилъ ей мягкую подушку, потомъ укуталъ ее шубкой, а самъ сѣлъ у ея ногъ и все глядѣлъ на ея прекрасное, теперь такое блѣдное, измученное лицо. Она тихо засыпала; изъ ея устъ стало вырываться легкое, ровное дыханіе. Потомъ тѣло стало согрѣваться; на лицѣ показался румянецъ, а ноги слегка вытянулись. Туляковъ осторожно задулъ свѣчу и сидѣлъ въ потемкахъ, сторожа сонъ жены, охраняя ея покой...

Время бѣжало. Дождь сталъ умолкать и вѣтеръ утихъ. Сквозь запотѣвшія стекла оконъ пробирался блѣдный и робкій утренній свѣтъ.

Николай Васильевичъ оторвался отъ своихъ тоскливыхъ думъ и взглянулъ на спящую. Она совсѣмъ разогрѣлась; на лицѣ ея былъ румянецъ, а губы что-то шептали. Жгучая боль печали охватила вдругъ сердце Тулякова. Никогда эти розовыя губы не протянутся къ нему для поцѣлуя, никогда не скажутъ ему о любви!.. И онъ опустился на колѣни, припалъ головой къ ея ногамъ и цѣловалъ ихъ и плакалъ ядовитыми, надрывающими силы слезами...

Она вдругъ раскрыла глаза, сѣла на диванѣ и глядѣла на мужа широко раскрытыми глазами.

— О чемъ вы? — прошептала она.

— Простите меня, простите... Все сдѣлаю... Напишу... выхлопочу... Но не вините... не могъ... не выдержалъ... Вѣдь я безумно люблю... Я изстрадался... Я не виноватъ, что полюбилъ... Сердце и у меня есть. .

Она пододвинулись еще ближе къ нему.

— Что вы говорите?.. Да неужели это правда?

— Правда, все правда... Я былъ тогда... легкомысленный, ни о чемъ не думающій... Я полагалъ, что это легко, что это ничего не значитъ... и вотъ я наказанъ жестоко, я васъ никогда, никогда не забуду... я вѣчно буду мучиться...

Она положила обѣ руки ему на плечо, потомъ прижалась щекой къ его щекѣ и прошептала:

— А я-то?... вѣдь и я... тоже... Я не выдержала... полюбила...

Туляковъ плохо помнилъ, что было въ его головѣ и сердцѣ въ тотъ мигъ. Кругомъ него утренній свѣтъ упорно, шагъ за шагомъ тѣснилъ ночную тьму, загоняя ее въ вышину потолковъ, въ заслоненные мебелью углы. Было холодно и у него въ это озябшее, сырое осеннее утро. А онъ въ восторгѣ нестерпимой такъ нежданно нахлынувшей къ нему радости какъ безумный цѣловалъ руки Катерины Валеріановны и все шепталъ прерывающимъ голосомъ:

— За что мнѣ такое счастье?.. Боже, я задохнусь отъ счастья...

А она ласкала рукой его густые волосы и задумчиво глядѣла въ его глаза своими большими черными глазами.

— Счастье? ты сказалъ — счастье?.. Такъ вотъ оно, это счастье...
— Да, да, и я не стою его... Охъ, неужели это сонъ?..
— Странно... Неужели теперь начнется счастье?..

XVI.

Оно, повидимому, началось. И не только для Тулякова, котораго эта любовь захватила цѣликомъ всего безъ остатка, но и для Катерины Валеріановны. Послѣдняя чувствовала, что ее опять охватываетъ очарованіе, но теперь не было смутнаго желанія скорѣе нарушить это волшебство. Явился королевичъ и унесъ ее изъ заколдованнаго замка, но унесъ для новаго волшебнаго сна, полнаго плѣнительныхъ грезъ, дивныхъ видѣній. И только порою, садясь за рояль, она уносилась вдругъ душой далеко отсюда въ міръ иныхъ видѣній, и тогда сердце опять начинало о чемъ-то болѣть, тосковать, и вся роскошь молодой, проснувшейся любви не могла заглушить этого тихаго стона тоскующаго сердца...

Она попрежнему и даже еще болѣе, чѣмъ прежде, занималась своимъ деревенскими знакомыми, еще глубже и сердечнѣе входила въ ихъ интересы, но теперь Николай Васильевичъ не ревновалъ ее къ нимъ и самъ понемногу начиналъ интересоваться внутреннимъ міромъ деревни. Это дѣлало ихъ жизнь полнѣе, а ему доставляло нравственное удовлетвореніе.

— Я совсѣмъ перерождаюсь,—говорилъ онъ женѣ,—ты меня перевоспитала... Я сталъ старше, разумнѣе и... лучше, благодаря тебѣ...

А она задумчиво глядѣла на него большими глазами и какъ-то загадочно говорила:

— Все это... не то... Послушай, ты счастливъ?

Онъ съ самозабвеніемъ начиналъ цѣловать ея руки.

— И ты еще сомнѣваешься!.. Я на небѣ... Я въ раю...—Я живой взятъ на небо...

— И мнѣ хорошо... Это такое сильное чувство — любовь... И добавляла задумчиво и грустно: — а все же... это не то... не то...

Передъ великимъ постомъ идиллія ихъ жизни была нарушена. Однажды утромъ изъ города пріѣхалъ нарочный, вызвалъ Тулякова въ кухню и таинственно проговорилъ:

— Старый баринъ, Валеріанъ Николаевичъ, помирать собрались, васъ съ барыней просятъ...

Когда Туляковы прибыли въ городъ, они застали Кармалинова лежащимъ въ постели съ перекошеннымъ апоплексіей лицомъ, съ жалко глядящими уже потухающими глазами. Онъ знаками подо-

звалъ ближе къ себѣ дочь и зятя и все старался что-то имъ сказать. Но парализованный языкъ издавалъ только какіе-то непонятные звуки, и больной мучился этой невозможностью высказаться, и крупныя слезы текли по его обвислымъ, дряблымъ щекамъ.

Катерина Валеріановна, сама плача отъ жалости, догадалась подать ему грифельную доску. Больной жадно схватилъ грифель лѣвой рукой, мычаніемъ подозвалъ зятя подойти ближе и кое-какъ нацарапалъ на доскѣ:

«Долги обезпечены землей, домомъ. Кармалиновъ никого не обманулъ».

Онъ закрылъ глаза, утомленный усиліемъ, и на минуту будто вздремнулъ. Но вскорѣ на лицѣ его опять появилась гримаса страданія, а изъ глазъ потекли слезы. Онъ заворочался на постели и мычаньемъ выражалъ безпокойство. Ему опять подали грифель и доску и онъ написалъ слабѣющей рукой:

«Страшно. Спасайте. Боюсь»...

Потомъ какъ-то закатилъ вверхъ уцѣлѣвшій лѣвый глазъ и помахалъ въ воздухѣ рукой.

— Вамъ тяжело дышать?—спросила Катерина Валеріановна, нагибаясь къ нему, но онъ нетерпѣливо откинулъ голову.

Тогда она опять подала ему доску.

«Жалко жизни,—писалъ онъ,—шла не такъ».

Къ вечеру былъ второй ударъ, а къ утру Кармалиновъ скончался...

За панихидами неизмѣнно присутствовалъ давнишній партнеръ по винту Гущинъ. Онъ постарѣлъ за послѣднее время и былъ грустенъ и задумчивъ. Послѣ одной изъ панихидъ онъ подошелъ къ гробу, долго взглядывался въ застывшія, окаменѣвшія черты лица усопшаго и скорбно вздохнулъ.

— Эхъ, братъ, братъ,—проговорилъ онъ,—а вѣдь и мы съ тобой были молоды и все чего-то ждали впереди, на что-то надѣялись...

Онъ смахнулъ холеной рукой набѣжавшую слезу и подошелъ къ Тулякову.

— Страшно это напоминаніе объ общей участи; и какъ вспомнишь, что въ сущности счастья и не видалъ, такъ жутко станетъ вглядываться въ недалекую уже могилу...

Туляковъ, упоенный любовью къ женѣ, протестовалъ:

— Не стоитъ задумываться о смерти. Придетъ часъ, всякій ляжетъ въ могилу... А пока жить, жить... И у васъ была молодость и счастье...

Гущинъ грустно поглядѣлъ на него.

— Вамъ очень хочется жить; это видно. Что же и живите

И я также жадно пилъ, какъ говорится, изъ чаши наслажденія.. А только все это не то...

Вѣрочка и Любочка всѣми силами старались помогать Катеринѣ Валеріановнѣ въ хлопотахъ, суетились около нея, распоряжались на кухнѣ. Любочка, только что вышедшая замужъ, была переполнена важностью этого событія въ ея жизни. Она постоянно вставляла въ свои рѣчи выраженія «мой мужъ», «мы, замужнія женщины» и обращалась со старшей сестрой, еще дѣвушкой, нѣсколько свысока. А Вѣрочка, похудѣвшая, подурнѣвшая, видимо, мучилась своимъ положеніемъ оставшейся въ дѣвушкахъ старшей сестры и все кидала вызывающіе взгляды на молодого и франтоватаго станового пристава, который, покручивая тонкіе, мягкіе усы, становился во время панихидъ въ картинную позу...

Послѣ похоронъ Катерина Валеріановна, крѣпившаяся всѣ эти дни, не выдержала и, оставшись одна съ мужемъ, отчаянно заплакала, упавъ ему на грудь.

— Уѣдемъ, скорѣй уѣдемъ...—всхлипывала она.—Домой, скорѣй домой...

Съ ней начался такой припадокъ, что Туляковъ испугался и и послалъ за докторомъ...

— Домой, домой,—твердила она и при врачѣ.—Не могу, не въ силахъ...

— Субъектъ чрезмѣрно нервный, — пояснилъ врачъ Николаю Васильевичу.—Хорошо бы на югъ... Вообще больше развлеченія... Знаете, перемѣна впечатлѣній...

— Катя, другъ мой, — говоритъ Туляковъ, уже вернувшись съ женой въ свою усадьбу. — Хочешь за границу? Поѣдемъ въ Италію. А? И докторъ совѣтуетъ.

Но она только замахала на нее рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу. Никуда не хочу... Давай здѣсь жить, только какъ-то иначе жить... Милый, научи, какъ жить... Я сама не умѣю, не знаю... Милый, ты много учился, ты старше меня, научи... Такъ жить, чтобы было счастье, полное великое счастье... Милый, милый...

Она вся дрожала и крѣпко, до боли сжимала его огромную руку своими маленькими, слабыми руками.

— Катя,—пытался онъ успокоить ее,—вѣдь мы же счастливы, мы любимъ другъ друга. Развѣ ты не чувствуешь, какъ я люблю тебя?..

Она прижималась къ нему, нѣжная, прекрасная.

— Чувствую, знаю. И сама люблю... Милый, дорогой, люблю... Но не то, не то... Какъ жить, чтобы все счастье, вонъ то, которое тамъ въ этой безконечной синевѣ неба, все сюда привлечь, чтобы наполнить имъ всю жизнь, каждый шагъ жизни...

Она говорила, какъ въ изступленіи, ломая руки, задыхаясь, рыдая. Она требовала безграничнаго счастья, полнаго душевнаго умиротворенія, сліянія всѣмъ существомъ своимъ съ міозданіемъ, абсолютной гармоніи.

— Ты думаешь мнѣ этого надо?—шептала она, задыхаясь отъ волненія и срывая съ пальцевъ дорогія кольца, — я въ рубищѣ буду ходить, сухой коркой хлѣба питаться, но только счастія, счастья дай...!

— Но, другъ мой,—пытался образумить ее Туляковъ,—счастье въ любви... Мы любимъ другъ друга...

Она опять заломила руки.

— Не то, не то... Боже, мой, онъ не понимаетъ меня... Я не умѣю выложить ему душу мою...

Она плакала въ припадкѣ какого-то отчаянія, становилась на колѣни, ловила руки мужа для поцѣлуя и все умоляла понять ее. Не умомъ понять—у ней не хватало словъ высказать свою мысль,— а сердцемъ. Она не могла успокоиться на любви къ мужу; она хотѣла бы, чтобы все кругомъ нея была одна любовь, одно духовное сліяніе въ высшемъ покоѣ любви.

— Пускай,—шептала она,—пускай я измучаюсь, пускай изстрадаюсь въ непосильномъ трудѣ, но пусть трудъ этотъ будетъ для окружающихъ меня и пусть они платятъ мнѣ любовью, полной любовью... Пусть я знаю, пусть чувствую каждую минуту, что я дорога имъ такъ же, какъ дороги они мнѣ... И тогда... Ахъ, что мнѣ тогда до моихъ тѣлесныхъ страданій!.. Я не замѣчу ихъ; я сердцемъ сольюсь со всѣми, кто вокругъ меня; я буду чувствовать, что каждый ударъ моего сердца отдается въ груди у каждаго... И сама я буду слышать удары сердца каждаго...

— Другъ мой, ты требуешь невозможнаго...

— А! это невозможно?.. Я безумствую... оставимъ разговоръ... Я устала... я такъ разстроена за эти дни...

Она сѣла въ кресло и изнеможенно опустила голову на руку.

— Нѣтъ,—тихо и грустно добавила она,—нѣтъ, не все безуміе въ моихъ словахъ. Есть такое счастье: оно возможно. Но оно далеко, далеко, и намъ съ тобой не дождаться его...

— Катя,—попытался утѣшить ее Туляковъ, — вѣдь кругомъ насъ люди, которые такъ любятъ тебя. Вѣдь, ты столько для нихъ дѣлаешь, ты и меня научила глядѣть на нихъ иными глазами. Отчего это не успокаиваетъ тебя?

— Не то, мой другъ, все это не то... Все это игрушки, забава... Что изъ того, что я поговорю съ Ариной, или дамъ дозу хинина Матвѣю?.. А все же мы такъ далеки отъ нихъ, и они далеки отъ насъ... Какая у насъ съ тобой главная цѣль въ жизни? Стать какъ можно богаче, получить съ этого имѣнія какъ можно

больше дохода и имѣть возможность проживать какъ можно больше денегъ. А эти тамъ Арины, Матвѣи, все это такъ между прочимъ...

Онъ начиналъ пугаться. Это уже какой-то фанатизмъ. Развѣ онъ, Туляковъ, образцово ведя хозяйство, не служитъ тѣмъ самымъ обществу, государству? Если благодаря этой службѣ онъ получаетъ съ хозяйства хорошій доходъ,—это не что иное, какъ заслуженная имъ награда, которой онъ пользуется съ чистой совѣстью. Онъ, Туляковъ, всегда былъ противъ службы только изъ-за жалованья, но эту дѣятельность онъ считаетъ одною изъ самыхъ благородныхъ и полезныхъ для общества.

Она слушала его, а тоска выдѣлялась на ея лицѣ.

— Милый, все это, вѣроятно, правда, и я нисколько не виню тебя. Ты дѣлаешь, какъ тебѣ совѣсть велитъ, но я не про то хотѣла сказать, совсѣмъ не про то...

Онъ недоумѣвающе пожалъ плечами, а она опять плакала и ласкалась къ нему и молила его понять ее сердцемъ. Ахъ, если бы Кира была здѣсь! Кира умѣла бы пояснить ему, о чемъ ея тоска. Онѣ съ Кирой всегда понимали другъ друга...

— И я тебя пойму,—горячо воскликнулъ онъ,—говори, говори...

Но она могла только повторить то, что уже сказала. Она тоскуетъ о счастьѣ, о великомъ счастьѣ души, о полной гармоніи духа со всѣмъ, что окружаетъ ее. Она понимаетъ, что гармонія эта не дается даромъ, что нужно добыть ее цѣною великихъ усилій любви и объ этой любви, объ этихъ трудахъ во имя любви она и молитъ, къ нимъ она призываетъ его...

XVII.

Съ тѣхъ поръ она уже не говорила съ нимъ на эту тему. Ей точно стыдно стало того изступленія, въ которомъ она была, умоляя его о счастьѣ. Но Николай Васильевичъ часто видѣлъ на ея лицѣ глубокую задумчивость и грусть, которыя страшили его, поселяя въ его сердцѣ смутное опасеніе чего-то невѣдомаго, но ужаснаго и что онъ не въ силахъ былъ предотвратить...

Потомъ онъ оглядывался на минувшіе годы своей жизни и смущался, и недоумѣвалъ. Ему жилось всегда такъ беззаботно и легко; онъ былъ спокоенъ и счастливъ, не задумываясь почти никогда о цѣляхъ, о своемъ назначеніи въ жизни; онъ такъ любилъ жизнь ради жизни и такъ отдавался этому чувству жизни. Затѣмъ любовь къ женщинѣ опьянила его, заставила жизнь его идти ускореннымъ темпомъ. Онъ готовъ былъ назвать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, но... происходило что-то непонятное. Какая-то

струя печали, тоски, раздвоенности вливалась въ его спокойное міропониманіе.

Въ душѣ начиналась тревога, смутная, неопредѣленная, безпредметная. Недовольство собою ощущалось въ самыхъ тайникахъ сердца...

Однажды ночью онъ проснулся вдругъ безъ всякой видимой причины, чѣмъ-то встревоженный, слегка оробѣвшій. Ночь была тихая, мирная. Въ углу передъ большими кіотами образовъ въ драгоцѣнныхъ ризахъ горѣла цвѣтная лампада и тѣни колебались на стѣнахъ и потолкѣ. Катерина Валеріановна спокойно спала, подложивъ подъ щеку ладонь руки. Туляковъ приподнялся на локоть и долго вглядывался въ это прекрасное, нѣжное лицо. Онъ глядѣлъ, и ему почему-то хотѣлось заплакать слезами жалости къ этому хрупкому, слабому тѣлу, которое было такъ безконечно дорого ему. Она тихо и ровно дышала въ спокойномъ снѣ, но лицо ея было блѣдно, и отпечатокъ глубокой, затаенной грусти лежалъ на немъ.

«Отчего она такъ грустна, о чемъ печаль ея?» задавалъ себѣ мучительные вопросы Туляковъ и не могъ отвѣтить на нихъ. Потомъ онъ припоминалъ ея страстныя мольбы о счастьѣ въ тотъ день, когда они вернулись изъ города съ похоронъ Кармалинова, и вновь и вновь не понималъ, о какомъ счастіи толкуетъ она. Въ тотъ день онъ подумалъ, что у ней просто разстроены нервы, что панихиды, надгробныя пѣсни, присутствіе смерти, потеря, наконецъ, человѣка, который все же назывался ея отцомъ, удручающе подѣйствовали на нее. И дѣйствительно, она съ тѣхъ поръ стала спокойнѣе, не возвращалась больше къ этому разговору, стала, повидимому, довольствоваться реальнымъ существующимъ. Но вотъ съ тѣхъ поръ прошло больше мѣсяца, а она попрежнему порой такъ грустна, что сердце разрывается, глядя на нее.

Туляковъ нагнулся и тихонько, нѣжно поцѣловалъ ея тонкую руку съ синими жилками, небрежно брошенную поверхъ одѣяла. И опять жалость и боль охватили его и онъ чувствовалъ, что слезы готовы хлынуть изъ его глазъ...

Съ тѣхъ поръ онъ каждую ночь просыпался и подолгу полулежалъ, опершись на локоть, на кровати и все глядѣлъ на блѣдное и прекрасное лицо жены, такое грустное, таящее мечты о какомъ-то, невѣдомомъ ему, Тулякову, счастьѣ.

И думалъ о томъ, что и онъ, Николай Туляковъ, въ сущности, дальше отъ счастья, чѣмъ когда-либо. Душевный покой нарушенъ; онъ, Туляковъ, уже не можетъ, какъ прежде, безмятежно наслаждаться жизнью. То, что прежде онъ считалъ лучшимъ изъ всѣхъ занятій, работа помѣщика представлялась теперь чѣмъ-то сомнительнымъ, какая-то виновность ощущалась въ душѣ. Но онъ ни

въ чемъ не виновенъ; онъ честный человѣкъ, онъ честно дѣлаетъ свое маленькое, но полезное дѣло. А невѣдомый ему дотолѣ голосъ тихо, но внятно шепталъ гдѣ-то въ самой глубинѣ сердца: «Нѣтъ, нѣтъ»...

Туляковъ возмущался. Откуда эти странныя мысли? зачѣмъ онѣ вторгаются въ его мирную, счастливую жизнь? Это самобичеваніе безцѣльно, безплодно. Это вліяніе на его здоровую, нетронутую душу больной души Катерины Валеріановны. Да, несомнѣнно то, что эта женщина внесла въ его жизнь не только счастье страстной любви, но и начало душевнаго разлада. Волнующейся струей влилась она въ зеркально спокойную поверхность его жизненнаго теченія. Это она подняла въ его душѣ какіе-то запросы, новыя мысли, неудовлетворенность настоящимъ, самимъ собою. А если такъ, то... не лучше ли было бы, если бы ихъ жизни совсѣмъ не нстрѣчались?..

Онъ закрылъ глаза и мучительно нахмурилъ лобъ, задавая себѣ послѣдній нопросъ. И отвѣчалъ утвердительно. Да, годъ тому назадъ онъ, Николай Туляковъ былъ спокоенъ, безмятеженъ и счастливъ. А теперь... Стонъ страданія вырвался изъ его груди. Эти мысли были такъ мучительны, такъ ужасны... И онъ гналъ ихъ прочь, какъ навожденіе; онъ стыдился ихъ и вызывалъ въ сердцѣ прежнюю нѣжность къ женѣ, страстную, беззавѣтную любовь. И ему это удавалось, и онъ попрежнему чувствовалъ себя счастливымъ и покойнымъ. Но черезъ нѣсколько дней онъ опять проснулся среди ночи, опять вглядывался въ лицо спящей жены и къ ужасу своему не ощущалъ въ сердцѣ ни жалости къ ней, ни нѣжности. Его лицо невольно хмурилось, а въ сердцѣ что-то волновалось, ходило, какъ волна въ бурю. Онъ безпомощно отбросилъ голову иа подушки и долго лежалъ съ открытыми глазами, глядя куда-то передъ собой въ полумракъ комнаты. И опять и опять его мысли бѣжали назадъ къ тѣмъ днямъ, когда онъ жилъ свободнымъ человѣкомъ, беззаботнымъ, не волнуемый никакими томительными запросами совѣсти, безмятежно глядящій впередъ на свой ровный жизненный путь. Тогда въ сердцѣ его поднялось сожалѣніе объ этой утраченной безмятежной жизни... гнѣвъ на жену. Онъ самъ страдалъ отъ этого чувства, но преодолѣть его не могъ. А мысль упорно, настойчиво работала. Что внесла въ его жизнь Катерина Валеріановна? Красоту, роскошь женскаго тѣла, очарованіе женской ласки и затѣмъ душевный разладъ, возникновеніе новыхъ мучительныхъ вопросовъ. Онъ не хочетъ этихъ вопросовъ, онъ гонитъ ихъ прочь, но напередъ знаетъ, чувствуетъ, что они никогда не отстанутъ отъ него, что никогда не вернется къ нему прежній безмятежный покой. Его душевный миръ уже поколебленъ, рождается и растетъ какое-то новое, дотолѣ чуждое ему

міропониманіе. И это ужасало его, мучило и опять гнѣвъ на жену поднимался въ немъ глухимъ протестомъ противъ нарушенія прежняго душевнаго покоя...

Потомъ, несмотря на страданіе, которое чувствовалъ онъ въ сердцѣ, онъ, точно желая растравить еще больше душевную рану, началъ анализировать свою любовь къ женѣ. Она, Катерина Ва леріановна хороша, роскошна тѣломъ, но... развѣ не лучше ея, не богаче ея нѣгой и ласками московская Анжелика, съ которой онъ велъ знакомство до своей женитьбы? Правда, было много грязи въ ихъ отношеніяхъ, но теперь воспоминанія объ Анжеликѣ волновали его, и эта женщина представлялась ему дорогой, желанной, а утрата ея, какъ утрата всей прежней свободной и безмятежной жизни, горемъ. Тогда, въ холодномъ поту, въ душевной тоскѣ, онъ задалъ себѣ послѣдній ужасный вопросъ:

«Да есть ли у меня, наконецъ, любовь къ женѣ?..»

И сейчасъ же отвѣтилъ:

«Нѣтъ».

Но это было такъ тяжело, такое отчаяніе охватило его, что онъ тихо застоналъ и, отвернувшись на бокъ, зарылъ голову въ подушки и лежалъ, неподвижный, убитый, страдающій.

— Что съ тобой?—прошептала Катерина Валеріановна, нагибаясь къ нему.—Ты такъ застоналъ...

Но онъ ничего не отвѣтилъ и даже не обернулся къ ней. Отчужденіе отъ жены, чувство, близкое къ ненависти, попрежнему камнемъ давило его сердце, и онъ страдалъ, какъ не страдалъ еще никогда...

Катерина Валеріановна присѣла на постели и съ минуту молчала, стараясь собраться съ мыслями. Она чутьемъ угадывала, что на душѣ у мужа лежитъ какая-то тяжесть, что онъ мучается, но еще не знала, какъ приступить къ нему, чтобы развѣдать, въ чемъ дѣло. Наконецъ, она протянула руку и тихо стала гладить его по головѣ и по лицу.

— Милый, что съ тобой, о чемъ твоя печаль?..

— Оставь, уйди!..—глухо, съ затаеннымъ гнѣвомъ прошепталъ онъ, а самъ страдалъ отъ этихъ словъ, ужасался, что онъ могъ вымолвить ихъ.

Но Катерина Валеріановна какъ будто не замѣтила нежданной и необычной у мужа жесткости его отвѣта. Она продолжала ласкать рукой его лицо.

— Милый, скажи, подѣлись горемъ... Легче будетъ...

— Оставь! Мнѣ никого не нужно, ничьего участія...

Она на минуту замолчала, недоумѣвающая, удивленная, но потомъ снова положила руку на его голову.

*

— Милый, не отстраняй меня... На то я и жена тебѣ, чтобы дѣлить съ тобой горе и радость...

И вдругъ воскликнула, коснувшись рукой его глазъ:

— Боже, онъ плачетъ!.. Милый, милый, о чемъ ты?..

Но онъ уже рыдалъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ и зарываясь головою въ подушки. Потомъ порывисто поднялся, сѣлъ на постели и припалъ головой къ колѣнямъ жены, цѣлуя ихъ и шепталъ въ слезахъ:

— Не вѣрь, ничему не вѣрь... Это не я думалъ... Это кто-то посторонній подсказывалъ мнѣ. . Это нервы... безсонная ночь...

И онъ ловилъ ея руки для поцѣлуевъ и обливалъ ихъ слезами...

XVIII.

Катерина Валеріановна вышла изъ дому и направилась въ садъ посидѣть на любимой своей скамьѣ надъ рѣчкой. Близился тихій весенній вечеръ. Въ лѣсу смолкали хоры птицъ и все отчетливѣй, громче, самозабвеннѣй начиналъ свою пѣсню соловей. Воздухъ былъ мягкій, нѣжный и навѣвалъ въ сердце и тоску и грусть...

Катерина Валеріановна чувствовала себя усталой. Почти съ самаго утра ей пришлось провести время съ Аксиньей, успокаивая ее, уговаривая, потомъ сердясь, огорчаясь. Аксинья, молодая, красивая, всего какъ годъ, вышедшая замужъ, прибѣжала къ ней сегодня, простоволосая, избитая мужемъ, вся въ слезахъ. Она упала на колѣни передъ Катериной Валеріановной, отчаянно плакала, вся изливалась въ слезахъ и причитаніяхъ. И Тулякова плакала вмѣстѣ съ ней, выслушивала ея сѣтованія, давала ей совѣты. Потомъ привела въ порядокъ ея костюмъ, дала ей валеріановыхъ капель, обласкала ее, по возможности утѣшила и пошла на деревню въ ея избу. И тамъ ей долго пришлось говорить и слушать, какъ перекоряются супруги, Аксинья и ея мужъ, молодой, только что вернувшійся съ заработковъ домой, парень. Подъ конецъ Катерина Валеріановна поняла безсвязные, отрывистые возгласы обѣихъ сторонъ, увидала, что поводъ къ ссорѣ подали и мужъ и жена, и начала мирить ихъ. И это ей удалось сдѣлать нѣжно, деликатно, не затрогивая самолюбія ни мужа, ни жены. Но когда обѣ стороны успокоились, и мужъ вышелъ изъ избы, а Аксинья уже въ слезахъ благодарности стала цѣловать Тулякову, въ избу вошла Мароа, младшая золовка Аксиньи, худенькая, болѣзненная дѣвушка, Аксинья, точно ее что-то кольнуло, вскочила съ лавки съ загорѣвшимися глазами, съ лицомъ, искривленнымъ гримасой злобы.

— Ишь ты, ишь ты!—закричала она.—царевна Миликтриса!.. Безстыжія твои зеньки, пошто давѣ корму не дала свиньямъ?.. Такъ я и буду на васъ, на постылыхъ, батрачить?.. Думаешь, мужъ меня прибилъ, такъ я сейчасъ и пойду за тебя убираться!..

Эта сцена припоминалась теперь Катеринѣ Валеріановнѣ, когда она задумчиво сидѣла надъ рѣчкой въ этотъ тихій и нѣжный весенній вечеръ и слушала шопотъ засыпающаго лѣса. На душѣ у ней была грусть. Катерина Валеріановна все думала о томъ великомъ, безконечномъ счастьѣ, о которомъ мечтала когда-то, какъ о чемъ-то близкомъ, каждую минуту готовомъ предстать передъ ней и уже не вѣрила теперь, что счастье это скоро придетъ. Оно гдѣ-то далеко, далеко, гдѣ небо сошлось съ землей и о немъ шепчетъ этотъ старый лѣсъ, о немъ говоритъ ей лазурь весеннихъ небесъ, тихій, ласкающій предвечерній вѣтеръ. Но все же оно далеко и не скоро придетъ...

Катерина Валеріановна вздохнула и опять слушала шопотъ лѣса. Потомъ этотъ шопотъ смѣнился чуть слышной музыкой. Какой-то невидимый оркестръ игралъ въ безконечной дали и оттуда изъ этой дали до нея долетала пѣсня любви. Эта пѣсна долетала сюда, трогала сердце, смягчала печаль. Счастье придетъ, оно уже въ пути. Пусть ненависть, злоба, ссоры, непониманіе еще царятъ кругомъ,—придетъ любовь, придетъ счастье, лишь бы самой не уставать любить, непреложно любить, неизмѣнно любить...

Небо темнѣло, загорались звѣзды. Изъ безконечной дали, оттуда, гдѣ вѣчное счастье, къ сердцу Катерины Валеріановны шла робкая надежда. Молодая женщина чувствовала въ себѣ силы любить и сѣять любовь въ той глухой средѣ, гдѣ судьба указала ей жить.

П. Булыгинъ.

ЛАМЕНЕ И ЕГО ВРЕМЯ.

(*Окончаніе* *).

VII.

Іезуиты съ особымъ удовольствіемъ распространяли по поводу Ламене подробности разговора, который произошелъ послѣ представленія Ламене папѣ между послѣднимъ и кардиналомъ Бернетти. «Да, у этого священника,—говорилъ Левъ XII, глядя пристально въ глаза Бернетти,—лицо грѣшника. Его лобъ отмѣченъ печатью ересіарха... Да, взгляните хорошенько на всѣ черты его физіономіи и скажите мнѣ, не носятъ ли онѣ слѣды проклятія неба».

Говорилъ ли или нѣтъ Левъ XII такъ о человѣкѣ, котораго онъ встрѣтилъ съ необычайно предупредительной любезностью, въ данномъ случаѣ не важно. Характерно то, что такое впечатлѣніе не «грѣшника», конечно, а будущаго ересіарха—производилъ Ламене и на своихъ самыхъ близкихъ друзей. «Замолчите, я начинаю бояться васъ!» воскликнулъ разъ Беррье во время одного оживленнахо разговора, происходившаго въ Ла-Шене въ 1824 г. «Почему?» спросилъ Ламене.—Я вижу, что вы сдѣлаетесь главой секты.—«Никогда, никогда! Скорѣе я вернусь въ утробу своей матери, чѣмъ выйти изъ лона церкви».—Я вамъ говорю, что вы выйдете, я вижу, какъ вы выходите.—«Почему? какимъ образомъ?» «Почему? Потому что вы неумолимо идете за теченіемъ вашихъ мыслей, онѣ васъ уносятъ и никакое соображеніе васъ не можетъ остановить, потому что вашъ духъ владѣетъ вами, а имъ не владѣетъ никто» **).

Беррье замѣтилъ лишь то, что самъ Ламене говорилъ о себѣ, если вспомнитъ читатель, въ письмѣ къ Монталамберу: «Истина толкаетъ меня впередъ и иногда обнаруживается помимо меня». Бойкія крылья его воображенія держали его выше того уровня, гдѣ господствуетъ мудрость, осторожность и забота о личномъ спокойствіи. Какъ разъ теперь мы подходимъ къ тому періоду въ жизни Ламене, когда про-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь 1905 г.

**) Spuller p. 141.

цессъ его мысли съ рѣзкой быстротой уноситъ его съ холодныхъ вершинъ умирающаго католицизма къ полной жизни и движенія демократіи.

Но чтобы схватить различные моменты этой эволюціи Ламене, мы должны ознакомиться предварительно съ тѣми общественными факторами, которые непосредственно повліяли на него.

Мы находимся на другой день послѣ реставраціи легитимной монархіи. Партіи прошлаго—роялисты различныхъ оттѣнковъ и духовенство, стремившееся всегда обособиться, привѣтствовали Людовика XVIII, полныя надеждъ на него. Но самъ король, при всемъ своемъ желаніи, не могъ оправдать всѣ ихъ надежды. За тѣ пятнадцать лѣтъ, которые прожила Франція съ перваго дня революціи до паденія Наполеона при Ватерлоо, произошли важныя перемѣны. На общественную арену выступила новая сознательная политическая сила—буржуазія, представляемая теперь либеральной партіей. Наученный опытомъ, какъ легко потерять тронъ и какъ трудно получить его обратно, король рѣшаетъ придерживаться политики средней линіи. Не прибывъ еще въ Парижъ, онъ спѣшитъ объявить въ воззваніи изъ Сентъ-Уана, что «пріобрѣтенныя права останутся неприкосновенными», т.-е., что тѣ, которые стали собственниками—другими словами, огромная масса средней и мелкой буржуазіи, и въ особенности крестьянство, раскупившее недвижимое имущество дворянства и духовенства—не будутъ тронуты.

Король идетъ дальше: онъ сохраняетъ нѣкоторыхъ министровъ революціонной эпохи—Талейрана и Фуше. «Если я остановился на системѣ умѣренности,—писалъ 9-го марта 1817 г. Людовикъ XVIII своему министру Деказу,—то не изъ-за лѣни, не по личному влеченію, а потому, что я знаю, что она одна можетъ помѣшать Франціи разрывать себя собственными руками» *). Чтобы провести эту политику, королевская власть должна была искать поддержку умѣренныхъ роялистовъ, т.-е. тѣхъ элементовъ аристократіи, которые, оставаясь во Франціи во время революціи или возвратившись послѣ террора, могли лучше охранить свои интересы и въ то же время сжиться съ новыми политическими условіями.

Обнищавшая часть аристократіи, которая слѣдовала за королемъ во всѣхъ его перегринаціяхъ, составила ультра-роялистическую партію.

Не трудно понять, что ультра-роялисты не довольствовались примирительной политикой по отношенію къ «правителямъ ихъ имуществъ». Чтобы воздѣйствовать на короля, въ ихъ рукахъ было одно легальное средство: парламентъ, защитниками прерогативъ котораго они должны были явиться по необходимости. Такимъ образомъ, мы наталкиваемся на тотъ политическій парадоксъ, когда «бароны тринадцатаго сто-

---

*) „Lettres de Louis XVIII au duc de Decazes" („Nouv. Rev." Janvier 1900).

лѣтія» сходятъ за «новаторовъ девятнадцатаго», какъ выражался самъ Шатобріанъ, одинъ изъ ультра-роялистовъ той эпохи, въ письмѣ къ австрійскому государственному дѣятелю Генцу *).

Духовенство, съ своей стороны, громко заявляетъ свои претензіи, а втихомолку мобилизируетъ свои силы. Старые запрещенные ордена, какъ, напр., іезуитскій, возвращаются въ страну и, съ молчаливаго согласія властей, покрываютъ Францію сѣтью своихъ школъ и капеллъ; новооснованные, какъ, напр., «конгрегація вѣры», посылаютъ по всѣмъ городамъ и селамъ миссіонеровъ, чтобы призывать вѣрующихъ къ покаянію. Въ большихъ городахъ, какъ Парижъ, организуются конгрегаціи (напр., св. Іосифа), гдѣ видные представители католицизма—между прочимъ, аббатъ Коррнъ — занимаются пропагандой среди рабочихъ. Духовенство, наконецъ, символизируетъ свое торжество, возстанавливая такія торжественныя религіозныя процессіи и празднества, какія бывали только въ средніе вѣка.

Однако, въ самомъ духовенствѣ не было полнаго единства. Широкая свобода, которой оно пользовалось теперь, благопріятствовала въ то же время и проявленію въ немъ всѣхъ тѣхъ теченій, которыя существовали еще до революціи. Не говоря уже о «семейной» враждѣ между различными орденами—напр., о ненависти многихъ духовныхъ лицъ, и Ламене въ томъ числѣ, къ іезуитамъ—въ немъ еще выступили оба историческія теченія, галликанское и ультра-монтанское. Во время Наполеона I среди духовенства не могло быть галликанцевъ: оно все находилось подъ однимъ и тѣмъ же гнетомъ. Съ возстановленіемъ легитимной монархіи среди духовенства должны были явиться такія лица, которыя больше держались королевской власти, чѣмъ папской.

Въ общемъ, епископство и бѣлое духовенство вообще, жившее на счетъ государственннаго бюджета, относились къ этой категоріи; черное же духовенство, матеріально независимое, т.-е. ордена, стояло за папскую власть.

Всѣ эти различныя фракціи реакціонной партіи, сложившіяся до и во время революціи, теперь, когда для каждой изъ нихъ явилась возможность побѣдить, должны были выступить и бороться между собою за преобладаніе.

Но эта внутренняя борьба усложнялась существованіемъ либеральной партіи. Послѣдняя фактически представляла интересы подавляющаго большинства населенія. Возвращеніе аристократовъ, которые, несмотря на перемѣны, происшедшія въ самой психологіи французскаго крестьянства, хотѣли и теперь изображать изъ себя старыхъ сеньоровъ, не могло не возбудить всеобщаго недовольства. Сознательная часть буржуазіи, та, которая по своему матеріальному поло-

---

*) Viconte de Chateaubriand. „Congrés de Vérones et guerre d'Espagne.“ ed. 183?, p. 229.

женію принимала непосредственное участіе въ политическихъ дѣлахъ страны (извѣстно, что тогда во Франціи существовала цензитарная выборная система), чувствовала еще больше гнетъ новаго режима, прибѣгавшаго къ административному давленію во время выборовъ и къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ свободнаго слова и свободной печати. Наконецъ, всѣ производительные слои населенія одинаково должны были негодовать на власть, которая ихъ деньгами облагодентствовала аристократію, получившую при восшествіи на престолъ Карла X милліардъ франковъ вознагражденія за конфискованныя земли. Королевская власть, при всей своей осторожности, не могла не нарушить интересы большинства и не встрѣтить отпора съ его стороны.

Либеральная оппозиція усиливалась, принимая въ то же время все болѣе антиклерикальный характеръ. Изъ религіозно настроенной, какой она была во время имперіи, Франція опять стала вольтеріанской. Эта странная на первый взглядъ перемѣна станетъ намъ понятной, если мы примемъ въ соображеніе, что то или иное отношеніе къ католической религіи опредѣлялось всегда тѣмъ положеніемъ, которое она занимала въ борьбѣ различныхъ общественныхъ силъ. Во времена имперіи церковь была на сторонѣ и въ ряду преслѣдуемыхъ, теперь же она стала передовымъ отрядомъ государственныхъ классовъ. Во имя церкви различныя министерства реставраціи—въ особенности министерство Виллеля—проводили законы противъ свободы совѣсти и слова. Съ другой стороны, церковь занимала и въ самой управляющей партіи особое положеніе. Она входила въ нее, сохраняя свою индивидуальность и свои претензіи на полное господство. У нея были враги и въ самой аристократіи, относившіеся еще при старомъ режимѣ враждебно къ ней, т.-е. къ ея самымъ виднымъ представителямъ—духовнымъ орденамъ. Поэтому, когда Шатобріанъ говорилъ: «Я ненавижу эти лицемѣрныя общества, которыя превращаютъ моихъ слугъ въ шпіоновъ и у алтаря ищутъ только власти», онъ выражалъ не только свое личное мнѣніе, но и мнѣніе многихъ роялистовъ. Такъ, другой роялистъ, Монлозье, писалъ пламенные памфлеты противъ іезуитовъ, тогда какъ Ансье, одинъ изъ вожаковъ тѣхъ же роялистовъ, говоритъ 15-го мая 1826 г. съ трибуны парламента по адресу «Конгрегаціи для распространенія вѣры»: «Своимъ инквизиторскимъ духомъ она отдаляетъ народъ отъ религіи и отъ короля... И самое большое несчастье, это—то, что она, она одна, внесла раздоры въ ряды роялистовъ». Послѣ того, какъ сами роялисты относились такъ къ церкви, неудивительнымъ долженъ казаться антиклерикализмъ буржуазіи. Точно какъ же, какъ во время имперіи клерикализмъ являлся самой безопасной формой протеста противъ политическаго гнета Наполеона,—теперь, при реставраціи, антиклерикализмъ явился самой *безопасной* формой борьбы противъ господства Бурбоновъ. Это развитіе антиклерикализма съ горестью долженъ былъ констатировать и Ламене. Въ своихъ письмахъ онъ оста-

навливается на бурныхъ демонстраціяхъ, которыя произошли въ октябрѣ 1826 г. противъ миссіонеровъ въ Руанѣ и въ Брестѣ. Въ послѣднемъ городѣ публика, узнавъ о прибытіи группы миссіонеровъ, требуетъ, чтобы въ театрѣ былъ представленъ мольеровскій «Тартюфъ», а когда полиція воспретила эту символическую демонстрацію, граждане производятъ безпорядки въ самихъ церквахъ. «Вѣра и обрядность уменьшались съ каждымъ днемъ,—писалъ въ 1831 г. Ламене, имѣя въ виду реставрацію.—Тогда какъ во время имперіи на пасхальныя причащенія являлось до 80.000 человѣкъ, теперь число ихъ уменьшилось въ четыре раза. Молодежь, боясь деспотизма, который прикрывался религіей, почувствовала влеченіе къ философіи XVIII-го столѣтія, что доказывается многочисленными новыми изданіями сочиненій Руссо и Вольтера» *).

Но если Ламене считалъ, что поддержка, оказываемая духовенствомъ правительству, компрометировала первое, то правительство, наоборотъ, думало, что оно компрометировало себя, уступая требованіямъ клерикаловъ. Поэтому-то мы и видимъ, что министерство Мартиньяка принимаетъ въ 1827 г. строгія мѣры противъ духовныхъ орденовъ.

Изъ всего вышесказаннаго читатель могъ убѣдиться, какую картину внутреннихъ противорѣчій представляла реакціонная партія. На каждомъ шагу она давала доказательства своего безсилія. Для всякаго наблюдателя, который не былъ ослѣпленъ личными интересами, было очевидно, что времена перемѣнились, что старый режимъ никакъ нельзя воскресить. Въ этомъ постепенно долженъ былъ убѣдиться и Ламене. Ему это было тѣмъ легче, что, хотя по своимъ убѣжденіямъ онъ и принадлежалъ къ вполнѣ опредѣленной партіи, но онъ далеко не былъ *партійнымъ человѣкомъ*. Онъ оставался внѣ практической борьбы, внѣ всякаго ордена, внѣ какой бы то ни было организаціи, которая всегда въ той или иной степени суживаетъ свободу сужденія человѣка, подчиняя всю его личность непосредственнымъ практическимъ цѣлямъ. Ламене видѣлъ въ самой католической церкви не столько ея историческую форму, сколько тотъ теократическій принципъ, воплощеніемъ котораго она являлась. Съ высоты этого принципа онъ смотрѣлъ и на дѣятельность самой церкви, и на дѣятельность различныхъ партій. Но если, съ одной стороны, эта склонность Ламене сводить все къ одному единому абстрактному принципу дѣлала его, если можно такъ выразиться, очень прямолинейнымъ и потому очень непримиримымъ, съ другой стороны, она облегчила ему и умственную эволюцію. Переходъ отъ одной партіи къ другой для Ламене сводился къ извѣстной умственной работѣ. Въ томъ же силлогизмѣ онъ ставилъ новую посылку, и въ результатѣ получался новый выводъ. Сначала онъ считаетъ интересы католическаго принципа неразрывно связанными съ интере

---

*) „Les affaires de Rome". Ed. 1844, p. 41.

сами католической церкви и монархическимъ режимомъ. Потомъ онъ убѣждается, что монархическій принципъ компрометируетъ церковь и изъ ультрамонтана-роялиста онъ дѣлается ультрамонтаномъ-либераломъ. Позже онъ замѣчаетъ, что сама католическая церковь вовсе не то идеальное воплощеніе католическаго принципа, какъ онъ предполагалъ раньше, а что она является сословнымъ учрежденіемъ. Тогда онъ отдѣляетъ католическій принципъ отъ самой католической церкви. Наконецъ, онъ замѣчаетъ, что, послѣ такого послѣдовательнаго очищенія, самъ католическій принципъ потерялъ свое конкретное содержаніе. Отъ него осталась только извѣстная идеологическая форма, въ которой легко могъ помѣститься и самый непретенціозный деизмъ. Но во всѣхъ этихъ перемѣнахъ Ламене остается до конца на принципіальной высотѣ. До конца онъ сохранилъ психологію безкорыстнаго философа-отшельника, который ищетъ лишь истину.

Посмотримъ теперь, какъ въ дѣйствительности происходила эта эволюція Ламене. Мы остановились въ нашемъ разсказѣ на выходѣ «Опыта противъ религіознаго индифферентизма».

Широкая извѣстность, которую создала ему эта книга, открыла для Ламене двери реакціонной періодической печати. Онъ поступаетъ сотрудникомъ въ «Conservateur»—газету, основанную Шатобріаномъ, а потомъ «Le Drapeau Blanc», еще болѣе реакціонную, чѣмъ первая. Мы находимся въ томъ періодѣ дѣятельности Ламене, когда онъ защищаетъ всѣ реакціонныя мѣропріятія не только во Франціи, но и внѣ ея. За его яркія статьи въ пользу испанской монархіи, которая въ то время боролась съ внутренней революціей, либералы назвали Ламене въ шутку «генералиссимусомъ испанской арміи». Когда Шатобріанъ возсталъ противъ цензуры, которую правительство ввело, воспользовавшись убійствомъ герцога Берри, Ламене напалъ на самого Шатобріана, презрительно причисливъ его въ своихъ письмахъ къ людямъ, «проповѣдующимъ революцію и водворяющимъ ее своими дѣйствіями» *). Вообще, въ эту эпоху Ламене противъ свободы подъ какой бы то ни было формой. Онъ даже находитъ, что произнесеніе рѣчей во время похоронъ является профанаціей надъ религіей,—и нѣтъ реакціоннаго мѣропріятія, котораго Ламене не одобрилъ бы. Возстановленіе стараго режима въ его цѣлости—вотъ чего требуетъ Ламене. «Аббатъ Ламене охраняетъ развалины, остатки башенъ, заброшенныя стѣны, все, что гніетъ и разрушается,—писалъ съ своимъ необыкновеннымъ остроуміемъ Поль-Луи Курье въ «Le Censeur»,—какъ только изъ этихъ остатковъ старыхъ зданій построютъ мостъ или поправятъ заводъ, онъ выходитъ изъ себя и кричитъ: «Духъ революціи неизбѣжно разрушителенъ!» Какой шумъ поднялъ бы аббатъ въ день сотворенія міра! Онъ кричалъ бы: «Господи, сохрани хаосъ!»

*) „Correspondance Lamennais—Vitrolles“, p. 92.

Однако, если Ламене поддерживаетъ монархію, то онъ дѣлаетъ это въ увѣренности, что ея интересы совпадаютъ съ интересами церкви. Когда же онъ замѣчаетъ, что монархія имѣетъ прежде всего въ виду свои собственные интересы и что она жертвуетъ интересами церкви, Ламене возстаетъ противъ органовъ самой монархіи. Въ 1823 г. онъ печатаетъ въ «Memorial Catholique» свое «Lettre au Grand-Maître», т.-е. къ министру народнаго просвѣщенія — постъ, который занималъ тогда аббатъ Фрейсинусъ, въ которомъ Ламене нападаетъ на галликанскія тенденціи высшаго французскаго духовенства и на государственное народное образованіе. Это письмо характерно тѣмъ, что является первымъ актомъ открытой борьбы Ламене съ оффиціальными представителями духовенства и королевской власти. Такое отношеніе къ правительству Ламене проявляетъ и въ другой брошюрѣ, изданной въ ту же эпоху и касающейся женскихъ конгрегацій. За эту брошюру онъ былъ притянутъ къ судебной отвѣтственности, но оправданъ. Но самое полное выраженіе взгляда Ламене на французскую монархію находится въ его двухтомномъ сочиненіи, вышедшемъ въ началѣ 1826 года подъ заглавіемъ: «Религія, разсматриваемая въ ея отношеніяхъ къ политическому и гражданскому строю». Здѣсь, въ этой книгѣ, его теократическій взглядъ получаетъ свое крайнее развитіе. Церковь не только должна преобладать надъ всѣми другими властями, но она должна ихъ *проникать*. Такова была цѣль дѣятельности самого Іисуса Христа. Его слова: «Богови—Богу и кесарево—кесарю» нужно считать извѣстной уступкой передъ силой римской императорской власти, а не настоящимъ христіанскимъ догматомъ. Назначеніе христіанской церкви заключается именно въ томъ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ всю земную власть, подчинивъ ее велѣніямъ евангельскаго закона. Въ этомъ находится историческое оправданіе свѣтской власти папы, и полное торжество церкви наступитъ только тогда, когда эта свѣтская власть папы распространится на всѣ католическія страны. Короли должны быть лишь уполномоченными папской власти, а политическіе и гражданскіе законы каждой страны должны стать лишь конкретнымъ приложеніемъ религіозныхъ законовъ. Вотъ идеалъ христіанства. «Іисусъ Христосъ,—пишетъ Ламене,—не измѣнилъ ни религіозныя права, ни религіозныя обязанности, но, развивая первоначальный религіозный законъ и дополняя его, онъ возвысилъ религіозное общество до свѣтскаго государства и организовалъ его внѣшнимъ образомъ, устроивъ изумительную полицію, т.-е. церковь».

На первый взглядъ идеи Ламене должны казаться анахронизмомъ, и въ дѣйствительности онѣ были таковы, но съ точки зрѣнія ихъ конкретнаго содержанія, а не съ точки зрѣнія формальной. Дѣло въ томъ, что не только одинъ Ламене на вопросъ, откуда анархія въ современномъ обществѣ, отвѣчалъ: она существуетъ потому, что наше об-

щество лишилось «руководящихъ принциповъ», она происходитъ оттого, что теперь нѣтъ такой истины, которую признавали бы всѣ. Такъ думалъ, повторяю, не только Ламене, но и его современники. Самъ Ламене приводитъ въ частномъ письмѣ отъ 21-го ноября 1826 г. «крайне замѣчательную», какъ онъ выражается, статью изъ «Глобуса», подпадавшаго тогда все больше подъ вліяніе сенъ-симонистовъ. Мы не будемъ приводить эту статью, но характерно въ ней, что она также констатируетъ, что анархія наступила съ тѣхъ поръ, какъ философы XVIII-го ст. сначала и французская революція затѣмъ «измѣнили вполнѣ основной принципъ общества». «Раньше этого—говорится тамъ,—духовенство опредѣляло вѣрованія, рѣшало, что истина и что заблужденіе; отъ него исходилъ и нравственный законъ, который духовенство распространяло и на политическія формы».

Однако, между Ламене и этими реформаторами была и крупная разница. Она заключалась въ томъ, что въ то время, какъ они считали этотъ разрушительный процессъ нормальнымъ результатомъ развитія общества, для Ламене вся новая исторія человѣчества какъ бы не существовала. Отсюда и то слѣдствіе, что реформаторы искали новую истину, новую догму, которая соотвѣтствовала бы потребностямъ современнаго общества и требованіямъ современной науки, а Ламене хотѣлъ возстановить старую, отжившую истину.

Такъ или иначе, но монархическая Франція не отвѣчала теократическому принципу Ламене. Гражданское и политическое государство было въ своихъ корняхъ «атеистическимъ», а сама французская церковь—орудіемъ политической власти.

Книга Ламене вызвала бурю среди реакціонеровъ. Ее сочли вызовомъ, брошеннымъ и монархіи, и галликанской церкви. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній правительство рѣшилось привлечь Ламене къ судебной отвѣтственности за то, что онъ старается «стереть границы между свѣтской властью и духовной, провозглашая папское верховенство и папскую непогрѣшимость и признавая за святымъ отцомъ право низлагать королей и освобождать народы отъ ихъ вѣрноподданнической клятвы». Защитникомъ Ламене явился его близкій другъ и знаменитый адвокатъ Беррье. Послѣ рѣчи послѣдняго Ламене прочитываетъ короткое заявленіе, въ которомъ указываетъ, что въ сущности онъ только защищалъ традиціонную доктрину церкви, и заканчиваетъ такъ: «Я остаюсь непоколебимо преданнымъ неизмѣнному ученію главы церкви и заявляю, что его вѣра есть моя вѣра, его доктрина—моя доктрина и что до послѣдняго вздоха я буду ее проповѣдывать и защищать». «Судъ,—говорится въ рѣшеніи,—принимая въ соображеніе характеръ аббата Ламене, его убѣжденія, его религіозныя и роялистскія чувства», приговорилъ его лишь къ 30 франкамъ денежнаго штрафа и конфискаціи его книги.

Но въ это время «роялистскія чувства» Ламене были уже сильно

расшатаны. Нерѣшительная политика правительства, картина внутренней борьбы въ рядахъ роялистской партіи больше и больше убѣждали Ламене въ безсиліи монархіи и въ ея скоромъ паденіи. Онъ еще не рѣшается высказать это громко, но его письма проникнуты самымъ крайнимъ пессимизмомъ. Въ письмѣ отъ 22-го января 1826 г. къ графу Зенфту онъ сравниваетъ общество съ моремъ «въ началѣ страшной бури». «Я скорѣе предпочитаю кризисъ, чѣмъ ожиданіе кризиса»,—пишетъ онъ.—Въ письмѣ отъ 8-го апрѣля того же года онъ возвѣщаетъ близость катастрофы. «Всѣмъ,. у кого глаза видятъ, это ясно; предчувствуетъ катастрофу и народъ, лишь власть не думаетъ о ней». «Общество умираетъ—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—и вся борьба сводится къ тому, въ какую одежду нарядить умирающаго... Зачѣмъ обманывать себя, другъ мой? Мы въ началѣ страшной революціи, которая закончится смертью или возрожденіемъ народовъ» *). Бурныя событія 1827 г., борьба противъ министерства Виллеля о которой мы говорили выше, еще больше утверждаютъ Ламене въ его пессимизмѣ. Вотъ какъ онъ самъ изображаетъ тогдашнее отношеніе роялистской партіи, заботящейся только о своихъ классовыхъ интересахъ, къ королевской власти. «Есть ли, спрашиваю я васъ—пишетъ онъ въ маѣ 1827 г. Витроллю,—я не скажу тысячи, а хотя бы одинъ единственный человѣкъ, въ умѣ котораго имя короля было бы связано съ какой-нибудь идеей, съ какой-нибудь доктриной, безразлично—религіозной или политической... Теперь король—лишь штемпель, хранящійся въ рукахъ министра юстиціи. Вотъ и все. Но этого очень недостаточно, чтобы управлять обществомъ и господствовать надъ будущимъ. Хотите ли знать, кому принадлежитъ будущее и гдѣ настоящая сила? Она на сторонѣ тѣхъ идей, которыя проникаютъ въ массу и воспламеняютъ ее, будущее принадлежитъ прежде всего генію разрушенія» **). Но разъ Ламене уже сознавалъ, что стремленіе къ новымъ формамъ непреодолимо, онъ тѣмъ самымъ положилъ начало примиренію съ ними. Такой переходъ чрезвычайно облегчался и другимъ обстоятельствомъ, а именно его религіознымъ оптимизмомъ. Что въ концѣ концовъ должна восторжествовать церковь,—въ этомъ онъ не могъ сомнѣваться, такъ какъ она одна обладала истиной, но если Провидѣніе сулило человѣческому роду еще разъ пройти черезъ испытанія революціи, очевидно, оно само считаетъ ее необходимой для полнаго торжества церкви. Этотъ религіозно-оптимистическій взглядъ находитъ у Ламене выраженіе въ защитѣ свободы печати. «Есть истины, которыя нужно установить, и заблужденія, которыя слѣдуетъ пережить. Свобода печати необходима для этой двойной цѣли,—писалъ Ламене 19-го ноября 1827 года.—Она, несомнѣнно, принесетъ много зла, но

---

*) Forgues. Correspóndance de Lameunais. T. I, pp, 229, 241, 246.

**) „Correspondance Lamennais—Vitrolles“, p. 153.

это преходящее зло входитъ въ намѣренія Божьяго промысла... который можетъ строить лишь на почвѣ, очищенной отъ развалинъ» *). Съ другой стороны, Ламене не могъ не замѣтить, что многіе либералы отошли отъ церкви потому, что она на сторонѣ королевской власти. «Поэтому важно,—пишетъ Ламене еще въ концѣ 1826 года,—доказать имъ, что христіанство совмѣстимо со всѣми разумными желаніями, что оно не отдаетъ народы власти, какъ жалкія стада, что оно покровительствуетъ всѣмъ законнымъ правамъ».

Вотъ какъ логически развивался либерализмъ Ламене, который онъ въ первый разъ открыто высказалъ въ своей книгѣ объ «Успѣхахъ революціи и борьбѣ противъ церкви» (1828). «Нужна самая широкая свобода, чтобы истины, которыя должны спасти человѣчество... развились какъ слѣдуетъ», — такъ резюмируетъ Ламене въ письмѣ къ графинѣ Зенфтъ содержаніе своей книги. «Католическіе же владѣтели съ основаніемъ думаютъ, что эта свобода ихъ тотчасъ же убьетъ. Поэтому они борются противъ нея всѣми своими силами. Но необходимость въ ней для общества слишкомъ велика, чтобы они могли долго бороться съ успѣхомъ».

Нужно замѣтить, что въ этомъ требованіи «полной свободы» Ламене не былъ въ единственномъ числѣ. Какъ разъ подъ знаменемъ либерализма боролись въ это время католики въ Бельгіи (составлявшей тогда часть Голландіи), а въ Ирландіи противъ господствующей тамъ церкви. Изъ предисловія Ламене къ книгѣ видно, что это отношеніе заграничнаго католицизма къ свободѣ обратило на себя его вниманіе.

Легко представить себѣ впечатлѣніе, которое произвела на аристократію и на духовенство книга Ламене. Свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ письмѣ Вайлля изъ Парижа отъ 26-го февраля 1829 г. «Какое дѣйствіе произвело ваше послѣднее произведеніе! Дипломатическій корпусъ непрерывно обращается къ королю, чтобы онъ потребовалъ изъ Рима вашего осужденія. Епископы жалуются на васъ въ Парижѣ... Парижскій архіепископъ громитъ васъ, его примѣру собирается послѣдовать и папскій нунцій».

Впечатлѣніе широкихъ массъ было совсѣмъ иного характера. Книга Ламене читалась съ жадностью, доказательствомъ чего служитъ то обстоятельство, что въ теченіе пятнадцати дней было продано не меньше шести тысячъ экземпляровъ.

Мы подошли къ тому періоду жизни Ламене, когда онъ, уже наученный опытомъ, ищетъ спасенія католическаго догмата не въ союзѣ съ аристократіей, а въ союзѣ съ народомъ. «*Нужно, чтобы все дѣлалось черезъ народъ*, но черезъ народъ, обновленный подъ воздѣйствіемъ лучше понятаго христіанства... Когда католики также станутъ

*) Forgues etc. T. I, p. 373.

кричать «свобода!», многое измѣнится на землѣ». Подчеркнутыя нами слова, касающіяся «народа», весьма характерны. Дѣло въ томъ, что хотя Ламене перешелъ на сторону либеральныхъ идей, онъ оставался, однако, такъ же далеко отъ либераловъ, какъ и отъ роялистовъ. «Я веду теперь борьбу и противъ короля, и противъ министерства, и противъ роялистовъ, и противъ либераловъ», — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ. «Во Франціи есть двѣ партіи, — говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—отъ которыхъ одинаково страдаетъ церковь». Онъ боится преслѣдованій будущаго либеральнаго режима не меньше, чѣмъ роялистскаго. Ламене предчувствуетъ, что буржуазія, которая руководитъ борьбой противъ Бурбоновъ, также захочетъ воспользоваться церковью для своего господства, какъ ею хотѣла пользоваться и аристократія. Чтобы предупредить это, Ламене требуетъ «широкой свободы», полной независимости церкви отъ государства, а съ другой стороны, онъ проповѣдуетъ союзъ съ массой, съ народомъ, интересы котораго не совпадаютъ вполнѣ ни съ интересами аристократіи, ни съ интересами буржуазіи. Въ этомъ сліяніи церкви съ народомъ и скрывается основная идея того христіанскаго соціализма, апостоломъ котораго сталъ Ламене.

Послѣ того, что мы сказали выше, не удивительно, что Ламене встрѣтилъ іюльскую революцію и паденіе Бурбоновъ вполнѣ подготовленнымъ и безъ всякаго огорченія. Когда, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого событія, къ нему обратился его другъ Беррье съ просьбой защищать своимъ перомъ находящееся въ опасности министерство Полиньяка и бурбонскую монархію, Ламене отвѣтилъ отказомъ, прибавивъ при этомъ извѣстныя слова Марты Іисусу предъ трупомъ Лазаря: «jam faetet» (уже разлагается *).

VIII.

Событія эпохи реставраціи, какъ мы видѣли, уничтожили многія изъ самыхъ дорогихъ иллюзій Ламене. Они же должны были поколебать въ немъ и надежду, которую онъ возлагалъ на папство. Мы знаемъ, что каждая книга Ламене вызывала среди духовенства не мало протестовъ, но Ламене продолжалъ думать, что папа, по крайней мѣрѣ, на его сторонѣ. Въ принципѣ такъ должно бы и быть. Ламене жертвовалъ всѣмъ, чтобы спасти ту церковь, пастыремъ которой долженъ былъ быть папа. Въ интересахъ папской власти онъ боролся и съ галликанцами, и съ роялистами, и съ либералами. Послѣ выхода каждой новой книги Ламене ждетъ со стороны «Іисусова викарія» на землѣ открытаго одобренія. Но Римъ молчалъ. Папство не брало открыто сторону ни однихъ, ни другихъ. Такимъ образомъ,

*) Spüller, p. 154.

Римъ какъ будто бы признавалъ именно ту доктрину, которая являлась самой разрушительной для интересовъ церкви, а именно, что люди, проповѣдующіе различныя доктрины, одинаково правы. Религіозное равнодушіе распространилось на самую римскую курію. Такое отношеніе могло не только огорчить, но и возмутить Ламене. Вотъ почему мы видимъ, что въ то время, какъ онъ открыто ведетъ борьбу съ врагами неограниченной папской власти, въ своихъ письмахъ онъ относится критически къ самому папству. «Римъ, Римъ! Гдѣ ты?—восклицаетъ онъ въ письмѣ отъ 28-го октября 1828 г.—Куда исчезъ этотъ голосъ, который поддерживалъ слабыхъ и будилъ уснувшихъ? Гдѣ то слово, которое обходило весь міръ и придавало всѣмъ въ моменты великой опасности ту силу, которая нужна, чтобы бороться или умереть? Теперь оттуда слышно лишь одно: «уступайте!» «Я не думаю, чтобы съ тѣхъ поръ, какъ міръ есть міръ,—пишетъ Ламене въ другомъ письмѣ того же года,—было такое движеніе идей среди молчанія власти, которая установлена для того, чтобы говорить. Каждая волна имѣетъ свой голосъ въ этомъ обширномъ морѣ; одинъ только властитель океана молчитъ въ своей пещерѣ» *). Но Ламене хочетъ спасти католицизмъ вопреки папству. Онъ намѣревается воспользоваться существованіемъ «Общества для защиты католической религіи», основаннаго редакторомъ «Memorial catholique», куда вступаютъ друзья Ламене, раздѣляющіе его взгляды, съ цѣлью начать болѣе активную политику. Въ 1828 г. онъ занимался проектомъ созданія ежедневной газеты, но «интриги двора и галликанцевъ», о которыхъ говорится въ письмѣ Вайля къ Ламене, помѣшали этому. Осуществленіе этого проекта оказалось возможнымъ лишь послѣ паденія Бурбоновъ, въ формѣ ежедневной газеты «L'Avenir», первый номеръ которой вышелъ 16-го октября 1830 г. Въ редакцію, кромѣ Ламене, вошли еще аббаты Лакордеръ, Жербе, Санли и графъ де-Монталамберъ—всѣ раздѣлявшіе взгляды Ламене и лично преданные ему.

Эпиграфъ новой газеты «Богъ и Свобода» показывалъ уже, каково будетъ ея общее направленіе. Ея программа мало отличалась отъ программы какого-нибудь крайняго демократическаго органа того времени. Ламене требуетъ полной, абсолютной свободы совѣсти; онъ возстаетъ противъ всякихъ ограниченій или привиллегій въ пользу той или иной церкви. Какъ выводъ изъ этого принципа, Ламене выставляетъ требованіе полнаго отдѣленія церкви отъ государства, уничтоженіе бюджета культовъ, уничтоженіе конкордата и полной независимости для духовенства, поддерживаемаго отнынѣ лишь добровольной помощью вѣрующихъ. Но эта независимость церкви немыслима безъ свободнаго народнаго образованія и безъ свободы ассоціацій. Поэтому и эти два пункта входятъ въ программу Ламене. Какъ чисто

*) Forgues, pp. 444, 474.

политическихъ реформъ, Ламене требуетъ еще свободы слова и собраній, расширенія избирательныхъ правъ и расширенія компетенціи департаментскихъ и коммунальныхъ выборныхъ учрежденій.

Только цѣною матеріальныхъ жертвъ — путемъ отказа отъ государственнаго жалованья — духовенство могло спасти, по мнѣнію Ламене, свой престижъ. «Свобода породитъ вѣру — писалъ, онъ въ «L'Avenir» 30-го іюня 1831 г.—Когда народы будутъ политически организованы такимъ образомъ, что пользуясь полной независимостью въ духовной области, они будутъ управлять своими дѣлами черезъ выбранныхъ ими агентовъ, тогда, очевидно, правительство лишится какой бы то ни было духовной власти и весь народъ въ этой области будетъ подчиняться только церкви и ея главѣ, добровольно повинуясь имъ. Свобода мысли и совѣсти посредствомъ единства вѣры создастъ царство Христа, не только какъ верховнаго жреца, но и какъ царя, такъ какъ его областью фактически будетъ единственная, одновременно и свѣтская и духовная, держава, которая, по природѣ своей будетъ имѣть только добровольныхъ подданныхъ. Свобода и верховная власть будутъ такъ тѣсно связаны одна съ другой, что явятся необходимымъ условіемъ и основою другъ для друга и не смогутъ ни существовать, ни быть мыслимы отдѣльно».

Ламене не только забылъ свои старыя монархистскія статьи, но теперь для него не существовало худшихъ враговъ церкви, чѣмъ монархисты. «Нѣтъ, нѣтъ, католики не подчинятся игу, которое на нихъ хотятъ возложить» — писалъ онъ по поводу слуховъ о реакціонныхъ мѣропріятіяхъ.—Они сломятъ эту тираннію и на развалинахъ ея создадутъ свободу, которая будетъ ихъ спасеніемъ и спасеніемъ міра. Они слишкомъ долго гнулись подъ бичомъ угнетателей, слишкомъ долго они спали сномъ рабовъ: пусть же пробужденіе ихъ будетъ отмѣчено въ исторіи болѣе славной эпохой, чѣмъ унизительная и отвратительная для человѣчества эпоха царствованія ихъ тирановъ» («L'Avenir», 3-го ноября 1831 г.).

Одновременно съ газетой и какъ бы въ видѣ продолженія ея Ламене и его друзья основали *Всеобщее агентство для защиты религіозной свободы*. Роль «агентства»—защищать всѣ категоріи духовенства отъ насилій политической власти.

Попытка Ламене, которую можно назвать поистинѣ героической,—соединить католицизмъ съ современными вѣяніями, была заранѣе осуждена на неудачу. Сенъ-симонисты въ своемъ «Глобусѣ» доказывали ему коренную несовмѣстимость католическаго догмата и вѣры въ человѣческій прогрессъ. Они считали, что ученіе о первоначальномъ грѣхопаденіи не только отрицаетъ возможность человѣческаго прогресса, но и осуждаетъ человѣчество на вѣчное движеніе назадъ *).

*) „Le Globe". 31 janvier et 3 fevrier 1831.

Сенъ - симонисты были правы постольку, поскольку сами католики смѣшивали усовершенствованіе общественныхъ формъ съ совершенствованіемъ самой человѣческой природы, а такое смѣшеніе дѣлали часто не только католики, но даже и сами сенъ-симонисты, такъ что послѣдніе побивали католицизмъ его же собственнымъ оружіемъ. Въ противоположность сенъ-симонистамъ, которые принимали возможность совершенствованія человѣческой природы, католики считали, что человѣкъ не только не способенъ къ совершенствованію, но наоборотъ, въ силу ученія о первоначальномъ грѣхопаденіи, лишь вырождается. На этомъ положеніи была основана, напр., теорія знаменитаго врача Мореля, выступившаго въ концѣ реставраціи съ своей книгой «La Dégénerescence de l'Homme»—книгой, которая является еще и теперь во французской литературѣ однимъ изъ классическихъ сочиненій по криминологіи. По взглядамъ Мореля, вырожденіе—нормальное явленіе въ силу вышеупомянутаго принципа.

«Католицизмъ противорѣчитъ также духу современной науки, — говорили дальше сенъ-симонисты — и поэтому насколько успѣваетъ послѣдняя, настолько падаетъ католицизмъ». Мы знаемъ, что сенъ-симонисты также считали необходимымъ извѣстный обобщающій религіозный принципъ, но онъ долженъ былъ соотвѣтствовать современной наукѣ. «Слышите ли вы этихъ людей — отвѣчаетъ имъ Ламене—которые заявляютъ, что мы умерли, что наша религія умерла? Слышите ли вы, какъ они съ высокомѣрнымъ сожалѣніемъ заявляютъ, что хотятъ создать для насъ новаго бога, новую религію, бога и религію своего производства! Можемъ ли мы, не совершая преступленія оставлять безъ отвѣта такія богохульства?» *) Но въ сущности тотъ католицизмъ, который Ламене противопоставлялъ сенъ-симонистамъ и который онъ считалъ совмѣстимымъ съ человѣческимъ прогрессомъ, сводился къ одной христіанской морали. Въ отвѣтахъ Ламене католическая теологія исчезала. Такимъ образомъ, католицизмъ Ламене не былъ уже католицизмомъ ортодоксальнымъ, въ которомъ догматъ а организація являются самыми существенными сторонами. Однако, какъ догматъ не могъ переносить прикосновенія критическаго разума, такъ и организація, основанная на строгой іерархической подчиненности во всѣхъ отношеніяхъ, не могла ужиться съ тѣмъ демократическимъ строемъ, духъ котораго защищалъ Ламене. Тѣмъ не менѣе католическая церковь выиграла бы время, если бы она хоть внѣшнимъ образомъ приспособилась къ современной жизни. Она удержала бы такимъ образомъ множество изъ тѣхъ элементовъ, которые уходили изъ нея, потому что она не отвѣчала ихъ политическому идеалу. Позже, во второй половинѣ XIX в., въ особенности въ эпоху Льва XIII, церковь, какъ извѣстно, во многихъ странахъ и, главнымъ образомъ, въ

*) „Avenir", 30 janvier 1831.

*

Соединенныхъ Штатахъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ по пути такого *приспособленія*. Но когда дѣйствовалъ Ламене, консервативный духъ въ ней былъ слишкомъ силенъ, чтобы она подалась даже ничтожной реформѣ.

«L'Avenir» продержался лишь тринадцать мѣсяцевъ. Первое время онъ пользовался большой популярностью, чему очень много способствовали два процесса, изъ которыхъ одинъ былъ направленъ противъ *агентства*, а другой противъ самой газеты.

Агентство открыло школу безъ предварительнаго разрѣшенія, за что руководители школы, Монталамберъ, Лакордеръ и Ку, и были преданы суду исправительной полиціи. Но такъ какъ Монталамберъ въ это время потерялъ своего отца и унаслѣдовалъ его достоинство пера, то онъ потребовалъ, чтобы, согласно закону, онъ былъ судимъ палатой перовъ. Такимъ образомъ дѣло переходило изъ одной инстанціи въ другую въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, пока, наконецъ, палата перовъ, послѣ многихъ засѣданій, приговорила обвиняемыхъ къ денежному штрафу къ 100 фр. каждаго. Шумъ, вызванный этимъ процессомъ, служилъ хорошимъ средствомъ для распространенія «L'Avenir». Другой процессъ былъ направленъ противъ Лакордера и Ламене за двѣ статьи, помѣщенныя въ «Avenir»—первая по поводу назначенія епископовъ, вторая—отрывки ея мы привели выше—по поводу проектированныхъ правительствомъ реакціонныхъ мѣропріятій. На этотъ разъ процессъ, согласно закону, разсматривался судомъ присяжныхъ, которые вынесли оправдательный вердиктъ.

Показателемъ распространенности «L'Avenir» можетъ служить успѣхъ открытой редакціей подписки въ пользу голодающихъ ирландцевъ и для усиленія фонда *агентства*. Обѣ эти подписки дали 140.000 франковъ.

Однако, подавляющая часть духовенства, исключая нѣкоторыя круги низшаго духовенства, находящагося по своему положенію въ постоянномъ общеніи съ массой, высказалась еще въ самомъ началѣ противъ «Avenir». Особенное негодованіе возбуждалъ именно тотъ пунктъ программы, въ которомъ Ламене требуетъ отдѣленія церкви отъ государства. Такое отношеніе и заставляетъ Ламене, всего черезъ какихъ-нибудь тринадцать дней послѣ перваго номера, написать въ частномъ письмѣ по адресу французскаго духовенства слѣдующія горькія слова: «Одной части духовенства не хватаетъ ни ума, ни вѣры... Она болѣе не знаетъ, что такое священникъ. Эти люди находятъ очень справедливымъ служитъ тѣмъ, которые даютъ жалованье, а жалованье для нихъ есть ихъ первая и очень часто ихъ послѣдняя мысль. А религія? «Религія, отвѣчаютъ они, это та служба, которую я совершаю и за которую мнѣ платятъ; бракъ, который я благословляю и за который мнѣ платятъ; крещеніе, которое я дѣлаю и за которое мнѣ платятъ». Вотъ какъ понимаютъ они Бога и божественныя таинства» *).

*) „Correspondance" II, 181.

Скоро неудовольствіе духовенства противъ Ламене переходитъ въ борьбу, сначала скрытую, а затѣмъ и явную, Епископы распространяютъ слухи, что его развращающія идеи вызываютъ непокорность среди низшаго духовенства не только во Франціи, но даже и въ Бельгіи, какъ увѣрялъ, напр., бывшій папскій нунцій въ Парижѣ, Ламбрускини; другіе, чтобы скомпрометировать Ламене, распространяютъ во Франціи апокрифическое письмо *). Тулузскій епископъ при извѣстіи, что въ этомъ городѣ основывается филіальное отдѣленіе *агентства*, угрожаетъ, что онъ «сдѣлаетъ все, чтобы его уничтожить». Въ другихъ городахъ противъ Ламене ведутся проповѣди съ высоты церковнаго амвона. Наконецъ, епископы заваливаютъ его письмами, требуя, чтобы онъ отказался отъ своего предпріятія; въ то же время тѣ же лица просятъ папу, чтобы онъ открыто осудилъ направленіе «Avenir». Всѣ эти инциденты заставили Ламене и его друзей пріостановить газету и отправиться въ Римъ. Пятнадцатаго ноября 1831 г, вышелъ послѣдній номеръ газеты съ статьей, озаглавленной «Въ дорогу къ Риму».

«Бросившись къ ногамъ первосвященника,—писалъ Ламене въ этой статьѣ,—котораго Іисусъ назначилъ быть вожакомъ и учителемъ Его учениковъ. мы ему скажемъ: «О отецъ нашъ, благоволи опустить твой взглядъ на нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ твоихъ дѣтей, которыхъ обвиняютъ въ томъ, что они возстаютъ противъ твоей непогрѣшимой и мягкой власти. Вотъ они передъ тобою: читай въ ихъ душахъ. гдѣ нѣтъ ничего, что они хотѣли бы скрывать. Если хоть одно изъ ихъ помышленій несогласно съ твоими, они отрекутся отъ своей доктрины, они отступятся отъ нея. Ты—законъ ихъ убѣжденій и никогда, никогда они не знали другого. О, отецъ нашъ, произнеси для нихъ то слово, которое даетъ жизнь, потому что оно даетъ свѣтъ, и пусть твоя рука простретея на нихъ, чтобы благословить ихъ послушаніе и ихъ привязанность».

Съ такой вѣрой въ папу отправились въ дорогу Ламене, Лакордеръ и Монталамберъ, но, въ сущности, въ глубинѣ души Ламене долженъ былъ считать свое дѣло потеряннымъ. Хотя на папскомъ престолѣ не былъ уже Левъ XII, но самъ Ламене, еще до поѣздки въ Римъ, убѣдился, что новый папа, Григорій XVI, не лучше Льва XII. Вотъ какъ онъ писалъ о немъ въ письмѣ, помѣченномъ 6-го августа 1831 г. «*Тамъ* (курсивъ Ламене) ничего не видятъ, тамъ всѣ погружены въ мракъ земныхъ интересовъ, который не пропускаетъ къ нимъ ни одного луча свѣта» **).

Пребываніе Ламене въ Римѣ длилось нѣсколько мѣсяцевъ. При-

---

*) Объ этомъ съ возмущеніемъ говоритъ Ламене въ письмѣ къ аббату Омеру, который также читалъ это апокрифическое произведеніе.

**) „Correspondance“, II, 213.

ближенные папы все увѣряли его, что папа, наконецъ, скажетъ свое слово, но папа молчалъ и на единственной аудіенціи, которую онъ далъ Ламене, ограничился банальными фразами о здоровьѣ и погодѣ. Но все, что видѣлъ здѣсь Ламене, было достаточно, чтобы уничтожить у него и послѣднія иллюзіи относительно папства. «Папа благочестивъ и доброжелателенъ», пишетъ онъ въ письмѣ изъ Рима отъ 10-го февраля 1832 г., но, чуждый міру, онъ игнорируетъ вполнѣ положеніе церкви и состояніе общества; неподвижный во мракѣ, которымъ его постоянно окружаютъ, онъ только плачетъ и молится. Роль и назначеніе его сводятся къ тому, чтобы подготовить и ускорить послѣднюю катастрофу, которая должна предшествовать общественному обновленію и безъ которой послѣднее было бы невозможно или несовершенно». Что касается папскаго двора,—«онъ состоитъ изъ людей честолюбивыхъ, скупыхъ и испорченныхъ». «Я надѣюсь,—пишетъ Ламене позднѣе,—что теперь мое пребываніе въ Римѣ уже не затянется надолго, и однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни будетъ тотъ, когда я выйду, наконецъ, изъ этой могилы, гдѣ видишь только червей и кости. О, какъ я радуюсь принятому нѣсколько лѣтъ тому назадъ рѣшенію устроиться не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ. Въ этой нравственной пустынѣ я велъ бы безполезную жизнь, пожираемый скукой и горемъ. Мое мѣсто было не здѣсь. Мнѣ нужны воздухъ, движеніе, вѣра, любовь,—все, что напрасно было бы искать среди этихъ старыхъ развалинъ, по которымъ, какъ отвратительныя пресмыкающіяся, ползаютъ во мракѣ и молчаніи самыя низменныя человѣческія страсти» *). Мрачное видѣніе Рима преслѣдуетъ Ламене и послѣ того, какъ онъ уже былъ далеко отъ него. «Католицизмъ составлялъ мою жизнь, потому что онъ былъ жизнью человѣчества, — пишетъ онъ изъ Ла-Шене 1-го ноября 1832 г.—Я хотѣлъ его защищать, я хотѣлъ поднять его изъ той пропасти, въ которую онъ больше и больше опускается. Епископы нашли, что это имъ невыгодно. Оставался Римъ я поѣхалъ туда и видѣлъ тамъ самую позорную клоаку, которая когда-либо оскверняла человѣческій взоръ. Громадная сточная труба Тарквинія была бы слишкомъ узка для всей этой грязи. Кромѣ личнаго интереса, тамъ нѣтъ никакого другого бога. Тамъ продали бы народы, продали бы человѣчество, продали бы всѣ три лица Святой Троицы—одно за другимъ или сразу—ради клочка земли или нѣсколькихъ піастровъ» **).

До такого ожесточенія противъ папства дошелъ Ламене послѣ знаменитой энциклики «Mirari Vos». Онъ получилъ ее не въ Римѣ, а въ Мюнхенѣ, на обратной дорогѣ во Францію. Въ ней осуждалась свобода во всѣхъ ея формахъ: свобода совѣсти, свобода мысли и пр. По

*) Ib., 235.
**) Ib., 252.

своему тону эта энциклика имѣла характеръ настоящаго пасквиля. Ламене и его друзья, хотя прямо и не названные, причислялись къ «безстыдникамъ и мятежникамъ».

Ламене долженъ былъ подчиниться и сложить свои доспѣхи у ногъ торжествующихъ епископовъ. Онъ отправляется въ свою деревню, чтобы тамъ найти отдыхъ, но длинныя руки римской куріи и здѣсь не оставляютъ его въ покоѣ. Папа требовалъ отъ него письменнаго отреченія отъ своей прежней дѣятельности. Ламене далъ не одно такое отреченіе, а цѣлыхъ три, но ихъ оказалось недостаточно. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ этихъ письменныхъ документахъ Ламене отказывался отъ всякой теологической полемики, но сохранилъ за собой свободу въ области политической и чисто научной дѣятельности. Вотъ какъ Ламене отвѣчаетъ на послѣднюю изъ этихъ попытокъ, сдѣланную черезъ парижскаго архіепископа Келена.

«Письмо, образецъ котораго вы мнѣ посылаете, чтобы я подписалъ его, такого характера, что оно можетъ послужить въ рукахъ моихъ противниковъ оружіемъ противъ меня. Они могутъ представить его, какъ обязательство съ моей стороны способствовать, хотя бы моимъ молчаніемъ, сохраненію политической системы Рима. Но подобное обязательство я не могу взять на себя, моя совѣсть запрещаетъ мнѣ это. Я не обѣщаю никогда того, чего я не въ состояніи выдержать. Слѣпо подписывая все, что мнѣ до сихъ поръ предлагали, я хотѣлъ доказать этимъ, что я, несморя на все, что говорили обо мнѣ. человѣкъ мирный. И все, что я перенесъ, не отвѣчая ни однимъ словомъ на всѣ провокаціи, оскорбленія, обиды и клеветы, достаточно доказываетъ это... Я заявилъ, что отнынѣ не буду касаться ничего относящагося въ католической религіи и къ церкви. Чего больше можно желать отъ меня? Или, быть можетъ, хотятъ, чтобы я былъ чуждъ моей родинѣ, человѣчеству, чтобы я оставался равнодушнымъ къ ихъ интересамъ? Но какая сила въ состояніи отвратить меня отъ моихъ обязанностей?»

Если въ силу своей непогрѣшимости авторитетъ папы обязателенъ для всѣхъ истинныхъ католиковъ, то это, по мнѣнію Ламене, касается исключительно области догматовъ. Въ остальномъ онъ не признаетъ этой непогрѣшимости. Правда, Ламене и раньше, въ самый ультрамонтанскій періодъ своей жизни, когда онъ писалъ свою книгу «О религіи въ связи съ политическимъ и гражданскимъ строемъ», также не считалъ папу абсолютно непогрѣшимымъ. Въ теоріи онъ постольку непогрѣшимъ, поскольку черезъ него говоритъ святой духъ, поскольку онъ является представителемъ вѣчныхъ интересовъ церкви. Но раньше папа будто бы отвѣчалъ этому условію, теперь же онъ больше не отвѣчаетъ ему. Теперь, когда Григорій XVI начинаетъ говорить, нужно дѣлать различіе между его личными взглядами и его взглядами, какъ представителя церкви. «Какъ же можно установить

эту границу?» обратился къ Ламене съ вопросомъ его польскій другъ Ржевусскій. «Это не всегда легко дѣлается и не сразу,--отвѣчаетъ Ламене—но наступаетъ эпоха, когда это различеніе можно сдѣлать съ увѣренностью, благодаря здравому разсудку и прирожденному инстинкту (par une sorte de bonne sens et d'instinct général). До этого момента вѣра и повиновеніе обязательны» *).

Такимъ образомъ, папскому авторитету Ламене теперь противопоставляетъ свой здравый разсудокъ и прирожденный инстинктъ. Догматъ теперь, въ свою очередь, долженъ былъ преклониться передъ «гордыней» индивидуальнаго разума. Если тѣмъ не менѣе Ламене признаетъ авторитетъ папы въ чистотеологическихъ вопросахъ, то скорѣе съ точки зрѣнія практической. Онъ не хотѣлъ вести полемику съ вчерашними друзьями, на которыхъ онъ уже теперь махнулъ рукой. Но онъ махнулъ рукой и на католицизмъ. «Пусть папа и епископы,—пишетъ онъ Монталамберу изъ Ла-Шене 21-го іюня 1833 г.,—выпутываются, какъ умѣютъ; вмѣсто того, чтобы сдѣлаться піонерами католицизма, оставимъ его въ рукахъ іерархіи и выступимъ просто какъ сторонники свободы и гуманности» **).

Но католическая церковь, во главѣ которой будутъ папа и епископы, съ ихъ заблужденіями, не можетъ долго просуществовать. Это Ламене и высказалъ въ концѣ предисловія къ книгѣ «Римскія дѣла», изданной въ 1836 г. «Не нужно себя обманывать на этотъ счетъ, міръ перемѣнился, онъ не хочетъ больше догматическихъ споровъ». А въ концѣ этой книги, въ особомъ приложеніи о «Страданіяхъ церкви» онъ высказывается еще рѣшительнѣе. «Для каждой вещи въ человѣческой исторіи есть только одно опредѣленное время. Ничего изъ того, что мы предлагали въ 1831 г., теперь невозможно осуществить и не только теперь, но и никогда, такъ какъ человѣчество не возвращается назадъ» ***).

Потерявъ надежду на возрожденіе католицизма, Ламене вовсе не считалъ, что человѣчество можетъ обойтись безъ религіи. Нѣтъ, христіанство снова возродится въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но ни подъ формой католицизма, ни подъ формой протестантизма ****).

IX.

Мы видѣли, какъ совершилась философская и политическая эволюція Ламене. Теперь намъ остается резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ тѣ окончательныя формы, къ которымъ она пришла. Еще въ

*) „Correspoudance", II, p. 272.

**) „Lettres de Lamennais à Montalembert" („Revue de Paris", 1897, Octobre 15 p. 687).

***) Lamennais. „Affaires de Rome", ed. 1844, p. 276.

****) Ib., pp. 302—303.

концѣ реставраціи Ламене предсказываетъ близкое торжество республики, но въ самомъ началѣ іюльской монархіи онъ какъ бы раздѣляетъ распространившійся тогда взглядъ, что монархія Луи-Филиппа является «лучшей изъ республикъ» (la meilleure des republiques). Событія и въ особенности реакціонная политика министерства Казимира Перье скоро должны были показать, какъ ошибочны были надежды, возлагавшіяся на «гражданина-короля». Республика опять овладѣваетъ умами. «Республика растетъ серьезно»,—пишетъ Ламене 14-го апрѣля 1833 г.,—и если она не будетъ торопиться, можно сказать, что успѣхъ ея обезпеченъ черезъ нѣсколько лѣтъ». Однако, до своего разрыва съ Римомъ Ламене, какъ мы знаемъ, смотритъ и на свободу, и на республику съ теократической точки зрѣнія: онѣ не являются цѣлью сами по себѣ, а лишь испытаніями, посылаемыми человѣчеству для того, чтобы, пройдя сквозь ихъ огонь, оно могло полнѣе возродиться. Свобода—«зло неизбѣжное и преходящее», какъ говорилъ, если помнитъ читатель, Ламене о свободѣ печати. Но наканунѣ и въ особенности послѣ его выхода изъ католической церкви демократическія учрежденія пріобрѣтаютъ для Ламене самостоятельную цѣнность. Вмѣстѣ съ этимъ должны были измѣниться и его предпосылки. Ученію о первоначальномъ грѣхопаденіи онъ противопоставляетъ теперь ученіе о безконечномъ прогрессѣ и о способности человѣка совершенствоваться. Онъ сталъ на ту точку зрѣнія, противъ которой боролся въ извѣстномъ спорѣ съ сенъ-симонистами.

Ламене свелъ свои теоретическіе счеты съ католической теологіей въ предисловіи къ третьему тому «Melanges philosophiques». Если тутъ онъ сохраняетъ еще нѣкоторыя изъ своихъ старыхъ посылокъ, то онъ даетъ имъ совершенно другое содержаніе. Такъ, напр., изъ той теоріи познанія, которую онъ защищалъ еще въ «Опытѣ о религіозномъ индифферентизмѣ», онъ выводитъ теперь республиканскія заключенія. Если истинно то, что общепризнанно, этимъ самымъ признается уже громадное значеніе народа. Онъ долженъ быть суверённымъ, потому что представляетъ коллективный разумъ.

Но полное законченное философско-научное обоснованіе своихъ новыхъ взглядовъ на природу и на людей Ламене даетъ въ своихъ «Очеркахъ одной философіи». Мы не можемъ входить въ изложеніе метафизики Ламене, являющейся синтезисомъ ученій Платона и Шеллинга. Достаточно сказать, что въ ней есть мѣсто и для «бытія», и для «субстанціи», и для «бога». Бытіе это—самая высокая идея, то, что лежитъ въ основѣ всего. Богъ это, если можно такъ выразиться,—бытіе въ дѣйствіи, это—бытіе творящее. Онъ творитъ, благодаря своимъ тремъ аттрибутамъ: силѣ, разуму и любви. Это тѣ первичныя свойства, различное сочетаніе которыхъ мы должны найти во всѣхъ явленіяхъ вселенной. Но эти сочетанія не производительны, они подчиняются строгому детерминизму, въ которомъ «нѣтъ мѣста для слу-

чайнаго и чудеснаго» *). Но въ то же самое время этотъ процессъ эволюціонный и прогрессивный. Богъ не есть только начало творенія, но и его цѣль. Развитіе вселенной, это—вѣчное возвращеніе къ Богу, а такъ какъ Богъ—совершенство, то и міръ, возвращаясь къ нему, эволюціонируетъ и совершенствуется. Лишнее и говорить, что во всей этой философской системѣ нѣтъ мѣста для какой-либо теологической фантасмагоріи. Его Богъ это—Богъ философовъ. Для насъ собственно важно, какую форму принимаетъ это возвращеніе къ Богу въ самомъ человѣческомъ обществѣ, другими словами, каковъ законъ прогресса, по взглядамъ Ламене?

О немъ онъ писалъ еще до выхода «Очерковъ». Индивидуальность,—говоритъ онъ въ книгѣ «О прошломъ и будущемъ народа»,—является характерной чертой человѣка, отличающей его отъ животныхъ. Но индивидуальность, это—свобода. Всякое индивидуальное существо (сознающее себя) является по своей природѣ свободнымъ, а всякое несознающее себя существо (каковыми являются животныя *Х. И.*)—вѣчный рабъ необходимости. Прогрессъ (общественный), корни котораго скрываются въ индивидуальномъ самосознаніи человѣка, заключается такимъ образомъ въ прогрессѣ самой индивидуальности или свободы. И дѣйствительно, если мы будемъ выводить на основаніи исторіи законъ прогресса, его нужно будетъ формулировать слѣдующимъ образомъ: онъ есть эволюція человѣческаго рода къ свободѣ посредствомъ одновременнаго развитія разума и солидарности (l'èvolution du genre humain dans la liberté par le développement simultané de lintelligence et de l'amour **)».

Изъ этого общаго положенія Ламене путемъ дедукцій, на которыхъ мы не будемъ останавливаться, выводитъ необходимость развитія, съ одной стороны, науки, съ которой у него связано матеріальное развитіе общества, а съ другой стороны права, т.-е. политическихъ формъ. Развитіе науки и права вмѣстѣ составляютъ развитіе разума. Но это есть только одно условіе прогресса. Развитіе солидарности является его вторымъ условіемъ. Если наука и право будутъ развиваться безъ того, чтобы развивалась и солидарность, мы получимъ современное анархическое общество съ его громадными матеріальными богатствами и развитыми политическими формами, но въ то же время съ его эгоизмомъ, эксплоатаціей и нищетой. Изъ этого положенія можно выйти лишь посредствомъ развитія сознанія долга къ ближнему, т.-е. солидарности.

Вотъ какимъ образомъ Ламене, игнорируя, что «свобода» и «соли-

---

*) Esquisse d'une philosophie. T. IV, ch. II. L'évolution de l'univers et ses rapports avec l'évolution de sience pp. 24—47.

**) См. сборникъ памфлетовъ Ламене: „Paroles d'un croyant", „Le livre du peuple„ etc. etc., Изданіе Garnier, pp. 285—286.

дарность» являются не условіемъ, а лишь слѣдствіемъ болѣе совершенной общественной организаціи, что блестяще доказалъ еще Сенъ-Симонъ вызываетъ ихъ изъ общественной среды и, лишивъ ихъ всякаго конкретнаго содержанія, возводитъ въ степень деміурговъ человѣческаго прогресса. Неудивительно, что проблема пауперизма, впервые сильно выдвинувшаяся во Францію въ эпоху Луи-Филиппа (описанію пауперизма Ламене посвятилъ лучшія страницы своихъ памфлетовъ), являлась для него прежде всего проблемой моральной. Въ своемъ планѣ экономической организаціи общества онъ не идетъ дальше учрежденія дешеваго кредита, гдѣ «рабочая сила» считалась бы «реальной ипотекой», какъ земля, дома и всѣ другія формы ипотекъ. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ коммунистовъ и требуетъ сохраненія частной собственности, но такъ, чтобы всѣ были собственниками, потому что она—единственная гарантія свободы. Наконецъ, главное его орудіе борьбы противъ пауперизаціи, это--морализація имущихъ классовъ, въ результатѣ которой возрастетъ сознаніе долга къ ближнему, т.-е. человѣческая солидарность *).

Таковы были новыя идеи Ламене, которымъ онъ посвятилъ послѣдній періодъ своей жизни.

Сигналомъ для этой новой борьбы были «Слова вѣрующаго», вышедшія еще въ 1834 г. «Скоро выйдетъ новая книга,—писалъ Ламене графинѣ Зенфтъ,— которая вамъ навѣрно не понравится. Я васъ прошу не читать ея... Это—не книга настоящаго, это—книга инстинкта, предчувствія, совѣсти. Авторъ ея видалъ слезы народа, онъ слышалъ крикъ его страданій и почувствовалъ непреодолимое желаніе его утѣшить». «Эта книга написана, главнымъ образомъ, для тебя,—обращается онъ въ своемъ предисловіи къ народу—тебѣ я ее и приношу. Пусть она среди тѣхъ безчисленныхъ страданій, которыя являются твоимъ удѣломъ... воодушевитъ тебя и немного утѣшитъ... Я старъ, но послушай слова старика. Земля печальна и холодна, но на ней снова все зазеленѣетъ. Дыханіе зла не будетъ вѣчно проходить по ней, какъ всепожигающій вѣтеръ».

Послѣднія слова приведеннаго нами отрывка показываютъ, каковъ будетъ общій тонъ книги: библейскія аллегоріи на современныя темы. И дѣйствительно, всѣ сорокъ двѣ главы этой брошюры являются картинами, написанными густыми мрачными красками, какъ могъ писать человѣкъ, который видѣлъ вокругъ себя лишь зло и растлѣніе. Вотъ почему «Слова вѣрующаго» были названы современнымъ апокалипсисомъ.

«Была темная, мрачная ночь,—такъ начинается XIII глава,—беззвѣздное небо нависло надъ землею, какъ тяжелая, черная мраморная плита надъ одинокой могилой.

«И ничто не нарушало тишины этой ночи, кромѣ какого-то стран-

*) Ib., pp. 306--316.

наго шума, похожаго на легкій трепетъ крыльевъ, который проносился время отъ времени надъ городами и селами.

«И тогда мракъ сгущался и всѣ чувствовали, какъ сердце сжимается и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу.

«И въ черной залѣ, освѣщенной красноватымъ свѣтомъ, сидѣло семь человѣкъ на желѣзныхъ сѣдалищахъ.

«Посреди зала возвышался тронъ изъ костей, у подножья котораго, вмѣсто ступеней, лежало опрокинутое распятіе; передъ трономъ былъ столъ чернаго дерева и на столѣ сосудъ, полный красной, пѣнящейся крови, и человѣческій черепъ.

«И семь людей казались задумчивыми и печальными, и глаза̀ ихъ время отъ времени метали изъ впалыхъ орбитъ искры блѣднаго огня.

«И одинъ изъ нихъ всталъ, шатаясь, и подошелъ къ трону и наступилъ ногой на распятіе. Все тѣло его дрожало, и онъ, казалось, готовъ былъ лишиться чувствъ. Другіе смотрѣли на него неподвижные; они не сдѣлали ни одного движенія, но что-то невѣдомое прошло по ихъ челу, и улыбка—нечеловѣческая улыбка искривила ихъ уста.

«А тотъ, который, казалось, готовъ былъ лишиться чувствъ, протянулъ руку, схватилъ полный кровью сосудъ, наполнилъ черепъ и выпилъ.

«И этотъ напитокъ, повидимому, укрѣпилъ его, онъ поднялъ голову, и изъ груди его вырвался крикъ, похожій на какое-то глухое рычаніе:

«Да будетъ проклятъ Христосъ, приведшій на землю свободу».

Въ томъ же духѣ были написаны и остальныя главы.

«Les paroles d'un croyant» вызвали необыкновенный шумъ. Гоненія со стороны высшаго духовенства, которымъ подвергался Ламене, расположили въ его пользу радикальныя и республиканскія массы, и онѣ встрѣтили брошюру съ неописуемымъ энтузіазмомъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвела книга въ католическомъ мірѣ. «Это—Бабефъ, который говоритъ устами пророка Іезекіиля», говорили одни. «Это клубъ подъ колокольней», говоритъ самый либеральный изъ католиковъ Шатобріанъ. «Книга мала по объему, но огромна по извращенности», писалъ папа Григорій XVI, издавшій противъ ея автора спеціальную энциклику «Singulari nos» 27-го іюля 1834 г. Въ этой же энцикликѣ осуждалась и доктрина «коллективнаго разума». Но Ламене считалъ себя уже внѣ церкви и отнесся съ полнымъ равнодушіемъ къ новому проявленію папскаго гнѣва.

Еще въ первой главѣ мы указали на впечатлѣніе, которое произвела эта книга за границей. Берне спѣшитъ перевести ее на нѣмецкій языкъ, а одинъ еврей нарочно пріѣзжаетъ изъ Берлина, чтобы получить крещеніе въ католицизмъ отъ Ламене. Послѣдній направилъ его къ какому-то аббату.

Самъ Ламене былъ не меньше республиканцевъ доволенъ своей

книгой. «Какъ бы тамъ ни было, но вѣдь заставила же она трепетать человѣческія сердца»,—говорилъ онъ Сентъ-Беву.

Теперь Ламене не чуждается больше республиканцевъ. Его ближайшими знакомыми являются Беранже, Дидье и Жоржъ-Сандъ, которая изобразила Ламене впослѣдствіи въ своемъ романѣ «Спиридіонъ». Черезъ ея посредство ему предлагаютъ редактированіе республиканскаго органа «Le Monde». Въ томъ же 1837 году Ламене выпускаетъ новую брошюру «Книга народа». Она иного характера, чѣмъ «Слова вѣрующаго». Теперь въ немъ говоритъ не разгнѣванный трибунъ, а сельскій священникъ, который поучаетъ свою паству христіанской морали.

«Ты, мужъ, ты обязанъ уважать свою жену, любить и защищать ее; а ты, жена, ты должна относиться къ своему мужу съ почтеніемъ, любовью и уваженіемъ. Одаривъ его силой, Богъ назначилъ ему и тяжелыя работы; одаривъ тебя красотой, нѣжностью и кротостью, онъ далъ тебѣ то, что облегчаетъ мужа и дѣлаетъ самый трудъ неисчерпаемымъ источникомъ чистыхъ радостей.

«Не забываетъ ли онъ тотчасъ свою усталость, когда твоя рука стираетъ потъ съ его чела? Не твой ли одинъ взглядъ, не твое ли одно слово вселяютъ спокойствіе въ его сердце и вызываютъ улыбку на уста, когда у него тоскливо на душѣ, когда озабоченъ духъ его?

«Одинокій мужъ—тростникъ, который подъ дѣйствіемъ вѣтра издаетъ одни лишь стенающіе звуки.

«Природа полна для васъ обоихъ поученіями; откройте ваши глаза и самыя хрупкія созданія послужатъ вамъ примѣромъ. Когда вздуваемыя холоднымъ зимнимъ вѣтромъ волны пѣнятся и бушуютъ, бѣдная морская птичка и ея подруга спѣшатъ укрыться въ расщелинѣ скалъ; онѣ прижимаются одна къ другой, защищая и согрѣвая другъ друга. Въ жизни бываетъ много такихъ бурь: возьмите примѣръ съ морской птички, и нечего вамъ тогда бояться ни холодныхъ вѣтровъ, ни бушующихъ волнъ» *).

Но самъ Ламене, какъ бы сознавая, что въ ту эпоху, полную борьбы, нужно было что-то другое, говорящее разуму, переходитъ отъ нравственно-поучительнаго текста къ исторически-соціальному. Въ послѣднемъ родѣ написаны его брошюры «Прошлое народа» и «Современное рабство».

Преклонный возрастъ и постоянная болѣзненность мѣшали Ламене принимать непосредственное участіе въ политической борьбѣ. Тѣмъ не менѣе онъ соглашается выступить въ 1834 году вмѣстѣ съ вожаками республиканской партіи защитникомъ рабочихъ, обвиняемыхъ по дѣлу ліонскаго возстанія. Судъ не захотѣлъ допустить постороннихъ защитниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1840 году, Ла-

*) Lamennais. „Livre du peuple". Ch. XII.

мене самому пришлось защищаться передъ судомъ за свой блестящій памфлетъ противъ «плѣшивой лисицы» Тьера, озаглавленный «Страна и правительство». Онъ былъ написанъ по поводу ареста Блеза, племянника Ламене, за участіе въ политическомъ сообществѣ. Ламене былъ пригиворенъ къ году тюремнаго заключенія и 2.000 фр. штрафа. Шестидесяти-восьми-лѣтній старикъ бодро отправился въ тюрьму Сентъ-Пелажи, гдѣ прежде сидѣли Поль-Луи Курье и Беранже. Республиканская печать громила правительство, парижское студенчество устраивало шумныя демонстраціи подъ окнами тюрьмы, а Мадзини, отъ имени итальянскихъ рабочихъ, входившихъ въ общество «Молодой Италіи», привѣтствовалъ въ немъ «апостола демократіи» *).

Послѣ выхода изъ тюрьмы Ламене отдается своимъ «Очеркамъ», отъ которыхъ его оторвали только событія 1848 года. Хотя тогда ему было уже 76 лѣтъ, онъ бросается съ перомъ во всеобщую схватку и выпускаетъ ежедневную газету «Le Peuple Constituant». 4-го мая онъ, въ качествѣ депутата парижскаго департамента, входитъ въ учредительное собраніе и участвуетъ въ комиссіи по выработкѣ новой конституціи. Самъ Ламене вырабатываетъ свой собственный проектъ, который большинство отказывается принять въ виду его неисполнимости. Когда наступили тяжелые іюньскіе дни, Ламене рѣшительно беретъ сторону рабочихъ и доходитъ до того, что порываетъ до самой смерти всякія личныя отношенія съ своимъ племянникомъ, оказавшимся на сторонѣ усмирителей. Когда же восторжествовала реакція съ Бонапартомъ во главѣ и былъ изданъ новый законъ противъ свободы печати, требовавшій большаго залога отъ издателя, Ламене прекращаетъ свою газету. «Le Peuple Consatituant» начался вмѣстѣ съ республикой и кончается вмѣстѣ съ республикой»,—писалъ онъ.

«Теперь нужно золото, нужно много золота, чтобы пользоваться правомъ говорить. Мы не такъ богаты. А для бѣдныхъ — молчаніе!»

Послѣ полнаго торжества имперіи Ламене, переживавшій тяжелый матеріальный кризисъ, берется за переводъ Данте. Онъ сохраняетъ свою вѣру въ «наступленіе весны» — какъ это видно изъ письма къ Витролю, и только замѣчаетъ пессимистически: «Но когда наступитъ весна! Этого никто не знаетъ» **).

Предвидя свой близкій конецъ, Ламене пишетъ 16-го января 1854 г. свою послѣднюю волю. «Я хочу быть похороненнымъ среди бѣдныхъ и такъ, какъ хоронятъ бѣдныхъ. На моей могилѣ не должно быть никакого внѣшняго знака, даже простого камня. Мое тѣло должно быть отвезено прямо изъ дому на кладбище, безъ всякихъ обрядовъ».

Вскорѣ послѣ этого онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, которое

*) Lamennais. „Correspondance“ II, 490.
**) „Lamenais—Vitrolles“, p. 486.

и свело его въ могилу. «Утромъ 27-го февраля,—пишетъ одинъ изъ его біографовъ—взошло лучистое солнце и освѣтило бѣдную комнату умирающаго чистымъ и мягкимъ свѣтомъ. «Откройте занавѣску, оно пришло для меня!» — сказалъ Ламене. Въ $9^1/_2$ часовъ его уже не было» *).

Задолго еще до смерти бывшіе друзья Ламене много разъ дѣлали попытку вернуть его къ католицизму. Во время болѣзни Ламене, когда его положеніе стало ухудшаться, назойливые визиты особенно участились. Нужно было все присутствіе духа больного, чтобы не отдаться въ руки своихъ враговъ.

Извѣстіе о смерти Ламене молніей обошло Парижъ. Чтобы предупредить возможныя демонстраціи, полиція Наполеона III скрыла отъ публики часъ похоронъ. Тѣмъ не менѣе, когда гробъ приблизился къ кладбищу Перъ-Лашезъ, громадная толпа слѣдовала за нимъ, но къ «братской могилѣ»—такъ называлось мѣсто, гдѣ хоронили бѣдныхъ—было допущено только нѣсколько человѣкъ **).

X.

Намъ остается еще, чтобы закончить, подвести итогъ дѣятельности Ламене въ связи съ судьбою тѣхъ теченій французской жизни, выразителемъ которыхъ онъ являлся въ различные моменты своего идейнаго развитія. Въ этомъ отношеніи Ламене представляетъ не только психологическій интересъ, но и интересъ живой общественности. Мы увидимъ и нѣчто большее—у Ламене есть послѣдователи.

Самымъ интереснымъ съ этой точки зрѣнія періодомъ жизни Ламене является его дѣятельность какъ защитника церкви. Здѣсь онъ дѣйствительно былъ оригинальнымъ новаторомъ, идеи котораго пережили его собственную смерть или же, какъ выразился кто-то о Ламене, его собственныя перемѣны. Еще съ перваго момента своего выступленія на литературное поприще онъ выпустилъ книгу «Разсужденіе о состояніи церкви». Ламене предугадалъ ту крупную роль, которую впослѣдствіи сыграла папская власть въ современной исторіи католической церкви. Читатель помнитъ изъ нашего изложенія, какое положеніе занимала церковь до революціи и послѣ революціи, онъ помнитъ, какъ аристократическое духовенство, утративъ свой сословный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ свою политическую власть, которую оно раздѣляло съ другимъ господствующимъ сословіемъ — дворянствомъ, заняло подчиненное мѣсто въ современномъ государствѣ.

Но это же самое обстоятельство должно было привести къ двумъ важнымъ послѣдствіямъ, которыя предвосхитилъ Ламене и развитіе

---

*) Spuller, 346.
**) Delord Taxil. „Histoire du Second Empire“. Paris. 1876. II, p. 51.

которыхъ наполняетъ въ сущности всю исторію церкви въ XIX столѣтіи. Этими двумя послѣдствіями, тѣсно связанными одинъ съ другимъ, является съ одной стороны *денаціонализація церкви, а съ другой—усиленіе папской власти.* Духовенство, переставъ играть активную и непосредственную роль въ политической жизни страны, должно было все болѣе и болѣе сосредоточивать всю свою дѣятельность на чисто духовной аренѣ. Потерявъ политическое вліяніе, церковь въ различныхъ католическихъ странахъ пріобрѣтала громадное моральное вліяніе, и благодаря тому же пали преграды, отдѣлявшія національныя католическія церкви какъ одну отъ другой, такъ и отъ Рима. Вмѣсто того, чтобы выдвигать политическія требованія, передъ католическимъ духовенствомъ различныхъ странъ теперь по необходимости выступила только одна цѣль—распространеніе догмата католическаго вѣроученія. Въ этомъ заключается процессъ *универсализаціи*—если можно такъ выразиться—церкви. Въ то же самое время папа становится единственнымъ верховнымъ представителемъ католицизма. Мы приведемъ одинъ примѣръ, который хорошо иллюстрируетъ этотъ процессъ подведенія католицизма различныхъ странъ подъ одинъ общій историческій знаменатель папской власти. До великой французской революціи не только въ различныхъ католическихъ странахъ существовали различныя руководства къ литургіи, но даже въ каждой отдѣльной епархіи существовало свое особое руководство. Теперь же во всѣхъ католическихъ странахъ литургіи совершаются по однимъ и тѣмъ же руководствамъ, составленнымъ въ Римѣ. Въ отмѣченномъ видоизмѣнившемся положеніи католической церкви нужно искать и объясненіе провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Если папа сталъ верховнымъ судьею всего католическаго міра, то нужно было сосредоточить въ его рукахъ сильное средство для того, чтобъ онъ могъ заставить считать свой авторитетъ непререкаемой санкціей. Такимъ средствомъ и явился догматъ папской непогрѣшимости, догматъ, который такъ пламенно защищаетъ Ламене еще въ началѣ XIX ст., но провозглашеніе котораго относится лишь къ эпохѣ Пія IX. Дѣло въ томъ, что пока французское духовенство не потеряло окончательно надежду, особенно оживившуюся въ эпоху реставраціи, стать снова политически господствующей силой, оно не особенно дорожило усиленіемъ папскаго авторитета. Въ эту эпоху одинъ только Ламене давалъ себѣ ясный отчетъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ положеніи церкви, онъ явился предтечей новой тактики католической церкви.

Но если по отношенію къ ультрамонтанству о Ламене можно сказать, что онъ выражалъ насущные интересы католической церкви, то можно ли утверждать то же самое объ его католическомъ демократизмѣ? Какъ читатель помнитъ, самое яркое выраженіе это новое воззрѣніе Ламене получило въ его требованіи полнаго отдѣленія церкви отъ государства.

Въ наше время во Франціи существуетъ такое же теченіе среди части французскаго духовенства. Такимъ образомъ, одна изъ любимыхъ идей Ламене имѣетъ сторонниковъ и теперь и даже теперь ихъ гораздо больше по численности, чѣмъ въ тридцатыхъ годахъ. Но спрашивается, осуществленіе такого требованія соотвѣтствовало бы интересамъ католической церкви? Защитники отдѣленія церкви отъ государства указываютъ на католическую церковь Соединенныхъ Штатовъ, которая живетъ исключительно добровольными пожертвованіями вѣрующихъ. Но сравненіе еще не есть доказательство и, по нашему глубокому убѣжденію, какъ Ламене, такъ и современные его продолжатели здѣсь шли въ разрѣзъ съ интересами католической церкви. Дѣло въ томъ, что католическая церковь въ Соединенныхъ Штатахъ *съ самаго начала* развивалась, не расчитывая на поддержку государства, она пріучила своихъ прихожанъ къ тому, чтобы они расчитывали только на свою личную иниціативу. Во Франціи, гдѣ церковь, за исключеніемъ очень короткаго періода эпохи директоріи, впродолженіи вѣковъ жила поддержкой государства, отнятіе жалованья у священниковъ внесло бы неисчислимые пертурбаціи въ жизнь самой церкви. Можетъ быть, современемъ французскіе католики тоже привыкнутъ къ «добровольнымъ пожертвованіямъ», но опасность, съ точки зрѣнія католицизма, конечно, заключается именно въ томъ, что сотрясеніе, вызванное этимъ «разводомъ» между церковью и государстомъ можетъ губительно отразиться на судьбѣ католической церкви. Кромѣ того, когда въ отношенія между церковью и прихожанами—отношенія, основанныя до сихъ поръ на традиціи, войдетъ новый и такой нестойкій факторъ, какъ добровольное подчиненіе, внутри самой церкви открывается широкое поле для свободной творческой дѣятельности этихъ самыхъ прихожанъ. Когда они станутъ сами поддерживать церковь, у нихъ естественно будетъ возрастать и желаніе воздѣйствовать на эту церковь. А это уже открываетъ собою «начало конца».

Вотъ почему, когда большая часть духовенства и въ эпоху Ламене, и теперь высказывается противъ этого отдѣленія, оно руководится не только своими временными интересами, но и предчувствіемъ, что за этимъ раздѣленіемъ можетъ послѣдовать катастрофа. Когда Левъ XIII говорилъ: «церковь въ своихъ отношеніяхъ къ государству похожа на вѣрную жену, которая любитъ своего мужа, несмотря на то, что онъ ее бьетъ», то этими словами онъ только охарактеризовалъ безпомощное положеніе, въ которомъ очутилась бы католическая церковь, отдѣлившись отъ государства.

Тѣмъ не менѣе отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи, а позже въ другихъ католическихъ странахъ представляетъ лишь вопросъ времени. Разводъ будетъ данъ по настоянію мужа противъ доброй воли жены, оказавъ громадное вліяніе на дальнѣйшія судьбы церкви. Сдѣлавшись независимой корпораціей, члены которой связаны

между собой добровольнымъ договоромъ, церковь не избѣгнетъ судьбы всѣхъ такихъ учрежденій, а именно процесса внутренней дифференціаціи. Внѣшняя свобода, безъ которой такія учрежденія не могли бы существовать, открыла бы двери всѣмъ тѣмъ вѣяніямъ, которыя существуютъ въ самомъ обществѣ и которыя и теперь, несмотря на то, что церковь представляетъ столь замкнутое учрежденіе, все-таки въ нее проникаютъ.

Не проходитъ года безъ того, чтобъ мы не присутствовали при инцидентѣ вродѣ свѣжей исторіи съ аббатомъ Луази, доктрины котораго церковь нашла слишкомъ раціоналистскими и заставила его подъ угрозой отлученія закрыть свой курсъ въ école des hautes études. Подобныя явленія въ первой половинѣ XIX-го столѣтія были очень рѣдки и тогда Ламене былъ единственнымъ выдающимся предметомъ этого рода, теперь они происходятъ гораздо чаще, но при отдѣленіи церкви отъ государства они сдѣлались бы общимъ явленіемъ, а это повело бы къ расколу и къ созданію новаго католицизма, характеръ котораго теперь трудно было бы опредѣлить.

Наконецъ, и христіанскій соціализмъ Ламене опять-таки представляетъ собой одно изъ тѣхъ ученій, которыя среди представителей католицизма находятъ теперь множество сторонниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ идутъ даже дальше, чѣмъ Ламене, протестуя, какъ извѣстно, противъ всякой формы частной собственности. Совсѣмъ недавно Брюнетьеръ, извѣстный католическій писатель, въ спорѣ съ Жоржемъ Ренаромъ, объявилъ себя сторонникомъ «соціализаціи средствъ производства». Онъ считаетъ, что такое требованіе совмѣстимо и съ католической церковью, и съ папской непогрѣшимостью. Какъ Брюнетьеръ глубоко ошибается—объ этомъ здѣсь не будемъ говорить. Характерно лишь то, что такое заявленіе служитъ доказательствомъ существующихъ внутри католической церкви противорѣчій, которыя въ свою очередь являются отраженіемъ общественной борьбы.

Выраженіемъ этихъ противорѣчій былъ и Ламене. Онъ первый понялъ всю ихъ громадную историческую важность и постарался въ то же самое время дать имъ разрѣшеніе. Какъ неудачна была эта попытка, читатель могъ убѣдиться изъ предшествующихъ строкъ. Но личное пораженіе Ламене не помѣшало тому, что его попытка получила значеніе великаго историческаго урока, выводы изъ котораго не трудно сдѣлать.

Х. Инсаровъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

(*Окончаніе* *).

III.

Нѣсколько словъ о единодушіи политическихъ партій въ японо-китайскую войну 1894—1895 гг. — Программы дѣятельности, въ періодъ 1895—1896 гг., двухъ вліятельныхъ политическихъ партій — *Дзіюто* и *Симпото*. — Сліяніе этихъ партій въ новую — *Кенсеито*; декларація и программа ея.—Побѣда этой партіи и образованіе въ 1898 году перваго партійнаго кабинета, въ составъ котораго впервые входятъ и члены нижней палаты.—Образованіе партіи *Кенсеи-хонто* и паденіе партійнаго кабинета.—Рѣчь маркиза Ито о роли политическихъ партій и программа дѣятельности основанной имъ партіи *Риккенъсейю-кваи*.—Вліяніе этой партіи.—Характеристика современнаго кабинета Катсуры.—Нѣкоторыя замѣчанія о характерѣ дѣятельности политическихъ партій въ Японіи и объ участіи въ политической жизни ея низшихъ слоевъ населенія.

Почти за три мѣсяца до войны съ Китаемъ, а именно 12-го мая 1894 года, начались занятія шестой сессіи сейма, который, однако, уже 2-го іюня былъ распущенъ, вслѣдствіе «нападенія» нижней палаты на кабинетъ за «неудовлетворительную иностранную политику» его. Неизвѣстно, какъ прошла бы слѣдующая сессія, если бы не случилось событія, которое прилично назвать «крестнымъ испытаніемъ Японіи»: 1-го августа 1894 года была объявлена война съ Китаемъ. Суровыя реальности внѣшней борьбы сейчасъ же остановили внутреннія пререканія и соединили всѣ слои общества въ одинъ гармоничный организмъ, усилія котораго сосредоточились на отраженіи внѣшней опасности. Политическія партіи также поняли, что между ними не должно быть разногласій, которыя неизбѣжно ослабили бы сопротивленіе внѣшнему врагу, и твердо рѣшили поступать въ этомъ дѣлѣ единодушно и въ согласіи съ требованіями правительства.

Въ результатѣ кабинетъ получилъ возможность дѣйствовать сравнительно съ развязанными руками и оставался дольше, чѣмъ какой-либо изъ предшествовавшихъ ему.

На седьмой и восьмой сессіяхъ сейма кабинету была оказана полная поддержка со стороны нижней палаты, во всѣхъ его предложеніяхъ, въ числѣ которыхъ было и увеличеніе налоговъ, «въ силу не-

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь 1905 г.

обходимости ассигновать на военный флотъ 150.000.000 іенъ»... 17-го апрѣля 1895 года война съ Китаемъ, какъ извѣстно, была уже закончена и подняла Японію на высокое мѣсто между державами.

Нѣкоторое время послѣ того политическія партіи, въ общемъ, «выражали довѣріе» правительству. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ того же года, *Дзіюто*, имѣвшая въ числѣ 300 членовъ нижней палаты 115 представителей, объявила, что «хотя и слѣдуетъ дѣйствовать въ духѣ представленія правительству о необходимости возможной внимательности къ народнымъ нуждамъ, но тѣмъ не менѣе нѣтъ причины нападать на него». Въ іюлѣ 1895 года эта партія провозгласила слѣдующія основныя положенія своей дѣятельности:

1) Партія будетъ въ безусловной оппозиціи по отношенію ко всѣмъ дѣйствіямъ правительства, несогласнымъ съ принципами конституціи, и—всегда помня желанія императора, связанныя съ послѣдней,—будетъ содѣйствовать доведенію конституціонной формы правленія до надлежащей полноты. 2) Не должно удовлетворяться сознаніемъ, что Японія—единственная сильная держава на Дальнемъ Востокѣ, а должно стремиться и къ тому, чтобы она заняла почетное мѣсто среди державъ всего свѣта, заботясь въ то же время о сохраненіи мира. Партія должна усиленно способствовать осуществленію этой задачи. 3) Партія должна имѣть въ виду необходимость реформы и усиленія флота, а также увеличеніе и усовершенствованіе арміи. 4) Партія должна способствовать поощренію и развитію мореплаванія, торговли, колонизаціи, земледѣлія, промышленности и т. д. 5) Хотя партія имѣетъ уже вполнѣ опредѣленныя идеи относительно источниковъ государственныхъ доходовъ, но тѣмъ не менѣе она сознаетъ, что въ финансовыхъ дѣлахъ должно быть оказано довѣріе кабинету, и что принятіе или отклоненіе ею мѣръ, какія будутъ предложены послѣднимъ, должно быть слѣдствіемъ крайне тщательнаго обсужденія. 6) Государственные финансы должны быть приведены въ равновѣсіе возможнымъ сокращеніемъ менѣе необходимыхъ расходовъ. 7) Обратная уступка Китаю Ляодунскаго полуострова поистинѣ весьма прискорбна; но теперь, конечно, не время для пререканій съ правительствомъ, такъ какъ не слѣдуетъ мѣшать предстоящимъ ему важнымъ дѣламъ. Однако, надо потребовать отъ него сообщенія его плановъ на будущее, чтобы партія могла выяснить, какой образъ дѣйствій должна принять она въ согласіи съ требованіями общественнаго интереса и истиннаго патріотизма. 8) Независимость Кореи должна быть поставлена на прочное основаніе, такъ какъ ея будущее можетъ вызвать много затрудненій.

Въ этой программѣ, говоритъ Лэй, «мы видимъ такую опредѣленность выраженія задачъ, какой не привыкли видѣть до тѣхъ поръ въ дѣятельности политическихъ партій въ Японіи» *).

---

*) A. H. Lay, p. 425.

Остальныя шесть изъ наиболѣе значительныхъ тогда политическихъ партій усмотрѣли, однако, въ этой программѣ «излишнюю снисходительность» *Дзіюто* по отношенію къ правительству, и въ соединенномъ собраніи постановили «потребовать отъ послѣдняго отвѣтственности за уступку Ляодунскаго полуострова подъ давленіемъ Россіи, Франціи и Германіи». Къ этой резолюціи присоединились даже и нѣкоторые изъ членовъ партіи *Дзіюто*.

Съ открытіемъ девятой сессіи сейма (25-го декабря 1895 года) оппозиція не теряла времени воспользоваться случаемъ, котораго такъ долго ждала. Въ январѣ 1896 года въ палату представителей былъ внесенъ билль о выраженіи порицанія правительству, но былъ отвергнутъ 170-ю голосами противъ 130.

Справедливо видя въ этомъ вліяніе партіи *Дзіюто*, ея антагонисты соединились въ новую партію *Симпото* (прогрессивная партія), которая при слѣдующихъ выборахъ достигла такого успѣха, что въ началѣ 1897 года имѣла въ палатѣ представителей 96 своихъ членовъ, тогда какъ *Дзіюто* имѣла ихъ только 88. Осенью названнаго года *Симпото* объявила слѣдующую программу своихъ дѣйствій:

«1) Устраненіе изъ кабинета элементовъ, несогласныхъ съ принципами партіи, и замѣна ихъ такими, которые обезпечивали бы большее согласіе дѣйствій кабинета съ интересами народа. 2) Пересмотръ бюджета. Ограниченіе издержекъ не первой необходимости. 3) Побужденіе правительства къ перемѣнѣ вредной политики, которой оно держится въ управленіи Формозой. 4) Реформа неконституціонныхъ установленій и усовершенствованіе дѣйствій конституціоннаго правительства».

Въ результатѣ воздѣйствія партій на избирателей, при общихъ выборахъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1898 года, въ палатѣ представителей оказалось: на сторонѣ правительства—143 члена, въ томъ числѣ 99 изъ партіи Дзіюто; въ оппозиціи—130 членовъ, въ томъ числѣ 105 изъ партіи Симпото; и независимыхъ членовъ—25.

При такихъ условіяхъ открылась двѣнадцатая сессія сейма въ маѣ мѣсяцѣ 1898 года. Правительствомъ были внесены билли объ увеличеніи налоговъ, объ измѣненіи закона о выборахъ и о пересмотрѣ гражданскаго кодекса и, кромѣ того, поставлены нѣкоторые вопросы иностранной политики, «безъ предварительнаго совѣщанія о томъ съ представителями Симпото и Дзіюто». Вслѣдствіе этого 30-го мая неожиданно было внесено предложеніе о порицаніи правительства; и хотя оно было отвергнуто незначительнымъ большинствомъ голосовъ, тѣмъ не менѣе, чтобы дать нижней палатѣ время для болѣе зрѣлаго обсужденія билля объ увеличеніи налоговъ, занятія сейма были на нѣсколько дней отсрочены.

До сихъ поръ было въ обычаѣ названныхъ сейчасъ партій, что когда одна изъ нихъ дѣйствуетъ заодно съ правительствомъ, то другая стано-

вится въ оппозицію къ нему; но на этотъ разъ онѣ пришли къ заключенію, что для того, чтобы замѣнить «клановое» правительство конституціоннымъ, слѣдуетъ дѣйствовать соединенными усиліями; и на совѣщаніи объ этомъ, при дѣятельномъ участіи графовъ Итагаки и Окумы, постановили слиться въ одну партію, которая получила названіе *Кенсеито* (конституціонная партія; приведенный титулъ ея заключаетъ въ себѣ понятіе: «единеніе есть сила»).

Объявленная ею въ іюнѣ мѣсяцѣ 1898 г. «декларація» гласила слѣдующее *): «Около десяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ была провозглашена конституція и созванъ сеймъ. За это время сеймъ распускался пять разъ, конституціонное правительство еще не сдѣлалось совершившимся фактомъ, и до сихъ поръ еще не видно надлежащаго вліянія политическихъ партій. Такимъ образомъ для согласія и взаимодѣйствія между правительствомъ и народомъ встрѣчаются препятствія въ прочно укоренившихся недостаткахъ прежняго образа правленія, и общественныя дѣла тормозятся, къ великому сожалѣнію всѣхъ, любящихъ свою страну. Тщательно обсудивъ внутреннее и внѣшнее положенія имперіи, *Дзіюто* и *Симпото*,—съ тѣмъ, чтобы довести до полнаго совершенства конституціонное правительство,—прекратили свое существованіе какъ отдѣльныя партіи и соединились вмѣстѣ въ одну большую партію лицъ, сочувствующихъ другъ другу».

Программа *Кенсеито* была изложена въ слѣдующихъ девяти пунктахъ:

«1) Должное почтеніе къ императорскому дому и сохраненіе конституціи. 2) Партійные кабинеты и установленіе отвѣтственности министровъ. 3) Развитіе мѣстнаго самоуправленія и ограниченіе вмѣшательства со стороны центральной власти. 4) Защита національныхъ правъ и расширеніе промышленности и торговли. 5) Упроченіе финансоваго положенія страны и соблюденіе равновѣсія въ доходахъ и расходахъ. 6) Доведеніе арміи и флота до состоянія, отвѣчающаго дѣйствительнымъ нуждамъ государства. 7) Быстрое созданіе новыхъ и усовершенствованіе старыхъ средствъ перевозки товаровъ и путей сообщенія вообще. 8) Распространеніе образованія вообще и техническаго въ частности.

При послѣдовавшемъ затѣмъ возобновленіи занятій сейма, вслѣдствіе энергичнаго и единодушнаго дѣйствія членовъ *Кенсеито*, правительство было окончательно побѣждено и сочло положеніе дѣлъ настолько серьезнымъ, что среди членовъ кабинета возникла мысль о томъ, не благоразумно ли позаботиться объ организаціи правительственной партіи. Собрано было совѣщаніе во дворцѣ (24-го іюня 1898 г.) въ присутствіи его величества и въ составѣ лицъ: маркизовъ Ито, Сайго, Ямагата и Ойяма и графовъ Иноуе и Курода. На

*) Ibidem, 436.

осуществленіи упомянутой мысли особенно настаивалъ маркизъ Ито; но такъ какъ большинство членовъ не поддерживало его, то онъ нашелъ необходимымъ отказаться отъ должности, съ тѣмъ, чтобы свободно заняться организаціей новой партіи. Скоро затѣмъ рѣшился выйти въ отставку и весь кабинетъ.

Маркизъ Ито предварительно добился согласія графовъ Окума и Итагаки взять на себя составленіе новаго кабинета, и тѣ нашли, что единственнымъ средствомъ выхода изъ затрудненія является соглашеніе съ уполномоченными представителями партіи *Кенсеито*. Въ результатѣ образовался *первый партійный кабинетъ*, въ которомъ портфели были распредѣлены: между четырьмя членами бывшей партіи *Симпото* (въ томъ числѣ графъ Окума, принявшій постъ перваго министра), тремя членами бывшей партіи *Дзіюто* (въ томъ числѣ графъ Итагаки, на посту министра внутреннихъ дѣлъ) и двумя членами группы независимыхъ (морской и военный министры). Составъ этотъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что съ нимъ на постахъ министровъ впервые оказались члены нижней палаты,—въ числѣ четырехъ человѣкъ.

Переходъ власти отъ «клановыхъ» государственныхъ людей къ представителямъ народа былъ встрѣченъ взрывомъ большого одобренія со стороны общества, и нѣкоторые органы печати говорили даже, что этотъ фактъ можно, по важности его для народа, уподобить акту реставраціи. Хотя этотъ партійный кабинетъ продержался, какъ мы увидимъ ниже, недолго, но тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя важныя реформы въ министерствахъ,—между прочимъ, уменьшилъ число чиновниковъ и поднялъ качественный составъ низшихъ служащихъ, увеличивъ имъ жалованье. Отрицательной стороной дѣятельности кабинета было то, что онъ стремился раздать мѣста приверженцамъ партіи *Кенсеито*, какъ въ центральной администраціи, такъ и въ провинціяхъ; такъ что это время иронически называлось въ Японіи «*ріокванъ нетсу*», т.-е. лихорадочная погоня за должностями.

Разсматриваемый кабинетъ палъ отчасти вслѣдствіе проснувшагося антагонизма между главными составными частями (Симпото и Дзіюто) партіи Кенсеито, и отчасти также потому, что палата пэровъ была рѣшительно противъ идеи партійнаго кабинета. Однако, прямою причиной паденія его былъ ропотъ, возбужденный рѣчью министра народнаго просвѣщенія Озаки Юкійо (30-го августа 1898 года), въ которой онъ, «вѣроятно безъ малѣйшаго намѣренія критиковать существующій режимъ», высказалъ допущеніе, что Японія можетъ сдѣлаться впослѣдствіи республикой. Онъ долженъ былъ отказаться отъ портфеля, и на его постъ былъ назначенъ кандидатъ бывшей партіи *Симпото*. Члены *Дзіюто* возражали противъ этого, и начались пререканія, окончившіяся тѣмъ, что *Кенсеито* распалась и уступила мѣсто новой партіи, подъ названіемъ *Кенсеи-хонто*, съ обновленнымъ соста-

вомъ членовъ. Въ ноябрѣ графъ Окума, отказавшись отъ поста министра-президента, принялъ въ ней предсѣдательство. Эта партія державшаяся, въ общемъ, программы своей предшественницы, господствовала до половины 1900 года, пользуясь большимъ успѣхомъ и въ парламентѣ, и въ кабинетѣ.

Между тѣмъ, маркизъ Ито, сейчасъ же по отреченіи отъ поста перваго министра (24-го іюня 1898 г.) отправился въ центральныя провинціи и на островъ Кіусіу для чтенія рефератовъ о необходимости преобразованія политическихъ партій въ такомъ духѣ, чтобы онѣ, имѣя основной цѣлью благо народа и защищая права его, въ то же время отнюдь не мѣшали бы спокойному теченію работъ кабинета. Онъ успѣлъ въ своей пропагандѣ настолько, что уже въ концѣ августа 1900 года основалъ партію *Риккенъ-сейю-кваи* (партія друзей конституціоннаго правительства; нынѣ она чаще называется сокращеннымъ титуломъ *Сейюкваи*), которую можно назвать наслѣдницей *Дзіюто*.

Въ засѣданіи организаціоннаго комитета партіи маркизъ Ито сказалъ рѣчь *), которую мы приводимъ въ довольно пространной выдержкѣ, потому что высказанные въ ней принципы дѣйствительно проводятся въ жизнь вышеупомянутою партіею, достигшею нынѣ господствующаго положенія посреди другихъ партій.

«Десятилѣтній опытъ конституціоннаго правительства, разумѣется, не могъ не сопровождаться нѣкоторыми замѣчательными результатами; но еще многое остается сдѣлать на пути воспитанія общественнаго прежде чѣмъ оно сдѣлается цѣннымъ факторомъ въ веденіи государственныхъ дѣлъ. Говоря откровенно, для меня было въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ источникомъ глубокаго сожалѣнія наблюдать наклонность существующихъ политическихъ партій, — проявлявшуюся, какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ,— дѣйствовать въ разрѣзъ принципамъ, положеннымъ въ основу конституціи. Это показываетъ готовность жертвовать народными интересами для интересовъ частныхъ; и такой образъ дѣйствій прямо противоположенъ основамъ національной политики, провозглашеннымъ его императорскимъ величествомъ въ славную эпоху реставраціи въ согласіи съ требованіями прогресса. Печальнымъ послѣдствіемъ этого является то, что поведеніе такихъ партій оставляетъ желать многаго въ отношеніи пріобрѣтенія ими довѣрія народа въ своемъ отечествѣ и упроченія добраго имени нашей монархіи за границей».

Затѣмъ Ито высказалъ, что, по его мнѣнію, слѣдующіе принципы должны руководить дѣйствіями политической партіи:

«Назначеніе или отставка министровъ составляютъ, согласно конституціи, прерогативу правителя, который вслѣдствіе этого сохра-

*) Marquis Hirobumi Ito, p. 72.

няетъ абсолютную свободу выбирать себѣ совѣтниковъ изъ какой среды находитъ нужнымъ,—изъ политическихъ ли партій или изъ кружковъ внѣ этихъ партій. Когда министры назначены и снабжены сопряженными съ ихъ обязанностями полномочіями, то ни при какихъ обстоятельствахъ непозволительно, ни для людей ихъ партіи и ни для кого бы то ни было другого, вмѣшиваться какимъ-либо образомъ въ отправленіе ими тѣхъ обязанностей. Неумѣнье понять этотъ фундаментальный принципъ и слѣдовать ему будетъ отзываться фатально на управленіи дѣлами государства и можетъ повести къ неприличной и пагубной для общаго блага борьбѣ за политическую власть.

«Въ силу долга передъ государствомъ, политическая партія должна поставить для себя первой цѣлью посвященіе всей своей энергіи на общественное благо. Для того, чтобы влить жизнь и энергію въ административный механизмъ страны и содѣйствовать общему прогрессу націи, необходимо, чтобы личный составъ администраціи комплектовался изъ людей способныхъ, обладающихъ надлежащимъ опытомъ и знаніемъ,—независимо отъ того, принадлежатъ ли они къ политической партіи или нѣтъ. Абсолютно необходимо избѣгать роковой ошибки ввѣрять оффиціальные посты людямъ сомнительныхъ способностей просто потому, что они принадлежатъ къ опредѣленной политической партіи. При принятіи рѣшеній въ вопросахъ, связанныхъ съ интересами мѣстныхъ или какихъ-либо другихъ корпоративныхъ учрежденій, должно руководствоваться соображеніями объ общественномъ благѣ и объ относительномъ значеніи этихъ вопросовъ. Никоимъ образомъ не должна быть оказываема со стороны политической партіи поддержка проведенію какихъ-либо частныхъ интересовъ, по соображеніямъ, подсказаннымъ мѣстными связями или подъ пристрастнымъ вліяніемъ заинтересованныхъ лицъ».

Программа *Риккенъ-сейю-кваи*, принятая послѣ изложенной рѣчи Ито, редактирована такъ:

«1) Партія будетъ тщательно охранять конституцію и, сообразно съ ея требованіями, содѣйствовать работѣ правящей власти въ важныхъ государственныхъ предпріятіяхъ и въ дѣлѣ удовлетворенія правъ и свободы народа. 2) Помня цѣли, которыми государство задалось еще при реставраціи, партія будетъ работать въ духѣ цивилизаціи, содѣйствуя ея распространенію и тѣмъ поднимая благосостояніе страны. 3) Партія желаетъ содѣйствовать: усовершенствованію органовъ администраціи; сохраненію безпристрастія въ дѣлѣ выборовъ и назначенія лицъ на офиціальныя должности; упрощенію дѣлопроизводства, какъ для успѣха веденія дѣлъ, такъ и для точнаго опредѣленія того, кто долженъ быть отвѣтственъ въ тѣхъ или другихъ упущеніяхъ. 4) Партія будетъ относиться съ должнымъ вниманіемъ къ дѣламъ иностранной политики, заботиться объ усиленіи дружбы съ

государствами, заключившими съ Японіей договоры, и содѣйствовать также тому, чтобы были обезпечены права иностранцевъ, живущихъ въ ней. Японія тѣмъ самымъ проявитъ одно изъ доказательствъ, что она управляется надлежащимъ образомъ. 5) Партія не будетъ упускать изъ виду, что національная оборона должна быть доведена до совершенства. 6) Краеугольными камнями государства должны быть развитіе образованія и воспитаніе характера подданныхъ, чтобы каждый изъ нихъ былъ подготовленъ исполнить свой долгъ передъ отечествомъ. 7) Финансовое дѣло страны должно быть поставлено на прочное основаніе поощреніемъ земледѣлія, промышленности, мореплаванія и торговли и развитіемъ путей сообщеній. 8) Мѣстное самоуправленіе должно сдѣлаться средствомъ взаимной связи различныхъ единицъ въ соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ. 9) Партія будетъ помнить о своей отвѣтственной роли въ государствѣ и работать на пользу общественнаго блага осмотрительно и всѣми усиліями избѣгая впасть въ ошибки».

Партія *Сейюкваи* скоро пріобрѣла, по замѣчанію Лэя, «безпримѣрное въ исторіи Японіи вліяніе на политику ея».

Въ октябрѣ 1900 года маркизъ Ито былъ сдѣланъ министромъ-президентомъ. Составленный имъ кабинетъ заключалъ много способныхъ молодыхъ дѣятелей; неудачнымъ членомъ его явился только министръ финансовъ виконтъ Ватанабе, который возвѣстилъ, что исполненіе нѣкоторыхъ предпріятій, только-что утвержденныхъ сеймомъ по его же предложеніямъ, должно быть отстрочено. Это возвѣщеніе навлекло на него обвиненіе въ «несерьезности и неимѣніи чувства отвѣтственности». Вслѣдствіе этого въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1901 года пять изъ министровъ и всѣ выдающіеся члены *Сейюкваи* обратились къ маркизу Ито съ предупрежденіемъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ должности, если виконтъ Ватанабе останется. Въ результатѣ пререканій, премьеръ 2-го мая самъ подалъ императору прошеніе объ отставкѣ.

«Политическій кризисъ продолжался въ точности одинъ мѣсяцъ. По отреченіи маркиза Ито, императоръ созвалъ конференцію изъ старѣйшихъ государственныхъ дѣятелей: маркизовъ Ямагата и Сайго и графовъ Матсуката и Инуе. Они пришли къ заключенію, что единственное надежное рѣшеніе дѣла, это—возвращеніе Ито на постъ премьера. Газеты всѣхъ направленій одинаково единодушно высказывали мнѣніе, что никто, кромѣ маркиза Ито, не въ состояніи организовать кабинетъ, имѣющій сколько-нибудь надежные элементы устойчивости, вслѣдствіе вліянія маркиза, черезъ членовъ партіи *Сейюкваи*, на большинство въ палатѣ представителей. Это обстоятельство бросаетъ свѣтъ на мѣсто, которое теперь завоевали политическія партіи» *).

---

*) A. H. Lay, p. 453.

Такъ какъ, однако, рѣшеніе маркиза Ито осталось неизмѣннымъ, то императоръ поручилъ составить новый кабинетъ виконту Катсура, который и успѣлъ въ этомъ въ началѣ іюня мѣсяца. Этотъ кабинетъ имѣлъ «новую физіономію» въ томъ отношеніи, что ни упомянутый министръ-президентъ и никто изъ другихъ министровъ не принадлежали къ числу старыхъ государственныхъ дѣятелей—«людей первыхъ дней эры мейдзи».

Обращаемъ теперь вниманіе читателей на два слѣдующіе факта: во-первыхъ, Катсура остается на своемъ посту и нынѣ, въ 1905 году,—хотя въ личномъ составѣ его кабинета и происходили не разъ перемѣны, — и во-вторыхъ, международное и внутреннее положеніе Японіи, повидимому, не говоритъ о плохомъ управленіи ею... Не въ правѣ ли мы заключить отсюда, что та борьба партій и тѣ волненія общества, которыя въ начальный періодъ мейдзи такъ напугали британскаго посланника въ Японіи, сэра Гарри Паркеса, не привели послѣднюю къ дезорганизаціи, а напротивъ, создали въ ней контингентъ людей, которые съ успѣхомъ замѣняютъ старыхъ дѣятелей, естественно сходящихъ со сцены. Многіе изъ этихъ ветерановъ утомившись оффиціальной дѣятельностью, продолжаютъ дѣятельность общественную, такъ напримѣръ, двѣ важнѣйшія партіи въ странѣ, *Сейюкваи* и *Кенсеи-хонто*, руководятся представителями упомянутаго періода: первая—осторожнымъ и мудрымъ редакторомъ конституціи, маркизомъ Ито, а вторая—пылкимъ прогрессистомъ и увлекающимся патріотомъ, графомъ Окума.

Въ заключительныхъ строкахъ своего очерка исторіи политическихъ партій въ Японіи,—которымъ, вмѣстѣ съ рѣчью маркиза Ито, мы, главнымъ образомъ, и пользовались при составленіи настоящей главы нашей статьи,—Лэй, между прочимъ, говоритъ *):

«Въ концѣ концовъ нельзя не видѣть, что всѣ партіи, за исключеніемъ лишь самыхъ незначительныхъ, дѣйствія которыхъ не измѣняютъ общаго вывода, были защитниками реформы и прогресса и стойкими борцами за свободу подданнаго. Со всѣмъ тѣмъ лояльность по отношенію къ императору ни на одинъ моментъ не терялась изъ виду ни которою изъ партій, и программы дѣятельности ихъ наполнены похвальными желаніями о томъ, чтобы достоинство императорскаго дома всегда было соблюдено»... И далѣе: «Что партіи часто оппонировали правительству въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ желаніе оппозиціи само по себѣ было единственною причиной послѣдней, — этого отрицать нельзя. Должно, однако, помнить, что всѣ онѣ боролись за участіе свое въ администраціи во имя того, чтобы добиться осуществленія принципа, что правительство не должно быть представителемъ только одного класса или одной группы населенія, но что оно должно функ-

*) A. H. Lay, p. 462.

ціонировать при одинаковомъ участіи представителей всего народа»... Чамберлэнъ въ своей запискѣ, читанной недавно въ собраніи членовъ «Азіатскаго Общества», ссылался на крайнюю демократичность природы японскаго народа. «Въ исторіи развитія политическихъ партій въ Японіи,—продолжаетъ Лэй, мы видимъ иллюстрацію этой стороны народнаго характера рядомъ съ замѣчательнымъ почтеніемъ къ императору. Желаніе равенства и возмущеніе противъ репрессивнаго вліянія узкихъ кружковъ обнаруживается въ этомъ развитіи постоянно».

«Исторія не дѣлаетъ скачковъ». Прошлое Японіи не можетъ не оказывать вліянія на настоящее... И интересно уяснить себѣ, какъ выражается это вліяніе въ организаціи и характерѣ дѣятельности политическихъ партій этой страны? Вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ мы въ соображеніяхъ, высказанныхъ на эту тему англійскимъ профессоромъ Гриффиномъ *) и сводящихся къ слѣдующимъ выводамъ.

Въ политикѣ, какъ и во многихъ другихъ сторонахъ японской жизни, можно видѣть интересную смѣсь старой Японіи съ самымъ послѣднимъ и самымъ передовымъ изъ всего того, что̀ выработалъ Западъ. Однако, въ рѣзкую противоположность съ исторіей народнаго правительства на Западѣ, гдѣ парламенты, въ дѣлѣ защиты народныхъ правъ, вліяли на правительство снизу, въ Японіи благо представительства въ послѣднемъ было даровано народу сверху, и онъ тѣмъ самымъ выросъ или находится въ процессѣ роста. Этой истинѣ не противорѣчитъ тотъ фактъ, что борьба между соперничающими другъ съ другомъ кланами всегда была господствующимъ факторомъ во внутренней политикѣ страны со дней реставраціи. Агитація партій направлялась не столько противъ мѣръ правительства, сколько противъ того, что въ немъ народному представительству не отводилось надлежащаго мѣста.

Затѣмъ, вліяніе старой Японіи въ политическихъ партіяхъ выражается характеромъ политической лояльности: «физіономія» каждой изъ такихъ партій опредѣляется здѣсь скорѣе ея вождемъ, чѣмъ какими-либо другими факторами ея организаціи и дѣятельности. Въ старой Японіи личная преданность феодальному князю была однимъ изъ сильнѣйшихъ чувствъ индивидума; и это чувство дало отличительный характеръ и современной жизни страны.

Съ уничтоженіемъ феодализма исчезла безвозвратно и та политическая и экономическая организація японскаго общества, которая была на немъ основана; но духъ, проникавшій эту организацію, не умеръ и остается въ личной преданности партійнымъ вождямъ. Чѣмъ была бы *сейюкваи* безъ маркиза Ито или прогрессивная партія безъ графа

---

*) *Professor Griffin*. См. „A. Handbook of Modern Japan"; by Ernest W. Clement. Chicago. 1904, p. 342.

Окумы? Безъ сомнѣнія, если бы этихъ вождей не стало, то на сцену выступили бы другіе; но если бы при этомъ и сохранились названія партій, то составъ членовъ въ нихъ претерпѣлъ бы огромныя перемѣны.

Въ духѣ изложенныхъ соображеній Гриффина надо понимать и замѣчаніе капитана Бринклея,—редактора издающейся въ Японіи газеты «Japan Mail» и признаннаго авторитета въ дѣлѣ оцѣнки современной японской политики,—который говоритъ, что послѣдняя «руководится даже не политическими партіями, а отдѣльными лицами».

Такое положеніе дѣла — въ виду быстроты и радикальности, характеризующихъ реформы государственнаго устройства Японіи— надо признать, намъ кажется, вполнѣ естественнымъ *нынѣ*, въ «переходную» еще эпоху политической жизни ея; но въ то же время его нельзя считать такимъ, сохраненія котораго страна должна бы желать. Въ самомъ дѣлѣ, основывать систему политической жизни страны на вліяніи группы вождей, значитъ—стремиться къ «господству олигархіи», которое во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ организаціяхъ осуждено исторіей. Но такого стремленія не замѣчается ни со стороны японскаго правительства, ни со стороны самихъ вождей политическихъ партій, такъ какъ и то и другіе солидарны между собою въ дѣятельныхъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью органическую подготовку народа къ той роли, которую онъ долженъ играть въ странѣ съ представительнымъ правительствомъ. Главнѣйшимъ, или даже основнымъ изъ такихъ мѣропріятій является, конечно, широкое распространеніе народнаго образованія, иллюстрирующееся тѣмъ фактомъ, что уже къ 1 января 1902 года 94% всего числа мальчиковъ школьнаго возраста (6 л.—14 л.) посѣщали школу. Значеніе этого факта по отношенію къ предмету нашей статьи рельефно выясняется слѣдующими строками статьи Рансома «О народномъ образованіи въ Японіи» *), составленной на основаніи всесторонняго изученія тщательно собранныхъ статистическихъ данныхъ:

«Въ Японіи, поскольку дѣло касается народныхъ массъ, образованіе распространяется широко не только въ мѣстностяхъ, соприкасающихся съ открытыми портами, но также,—и притомъ еще болѣе успѣшно,—и въ тихихъ и отдаленныхъ отъ центровъ округахъ, которые, говоря практически, не тревожатся иностранцами и внушенными ими новыми условіями жизни, въ которыхъ туземная промышленность процвѣтаетъ въ прежней обстановкѣ, не отвлекающей малолѣтнихъ отъ школы фабриками, заводами и другими бичами борьбы за существованіе, и гдѣ, наконецъ, современное вліяніе чувствуется единственно въ правительственныхъ законоположеніяхъ, настаивающихъ на обязательности обученія дѣтей въ школьномъ возрастѣ.

---

*) Ransome, p. 86.

«Это обстоятельство въ высшей степени интересно, такъ какъ оно показываетъ, что рука объ руку съ тою прогрессирующею Японіей, которую мы знаемъ и которая живетъ по камертону пока еще сравнительно немногочисленныхъ кружковъ высоко образованныхъ людей, хорошо знакомыхъ съ внѣшнимъ по отношенію къ ихъ отечеству міромъ, возникаетъ другая Японія, которая черезъ десять или, быть можетъ, двадцать лѣтъ дастъ себя почувствовать въ японской политикѣ. Я говорю о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе развивается, говоря вообще, не подъ руководствомъ иностранца, но воспитывается спокойно и систематически въ начальныхъ школахъ своими соотечественниками, быть можетъ, и получившими образованіе подъ руководствомъ иностранцевъ, но не считающимися съ ихъ взглядами.

«Народныя массы, выростающія въ такихъ мѣстностяхъ, будутъ подготовлены черезъ нѣсколько лѣтъ смотрѣть на интересы своей страны съ болѣе широкой точки зрѣнія, чѣмъ смотрятъ низшіе классы японскаго населенія теперь, и поймутъ свое политическое значеніе, даваемое имъ дѣйствующими законами. Эти массы составятъ хребетъ политики Японіи, ту вотирующую силу, которая рѣшитъ будущее судьбы страны голосомъ народа, къ добру или злу, я не знаю, но, во всякомъ случаѣ, голосомъ, котораго въ настоящее время не хватаетъ ей»... На милліоны мальчиковъ, получающихъ теперь образованіе въ центральныхъ областяхъ страны, надо смотрѣть, какъ на будущую силу Японіи, съ которой придется считаться различнымъ политическимъ вождямъ, а черезъ нихъ и намъ—сосѣдямъ этой быстро прогрессирующей страны.

IV.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о японской ежедневной прессѣ.—Маркизъ Ито о значеніи свободы слова, печати и общественныхъ собраній. — Мнѣнія туземнаго журналиста Зумото и профессора токійскаго университета Чемберлэна о законахъ о печати въ Японіи.—Значеніе прессы въ Японіи. — Агитація прессы и патріотическихъ Обществъ въ Японіи за неустанную подготовку къ войнѣ съ Россіей. — Нѣкоторыя наблюденія автора, иллюстрирующія эту агитацію осенью 1903 года

Начало японской журналистики относится къ первой половинѣ XVII-го столѣтія. «Еще задолго до того, какъ двери въ нашу страну были открыты по настоянію нетерпѣливыхъ народовъ Запада, наши предки имѣли средства обезпечить повсемѣстную циркуляцію текущихъ событій и новостей путемъ печатнаго слова» *). Но первое изданіе, приближающееся къ типу газеты, возникло лишь въ первый годъ (1867) настоящаго царствованія; это была еженедѣльная «Цугаи-Симбунъ», въ которой появились уже не однѣ только новости, а и ре-

*) Zumoto—редакторъ японской газеты „Japan Times“. Статья „The Press“, стр. 551.

дакторскіе комментаріи къ нимъ. И, наконецъ, въ 1872 году появляется, по почину англичанина Джона Блэка (John Blake), первая еженедѣльная японская газета современнаго типа «Ниссинъ-Синдзи-Си», издававшаяся на японскомъ языкѣ. Въ ней впервые начали печататься передовыя статьи и серьезно обсуждаться политическія событія. Разъ возникнувъ, японская періодическая пресса развивается быстро, и въ настоящее время нѣтъ ни одного города съ населеніемъ свыше 10.000 жителей, въ которомъ не было бы двухъ или болѣе газетъ. Въ 1899 году число газетъ и журналовъ достигло 978, изъ которыхъ приблизительно половина была посвящена политическимъ дѣламъ и новостямъ, а другіе — разработкѣ вопросовъ о религіи, литературѣ и наукѣ.

Какъ и естественно, главнымъ центромъ журнализма въ Японіи является Токіо, и тамъ ежедневно печатается отъ 30 до 40 газетъ. Типичныя изъ нихъ состоятъ изъ 8—16 страницъ и содержатъ статьи отъ редакціи, внѣшнія и внутреннія извѣстія, смѣсь и объявленія. Наибольшимъ вліяніемъ пользуются газеты: «Квампо» или «Оффиціальная Газета»; «Кокуминъ» — либеральная; «Нихонъ» — консервативная и «анти-иностранная»; «Іоми-Ури», «Майници» и «Хоци» — прогрессистскія; «Дзи-Дзи-Симпо»—независимая; «Ници-Ници»—считающаяся печатнымъ органомъ барона Ито и, слѣдовательно, политической партіи *Риккенъ-сейю-кваи*, задачи которой уже охарактеризованы нами выше; «Сугвай-Согіо-Симпо» — коммерческая. Большой популярностью пользуются менѣе серьезныя газеты, какъ напримѣръ, «Симпо», «Іородзу», «Асахи» и другія. «Неразборчивая рѣзкость этихъ газетъ и безцеремонное затрагиваніе ими личностей забавляетъ читателей, исключая тѣхъ, конечно, которые служатъ предметомъ ихъ атаки; впрочемъ, надо сказать, что въ настоящее время нѣтъ гарантіи отъ шантажа, и каждый рискуетъ подвергнуться ему» *).

Согласно тому, что «международнымъ языкомъ на Дальнемъ Востокѣ является англійскій языкъ» и что въ Японіи онъ пріобрѣлъ особенное значеніе, такъ какъ въ первые годы эры Мейдзи главными проводниками западной культуры тамъ были англичане и американцы, въ нѣкоторыхъ либеральныхъ и прогрессисткихъ газетахъ есть отдѣлы, печатающіеся на этомъ языкѣ. Кромѣ того, слѣдующія газеты печатаются исключительно на немъ: «Japan Times» и «Japan Mail» (въ Токіо), «Nagasaki Press» (въ Нагасакахъ) и «The Cobe Chronicle» (въ Кобе)--первыя три издаются японцами, хотя вторая— подъ редакціей англичанина (Captain F. Brinkley—автора весьма почтеннаго труда «Japan d. China»); послѣдняя газета издается и редактируется англичаниномъ.

Во время пребыванія своего въ Нагасаки я имѣлъ случай бесѣ-

*) B. H. Chamberlain, p. 350.

довать съ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ газеты «Nagasaki Press», который, на вопросъ мой о томъ, какое значеніе придаютъ въ Японіи ежедневной прессѣ на англійскомъ языкѣ — далъ очень интересный отвѣтъ. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: «Въ присягѣ микадо, произнесенной при восшествіи на престолъ, сказано, что для прочнаго и цѣлесообразнаго установленія основъ государственнаго устройства *мудрость будетъ заимствоваться изъ всѣхъ странъ свѣта*. Наши государственные дѣятели и народъ никогда не забываютъ этого обѣщанія и понимаютъ важное значеніе высказанной въ немъ идеи. Собирать мудрость со всего свѣта нельзя только односторонне, т.-е. безъ провѣрки нашихъ дѣйствій мнѣніями лицъ, смотрящихъ на нихъ со стороны. Японскій языкъ извѣстенъ на Западѣ только единичнымъ личностямъ, а потому мы оповѣщаемъ о томъ, что̀ дѣлаемъ, и на англійскомъ языкѣ; это даетъ намъ возможность видѣть въ печати сужденія о насъ европейцевъ и американцевъ, съ которыми мы не можемъ не считаться».

Что касается степени распространенности газетъ среди населенія, то Зумото находитъ, что «въ этомъ отношеніи онѣ значительно отстаютъ отъ своихъ иностранныхъ современниковъ». Несмотря на то, однако, сообщаемыя имъ данныя довольно внушительны: «Сенсаціонныя газеты, какъ это имѣетъ мѣсто въ каждой странѣ, распространяются лучше, чѣмъ ихъ болѣе серьезные сотоварищи. Изъ такихъ газетъ «Нироку», напримѣръ, расходилась въ числѣ свыше 150.000 экземпляровъ; а со времени прекращенія ея, «Іородзу» выпускаетъ каждое утро 120.000 экземпляровъ. Изъ газетъ же серьезнаго типа, за двумя исключеніями, немногія расходятся свыше 30.000 экземпляровъ. Среднее число подписчиковъ такихъ газетъ заключается между 10.000 и 15.000. Упомянутыя исключенія составляютъ двѣ главныя газеты въ Осака, изъ которыхъ одна распространяется въ числѣ 150.000 экземпляровъ, а другая—въ числѣ 100.000 экземпляровъ. По политическому вліянію онѣ не могутъ сравниться съ большими токійскими ежедневными газетами; но онѣ стоятъ во главѣ ежедневной прессы въ Японіи съ промышленной точки зрѣнія, главнымъ образомъ вслѣдствіе выгодъ географическаго положенія города и благодаря давно установившимся дѣловымъ связямъ Осака въ самыхъ населенныхъ и наилучше развитыхъ частяхъ имперіи» *).

XXIX-ая глава японской конституціи говоритъ: «Японскіе подданные пользуются, въ предѣлахъ закона, свободой слова, печати, организаціи общественныхъ собраній и ассоціацій».

Въ своихъ оффиціальныхъ комментаріяхъ къ этой главѣ маркизъ Ито даетъ слѣдующее разъясненіе **): «Рѣчи, печатное слово всякаго

*) Zumoto, p. 555.

**) Marquis Hirobumi Ito. „The Constitution of the Empire of Japan“, p. 43.

рода, общественныя собранія и ассоціаціи суть средства, путемъ которыхъ люди могутъ проявлять свое вліяніе въ политическихъ или соціальныхъ сферахъ... Но такъ какъ каждое изъ этихъ обоюдоострыхъ орудій легко можетъ быть употреблено для вредныхъ цѣлей и съ вредными послѣдствіями, то необходимо,—для сохраненія общественнаго порядка,—наказывать по закону и предупреждать полицейскими мѣрами, предусмотрѣнными закономъ, всякое оскорбленіе чести или нарушеніе правъ личности и нарушеніе мира въ странѣ, или подстрекательство къ преступленію. *Всѣ ограниченія, однако, должны быть опредѣлены закономъ и лежатъ внѣ сферы указовъ и предписаній»* *).

Слѣдующее мнѣніе Зумото **) — журналиста и редактора газеты и слѣдовательно дѣятеля печати, испытывающаго отношеніе администраціи къ послѣдней на своихъ плечахъ,—даетъ хорошее понятіе о томъ, насколько «оффиціальныя» воззрѣнія маркиза Ито проведены въ дѣйствительную жизнь.

«Въ настоящее время японскія газеты контролируются законами о печати, которые не представляютъ никакого серьезнаго препятствія для ихъ дѣятельности. Я могу, не боясь ошибки, сказать, что, въ сущности говоря, японская пресса такъ же либеральна, какъ и во всякой другой странѣ. Изъ году въ годъ газеты критикуютъ въ высшей степени свободно политику и дѣйствія правительства безъ страха оффиціальнаго вмѣшательства. Единственныя ограниченія, налагаемыя на свободу печати, относятся къ разоблаченію государственныхъ и военныхъ секретовъ во время какихъ-либо международныхъ осложненій. Однако, прежде чѣмъ эти ограниченія входятъ въ силу, печать получаетъ опредѣленныя указанія, такъ что нѣтъ опасности для истинно-патріотическаго и здравомыслящаго издателя или редактора попасть подъ кару закона по невѣдѣнію».

Въ высшей степени интересно сравнить это дышащее удовлетвореніемъ заявленіе японскаго дѣятеля ежедневной прессы съ мнѣніемъ посторонняго внимательнаго и компетентнаго наблюдателя, профессора Чамберлэна ***):

«Японскіе законы о прессѣ, прежде крайне строгіе, были, наконецъ, смягчены въ 1897 году, а затѣмъ въ 1900 году. Правда, министры военный и морской имѣютъ власть запретить всякую газету, виновную въ разоблаченіи военныхъ тайнъ; тою же властью обладаетъ и министръ иностранныхъ дѣлъ: онъ запрещаесъ печатать все то, что можетъ повести къ конфликту Японіи съ другими государствами. Настойчивость въ печатаніи того, чтò запрещено, оскорбленіе особы

*) Курсивъ нашъ.
**) Zumoto, p. 556.
***) B. H. Chamberlain, p. 350.

императорской фамиліи, критика существующихъ учрежденій, нарушеніе общественнаго порядка и нравственности, подвергаютъ виновный органъ печати *судебному преслѣдованію*, которое можетъ закончиться полнымъ прекращеніемъ выхода въ свѣтъ изданія». а также и денежнымъ штрафомъ. Въ обезпеченіе удовлетворенія подобнаго рода взысканій, каждый издатель получаетъ разрѣшеніе выпускать газету не иначе, какъ послѣ внесенія въ государственное казначейство денежнаго залога, который, впрочемъ, въ столицѣ даже, не превышаетъ 1.000 іенъ. «Резюмируя все сказанное,—продолжаетъ далѣе Чамберлэнъ,—можно допустить, что даже-и современное положеніе печати покажется моимъ соотечественникамъ довольно стѣснительнымъ. Но будемъ справедливы. Есть соображеніе, которое необходимо принять во вниманіе, а именно: ограниченіе свободы слова и печати должно несравненно меньше оскорблять японца, чѣмъ того, для кого свобода слова составляетъ какъ бы элементъ воздуха, которымъ онъ дышитъ. Такія ограничительныя мѣры, съ исторической точки зрѣнія, нельзя назвать мѣрами ретроградными, такъ какъ онѣ являются замѣной худшаго, а не лучшаго положенія вещей. Во времена феодальнаго режима свобода слова фактически не существовала; право хотя бы даже на нѣкоторую степень свободы слова не признавалось тогда даже въ теоріи; и люди, сдѣлавшіе революцію 1867 года, при томъ исключительномъ настроеніи умовъ, ни на минуту не останавливались на мысли о свободѣ слова; они содрогнулись бы передъ нею, какъ передъ святотатствомъ *). Идея свободы слова сравнительно недавно проникла въ Японію вмѣстѣ съ распространеніемъ англійскихъ и американскихъ школьныхъ руководствъ, а также подъ вліяніемъ англо-саксонскихъ идей вообще».

Какъ бы то ни было, но и Чамберленъ признаетъ, что, какъ говоритъ Зумото, «въ Японіи пресса сдѣлалась нынѣ, къ добру или злу, большою силой и пріобрѣла, можно сказать, значеніе четвертаго государственнаго учрежденія въ странѣ».

Достойно вниманія также то обстоятельство, что многіе изъ государственныхъ дѣятелей, такъ же какъ и лидеры въ политическомъ мірѣ, прошли черезъ образовательную атмосферу журнальной дѣятельности къ дѣятельности оффиціальной и парламентской; и наоборотъ, оставивъ почему-либо послѣднюю, снова принимали участіе въ дѣятельности прессы. Напримѣръ, Юкіо Озаки—бывшій министръ народнаго просвѣщенія, а нынѣ лидеръ конституціонной партіи въ палатѣ представителей,—точно такъ же, какъ и баронъ Суематсу, неоднократно занимавшій серьезные посты въ кабинетѣ,—были журналистами въ теченіе многихъ лѣтъ. Хара—энергичный и

*) Въ 1875 году имѣлъ мѣсто фактъ, что въ одномъ только Токіо тридцать журналистовъ отбывали одновременно наказаніе въ тюремномъ заключеніи.

способный государственный дѣятель болѣе молодой школы — былъ прежде издателемъ газеты «Осака Майници», а затѣмъ министромъ путей сообщенія во время послѣдняго премьерства маркиза Ито. Настоящій главный редакторъ газеты «Хоци-Минура» былъ недавно товарищемъ министра путей сообщенія; и, наконецъ, Коматсобара, издатель газеты «Осака Майници», выдвинулся въ качествѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ при кабинетѣ маркиза Ямагата... «Кромѣ названныхъ лицъ есть не мало видныхъ политическихъ дѣятелей, которые, такъ сказать, воспитывались въ школѣ журнализма».

Выше мы уже говорили, что сейчасъ же послѣ вынужденной уступки Японіею обратно Китаю занятаго ею Ляодунскаго полуострова, въ японскомъ обществѣ появились признаки серьезнаго недовольства этимъ. Когда же, черезъ полтора года послѣ того, Россія заняла Портъ-Артуръ, то изъ этого зерна недовольства выросла цѣлая агитація за необходимость войны съ Россіей. Не только въ засѣданіяхъ политическихъ партій, но и въ газетахъ вопросъ этотъ въ теченіе всѣхъ послѣдовавшихъ послѣ 1896 года лѣтъ былъ «злобой дня». Нѣкоторыя изъ газетъ, проповѣдуя убѣжденіе, что борьба съ Россіей, какъ «борьба на жизнь и смерть», будетъ по необходимости продолжительной, настаивали въ своемъ крайнемъ увлеченіи, что педагогическому персоналу даже начальныхъ школъ надлежитъ внушать это своимъ ученикамъ и готовить ихъ къ этому. Во многихъ прогрессистскихъ газетахъ каждая статья, въ которой упоминалось по той или другой причинѣ о дѣйствіяхъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, кончалась словами: «Помни Ляодунъ!». Хотя болѣе серьезныя газеты и осуждали своихъ сотоварищей по оружію за такія увлеченія, но тѣмъ не менѣе, быть можетъ безъ не вліянія послѣднихъ, сдѣлались возможными такіе факты, о которыхъ сообщаетъ Веллерсъ *): «Одинъ учитель отмѣчаетъ на картѣ Китая чернымъ Ляодунскій полуостровъ, какъ часть прежней Японіи, которую новая Японія должна непремѣнно отвоевать себѣ. Другой—заставляетъ своихъ дѣтей ходить голыми ногами по снѣгу, чтобы закалить ихъ для испытаній, какія предстоятъ имъ въ будущемъ завоеваніи Сибири».

Особенно усилилась агитація, имѣвшая цѣлью побудить правительство къ немедленному объявленію войны противъ Россіи, лѣтомъ 1903 года; и она достигла высшаго напряженія въ концѣ сентября и въ началѣ октрября, съ приближеніемъ того дня (8-го октября новаго стиля), который Японія считала послѣднимъ срокомъ «обязательнаго для Россіи вывода своихъ войскъ изъ Манчжуріи».

Небезынтересны для читателей будутъ нѣкоторыя наблюдавшіяся мною «иллюстраціи» на эту тему.

---

*) G. Weulersse. „Le Japon d'aujourd'hui", 1904, p. 209.

*

Однажды въ Нагасакахъ, въ день, когда Японія ожидала возвращенія русскаго посланника при токійскомъ дворѣ изъ Портъ-Артура, куда онъ ѣздилъ для совѣщанія съ намѣстникомъ нашимъ на Дальнемъ Востокѣ, «по вопросу объ ультиматумѣ, поставленномъ Японіей Россіи», какъ говорили тогда японскія газеты, я возвращался изъ русскаго морского госпиталя послѣ посѣщенія тамъ больного офицера нашего флота. Мнѣ пришлось проходить мимо хорошенькаго зданія русскаго консульства, построеннаго въ японскомъ стилѣ, но съ великолѣпно вырѣзаннымъ русскимъ двуглавымъ орломъ на изящныхъ воротахъ. Былъ восьмой часъ утра, и мнѣ поминутно встрѣчались группы маленькихъ японскихъ гражданъ, шаркающихъ и стучащихъ по каменной мостовой своими соломенными сандаліями и деревянными гетами на пути въ школу. Одна изъ такихъ группъ, видимо подъ вліяніемъ краснощекаго мальчугана, что-то оживленно ораторствовавшаго, остановилась передъ воротами и негромко, но съ одушевленными лицами, пропѣла воинственную, судя по тону и жестамъ, пѣсенку, по окончаніи которой всѣ дѣти (ихъ было человѣкъ двѣнадцать, большей частью мальчики и двѣ-три дѣвочки; не думаю, чтобы возрастъ старшаго изъ нихъ былъ болѣе 12—13 лѣтъ) подняли вверхъ правыя руки со сжатыми кулаками и «грозно» потрясали ими въ воздухѣ. Послѣ этой «патріотической демонстраціи», быть можетъ, внушенной имъ впечатлѣніями того, что̀ наканунѣ говорилъ въ школѣ учитель «о необходимости для Японіи объявить Россіи войну», эта группа школьниковъ пошла дальше, за исключеніемъ виновника демонстраціи, который остался у воротъ и знаками сзывалъ кругомъ себя новыхъ проходившихъ мимо товарищей. Вѣроятно, ему удалось бы воодушевить и ихъ на такое же патріотическое проявленіе своихъ чувствъ, но какъ разъ въ это время они замѣтили, что я наблюдаю за ними, и, признавъ во мнѣ русскаго,—что̀ я понялъ изъ ихъ шопота «ороша, ороша» (т.-е. русскій, русскій),—не сочли удобнымъ пѣть пѣсню передъ воротами, а всѣ прошли близко возлѣ меня и, «смѣривъ меня глазами», показали молча на броненосцы японскаго флота, стоявшіе на рейдѣ живописной Нагасакской бухты.

Во всей этой сценѣ, какъ ни комична она по существу, меня болѣе всего поразила серьезность и сдержанность поведенія маленькихъ патріотовъ, которыя я сравнилъ бы съ настроеніемъ толпы нашихъ дѣтей, чинно входящихъ въ церковь на какое-либо богослуженіе.

Также характеренъ и другой случай, хотя онъ относится уже къ взрослымъ молодымъ людямъ. Во время пребыванія моего въ Токіо я получилъ черезъ наше посольство разрѣшеніе осмотрѣть интересовавшую меня торгово-мореходную школу, расположенную на взморьѣ, при устьѣ рѣки Сумида. 6-го октября я рѣшился воспользоваться разрѣшеніемъ и утромъ прибылъ въ школу, которая была уже предупреждена—по телефону изъ отеля «Метрополь», гдѣ я жилъ — сопровождав-

шимъ меня переводчикомъ о томъ, что я направляюсь туда. Послѣдній, конечно противъ моего желанія, сдѣлалъ это слишкомъ торжественно, сообщивъ, что я—«русскій морской офицеръ большого чина». Вѣроятно, поэтому въ кабинетъ директора, маленькаго пожилого человѣка съ умнымъ привѣтливымъ лицомъ, куда провели меня сначала, собрался весь педагогическій персоналъ школы, кромѣ лицъ, занятыхъ въ это время въ классахъ, и послѣ неизбѣжнаго *оча* (т.-е чая) сопровождалъ меня при обходѣ многочисленныхъ и широко раскинутыхъ школьныхъ помѣщеній и учебнаго судна. Всѣ, отъ директора до учителя математики, говорили болѣе или менѣе сносно по-англійски, такъ что мнѣ легко было объясняться съ ними. Сначала бесѣда наша была довольно «чопорна» и формальна; но когда преподаватели поняли, что я знакомъ съ ихъ дѣломъ и живо интересуюсь имъ, и особенно послѣ того, какъ преподаватель навигаціи замѣтилъ, что я оцѣнилъ по достоинству—дѣйствительно полный по количеству и превосходный по качеству—устроенный имъ кабинетъ учебныхъ пособій по кораблевожденію, то они оживились и наперерывъ оказывали мнѣ возможное вниманіе.

Встрѣчавшіеся при нашемъ обходѣ ученики школы, бравые и очень опрятно одѣтые молодые люди отъ 18 до 20 лѣтъ, становились директору во фронтъ, отдавая ему честь прикладываніемъ руки къ козырьку по военному... Когда мы вошли въ классъ пароходной механики, сидѣвшіе тамъ ученики (въ числѣ не менѣе 30 человѣкъ) встали, обратившись лицомъ къ директору, но затѣмъ съ явной поспѣшностью сѣли; и когда директоръ, указывая на меня, началъ говорить имъ что-то, они всѣ отвернулись, упорно смотря въ противоположную сторону. Сопровождавшій меня педагогическій персоналъ школы, видимо, былъ сильно сконфуженъ этимъ. Мысль о томъ, что это—«вѣжливая» демонстрація противъ русскаго офицера, сейчасъ же пришла мнѣ въ голову, и я окончательно убѣдился въ томъ, когда, разсматривая лежавшіе на столѣ передъ учениками, рядомъ съ англійсками курсами пароходной механики, тетради съ ихъ чертежами, на свои одобрительныя замѣчанія по поводу послѣднихъ и обращавшіеся къ ученикамъ вопросы, встрѣтилъ очевидныя доказательства нежеланія ихъ разговаривать со мной: они просто спокойно отворачивались отъ меня и молчали. Считаю необходимымъ пояснить, что по существу моихъ вопросовъ молодые люди, замѣтки въ тетрадяхъ которыхъ были сдѣланы на англійскомъ языкѣ, не могли не понимать меня; да и независимо отъ этого весь характеръ ихъ поведенія показывалъ, что они «терпятъ» мое присутствіе въ классѣ лишь по необходимости, отъ какой-либо рѣзкости воздерживаются, но далѣе этого не хотятъ бороться со своимъ чувствомъ нерасположенія къ офицеру той страны, которую считаютъ враждебною Японіи. Въ слѣдующихъ классахъ повторилось въ сущности то же; а въ большомъ залѣ, гдѣ ученики

старшаго класса, около 50 человѣкъ, готовили уроки самостоятельно, никто изъ нихъ даже не всталъ съ мѣста при нашемъ входѣ туда. Это, конечно, сильно смутило директора, который такъ потерялся, что я счелъ необходимымъ выручить его, обратившись къ нему съ разными разспросами. Можетъ быть, и онъ, и преподаватели въ душѣ были недовольны моимъ посѣщеніемъ школы, но всѣ они умѣли скрыть это, заставили себя быть въ высшей степени предупредительными ко мнѣ и даже, по собственному почину, обмѣнялись со мною визитными карточками и просили меня выслать каждому изъ нихъ фотографическую группу, снятую съ нихъ вмѣстѣ со мною моимъ товарищемъ по осмотру школы. Ученики же не могли или, вѣрнѣе, не желали подавить дальше извѣстныхъ предѣловъ свои патріотическія чувства... И, конечно, я не былъ въ претензіи на нихъ ни одну секунду: молодежь всегда искреннѣе людей, уже искушенныхъ опытомъ жизни, и въ этомъ часто большое ея преимущество. Но тѣмъ не менѣе я не удивился, когда узналъ вскорѣ послѣ того, что весь классъ, позволившій себѣ такую «демонстрацію», былъ подвергнутъ тяжелому дисциплинарному взысканію.

Описанный сейчасъ случай со мною въ мореходной школѣ произошелъ, какъ я уже замѣтилъ выше, 6-го октября новаго стиля, и очень возможно, что онъ былъ косвеннымъ слѣдствіемъ состоявшагося наканунѣ большого митинга (около 1.000 человѣкъ) партіи *Таи-Ро-Доси-Кваи*, которую англійская печать назвала, сообразно ея задачамъ, «антирусской лигой». На этомъ митингѣ единогласно было постановлено опубликовать манифестъ, столь характерный, что мы приводимъ здѣсь главнѣйшія мѣста его въ переводѣ съ англійскаго текста въ той редакціи, въ какой передала его токійская газета «Japan Mail».

«Нѣтъ необходимости обсуждать далѣе манчжурскій и корейскій вопросы. Уже первый и второй сроки эвакуаціи русскими войсками Манчжуріи прошли безъ всякаго видимаго результата, и до истеченія третьяго срока остается всего три дня. Россія многократно уклонялась отъ исполненія своихъ декларацій и теперь не обѣщаетъ ихъ выполнить. Напротивъ, она употребляетъ всѣ свои силы на приготовленіе къ войнѣ. Ея предпріятія на Дальнемъ Востокѣ основаны на давно уже зародившейся у нея идеѣ захвата всей Восточной Азіи. Ея оккупація Манчжуріи, подъ предлогомъ охраны желѣзной дороги и развитія торговли, сводится въ сущности къ захвату военныхъ позицій, якобы для подавленія боксеровъ. Въ сущности же она создаетъ себѣ этимъ базу для осуществленія вышеупомянутаго замысла, и ей не удалось скрыть эту свою дѣйствительную цѣль. Ея образъ дѣйствій несомнѣнно разсчитанъ на то, чтобы вѣчно держать въ страхѣ Китай и Корею, вѣчно нарушать миръ на Дальнемъ Востокѣ и создавать такое положеніе дѣлъ, которое благопріятствовало бы ея планамъ. Поэтому партія твердо увѣрена, что естественная обязанность и прав-

ственный долгъ предписываютъ Японіи такую національную политику, при которой нѣтъ мѣста для примиренія съ образомъ дѣйствій Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

«Если, такимъ образомъ, настоящее положеніе вещей становится разрѣшимымъ только посредствомъ войны, то вся отвѣтственность за это ложится на Россію. Нѣтъ сомнѣнія, что сдержанность и терпѣніе, обнаруживавшіяся до сихъ поръ въ этомъ вопросѣ государственными людьми нашей страны, вызывались ихъ заботою объ исполненіи требованій международной вѣжливости и сохраненіи мира. Но все-таки ихъ медлительная политика и нерѣшительный образъ дѣйствій озабочиваютъ и приводятъ въ отчаяніе націю. Если они и впредь будутъ попрежнему затягивать дѣло и упорствовать въ безполезныхъ переговорахъ, то они навлекутъ на наше отечество презрѣніе другихъ державъ. Рѣшительная мѣра необходима, и партія приглашаетъ правящихъ принять ее. На основаніи всесторонняго изученія положенія вещей партія находитъ, что настало время прибѣгнуть къ ultima ratio и что медлительная политика нашего правительства не можетъ быть долѣе терпима!»

Этотъ «манифестъ», который, будучи отпечатанъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ, «объявлялся» въ Токіо (а можетъ быть и въ другихъ городахъ) многочисленными группами приверженцевъ антирусской лиги, разгуливавшими по улицамъ съ флагами и барабаннымъ боемъ, поднялъ большую бурю въ газетахъ, большинство которыхъ упрекало лигу и поддержавшіе ее печатные органы за такую несдержанность. Въ возраженіе на эти нападки, послѣдніе напечатали статьи, въ которыхъ высказали увѣренность въ томъ, что японское правительство дѣятельно готовится къ войнѣ и не замедлитъ объявить ее.

Конечно, правительство принимало различныя мѣры для ослабленія агитаціи и, между прочимъ, предписало представителямъ печати составить особую коммиссію, черезъ которую министерства военное, морское и иностранныхъ дѣлъ должны были сообщать органамъ печати все то, что̀ признается возможнымъ печатать по поводу операцій, связанныхъ съ натянутымъ положеніемъ дѣлъ между Японіей и Россіей.

Едва ли я ошибаюсь, что именно слѣдствіемъ избранія такой коммиссіи состоялась вскорѣ затѣмъ лекція полковника Мурайямы, читанная токійскимъ журналистамъ, въ отвѣтъ на предложенные имъ вопросы.

Возвратившись изъ Токіо въ Нагасаки въ половинѣ октября, я нашелъ въ отелѣ «Cliff House», куда телеграфировалъ заранѣе о своемъ пріѣздѣ, адресованный на мое имя (по-русски, но съ ошибками, указывавшими, что писавшій адресъ—японецъ) нумеръ газеты «Nagasaki Press». Въ немъ оказался разборъ вышеупомянутой лекціи, въ которомъ между прочимъ говорится: «Полковникъ Мурайяма былъ вынужденъ признать, что Россія, повидимому, спѣшно готовится

къ войнѣ; но, несмотря на то, онъ все-таки упрекнулъ японскія газеты за то, что онѣ будто бы раздуваютъ тревогу нашего правительства, тогда какъ въ дѣйствительности въ нашихъ военномъ и морскомъ министерствахъ не дѣлается ничего, *выходящаго за предѣлы рутины*. Но если это такъ, то правы ли эти министерства? Удовлетвореніе обычной рутиной оправдывается только въ томъ случаѣ, если подготовленность Японіи къ войнѣ столь велика, что для нея безразлично, неизбѣжна ли война, или она совсѣмъ невѣроятна. Но какое же государство въ мірѣ можетъ похвастаться такой готовностью? Всѣмъ извѣстно, что Англія была застигнута врасплохъ и оказалась не на высотѣ требованій отъ нея въ первый періодъ войны съ бурами. Мы увѣрены, что съ Японіей ничего подобнаго не случится. Военная система этой страны и способности людей, которые руководятъ ею, завоевали удивленіе всего свѣта. Но все-таки, повторяемъ, нѣтъ державы, которая могла бы спокойно удовольствоваться рутиной, когда близость войны—фактъ, весьма возможный».

Мы далеки отъ мысли о томъ, что готовность Японіи къ войнѣ оказалась такова, какъ это мы видимъ теперь, *исключительно* благодаря свободѣ выраженія въ этой странѣ общественнаго мнѣнія; но едва ли можно отрицать, что послѣднее оказало ей и въ этомъ дѣлѣ не малую услугу.

Н. Азбелевъ.

ЛИЗА ВИНОГРАДОВА.

(Этюдъ).

Кто подъѣзжалъ къ городку Сомову справа, со стороны желѣзной дороги, тотъ видѣлъ шесть тонкихъ и высокихъ трубъ отъ паровыхъ мельницъ, а подъ ними безформенную груду сѣрыхъ отъ мучной пыли домовъ; кто подъѣзжалъ слѣва, со стороны большой судоходной рѣки, тотъ видѣлъ раскинувшійся по песчаному косогору чахлый городской садъ, съ правильными и сѣрыми, какъ запыленные холсты, дорожками. И на того, кто подъѣзжалъ справа, и на того, кто подъѣзжалъ слѣва, одинаково вѣяло скукой.

Человѣкъ склоненъ скучать, и, можетъ быть, это самое культурное изъ его состояній, когда оно толкаетъ его впередъ, не позволяя мириться съ окружающимъ; но въ Сомовѣ скучали хронически и безнадежно.

Скука здѣсь какъ-то тѣсно сливалась съ постоянной мучной пылью и съ пылью улицъ, съ жалкой архитектурой домовъ, съ песчанымъ берегомъ рѣки, съ неподвижнымъ безвѣтреннымъ небомъ.

Придуманная людьми же скука покорила здѣсь людей, какъ покоряютъ ихъ гигантскія машины, требующія ухода, какъ покоряютъ ихъ искусства, требующія упражненія, какъ покоряютъ ихъ науки, требующія жертвъ. И всѣ здѣсь скучали постоянно, упорно и стойко, самыми стараніями избавиться отъ скуки дѣлая жизнь еще скучнѣе.

Отъ скуки пили, отъ скуки ругались, отъ скуки дѣлали другъ другу гадости, отъ скуки сплетничали, а отъ попоекъ, ругани, гадостей и сплетенъ скучали еще больше.

Общества здѣсь не было,—были отдѣльные кружки лицъ, служащихъ по одному вѣдомству; эти кружки составлялись изъ людей, достаточно надоѣвшихъ одинъ другому еще на службѣ, и скука царила въ нихъ на правахъ полной хозяйки.

Въ такіе кружки входили различные чиновники, учителя, священники, судебный слѣдователь съ городскимъ судьей, два врача,

двѣ акушерки. Въ одиночку жили только воинскій начальникъ да исправникъ, и это потому, что въ городѣ не было ни другого воинскаго начальника, ни другого исправника.

Въ этихъ кружкахъ въ обыкновенное время играли въ карты дома, а въ необыкновенное,—весною и лѣтомъ,—собирались на пикники и играли въ карты уже на лонѣ природы; при этомъ и дома, и на пикникахъ одинаково пили.

Одно время поговаривали въ Сомовѣ объ открытіи библіотеки, но такъ какъ она могла быть открыта или на городской счетъ, или на земскій, то не была открыта вовсе; составилась было любительская труппа, но такъ какъ передъ первымъ же спектаклемъ жена судьи поссорилась съ женою земскаго врача, то труппа разбилась на двѣ партіи, затѣмъ на три, на четыре и т. д., пока въ каждой партіи не осталось по одному человѣку, и сомовцы такъ и не увидѣли ни одного спектакля.

Клуба въ Сомовѣ не было.

Скучно жили здѣсь и купцы, и мѣщане, но зато у нихъ были трактиры, гдѣ они пили чай и водку, читали «Свѣтъ» и «Будильникъ», слушали граммофоны.

Въ особенно сильные приливы скуки они ловили крысъ и всенародно поджигали ихъ, облитыхъ керосиномъ, устраивали борьбу на поясахъ по-французски и на кулачки по-русски и подъ вліяніемъ текущихъ событій крѣпко ругали англичанъ за коварство въ политикѣ.

II.

Оригинальной особенностью Сомова было обиліе въ немъ дураковъ и дуръ.

Они безпризорно бродили по улицамъ, полунагіе, босые, бормотали нелѣпицу и выпрашивали копеечки у прохожихъ.

Въ семьѣ мельничнаго рабочаго Егора Виноградова была тоже дура, старшая его дочь Олимпіада. Она цѣлые дни возилась по хозяйству, но по своему почину не могла ничего дѣлать. Ей нужно было приказать начать и приказать кончить, иначе она могла до кровавыхъ мозолей мыть полы и до полнаго одурѣнія таскать изъ рѣки воду.

Младшая дочь Егора, Лиза, жила въ семьѣ на особомъ положеніи.

У нея была отдѣльная комнатка съ кисейными занавѣсками и цвѣтами на окнахъ, съ ручною швейной машинкой и маленькой этажеркой, на которой навалено было десятка три книгъ.

Такъ какъ она зарабатывала деньги шитьемъ, то ее не тревожили, а хозяйство вела только мать съ дурочкой.

Въ своей комнаткѣ Лиза принимала гостей, бывшихъ подругъ по училищу, принимала заказчицъ, а по ночамъ читала.

Была она высокая, даже совсѣмъ высокая для женскаго роста,—такъ что уличные мальчишки звали ее «ногастой»,—съ блѣднымъ лицомъ, хорошими, спокойными глазами и умнымъ лбомъ подъ гладкой прической русыхъ волосъ.

Когда вся семья собиралась за столомъ, то Егоръ обыкновенно говорилъ въ поучающемъ тонѣ, жена его, испуганная, недалекая женщина, слушала, жевала и поддакивала, Олимпіада громко чавкала и ухмылялась или сморкалась въ фартукъ, а Лиза молчала.

Егоръ говорилъ всегда одно и то же и объ одномъ и томъ же.

— Женихи, братъ, на улицѣ не валяются, такъ-то!.. Думаешь, валяются! Нѣтъ, братъ, не валяются! Ихъ вѣдь тоже, что ни годъ, то меньше... Съ женой, братъ, вѣдь тоже хлопотно, чего и говорить, оттого народъ и избѣгаетъ... Говорится, жена—не коза, продеретъ глаза, — это, братъ, правда истинная... Да... А тутъ что же тебѣ? Человѣку очень желается, и опять же приданаго никакого не хочетъ... По нынѣшнимъ временамъ, какъ ты думаешь, это шутка? Нѣтъ, братъ, не шутка!.. Такихъ людей поискать. Такъ-то... А то: «не хочу!..» Чѣмъ не хорошъ человѣкъ?.. Лавочку свою имѣетъ,—разъ, не пьянствуетъ,—два...

— Грубый онъ... и глупый,—перебиваетъ Лиза.

— Ишь ты вѣдь ее, умная какая!.. Глупый! Что ты книжки-то читаешь, такъ и умная? Вотъ возьму, да всѣ эти книжки въ печку, только и всего!.. Умная!.. То-то ты и на отца-то косишься, что не чисто хожу... Ишь ты!.. Благородныхъ ждешь? Такъ они на тебя и польстились!.. Глупый!.. Посиди-ка въ дѣвкахъ и сопливаго полюбишь: оботрешь да поцѣлуешь.

Лиза смотрѣла, какъ ершились длинныя брови отца, то всползая на морщинистый лобъ съ заливами, то надвигаясь на красные глаза, смотрѣла, какъ подымались и опускались его дряблыя щеки, когда онъ жевалъ, и тянули за собой рѣдкую рыжую бороду, подбѣленную мукой: смотрѣла на его закорузлыя руки, грубо высѣченныя изъ жилъ и костей, и чувствовала, какъ по ея спинѣ ползутъ мурашки холодной тупой тоски.

Со стѣнъ на нее хмуро глядѣли полуоборванные запачканные и выцвѣтшіе обои, которые она еще видѣла въ дѣтствѣ; столъ, за которымъ она сидѣла, былъ тоже какой-то вѣчный и прикрытъ былъ порванной старинной скатертью; монотонно тикали на стѣнѣ старенькіе часы, и ей самой начинало казаться, что живетъ она уже давнымъ давно, не меньше ста лѣтъ, и кругомъ ея одна и та же обстановка, одни и тѣ же люди, одни и тѣ же слова...

Лавочникъ, который сватался къ Лизѣ, былъ тяжелый, неповоротливый малый, говорилъ о себѣ въ множественномъ числѣ:

«Мы-то?... Мы понимаемъ... мы могемъ!..» и по воскресеньямъ отъ его лежавшихъ въ скобку волосъ сильно пахло коровьимъ масломъ.

Подруги часто заходили въ комнату Лизы, потому что у нея было уютно, свѣтло, пахло геранью и матеріями, и были модныя картинки.

Приходя, онѣ толковали о фасонахъ; примѣряли на себя матеріи заказчицъ, передавали сплетни и неизмѣнно грызли сѣмячки.

Лиза въ обществѣ подругъ скучала больше чѣмъ въ одиночествѣ. Всѣ онѣ были однообразны въ своихъ желаніяхъ и вкусахъ, всѣ говорили однимъ и тѣмъ же малоподвижнымъ языкомъ улицы, и Лизѣ почему-то онѣ казались похожими на тѣхъ степенныхъ и неподвижныхъ севрюгъ, которыя по зимамъ рядкомъ лежатъ и висятъ въ рыбныхъ лавкахъ, уткнувъ въ публику тупыя морды съ незрячими глазами.

Изъ оконъ своей комнаты Лиза видѣла край стареньκаго, зеленаго отъ моха забора, ржавую крышу сосѣдскаго сарая и верхушки двухъ яблонь.

Лѣтомъ верхушки яблонь были зеленыя, осенью желтыя, зимой на нихъ нависали клочья бѣлаго снѣга... Заборъ же и крыша не мѣнялись и не красились и были одного цвѣта и лѣтомъ, и осенью, и зимою.

III.

Въ городскомъ саду гуляли только по праздникамъ; тогда по его правильно разбитымъ дорожкамъ двигались толпы парней въ казинетовыхъ пиджакахъ и косовороткахъ и толпы дѣвицъ въ кумачѣ и яркихъ ситцахъ.

Въ будни здѣсь было тихо и пусто, и Лиза любила приходить сюда по буднямъ, если не было спѣшной работы.

Садъ разбитъ былъ на берегу рѣки, на косогорѣ, кончавшемся обрывомъ. По самому гребню обрыва прилѣплены были узкія скамейки около высокихъ осокорей и вязовъ.

Подъ обрывомъ, точно притаившись, лежала рѣка. Около Сомова она дѣлала крутой загибъ вправо, точно испуганно шарахалась отъ скучныхъ людскихъ гнѣздъ въ зеленый просторъ заливныхъ луговъ.

На лугахъ узкими, вонзившимися въ землю лезвіями бѣлѣли озера и прихотливо вилась между ними гладко убитая дорога, бѣгущая отъ перевоза.

Въ ненастные дни, когда надъ лугами нависали тучи, и синій дымокъ горизонта становился почти чернымъ, когда что-то хорошее, высокое и свѣтлое придавлено было къ землѣ и тоскливо металось, и глухо пролетало надъ рѣкой, надъ косогоромъ, надъ

осокорями и вязами, ища гдѣ-нибудь выхода на свободы,—Лиза любила сидѣть и слушать.

Тогда ей казалось, что никого нѣтъ, что она одна, и то, что придавлено къ землѣ и ищетъ выхода, — это она сама; и когда она закрывала глаза, то чувствовала, что летаетъ гдѣ-то вверху между осторожными, пахнувшими смолой, листами осокоря.

Когда вечерѣло, она уходила домой, въ свою комнату, со стѣнъ которой на нее глядѣли, какъ и десять и пятнадцать лѣтъ назадъ, старинные обои. Тамъ она зажигала лампу, садилась за машинку и плакала.

IV.

Стоялъ морозный вечеръ, и шаги людей были скрипучіе и звонкіе.

На осокоряхъ и вязахъ въ саду, на каждой тоненькой вѣткѣ нѣжно и мягко улегся иней, и весь бѣлый съ темно-сивими тѣнями, весь таинственно-чуткій садъ точно улыбался передъ сномъ уже полусонной улыбкой.

Кое-гдѣ на верхнихъ сучьяхъ нахохлившіяся, сѣрыя, пушистыя неподвижно и важно торчали вороны.

За снѣгомъ не видно было рѣки, и бѣлые луга отъ этого казались еще бѣлѣе и шире.

Легкими, спокойными столбами подымался въ небо дымъ изъ трубъ на оголившемся берегу, и воздухъ былъ такъ свѣжъ, густъ и плотенъ, что Лизѣ, сидѣвшей на скамейкѣ, казалось, что она пьетъ его большими глотками, когда дышитъ ртомъ.

Она сидѣла и думала, какъ бы хорошо было теперь ѣхать лугами,—не на тройкѣ, не съ колокольчиками, а на простыхъ розвальняхъ, лежать на днѣ ихъ на сѣнѣ и слушать, какъ скрипятъ полозья, стучатъ копыта, дребезжитъ бубенчикъ, лежать и глотать плотный движущійся воздухъ, пропитанный сѣннымъ запахомъ, и такъ все ѣхать-ѣхать.

Сзади заскрипѣли тяжелые шаги. Она вздрогнула, обернулась и увидѣла соборнаго регента Бородкина. Онъ выходилъ изъ боковой аллеи, гдѣ была узенькая тропинка въ снѣгу.

У него заиндевѣли усы и брови и даже кудряшки барашковой шапки, низко надвинутой на глаза.

Онъ былъ учителемъ пѣнія въ ихъ училищѣ, и Лиза помнила, какъ онъ записывалъ въ классномъ журналѣ то, что пѣли, безъ всякихъ знаковъ препинанія, и выходили странныя записи: «Се женихъ грядетъ по обиходу», «Пахнетъ сѣномъ по Карасеву», «Воскресеніе твое партесное».

Бородкинъ всегда раскланивался съ ней при встрѣчахъ, поклонился и теперь; прошелъ на всю длину аллеи, потомъ вернулся.

Когда онъ возвращался, то Лиза замѣтила, что видъ у него былъ смущенный и виноватый.

— Одиночествуете?—началъ Бородкинъ, останавливаясь и снимая перчатку.

Голосъ у него былъ теноровый, разсыпающійся, какъ шарики ртути, очень звонкій на морозѣ и пріятный.

Лиза хотѣла отвѣтить что-нибудь, но не нашла что, и только улыбнулась.

— На дворѣ холодно, а ручка у васъ тепленькая, значитъ сердце горячее,—галантно сказалъ Бородкинъ, здороваясь.

Лиза посмотрѣла на него удивленными глазами и самоувѣренное лицо регента стало вновь виноватымъ.

— Присѣсть позволите?—робко спросилъ онъ, опускаясь на скамейку.

— Садитесь,—отвѣтила Лиза, подвигаясь.

Когда онъ садился, она увидѣла, что онъ весь выпуклый, точно надутый изнутри: совершенно выпуклое, красное бритое лицо, съ небольшими усами, надутое, почти безъ складокъ пальто на мѣху и даже большія черныя пуговицы на немъ тоже надутыя.

— Холодно, а хорошо все-таки... Я такой воздухъ люблю, — помолчавъ сказалъ Бородкинъ. — А вы что однѣ сидите? Ждете кого-нибудь?

— Нѣтъ, зачѣмъ?—Лиза опять посмотрѣла на него удивленными глазами и добавила: — просто въ комнатѣ душно, а здѣсь хорошо... и красиво такъ.

— О, да!—живо подхватилъ регентъ.—Вы не повѣрите, какъ я разъ въ Каменецъ-Подольскѣ по зимѣ стосковался!.. Цѣлую зиму все зимы нашей ждалъ, щеголялъ въ лѣтнемъ пальтишкѣ, потому что тепло было... Пришелъ февраль, — говорятъ, весна подошла, пахать начали... Вотъ тебѣ и дождался!.. Только-только снѣгъ выпадетъ, глядишь—и нѣтъ ничего, весь растаялъ.

— А вы зачѣмъ были въ Каменцѣ-Подольскѣ? — Въ глазахъ Лизы мелькнуло уваженіе къ такъ далеко побывавшему человѣку.

Бородкинъ пріосанился.

— Я тамъ въ оперѣ пѣлъ, въ хорѣ, въ труппѣ Борисова, — сказалъ онъ басомъ и добавилъ: — а вы въ оперѣ бывали?

— Дальше Сомова нигдѣ не была... Даже не знаю какъ слѣдуетъ, что это за опера,—сказала Лиза.

— О, напрасно не знаете!.. Это штука не того... Это, я вамъ доложу... Увидите — обомрете...

Бородкинъ остановился и вдругъ самымъ участливымъ тономъ спросилъ Лизу:

— А вы не озябли? Можетъ быть, пройдемся немного?

— Пожалуй,—поднялась Лиза и, сдѣлавъ первый шагъ, поскользнулась.

Бородкинъ поспѣшно поддержалъ ее подъ локоть.

— Склизко,—пояснилъ онъ и добавилъ съ улыбкой:—увидитъ насъ такъ вдвоемъ кто-нибудь изъ здѣшнихъ, болтать начнетъ Богъ знаетъ что... Ужасно дикій народъ!

— А что могутъ болтать?

Лиза опять посмотрѣла на него непонимающимъ взглядомъ, и Бородкинъ опять смутился.

— Просто, знаете ли, оттого, что дѣлать здѣсь нечего, этимъ всѣ и занимаются,—кто съ кѣмъ гуляетъ, то, се... Въ большихъ городахъ, конечно, не то, а у насъ что же имъ дѣлать? Газетъ мало читаютъ, такъ это имъ вмѣсто газетъ.

— А вы лучше объ оперѣ разскажите,—перебила Лиза.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сколько угодно!.. Моя спеціальность, такъ сказать... Съ малыхъ лѣтъ пою... Еще исполатчикомъ въ архіерейскомъ хорѣ былъ во дни оны — со мною не шутите!

Бородкинъ засмѣялся. Смѣхъ у него былъ сочный, открытый, округлый.

Онъ заговорилъ объ оперѣ, чертя на снѣгу палкой сцену, мѣсто оркестра, кулисы, зрительный залъ, жестами показывая, въ какихъ кто одеждахъ, вполголоса напѣвая аріи.

Ни одной оперы онъ не могъ припомнить цѣликомъ и мѣшалъ ихъ содержанія немилосердно; но Лизѣ и этого было довольно. Двинутая его несвязными объясненіями, ея фантазія заработала, и она ясно представила все, что могла: видѣла черный вьющійся плащъ на демонѣ и слышала его громовое проклятіе міру; видѣла, какъ тосковала царица русалокъ въ сказочномъ подводномъ царствѣ, и слышала голосъ князя около разрушенной мельницы; видѣла Фауста съ краснымъ Мефистофелемъ, смѣющагося сквозь слезы паяца, горячаго торреадора, сѣдобородаго Сусанина.

Смерклось. Подъ синими отъ тѣней, пухлыми деревьями сквозилъ свѣтлыми бликами мягкій снѣгъ. Сверху смотрѣла луна.

Въ морозномъ воздухѣ было столько молодости, свѣжести и тихой радости, что все хотѣлось смѣяться.

Подъ новымъ, нахлынувшимъ на нее міромъ яркихъ образовъ Лиза была какъ въ чаду. Выпуклая фигура Бородкина казалась ей уже высокой и стройной, похожей на торреадора; нравилось ей, какъ упруго, точно закручивалъ пружину, выговаривалъ онъ ея имя—Елизавета Егоровна; и когда, пройдя глухой улицей и остановившись передъ калиткой дома Виноградовыхъ, Бородкинъ поцѣловалъ ее прямо въ губы, — она уже не удивлялась и не противилась.

V.

Бородкинъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ, а Лиза сидѣла у стола и пила чай съ вишневымъ вареньемъ.

Это было черезъ мѣсяцъ послѣ гулянья въ саду. Бородкинъ за это время нѣсколько разъ приходилъ къ Лизѣ; теперь она была у него.

Отъ бревенчатыхъ, гладко обструганныхъ стѣнъ и досчатаго потолка все въ квартирѣ регента казалось желтымъ и сухимъ: и скатерть на столѣ и занавѣски на окнахъ, и вишневое варенье, и даже онъ самъ,—прочный и рыхлый, съ круглой, начавшей уже лысѣть головою.

Ей казалось, что здѣсь тѣсно, хотя, кромѣ этой комнаты, въ квартирѣ регента была еще и другая, казалось, что давитъ ее шерстяная голубая кофточка и корсетъ подъ нею, давитъ табачный дымъ и паръ отъ самовара.

Больше же всего ее давили летавшіе кругомъ, дрожащіе, струистые, тонкіе, какъ стрекозы, звуки гитары и густымъ роемъ гонявшіеся за ними разсыпчатые, круглые и влажные звуки голоса. Лицо Бородкина было обыкновенное, невыразительное, лицо сытаго человѣка; но теперь, когда онъ пѣлъ, на немъ легли мягкіе тона мечтательности, отрѣшенности,—и Лиза любовалась его лицомъ и съ жуткимъ чувствомъ отдавалась власти звуковъ.

Эта была новая для нея, хотя избитая вообще, цыганская пѣсенка:

Отойди, не гляди,
Скройся съ глазъ ты моихъ,
Сердце ноетъ въ груди,
Нѣтъ ужъ силъ никакихъ!
Отойди, отойди!
Отойди, отойди!

И сердце у Лизы ныло. Ей казалось, что на нее движется что-то желтое и сухое, какъ эти стѣны, неумолимое и слѣпое, какъ судьба,—движется медленно, плотной массой и хочетъ смять.

И мысль ея, вторя тоскливымъ звукамъ, тревожно молила это «что-то»:

Отойди, отойди!

Но оно не отходило, оно надвигалось ближе, желтое, сухое и безстрастное...

Намъ блаженства съ тобой
Не дадутъ, не дадутъ,
И тебя съ красотой
Продадутъ, продадутъ!
Отойди, отойди!
Отойди, отойди!

пѣлъ дальше Бородкинъ.

Надъ его карими глазами сдвинулись почти безволосыя брови, и въ углахъ губъ забрезжило что-то дѣтское, страдальческое.

Ей не дадутъ блаженства,—она это знала, и красоту ея продадутъ.

Многихъ слёзъ стоило ей отдѣлаться отъ лавочника, говорившаго: «Мы-то?.. Мы могемъ» и пахнувшаго по воскресеньямъ коровьимъ масломъ; а вслѣдъ за этимъ ее чуть было не просватали за нѣмого Путилина, сына одного сомовскаго купца. Нѣмой приставалъ къ ней на улицѣ, что-то мычалъ и хлопалъ себя по карманамъ. Потомъ онъ прислалъ къ Егору сватовъ, и если бы Лиза не пригрозила тѣмъ, что утопится, ее бы выдали за нѣмого, какъ за богатаго жениха. Узнавъ объ отказѣ, нѣмой чуть не убилъ ее отъ злости огромнымъ камнемъ.

Пока ее не продали, но еще успѣютъ продать. А кругомъ тошная жизнь: грубый отецъ, недалекая мать, дурочка сестра, «севрюги», мелкія заказчицы, старенькій сарай съ заборомъ, двадцатилѣтніе обои на стѣнахъ, и некому сказать слова.

Заложенныя одна за другую некрасиво торчали толстыя ноги регента, показывая плоскую подошву сапога; гитара была замызгана потными пальцами и грязными рукавами; склонившееся надъ нею лицо было мясисто и невыразительно; но Лиза этого не замѣчала. Ей было жаль себя, и она слышала и видѣла только эту жалость.

И жаль было ей его.

Намъ блаженства съ тобой
Не дадутъ, не дадутъ...

плакалъ его голосъ, и Лизѣ самой хотѣлось плакать, но въ ней поднялся протестъ. Почему не дадутъ блаженства? Кто смѣетъ не дать?

Она ясно представила, какъ за дверью стоитъ и слушаетъ, что дѣлается въ квартирѣ жильца, хозяйка дома, старая и длиннолицая дьячиха Агафья Ивановна; узкая спина ея, въ желтой кофтѣ, согнута кольцомъ, а вытянутая голова насторожена, какъ у гончей собаки.

А тамъ, за дьячихой, на улицахъ, въ другихъ такихъ же домикахъ сидятъ теперь другіе такіе же скучные люди, которые будутъ радостно ахать и укоризненно качать головами, когда услышатъ, что она была одна у холостого человѣка.

Этотъ человѣкъ теперь сидѣлъ и бросалъ въ догонку за тоскливо звенящими звуками струнъ упругія волны своего голоса.

Въ самомъ мотивѣ чувствовалась безпомощность покорности передъ тѣмъ, что будетъ, и страхъ предъ нимъ, и отчаяніе, мелкое и трусливое, исключающее мысль о борьбѣ. Она представила, что такъ можетъ быть всю жизнь: всю жизнь покорность, всю жизнь

трусливое отчаяніе, всю жизнь скука, — и ей захотѣлось разгульнаго, сильнаго, безшабашнаго веселья

Безъ тебя самъ не свой,
Чуть съ ума не схожу,
А лишь встрѣчусь съ тобой,
Объ одномъ лишь твержу:
«Отойди, отойди!»

рыдалъ Бородкинъ.

И слова эти показались ей противными и сѣрыми, и кололи ее тупо, но больно; а вслѣдъ за ними двигалось на нее что-то заплаканное, мокрое и холодное, что такъ и хотѣлось оттолкнуть рукой.

Онъ еще пѣлъ, и у него еще былъ нахмуренный и дѣтски-страдальческій видъ; а она уже смѣялась.

И выскочивъ изъ-за стола, она обхватила его потную круглую голову и начала цѣловать порывисто и звонко и небольшую плѣшь, и безволосыя брови, и мясистыя щеки; а онъ въ это время бережно клалъ на полъ дрожащую послѣдними звуками, замызганную гитару...

Когда поздно вечеромъ онъ провожалъ ее домой, она молчала, а у него былъ виноватый видъ, и онъ нескладно говорилъ о зимѣ въ Житомірѣ, гдѣ тоже былъ съ труппой Борисова.

На снѣгу лежали густо-синія тѣни, воздухъ былъ густой и терпкій, какъ молодое вино, и шаги ихъ были скрипучіе и звонкіе.

VI.

Масляница въ этомъ году пришлась поздно, въ концѣ февраля.

Снѣгъ рыхлѣлъ, сѣрѣлъ, ежился, грѣло солнце, чирикали воробьи, весело капало съ крышъ.

Въ Сомовѣ масляницу праздновали бурно. По улицамъ съ гиканьемъ, гармониками и пѣснями мчались тройки. Обгоняя одна другую, цѣпляясь отлетами саней, онѣ двигались какъ разноцвѣтная, шумная лавина. И лошади, и люди, и каждая побрякушка сбруи, и каждый лоскутъ кумача на дугахъ и оглобляхъ — все звучало высшей нотою жизни.

Пѣшіе сомовцы двигались по тротуарамъ такой густой толпою, про которую говорятъ «нетолченая труба». Они были празднично, благодушно настроены, грызли сѣмячки и вмѣстѣ съ шелухою бросали въ сторону катавшихся мѣткія слова. Въ Сомовѣ каждый зналъ всѣхъ, и темныхъ, загадочныхъ личностей не было. Всѣ знали штабсъ-капитана Пинчука, дѣлопроизводителя воинскаго начальника, и всѣ находили, что онъ самый интересный изъ катающихся. По крайней мѣрѣ онъ былъ пьянъ до того, что еле держался въ

саняхъ, сидѣлъ обнявшись съ забубеннымъ гулякой, ямщикомъ Сашкой Орловымъ и то пѣлъ «Среди долины ровныя», при чемъ Сашка подтягивалъ фальцетомъ, то оралъ на всю улицу на лошадей.

Былъ онъ высокій и тощій, съ длинными, черными, развѣвающимися усами въ старой фуражкѣ и старой шинели съ капюшономъ. Когда ему хотѣлось обогнать кого-нибудь впереди, онъ указывалъ пальцами на сани и кричалъ Сашкѣ: — «Подлазовскихъ!.. Цѣлковый!..» или: — «Зубаревскихъ!.. Бутылку водки!..» и Сашка подымался во весь ростъ, вытягивался, нагибался, гикалъ дико сквозь сжатыя зубы и натягивалъ вожжи.

Бойкая поджарая тройка Сашки дыбилась, загибала головы, шумно вырывалась изъ общаго кольца и скакала такъ, что пѣна летѣла клочьями изъ фыркающихъ ноздрей и, мѣшаясь со снѣгомъ, выбитымъ изъ-подъ копытъ, облакомъ обдавала штабсъ-капитана. А онъ сидѣлъ красный, напряженный и надрываясь кричалъ: — «Эхъ ты-ы!», и публика одобрительно смѣялась.

Лиза гуляла въ толпѣ съ Бородкинымъ. Въ Сомовѣ уже считали ихъ женихомъ и невѣстой и не удивлялись тому, что они гуляютъ вмѣстѣ; но сами они знали, что это неправда... Онъ, круглый, законченный и тупой, и она, тонкая, прямая, высокая, задумчивая,—не подходили другъ къ другу.

Когда Бородкинъ не пѣлъ, онъ былъ сѣръ, убогъ и невыносимо скученъ, и Лиза понимала, что ошиблась, и ей было себя жаль.

Противны ей были его жабья неподвижность и заячья осторожность, и ей все казалось, что около него есть какая-то частая сѣтка, изъ-за которой онъ не можетъ двинуться ни тѣломъ, ни мыслью.

Онъ еще болѣе располнѣлъ, и глазъ его было почти незамѣтно за толстыми вѣками, отчего мясистое красное лицо его имѣло видъ спѣлаго баклажана.

Теперь онъ не хотѣлъ уже казаться занимательнымъ и не говорилъ ни о зимѣ въ Житомірѣ, ни о зимѣ въ Каменцѣ-Подольскѣ; на вопросы Лизы отвѣчалъ не спѣша и односложно, и ей казалось, что слова въ его круглой головѣ прячутся, какъ бѣлые грибы подъ сухими листьями, и передъ каждымъ отвѣтомъ онъ высматриваетъ ихъ всюду, роется, нагнувшись и отдуваясь, и никакъ не можетъ найти.

Бушующій штабсъ-капитанъ на взмыленной тройкѣ нѣсколько разъ попадался имъ навстрѣчу, и Лиза искренно любовалась его безудержной скачкой.

— Молодчина Пинчукъ! Вотъ у кого душа на распашку!— восхищенно сказала она, слѣдя за Сашкиной тройкой блестящими глазами.

*

— Шарлатанъ!—сквозь зубы отозвался Бородкинъ и зѣвнулъ.

— Шарлатанъ! Почему шарлатанъ?—вскинулась Лиза.

Бородкинъ помолчалъ, роясь въ словахъ, и отвѣтилъ солидно, не спѣша:

— Пьянствуетъ... безобразитъ... ведетъ себя, какъ послѣдній мужикъ... Развѣ такъ можно?

— А что?.. Нельзя?

Въ голосѣ Лизы дрогнула презрительно-насмѣшливая нотка.

— Нужно вести себя какъ слѣдуетъ,—убѣжденно отвѣтилъ Бородкинъ и снова зѣвнулъ.

Онъ не прибавилъ больше ничего, но Лизѣ, смотрѣвшей на него сверху внизъ, онъ сразу показался гадкимъ и страшнымъ, какъ тихая, прикрытая зеленымъ ивнякомъ бездонная трясина.

— Пойдемъ въ садъ, мнѣ здѣсь надоѣло,—сказала она, и онъ охотно пошелъ.

Она видѣла, что охотно, и знала почему: потому что здѣсь, на людной улицѣ, съ нею вдвоемъ ему было неловко передъ знакомыми.

Въ саду никого не было.

Снѣгъ подъ деревьями осѣлъ и потемнѣлъ, вѣтки были черныя и мокрыя, и съ рѣки дуло свѣжимъ, колючимъ вѣтромъ.

Ледъ на рѣкѣ посинѣлъ. На лугахъ по высокимъ кочкамъ зачернѣли лысины. Промерзшія за зиму скамейки теперь оттаяли, разбухли и были мокры; поэтому они не сѣли, а остановились подъ осокоремъ, надъ обрывомъ.

Бородкинъ не спѣша вынулъ портсигаръ, не спѣша закурилъ и затянулся, а Лиза слѣдила за нимъ нахмуренными, потемнѣвшими глазами; и когда она сказала то, что давно хотѣла сказать, то не узнала своего голоса, такъ онъ былъ пропитанъ злобой.

— Василій Титычъ, вы думаете на мнѣ жениться или нѣтъ?

Бородкинъ повернулъ къ ней испуганное лицо и отступилъ на шагъ отъ обрыва.

Она замѣтила это и улыбнулась лѣвымъ угломъ глазъ.

— Какъ тебѣ сказать... Видите ли... Собственно говоря, я, конечно, самъ познакомился...—началъ, запинаясь, регентъ.

— Не тяни, говори прямо!—перебила Лиза.

Бородкинъ незамѣтно отступилъ еще на шагъ, а Лиза не выдержала.

— Гадина ты!—почти крикнула она, качнувъ головою.—Онъ еще не рѣшается осчастливить, еще думаетъ!.. «Какъ тебѣ сказать!.. Собственно говоря!..» Ты спроси, пойду ли еще я-то за тебя? Я теперь и потерянная и опороченная, только я не пойду!.. И гдѣ вы родитесь такіе тошные, откуда вы беретесь?.. Развѣ можно съ тобой хоть мѣсяцъ прожить, не то, что всю жизнь?

Развѣ ты на человѣка похожъ? Ты, какъ выжатая тряпка,—ни сухой, ни мокрый!.. И по сторонамъ еще смотритъ, какъ бы кто его не увидѣлъ, не осудилъ... Кому ты нуженъ такой?..

Бородкинъ выронилъ изъ рукъ папиросу, и глаза его проступили изъ-подъ вѣкъ и уперлись въ нее круглые, непонимающіе и тусклые. Лиза хотѣла сказать что-то еще, но когда увидѣла ег рыбьи глаза, ничего не сказала, только разсмѣялась короткимъ смѣшкомъ и быстро повернула къ выходу.

Бородкинъ видѣлъ мелькавшій сквозь сѣтку деревьевъ ея бѣлый вязаный платокъ и ловко сидящую на стройной таліи сѣрую кофточку, потомъ слышалъ, какъ она стукнула калиткой, выходя изъ сада на улицу, и, облегченно вздохнувъ, закурилъ новую папиросу.

А Лиза, упругими шагами проходя по улицамъ, видѣла, какъ Пинчукъ ѣхалъ уже тихо шагомъ, и въ задкѣ его саней на длинныхъ шестахъ торчали доски. На одной крупными буквами было написано: «Городскія общественныя бани черезъ пятьдесятъ лѣтъ то ли будутъ, то ли нѣтъ»; на другой изображена была согнутая фигура въ каскѣ пожарнаго, а подъ ней надпись: «Хотя въ городѣ и пожаръ, но я не могу ѣхать, потому что чиню старые сапоги исправника».

За санями бѣжали ребятишки, громко читали надписи и шумѣли.

VII.

За Сомовымъ въ 2—3-хъ верстахъ на мелкой рѣчкѣ Кочергѣ росъ дубовый лѣсокъ.

Хорошо въ немъ было весной, въ началѣ мая, когда развертывались курчавые, пахучіе листья, а изъ земли дружно вылѣзали на свѣтъ желтые жабники, синіе подснѣжники, лиловые дикіе тюльпаны.

Воздуха тогда не было въ лѣсу,—былъ ароматъ, тонкій, опьяняющій и теплый, и въ этомъ ароматѣ тонули, тихо дрожа, мшистыя деревья.

Зеленыя вѣтки радостно смѣялись, любуясь солнцемъ, отъ ихъ смѣха шелъ свѣтлый, мягкій, ликующій шумъ, и вмѣстѣ съ ними смѣялись повсюду зяблики звонкими, переливчатыми трелями, точно старенькія старушки, вернувшіяся отъ обѣдни, умиленно пришепетывали въ кустахъ пѣночки, малиновки и славки, а дрозды на сухихъ верхушкахъ чокали раскатисто и восторженно, захлебываясь и волнуясь, будто хлопали въ ладоши.

Въ одинъ изъ такихъ дней Лиза и штабсъ-капитанъ Пинчукъ гуляли по лѣсу,—Лиза собирала цвѣты, а Пинчукъ разсказывалъ ей анекдоты.

Они познакомились на четвертой недѣлѣ поста, во время говѣнья, и съ тѣхъ поръ Пинчукъ, часто гуляя съ Лизой, только и дѣлалъ, что разсказывалъ ей анекдоты.

У него былъ интересный языкъ; такъ, предлагая знакомымъ папиросу, онъ говорилъ: «Прикажете дать вамъ въ зубы такъ, чтобы... дымъ пошелъ?» Вмѣсто «выпить рюмку», онъ говорилъ: «вонзить въ себя рюмку», а когда хотѣлъ сказать, что былъ мертвецки пьянъ, то нараспѣвъ декламировалъ: «Съ винцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я».

Выпить онъ любилъ, и эта любовь была несчастьемъ его жизни. Благодаря ей, шашка его, когда онъ еще служилъ въ полку, по нѣскольку мѣсяцевъ въ году лежала подъ знаменемъ; благодаря ей и скандаламъ въ пьяномъ видѣ, ему пришлось оставить полкъ; благодаря ей, съ нимъ не жила его жена.

На лицѣ Лизы лежала спокойная складка, и видно было, что подъ этой складкой—человѣкъ, и что человѣкъ этотъ въ міръ ясной природы принесъ темное облако своихъ страданій, ненужныхъ природѣ и непонятныхъ ей... Лиза думала о томъ, зачѣмъ началась у нея связь съ этимъ рядомъ идущимъ говорливымъ и буйнымъ офицеромъ, началась какъ-то неожиданно для нея самой, нелѣпо и гадко.

Она помнила, что тогда отъ него сильно пахло пивомъ, и у него были блуждающіе мутные и наглые глаза, а на тощемъ лбу налились двѣ напряженныхъ жилы.

И сколько ни думала Лиза, все приходила къ одному, что ей скучно было жить и не видно было выхода изъ этой скуки, и было страшно представить себѣ такою всю жизнь, всю до конца съ каждымъ днемъ похожимъ на вчерашній и завтрашній.

И отъ страха этой вѣчной скуки она падала.

По влажной, еще дымящейся землѣ, между прошлогодними тлѣющими листьями ползали зеленые, черные, красные жучки; отъ бѣлогубой будры и синенькихъ чашечекъ медуницы шелъ едва замѣтный медовый запахъ и жужжали надъ ними мохнатые и важные, точно бояре въ мѣховыхъ охабняхъ, шмели.

Сквозь тонкія вѣтки молоди просвѣчивали стволы, чѣмъ дальше, тѣмъ тоньше и воздушнѣе; а между ними таяли и вновь появлялись свѣтло-лиловыя, не передаваемыя тѣни.

А Пинчукъ, сдвинувъ на затылокъ фуражку и разстегнувъ грязный китель, разсказывалъ, пропуская сквозь узловатые пальцы длинные усы, не столько смѣшную, сколько грязную исторію о томъ, какъ офицеръ пріѣхалъ въ католическій женскій монастырь и что изъ этого вышло.

— Ну, пожалуйста, не нужно дальше!.. Ну, я прошу,—не нужно!—молила его Лиза.

— Удивительно, какъ это вы, дамы женскаго пола, боитесь словъ... именно, не столько дѣлъ, сколько словъ,—недовольно тянулъ Пинчукъ.—Пора ужъ бросить замораживать, отъ слова не станется.

И бросивъ исторію объ офицерѣ, онъ началъ другую, тоже не столько смѣшную, сколько грязную.

Лиза уже знала, что, кромѣ анекдотовъ, онъ могъ говорить о томъ, какъ покорилъ сердце своей жены, тогда еще юной поповны: выстрѣломъ изъ солдатэкаго ружья срѣзалъ висѣвшую на верхущкѣ дерева сливу, и поповна бросилась ему на шею отъ восторга.

Потомъ онъ обстоятельно разсказывалъ иногда, кому и при какихъ обстоятельствахъ онъ «далъ въ морду», и когда, у кого и сколько выигралъ въ винтъ и стуколку.

Другихъ темъ для разговора у него не было.

Когда онъ шелъ, тяжело ступая высокими сапогами, то подъ нимъ хрустѣли, ломаясь, сухія вѣтки, болѣзненно вздрагивая головками, гнулись смятые цвѣты и долго встревоженно раскачивались задѣтыя имъ гибкія вѣтки кустовъ.

Грязныя полы его кителя распахивались и хлопали по бедрамъ, грязныя слова здѣсь въ дѣтски радостномъ хорѣ лѣса были страшно громки, рѣзки и дики, и весь онъ, высокій, съ рубцеватымъ темнымъ лицомъ и наглыми глазами казался сплошь грязнымъ, тяжелымъ и чужимъ.

Вечерѣло. Тѣни въ лѣсу стали сѣрѣть и сливаться въ одинъ безразличный коричневый тонъ, а на небѣ, надъ пепельнымъ огнемъ заката легли свѣтло-зеленыя свѣтящіяся полосы. Неглубокая рѣчка Кочерга, четко отразивъ стѣну камышей, казалась таинственной и бездонной, и прихотливыя излучины ея, поблескивая между деревьями, пристально глядѣли какъ живыя.

Начиналъ пѣть соловей, начиналъ робко, неувѣренно, тихо, обрываясь на полуколѣнѣ; и Лизѣ вспомнилась «Ночь» Гейне, которую она учила еще въ дѣтствѣ по хрестоматіи:

Ночь пролетала надъ міромъ,
Сны на людей навѣвая,
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды сверкая...
Хоры кузнечиковъ рѣзвыхъ
И соловьиныя трели,
Въ гимнѣ хвалебномъ сливаясь,
Ночи навстрѣчу летѣли.

И какъ тогда, въ дѣтствѣ, такъ и теперь, ее охватило одно настроеніе невинности, голубиной чистоты, кроткаго восторга.

Казалось ей, что что-то мягкое и нѣжное, какъ самая тонкая

паутина, подымаетъ ее медленно и плавно и несетъ куда-то вверхъ, навстрѣчу ночи, и настроеніе это было слишкомъ полно, чтобы имъ не подѣлиться.

— Иванъ Ѳомичъ, вы читали Гейне?—перебила она Пинчука.

Тотъ остановился, недовольно чмыхнулъ, потомъ прояснѣлъ.

— А!.. Это тотъ, какъ его... Жидокъ нѣмецкій? Матушка моя, еще какъ увлекались имъ въ Шмаргоніи (такъ называлъ Пинчукъ юнкерское училище).—Неглупый былъ жидокъ, право! Есть у него «Цитронія—волшебный край», просто объѣденіе. Или «Наслѣдство», какъ сейчасъ помню:

Ты, краса всѣхъ женщинъ, Лиза, мой дружочекъ,
Оставляю старыхъ дюжину сорочекъ
Я тебѣ въ наслѣдство, сотню блохъ при нихъ
И мильонъ проклятій искреннихъ моихъ!

— Понимаешь? Лиза, мой дружочекъ!.. А дальше еще хлеще! Прочитать?

Онъ тянулся къ ней, гадко смѣющійся, съ открытыми чувственными губами надъ желтымъ рядомъ зубовъ, съ узловатыми, прокопченными табачнымъ дымомъ пальцами, съ мутнымъ, безсмысленнымъ блескомъ въ наглыхъ глазахъ,—и Лиза вскрикнула и побѣжала, роняя по дорогѣ цвѣты.

У нея часто и сильно стучало сердце, больно хлестали ее встрѣчныя вѣтки; бѣлый вязаный платокъ ея слетѣлъ съ плечъ и попалъ въ руки Пинчука.

Онъ бѣжалъ за нею, размахивая этимъ платкомъ, кричалъ «ду-у-ра!» и прибавлялъ циничныя слова.

Только выбѣжавъ на гладко убитую дорогу, по которой грузно двигались три высокіе воза съ соломой, Лиза остановилась и тяжело дыша, пошла шагомъ.

Пинчукъ отсталъ далеко позади, и его не было видно.

VIII.

Цвѣли хлѣба, и со стороны полей шелъ пріятный, немного плотный, сладковатый запахъ.

Лиза сидѣла у открытаго окна въ домѣ слѣдователя Чембулатова и дышала этимъ запахомъ цвѣтущихъ хлѣбовъ съ одной стороны, и застоявшимся тяжелымъ запахомъ старинныхъ портьеръ и драпри съ другой. И какъ тамъ, за окномъ, все для нея было просто и понятно, такъ здѣсь, въ домѣ слѣдователя, все было сложно, странно и пугало ее.

Съ высокихъ стѣнъ глядѣли красивыя картины въ золоченыхъ рамахъ; по этажеркамъ въ углахъ кучей громоздились пестрыя вещицы, раковины, статуэтки; деревьями стояли въ большихъ

кадкахъ зеленые кипарисы, пальмы, филодендры, доходя до потолка, расписаннаго узорами.

Домъ Чембулатова былъ старинный дворянскій домъ; еще совсѣмъ недавно у него было имѣніе въ Сомовскомъ уѣздѣ, но оно было продано за долги.

Чембулатовъ былъ женатъ, но жена его вмѣстѣ съ дѣтьми и прислугой уѣхала на лѣто въ Крымъ. Въ домѣ осталась только кухарка Матрена, корявая, степенная, пожилая баба, которая по знакомству съ матерью Лизы принесла ей заказъ, на ночное бѣлье для барина.

Теперь это бѣлье лежало аккуратно сложенное на большомъ кругломъ столѣ; Чембулатовъ маленькими рюмками пилъ послѣобѣденный ликеръ, а передъ Лизой стояла бутылка съ мускатъ-люнелемъ.

Ей было неловко, жарко, отъ выпитой рюмки люнеля въ головѣ проползало что-то липкое и чадное, и торчалъ передъ глазами укоризненный, сухой взглядъ Матрены, сердито убиравшей со стола послѣ обѣда.

Чембулатовъ говорилъ быстро, оживленно и сбивчиво о висѣвшихъ въ гостиной картинахъ;

— Вотъ это копія съ Цорна, — это жена изъ Мюнхена привезла; а это—Федерсъ,—это я привезъ... Можетъ быть, тоже копія,—очень дешево куплено, за 400 марокъ; но весьма возможно, что и оригиналъ, потому что это этюдъ и небольшихъ размѣровъ... Вы знаете, что такое этюдъ?

Лиза не знала, и онъ началъ объяснять, сбиваясь и путаясь и сверкая стеклами очковъ въ золотой оправѣ.

Когда слово не давалось ему, онъ щелкалъ въ воздухѣ тонкими пальцами изящной женской руки, и на открытомъ, красивомъ сорокалѣтнемъ лицѣ его появлялась гримаса напряженности.

— Я люблю искусства, больше всего люблю живопись. . Вы знаете, у меня и жена рисуетъ... Диллетантка она, конечно, но очень недурно рисуетъ... Да и на роялѣ она играетъ... По-институтски, само собою разумѣется; но у насъ въ Сомовѣ гдѣ же иначе отвести душу?.. Все - таки это все — вѣяніе искусства, трепетаніе его крыльевъ, такъ сказать... О, искусство — великое дѣло! безъ искусства—жизнь могила!.. безъ искусства трудно было бы и сказать, чѣмъ жить...

Слѣдователь сдѣлалъ рукой горячій, круглый жестъ, остановился и выпилъ рюмку бенедектина.

— А зачѣмъ жить?.. Для чего люди живутъ? спросила Лиза.

И, выдвигая ему для рѣшенія этотъ давно засѣвшій въ ней грозный вопросъ, Лиза съ дрожью думала: «сейчасъ онъ отвѣтитъ».

Но онъ разсмѣялся.

Смѣялся онъ долго, звучно, красивымъ барскимъ смѣхомъ, взявшись тонкой рукой за холеную раздвоенную русую бороду, и когда началъ говорить, то въ голосѣ его еще дрожали нотки этого смѣха.

— О, femme russe, femme russe!.. Великая русская женщина! Какъ она велика, она и сама этого не знаетъ въ простотѣ душевной.

Онъ поднялся и сталъ передъ нею въ упоръ, размахивая правой рукой и говоря съ ажитаціей:

— Нѣмка—сентиментальна, хозяйственна, скопидомка, но неспособна видѣть дальше собственнаго носа; француженка—легкомысленна, пуста, кокотка по природѣ своей; англичанка—чопорна, вся ушла въ соблюденіе внѣшности и полна семейныхъ традицій; но русская женщина—это перлъ, это—совершенство!.. Я видѣлъ русскихъ дѣвушекъ въ швейцарскихъ университетахъ — въ Лозаннѣ, въ Женевѣ, въ Бернѣ... это — мученицы, это — святыя... Зажги передъ ними лампаду и молись, и иззуй обувь съ ногъ своихъ и не подходи, потому что это—святыя!..

И вдругъ, точно спохватившись, онъ взялъ ея бутылку и налилъ до краевъ рюмку мускатъ-люнеля.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—почти закричалъ онъ,—такъ пить дамское вино нельзя, милая дѣвица!.. Выпьемъ за русскую женщину, за святую русскую женщину, которой предстоитъ великая будущность!

И когда, ошеломленная потокомъ его словъ, она выпила эту рюмку,—онъ мягко взялъ ее подъ руку и повелъ къ кабинету.

— Я покажу вамъ этюды моей жены... Она диллетантка, конечно, но очень мило рисуетъ... Это только этюды, но со временемъ она непремѣнно напишетъ картину на выставку... — говорилъ онъ, отворяя и затворяя за нею высокую дверь кабинета...

Когда Лиза выбѣжала изъ этой двери назадъ въ гостиную, то чувствовала, что вся въ поту, что въ вискахъ ея больно бьется пульсъ, и передъ глазами ползетъ что-то гадкое и чадное; чувствовала на горѣвшемъ лицѣ его щекочущую бороду, запахъ краски отъ этюдовъ и запахъ мочалы отъ широкаго, пестраго турецкаго дивана.

Онъ вышелъ за нею красный, со спутанной прической, дрожащей женской рукой вынимая изъ кошелька золотую монету.

Спустя минуту, когда эта монета еще со звономъ катилась по полу гостиной, она уже выходила черезъ кухню на улицу и слышала за собой осуждающія слова Матрены:

— Шлюха ты, шлюха послѣдняя!

А на улицѣ било въ глаза яркое, далекое солнце, и съ полей доносился легкій, сладковатый запахъ цвѣтущаго хлѣба.

IX.

Ее били, били за Бородкина, за Пинчука, за Чембулатова.

Били и мать, и отецъ въ одинъ день. Первая за то, что услышала отъ Матрены; второй за то, что услышалъ на мельницѣ отъ пьянаго набойщика Емельяна.

Мать топала на нее ногами и визгливо кричала:

— Острамотила ты мою голову, окаянная, острамотила! Хоть бы издохла ты сію минуту, легче бы было!

Егоръ ничего не говорилъ. Онъ былъ слишкомъ убитъ для того, чтобы изливаться въ словахъ. Жесткими, какъ камни, кулаками, онъ билъ по ея мягкому, тонкому тѣлу, скорѣе выдыхая, чѣмъ говоря: «Вотъ такъ!.. Вотъ такъ!»—и тѣло ея извивалось и вздрагивало.

Въ дверяхъ стояла дурочка Олимпіада, глухо ревѣла и усиленно сморкалаеь въ фартухъ.

Когда отецъ однимъ ударомъ по лицу разбилъ ей до крови носъ и верхнюю губу,—ее оставили.

И, лежа на измятой кровати въ своей узенькой комнаткѣ, полубезчувственная отъ побоевъ, точно сквозь сонъ слышала она, какъ въ сосѣдней комнатѣ визгливо причитала мать, какъ плакала сестра, какъ жужжали, ударяясь въ стекла закрытаго окна, мухи, и какъ на дворѣ отецъ остервенѣло рубилъ въ мелкую труху топоромъ на большомъ полѣнѣ захваченныя съ ея этажерки книги.

Старенькіе обои на стѣнахъ и кусты герани изъ-подъ смятой занавѣски глядѣли на нее кисло и обиженно.

Въ верхнее стекло окна виденъ былъ клочокъ синяго неба и растерянно торчащія подъ нимъ пыльныя вѣтви двухъ яблонь, и казалось, что вѣтки яблонь все хотятъ достать до неба, но не могутъ достать и хмурятся и ежатся отъ неудачи, а синее небо надъ ними смѣется.

Когда она, обезсиленная, забылась, ей представился большакъ между двумя стѣнами зеленыхъ хлѣбовъ. По большаку на телѣгѣ ѣдетъ парень въ красной рубахѣ, ѣдетъ лежа, лицомъ вверхъ, такъ что съ задка свѣсились и торчатъ босыя, грязныя ноги. Скрипитъ телѣга, и парень поетъ, поетъ что-то грустное, тягучее, безъ словъ, чистыми, переливчатыми звуками, а сверху надъ нимъ поютъ жаворонки, а на небѣ нѣтъ ни облачка, а на травѣ большака бѣлѣютъ звѣздочки ромашки. Большакъ идетъ далеко, вплоть до горизонта, и хлѣба по бокамъ его то зеленѣютъ, то сѣрѣютъ, то желтѣютъ четыреугольными полосками, точно платки, разбросанные по землѣ.

И оттого, что все это было такъ мирно, радостно и хорошо, ей захотѣлось плакать.

А когда, очнувшись, она вспомнила, что съ ней и за что ее били, все это показалось ей ненужнымъ, ничтожнымъ и угарнымъ; показалось, что вмѣсто того, чтобы идти по большаку, идутъ люди по переплету узенькихъ тропинокъ, кружатся, сталкиваются, бѣснуются изъ-за каждой пяди земли, а земли этой — глазомъ не охватить.

И оттого, что никто не знаетъ, куда и какъ нужно идти, и идутъ такъ, какъ научили ихъ тоже ничего не знавшіе дѣды, всѣмъ живется тѣсно, гадко и тошно.

Тѣло ея болѣло отъ жестокихъ ударовъ отца, но оттого, что растоптана и смята была ея душа, она почти не чувствовала этой боли.

X.

Дней черезъ десять ее провожали на станцію мать и дурочка Олимпіада.

Съ отдѣльнымъ видомъ на жительство она ѣхала въ большой губернскій городъ въ модную мастерскую.

Захолодало, моросилъ мелкій, тягучій дождь; затянутыя сѣткой этого дождя окрестности глядѣли мутными глазами и казались плоскими, нахмуренными и грустными.

Отъ Сомова остались видными какъ въ туманѣ только шесть мельничныхъ трубъ да шпиль соборной колокольни, а ближе, подъ Сомовымъ, синѣлъ дубовый лѣсокъ на Кочергѣ.

По засаленной, запачканной дегтемъ поддевкѣ ямщика катились крупныя, бойкія капли; такія же капли скатывались и съ открытаго, круглаго лица Олимпіады, и отъ этого лицо ея было похоже на моченое антоновское яблоко, только что вынутое изъ кадки.

За спиною Лизы, какъ тоненькій буравчикъ, торчалъ и сверлилъ ее придушенный голосъ матери, и было что-то страшное и жуткое въ томъ, что она ежеминутно повторяла:

— Боже тебя сохрани, Лизутка!.. Боже тебя избави!

Въ вагонѣ было тѣсно, пахло потомъ, и толстый, красный жандармъ, въ бѣлой рубахѣ и съ золотой медалью на груди, широко дымилъ крученой изъ махорки папиросой.

Противъ жандарма сидѣла баба съ жирнымъ, курносымъ лицомъ, похожая на рыночную торговку, а рядомъ съ нею пожилой, но неунывающаго вида малый въ фуражкѣ съ пуговкой.

Они познакомились въ дорогѣ и, оба веселые, немного пьяные, шутя ругали другъ друга и хохотали.

— Портняжка вы несчастная!.. Ракъ, и больше ничего!— хриплымъ, жирнымъ голосомъ кричала она.

— А ты и вовсе кафтанница, на покойниковъ кафтаны шьешь,—

бойко парировалъ портняжка, и когда баба шутя принималась его бить за оскорбленіе, онъ плаксиво кричалъ:

— Мамочка, никогда я больше не буду! Ей-Богу, никогда не буду!

И у всѣхъ кругомъ были веселыя лица.

— Безпремѣнно она изъ кареловъ,—обратился къ Лизѣ жандармъ.

— Откуда?—переспросила Лиза.

— Изъ кареловъ, изъ Тверской губерніи... тамъ всѣ такія ухватистыя.

Баба не дослышала, но осерчала.

— Самъ изъ холерныхъ, пузатый чортъ! Тоже туды же—изъ холер-ныхъ!.. А еще съ саблей ходишь!

И всѣ захохотали, а больше всѣхъ самъ жандармъ, и потомъ долго всѣ смѣялись надъ бабой и баба смѣялась надъ всѣми.

Когда въ вагонѣ было слишкомъ душно отъ дыму, пота и смѣха, отъ хриплой кафтанницы и пузатаго жандарма,—Лиза вышла на площадку.

На площадкѣ низенькая старушка въ желтомъ отъ старости, тепломъ платкѣ, изворачиваясь и брызгая слюной, разсказывала, какъ отецъ Аполлоній въ Муромѣ изгоняетъ бѣсовъ изъ кликушъ.

— Такіе синіе бархатные колпачки выноситъ и святой водицей кропитъ... И вотъ счасъ, золотые мои, прямо диво, прямо смотрѣть страсти Господни: падаютъ онѣ всѣ на полъ, кликуши-то, и начнетъ ихъ бить, такъ ли бьетъ, такъ ли бьетъ—и-и-и! Жалости подобно! И кричатъ вѣдь всѣ, прямо не судомъ кричатъ, золотые мои! У кого какой духъ, тѣмъ онъ голосомъ и кричитъ... Страсть!

Слушателей у старухи было двое, одинъ желѣзнодорожный въ запачканной блузѣ и съ худымъ, бритымъ лицомъ, другой—простой мужичокъ-лапотникъ. И въ то время, когда мужичокъ, уставивъ въ говорящую сѣрые глаза, одобрительно моталъ головой, встряхивая рыжими косицами, желѣзнодорожный косо и презрительно улыбался, и глаза на его закопченомъ лицѣ были желчные и злые.

— Подойдетъ, золотые мои, отецъ Аполлоній къ одной, какая съ краю, счасъ: «духъ нечистый, гдѣ ты?»—«Не отзовусь, кричитъ изнутря, не отзовусь!» Счасъ щупать начнетъ, руки, ноги щупаетъ, голову щупаетъ... У кого въ локтю найдетъ, у кого въ мизинцѣ найдетъ. «Попался», говоритъ. И онъ оттудова тоже кричитъ: «попался, попался». «Духъ нечистый, говоритъ это ужъ отецъ Аполлоній,—иди подъ колоду!»—«Не пойду, кричитъ, не пойду,—тамъ мнѣ тяжко!» «Духъ нечистый, иди въ болото!»—«Не пойду, кричитъ,—тамъ грязно! Пусти меня въ другого человѣка».—«Нельзя

тебѣ, говоритъ, въ другого человѣка, а иди ты вонъ!» Скажетъ этакъ три раза, она счасъ какъ упадетъ на полъ, онъ изъ нея и выходитъ зеленый-презеленый! Двери счасъ настежъ, золотые мои... Страшно такъ выходитъ... выходитъ... потомъ какъ завоетъ: у-у-у!.. И нѣтъ ничего!

— Тьфу ты, чтобъ тебя розорвало!—плюнулъ желѣзнодорожный, а мужичокъ еще долго слушалъ о томъ, какъ выходили изъ кликушъ зеленые духи.

Когда Лизѣ стало противно слушать, и она тоже повернула въ вагонъ, — старушка сразу оборвала рѣчь и подошла къ ней жалкая, робкая, желтая.

— Барышня милая! на билетъ денегъ нѣту ни копеечки... Дайте, золотая, что милость ваша!

Лиза дала ей гривенникъ.

Мелькали станціи, и вмѣстѣ съ ними мелькали скучающіе люди въ красныхъ и желтыхъ фуражкахъ и напряженно грудами стояли вездѣ бородатые люди съ косами, съ пилами и съ огромными мѣшками на плечахъ.

И было странно думать, что каждый изъ этихъ людей — это живая, длинная, огромная исторія исканій, страданій и борьбы, и за людей становилось больно.

Чѣмъ шире развертывалась передъ ея глазами жизнь, тѣмъ дальше и ничтожнѣе становился оставшійся позади Сомовъ.

Моросилъ, не переставая, дождь, и всѣмъ надоѣло то, что онъ онъ былъ такой мелкій и тягучій.

Подъ этимъ дождемъ все казалось плачущимъ, вяло, полусонно, но неутѣшно, и когда на станціяхъ суетились и бѣгали носильщики, свистѣли паровозы и звенѣли колокольчики, эта дѣйствительность походила на безпокойный сонъ.

XI.

Въ Сомовѣ дома были низенькіе маленькіе, а люди замѣтные, рѣдкіе, большіе.

Въ томъ городѣ, куда пріѣхала Лиза, дома были высокіе, огромные, а люди незамѣтные, частые и маленькіе. Маленькіе они были именно потому, что ихъ было много; одинъ жилъ для другого только въ моментъ встрѣчи на улицѣ, и въ каждомъ человѣкѣ другой человѣкъ занималъ слишкомъ мало мѣста.

Оттого, что жить здѣсь одной было жутко, Лиза пошла на бульвары.

Подъ синеватымъ, задумчивымъ свѣтомъ большихъ электрическихъ фонарей отъ деревьевъ, на дорожки бульваровъ падали рѣзкія, почти черныя тѣни, и проходившіе здѣсь люди теряли

грубыя, кричащія, дневныя краски и становились блѣдными, свѣтлыми, безплотными. Въ шумѣ извозчичьихъ пролетокъ, въ свисткахъ и гудѣньи трамвая по вечерамъ было больше мягкихъ, спокойныхъ нотъ, и больше нѣжной, пугливой грусти было разлито въ душномъ воздухѣ.

По вечерамъ на бульварахъ Лива садилась на скамейкѣ и ждала.

Это ожиданіе было похоже на рыбную ловлю. Ружейные охотники большей частью не любятъ рыбной ловли, но въ ней есть преимущества: неизвѣстность и случайность.

И, можетъ быть, самое цѣнное въ жизни—случайность, и въ невѣдѣніи будущаго—счастье жизни.

Встрѣчи Лизы съ людьми на бульварахъ были все случайныя встрѣчи; эти люди, которымъ на часъ нужна была Лиза, были все новые люди; ожидая ихъ на скамейкахъ или высматривая въ толпѣ, Лиза думала: кто будетъ сегодня? и этимъ интересомъ новизны жила.

Много ихъ было за три года, така много, что Лиза забыла изъ нихъ больше половины, а изъ оставшихся въ памяти всѣ были похожи другъ на друга. Всѣ подходили къ ней осторожно и несмѣло, всѣ говорили вполголоса, покупали и торговались, а идя съ нею въ номеръ, говорили о медицинскомъ осмотрѣ, полиціи и погодѣ.

Только безусые студенты по дорогѣ къ гостинницѣ говорили, что легкомысленный образъ жизни преступенъ, что нужно выйти замужъ и заняться честнымъ трудомъ.

Два раза она лежала въ больницѣ; къ концу второго года начала пить водку.

Изъ Сомова письма получались рѣдко, а когда умеръ Егоръ,—еще рѣже. Передъ смертью Егоръ сильно кашлялъ, и докторъ, къ которому онъ пошелъ въ послѣдній мѣсяцъ жизни, сказалъ, что у него не легкія, а два мѣшка съ мукой.

Жила Лиза на одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ, въ меблированныхъ комнатахъ, на третьемъ этажѣ, и изъ оконъ своей комнаты любила смотрѣть внизъ на улицу.

Дома стояли тупые, неподвижные и важные, а люди подъ ними были бойкіе, вертлявые, но маленькіе — маленькіе. И казалось смѣшнымъ, что такіе маленькіе люди построили для себя такіе большіе дома.

Въ ея теперешней комнатѣ было меньше порядка и уютности, чѣмъ въ узенькой комнатѣ въ Сомовѣ, но книги были и здѣсь. И когда у нея не болѣла голова и спина и не ныли ноги, она читала, лежа въ постели, и находила, что люди въ книгахъ были такіе, какихъ не было въ жизни.

XII.

Три кандидата на судебныя должности, только что надѣвшіе форменныя тужурки съ погонами и три дѣвицы легкаго поведенія гуляли въ ярко освѣщенномъ номерѣ гостинницы «Ливадія».

Одинъ изъ кандидатовъ былъ угреватый, въ черепаховомъ пенснэ и говорилъ басомъ; другой—блондинъ съ длинными волосами—показывалъ, какъ одной рукой съ пола можно поднять за ножку пять стульевъ; третій—чернобородый и блѣдный—тянулъ коньякъ изъ рюмки черезъ соломинку, и когда коньякъ не шелъ, ругался, продувалъ ее, смотрѣлъ въ нее на свѣтъ, потомъ опять тянулъ и ругался.

Около каждаго сидѣла дѣвица, и на диванѣ противъ подымавшаго стулья блондина—Лиза.

Она сильно похудѣла за послѣднее время и носила широкія платья, чтобы скрыть худобу. Въ корридорѣ меблированныхъ комнатъ, гдѣ она жила, и день и ночь тикали большіе стѣнные часы, и это тиканье какъ-то глубоко врѣзалось въ ея мозгъ, и во время однообразнаго сидѣнья на бульварахъ въ головѣ ея, на тускломъ фонѣ мыслей, зигзагами мелькало—«тикъ-такъ, тикъ-такъ!» Маленькіе кусочки времени, чуть задѣвая ее, пролетали мимо нея въ вѣчность, и чувствуя, что жизнь не долга, она съ тупымъ ужасомъ слѣдила за этими кусочками, не будучи въ силахъ ихъ удержать.

Угреватый обладатель баса все время старался говорить только смѣшныя вещи, и оттого смѣшное выходило скучнымъ.

Круглая, толстощекая, недавно начавшая ходить дѣвица Даша, слушала его и визгливо смѣясь, искоса наблюдала кандидата, пившаго коньякъ черезъ соломинку, и во время паузъ неизмѣнно вставляла о томъ, какъ недавно кутили съ нею купцы изъ шорнаго ряда.

— Одинъ на споръ взялся четверть выпить наперсткомъ,—спѣша говорила она.—Если бы рюмкой, это бы ничего, это бы онъ выпилъ, а то наперсткомъ... Пилъ онъ, пилъ... «Нѣтъ, говоритъ, больше ужъ нѣтъ моего состоянія!» Проспорилъ, значитъ... Вынулъ двадцать рублей,—отдалъ... Добрый былъ... Увидѣлъ у меня худыя боретки: «Не хочу я, говоритъ, чтобы вы носили худыя боретки!» Золотой далъ.

И когда она говорила о бореткахъ и золотомъ, то выраженіе лица ея было льстивое, собачье.

Третья дѣвица, уже немолодая, съ желтымъ, оплывшимъ лицомъ, исподлобья смотрѣла на говорившихъ, поправляла сползавшую на лобъ прическу и грызла ногти.

Кандидаты веселились, и Лизѣ, напряженной и чуткой, страш-

нымъ казалось то, что у одного изъ такихъ людей съ золотыми погонами когда-то въ Сомовѣ она хотѣла узнать, для чего живутъ люди.

Блондинъ, подымавшій стулья, изгибался на полу, вывертывалъ локти и колѣни и сопѣлъ; а когда связанныя на скоро стулья отъ его движеній раскачивались и обрушивались, сконфуженно рычалъ: «чтобъ васъ черти съ квасомъ...» и усиленно начиналъ ихъ связывать снова.

Чернобородый, отрываясь отъ соломинки, говорилъ ему, когда падали стулья:

— Это оттого, батенька, что вы—дергаете. Вы должны сразу, безъ подъѣздовъ: разъ—и готово!

И энергичнымъ жестомъ руки онъ показывалъ, какъ нужно поднимать безъ подъѣздовъ. Отъ висячей лампы, горѣвшей неровными, дрожащими языками, шелъ запахъ керосина, и въ номерѣ было холодно, такъ что у Лизы коченѣли ноги.

Слышно было, какъ за окнами вылъ вѣтеръ, а окна стояли глубокія, черныя, наблюдающія...

Вошелъ оффиціантъ и на длинномъ жестяномъ подносѣ внесъ закуски. У него были бѣгающіе глаза, острые, какъ шпильки, и когда онъ смотрѣлъ, то казалось, что глаза его быстро выпрыгиваютъ на то мѣсто, куда онъ смотритъ, потомъ впрыгиваютъ обратно, а когда онъ поворачивался, то фалды его фрака вздрагивали и выпрямлялись, какъ ласточкинъ хвостъ.

Ѣли жадно и много пили, и было что-то звѣриное въ томъ, какъ ѣли и какъ пили. Угреватый кандидатъ звонко хрустѣлъ крылышкомъ дикой утки, выворачивая челюсти и сверкая длинными, порчеными зубами; Даша, нагнувшись надъ самымъ столомъ, спѣша запихивала за толстыя щеки куски бѣлаго хлѣба со шпротами; по ея подбородку желтой полоской текло масло, и она облизывала его языкомъ; блондинъ съ чернобородымъ пили рюмку за рюмкой, съ однообразнымъ тостомъ: «За женщинъ!», а лица у нихъ становились все краснѣе, глаза все безсмысленнѣе и животнѣе.

Все это видѣла Лиза много разъ, но теперь это показалось ей страшнымъ.

Ей вспомнились сотни цѣловавшихъ ее горячихъ губъ. Острые, холодные звѣриные зубы были подъ ними и тогда, но увидѣла она ихъ только теперь. Зубы эти оцѣпили ее, хищные и жадные, сплошной стѣной, и на бѣломъ фонѣ ихъ черными зигзагами закачался длинный маятникъ часовъ вправо и влѣво: «тикъ-такъ, тикъ-такъ», и это было страшно.

И то, что они сошлись сюда, эти начинающіе жить люди, за тѣмъ, чтобы вписать веселую страницу въ скучную книгу своей

жизни, а здѣсь не было ничего веселаго; и то, что люди живутъ тысячи лѣтъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сложнѣе и искусственнѣй, и, сознавая, что тяжело жить, не научились веселиться; и то, что для этого веселья они покупаютъ другихъ людей,—это было страшно.

И то, что эти люди уйдутъ, всѣ уйдутъ куда-нибудь, остановившись на ней на нѣсколько часовъ, а она останется на томъ же мѣстѣ, потому что идти ей некуда, и мимо нея безстрастно будутъ пролетать впередъ кусочки времени, которыхъ ей нечѣмъ заполнить и остановить,—это было страшно.

А страшнѣе всего было сознаніе, что сдѣлано съ жизнью что-то не то, что нужно, и если бы было сдѣлано то, что принято всѣми, это было бы тоже не то, что нужно; а что нужно было сдѣлать, этого нельзя было понять.

Она знала, что теперь ей все равно, что жить, что умереть, потому что жить уже стало нечѣмъ, даже физически нечѣмъ, потому что тѣло таяло, раздергивалось нервными болями и кашлемъ.

Почему-то ей припомнилась гитара Бородкина, старая, захватанная грязными руками, дребезжащая, пустая внутри, и показалось, что она стала то же, что эта гитара, что она захватана чужими, безучастными, грязными руками, что вытянуты изъ нея всѣ струны и наверчены на колки, что она пустая внутри.

Длинноволосый блондинъ подошелъ къ ней съ большой полной рюмкой, красный, съ мутными глазами, качаясь, тянулъ къ ней эту рюмку, а изъ нея на платье падали холодныя капли...

— Онъ мнѣ говоритъ: «Ты, говоритъ, шарлотка! Шарлотка, и больше ничего!..» Нѣтъ, ты докажи, какая я шарлотка!—кричала пожилая дѣвица.

Угреватый басъ, обнявъ пьяную Дашу, громко пѣлъ:

Дали бабѣ киселя-киселя,
Стала баба весела-весела!
Дали бабѣ вицмундиръ-вицмундиръ.
Стала баба командиръ-командиръ!

Чернобородый барабанилъ въ тактъ вилкой по тарелкѣ.

Точно желая показать самой себѣ, что она не пустая внутри, Лиза вдругъ, неожиданно для всѣхъ закричала высоко и рѣзко:

— А-а-а!..

И этотъ надсаженный, вымученный крикъ покрылъ всѣ крики.

Лиза упала головой на столъ; узкая, длинная спина ея судорожно трепетала и билась.

Блондинъ остановился надъ ней съ плещущей рюмкой и, комически прищурившись, протянулъ:

— Съ ними ис-те-ри-ка!

— Почему не «изъ Кубани?» — спросилъ угреватый и разсмѣялся.

А третій посовѣтовалъ облить ей голову водкой.

— Тошные!.. Страшные!.. Поганые!..—вдругъ закричала, поднявшись со стула Лиза, и было что-то зловѣщее и въ этомъ крикѣ, и въ глазахъ, казавшихся огромными отъ темныхъ круговъ подъ ними, и въ ея тонкой, высокой фигурѣ.

И никто еще не успѣлъ придти въ себя отъ этого крика, а она уже рыдала, вздрагивая всѣмъ длиннымъ, худымъ тѣломъ на диванѣ.

Потомъ заговорили всѣ сразу.

— А ну ее къ чорту!

— Позвонить швейцару и выслать ее вонъ!

— А ему сказать, чтобы привелъ другую.

— И гдѣ онъ такую падаль подобралъ?—искренно удивилась Даша.

— Ломается тоже!—протянула другая, и въ головѣ ея было столько непонимающаго презрѣнія и злости, сколько ихъ можетъ быть только у женщины къ женщинѣ.

Черезъ четверть часа швейцаръ сводилъ Лизу по лѣстницѣ внизъ на улицу...

Ей припомнилось, какъ въ Сомовѣ хоронили одну отравившуюся спичками дѣвицу. Шелъ дождь, въ уличной грязи вязли ноги, и старый дьячокъ Ильичъ срывающимся, плачущимъ голосомъ пѣлъ «Святый Боже», а сѣрый гробъ мѣрно качался на двухъ полотенцахъ.

Отъ этого воспоминанія стало такъ больно во всемъ тѣлѣ, что когда плюгавый молодящійся старикашка съ кокардой воровато подошелъ къ ней на перекресткѣ двухъ улицъ, она обрадовалась ему, какъ родному.

Старичокъ дѣловито справился о цѣнѣ и гостинницѣ, и дальше они пошли вмѣстѣ. Онъ шелъ хлипкими, мелкими шагами, пыхтѣлъ папиросой и старался держаться впереди, а она чувствовала, что изморозь улицы влетаетъ въ ея душу, и тамъ все блекнетъ и стынетъ. Ей было холодно, но она видѣла, что холодно было и встрѣчавшимся ей запоздалымъ пѣшеходамъ, и закутанные, поспѣшно идущіе, жалки были они, эти маленькіе люди, на безотрадно прямыхъ улицахъ построившіе себѣ большіе дома въ защиту отъ холоднаго, огромнаго и пустого неба...

С. Сергѣевъ-Ценскій.

Гансъ безъ гроша.

Поэма изъ Эмиля фонъ-Шёнаихъ-Каролата.

Переводъ **О. Н. Чюминой.**

Принцъ Эмиль фовъ-Шёнаихъ-Каролатъ (родился въ 1852 году въ Бреславлѣ), поэтъ и беллетристъ, пользуется въ Германіи громкою извѣстностью, но произведенія его—гуманно-альтруистическія, порою—проникнутыя бурнымъ протестомъ,—мало извѣстны русской читающей публикѣ, для которой они могли бы представить значительный интересъ. Будучи аристократомъ по рожденію, Шенаихъ-Каролатъ является пламеннымъ убѣжденнымъ поборникомъ идей равенства и свободы, пѣснь его звучитъ призывомъ къ борьбѣ съ насиліемъ и прозволомъ, злою сатирою противъ торгашей, безданно-безпошлинно торгующихъ свободою и терпѣніемъ народа, дѣльцовъ, создавшихъ себѣ Бога изъ мѣднаго гроша.

Въ своемъ позднѣйшемъ, едва ли не лучшемъ произведеніи «Гансъ безъ гроша», къ которому мы еще вернемся, поэтъ предупреждаетъ ихъ, что мѣра переполнилась и что «на голо остриженный ягненокъ можетъ неожиданно превратиться въ льва».

Другимъ существеннымъ элементомъ въ поэзіи Каролата является скорбный лиризмъ неудовлетворенной любви; послѣ Гейне трудно касаться этой темы, но и въ нее Каролатъ съумѣлъ внести нѣчто свое, подкупающее глубокой искренностью и простотою. Таковы стихотворенія «Пѣсенка», «Возвращеніе», «Послѣдній танецъ» и др., помѣщенныя въ первомъ его сборникѣ «Пѣсни объ утраченной», сразу создавшемъ поэту громкую извѣстность. Чувство первой молодой любви, прошедшее черезъ горнило страданія, очищенное и просвѣтленное въ его пламени, становится любовью къ человѣчеству, оно создаетъ изъ юноши поэта и ведетъ его «на высоту», къ подвигамъ самоотверженія:

„Пусть даромъ не исходитъ сердце кровью,
Казни его страданьемъ тяжело,
Чтобъ цѣлый міръ оно своей любовью
Животворить и осіять могло.

Пускай любовь, разбитая Тобою
За то, что я *одну* любилъ, Творецъ,
Охватитъ цѣлый міръ волной живою,
И я скажу: я *жилъ* и я пѣвецъ!

(„На высотѣ“).

Вотъ что говоритъ о Каролатѣ въ своей популярной антологіи извѣстный нѣмецкій критикъ и поэтъ Карлъ Буссе: «То, къ чему лишь стремился Гамерлингъ — достигнуто другимъ, болѣе крупнымъ поэтомъ—Шенаихъ-Каролатомъ; онъ—воплощеніе современной романтики и, уступая нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ пѣвцовъ въ мастерствѣ, превосходитъ изъ всѣхъ непосредственною силою творчества. Гамерлингъ, Гризебахъ и даже Ада Кристенъ уступаютъ ему въ блескѣ красокъ, въ страстности, въ проникновенности; на лирѣ его много струнъ, онъ владѣетъ даромъ сатиры, онъ мягокъ и глубоко поэтиченъ, какъ старые романтики, онъ написалъ удивительныя любовныя пѣсни, спускался въ глубокія пропасти и поднимался на ослѣпительныя высоты».

Въ «Гансѣ безъ гроша» завѣтныя мысли автора выступаютъ особенно выпукло и ярко. Поэма состоитъ изъ ряда лирическихъ стихотвореній, рисующихъ картины средневѣковаго германскаго быта, гигантскій торговый городъ паукъ, высасывающій народные соки, торжество богачей, бросающихъ подачку «подлой черни», глухое броженіе въ городѣ, заканчивающееся паденіемъ «города торгашей». Въ фигурѣ бѣднаго дворянина, народнаго вождя, прозваннаго «Гансомъ безъ гроша» и «Рыцаремъ печальныхъ пѣсенъ», у котораго отнята торгашомъ невѣста, но воленъ

„Поднять онъ грозный мечъ борца
За всѣхъ, кто обездоленъ“,—

— въ героѣ поэмы чувствуется личность самого автора. Мѣстный колоритъ и наивное міровоззрѣніе средневѣковаго вождя (молитва Ганса) строго выдержаны, и мы старались сохранить съ возможною для перевода близостью—своеобразный стиль подлинника.

Прозаическія произведенія Каролата уступаютъ его стихамъ; изъ его новеллъ производитъ наиболѣе сильное впечатлѣніе «Гражданская смерть».

ГАНСЪ БЕЗЪ ГРОША.

1.

Угроза швабамъ—замокъ мой,
Спаленный молніи стрѣлой,
Но онъ угрюмъ и тѣсенъ,
И я слыву у торгаша
Скитальцемъ, Гансомъ безъ гроша
И рыцаремъ печальныхъ пѣсенъ.

—

Іюньскій день, останови
Въ его закатѣ дня свѣтило,

Что первый сладкій мигъ любви
Своимъ сіяньемъ освѣтило!

—

Мы съ нею шли—два бѣдняка,
И развѣвалъ нарядъ убогій
Порывъ весенній вѣтерка,
Алѣли розы у дороги...

—

А вѣтеръ мчался все впередъ;
Гдѣ блещетъ фея Магеллона—
Вздымалась изъ журчащихъ водъ
Блаженства свѣтлая корона.

—

Пронесся благовѣстъ чрезъ лѣсъ,
Суля покой и миръ усталымъ;
Звѣзда скатилася съ небесъ
Въ зловѣщемъ блескѣ темно-аломъ.

—

Дочь королей, пришла пора:
О, бойся торгашей нахальныхъ!
За знатность—плата ихъ щедра.
Я-жъ—безъ кола и безъ двора,
И рыцарь пѣсенъ я печальныхъ!

2.

Купеческій городъ, какъ пестрый базаръ,
Раскинулся нагло; таранью,
Смолой въ немъ торгуютъ, тамъ—хлѣбный товаръ,
И камни съ чудесною гранью.

—

Отъ Пфальца до Неккера, грабятъ купцы,
Повсюду народъ безъ пощады,
Въ стремленьѣ къ наживѣ нигдѣ продавцы
Въ пути не встрѣчаютъ преграды.

—

Всю рыбу съѣдаютъ они—до костей,
Корову берутъ у вдовицы,
Но звонкой монетой имперскихъ гостей
Готовы ссужать безъ границы.

—

Хранятъ они съ сѣвера, съ юга казну
Надежно подъ аркою сводовъ,
Они прославляютъ грабежъ и войну,
Какъ право святое народовъ.

—

Людей неподкупныхъ правдивый глаголъ
Тамъ былъ испытуемъ сурово,
Тамъ цѣнится выше придворный камзолъ,
Чѣмъ честь гражданина и слово.

—

Народная пѣсня убита давно:
Погибла, подвергшись гоненью.
О, горе искусству, коль скоро оно
Не служитъ князей прославленью!

—

Они подѣлили весь край на куски,
Имъ стали рабами крестьяне,
Въ мужья дочерямъ золотые мѣшки
Давно уже прочатъ дворяне.

—

Отцовскую совѣсть торгашъ усыпилъ
Виномъ и костями; отъ четокъ,
Отъ прялки онъ юную дочь отвратилъ,
Нравъ женскій уступчивъ и кротокъ.

—

Я чувствую: тяжесть съ деньгами мѣшковъ—
Честь рода, увы, перетянетъ,
И юное сердце навѣки вѣковъ
Въ надеждѣ на счастье обманетъ!

—

Но знайте: пора покаянья близка,
Главу вы посыплете пылью,
Спадутъ съ васъ мгновенно парча и шелкà,
И скорбь ваша будетъ въ странѣ велика:
Я когти обрѣжу насилью!

3.

Ивановъ день! Во всей красѣ
И роскоши—гнѣздо торговли,
Гирляндами жилища всѣ
Унизаны—до самой кровли.

—

Мою желанную они
Своей избрали королевой;
Въ горахъ Ивановы огни
Горятъ направо и налѣво...

—

Сердечко юное въ груди
Смущаютъ лестью и обманомъ,

Тамъ пиръ идетъ на площади,
Въ колодцѣ бьетъ вино фонтаномъ.

—

Сегодня щедрою рукой
Чернь одѣляетъ членъ совѣта;
Вотъ нищая бредетъ съ клюкой,
Въ лохмотья пестрыя одѣта...

—

Вотъ изъ-за лучшаго куска
Бродяги борются другъ съ дружкой,
Одинъ пустилъ навѣрняка
Другому въ лобъ пивною кружкой.

—

Ихъ разнимаютъ руки слугъ,
Слѣдя въ окно за перепалкой,
Съ презрѣніемъ сановный кругъ
Глядитъ на драку «черни жалкой».

—

У дѣвушекъ пылаетъ взоръ,
Ихъ безъ нужды сжимаютъ грубо;
При свѣтѣ пламени, соборъ
Угрюмымъ кажется сугубо.

—

И пляской разгорячена,
Держа рукою опахало,—
Я видѣлъ,—чрезъ огонь она
Легко съ совѣтникомъ порхала.

—

Вотъ поднесла бокалъ ко рту:
Прости, мой вѣрный другъ забытый!
А я пробрался въ темноту,
Держась вдоль стѣнъ, какъ песъ побитый.

4.

Счастье погасло. Прошу у судьбы
Въ руки оружье мнѣ дать для борьбы.

—

Дать-сыновей и подруги взамѣнъ—
Всѣхъ неимущихъ и сирыхъ мнѣ въ ленъ.

—

Сердце мое ты въ прахъ растопчи,
Пусть лишь погибнутъ страны палачи.

—

Край нашъ спаси отъ князей-торгашей,
Бога создавшихъ себѣ изъ грошей.

—

Дѣва-Марія, спаси нашу честь:
Даруй народу священную месть.

5.

Несутся лебеди на югъ,
Рѣка бурлитъ сурово,
И ты умчишься, милый другъ,
Въ объятіяхъ другого.

—

А тотъ, кто счастья былъ лишенъ
Обманомъ безсердечнымъ—
До самой смерти будетъ онъ
Скитальцемъ вѣковѣчнымъ.

—

Есть въ мірѣ множество дорогъ,
Далекій край—чудесенъ,
Хранитъ въ себѣ Роландовъ рогъ
Звукъ недопѣтыхъ пѣсенъ.

—

Виномъ сверкаетъ налита
Забвенья чаша въ Ѳулѣ,
Но—не для тѣхъ, кого уста
Желанной обманули.

—

Безвѣстность ждетъ ихъ впереди,
Иль царская палата—
Лежитъ вездѣ на ихъ пути
Кровавый блескъ заката.

6.

Но боль рождаетъ въ сердцѣ жаръ,
Стрѣла несется птицей,
За нанесенный мнѣ ударъ
Я отплачу сторицей.

—

Овцы послѣдней богачомъ
Я былъ лишенъ, но воленъ
Я защищать своимъ мечомъ
Всѣхъ тѣхъ, кто обездоленъ.

—

Карая зло въ краю родномъ,
Возстану я, какъ мститель,
И щитъ свой траурнымъ вѣнкомъ
Украситъ побѣдитель.

7.

О, солнце, ты смотришь на все съ высоты,
Ты вѣдаешь все въ мірозданьѣ!
Что съ милой моею—повѣдай мнѣ ты—
Что сталось со дня разставанья?

—

Молчишь ты. Морозъ легкой дымкой облекъ
Долину и городъ обширный.
Домà и сердцà, и надъ кровлей дымокъ—
Дремоты исполнены мирной.

—

Совѣтники по снѣгу въ санкахъ скользятъ,
Ихъ шапки теплы и высоки...
Сегодня ихъ городъ легко былъ бы взятъ:
Замерзли рѣка и притоки.

8.

Въ душѣ у каждаго назрѣло
Все, что назрѣло у меня,
И разразилась буря смѣло
Въ народѣ съ Троицына дня.

—

У всѣхъ—одно и то же горе:
Свободный превращенъ въ раба,
Вездѣ—въ стѣнахъ и на просторѣ
Проснулась мысль, кипитъ борьба.

—

Но паукамъ подобны жаднымъ,
Напившись крови, городà
Змѣинымъ взоромъ безпощаднымъ
Глядятъ на сёла и стада.

—

Торгашъ, металлъ твой—слишкомъ звонокъ:
Вскружиться можетъ голова.
Остриженъ наголо ягненокъ
Способенъ превратиться въ льва.

—

Ночь на Купала! Въ ураганѣ
Творится шабашъ на землѣ,
Въ дыму несется и въ туманѣ
Рой вѣдьмъ на огненной метлѣ.

—

Ночь на Купала! Искупленье
Зажгло огней своихъ вѣнецъ,
То ночь вторичнаго крещенья,
И рухнетъ золотой телецъ!

9.

У бургомистра—праздникъ,
Межъ тѣмъ какъ хмѣль-проказникъ
Туманитъ всѣмъ мозги—
У крѣпости враги...
Добрались до оплота,
Вотъ рухнули ворота,
Скорѣй, гудитъ набатъ!
Спѣшите изъ палатъ
Скорѣй къ твердынямъ вашимъ.
Теперь ужъ мы попляшемъ!
Изрубленъ караулъ,
И крикъ, и звонъ, и гулъ...
Пожаръ—какъ блескъ заката.
Для кровопійцъ—расплата...
Щадить дѣтей и женъ!
Но ни одинъ торгашъ не будетъ пощаженъ...
Ихъ городъ палъ, онъ побѣжденъ.

10.

Восходитъ день благоговѣйно,
Замолкнулъ грохотъ боевой,
Струятся мирно воды Рейна
И сводъ блистаетъ синевой

—

Поспѣшно плугъ взрываетъ землю,
Блеститъ на солнцѣ борозда,
И я благословенью внемлю
Святого, мирнаго труда.

—

Во слѣдъ грозы ночной раскату—
Блистаетъ солнце межъ листвой,

Мой день склоняется къ закату,
Подобно тучѣ грозовой.

—

Но отъ кощунственнаго хлама
Я—мечъ простой въ рукѣ Творца—
Очистилъ здѣсь святыню храма
И сокрушилъ алтарь тельца.

11.

Дѣва-Марія, въ кольчугѣ стальной
Сердце томится тоской неземной.

—

Юной любви дорогую мечту
Вновь я расцвѣтшей въ раю обрѣту.

—

Тамъ, гдѣ холмовъ чуть синѣетъ гряда,
Тихо скатилась большая звѣзда.

—

Къ вѣчному свѣту несется душа
Ганса, по имени—Гансъ безъ гроша!

О. Чюмина.

БОРЬБА ДУШЪ.

Романъ Густава Гейерстама.

Пер. со шведскаго **З. Зеньковичъ.**

(*Продолженіе* *).

VI.

Если мужъ и жена, любившіе другъ друга, привыкнутъ въ теченіе долгихъ лѣтъ молчать, вокругъ каждаго изъ нихъ образуется пустота, препятствующая имъ видѣть и понимать скрытыя муки другъ друга. Вѣдь нѣтъ худшаго проводника для звука, какъ пустота. Это относится къ человѣческой душѣ такъ же, какъ и къ остальной природѣ. Гдѣ раньше были протянуты многочисленныя невидимыя нити, теперь все порвано. Одиноко живутъ они, и эта изоляція тѣмъ полнѣе, тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ сильнѣе чувствовали они прежде утѣшеніе не стоять одиноко въ жизненной борьбѣ. Воспоминаніе объ утраченномъ теплѣ еще усиливаетъ чувство одиночества, заставляетъ глубже страдать. Когда это страданіе становится имъ не подъ силу, оно переходитъ въ ненависть и, наконецъ, смѣняется равнодушіемъ, замыкается въ себѣ. Бываетъ, что душа одного надломленная страданіемъ медленно умираетъ, а другой даже не замѣчаетъ этого. Чутье, указывавшее вѣрный путь, молчитъ. Никто не бываетъ такъ глухъ и слѣпъ къ предмету своей любви, какъ тотъ, кто считаетъ себя оскорбленнымъ любимымъ человѣкомъ и намѣренно замыкаетъ отъ него свое сердце. Онъ перетолковываетъ даже очевидныя вещи и не замѣчаетъ мелочей, дѣлается небрежнымъ. Иначе и быть не можетъ. Сердце его замкнуто, между нимъ и тѣмъ, кто былъ ему такъ близокъ, царитъ глубокое молчаніе и мучитъ ихъ души сильнѣе, чѣмъ слова. Наконецъ, тишина эта становится настолько постоянной, глубокой и тягостной, что между людьми открывается непроходимая пропасть.

Еслибъ положеніе вещей было иное, фру Берта отъ всего видѣннаго и слышаннаго не отдѣлалась бы однимъ ночнымъ страхомъ. Когда разсвѣтало, она трезво оглянулась на случившееся и по обыкновенію убѣдила себя, что все это результатъ расходившихся нервовъ,

---

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь 1905 г.

и что всѣ страхи—плодъ ея воображенія. Встрѣтившись съ мужемъ за завтракомъ, она внимательно наблюдала за нимъ, но не могла замѣтить ничего, что могло бы подтвердить опасенія, наполнявшія ея душу минувшею ночью.

А когда прошелъ день и страхи ея не оправдались, она пришла снова въ то настроеніе, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ служило ей защитой отъ сюрпризовъ жизни.

Мужъ ея, повидимому, не помнилъ, что подходилъ къ ея двери и нашелъ ее запертой, а можетъ быть онъ избѣгалъ вспоминать объ этомъ, и она была ему за это благодарна.

«Просто нервы у него были разстроены, какъ у меня, ничего больше», думала фру Берта.

Мысль эта успокоивала ее, а потому сперва показалась ей правдоподобной, а затѣмъ и неоспоримой.

Утромъ въ канунъ новаго года выглянуло солнце. Долина ожила, лѣсъ позеленѣлъ. Снѣгъ искрился, воздухъ манилъ на прогулку. Около полудня Мордтманъ съ женою вышли на дорогу, откуда открывался видъ на залитыя солнцемъ горы. Юнгве шелъ на лыжахъ, неувѣренно мелко шагая, какъ всѣ начинающіе. Пока солнце не закатилось, они ходили взадъ и впередъ. Сверкавшія на солнцѣ горы рѣзко оттѣняли глубокій сумракъ долины.

Когда насталъ вечеръ и Юнгве легъ спать, мужъ и жена опять сѣли у камина; фру Берта молча смотрѣла въ огонь, а Мордтманъ опять разбирался въ прошломъ, не зная, говорить ли ему, или лучше молчать.

Впечатлѣніе солнечнаго дня еще не угасло въ ихъ душахъ, а близость праздника вызвала, по крайней мѣрѣ у фру Берты, благоговѣйное настроеніе, которымъ ей хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться.

Она помнитъ время, когда новый годъ торжественно праздновался въ ихъ домѣ, когда они ждали полночи. Кристіанъ и она не ложились спать въ эту ночь и съ ними бывалъ еще третій. Звали его Торстенъ Аабель. Большого общества они не собирали. Тихо бесѣдовали они. пока не пробьетъ двѣнадцать. Тогда выпивали они по стакану вина и обмѣнивались рукопожатіемъ.

Вспомнила это фру Берта и посмотрѣла на мужа, словно желая узнать, помнитъ ли онъ о прошломъ. Но Кристіанъ былъ всецѣло поглощенъ своимъ воспоминаніемъ, причемъ никакъ не могъ опредѣлить, откуда оно возникло. Онъ помнитъ, что жена его какъ-то сказала: «Когда ты боролся за свою собственную жизнь, тогда родился нашъ ребенокъ и ты не замѣтилъ этого». Мысль эта безпрестанно возвращалась и онъ безпрестанно спрашивалъ себя, когда онъ слышалъ эти слова. Дѣйствительно ли жена произносила ихъ когда-нибудь? Не приснилось ли ему все это? Не есть ли это плодъ его воображенія? А можетъ быть, кто-нибудь разсказалъ ему это о женѣ?

Наконецъ, молчаніе стало невыносимымъ для фру Берты и она, чтобы хоть на минутку прервать его, сказала:

— Скажи что-нибудь, Кристіанъ! Такъ непріятно и тяжело бываетъ, когда мы оба молчимъ.

— Ты скажи что-нибудь,—отвѣтилъ мужъ и попытался улыбнуться.—Я уже столько разъ говорилъ, а ты все молчала.

Едва Кристіанъ проговорилъ это, память его пробудилась, и онъ ясно вспомнилъ слова жены и даже минуту, когда услышалъ ихъ. Было это совсѣмъ недавно. Онъ сидѣлъ на этомъ самомъ стулѣ, былъ вечеръ, въ его душѣ тоже было темно, таинственныя силы владѣли его разсудкомъ. Онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, ничего не сознавалъ, прислушиваясь лишь къ тому міру, который жилъ въ немъ самомъ, куда всѣмъ другимъ былъ доступъ закрытъ. Тогда-то услышалъ онъ эти слова. Безсознательно залегли они среди плевеловъ, гдѣ мысль не разбирается. Часто бываетъ, что совсѣмъ неожиданно изъ темной массы всплываетъ фактъ и мы изумляемся, откуда онъ. Потомъ туманъ разсѣивается и контуры вырисовываются. А Мордтманъ понялъ, что слова эти дремали въ безсознательной глубинѣ его собственнаго «я». Онъ слышалъ ихъ, когда считалъ себя нечувствительнымъ къ звукамъ.

Всѣ эти дни онъ носилъ ихъ въ себѣ, не подозрѣвая этого, какъ и всѣ мы носимъ въ себѣ многое, о чемъ нерѣдко намъ и совсѣмъ не суждено узнать. А теперь, когда слова жены раздались съ того же самаго мѣста, гдѣ она сидѣла тогда, зерно, посѣянное ею, проросло, взошло и онъ все вспомнилъ.

Кристіанъ Мордтманъ закрылъ глаза при этомъ воспоминаніи и почувствовалъ, что вторично услышать ихъ онъ не могъ бы. Онъ не смѣлъ спросить у жены, что она тогда думала. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы что-нибудь сказать, чтобы отвлечь мысль отъ опаснаго пути, куда она влекла его.

Канунъ новаго года далъ ему матеріалъ. Вѣдь завтра не обыкновенный день, не обыкновенный новый годъ принесетъ съ собою утро. Мы войдемъ въ новое столѣтіе, новое столѣтіе несетъ съ собою надежды на будущее, на величіе, на новыя перспективы. Съ усиліемъ отрываясь отъ собственныхъ мыслей, Кристіанъ заговорилъ:

— Помнишь, Берта, мы всегда праздновали этотъ вечеръ?

Его слова какъ разъ соотвѣтствовали теченію мыслей жены, глаза ея блеснули и она безъ горечи отвѣтила:

— Помню. Помню также и то, что насъ было трое.

— Ты подразумѣваешь Торстена Аабеля,—вставилъ мужъ.

— Да,—сказала Берта.—Особенно памятенъ мнѣ одинъ новогодній вечеръ. Было это много лѣтъ назадъ. Ты, онъ и я сидѣли вмѣстѣ у насъ. Мы говорили о прожитомъ годѣ, о томъ, что было съ нимъ связано. Вдругъ Торстенъ сказалъ: «Подумайте, когда придетъ 1900 годъ!

Я опять буду у васъ, какъ сегодня». Я будто вижу его передъ собою. Высокій, худой, онъ сидѣлъ у лампы. Помнишь, мы постоянно вышучивали его ростъ и худобу. Такой онъ некрасивый съ коротко обстриженными волосами, съ толстыми губами, съ лицомъ, на которомъ, казалось, никогда не могла вырасти борода. Жиденькіе усы, несмотря на сорокъ лѣтъ Торстена, все еще имѣли видъ пушка. Глаза сообщали особенность всей физіономіи; глаза эти пылали, горѣли и никогда не оставались спокойными. Помнишь, онъ говорилъ: «О 1900 годѣ я думаю каждый новый годъ. Какъ будто тогда должно что-нибудь случиться». Помнишь?

— Конечно,—сказалъ Мордтманъ, на минуту закрылъ глаза и продолжалъ:

— Повсюду теперь говорятся рѣчи. Пробьютъ часы двѣнадцать ударовъ, вспыхнутъ фейерверки, зазвонятъ во всѣхъ церквахъ. По всему міру заговорятъ о великомъ событіи въ газетныхъ статьяхъ, въ журналахъ съ иллюстраціями и безъ иллюстрацій. Новое столѣтіе! Блестящая рубрика! А въ чемъ въ сущности дѣло? На письмахъ мы будемъ ставить новую цифру. А потомъ? Только символъ. Больше ничего.

— Но, быть можетъ, въ этомъ символѣ скрывается особое значеніе,—замѣтила фру Берта.

— Вздоръ!—отвѣтилъ Мордтманъ.—Слова и только слова. Символы не имѣютъ никакого значенія. Всѣ они подлежатъ разоблаченію, они скрываютъ пустоту. Если бы мы забыли этотъ день? Что случилось бы? Однимъ волненіемъ было бы меньше. Вотъ и все. Столѣтіе не вызываетъ у меня особенной мысли. Послѣдніе дни меня все болѣе занимаетъ другое воспоминаніе. Всего удивительнѣе то, что оно относится къ Торстену Аабелю. Вообще я никогда не думаю о людяхъ. Люди являются, проходятъ черезъ нашу жизнь, ищутъ насъ, когда мы имъ нужны и покидаютъ насъ, если могутъ обойтись. Каждый живетъ въ одиночку, а особенно одинокъ тотъ, кто представляетъ собою нѣчто, желаетъ чего-нибудь, что-нибудь создаетъ. Однако, признаюсь — эти дни я думалъ временами о Торстенѣ Аабелѣ.

Фру Берта отвернулась и опять стала смотрѣть въ огонь. Огонь румянцемъ отражался на ея лицѣ. Не мѣняя выраженія, она спросила:

— Ты хочешь сказать, что за всѣ эти годы совершенно забылъ о немъ?

— Абсолютно,—отвѣтилъ Кристіанъ.—А тебѣ это кажется страннымъ.

— О да. Вообще странно, когда люди, бывшіе друзьями въ теченіе многихъ лѣтъ, совершенно забываютъ другъ друга. Я знаю однако, что это бываетъ зачастую.

— Гораздо удивительнѣе противоположное, — возразилъ Мордтманъ,—т.-е., что одинъ человѣкъ не надоѣдаетъ другому. Теперь и я

вспомнилъ вечеръ, о которомъ ты говоришь. Припоминаю и его слова. Вообще въ Торстенѣ много жизни; его слова очаровывали, какъ и его поступки. Онъ былъ величиной.

Фру Берта ниже наклонила голову, но выраженія не измѣнила.

— Если бы было иначе, разумѣется, онъ не кончилъ бы такъ, какъ это случилось,—сказала она.

— Что ты хочешь сказать этимъ?—горячо вырвалось у Мордтмана.—Его исторія была совершенно обыкновенной, даже банальной. Онъ получилъ маленькое наслѣдство, тысячи двѣ кронъ въ годъ. Онъ былъ ученый, но предпочелъ жить свободно, нежели искать мѣста при какомъ-нибудь университетѣ, и посвятилъ себя новѣйшей философіи и психологіи. А эти предметы денегъ не даютъ. Его ренты, разумѣется, не хватало и онъ печаталъ популярныя статьи въ газетахъ и журналахъ, у насъ и заграницей. Онъ почти уже пріобрѣлъ имя, какъ вдругъ его захватило желаніе жить пошире, пользоваться, что называется, жизнью. Тутъ уже его заработка не хватило окончательно. Онъ пилъ, игралъ, не замедлили явиться и женщины. Онъ сталъ пріискивать теплое мѣстечко, чтобы увеличить свои доходы. Это было уже въ концѣ нашего знакомства. Я устроилъ его такъ, что въ его вѣдѣніи находились порядочныя деньги. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ, какъ говорится, занималъ изъ кассы; а ко времени ревизіи пополнялъ недостающее, такъ что никто ничего не замѣчалъ.

— Я знаю это,—живо замѣтила фру Берта.—Но какъ возможны подобныя вещи?

— Разумѣется, онъ занималъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. У него былъ большой кругъ знакомыхъ и онъ занималъ небольшими суммами, пока не покрывалъ дефицитъ. Послѣ ревизіи онъ выплачивалъ долги и считался весьма аккуратнымъ въ дѣлахъ человѣкомъ.

Въ послѣдній разъ онъ черезчуръ глубоко черпнулъ. Наслѣдство давно уже было растрачено. Единственно трудно объясняемый пунктъ во всей исторіи — это какъ онъ имъ распорядился. Найти средство покрыть растрату не удалось, онъ написалъ фальшивый вексель, былъ уличенъ и отданъ подъ судъ.

Что ты находишь удивительного во всемъ этомъ? Что въ этой исторіи даетъ тебѣ право сказать: «будь онъ незначительнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, его судьба была бы иная?»—Я спрашиваю.

Фру Берта не сразу отвѣтила и молчала, словно прислушивалась къ чему-то совсѣмъ другому.

— Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ исчезъ съ нашего горизонта? — продолжалъ Кристіанъ.—Лѣтъ пять-шесть? Или больше?

— Между тремя и четырьмя,—быстро отвѣтила фру Берта.

— Правда,—продолжалъ Мордтмонъ. — Теперь я вспоминаю. Его

приговорили только на четыре года. Значитъ, скоро его выпустятъ. Вѣроятно, онъ разыщетъ меня, а я постараюсь сплавить его въ Америку.

— А ты увѣренъ, что Торстенъ поѣдетъ въ Америку, и ты убѣжденъ, что онъ придетъ къ тебѣ?

Фру Берта улыбнулась, говоря это. Мужъ замѣтилъ улыбку и заговорилъ въ еще болѣе раздраженномъ тонѣ:

— Это было бы только послѣдовательно. Исторія эта въ свое время обошлась мнѣ въ нѣсколько тысячъ...

Жестокая, непріятная улыбка мелькнула по лицу Кристіана, но фру Берта сидѣла, отвернувшись къ огню, не видѣла выраженія лица мужа, а слышала только его слова, которыя рѣзали ее по уху.

— И ты думаешь, что этимъ исчерпана исторія Торстена Аабеля? Многіе тебѣ повѣрятъ. Но я все время думала, что за той исторіей, которая извѣстна свѣту, надъ которой онъ произнесъ свой приговоръ, кроется другая, и въ ней-то и есть объясненіе.

— Какую исторію ты подразумѣваешь? — насмѣшливо спросилъ Кристіанъ.

— Ту, которая разыгралась въ самомъ Торстенѣ,—отвѣтила фру Берта.—Ты самъ говоришь, что онъ усталъ жить жизнью отшельника и захотѣлъ другого. Ему понадобились кутежи, игра, женщины. Это случалось не съ нимъ однимъ. Я помню то время. Я наблюдала перемѣну въ его наружности, въ обращеніи, во всемъ его существѣ. Какъ только онъ приближался ко мнѣ, я чувствовала его безпокойство, лихорадку, повышенное настроеніе. Разница между Торстеномъ Аабелемъ и другими, которые погибли, какъ онъ, въ томъ, что онъ никогда не могъ удовлетвориться кутежами и развлеченіями. Онъ человѣкъ иной породы, чѣмъ, напримѣръ, мы съ тобою. Когда я видѣла его. я всегда думала: «какъ онъ попалъ въ тотъ кругъ? Онъ не принадлежитъ къ нему». Его мучила неудовлетворенность, угнетала лучшую сторону его души и дѣлала его хуже другихъ хотя, въ сущности онъ былъ лучше. Этотъ человѣкъ не зналъ мѣры ни въ страсти, ни въ кутежѣ, ни въ дружбѣ. Разомъ налетало все это, безъ раздумья. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ, кто не щадятъ себя, цѣликомъ отдаваясь переживаемому моменту. Когда Торстенъ оказался преступникомъ, онъ затаилъ въ себѣ признаніе и безмѣрно страдалъ, почему и не могъ спасти себя. Тебѣ извѣстно, что онъ самъ выдалъ себя?

Мордтманъ кивнулъ.

— А ты знаешь, почему онъ сдѣлалъ это?

— Нѣтъ.

— Чтобы не разсказывать обо всемъ матери. Она могла бы помочь ему.

— Кто сказалъ тебѣ это?

— Мать сама. Я видѣла ее однажды.

Фру Берта помолчала съ минуту и продолжала:

— Помнишь, онъ писалъ матери, прося ее переѣхать къ нему?

Кристіанъ казался разсѣяннымъ и покачалъ головою, словно съ трудомъ понимая вопросъ.

— Это было тотчасъ послѣ смерти отца,—продолжала фру Берта.— Онъ поѣхалъ на похороны и увидѣлъ мать, съ которой не видѣлся нѣсколько лѣтъ. Въ его памяти остался образъ старой старушки, одинокой, заброшенной въ глухомъ городкѣ Пурлянда. Онъ написалъ ей и буквально заставилъ ее переѣхать къ нему. Онъ сдѣлалъ это, хотя никогда не сходился съ родителями. Она, повидимому, обладаетъ суровымъ, прямымъ характеромъ. Торстенъ, какъ-то говорилъ мнѣ, что не помнитъ, приласкала ли мать его хоть разъ за все дѣтство. Отецъ, видимо, былъ живѣе, чѣмъ мать, онъ любилъ выпить, какъ вообще веселые сѣверяне, любилъ принять у себя. Да и что оставалось ему, ректору прогимназіи въ маленькомъ городкѣ, погребенному среди людей, съ которыми онъ не могъ дѣлиться тѣмъ, что нѣкогда составляло насущную потребность его жизни,—жаждой знанія.

Мнѣ кажется, мать боялась, что у сына разовьется характеръ отца. Я знаю только, что съ пріѣздомъ матери Торстенъ сталъ избѣгать своего дома еще больше, чѣмъ когда былъ одинъ. Кабинетъ уже не манилъ его своимъ миромъ и тишиной. Мать непріязненно смотрѣла на его работу, видя въ немъ творца невѣрія, а Торстенъ былъ слишкомъ чувствителенъ. Это необходимо подчеркнуть. Всякій, кромѣ Торстена Аабеля, заранѣе взвѣсилъ бы все и никогда добровольно не наложилъ бы на себя такого ига, предоставилъ-бы матери оставаться у себя и жить своею жизнью, какъ онъ жилъ своею. Здѣсь зародышъ той драмы, которая обусловила его одиночество.

— Ты думаешь? спросилъ Кристіанъ.—И я могу разсказать тебѣ о Торстенѣ кое-что, чего, быть можетъ, ты не знаешь. Мы съ нимъ разстались почти врагами. Случилось это за нѣсколько лѣтъ до настоящей катастрофы. Между мужчинами такимъ вещамъ не придаютъ большого значенія. Люди встрѣчаются, нѣкоторое время терпятъ другъ друга. Потомъ надоѣдаютъ одинъ другому и разстаются, наговоривъ другъ другу непріятностей, чувствуя разочарованіе. Въ глубинѣ же они испытываютъ облегченіе оттого, что дружба, тяготившая ихъ, не тревожитъ ихъ больше. Иногда по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ потребность воскресаетъ. Люди встрѣчаются снова и все по старому. Усталость прошла и старое кажется новымъ.

— Ты считаешь, что всѣ люди таковы?—замѣтила фру Берта.

— Не знаю,—послѣдовалъ отвѣтъ.—Но я знаю, что я таковъ. Большинство людей похожи между собою. Хорошо ли ты представляешь себѣ Торстена? Не идеализируешь ли ты его? Онъ появился въ нашемъ домѣ, какъ многіе другіе, которые бывали, пока намъ счастье улыбалось. Онъ сталъ въ нашемъ домѣ своимъ человѣкомъ, нерѣдко мы приглашали

его къ столу, мы часто вмѣстѣ бывали въ гостяхъ, часто изъ гостей онъ заходилъ къ намъ. Такимъ образомъ, онъ сталъ членомъ нашей семьи, насъ было не двое уже, а трое—онъ, ты и я. Онъ тѣмъ временемъ работалъ въ своей области, читалъ и писалъ; талантъ его я всегда цѣнилъ. По моему, онъ былъ немножко фантазеръ, но, въ общемъ, онъ отличался широтою взгляда, а его умѣніе понять точку зрѣнія другого просто изумительно. Трудно найти болѣе чуткій умъ. Когда я принимался за новую работу, ставилъ на полку книги и перечитывалъ свою рукопись, онъ понималъ меня, съ нимъ я говорилъ, повѣрялъ ему то, что стѣснялся сказать всякому другому, не исключая и тебя. Помню, такія отношенія удивляли меня, казались мнѣ неестественными. Однако, они были и естественны, и необходимы. Онъ былъ мнѣ нуженъ, какъ нужны воздухъ и солнце. Секретъ въ томъ, что онъ околдовалъ меня. Я понялъ это позднѣе, когда обстоятельства разлучили насъ.

Во время этой рѣчи лицо Мордтмана болѣзненно оживилось, глаза заблестѣли. Мысли его, повидимому, вращались около предмета, который его долго занималъ, онъ не слышалъ, о чемъ говорила жена, и продолжалъ, словно связывая нить, оборванную нѣсколько дней назадъ. Голосъ его звучалъ какъ-то странно, жесты поражали страстностью. Фру Берта не могла не замѣтить разницы съ предыдущимъ моментомъ, когда онъ говорилъ спокойно и просто.

— Раздался крахъ,—говорилъ Кристіанъ Мордтманъ,—о которомъ я говорилъ раньше, который сдѣлалъ меня человѣкомъ и закалилъ меня. Я ждалъ, что онъ исчезнетъ съ моего горизонта, какъ естественно поступили другіе. Развѣ можно довольствоваться простымъ обѣдомъ, когда привыкъ къ шампанскому. Кромѣ того, и самъ я въ то время былъ мало интересенъ. Развѣ могло ему доставлять удовольствіе изо дня въ день быть въ обществѣ человѣка, который ни на минуту не задумывался надъ тѣмъ, что дѣлаетъ, о чемъ думаетъ, чѣмъ интересуется другой, а вѣчно говоритъ о своей персонѣ или молчитъ, подавленный своими же мыслями. Таковъ былъ я тогда, да и было о чемъ призадуматься. Но онъ выдержалъ, остался мнѣ вѣренъ. Ты не можешь знать этого. Я тебѣ не довѣрялся тогда. Я знаю это, знаю и то, что тебя это мучило. Но я не могъ поступать иначе: зданіе, съ такимъ трудомъ воздвигаемое мною, могло рухнуть и тогда почва окончательно ускользнула бы у меня изъ подъ ногъ. Вѣдь мы тогда не занимали еще прочнаго положенія, какъ теперь.

— Тебѣ кажется, Кристіанъ?—спросила фру Берта.

Но Мордтманъ не слышалъ ее.

— Я знаю,—отрѣзалъ онъ.—Иногда я нуждался въ Торстенѣ, и онъ всегда былъ на лицо. Если я желалъ быть одинъ, онъ оставлялъ меня. Когда я посылалъ за нимъ, онъ приходилъ. Хотѣлось мнѣ съ кѣмънибудь погулять, онъ всегда сопровождалъ меня. Хотѣлъ я видѣть

его у насъ въ домѣ, онъ приходилъ. Иногда мы шли къ нему, просиживали часами, разговаривая обо всемъ на свѣтѣ. Мать тогда еще не сидѣла у него на шеѣ, и онъ жилъ свободнымъ холостякомъ. Я давалъ тонъ. Удивительно, какъ онъ умѣлъ приноравливаться къ моимъ капризамъ.

Можно было думать, что я по своему усмотрѣнію внушалъ ему то настроеніе, которое соотвѣтствовало моему. Онъ подчинялся съ такою готовностью, что я временами чувствовалъ себя эгоистомъ и стыдился, что такъ злоупотребляю его добротой.

— Такова ужъ была его натура,—вставила фру Берта.—Онъ относился такъ ко всѣмъ, кого любилъ, а тобою онъ восхищался.

— Я чувствовалъ это,—улыбаясь, продолжалъ Мордтманъ,—и болѣе того, онъ вѣрилъ въ мою счастливую звѣзду, какъ онъ говорилъ. Ахъ, Берта, какими счастливыми минутами обязанъ я ему. Мнѣ кажется, никогда въ жизни не испытывалъ я такого наслажденія отъ близости и общества людей! Я ничего не могъ дать ему. Но онъ всегда оказывался подлѣ меня, всегда, какъ только я хотѣлъ этого. Вотъ этого-то я и не могъ понять, это именно и связывало меня, хотя вообще я очень легко отталкивалъ людей и спокойно продолжалъ свой путь.

— Да, ты всегда игралъ съ людьми,—прежнимъ тономъ замѣтила фру Берта.

— Да. Люди наполняли мою жизнь, они ничего не давали мнѣ, а, между тѣмъ, можно было думать, что я пользовался ими. Всего удивительнѣе, что использовать Торстена я никогда не могъ, словно онъ былъ неисчерпаемъ. Ты не знаешь, какъ часто мы съ нимъ встрѣчались. Я говорилъ тебѣ, что былъ все время занятъ И, дѣйствительно, я работалъ какъ никогда. Но одновременно я страдалъ, страдалъ всѣми муками ада, отъ безпокойства за себя, отъ глупаго страха предъ неизвѣстностью, которая готова была меня поглотить. Когда духъ Саула меня посѣщалъ, я жаждалъ видѣть Торстена. Онъ всегда успокаивалъ меня, дѣйствуя вѣрнѣе, чѣмъ бромъ. Часто я не имѣлъ мужества пойти къ нему самъ, боясь—вдругъ дверь окажется запертой и мнѣ придется одному спускаться по темной лѣстницѣ. Большею частью я посылалъ къ нему посыльнаго, садился гдѣ-нибудь въ кафэ и ждалъ, ждалъ съ яростнымъ нетерпѣніемъ, словно моля объ избавленіи отъ всѣхъ земныхъ мученій, пока въ передней не раздавались его шаги, и я зналъ, что онъ пришелъ.

— Долго ты ждалъ?—спрашивалъ онъ.

На этотъ вопросъ я никогда не могъ отвѣтить. Правду говоря, я и самъ не зналъ, и былъ только доволенъ, что онъ пришелъ. Мнѣ казалось, какъ будто онъ снялъ съ меня всѣ заботы, взялъ ихъ на себя.

Много сдѣлалъ для меня этотъ человѣкъ, и я знаю, что теперь, сидя тамъ, онъ винитъ меня въ своемъ несчастьи и клянетъ время и

интересъ, которые принесъ въ жертву неблагодарному. Сознаюсь, я не стараюсь защищаться. Не считаю нужнымъ. Если это справедливо, такъ значитъ суждено мнѣ быть неблагодарнымъ, ему быть жертвою этого.

Но люди доходятъ до пункта, гдѣ благодарность такъ явно падаетъ на одну сторону, что дѣлается непосильнымъ бременемъ. Тутъ и наступаетъ реакція. Рискуя оказаться неблагодарнымъ, онъ отступаетъ, потому что его личность въ опасности. Онъ боится стать несостоятельнымъ должникомъ. Другой, замѣтивъ это, не понимаетъ причинъ и великодушно даетъ еще. Наконецъ, сумма его благодѣяній выростаетъ до облака ходячаго и чѣмъ больше онъ даетъ, тѣмъ значительнѣе, выше она. Въ результатѣ онъ чувствуетъ себя несчастнымъ и проклинаетъ минуту, когда сближался съ своимъ другомъ. Чувствуя себя оскорбленнымъ, онъ не замѣчаетъ, что всѣ люди мучатъ, терзаютъ, подавляютъ другъ друга, разъ только они встрѣчаются въ жизни. Если одинъ постоянно даетъ, а другой, случайно, можетъ только принимать, то, наконецъ, на плечи послѣдняго ложится такое бремя обязательствъ, что самое присутствіе благороднаго становится ему невыносимымъ. Давленіе обращается къ муку, вѣчно напоминающее о себѣ чувство благодарности—въ иго. У человѣка рождается потребность освободиться во что бы то ни стало.

— Можетъ быть, равнымъ образомъ освободить и дающаго?—Фру Берта проговорила слова эти такъ тихо, что они сперва скользнули мимо слуха Мордтмана. Смыслъ ихъ во всякомъ случаѣ. Не мѣняя выраженія, онъ продолжалъ:

— Ты совершенно права. И дающаго. Онъ тоже, вѣдь, страдаетъ, и это сознаніе даетъ ему удовлетвореніе. Между мною и Торстеномъ ничего не произошло. Да въ этомъ и не было надобности. Я просто устроился, а когда онъ хотѣлъ меня видѣть, мнѣ не было времени. Я ни слова не сказалъ ему, ни строчки не написалъ. Прибѣгни я къ подобному средству, я далъ бы ему перевѣсъ, а этого я не желалъ.

Въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ держался я этого метода пока, наконецъ, не замѣтилъ, что онъ начинаетъ меня понимать. Мы встрѣтились съ нимъ случайно на улицѣ. Словно ничего не произошло, мы обмѣнялись нѣсколько безразличными словами. Тутъ, я къ своему удовольствію, замѣтилъ, что онъ, наконецъ, меня понялъ, и ждалъ сцены! Ты знаешь, вѣдь Торстенъ Аабель—человѣкъ съ темпераментомъ. Иначе говоря, онъ могъ вскипѣть и наговорить больше, чѣмъ самъ хотѣлъ. Это было у него въ крови. Къ моему величайшему изумленію, этого не случилось. Онъ спокойно стоялъ рядомъ со мною и только поблѣднѣлъ, иной перемѣны я не могъ замѣтить. Представь себѣ, что онъ сказалъ! Безъ всякихъ обиняковъ онъ спросилъ меня:

— Можетъ быть, тебя тяготитъ мое общество?

Я не желалъ лгать и совершенно спокойно отвѣтилъ:

— Не могу отрицать.

Мы стояли на углу у площади Norrmahn, время было обѣденное и мимо насъ безпрестанно проходили знакомые.

— Прощай, Кристіанъ Мордтманъ,—сказалъ онъ безъ дальнихъ разговоровъ.—Всего хорошаго!

Съ этимъ онъ ушелъ.

Мордтманъ всталъ и зашагалъ по комнатѣ, продолжая говорить:

— Послѣ это мы встрѣчались, но никогда не разговаривали. Я никогда не любилъ создавать себѣ враговъ, но судьба неоднократно вынуждала меня къ этому. Однако, видя уходящаго Торстена Аабеля, я испыталъ, хотя все было слѣдствіемъ моего желанія, нѣчто похожее на разочарованіе. Мнѣ хотѣлось при прощаньи узнать, что̀ онъ думаетъ, что онъ чувствуетъ. Но у него не вырвалось ни одного слова. Быть можетъ, онъ съ этой минуты сталъ моимъ врагомъ. И съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ. Я отпустилъ его, когда онъ сталъ меня стѣснять. Именно въ это время я со своего скромнаго мѣстечка, гдѣ никто на меня не обращалъ вниманія, понемножку сталъ входить въ дѣла общества, во главѣ котораго стою теперь. Торстену было это извѣстно, потому что онъ до мелочей зналъ все, что касается меня. Меня безпокоила мысль, не слишкомъ ли я посвятилъ его въ мои дѣла, это казалось мнѣ опаснымъ.

Но я не раскаивался. Вообще я не умѣлъ и не умѣю раскаиваться. Я никогда не выносилъ чрезмѣрной близости съ людьми. Торстенъ Аабель сталъ ко мнѣ черезчуръ близко. А потому нужно было его отставить. Я неоднократно намекалъ, но онъ не понималъ намековъ. Его нужно было устранить, и онъ устранился, какъ я уже сказалъ.

Однако, я не сталъ свободенъ; съ этого момента Торстенъ Аабель буквально преслѣдовалъ меня. Словно по наущенію злого духа, являлся онъ на моемъ пути, когда я менѣе всего ожидалъ этого. Въ тотъ день, когда я возвращался домой и впервые могъ съ увѣренностью сказать, что мое положеніе, какъ банкира, вполнѣ упрочено, я встрѣтилъ его на Береговой улицѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда собирался войти къ себѣ. Въ тотъ день, когда я заключалъ купчую на огромную пустошь, онъ пришелъ въ «Grand Hôtel» и прошелъ мимо меня въ то время, когда я съ mairte d'hôtel'емъ толковалъ о мэню. Въ тотъ день, когда я отмѣтилъ свой первый крупный выигрышъ на биржѣ, мы столкнулись съ нимъ на углу съ такой поспѣшностью, что чуть не спибли другъ друга съ ногъ. Напрасно я старался разгадать его взглядъ. Онъ какъ будто преслѣдовалъ меня. Думать о немъ я не думалъ, но мы жили въ одномъ городѣ, и я не могъ запретить ему ходить по улицамъ. При встрѣчахъ я всегда спрашивалъ себя: «что онъ дѣлаетъ? Какъ измѣнила его жизнь? Чѣмъ онъ занимается? Что онъ думаетъ обо мнѣ?»

Такъ прошло болѣе десяти лѣтъ. Я шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ,

мѣнялъ личину, подчиняясь закону перемѣнъ, сбросилъ съ себя обличье скромнаго ученаго, позналъ и оцѣнилъ сладость власти, словомъ, сталъ тѣмъ, что я есть. Никогда не думалъ я объ этомъ человѣкѣ. Никогда не занималъ онъ мѣста ни въ моей памяти, ни въ моей фантазіи. Однако, мнѣ пришлось свидѣться съ нимъ, и при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что можно было думать, что меня силою вынуждали вмѣшаться въ его судьбу.

Мордтманъ стоялъ передъ женою и, глядя ей прямо въ глаза, машинально отбивалъ правою рукою тактъ, какъ будто желая запечатлѣть свои слова у нея въ мозгу.

— Случилась въ высшей степени курьезная вещь,—продолжалъ онъ.—Прошло около десяти лѣтъ и я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ ожиданіи телефоннаго звонка. Сторожу было приказано никого не принимать. Телефонъ долженъ былъ сообщить мнѣ исходъ голосованія въ риксдагѣ, въ которомъ я былъ сильно заинтересованъ. Дѣло шло о желѣзной дорогѣ. Компанія купила акціи черезъ меня и по моему совѣту. Выгода была очень велика. Извѣщеніе объ исходѣ преній медлило. Дѣло сводилось къ тому, приметъ ли правительство желѣзную дорогу на себя, или нѣтъ.

Вдругъ вошелъ сторожъ съ карточкой Торстена.

— Завтра,—сказалъ я —Но сторожъ вернулся и за его спиной я увидѣлъ лицо Торстена Аабеля. Черезъ минуту онъ уже былъ у стола, по моему взгляду сторожъ вышелъ, и мы остались одни.

Тутъ я замѣтилъ, что Торстенъ блѣденъ, лобъ въ поту.

— Спаси меня,—услышалъ я его слова.—Дѣло идетъ о моей чести, о жизни, о будущемъ. Неужели ты думаешь, что я пришелъ бы къ тебѣ въ иномъ случаѣ?

— Завтра,—сказалъ я.—Не мѣшай мнѣ. Мнѣ необходимо быть одному.

— Будетъ слишкомъ поздно,—отвѣтилъ онъ.

Замѣть, я ни на минуту не могъ представить себѣ, въ чемъ дѣло. Иначе, быть можетъ, я не отвѣтилъ бы такъ, если не для него, то ради своего спокойствія. Но я не подозрѣвалъ опасности. Я зналъ только одно—мнѣ необходимо присутствіе духа, чтобы справиться съ сюпризомъ, который черезъ какихъ-нибудь пять минутъ могъ разрушить мои планы.

Нужно было выбирать между нимъ и мною, насколько я понималъ. Я испытывалъ лихорадочное напряженіе и смутно сознавалъ необходимость альтернативы.

— Завтра, я уже сказалъ,—повторилъ я.

Онъ поднялъ руки, а я схватился за колокольчикъ; мнѣ показалось—онъ хочетъ ударить меня. Вмѣсто того онъ съежился у меня на глазахъ и исчезъ въ дверяхъ, словно растаялъ въ воздухѣ.

Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ его ни въ дѣйствительности, ни въ

воображенiи. Или онъ, или я. Моя взяла. Онъ былъ побѣжденъ. Vae victis!

Фру Берта подняла глаза на мужа и беззвучно проговорила:

— Сразу послѣ этого съ Торстеномъ случилось несчастье.

— Я помню,—спокойно отвѣтилъ Мордтманъ.—Дня два, а можетъ быть недѣли двѣ спустя. Самая катастрофа въ сущности не произвела на меня большого впечатлѣнiя.

VII.

Фру Берта съежилась въ стулѣ, какъ будто ей было холодно. Забывъ о присутствiи жены, Мордтманъ шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ онъ, повидимому, утомился, походка его стала медленнѣе и онъ опустился въ кресло противъ жены.

— Извѣстно ли тебѣ, какимъ образомъ Торстенъ пришелъ къ своему послѣднему плану?—спросила фру Берта послѣ нѣкотораго молчанiя.

Мордтманъ медлилъ съ отвѣтомъ. Казалось, ему не очень хотѣлось возвращаться къ этому предмету.

— А тебя это интересуетъ?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Да,—спокойно отвѣтила фру Берта,— особенно послѣ твоего разсказа.

— Кое-что я слышалъ,—замѣтилъ Мордтманъ,—кое о чемъ я догадываюсь. То, что я слышалъ, носитъ крайне обыденный характеръ; то, о чемъ я догадываюсь, нѣсколько болѣе сложно, но потому, то и болѣе правдоподобно. Мнѣ кажется, мы съ нимъ гипнотизировали другъ друга. Онъ внимательно выслушивалъ мои планы, съ участiемъ слѣдилъ за ними. Отъ меня заимствовалъ онъ мысль, что не слѣдуетъ довольствоваться малымъ, если можешь получить больше. Мнѣ же принадлежитъ идея, что только тотъ, кто обладаетъ мужествомъ стать выше людского суда, можетъ со временемъ занять такое положенiе, что судъ этотъ не достигнетъ его. Я часто возвращался къ этому въ нашихъ разговорахъ.

Глядя на меня же, узналъ онъ, что, начавъ съ малаго, можно достичь многаго. Его вина, что онъ пользовался мелкими средствами.

Послѣ того, какъ мы разстались, онъ зажилъ широко. Это тебѣ извѣстно. Въ это время онъ тратилъ изъ своего наслѣдства и оно быстро изсякло.

При его образѣ жизни не могло хватить ни жалованья, ни побочнаго заработка... Если мои источники достовѣрны—въ этомъ дѣлѣ сыграла роль женщина. Кто она, я не далъ себѣ труда разслѣдовать, равнымъ образомъ я не знаю, какъ она была замѣшана. Онъ никогда даже не намекалъ на ея имя. И это вполнѣ естественно. Есть правило: честный человѣкъ никогда не долженъ компрометировать женщи-

ну. А въ Торстенѣ—сама знаешь—было какое-то старомодное рыцарство и оно шло къ нему.

— Ну, если бы онъ назвалъ эту женщину, развѣ это помогло бы ему?—спросила фру Берта.

— Я этого не говорю. Но какъ бы то ни было, онъ промолчалъ. Въ виду совокупности преступленій, многократный обманъ и подлогъ, его и постигло наказаніе въ высшей мѣрѣ.

— Четыре года,—вставила фру Берта,—долгій срокъ. Должно быть онъ тогда, въ послѣдній свой приходъ, собирался все тебѣ открыть и хотѣлъ просить пополнить растрату...

— Вѣроятно.

Фру Берта выпрямилась и на щекахъ у нея проступили красныя пятна.

— А какъ ты раньше съ нимъ обходился! Никогда я не ожидала этого отъ Торстена.

Мордтманъ, казалось, не придалъ значенія ни возбужденному виду жены, ни ея словамъ. Онъ улыбнулся своимъ собственнымъ мыслямъ и разсѣянно замѣтилъ:

— Ты не знаешь, на что способенъ мужчина, когда его побуждаетъ необходимость. Чтобы избѣжать худшаго, онъ можетъ поступить еще сквернѣе.

Затѣмъ онъ продолжалъ, какъ будто заканчивая мысль, которую держалъ въ умѣ все время, пока отвѣчалъ на вопросы жены и удовлетворялъ ея любопытство.

— Много времени прошло съ нашей послѣдней встрѣчи. Случилось все это въ 1896 году; четыре года Торстенъ долженъ былъ высидѣть. Въ этомъ году срокъ его истекаетъ. Число я забылъ... За эти годы я освободился отъ него, по крайней мѣрѣ мы не встрѣчались. Иногда я спрашиваю себя, будемъ ли мы видѣться съ нимъ, когда онъ снова появится среди живыхъ.

— А ты боишься этой встрѣчи?—спросила фру Берта.

— Во всякомъ случаѣ не желаю. Я желаю вычеркнуть его изъ своей жизни.

— Послѣ того, что между вами произошло, онъ едва ли захочетъ напоминать о себѣ.

Жестко и рѣзко звучали слова фру Берты, глаза ея зажглись недобрымъ огнемъ. Но Мордтманъ ничего не замѣчалъ. Мысль его работала въ иномъ направленіи. Въ его взорѣ появилось болѣзненное задумчивое выраженіе, сильно старившее его. Онъ ничего не говорилъ, весь съежился, и только рука, лежавшая на спинкѣ кресла, выдавала его волненіе.

«Что со мною теперь?—думалъ онъ.—Я не могу мыслить вполнѣ ясно. Десять лѣтъ не встрѣчались мы съ Торстеномъ. Четыре года отдѣляютъ меня отъ послѣдняго свиданія съ нимъ. Десять и четыре,

итого четырнадцать, но четырнадцатый еще не истекъ, значитъ всего тринадцать, а число «тринадцать» несчастное число. Я давно уже не думалъ о *немъ*. Почему же теперь все это всплыло въ моей памяти? Какъ темно стало у меня на душѣ... Поговорить еще и опять вернется прежнее состояніе. Снова мною овладѣетъ страшная усталость. Я перестану властвовать надъ собственною мыслью. Придутъ цифры, выстроются на бумагѣ... И я вынужденъ буду считать, считать. Въ концѣ концовъ и морфій будетъ безсиленъ помочь мнѣ, я навсегда утрачу способность спать. А тамъ...»

Кристіанъ Мордтманъ чувствовалъ, что безуміе готово охватить его. Слабѣющими, ускользавшими силами старался онъ отстоять свою власть надъ тѣмъ безпорядкомъ, который гнѣздился въ его душѣ и выступалъ всегда неожиданно, напоминая о томъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ поручиться за свое самообладаніе.

«Я не хочу, чтобы повторилась вчерашняя ночь», думалъ онъ.

«Не хочу!» Онъ поднялся, улыбаясь, овладѣвъ хаосомъ, неясный шумъ котораго уже достигалъ его слуха.

— Поздно,—сказалъ онъ.—Я усталъ. Покойной ночи, Берта!

Твердой походкой направился Мордтманъ къ себѣ, но едва закрылъ за собою дверь, какъ грустное чувство заставило его съежиться.

— Что это надвигается?—бормоталъ онъ.—Я слышу шумъ. Внутри меня... Стучитъ здѣсь у меня въ мозгу. Все явственнѣе и явственнѣе. Я не поддамся. Нѣтъ, не хочу.

Съ лихорадочной поспѣшностью раздѣлся онъ и легъ въ постель. Затѣмъ досталъ изъ ночного столика маленькій шприцъ, наполнилъ его свѣтлой бѣлой жидкостью, воткнулъ кончикъ иглы подъ кожу на лѣвой рукѣ, нажалъ и со вздохомъ облегченія откинулся на подушки. Тихо лежалъ онъ и ждалъ, пока блаженная улыбка не освѣжила его усталыя, вялыя черты.

— Хорошо, что я не согласился взять сидѣлку, — пробормоталъ онъ, поспѣшно загасилъ свѣчу и легъ, боясь, какъ бы наркозъ не улетучился прежде, чѣмъ придетъ желанный сонъ.

VIII.

Такъ закончилась встрѣча новаго года для Берты и Кристіана Мордтмана. Въ то время, какъ они говорили о несчастной судьбѣ Торстена Аабеля, наступило новое столѣтіе. Тихо, незамѣтно покинулъ ихъ старый вѣкъ и унесъ съ собою все пережитое горе, всѣ прегрѣшенія. Долго сидѣла фру Берта, будучи не въ силахъ отвести глаза отъ двери, закрывшейся за ея мужемъ. Если бы она могла послѣдовать своему желанію, она немедленно пошла бы за нимъ, чтобы провѣрить свое предчувствіе. Въ эту минуту она была убѣждена въ томъ, что ея самыя ужасныя опасенія оправдываются.

Она какъ будто прозрѣла, увидѣла вещи, какъ онѣ есть, и сказала себѣ: «Онъ борется съ болѣзнью. Нельзя иначе назвать то, что въ немъ происходитъ».

Она осталась на своемъ мѣстѣ, мысль приняла старое направленіе и она замѣтила себѣ: «Завтра, когда мы сойдемся, все будетъ по старому».

Иногда истина бываетъ столь ужасна, столь потрясающа, что человѣческій разсудокъ противится принять ее. Потому и фру Берта рѣшила ждать и посмотрѣть, что будетъ. Разсказъ мужа о послѣдней встрѣчѣ съ другомъ засталъ фру Берту врасплохъ: она ничего о ней не знала, но тѣмъ не менѣе ее покоробило отъ эгоизма, какимъ былъ проникнутъ этотъ разсказъ. Никогда еще не испытывала она такого раздраженія противъ мужа. Страшное чувство одиночества охватило ее и она оглянула большую чужую комнату, словно тюрьму, гдѣ ей суждено было отбыть свой срокъ.

«Что творится вокругъ насъ?—думала фру Берта.—Что творится съ нами самими? Исчезло все, что прежде наполняло его жизнь и мою. Все осталось позади. Здѣсь нѣтъ ничего, что могло бы хотя напомнить намъ о прошломъ. Мы живемъ въ этихъ трехъ комнатахъ, Кристіанъ, Юнгве и я. За стѣнами природа, повергнутая въ спячку. День идетъ за днемъ, никакихъ перемѣнъ; развѣ солнце блеснетъ и позолотитъ пустынный пейзажъ... Здѣшняя природа пугаетъ, а не отогрѣваетъ. Почему докторъ не послалъ насъ на югъ? Почему онъ такъ упрямо настаивалъ, чтобы мы поѣхали сюда? «Сѣверная природа закаляетъ, говорилъ онъ. На югѣ слишкомъ много разнообразія. Вашъ мужъ долженъ жить исключительно растительной жизнью. Пусть мысль его бездѣйствуетъ. Особенно остерегайтесь всѣхъ возбуждающихъ. Никакихъ спиртныхъ напитковъ. Самое большее стаканъ легкаго вина».

«Легко говорить,—продолжала думать фру Берта.—Бѣда только въ томъ, что мысль Кристіана работаетъ безъ передышки. Я увѣрена, что даже въ минуты одиночества, пожалуй, именно въ это время, мысль его особенно лихорадочно работаетъ. Вѣроятно, мысли не покидаютъ его и во снѣ. Странныя, безпорядочныя, онѣ показываютъ однако, что онъ поглощенъ прошедшимъ.

«Если бы мы всѣ такъ жили, кто сохранилъ бы равновѣсіе? Въ чемъ же, спрашивается, состоитъ его болѣзнь? Дѣйствительно ли онъ переутомился? Эта мысль скрывается за каждымъ его словомъ. Или онъ былъ лишь на границѣ безумія? Можетъ ли онъ излечиться?»

Дальше мысль фру Берты не шла.

Знай она больше о томъ душевномъ состояніи, о которомъ она раздумывала, положеніе ея стало бы одновременно легче и тяжеле. Теперь же всюду, куда ни старалась она проникнуть, ее встрѣчалъ

хаосъ, въ душѣ ея подымалось отчаяніе и мощной струею, леденящей и обжигающей въ одно и то же время, пронизывало все ея существо.

«Если бы я могла любить его попрежнему, быть можетъ, я могла бы помочь ему. Я чутьемъ угадывала бы его страданія, понимала бы его сокровенныя мысли, съумѣла бы найти путь къ его сердцу, и, быть можетъ, мнѣ удалось бы вернуть его къ жизни и къ себѣ самой...

«Теперь я ничего не могу. Теперь я сижу въ нѣмомъ ужасѣ, слушаю и смотрю. Всѣ наблюденія приводятъ меня лишь къ заключенію, что онъ страдаетъ, жестоко страдаетъ... Но помочь ему я не могу. Слишкомъ долго были мы разлучены и къ тому пути, гдѣ мы нѣкогда встрѣтились, нѣтъ возврата».

Сознавая все свое безсиліе, сидѣла одинокая женщина, болѣе одинокая чѣмъ когда-либо,—сидѣла страстно ожидая минуты, когда окончатся ея испытанія, когда явится возможность вернуться въ ту среду, гдѣ она чувствуетъ себя дома. «Пусть будетъ, что будетъ,—думала она.—Все лучше, чѣмъ это ужасное одиночество и безсиліе». Фру Берта страстно жаждала людского общества и считала дни, которые предстояло прожить въ изгнаніи. Она боялась неизвѣстности, опасалась самаго худшаго, но не хотѣла помощи. Слишкомъ унизительнымъ казался ей этотъ страхъ и ничто не могло быть хуже, чѣмъ поддаться ему и потомъ стыдиться своей слабости и нервозности.

Слишкомъ хорошо знала она, когда угасла ея любовь къ мужу, что дало къ этому толчокъ, убившій въ ней женственность и обратившій ее въ думающую счетную машину, какъ она въ минуты уединенія любила называть себя. Много времени минуло съ той поры и она изъ молодой, нѣжно-любящей жены, жившей для мужа и своего очага, обратилась въ настоящую свѣтскую даму, которая принимаетъ участіе во всѣхъ столичныхъ развлеченіяхъ, играетъ роль, устраиваетъ базары, занимается благотворительностью и предсѣдательствуетъ въ салонѣ извѣстномъ своимъ изяществомъ и изысканнымъ гостепріимствомъ, соединявшемъ въ своихъ стѣнахъ пестрое общество денежной аристократіи, представителей литературы, науки и искусства, что является тріумфомъ для современной общественной жизни. Фру Берта знала, что нужна своему мужу и ей это было пріятно.

Ея спокойная привѣтливая манера, тонкій тактъ, умѣнье держать себя со всѣми, ея солидное образованіе, позволявшее ей улыбаться про себя тѣмъ перламъ, какими уснащали свою рѣчь ея хуже вооруженныя сестры, все это вмѣстѣ взятое создало великолѣпную рекламу Мордтману.

Жизнь научила ее относиться снисходительно къ пороку, къ различнымъ воззрѣніямъ, и свѣтъ являлся для нея сценой, внутренняя

механика которой утратила въ ея глазахъ свой таинственный характеръ. Не зная страстей, замкнувшись въ себѣ, свободно вращалась она въ свѣтѣ, боясь только какъ бы ей не оказаться въ положеніи неудачника.

Когда въ ней исчезла любовь, она обрѣла въ себѣ центръ, откуда женщина, какъ и мужчина, можетъ смотрѣть на міръ съ точки зрѣнія простого наблюдателя; это доставляло ей удовольствіе и одновременно усыпляло въ ней все, что могло побудить къ дѣйствію ея природу и тѣмъ нарушить равновѣсіе. Инстинктивно избѣгала она всего, что могло прервать этотъ покой.

«Я слишкомъ мертва, чтобы сдѣлать это», думала иногда фру Берта, разбираясь въ своей жизни.

Въ сущности въ ея устахъ это являлось только фразой и она, думая такъ или говоря, обманывала себя самое. Все, чѣмъ занималась фру Берта, не исчерпывало, однако, для нея понятія жизни. Она чувствовала себя обманутой, не потому, что жизнь не оправдала ея вѣры, а потому, что она сама не достигла желаннаго.

Когда она начала замѣчать все это, ея женственность замерла, не теряя, однако, жизнеспособности. Все вокругъ утратило характеръ дѣйствительности и ей временами казалось, что она сказочная принцесса: сто лѣтъ спитъ она, но скоро придетъ рыцарь, и разбудитъ ее и унесетъ. А дворъ у нея былъ такой, что любая принцесса могла бы позавидовать. Поэты и художники добивались чести быть ея гостями, убѣленные сѣдинами мужи науки произносили рѣчи на ея банкетахъ, крупные дѣльцы выражали ей свою почтительную преданность. Но для фру Берты все это было лишь сномъ. Съ присущей ей ясностью она видѣла усилія мужчинъ и понимала цѣль мелочнаго соперничества женщинъ. Удовлетвореніе тщеславія было и оставалось чуждымъ ея натурѣ; несмотря на всю строгость къ себѣ, въ душѣ ея оставалось мѣсто какой-то чувствительности, которая порою румянцемъ вспыхивала на щекахъ и придавала взгляду выраженіе глубокой грусти.

Однажды и ея спокойствіе подверглось опасности настолько серьезной, что вся призрачная обстановка, среди которой она жила, готова была распасться. Но этого не случилось. Фру Берта осталась въ границахъ, предписанныхъ ея обществамъ; а если бы она и преступила ихъ, ни одна дверь не закрылась бы предъ нею, кромѣ развѣ тѣхъ, въ которыя она и не входила. Въ ея кругу браку не придавали большого значенія, а супружеская вѣрность была предметомъ шутокъ.

Почему же этого не случилось? Да потому, что фру Берта въ глубинѣ души вѣрила въ то, что считала долгомъ, но о чемъ молчала передъ другими. Она часто сама удивлялась, откуда взялась эта вѣра, настолько она противорѣчила и ея собственной жизни, и тѣмъ принципамъ, которыми руководились другіе.

То же чувство долга удерживало ее подлѣ Кристіана теперь, когда

онъ оставилъ работу и домъ, чтобы возстановить разстроенное здоровье.

Многіе пытались истолковать этотъ типъ женщины, но въ сущности никто не успѣлъ въ этомъ и всѣ отдѣлывались лишь пустыми фразами. Фру Берта, пожалуй, могла бы помочь и дать нѣкоторыя объясненія. Но она обладала великимъ искусствомъ молчать, не будучи невѣжливой, а о себѣ, въ противоположность большинству женщинъ, она никогда не говорила.

Такое молчаніе можетъ иногда обратиться въ пытку для самого человѣка, хотя онъ и сознаетъ, что въ этомъ молчаніи его сила.

Сидя одна, фру Берта желала имѣть около себя кого-нибудь, съ кѣмъ она могла бы поговорить, не только подѣлиться своими заботами, но поговорить о себѣ самой:

«Одинъ бы разъ откровенно поговорить съ кѣмъ-нибудь! Какое бы это дало облегченіе! Отчего я никогда не могла этого?».

Съ этою мыслью фру Берта подошла къ окну, отодвинула занавѣску и стала смотрѣть на небо, на звѣзды, какъ любила дѣлать, когда еще была молоденькой дѣвушкой, когда жизнь казалась простой и чистой. «Я никогда ни съ кѣмъ не говорила по душѣ», думала она. Давно уже не задумывалась она надъ собою. А теперь словно что-то выросло у нея въ душѣ, она не могла справиться съ тѣми мыслями, которыя давно уже считала мертвыми: онѣ ожили и взмахивали усталыми крыльями.

«Можетъ быть, я не такая, какъ прочіе люди», продолжала она думать.

Но анализъ съ быстротою молніи разрушилъ это чувство исключительности, льстившее ея гордости.

«Нѣтъ, нѣтъ,—говорила она себѣ.—Таковъ общій удѣлъ. Нужно только привыкнуть, а тамъ пусть жизнь скользитъ...»

Фрю Берта все стояла у окна и вглядывалась своимъ яснымъ взоромъ въ зимнюю ночь.

Разсказъ Кристіана Мордтмана зародилъ безпокойство у нея въ душѣ, вызвалъ въ памяти прошлое. Тихо, медленно ползли воспоминанія, беззвучная, безымянная тоска снова начинала свою жалобу,—тоска, которая лишь спала, но отнюдь не умерла.

Однимъ именемъ была полна ея душа, одинъ образъ рисовался въ ея воображеніи, и она впервые, послѣ долгихъ лѣтъ, задумалась надъ тѣмъ, всегда ли человѣкъ знаетъ свой долгъ и не случается ли иногда, что долгъ этотъ выводитъ насъ на ложный путь.

Слезы готовы были брызнуть у нея изъ глазъ, но она сдержалась и попрежнему продолжала смотрѣть, какъ звѣзды мерцали и дрожали, какъ будто кружились въ хороводѣ, смотрѣла на снѣгъ, бѣлѣвшій въ сумеркахъ, на чернѣвшій лѣсъ.

IX.

Каждый день фру Берта проводила черту и зачеркивала число въ своемъ календарѣ. Она отнюдь не была спокойна за своего мужа, но дни проходили, и она видѣла уже конецъ тоскливаго существованія въ четырехъ стѣнахъ съ короткимъ зимнимъ днемъ съ длинными зимними ночами.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Кристіанъ не возвращался къ предметамъ, которые прежде занимали его, и фру Берта была этому рада. Она считала это добрымъ признакомъ и увѣряла себя, что возбужденіе скоро уляжется. Она надѣялось, что ея воспоминанія, проснувшіяся зимнею ночью и оказавшіяся менѣе поблеклыми, чѣмъ можно было думать, вернулись въ свой тихій уголъ въ ея сердцѣ, гдѣ они издавна гнѣздились.

Однако, отъ инстинкта фру Берты не ускользнуло, что она сама измѣнилась въ теченіе этихъ недѣль, которыя, благодаря одиночеству и однообразію, казались длинными, какъ годы. Когда она думала о томъ, что скоро вернется въ столицу, будетъ гулять по набережной, сидѣть въ оперѣ, принимать гостей, созывать засѣданія, говорить и слушать — все это казалось ей столь невѣроятнымъ, какъ будто совсѣмъ не существовало, тогда какъ, напротивъ, маленькій бѣлый отель на лѣсной опушкѣ, его простая столовая, молодой пасторъ, скромно обѣдавшій неподалеку отъ ихъ стола, хозяйка, порхавшая по комнатѣ, проѣзжая дорога, бѣжавшая мимо оконъ, лѣсъ, горы, темнота и звѣздное небо, все, что ей предстояло скоро покинуть,—все преобразилось.

Въ то же время она чувствовала и сознавала свою слабость, что ей здѣсь нѣтъ мѣста. Было нѣчто, исключавшее ее изъ этой жизни, которая въ глубинѣ таила больше интереса, чѣмъ она думала и чѣмъ ей суждено было узнать. Вѣдь и здѣсь живутъ люди и живутъ своею жизнью.

Какъ-то разъ зазвонилъ церковный колоколъ.

— Что это значитъ?—спросила фру Берта горничную.

— Звонъ за упокой души,—отвѣтила та.—Сегодня ночью умерла тетушка Ольсонъ.

— За упокой души, красивое слово,—подумала фру Берта.—Здѣсь звонятъ по каждомъ человѣкѣ, все равно, бѣдный умеръ или богатый. Мы здѣсь уже нѣсколько недѣль, а до сихъ поръ еще не слыхали звона. Не тѣсно живутъ здѣсь люди.

Не скоро освободилась фру Берта отъ этого впечатлѣнія. Въ ней еще глубже утвердилось чувство собственной отчужденности въ этомъ мірѣ, гдѣ тоже рождались люди, жили, вступали въ бракъ и умирали. Они интересовались другъ другомъ, сочувствовали другъ другу, жили

общей жизнью, а не для того только, чтобы отдать силу, придти въ негодность и быть выброшенными за бортъ.

Такъ говорилъ мужъ, и фру Берта не находила въ этомъ ничего страннаго. Таковъ ходъ вещей, а ходъ вещей, говорятъ, никто не можетъ измѣнить. А, можетъ быть, это не вѣрно?.. Быть можетъ, ходъ вещей постоянно мѣняется. Чтò теперь наверху, можетъ оказаться внизу... Быть можетъ, прошлое имѣло иной видъ, чѣмъ имѣетъ настоящее? Кто знаетъ?..

Чего-чего не передумаетъ человѣкъ въ одиночествѣ, и опасно дать волю думамъ. Думы приходятъ, когда ихъ меньше всего ожидаешь. Мысли—какъ тролли. Онѣ проходятъ сквозь замочныя скважины, прокладываютъ себѣ путь чрезъ стѣны, и тамъ, куда проникаютъ, остаются, сколько имъ заблагоразсудится. Онѣ сидятъ на краю постели и не даютъ покоя тому, кого разъ посѣтили. Онѣ хуже троллей, противъ нихъ безсильны и Библія, и крестъ, онѣ не боятся ни кинжала, ни пуль. Какъ прилежные грызуны, трудятся онѣ надъ всякою гнилью, и тотъ, кто не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, боится ихъ, какъ чумы.

Все измѣнилось для фру Берты съ тѣхъ поръ, какъ она стала прислушиваться къ этимъ незримымъ существамъ, чьей скрытой работы она уже давно не замѣчала.

Сколько мыслей переслушала она въ былыя времена! Тутъ были и великія, и новыя мысли, мысли поражающія, веселыя, поэтическія, пылкія и холодныя, тонкія и остроумныя, возвышенныя и даже циничныя мысли. Все это она слышала и знала, что, по увѣреніямъ почтенныхъ людей, никогда не чувствуешь такого обилія мыслей, какъ въ то время, когда мы, слабые смертные, обладаемъ счастливою способностью открыто смотрѣть на дивный свѣтъ звѣздъ-мыслей, сверкающихъ вокругъ искры въ фейерверкѣ.

Но фру Берта въ сущности считала, что мысли служатъ для развлеченія, и даже забыла, что есть другой взглядъ. Никогда не испытывала она безпокойства, которое мысли могутъ причинять равнодушному, пресыщенному человѣку. Она спокойно принимала все, что ей давали книги и люди. Все это наполняло ея душу, какъ наполняютъ бочку, съ тѣмъ, чтобы ее можно было опорожнить и занять чѣмъ-нибудь другимъ. Ничто не оставалось. Она помнитъ цѣлый потокъ мыслей, онѣ развлекали ее лучше, чѣмъ все прочее: она была настолько развита, что презирала тотъ грубый родъ развлеченій, которымъ удовольствуется толпа.

И вотъ теперь впервые въ жизни мысли стали ее безпокоить. Каждый день новый рой пробуждался въ ея душѣ. Самое ничтожное обстоятельство вызывало ихъ къ жизни, а если не было повода, мысли являлись сами по себѣ.

«Съ тобою хотимъ мы говорить,—казалось, говорили онѣ.—Ты

никогда не обращала на насъ вниманія. Тебя мы ищемъ, тебя, твое сокровенное «я». Именно твое «я» хотимъ мы получить въ свою власть, мы хотимъ, чтобы ты повиновалась голосу своей собственной мысли, не заглушала бы его. Мы не потерпимъ, чтобы нами играли. Мы сильнѣе, чѣмъ всѣ властители міра, хотя бываютъ времена, когда намъ не придаютъ серьезнаго значенія».

Подъ вліяніемъ подобныхъ впечатлѣній фру Берта однажды вечеромъ пристальнѣе обыкновеннаго вглядѣлась въ мужа.

«Онъ имѣетъ видъ настоящей развалины», подумала она. Инстинктивно старалась она отвести глаза отъ лица мужа, но не могла. Кристіанъ поймалъ взглядъ жены и прежде чѣмъ она успѣха опомниться, спросилъ, какъ будто отвѣчая на ея нѣмой вопросъ:

— Ты находишь, что у меня очень измученный видъ?

На словѣ *очень* онъ сдѣлалъ удареніе.

Фру Берта вздрогнула и отвернулась. Отвѣтить правду было столь же невозможно, какъ и промолчать. При данномъ настроеніи фру Берта почувствовала себя обезсиленной, почувствовала, что ея самообладаніе, пріобрѣтенное съ такими усиліями, готово покинуть ее. Въ ней заговорило пережитое страданіе и она, не думая о послѣдствіяхъ, отвѣтила:

— Измученный? Ахъ, Кристіанъ, кто изъ насъ болѣе измученъ, ты или я?

Послѣ того, какъ слова были уже сказаны, фру Берта готова была вернуть ихъ назадъ какой угодно цѣною. Можно было думать, что этими словами она призвала судьбу на свою голову.

Мордтманъ, казалось, былъ ошеломленъ, и, повидимому, забылся:

— Ты?—сказалъ онъ.—Ты? Да почему ты можешь быть измучена?

Фру Берта наклонилась впередъ, и вся кровь прилила къ ея щекамъ.

— А ты, дѣйствительно, интересуешься мною?—глухо замѣтила она.

Не ожидая отвѣта, она начала говорить. Сперва тихимъ голосомъ, опустивъ голову, потомъ все горячѣе, какъ будто ожидая чего-то отъ своихъ словъ.

Во все время ея разсказа Мордтманъ сидѣлъ неподвижно, и лицо его, бывшее въ тѣни, становилось все темнѣе и темнѣе. Иногда онъ вставлялъ слово или замѣчаніе, показывавшія, что онъ слушаетъ и слѣдитъ.

— Ты много говорилъ о себѣ и о своей жизни, — начала фру Берта.—Я слушала, и въ одиночествѣ могла хорошо обдумать. Я передумала обо всемъ, что было, и время нашего заключенія показалось мнѣ очень долгимъ. Прошлое не возвращается, и наши ошибки не могутъ быть исправлены. Ты—таковъ, какъ есть, и я, такова, какою стала. Такова жизнь и мы оба подлежимъ ея законамъ.

— А развѣ это не общая участь?—вставилъ Мордтманъ.

— Такъ думала и я,—продолжала фру Берта.—Что́ я думаю теперь,

и чего не думаю—я и сама не знаю. Я не знаю, является ли твоя откровенность слѣдствіемъ одиночества, но я не могу долѣе сдерживаться, не могу таить въ себѣ все, что накипѣло во мнѣ, что мучило меня въ минуты одиночества, просилось наружу. Замѣть, Кристіанъ: я не жду отъ своихъ словъ никакихъ перемѣнъ. Я знаю, что мнѣ не нужно выбирать свои слова, они не могутъ заставить тебя страдать: настолько мы съ тобою стали чужды другъ другу. Я говорю единственно для того, чтобы яснѣе представить себѣ все, о чемъ я думаю. Для тебя же мой разсказъ не можетъ имѣть иного значенія, чѣмъ сказка изъ тысячи и одной ночи, которыми Шехеразада сокращала султану безсонныя ночи.

Понимаешь ли ты, Кристіанъ, что значитъ, когда молодая женщина, не знающая жизни и только мечтающая о ней, начинаетъ любить? Есть мужчины, которые это понимаютъ. Я всегда смѣялась надъ женщинами, которыя, будучи несчастными, утѣшаются тѣмъ, что воображаютъ себя счастливыми. Было время, когда я думала, что и ты знаешь это, и много потребовалось времени, чтобы я замѣтила свое заблужденіе. Однако, ты помнишь первое время нашей брачной жизни. Ты самъ говорилъ о немъ, и я услышала, что ты вспоминаешь о немъ совсѣмъ иначе, чѣмъ я. Я вышла, Кристіанъ, изъ бѣдной семьи, но не несчастной.

Любилъ ли мой отецъ мою мать такъ, какъ изображаютъ любовь въ книгахъ, я не знаю и никогда объ этомъ не думала. Я знаю только, что онъ былъ къ ней добръ и по своему, грубовато, всегда показывалъ, что никогда не забываетъ о ней. Когда онъ вечеромъ возвращался домой, мы, дѣти, собирались вкругъ него, и потомъ даже, когда мы подросли, пожалуй, тогда особенно любили его общество; я какъ дѣвушка, хотя и мечтала о томъ, чтобы уйти, мечтала о болѣе яркой, свободной жизни, чѣмъ жизнь въ бѣдной семьѣ въ маленькомъ захолустномъ городкѣ, все-таки порою мнѣ приходило въ голову, что никогда мнѣ не было такъ хорошо, какъ тогда.

Отецъ умеръ, мать скоро послѣдовала за нимъ. Я не часто видѣлась съ ними съ тѣхъ поръ, какъ ты замѣнилъ для меня все. Братья и сестры мои разбрелись по свѣту, и мы едва разъ въ годъ обмѣниваемся письмами. Ты отстранилъ меня отъ всѣхъ, кто былъ мнѣ всего ближе въ мірѣ, или, точнѣе, ты взялъ меня отъ нихъ. И я охотно пошла за тобою. Я сказала себѣ: «и пойдетъ жена за мужемъ, и мужъ замѣнитъ ей все, и, кромѣ него, не будетъ у нея ничего». Такъ я мечтала и думала, такъ я хотѣла.

Я желала этого отъ всей души, потому что я видѣла, таково твое желаніе. Ты принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не терпятъ никакихъ узъ, и я считала, что это есть непремѣнное свойство мужского характера. Отчасти это такъ, но въ сущности, ты по натурѣ гораздо холоднѣе, чѣмъ ты самъ подозрѣвалъ. Теперь же я услы-

шала отъ тебя самого, что ты знаешь это и даже создалъ себѣ соотвѣтственную философію.

Но тогда я шла за тобою и въ моихъ глазахъ все, что ты дѣлалъ, было хорошо. Первое время моего замужества я была счастлива, Кристіанъ, такъ счастлива, что я теперь не могу безъ боли думать объ этомъ, и въ то же время я недоумѣваю, дѣйствительно ли такъ было, или я и тогда уже обманывала себя. Одного только я боялась. Я боялась, что твоя любовь ко мнѣ—плодъ твоего воображенія, я чувствовала и сознавала свое ничтожество. Не разъ высказывала я это и тебѣ, но ты улыбался и отрицалъ. Я была счастлива твоими увѣреніями, но въ минуты одиночества просыпалось во мнѣ какое-то жуткое предчувствіе. «То, что ты говоришь,—думала я,—онъ понимаетъ иначе, чѣмъ ты». Мысль эта пугала меня. Но больше всего я боялась чѣмъ-нибудь въ своихъ поступкахъ противорѣчить тебѣ. А это случилось. Быть можетъ, ты забылъ уже объ этомъ. Въ сущности ты часто критиковалъ меня, и мнѣ казалось страннымъ, какъ можешь ты, любя, такъ строго судить меня, будто ты раскаиваешься, будто все наше будущее видишь въ мрачномъ свѣтѣ. Но я не слишкомъ огорчалась. Я думала: «Я исправлюсь. Я стану такою, что онъ всегда будетъ любить меня, какъ я его люблю».

Я никогда не замѣчала нашей нужды, никогда, пока ты въ одинъ прекрасный день не разсказалъ мнѣ, что тебѣ предложили нѣчто новое, что мы можемъ начать новую жизнь. Въ чемъ предложеніе это заключалась, я не вполнѣ поняла. Я видѣла только, что ты доволенъ и счастливъ, что будущее рисуется тебѣ въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Я радовалась за тебя, какъ всегда, и новая жизнь, въ которую мы вступили, сулила мнѣ радость, потому что я жила для тебя. Среди развлеченій, въ толпѣ людей я могла жаждать остаться съ тобой наединѣ. Но я принуждала себя не думать объ этомъ, потому что инстинктивно чувствовала, что въ противномъ случаѣ я потеряю тебя.

Именно въ то время, когда намъ матеріально жилось легче и свѣтлѣе, я иногда съ грустью вспоминила о томъ времени, когда мы должны были расчитывать и урѣзывать себя, когда удовольствія у насъ были рѣдкостью, и когда я, какъ и ты, была счастливѣе. Мнѣ страннымъ казалось, что ты не испытывалъ подобнаго ощущенія. Но мысль эта ускользала, какъ и все, что могло унизить тебя въ моихъ глазахъ или могло представить тебя иначе, чѣмъ ты мнѣ казался, чѣмъ я желала тебя видѣть.

Былъ, однако, вопросъ, къ которому я часто мысленно возвращалась. Я страстно желала имѣть ребенка. Каждая женщина мечтаетъ объ этомъ. А я желала этого настолько, что неохотно бывала, въ семьяхъ, гдѣ были дѣти. Я не могла видѣть, какъ они улыбались своимъ матерямъ, не могла видѣть счастья матерей. Я чувствовала себя нищей.

Это была единственная вещь, которую я скрывала отъ тебя и въ то же время я радовалась, что у насъ не было дѣтей. Я страшилась той минуты, когда мнѣ придется сказать тебѣ о томъ, что составляетъ счастье семьи, я боялась этого въ такой степени, что мнѣ страшно было за себя и совѣсть мучила меня.

Впослѣдствіи я поняла, я узнала, что инстинктъ нашъ можетъ быть сильнѣе, чѣмъ всѣ голоса, къ которымъ мы считаемъ себя въ правѣ прислушиваться. Но тогда я мучилась невыразимо. Безпрестанно въ ушахъ у меня звенѣлъ вопросъ: почему? Почему?.

Насталъ день, когда я поняла, въ чемъ заключался этотъ страхъ. День этотъ совпалъ съ тѣмъ днемъ, когда я повѣдала тебѣ тайну, о существованіи которой ты долго не подозрѣвалъ. Я, какъ сейчасъ, вижу тебя передъ собою: неподвижный, безмолвный, съ такимъ выраженіемъ лица, будто на тебя обрушилось несчастье, разбившее всѣ твои планы. «Ребенокъ», сказалъ ты. «Ребенокъ. Какъ разъ теперь». Ты былъ поглощенъ борьбою, борьбою за то, чтобы доказать міру, что неудача тебя не сломила, что ты пробьешься, заставишь міръ перейти на твою сторону, завоюешь себѣ положеніе. Увидя тогда выраженіе твоего лица, я впервые поняла, что значила эта борьба. Она измѣнила тебя, Кристіанъ, пробудила въ тебѣ новаго человѣка, который съ тѣхъ поръ всѣми силами душилъ и попиралъ того, какимъ ты былъ раньше. Пожалуй, даже не такъ. Ты всегда былъ тѣмъ, что ты есть. Только раньше это не было замѣтно, а теперь ты лишь сбросилъ покровъ и выступилъ въ своемъ истинномъ видѣ.

Фру Берта помолчала съ минуту, какъ будто ей было не подъ силу продолжать. Потомъ спросила:

— Я тебя разстраиваю?

Мордтманъ покачалъ головою я коротко замѣтилъ:

— Ничуть. Меня это очень интересуетъ. Все, что ты говоришь, для меня совершенно ново.

— Я вѣрю,—отвѣтила фру Берта.—Для тебя это должно быть ново

А вотъ для меня все это такъ старо, что я давно уже считала, что это умерло и похоронено. Ты шелъ своимъ путемъ, оставивъ неоконченнымъ все, чего прежде желалъ.

Я все прекрасно понимаю. Деньги и власть манили тебя, а слава заставляла себя ждать. Люди плохо цѣнили тебя, а ты жаждалъ ихъ признанія, желалъ его немедленно, въ полной мѣрѣ, безъ сомнѣній въ себѣ самомъ, безъ противорѣчій со стороны. Это дается деньгами. Много есть тебѣ подобныхъ. Они бросаются въ спекуляціи только потому, что деньги манятъ ихъ. Туда стремятся врачи и ученые, учителя и администраторы, литераторы. Деньги, предметъ ихъ вожделѣній, приходятъ, если счастье имъ улыбнется. Но деньги часто и у многихъ высушиваютъ мозгъ.

— Ты знаешь это?

Мордтманъ улыбнулся снисходительно, какъ ребенку.

— Я наблюдаю это, по крайней мѣрѣ,—спокойно продолжала фру Берта. — Я тебя не осуждаю. У меня достаточно, болѣе, чѣмъ достаточно, поводовъ, чтобы осуждать себя самое. Но я никогда не забуду того дня, когда ты холодно взглянулъ на меня за то, что я должна была произвести на свѣтъ твоего ребенка. Ты жилъ своею жизнью, у тебя были свои заботы. Тебѣ было не до меня. Сотни разъ повторяла я это себѣ. А я находилась подъ очарованіемъ всего, что ждало меня. Вѣдь въ этомъ заключалась для меня вся жизнь, всѣ мои мечты, ожиданія. И счастье мое было такъ тѣсно связано съ моимъ чувствомъ къ тебѣ, что я не только не могла раздѣлить ихъ, но даже не могла разсматривать порознь.

Потому-то я не могла утѣшиться, я словно раздвоилась, Кристіанъ, и каждая часть существовала отдѣльно, независимо отъ другой. Одну половину занималъ ребенокъ, другая принадлежала тебѣ,— оставалась лишь внѣшность. Мало того, что ты холодно взглянулъ на наше счастье, ты продолжалъ и дальше въ этомъ направленіи. Для тебя это не составляло счастья. Мало того, пожалуй несло съ собою несчастье. Ну, если не несчастье, во всякомъ случаѣ непріятность. Такъ просто и низменно казалось для тебя то, что для меня было всего выше. Оно становилось тебѣ поперекъ дороги, было тебѣ невыносимо. Ребенокъ! Зачѣмъ тебѣ ребенокъ, тебѣ, когда ты боролся за то, что считалъ крупнымъ? Развѣ ты могъ думать о чемъ-нибудь, кромѣ того, что было *твоимъ*? Въ твоихъ мысляхъ не было мѣста для этого. Ребенокъ былъ твой и ты не видѣлъ ничего особеннаго въ его появленіи. Онъ не связывалъ тебя со мною. Онъ только наполнялъ тебя смутной непріязнью, потому что ты сознавалъ, что не можешь избѣжать этого, совсѣмъ не замѣтить. Временами тебѣ приходилось задумываться надъ этимъ обстоятельствомъ.

— У меня тогда не было на это времени,—сухо замѣтилъ мужъ.

— Ни тогда, ни потомъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.—Ребенокъ принадлежалъ мнѣ, мнѣ одной и только моимъ онъ и остался. Много, очень много понадобилось времени, чтобы я свыклась съ этимъ. Робко, съ бездной неразрѣшенныхъ вопросовъ слѣдила я за проходившими днями и единственнымъ выходомъ казалась мнѣ надежда на смерть.

Серьезно я не вѣрила въ это и потому старалась научиться искусству нести бремя ожидавшей меня жизни.

Я думаю, я имѣю право сказать, что съумѣла. Никогда до этой минуты я не давала тебѣ понять, что творилось со мною тогда, что ты сдѣлалъ изъ меня. Два раза, въ то время, какъ ты говорилъ о себѣ и о своихъ дѣлахъ, признаніе о томъ, что выстрадала я за это время, срывалось съ моихъ губъ. Быть можетъ, даже трижды. Не помню.

Ты меня не слушалъ. Мои слова не достигали твоего слуха и тогда, когда я заговорила. Теперь узнай, Кристіанъ,—въ то время, когда сбывалась мечта, когда меня, какъ женщину, жизнь дарила своей нѣжностью и лаской, тогда-то именно замкнулось мое сердце, въ немъ вымерзло все тепло. Тогда понемногу мнѣ стало ясно то, что ты теперь только подтвердилъ на словахъ. Тогда утратила я то, чего мнѣ никогда уже не вернуть. Тогда же—не знаю какъ—стала я *такою, какая* я есть теперь. Женщина, которая идетъ объ руку съ тобою, только тѣнь той, которая когда-то, полная жизни, лежала въ твоихъ объятіяхъ.

Случилось еще нѣчто другое. Я стала бояться будущаго ребенка. Я боялась его потому, что онъ казался мнѣ вампиромъ, сосущимъ мою кровь, хуже того—онъ разлучилъ меня съ тобою, отнялъ у меня счастье. Я отводила глаза въ сторону, чтобы не видѣть его; не на радость родился онъ, и я даже не радовалась его появленію. Онъ былъ дитя печали, такъ я его и называла въ мысляхъ.

Однако, онъ сталъ для меня всѣмъ, и съ каждымъ днемъ становится все дороже. Онъ болѣзненный, замкнутый, скороспѣлый ребенокъ. Да и какъ могло быть иначе вѣдь онъ вскормленъ моими страданіями, въ то время какъ душа моя замкнулась и навсегда замерзла? Я хочу оградить его, онъ не долженъ преждевременно узнать холодъ жизни, этотъ опытъ не минетъ его, какъ и остальныхъ. Я сама своими руками постелю его мягкое ложе. У него нѣтъ никого, кромѣ меня, мы съ тобою стали чужими другъ другу съ того момента, какъ ты получилъ то, ради чего пожертвовалъ нами обоими.

X.

Мордтманъ перемѣнилъ положеніе. Онъ опустилъ голову на руку, и на лицѣ его явилось напряженное выраженіе, словно онъ стремился вспомнить старую, но давно забытую мелодію. Онъ прислушивался къ тому, что дѣлалось, въ душѣ у него самого. Душа его вышла изъ обычныхъ рамокъ, только сильный мозгъ сдерживаетъ его, мѣшаетъ его существу распасться такъ, чтобы всѣ видѣли это. Когда фру Берта кончила онъ нашелся только спросить:

— Не говоришь ли ты больше, чѣмъ чувствуешь?

Фру Берта и не подозрѣваетъ, насколько Кристіанъ Мордтманъ далекъ отъ нея въ своихъ мысляхъ, отъ всего, что онъ говоритъ. Потому она говоритъ:

— Да. Я, дѣйствительно, говорю больше, чѣмъ чувствую теперь. Давно уже утратила я способность чувствовать что-нибудь. Я сама сказала тебѣ, что я стала другимъ человѣкомъ, чѣмъ была прежде. Но было время, когда я чувствовала все это, и мое несчастье, что я не могла забыть. Въ то время какъ я прислушивалась къ твоему

разсказу, и въ одиночествѣ предавалась воспоминаніямъ,—прошлое вновь ожило въ душѣ моей. Тутъ я увидѣла, чѣмъ я была нѣкогда и что со мною сталось. Вспомнила я еще нѣчто. Это воспоминаніе красивѣе всего и стоитъ въ связи съ остальнымъ.

Фру Берта смолкла и встала, чтобы подложить дровъ въ каминъ. Мордтманъ слѣдилъ за ея движеніями, но не замѣтилъ, какъ на ея лицѣ появилось выраженіе молодости.

— Что ты подразумѣваешь?—равнодушно спросилъ онъ.

Фру Берта сѣла такъ, что лицо ея осталась въ тѣни, и заговорила:

— Помнишь ли ты разговоръ подъ новый годъ? Помнишь, мы говорили о Торстенѣ Аабель?

— О Торстенѣ?

— Да, о Торстенѣ. Я раздумывала надъ твоимъ разсказомъ и не вѣрю въ его правдивость. Но я давно уже знала все, о чемъ ты говорилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Мордтманъ выпрямился, и на лицѣ его явилось напряженное лукавое выраженіе.

— Я могу сказать тебѣ,—проговорила фру Берта и голосъ ея звучалъ ровно и спокойно,—что въ то время, когда я была всего болѣе одинока,—я только что говорила объ этомъ времени,—онъ понималъ и то, что я одинока, и то, почему я страдаю. Онъ говорилъ со мною объ этомъ и я благодарна ему. Я не жаловалась, Кристіанъ. Не бойся. Онъ просто видѣлъ то, чего ты не замѣчалъ,—видѣлъ, что я покинута и боюсь будущаго, онъ понималъ, что такого состоянія не должна испытывать женщина, которая готовится стать матерью.

Все это онъ видѣлъ и нѣжно дружески выражалъ мнѣ участіе, самъ не подозрѣвая, что даетъ мнѣ силу продолжать жить. Я сильно привязалась къ нему за то, что онъ поддержалъ меня, какъ человѣкъ, отнюдь не давая мнѣ почувствовать, что въ его отношеніи ко мнѣ играетъ роль инстинктъ мужчины. Между нами завязалась дружба, которой я никогда не забуду.

Какъ-то разъ онъ зашелъ въ твое отсутствіе и остался потому, что ты телефонировалъ, что скоро вернешься домой.

Мы сидѣли, и онъ вдругъ заговорилъ о томъ, что изо дня въ день мучило меня. Онъ говорилъ о томъ, что я одинока, о томъ, какъ опасно для насъ—онъ подразумѣвалъ насъ съ тобою, Кристіанъ,—что я именно въ то время разбиралась въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ результатѣ могла накопиться горечь, которая будетъ всего опаснѣе.

Мнѣ хотѣлось бы передать тебѣ не только содержаніе разговора, но и тонъ его. Ты, быть можетъ, помнишь, что у Торстена была манера прямо подходить къ дѣлу, когда этого и не ожидаешь. Въ та-

кія минуты онъ настолько проникался сочувствіемъ къ человѣку, что становился почти красивымъ. Знаешь, что онъ сказалъ между прочимъ: «Не горюй больше, Берта. Развѣ ты не понимаешь, что Кристіанъ теперь не можетъ такъ относиться къ тебѣ, какъ прежде».

Мордтманъ приподнялся было на стулѣ, но тотчасъ же опустился.

— Это правда?--вырвалось у него.

Фру Берта кивнула головой.

— Тебѣ нужно было бы послушать его,—продолжала она.—Никогда никто не любилъ тебя, какъ онъ, не восхищался тобою въ такой мѣрѣ. Никогда никто не понималъ тебя такъ хорошо. Какъ тепло относился онъ къ тебѣ. Онъ считалъ тебя воплощеніемъ красоты и благородства. Въ его изображеніи твой характеръ носилъ всѣ черты, которыми я нѣкогда надѣляла его, и краски были почти тѣ же. Я хочу, чтобы ты узналъ это, хотя я не думаю, что ты долго будешь помнить. У меня воспоминаніе проснулось именно по той причинѣ, что ты отнесся къ нему безучастно, жестоко. Я прекрасно понимаю всѣ слабости Торстена, его легкомысліе, его чрезмѣрную чувствительность, его вспыльчивость. Но для меня все это лишь усиливало его привлекательность,—эта смѣсь выражала его судьбу, и знаешь, что я думала: «Бѣдное дитя!» Это все объясняло. Ребенкомъ онъ былъ и имъ остался. Я вполнѣ ясно представляла себѣ обоихъ насъ, и потому именно его восхищеніе тобою и казалось мнѣ дѣтскимъ.

И я думала: «Бѣдное дитя! Неужели и тебѣ суждена та же пустота, какую чувствую я, потому что ты ослѣпленъ тѣмъ же человѣкомъ за то, что горячее сердце мѣшаетъ тебѣ видѣть то, что всѣ видятъ: что Кристіанъ Мордтманъ беретъ, не давая, что онъ идетъ впередъ, шагая черезъ тѣла?» Но я не въ силахъ была высказать ему эти мысли. Его слѣпой энтузіазмъ былъ такъ трогателенъ, что у меня не хватало духу разбить его дорогія иллюзіи. Но уже тогда я чувствовала, Кристіанъ, что между вами неминуемо разыграется страшная борьба. Этимъ всегда кончается, когда мягкая натура сходится съ холодной, жесткой. Ты самъ мнѣ разсказалъ, каковъ былъ бой. Въ картинѣ не хватаетъ лишь нѣсколькихъ штриховъ,—я съ удовольствіемъ закончу ее.

Моя дружба съ Торстеномъ не остывала, никогда ни съ кѣмъ на свѣтѣ не была я такъ откровенна; и онъ разсказывалъ мнѣ о своей жизни, о себѣ, ввелъ меня въ свои интересы, въ свои занятія, посвящалъ меня въ свой образъ мысли.

Разговаривая съ нимъ, я думала, Кристіанъ, о нашемъ будущемъ ребенкѣ. Миръ и спокойствіе нисходили на меня, я могла уже думать, что во мнѣ живетъ нѣчто, и я не имѣю права допустить его умереть. Ты ничего не видѣлъ, а Торстенъ Аабель поддерживалъ меня. Удивительный человѣкъ! Воплощеніе чести—и такъ низко палъ! Много

говорили мы съ нимъ о тебѣ, Кристіанъ. Ты для него былъ необходимымъ человѣкомъ,—не въ томъ ходячемъ смыслѣ, какъ это холодное и милое слово употребляется,—онъ нуждался въ тебѣ потому, что онъ видѣлъ твое превосходство и со счастьемъ признавалъ его. Въ его натурѣ лежала жажда поклоненія. А вѣдь есть мыслители, которые это стремленіе считаютъ за признакъ благородства. Впослѣдствіи я поняла, что была еще другая причина, почему онъ въ разговорахъ постоянно возвращался къ тебѣ. Онъ чувствовалъ наклонность критиковать тебя и твое отношеніе ко мнѣ. Но онъ *желалъ* видѣть тебя безъ пятенъ. Потому-то онъ и принуждалъ себя говорить со мною о тебѣ, заставлялъ меня смотрѣть на тебя его глазами.

Онъ надѣялся своими словами заглушить, заставить молчать мою критику. Онъ говорилъ для моего счастья. Въ моей памяти онъ рисуется человѣкомъ безъ колебаній. Другого такого я не встрѣчала.

Наше мнѣніе опредѣляется не поступками человѣка, а нашимъ личнымъ къ нему отношеніемъ. Потому онъ тебѣ и кажется инымъ, чѣмъ мнѣ. Когда ты въ послѣдній разъ говорилъ о немъ, мнѣ представилось, что не преступленіе обусловило его гражданскую смерть, а что мы съ тобой довели его до преступленія. Быть можетъ это воображеніе, но я не могу отдѣлаться отъ этой мысли.

Послѣ того, какъ ты оттолкнулъ его отъ себя, въ немъ начался процессъ какого-то раздѣленія, и Торстенъ утратилъ свою цѣльность. Все, что ты разсказывалъ мнѣ о вашей встрѣчѣ на Нурмальмской площади и о трехъ мѣсяцахъ, когда у тебя все «не было времени»,—все Торстенъ разсказалъ мнѣ и почти твоими же словами. Только тонъ былъ другой, иной оттѣнокъ чувства.

На слѣдующій же день послѣ этого разговора онъ пришелъ ко мнѣ. Уже въ дверяхъ я замѣтила, что онъ совсѣмъ разбитъ. Онъ не спалъ ночь и долго собирался съ силами, чтобы разсказать мнѣ о случившемся. Когда же онъ кончилъ, онъ посмотрѣлъ на меня такимъ острымъ взглядомъ, что я не выдержала и спросила:

— Можешь ты понять это?

Никогда еще не видѣла я такъ ясно, что Торстенъ Аабель былъ слишкомъ мягокъ и слишкомъ легокъ для жизни. Можно знать человѣка или думать, что знаешь, въ теченіе долгихъ лѣтъ и не понимать такихъ вещей. Я давно въ сущности предчувствовала то, что теперь произошло.

Поэтому-то въ первую минуту я не нашлась ему отвѣтить.

— Мнѣ кажется,—тихо продолжалъ Торстенъ,—я понималъ неизбѣжность этого. Мнѣ только не хотѣлось сознаться въ этомъ. Я боролся со своими дурными мыслями, какъ я ихъ называлъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Мнѣ казалось, что я несправедливъ и измѣняю другу.

Я страстно жаждалъ видѣть Кристіана такимъ, какимъ онъ никогда не былъ. Это всего хуже.

Далѣе я не могла молчать.

— Радуйся, что это случилось теперь, а не затянулось еще. Я понимала, что столкновеніе между вами было неизбѣжно.

Я никогда не видѣла такого выраженія ужаса, отчаянія, безпомощности, какое отразилось на лицѣ Торстена.

— Значитъ, только я одинъ былъ слѣпъ,—все, что онъ мнѣ отвѣтилъ.

— Да,—должна была я подтвердить.

— Даже и ты не смотрѣла на него моими глазами?—переспросилъ онъ.

Долго сидѣлъ онъ у меня въ то утро, и уходя, шатался такъ, что я испугалась.

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, въ которомъ ты «больше не нуждался». Ты отдѣлался отъ него. Одно было для меня ново въ твоемъ разсказѣ, ты угадываешь, что именно?

— Я припоминаю,—сказалъ Мордтманъ.

— Да,—продолжала фру Берта.—То, что въ трудную минуту онъ обратился къ тебѣ. Я знаю, какъ онъ сдѣлался мошенникомъ. Я знаю всю его жизнь,—онъ ничего отъ меня не скрывалъ. Ты оттолкнулъ его отъ меня. Но онъ былъ моимъ другомъ и моя дверь для него осталась открытой, несмотря на то, что твоя закрылась. Только въ послѣдній годъ его жизни среди насъ, онъ сталъ бывать рѣже. Все, что случилось, и я узнала только изъ газетъ. Незадолго до приговора я была у него въ тюрьмѣ.

— Ты?

Мордтманъ медленно поднялся и остался стоять.

— Да,—отвѣтила фру Берта.—Я встрѣчалась съ худшими людьми, только въ болѣе приличной обстановкѣ. Я стояла и ждала среди публики, которая просила о свиданіи съ арестантами. Но мнѣ отказали. Я не была ни женой, ни матерью, ни невѣстой, ни родственницей. Рядомъ со мною стояла маленькая старушка съ рѣзкими чертами, со спокойными манерами. Ее впустили: она была мать Торстена. Тутъ я говорила съ нею въ первый и въ послѣдній разъ, и она обѣщала передать ему мой поклонъ. Съ тѣхъ поръ какъ я узнала уставъ, я не возобновляла попытокъ.

Понимаешь ли ты настоящую причину, почему Торстенъ не сказалъ мнѣ ничего о томъ, что ты отказалъ ему въ помощи? Не потому, что онъ стыдился сказать, что просилъ ее у тебя. Онъ не былъ мелочнымъ. Ему стыдно было за тебя, ему стыдно было говорить объ этомъ со мною—я вѣдь твоя жена.

— Зачѣмъ разсказываешь ты мнѣ обо всемъ этомъ?—жестко спросилъ Мордтманъ.

Въ его тонѣ звучала угроза.

И она встала тоже, они смѣрили другъ друга глазами... Какъ будто весь мракъ жизни сгустился вкругъ нихъ въ полутемной комнатѣ; за стѣнами холодная, зимняя ночь сурово царила надъ скованной молчаніемъ природой.

— Зачѣмъ? Я только что сказала тебѣ. Я говорила безъ всякаго намѣренія, какъ и ты говорилъ о себѣ.

— Ты защищаешь этого человѣка?—спросилъ Мордтманъ.

Какой-то новый, ему самому незнакомый гнѣвъ блеснулъ въ его взорѣ.

— Я защищаю его, потому что онъ мой другъ,—отвѣтила фру Берта.—Какъ могу я допустить, чтобы его поносили?

— Ты любила его?—замѣтилъ мужъ.

— Будь порядоченъ, Кристіанъ. Вопросъ твой неумѣстенъ. Вѣдь предъ людьми мы мужъ и жена. Теперь мы съ тобою одинъ на одинъ. Никто насъ не слышитъ. Къ чему намъ играть комедію? Вдумайся въ мои слова, Кристіанъ. Сознайся, что въ нихъ правда, Если бы я и любила его или кого-нибудь другого, тебѣ вѣдь это безразлично, такъ же безразлично, какъ земля, по которой ты ходишь. А мнѣ не въ чѣмъ упрекнуть себя въ отношеніи тебя. Всю любовь, на какую я только была способна, ты взялъ цѣликомъ, я ничего не могла бы дать другому, и, должно быть, никогда не буду въ состояніи. Ты можешь вполнѣ спокойно продолжать свой путь, то, что ты слышалъ, никоимъ образомъ не нарушитъ твой покой. Будь же честенъ, Кристіанъ. Скажи, что я говорю правду.

— Быть можетъ,—беззвучно отвѣтилъ Мордтманъ, отвернулся и началъ, по своему обыкновенію, шагать взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ душу фру Берты снова закралось подозрѣніе, что мужъ ничего не слышалъ, ничего не понялъ изъ всего, что она говорила. Какъ манекенъ, сидѣлъ онъ подлѣ нея, и все, что онъ говорилъ или дѣлалъ, даже его мимика такъ хорошо подражали жизни, что она впала въ заблужденіе и говорила съ нимъ, какъ со здоровымъ. Въ ея памяти проснулось воспоминаніе о той ужасной ночи, когда онъ заперъ дверь,—она опять услышала щелканье замка,—въ то время какъ мужъ ея одинъ боролся со своими страшными мыслями. Все это представилось ей такъ живо, что она поняла все, поняла, что всѣ его поступки и рѣчи за послѣднее время были крикомъ отчаянія, безсмысленнымъ протестомъ въ борьбѣ съ тѣми силами, которыя медленно, но вѣрно влекли его къ погибели. «Давно ли онъ сталъ такимъ?» думала фру Берта. Какъ могло случиться, что я до сихъ поръ ничего не понимала?

Вдругъ раздался спокойный, холодный голосъ Мордтмана:

— Что это значитъ?—сказалъ онъ.

— Да, что это значитъ?—повторила Берта.

Она не узнала своего голоса, да едва ли знала, что и говорила.

Мордтманъ остановился и медленно проговорилъ:

— Мнѣ легче стало послѣ того, что ты сказала. Почему—я и самъ не знаю. Пожалуй, потому, что я теперь знаю немножко больше, чѣмъ зналъ прежде. Конечно, это ничего не мѣняетъ. Но я благодарю тебя за то, что ты была мнѣ вѣрна.

Какъ ни мало фраза эта согласовалась со всѣмъ, что говорила фру Берта сама, она не поразила ее, прежде всего, потому, что она не обратила на нее вниманія.

Головокружительной пропастью казалась ей вся окружающая обстановка; дѣйствительность была непоправимой, и она всѣми силами старалась не видѣть ея. Какъ во снѣ, слушала она слова мужа, какъ во снѣ, говорила сама. Сномъ казалось ей въ эту минуту все, что она разсказала: всѣ воспоминанія, всѣ пламенныя слова, въ сонъ обратилась вся жизнь, всѣ надежды и стремленія,—все утраченное и забытое. Сномъ казалось ей и то, что она теперь одиноко сидитъ и слѣдитъ за тѣнью мужа, которая скользитъ изъ угла въ уголъ, переходя изъ темноты въ полосу свѣта... Эта тѣнь скользитъ мимо ея собственной, тоже безсмысленной, несуществующей, безтѣлесной. Длинный, безсвязный, смутный сонъ.

А она даже не чувствовала потребности проснуться, очнуться отъ сна.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИММУНИТЕТЪ И СЫВОРОТКИ.

I.

Болѣзни и смерть—исконные враги человѣчества; человѣку приходилось вести съ ними упорную борьбу съ того времени, какъ онъ началъ сознательно относиться къ окружающему, и если борьба со смертью была до сихъ поръ безплодна и обнаружила лишь полную его безпомощность противъ суровыхъ законовъ природы, то борьба съ болѣзнями, напротивъ, велась все съ большимъ и большимъ успѣхомъ, по мѣрѣ того, какъ накоплялись знанія объ окружающей природѣ и о жизненныхъ процессахъ самого человѣческаго организма. Начало искусства врачеванія болѣзней теряется въ глубочайшей древности и относится, по всей вѣроятности, къ тому времени, когда у первобытнаго человѣка только что стала пробуждаться способность наблюдать окружающее и дѣлать логическіе выводы изъ своихъ наблюденій. Инстинктивное состраданіе къ своему ближнему должно было побуждать человѣка изыскивать мѣры къ облегченію страданій больного, а наблюденія надъ окружающими животными, зализывающими свои раны и нерѣдко лечащимися корнями и травами, должны были натолкнуть человѣка на попытку помочь больному искусственными средствами.

Борьба съ болѣзнями, впрочемъ, гораздо древнѣе человѣческаго рода — болѣзни появились, несомнѣнно, вмѣстѣ съ первыми живыми существами на землѣ,—имъ подвержены уже простѣйшіе, одноклѣточные организмы. Живое существо, какъ бы ни было оно просто организовано, не поддается болѣзни—оно противодѣйствуетъ ей всѣми силами, пускаетъ въ ходъ всѣ имѣющіеся въ его распоряженіи защитныя средства и погибаетъ лишь послѣ энергичной борьбы, если болѣзнь пересилитъ.

Въ сущности, по своимъ причинамъ болѣзни могутъ быть разбиты на двѣ категоріи: однѣ болѣзни зависятъ отъ простого, такъ сказать, механическаго воздѣйствія неблапріятныхъ внѣшнихъ вліяній, другія—отъ нападенія на организмъ тѣхъ или другихъ паразитовъ. Къ первой категоріи должно отнести такія болѣзни, какъ простуду, отравленіе ядами, всѣ болѣзни, зависящія отъ неправильнаго

питанія, различныя перерожденія органовъ, наконецъ, всѣ травматическія поврежденія, ко второй—относятся гораздо болѣе многочисленныя и разнообразныя паразитарныя и заразныя болѣзни. Самозащита организма по отношенію къ первымъ болѣзнямъ выражается въ приспособленіи къ тѣмъ неблагопріятнымъ вліяніямъ, которыя обусловливаютъ болѣзнь, и въ нѣкоторыхъ автоматически совершающихся процессахъ, спеціально выработанныхъ организмомъ; такъ, къ холоду, вызывающему простуду, организмъ можетъ постепенно приспособляться, проглоченные яды извергаются автоматически возбуждающейся рвотой, наконецъ, травматическія пораненія заживляются путемъ образованія рубца и возстановленія (регенераціи) поврежденныхъ тканей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ противодѣйствіе организма, очевидно, и было давнымъ давно извѣстно.

Иначе обстоитъ дѣло съ болѣзнями паразитарнаго характера. При нападеніи паразитовъ, относящихся къ растительному или животному царству, организмъ также обнаруживаетъ энергичное противодѣйствіе, какъ это можно судить уже по тому, что нерѣдко болѣзнь оказывается побѣжденной, но и сущность этого противодѣйствія и самый паразитарный характеръ болѣзни оставались до послѣдняго времени неразгаданными и казались какою-то таинственной борьбою «жизненныхъ силъ» организма съ невѣдомыми ядами, попадающими въ кровь неизвѣстными путями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается крупныхъ паразитовъ, наружныхъ или внутреннихъ (напр., глисты, трихина, чесоточный зудень и т. п.), разумѣется, не трудно констатировать ихъ присутствіе въ организмѣ, но эти паразиты относительно рѣдко причиняютъ серьезныя болѣзни; гораздо опаснѣе заболѣванія, обусловливаемыя невидимыми врагами,—опаснѣе уже въ силу того, что такія болѣзни легко передаются отъ одного организма другому и вызываютъ эпидеміи.

Долгое время опасные враги эти оставались неузнанными,—лишь въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія замѣчательныя изслѣдованія Пастера и его учениковъ раскрыли передъ нами цѣлый неизвѣстный ранѣе міръ простѣйшихъ существъ, опасныхъ для жизни всѣхъ представителей животнаго царства, не исключая и человѣка. Открытіе болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ пролило новый свѣтъ на причины заразныхъ болѣзней и на способы борьбы съ ними животнаго организма,—оказалось, что всѣ болѣзни, до того времени загадочныя, объясняются нападеніемъ на организмъ того или другого микроскопически малаго поразита, принадлежащаго или къ растительному, или къ животному царству, проникновеніемъ его въ кровь или въ какой-либо изъ внутреннихъ органовъ животнаго и размноженіемъ тамъ до колоссальныхъ размѣровъ. Одни изъ этихъ паразитовъ причиняютъ прямо механическія поврежденія страдающимъ отъ нихъ организмамъ, такъ, напр., жгутиковыя инфузоріи — трипанозомы, обусловливающія

болѣзнь це-це, отъ которой страдаетъ скотъ южной Африки, причиняютъ вредъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что закупориваютъ сосуды нервныхъ центровъ; наконецъ, амебообразный паразитъ маляріи также долженъ быть отнесенъ къ этой категоріи, такъ онъ онъ внѣдряется въ красные кровеносные шарики и разрушаетъ ихъ. Однако, большая часть болѣзнетворныхъ микробовъ наноситъ вредъ пріютившему ихъ организму тѣмъ, что, живя и размножаясь въ крови, вырабатываетъ, по всей вѣроятности, въ качествѣ своихъ продуктовъ выдѣленія, крайне опасные для организма яды, кототорые, попадая въ кровь, производятъ нерѣдко смертельное отравленіе. Ядовитость выдѣленій микробовъ и способы ихъ образованія очень различны: спириллы возвратнаго тифа, напр., размножаются въ теченіе нѣсколькихъ дней, не вызывая нездоровья, но затѣмъ появленіе ихъ въ крови сразу возбуждаетъ сильнѣйшее лихорадочное состояніе, свидѣтельствуя объ отравленіи крови ихъ ядомъ; другіе микроорганизмы, какъ, напр., бациллы столбняка или дифтерита не распространяются по всему тѣлу, но, даже оставаясь въ небольшомъ районѣ, могутъ выдѣлить такой сильный ядъ, что организмъ оказывается отравленнымъ; вибріоны азіатской холеры, размножаясь въ кишечникѣ, выдѣляютъ ядъ, который проникаетъ чрезъ стѣнку кишечника въ кровь и такимъ образомъ отравляютъ организмъ. Иногда болѣзнетворный микроорганизмъ даже совершенно исчезаетъ изъ зараженнаго имъ животнаго и тѣмъ не менѣе послѣднее погибаетъ отъ остающагося въ немъ яда, напр., при такъ называемой септицеміи гусей, вызванной спириллами, послѣдніе отсутствуютъ въ организмѣ, когда наступаетъ смерть птицы.

Многочисленныя изслѣдованія послѣдняго времени показали, что всѣ заразныя болѣзни обусловливаются развитіемъ въ тѣлѣ животнаго или человѣка различныхъ микроорганизмовъ, иногда строго привязанныхъ къ тому или другому органу, иногда способныхъ развиваться въ любомъ органѣ, какъ, напр., бациллъ чахотки, поражающій туберкулезомъ одинаково кожу, легкія, глазъ, пищеварительные и другіе органы. Для нѣкоторыхъ болѣзней, правда, не удалось еще найти специфическихъ, вызывающихъ ихъ микробовъ,—такъ, мы не знаемъ еще паразитовъ бѣшенства, сифилиса, оспы, кори, скарлатины, ящура скота и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, но никто уже болѣе не сомнѣвается, что и онѣ вызваны микроорганизмами, и если послѣдніе неизвѣстны намъ, то только или вслѣдствіе настолько малыхъ размѣровъ, что ихъ не могутъ открыть наши современные микроскопы, или благодаря какимъ-либо другимъ чисто техническимъ трудностямъ.

Открытіе болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, ознаменовавшее собою наступленіе новой эры въ исторіи медицинской науки, повлекло за собою, какъ это часто случается, чрезмѣрное увлеченіе ими,—всѣ болѣзни заразнаго характера сводились исключительно къ проникновенію микробовъ внутрь организма изъ окружающей среды и значеніе

сопротивленія самого организма оцѣнивалось слишкомъ низко. Ученые предлагали первоначально, что достаточно болѣзнетворнымъ организмамъ попасть въ соотвѣтствующій органъ, чтобы они тамъ могли размножиться и вызвать появленіе болѣзни. Вскорѣ оказалось, однако, что нерѣдко болѣзнетворные микробы находятся въ совершенно здоровомъ организмѣ и не причиняютъ ему никакого вреда,—такъ, Лефлеръ нашелъ дифтеритный бацилль не только въ больномъ организмѣ, но и въ горлѣ совершенно здороваго ребенка; точно также страшный холерный вибріонъ, открытый Кохомъ, неоднократно былъ находимъ въ кишечникѣ здороваго человѣка.

Болѣе тщательныя изслѣдованія показали, что человѣкъ постоянно носитъ на себѣ и въ себѣ флору микроорганизмовъ—кожа, слизистыя оболочки, кишечникъ обильно населены ими; изъ нихъ многія являются безвредными или даже полезными, какъ бактеріи, населяющія кишечникъ и содѣйствующія пищеваренію, тогда какъ другіе (напр., пнеймококки, стрептококки и коли-бациллы) относятся къ опаснѣйшимъ врагамъ человѣка и способны вызвать при размноженіи самыя серьезныя заболѣванія. Споры болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ постоянно носятся въ воздухѣ, принимаются нами съ пищею и осѣдаютъ на наше тѣло въ видѣ пыли; предохранить себя отъ соприкосновенія съ ними совершенно невозможно. Почему же, спрашивается, мы не подвергаемся ежедневно зараженію, несмотря на всѣ эти несмѣтные легіоны невидимыхъ враговъ, нападающихъ на насъ со всѣхъ сторонъ? Здѣсь мы сталкиваемся съ тою замѣчательною способностью организма сопротивляться болѣзнетворнымъ микроорганизмамъ, которая до самаго послѣдняго времени оставалась совершенно таинственной -- она получила въ наукѣ названіе «невоспріимчивости къ заразнымъ болѣзнямъ» или «*иммунитета*».

При широкомъ распространеніи въ природѣ микроорганизмовъ, при ихъ, можно сказать, вездѣсущности, способность сопротивляться имъ и активно бороться съ ними также должна быть сильно распространена въ органическомъ мірѣ. Она и дѣйствительно присуща всѣмъ живымъ существамъ въ той или другой степени и составляетъ такую же неотъемлемую принадлежность животнаго организма, какъ способность приспособляться къ окружающей средѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта способность, также являющаяся по существу приспособленіемъ ко внѣшнимъ вреднымъ и опаснымъ для жизни организма условіямъ, развивалась постепенно, шагъ за шагомъ, параллельно съ развитіемъ и совершенствованіемъ формъ животнаго царства. Съ появленіемъ новыхъ организмовъ къ нимъ должны были приспособляться прежніе паразиты или вырабатывались новыя формы ихъ и въ свою очередь организмъ, чтобы не погибнуть подъ напоромъ незримыхъ враговъ, долженъ былъ приспособляться къ нимъ и вырабатывать средства борьбы съ ними. Между обоими живыми существами должно было въ

концѣ концовъ устанавливаться нѣкоторое подвижное равновѣсіе, позволявшее существовать имъ обоимъ. Очень вѣроятно, что во многихъ случаяхъ это подвижное равновѣсіе нарушалось въ ту или другую сторону и либо данный организмъ вымиралъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія болѣзни, обусловленной тѣмъ или другимъ микробомъ, либо послѣдній долженъ былъ исчезнуть вслѣдствіе слишкомъ упорнаго сопротивленія, встрѣчаемаго со стороны организма-хозяина.

Такимъ образомъ всѣ живущіе въ настоящее время организмы находятся въ состояніи постоянной борьбы съ болѣзнетворными микробами. Въ обыкновенныхъ условіяхъ паразиты являются побѣжденными и удерживаются отъ вторженія въ организмъ; лишь при особой слабости организма или при какихъ-либо другихъ условіяхъ, благопріятствующихъ микробамъ, они получаютъ возможность вторгнуться въ организмъ, размножиться въ немъ, причинить болѣзнь, а иногда и смерть. Принимая во вниманіе относительную рѣдкость паразитарныхъ болѣзней, особенно въ естественныхъ условіяхъ, мы не можемъ не признать, что животный организмъ долженъ располагать могущественными средствами защиты отъ паразитовъ, угрожающихъ гибелью не только особи, но даже и виду.

Въ чемъ заключаются эти средства и каковъ механизмъ борьбы организма съ паразитомъ, не было извѣстно до самаго послѣдняго времени — до работъ нашего знаменитаго соотечественника проф. *И. И. Мечникова* надъ фагоцитами и фагоцитозомъ. Его изслѣдованія впервые выяснили вопросъ, какіе элементы являются настоящими защитниками организма, и положили основаніе высказанной и страстно защищаемой имъ новой теоріи иммунитета, которую можно назвать *фагоцитарной*, въ противоположность другой, возникшей въ наукѣ теоріи этого явленія, называемой обыкновенно *гуморальной* (humor =влага, жидкость).

Въ вышедшемъ въ прошломъ году сочиненіи «Невоспріимчивость въ инфекціонныхъ болѣзняхъ» (Спб., изд. Риккера, 1903 г.) проф. Мечниковъ даетъ подробное изложеніе своей творіи и подводитъ итоги тѣмъ изслѣдованіямъ, на которыхъ она основывается. На послѣдующихъ страницахъ мы попытаемся возможно болѣе общедоступно изложить основные факты и положенія теоріи Мечникова, придерживаясь только что названнаго сочиненія, написаннаго, главнымъ образомъ, для спеціалистовъ.

II.

Однимъ изъ основныхъ условій существованія живой клѣтки является присутствіе жидкой среды. Простѣйшіе одноклѣточные организмы живутъ въ водѣ и черпаютъ изъ нея свою пищу и необходимый кислородъ; болѣе сложно организованныя животныя, въ особенности оби-

тающія на воздухѣ, требуютъ уже присутствія спеціальной жидкой среды внутри своего тѣла и обладаютъ въ качествѣ таковой *кровью*. Кровь омываетъ всѣ ткани организма и не только образуетъ среду, удобную для жизни и размноженія ихъ клѣтокъ, но и исполняетъ цѣлый рядъ другихъ функцій—она является жидкостью, изъ которой клѣтки и ткани черпаютъ пищу, она приноситъ кислородъ, неебходимый для дыханія клѣтокъ, извлекаетъ продукты разложенія, поддерживаетъ повышенную температуру у теплокровныхъ животныхъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, кровь, какъ жидкость богатая питательными веществами, является и наиболѣе благопріятной средой для развитія и распространенія болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, нападающихъ на животное, въ нее прежде всего проникаетъ большинство микробовъ и выдѣляемые ими яды, ею они разносятся по организму и попадаютъ во всѣ остальные органы.

Вполнѣ естественно, въ виду этого, что и защитительная дѣятельность организма привязана прежде всего къ крови и элементы крови являются главными защитными органами, отражающими нападеніе микробовъ. Вотъ почему для большей понятности всего дальнѣйшаго намъ необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ о составныхъ частяхъ крови высшихъ позвоночныхъ животныхъ и человѣка,

Основу крови составляетъ жидкость или «плазма» ея очень сложнаго состава; въ ней находится въ растворенномъ состояніи бѣлковое вещество—«фибринъ»—и минеральныя соли; плазма крови безцвѣтна и красный цвѣтъ крови зависитъ отъ присутствія въ ней красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, неправильно называемыхъ «шариками»—форма ихъ у различныхъ животныхъ различна, но никогда не бываетъ шарообразной. Красныя тѣльца, представляющія изъ себя спеціально видоизмѣненныя клѣтки, служатъ, главнымъ образомъ, для дыхательной функціи крови и являются носителями кислорода, который распредѣляется ими по всему организму.

Кромѣ красныхъ тѣлецъ *), въ крови имѣются бѣлыя кровяныя тѣльца или «лейкоциты», отличающіяся отъ нихъ очень сильно не только цвѣтомъ, но и формою и всѣми другими качествами. Тогда какъ красныя тѣльца—клѣтки мало дѣятельныя, не способныя дѣлиться, иногда (напр., у человѣка) лишенныя ядра лейкоциты, наоборотъ сохраняютъ полную жизнедѣятельность и даже являются до извѣстной степени самостоятельными и независимыми въ своихъ движеніяхъ отъ воли организма. По внѣшнему своему виду и строенію лейкоциты очень напоминаютъ нѣкоторые простѣйшіе организмы—именно, амёбъ; подобно

*) Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о второстепенныхъ элементахъ крови и не вдаемся въ детали, отсылая читателей къ статьѣ проф. Догеля „Новыя данныя о третьей форменной составной части крови“, „Міръ Божій“, 1902 г., мартъ, отд. II.

послѣднимъ они состоятъ изъ ядра и плазмы, постоянно мѣняющей свою форму и дающей отъ себя многочисленные отростки («псевдоподіи»); при помощи этихъ отростковъ, способныхъ сокращаться, лейкоциты могутъ хотя и медленно передвигаться по стѣнкамъ сосудовъ и даже проникать сквозь нихъ и выходить въ окружающія ткани. Роль и значеніе бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ оставались загадочными вплоть до открытія проф. Мечниковымъ «фагоцитоза».

Открытіе этого явленія можетъ служить примѣромъ того, какъ научныя изслѣдованія въ совершенно теоретической и далекой отъ какого-либо практическаго примѣненія области могутъ дать результаты, неожиданно получающіе впослѣдствіи огромное значеніе также и для прикладныхъ цѣлей науки. Проф. Мечниковъ занимался въ 1882 году въ Мессинѣ эмбріологическими изслѣдованіями и интересовался судьбами и значеніемъ зародышевыхъ пластовъ у нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ. Различныя теоретическія соображенія заставили его обратить при этомъ особое вниманіе на амебообразныя блуждающія клѣтки средняго пласта («мезодермы») зародышей, онъ открылъ при этомъ, что онѣ заглатываютъ постороннія вещества и перевариваютъ ихъ внутри своей плазмы подобно амёбамъ и другимъ одноклѣточнымъ существамъ, что онѣ играютъ большую роль при атрофіи различныхъ личиночныхъ органовъ, ненужныхъ взрослому организму, разрушая и поѣдая ихъ и что при пораненіи организма или при введеніи въ него какого-либо посторонняго тѣла онѣ собираются въ мѣстѣ раненія, подобно тому, какъ при воспаленіи, возникающемъ вслѣдствіе пораненія или какой-либо другой причины, собираются бѣлые кровяные шарики позвоночныхъ. Присутствіе микроорганизмовъ во многихъ воспалительныхъ процессахъ было тогда уже извѣстно и вполнѣ естественно было предположить, что и лейкоциты, столь похожіе на блуждающія мезодермическія клѣтки и родственныя имъ по происхожденію, относятся къ микробамъ такъ же, какъ блуждающія клѣтки къ постороннимъ тѣламъ, т.-е. заглатываютъ и уничтожаютъ ихъ. Заинтересованный этимъ вопросомъ, проф. Мечниковъ занялся изученіемъ воспалительныхъ процессовъ у высшихъ животныхъ и изслѣдованіемъ того, какъ относятся между собою при этихъ процессахъ микроорганизмы и лейкоциты. Наблюденія и опыты его показали, что, дѣйствительно, лейкоциты скопляются во множествѣ при всякомъ начинающемся воспалительномъ процессѣ, если ввести въ организмъ какое-либо постороннее тѣло, напр., шипъ или занозу, или если впрыснуть въ кожу какой-нибудь порошокъ краски или культуру какихъ-либо микроорганизмовъ, то лейкоциты одинаковымъ образомъ устремляются къ пораженному мѣсту и стараются устранить эти постороннія тѣла. Около шипа они скопляются во множествѣ и стараются его разсосать, порошокъ краски они заглатываютъ и уносятъ, микробы также заглатываются ими, обволакиваются плазмой и перевариваются внутри тѣла лейкоцита совер-

шенно также, какъ внутри тѣла амёбы. Притокъ лейкоцитовъ къ пораженному мѣсту и энергичная борьба ихъ съ посторонними элементами и составляетъ сущность воспалительнаго процесса, являющагося реакціей организма на постороннее вмѣшательство.

Позднѣйшія многочисленныя работы самого проф. Мечникова и его учениковъ показали чрезвычайную общность и распространенность этого явленія въ животномъ царствѣ. Клѣтки, поѣдающія постороннія вещества и въ особенности посторонніе организмы, которые проникаютъ внутрь тѣла животнаго, были найдены почти у всѣхъ представителей животнаго царства за исключеніемъ низшихъ,—эти то клѣтки проф. Мечниковъ и назвалъ «фагоцитами» («пожирающими клѣтки»), а самое явленіе—«фагоцитозомъ». Стоитъ лишь впрыснуть въ тѣло любого животнаго, будь то моллюскъ или насѣкомое или позвоночное, культуру микробовъ и черезъ нѣкоторое время въ крови животнаго можно будетъ найти множество клѣтокъ, содержащихъ включенныхъ въ ихъ плазмѣ микробовъ на различныхъ стадіяхъ перевариванія.

Въ большинствѣ случаевъ фагоцитами являются кровяныя тѣльца или блуждающія клѣтки, которыя приносятся потокомъ крови; въ нѣкоторыхъ органахъ, однако, какъ, напр., въ селезенкѣ и печени человѣка, извѣстны и неподвижныя, сидячія клѣтки, заглатывающія микробовъ изъ омывающей ихъ крови. Очень своеобразны фагоцитарные органы у круглыхъ червей—нематодъ,—у нихъ мы находимъ четыре огромныя неподвижныя клѣтки, хорошо замѣтныя простымъ глазомъ; онѣ снабжены множествомъ отростковъ, придающихъ имъ видъ гроздей,—эти отростки пронизываютъ всю полость тѣла и заглатываютъ микробовъ и постороннія вещества, попадающія въ полостную жидкость, играя какъ бы роль фильтровъ.

Принимая во вниманіе такую дѣятельность лейкоцитовъ при искусственномъ вмѣшательствѣ, вполнѣ естественно предположить, что и при вторженіи чуждыхъ элементовъ въ естественныхъ условіяхъ, т.-е. при зараженіи организма какою либо бактеріальною болѣзнью, лейкоциты стоятъ также на стражѣ интересовъ организма и защищаютъ его, пожирая болѣзнетворныхъ микробовъ. Первая же работа Мечникова въ этомъ направленіи, посвященная зараженію сибиреязвенной палочкой, показала полную справедливость такого предположенія. Дѣйствительно, реакція организма противъ вторгнувшихся въ него болѣзнетворныхъ бактерій заключалась также прежде всего въ борьбѣ съ бактеріями лейкоцитовъ и въ массовомъ заглатываніи послѣдними этихъ чуждыхъ организму и опасныхъ для него элементовъ. Позднѣйшими работами было установлено, что такая борьба между лейкоцитами и микробами происходитъ при всѣхъ болѣзняхъ бактеріальнаго характера; если въ этой борьбѣ лейкоциты оказываются болѣе сильными—они побѣждаютъ микробовъ, заглатываютъ и уничтожаютъ ихъ, освобождая отъ нихъ организмъ и предохраняя его отъ отравленія ихъ

ядами. Если же количество микробовъ слишкомъ велико, или лейкоцицы слабы, то микробы пересиливаютъ, лейкоциты не могутъ съ ними справиться и погибаютъ отъ отравленія—гибель ихъ влечетъ за собою и гибель организма, оставшагося беззащитнымъ и отравляемаго продуктами выдѣленія микробовъ.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, въ лейкоцитахъ незримое воинство съ беззавѣтной храбростью и самоотверженіемъ бросающееся на встрѣчу врагу, корорый для насъ столь же неосязаемъ.

Уже установленіе этого факта было замѣчательнымъ открытіемъ и огромною заслугою,—проф. Мечниковъ не остановился, однако, на этомъ, онъ попытался проникнуть глубже въ сущность и механизмъ борьбы лейкоцитовъ съ бактеріями и далъ стройную и солидно обоснованную теорію причинъ *иммунитета*, которая уже теперь не только многое объясняетъ, но и даетъ новые пути изслѣдованія, возбуждая при томъ массу новыхъ вопросовъ—качество особенно цѣнное въ каждой теоріи.

Теперь, познакомившись въ общихъ чертахъ съ фагоцитозомъ, мы и перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію иммунитета или невоспріимчивости къ заразнымъ болѣзнямъ.

III.

Не восріимчивость къ инфекціи въ естественныхъ условіяхъ сводится къ противодѣйствію, оказываемому организмомъ или болѣзнетворнымъ микробамъ или ихъ ядамъ. Эти два случая надо строго различать, такъ какъ далеко не всегда организмы невосріимчивые къ живымъ микробамъ оказываются таковыми же и къ выдѣляемымъ ими ядамъ. Примѣромъ этому можетъ служить бациллъ синяго гноя (*Bacillus pyocianeus*), очень часто встрѣчающійся на кожѣ совершенно здороваго человѣка подъ мышками и въ паху и нерѣдкій также въ кишкахъ человѣка; при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ зараженія имъ черезъ кровь онъ не причиняетъ никакого вреда человѣку, тогда какъ прививка уже незначительнаго количества яда, развиваемаго культурой этого бацилла, вызываетъ опасныя болѣзненныя явленія, указывающія на отравленіе. Точто также лягушка является совершенно не восріимчивой къ холерному вибріону, но погибаетъ отъ впрыскиванія его яда. Вообще къ зараженію микробами животныя въ большинствѣ случаевъ менѣе чувствительны, чѣмъ къ отравленію выдѣляемыми этими микробами продуктами.

Невосріимчивость къ различнымъ микроорганизмамъ далеко неодинакова у различныхъ породъ животныхъ,—напротивъ, каждое животное подвергается зараженію лишь опредѣленными и немногочисленными видами микробовъ и совершенно невосріимчиво или, какъ говорятъ, «иммунно», по отношенію къ остальнымъ микробамъ. Извѣ-

стенъ цѣлый рядъ заразныхъ болѣзней, свойственныхъ исключительно человѣку и не прививающихся вовсе къ животнымъ, таковы, напр., скарлатина, проказа, сыпной тифъ и др., точно также имѣются и болѣзни животныхъ, не заражающія человѣка—мытъ, перипнеймонія рогатаго скота, куриная холера и др.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда микроорганизмъ способенъ заражать многихъ животныхъ, отношеніе послѣднихъ къ нему и къ выдѣляемымъ имъ ядовитымъ продуктамъ можетъ быть очень различнымъ. Къ туберкулезному бациллу, напр., чувствительнѣе всѣхъ животныхъ морская свинка, менѣе чувствителенъ рогатый скотъ и почти совсѣмъ невоспріимчива овца, тогда какъ къ туберкулезному яду чувствительнѣе всѣхъ овца и менѣе чувствительны рогатый скотъ и морская свинка. Вообще отношенія животныхъ къ болѣзнетворнымъ микробамъ очень разнообразны и не поддаются обобщенію.

Возникаетъ вопросъ: чѣмъ объясняется невоспріимчивость организма къ тѣмъ или другимъ микробамъ?

Если принять во вниманіе, что микробы дѣйствуютъ на организмъ какъ яды, можно было бы думать, что невоспріимчивый къ нимъ организмъ борется съ ними и удаляетъ ихъ также, какъ яды. При поглощеніи нѣкоторыхъ ядовъ, напр. іода и алкоголя, онъ выдѣляетъ ихъ почками,—такое предположеніе было сдѣлано нѣкоторыми изслѣдователями и относительно микробовъ. Тщательно поставленные опыты, однако, не подтвердили его: различные виды микробовъ, привитые въ кровеносные сосуды кроликовъ и собакъ, никогда не удаляются ни почками, ни другими выдѣлительными железами, если только нѣтъ нигдѣ нарушенія цѣлости тканей и они не могутъ пройти въ почки сквозь прорванные сосуды.

Можно было бы далѣе предположить, что нѣкоторые микробы просто не находятъ въ данномъ организмѣ пригодной для своего существованія химической среды. Многіе факты и опыты опровергаютъ, однако, это предположеніе. Прежде всего большинство болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ очень неразборчивы въ выборѣ среды и могутъ быть культивированы, не только въ цѣломъ рядѣ животныхъ, но и на растительныхъ веществахъ,—такъ, сибиреязвенная палочка, напр., можетъ жить и размножаться въ крови очень многихъ позвоночныхъ и беспозвоночныхъ животныхъ и, кромѣ того, отлично растетъ на картофели, моркови и другихъ овощахъ. Даже если взять микроорганизмы наиболѣе разборчивые въ пищѣ, то и тогда нельзя объяснить естественнаго иммунитета ихъ неспособностью питаться соками невоспріимчивыхъ видовъ. Бациллъ инфлуэнцы, напр., открытый Пфейферомъ, не растетъ ни на одномъ изъ веществъ, которыя употребляются въ бактеріологіи для разводки бактерій,—онъ требуетъ спеціальной пищи въ видѣ свѣжей крови. причемъ Пфейферомъ было установлено, что изъ всѣхъ родовъ крови предпочитаетъ голубиную. Если

бы иммунитетъ, дѣйствительно, зависѣлъ отъ состава жидкости организма, то слѣдовало бы ожидать, что всего воспріимчивѣе къ инфлуэнцѣ голубь, между тѣмъ оказалось, что онъ вовсе не воспріимчивъ къ этой болѣзни. Точно также микробъ хроническаго воспаленія легкихъ рогатаго скота, особенно интересный тѣмъ, что является наиболѣе мелкимъ изъ извѣстныхъ организмовъ и едва различимъ при сильнѣйшихъ увеличеніяхъ нашихъ современныхъ микроскоповъ, культивируется лучше всего въ крови кролика—животнаго, совершенно не заражающагося этой болѣзнью.

Итакъ, объясненіе иммунитета неспособностью микробовъ жить въ жидкостяхъ невоспріимчивыхъ организмовъ также нельзя признать удовлетворительнымъ.

Между тѣмъ, исчезновеніе болѣзнетворныхъ микробовъ изъ крови невоспріимчивыхъ животныхъ не подлежитъ сомнѣнію и было констатировано на опытѣ; напр., Опицъ впрыскивалъ въ кровь собаки 10.000.000 бактерій сибирской язвы, къ которой она невоспріимчива, и уже черезъ 20 минутъ могъ разыскать въ крови лишь 9.000 этихъ микроорганизмовъ.

Причинъ исчезновенія микробовъ изъ крови приходится искать въ ней самой, и проф. Мечниковъ находитъ ихъ въ фагоцитарной дѣятельности бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, уничтожающихъ микробовъ. Длинный рядъ наблюденій надъ всевозможными животными и микробами подтверждаетъ этотъ взглядъ. Уже среди безпозвоночныхъ можно наблюдать превосходные примѣры невоспріимчивости къ болѣзнетворнымъ организмамъ, напр., личинка жука-носорога является совершенно невоспріимчивой къ сибирской язвѣ и дифтериту, хотя и чувствительна въ довольно высокой степени къ холерному вибріону. Стоитъ впрыснуть этой личинкѣ разводку палочекъ сибирской язвы и на слѣдующій день мы найдемъ въ крови множество бактерій, но не въ кровяной жидкости, а въ плазмѣ кровяныхъ тѣлецъ. Послѣднія поглощаютъ палочки и перевариваютъ ихъ въ своей плазмѣ. Совершенно иначе относятся лейкоциты личинки къ холерному вибріону—при впрыскиваніи небольшого количества разводки этого микроорганизма лейкоциты не заглатываютъ вибріоновъ вовсе, какъ бы избѣгая ихъ; вибріоны безпрепятственно размножаются въ кровяной жидкости и убиваютъ животное своимъ ядомъ.

Такое же явленіе наблюдается у лягушки, также невоспріимчивой къ сибирской язвѣ. Послѣ впрыскиванія разводки палочекъ сибирской язвы въ крови лягушки встрѣчаются лейкоциты съ заглоченными палочками въ плазмѣ; бактеріи перевариваются и уничтожаются ими. Интереснымъ обстоятельствомъ является, что если держать лягушекъ при температурѣ выше 37° С.—онѣ утрачиваютъ свою невоспріимчивость: лейкоциты ихъ дѣлаются вялыми и слабыми и не заглатываютъ палочки въ такомъ количествѣ, какъ прежде, тогда какъ послѣднія

усиленно размножаются въ теплѣ и убиваютъ животное. Того же результата можно достигнуть и другимъ способомъ, именно, можно путемъ постепенныхъ культуръ, пріучить бактеріи, какъ это сдѣлалъ Дьёдоннэ, размножаться при низкой температурѣ въ 12° С. Прививка такихъ бациллъ убиваетъ лягушку въ 2—3 сутокъ, даже если взять одно изъ тѣхъ животныхъ, которыя выдерживали прививку обыкновенныхъ сибиреязвенныхъ палочекъ, привыкшихъ размножаться при 37°.

Противниками фагоцитарной теоріи было указано, что явленія эти можно объяснить и инымъ способомъ,—простымъ воздѣйствіемъ на бактеріи жидкости крови лягушекъ, въ которой онѣ не могутъ будто бы существовать. Очень простой опытъ показываетъ, однако, что это не такъ: стоитъ лишь завернуть споры бактерій сибирской язвы въ промокательную бумагу и ввести пакетикъ въ лимфатическій мѣшокъ и споры эти, окруженныя лимфатической жидкостью, не только прорастутъ, но и дадутъ богатыя колоніи бактерій, такъ какъ лейкоциты не будутъ въ состояніи проникнуть сквозь бумагу и уничтожить ихъ.

Приведенныя выше наблюденія надъ развитіемъ сибирской язвы у лягушки при высокихъ температурахъ указываютъ уже на то, что нерѣдко невоспріимчивость стоитъ въ тѣсной связи со внѣшними условіями. Возможно доказать, что зависимость эта обусловливается не столько вліяніемъ внѣшнихъ условій на бактеріи, сколько вліяніемъ ихъ на дѣятельность фагоцитовъ. Курица является совершенно невоспріимчивой къ сибирской язвѣ, какъ это было уже давно извѣстно; однако, Пастеръ и Жуберъ нашли очень простое средство уничтожить эту невоспріимчивость: чтобы понизить температуру тѣла курицы стоитъ только погрузить ея лапы до бедеръ въ холодную воду. Если привить курицѣ при такихъ условіяхъ сибирскую язву, то она погибаетъ отъ этой болѣзни, такъ какъ сибиреязвенныя палочки размножаются въ ея крови. Изъ этого обстоятельства выводили, что естественный иммунитетъ курицы зависитъ отъ высокой температуры крови у нея, достигающей 41—42° С. и являющейся условіемъ неблагопріятнымъ для развитія сибиреязвенной палочки. Гессъ и Вагнеръ, переизслѣдовавшіе этотъ вопросъ, пришли, однако, къ другому заключенію. Они нашли, что палочки сибирской язвы прекрасно развиваются въ крови и въ кровяной сывороткѣ курицы внѣ организма ея при температурахъ въ 42—43° С. Такимъ образомъ пониженіе температуры должно вліять не на ослабленіе жизнедѣятельности бактерій, а на ослабленіе сопротивляемости животнаго. Сопротивляемость эта зависитъ отъ фагоцитарной дѣятельности лейкоцитовъ, которые у нормальной курицы заглатываютъ бактеріи очень энергично, тогда какъ у охлажденной курицы дѣйствуютъ крайне слабо. Такое же ослабленіе дѣятельности лейкоцитовъ можетъ быть достигнуто другимъ путемъ,—именно, впрыскиваніемъ ей антипирина или хлорала,—при этомъ она точно также погибаетъ отъ сибирской язвы.

Интересно, что иногда лейкоциты относятся діаметрально противоположно къ очень близкимъ микробамъ. Примѣромъ можетъ служить отношеніе голубя къ бацилламъ человѣческой чахотки и къ бацилламъ туберкулеза птицъ; къ коховскимъ бацилламъ голубь проявляетъ полную невоспріимчивость и изслѣдованіе показываетъ, что лейкоциты сливаются вокругъ скученныхъ палочекъ и заключаютъ ихъ въ настоящія многоядерныя гигантскія клѣтки,—уничтожить бациллы онѣ почему-то не могутъ, но онѣ вредно дѣйствуютъ на нихъ, мѣшаютъ имъ размножаться и обнаруживать свое болѣзнетворное вліяніе. Совершенно иначе картина представляется при впрыскиваніи бациллъ птичьяго туберкулеза: лейкоциты также схватываютъ ихъ, но не могутъ съ ними справиться и погибаютъ въ борьбѣ съ этими врагами. Слѣдующее затѣмъ сильное размноженіе бациллы влечетъ за собою гибель организма.

Можно было бы думать, что микробы эти сильно между собою различаются,—Нокеру удалось, однако, превратить одинъ въ другой. Онъ заключилъ культуру человѣческаго туберкулеза въ мѣшечекъ изъ коллодіума и помѣстилъ его въ брюшную полость курицы; при этихъ условіяхъ бациллы были защищены отъ нападенія фагоцитовъ и въ то же время находились въ лимфѣ курицы, просачивающейся сквозь стѣнки мѣшечка. Черезъ нѣкоторое время бациллы человѣческаго туберкулеза пріучаются къ организму курицы и превращаются въ разновидность, совершенно подобную птичьему туберкулезу.

Чрезвычайно ясно выраженнымъ является естественный иммунитетъ противъ сибирской язвы, наблюдаемый у собаки и крысы, и въ обоихъ случаяхъ Мечниковъ и другіе изслѣдователи наблюдали дѣятельное участіе лейкоцитовъ. Уничтожить иммунитетъ собаки и заставить погибнуть это животное отъ сибирской язвы удается путемъ вырѣзанія у нея передъ впрыскиваніемъ селезенки—органа, въ которомъ происходитъ наиболѣе энергичный фагоцитозъ. Того же результата можно достигнуть, впрыскивая въ кровь передъ зараженіемъ угольный порошокъ, разведенный въ водѣ,—лейкоциты набрасываются на частички угля, заглатываютъ ихъ въ изобиліи и, наполненные ими, не въ состояніи заглотить микробовъ.

Большой интересъ представляютъ наблюденія надъ иммунитетомъ крысы, такъ какъ въ немъ противники фагоцитарной теоріи находили доказательства противъ послѣдней. Крыса обладаетъ не совершенно полнымъ иммунитетомъ противъ сибирской язвы, такъ какъ при большомъ количествѣ впрыснутыхъ бактерій погибаетъ отъ зараженія, хотя при маломъ оказываетъ гораздо болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ другіе грызуны. По изслѣдованіямъ Мечникова, при зараженіи крысы сибирскою язвою наблюдается несравненно болѣе энергичный фагоцитозъ ихъ лейкоцитами, чѣмъ, напр., у кролика и морской свинки,

почему онъ и предположилъ, что ея невоспріимчивость обусловливается также дѣятельностью лейкоцитовъ.

Между тѣмъ Берингъ сдѣлалъ очень интересное наблюденіе. Онъ нашелъ, что кровяная сыворотка *) крысы обладаетъ замѣчательной разрушительной способностью по отношенію къ сибиреязвеннымъ палочкамъ. Когда къ кровяной сывороткѣ крысы онъ прибавлялъ подъ микроскопомъ нѣкоторое количество сибереязвенныхъ палочекъ, то наблюдалъ, что послѣднія, вмѣсто того, чтобы удлиняться въ нити и размножаться, напротивъ, теряютъ свою нормальную преломляемость и очень плохо окрашиваются. Въ концѣ концовъ отъ бактерій сохраняется одна оболочка, какъ послѣдній слѣдъ посѣва. При прибавленіи слабой кислоты бактеріи, однако, безпрепятственно размножались. Берингъ предположилъ, что это антисептическое дѣйствіе сыворотки зависитъ отъ присутствія органической щелочи, растворенной въ кровяной жидкости, и что, слѣдовательно, иммунитъ крысы сводится къ простому химическому дѣйствію ея крови на сибиреязвенную палочку. Наблюденіе это было провѣрено многими изслѣдователями и оказалось совершенно правильнымъ, однако, столь же вѣрно и то, что при зараженіи крысы сибирскою язвою въ ея крови происходитъ очень энергичный фагоцитарный процессъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крысы не могутъ противостоять заразѣ и погибаютъ, и даже у такихъ умирающихъ крысъ, которыя не въ состояніи бороться съ бактеріями, кровяная сыворотка не утрачиваетъ своего умерщвляющаго бактерій («бактерициднаго») свойства; мало того, эта сыворотка, впрыснутая въ кровь другихъ крысъ и даже мышей, предохраняетъ и ихъ отъ смерти отъ сибирской язвы. Савченко наблюдалъ также слѣдующій фактъ: если при впрыскиваніи культуры бактерій шприцемъ происходило кровоизліяніе, то крыса справлялась съ инфекціей и выживала; если же бактеріи вводились тонкою иглою, которая не вызывала кровоизліянія, то животное погибало отъ зараженія.

Всѣ эти наблюденія показываютъ, что кровь внутри сосудовъ и по выходѣ наружу неодинакова, внѣ организма она пріобрѣтаетъ новыя свойства, именно, получаетъ способность умерщвлять сибиреязвенныхъ бактерій. Это измѣненіе связано съ процессомъ свертыванья крови, какъ это доказалъ Женгу; онъ добывалъ сыворотку двумя путями—

*) „Кровяною сывороткою" называется кровяная жидкость, лишенная кровяныхъ тѣлецъ и фибрина; если оставить стоять свѣжевыпущенную кровь въ пробиркѣ, то черезъ очень короткое время она „свернется"—кровяныя тѣльца и фибринъ, выдѣляющійся въ видѣ нитей вслѣдствіе дѣйствія особаго фермента, образуютъ верхній темный слой, обладающій консистенціей желе, тогда какъ подъ нимъ соберется слой прозрачной желтоватой жидкости — „сыворотка" или „серумъ" крови; въ ней заключаются минеральныя соли и очень сложныя органическія соединенія.

обыкновеннымъ способомъ, т.-е. оставляя кровь свертываться въ пробиркѣ, и центрифугированьемъ *) въ пробиркахъ, выстланныхъ слоемъ парафина. Въ послѣднемъ случаѣ получалась сыворотка, ближе подходящая по составу къ плазмѣ крови въ организмѣ и оказалось, что тогда какъ обыкновенная сыворотка убивала посѣянныя въ нее бактеріи, полученная же такимъ способомъ не производила ничего подобнаго.

Такимъ образомъ жидкость крови внутри организма не содержитъ въ себѣ бактерициднаго вещества; послѣднее при жизни животнаго, очевидно, заключается въ лейкоцитахъ и высвобождается изъ нихъ каждый разъ, когда клѣтки эти лопаются или претерпѣваютъ глубокія поврежденія. Это же происходитъ при свертыванія крови, при приготовленіи сыворотки, при кровоизліяніи и при распадѣ лейкоцитовъ («фаголизѣ») въ лимфѣ брюшной полости, если впрыснуть въ брюшную полость внезапно постороннюю жидкость, напримѣръ, бульонъ или слабый растворъ поваренной соли, содержащихъ суспендированныя въ ней бактеріи.

Бактерицидное вещество сыворотки крысы, называемое Мечниковымъ, какъ и всѣ подобныя вещества, «цитазомъ», выдерживаетъ, по наблюденіямъ Савченко, нагрѣваніе до 56°—61° С. и по своимъ свойствамъ приближается болѣе всего къ ферментамъ. Цитазъ при жизни животнаго заключается въ лейкоцитахъ и служитъ для умерщвленія и переваривація бактерій,—въ жидкость крови онъ не поступаетъ вовсе, пока лейкоциты цѣлы. Иммунитетъ крысы, такимъ образомъ, по мнѣнію профессора Мечникова, обусловливается все же фагоцитарной дѣятельностью лейкоцитовъ.

Сходныя явленія съ описанными у крысы наблюдаются и при ближайшемъ изслѣдованіи иммунитета животныхъ по отношенію къ другимъ микроорганизмамъ. Морская свинка, напр., погибаетъ при впрыскиваніи очень большого количества холерныхъ вибріоновъ, тогда какъ противъ малаго количества ихъ является иммунной. Если взять разновидность холерныхъ вибріоновъ средней ядовитости (или «вирулентности», какъ выражаются бактеріологи) и впрыснуть въ брюшную полость морской свинки небольшую дозу ея культуры, то наблюдаются слѣдующія явленія. Привитые вибріоны быстро плаваютъ въ жидкости брюшной полости, изъ которой исчезли почти всѣ лейкоциты. Малопо-малу, однако, собираются новые лейкоциты, ощущающіе, повидимому, присутствіе враговъ на разстояніи, благодаря своей тонкой чувствительности къ перемѣнамъ химическаго состава (такая способность свободныхъ клѣтокъ привлекаться веществами, вызывающими

*) Т.-е. отдѣленіемъ кровяныхъ шариковъ отъ сыворотки путемъ вращенія въ центробѣжной машинѣ; парафинъ препятствуетъ быстрому свертыванью крови.

химическое раздраженіе, называется «положительной химіотаксіей»); они вступаютъ въ борьбу съ вибріонами, которыхъ они схватываютъ и поглощаютъ совершенно живыми, какъ это можно заключить уже по тому, что многіе вибріоны еще продолжаютъ быстро двигаться внутри полостей («вакуолей») плазматическаго тѣла лейкоцитовъ. Въ болѣе мелкихъ лейкоцитахъ, отличающихся также формою ядра и потому выдѣляемыхъ Мечниковымъ подъ названіемъ *микрофаговъ*, вибріоны вскорѣ принимаютъ видъ круглыхъ зеренъ и окончательно перевариваются, въ крупныхъ же лейкоцитахъ, называемыхъ *макрофагами*, они сохраняютъ дольше свою форму, но въ концѣ концовъ также погибаютъ. Между тѣмъ, въ брюшной жидкости еще черезъ 7 часовъ послѣ прививки можно наблюдать единичные вибріоны, сохранившіе и свою форму, и подвижность; капля, ея помѣщенная внѣ организма при 38° С., даетъ черезъ нѣсколько часовъ обильную культуру очень подвижныхъ микробовъ, слѣдовательно, брюшная жидкость не способна сама по себѣ разрушить и даже прекратить движенія вибріоновъ. Въ концѣ концовъ фагоциты поглощаютъ всѣхъ микробовъ, и организмъ освобождается отъ нихъ.

Если вмѣсто культуры средней ядовитости взять холерныхъ вибріоновъ, которые совсѣмъ не обладаютъ ядовитыми качествами (микробы холеры въ зависимости отъ внѣшнихъ условій разведенія ихъ могутъ быть различной силы) и впрыснуть ихъ въ брюшную полость нормальной морской свинки, то часто наблюдается, что они уже въ полостной жидкости превращаются въ шарообразныя зерна безъ всякаго видимаго участія лейкоцитовъ. Это зернистое превращеніе было впервые открыто Пфейфферомъ и потому получило названіе пфейфферовскаго явленія. Сторонники гуморальной теоріи иммунитета, видѣли въ этомъ явленіи подтвержденіе своихъ взглядовъ, такъ какъ оно указываетъ на возможность непосредственнаго неблагопріятнаго вліянія лимфатической жидкости на микробовъ. Должно, однако, замѣтить, что пфейфферовское явленіе происходитъ лишь при указанныхъ строго опредѣленныхъ условіяхъ и наблюдается исключительно въ брюшной полости.

Если прививать холерныхъ вибріоновъ въ подкожную клѣчатку или въ переднюю камеру глаза, пфейфферовскаго явленія не происходитъ и тѣмъ не менѣе микробы уничтожаются, и животное остается иммуннымъ,—явленіе это, слѣдовательно, вовсе не составляетъ необходимаго условія естественнаго иммунитета.

Причина пфейфферова явленія лежитъ въ происходящемъ въ брюшной полости тотчасъ послѣ прививки фаголизѣ (распаденіе лейкоцитовъ) и потому, если устранить фаголизъ, исчезаетъ и пфейфферово явленіе, какъ это можно доказать на опытѣ. При впрыскиваніи въ брюшную полость морской свинки посторонней жидкости, способной возбуждать фагоцитарную дѣятельность лейкоцитовъ, напр., телячьяго

бульона, физіологическаго раствора поваренной соли, мочи и т. п.— первоначально наступаетъ интенсивный фаголизъ, но за этой стадіей слѣдуетъ другая, во время которой лейкоциты становятся очень многочисленными и гораздо болѣе выносливыми. Если воспользоваться такимъ періодомъ возбужденія лейкоцитовъ и впрыснуть сколь возможно ослабленные вибріоны, то послѣдніе тотчасъ становятся жертвами лейкоцитовъ, и пфейфферовскаго явленія вовсе не наступаетъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что внѣклѣточное разрушеніе вибріоновъ, встрѣчаемое у морской свинки, происходитъ отъ цитаза, высвободившагося изъ лейкоцитовъ во время ихъ поврежденія при распадѣ.

При изслѣдованіи естественнаго иммунитета животныхъ противъ другихъ родовъ болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, каковы различные спириллы, кокки, дрожжевые грибки и, наконецъ, жгутиковыя инфузоріи, мы всюду видимъ ту же картину: паразиты привлекаютъ къ себѣ лейкоцитовъ, которые такъ или иначе справляются съ ними безъ какого бы то ни было прямого участія жидкостей тѣла больного животного.

IV.

Давно было уже извѣстно, что, помимо естественнаго иммунитета нѣкоторыхъ животныхъ къ опредѣленнымъ микробамъ, существуетъ еще иммунитетъ *искусственный* или *пріобрѣтенный*; такъ, было извѣстно, что послѣ заболѣванія нѣкоторыми заразными болѣзнями (напр., оспой, корью, тифомъ, скарлатиной и др.) человѣкъ становится къ нимъ невоспріимчивымъ; такіе же факты были извѣстны и относительно домашняго скота — быки, перенесшіе чуму рогатаго скота или бараны—овечью оспу, становятся невоспріимчивыми къ этимъ болѣзнямъ.

Научное изученіе причинъ такой невоспріимчивости сдѣлалось, однако, возможнымъ лишь послѣ открытія Пастеромъ значенія микроорганизмовъ и послѣ установленія имъ же явленія ослабленія микробовъ. Послѣднее открытіе было сдѣлано Пастеромъ случайно: вернувшись въ 1878 году въ Парижъ послѣ каникулъ, Пастеръ хотѣлъ возобновить свои опыты относительно куриной холеры и, къ удивленію своему, замѣтилъ, что оставленныя имъ культуры этого микроба, обыкновенно столь губительнаго, оказались безвредными—куры, которымъ прививались дозы,гораздо большія, чѣмъ смертельныя, оставались въ живыхъ. Заинтересованный этимъ явленіемъ, Пастеръ сталъ его изслѣдовать подробнѣе и открылъ, что бациллъ куриной холеры послѣ нѣсколькихъ недѣль культивированія въ бульонѣ значительно слабѣетъ и становится менѣе ядовитымъ. Пастеру пришла въ голову мысль, не пріобрѣтаютъ ли куры, воторымъ привиты такія ослабленныя

бациллы невоспріимчивости къ ядовитой культурѣ куриной холеры. Поставленные имъ опыты блестяще подтвердили это предположеніе и такимъ образомъ были открыты сразу два принципа, получившіе затѣмъ самое широкое примѣненіе въ бактеріологіи: ослабленіе ядовитости культуръ и предохранительныя прививки, или «вакцины», дающія искусственнымъ путемъ иммунитетъ противъ той или другой болѣзни.

Вскорѣ затѣмъ Пастеромъ, Шамберленомъ и Ру былъ найденъ способъ предохранять овецъ отъ зараженія сибирской язвой, производящей въ ихъ стадахъ сильнѣйшія опустошенія. Ослабленію культуръ сибиреязвенной палочки препятствовало то обстоятельство, что споры этого микроба сохраняли свою ядовитость. Одолѣть это затрудненіе удалось культивированіемъ микроба въ бульонѣ при высокой температурѣ (42,5° С.), при этихъ условіяхъ споры не развивались и культуры на воздухѣ становились слабыми и превращались въ вакцину, дававшую иммунитетъ привитымъ ею животнымъ.

Вслѣдъ за этими открытіями, проложившими новый путь, послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ—при пользованіи тѣмъ же методомъ были открыты прививки противъ карбункула, свиной краснухи и свиной холеры. Послѣднее открытіе, сдѣланное Салмономъ и Смитомъ, дало опять новый методъ,—именно, эти изслѣдователи нашли, что, вмѣсто ослабленныхъ культуръ микробовъ, можно прививать животнымъ жидкости, въ которыхъ разводились микробы и изъ которыхъ они удалены фильтрованіемъ, т.-е., слѣдовательно, жидкости, содержащія продукты выдѣленія микробовъ. Этимъ методомъ воспользовались впослѣдствіи для приготовленія вакцинъ противъ заболѣваній, вызываемыхъ тифознымъ бацилломъ, бацилломъ синяго гноя и септическимъ вибріономъ.

Такимъ образомъ была установлена возможность вызывать искусственно невоспріимчивость къ заразнымъ болѣзнямъ и были выработаны настолько удобные и вѣрные методы, что они вошли въ практику и съ успѣхомъ примѣняются уже впродолженіи многихъ лѣтъ (напр., прививка сибирской язвы овцамъ). Интересно прослѣдить, каково отношеніе такой искусственной невоспріимчивости къ естественной, о которой мы говорили выше, и каковы сопровождающіе ее внутренніе процессы.

Однимъ изъ наиболѣе изученныхъ явленій искусственнаго иммунитета является иммунитетъ морской свинки противъ холернаго вибріона. Мы говорили уже выше, что морская свинка обладаетъ естественнымъ иммунитетомъ противъ небольшихъ дозъ слабой разновидности холернаго вибріона, но погибаетъ отъ болѣе сильной культуры. Ее легко, однако, сдѣлать иммунной и противъ безусловно смертельныхъ дозъ, если предварительно подготовить, прививая ей или несмертельную дозу живыхъ холерныхъ вибріоновъ, или культуру ихъ, убитую сильнымъ нагрѣваніемъ, или, наконецъ, культурную жидкость, освобожденную отъ вибріоновъ фильтраціей. Всѣми этими способами можно

въ короткое время достичь того, что морская свинка сдѣлается невоспріимчивой къ очень большимъ дозамъ сильной холерной культуры.

У иммунизированной такимъ образомъ свинки сыворотка крови и лимфа брюшной полости пріобрѣтаютъ чрезвычайно рѣзко выраженное бактерицидное свойство: стоитъ взять лишь изъ брюшной полости каплю жидкости или добыть каплю сыворотки и прибавить къ ней подъ микроскопомъ живыхъ холерныхъ вибріоновъ, и можно наблюдать непосредственно то пфейфферовское явленіе, о которомъ мы говорили выше: вибріоны перестаютъ двигаться, закругляются и превращаются въ зерна, утрачивая жизненность. Защитники гуморальной теоріи видятъ въ этихъ опытахъ доказательство непосредственнаго вліянія жидкости крови на микроорганизмы и второстепеннаго значенія лейкоцитовъ для иммунитета — лейкоциты, по ихъ представленію, заглатываютъ лишь мертвыхъ уже микробовъ. Болѣе детальное изслѣдованіе Мечникова и его учениковъ сдѣлало, однако, и здѣсь очень сомнительнымъ такое толкованіе. Оказалось, что и въ данномъ случаѣ пфейфферовское явленіе происходитъ лишь въ тѣхъ частяхъ или въ тѣхъ жидкостяхъ организма, гдѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ лейкоциты; если же ввести холерные вибріоны въ подкожную клѣтчатку или въ переднюю камеру глаза, бѣдныя лейкоцитами, то микробы сохраняютъ свою форму и жизненность, точно также, какъ и въ жидкости такъ называемаго пассивнаго отека, вызваннаго замедленіемъ кровообращенія. Между тѣмъ, если одновременно съ культурой вибріоновъ впрыснуть въ подкожную клѣтчатку лимфу, содержащую большое количество лейкоцитовъ, то пфейфферовское явленіе опять настаетъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ условія вполнѣ тожественны съ существующими въ брюшной полости.

По мнѣнію Мечникова, подтвержденному многочисленными опытами, пфейфферовское явленіе и при искусственномъ иммунитетѣ зависитъ отъ бактерициднаго вещества, выдѣляемаго лейкоцитами въ жидкость крови при ихъ разрушеніи.

Дѣйствительно, если предупредить фаголизъ (распаденіе фагоцитовъ) въ брюшной полости морской свинки предварительнымъ впрыскиваніемъ бульона, то при послѣдующей прививкѣ холерныхъ вибріоновъ они не превращаются въ зерна или это превращеніе совершается въ очень слабой степени. Точно также не наблюдается пфейфферовое явленіе и при введеніи холернаго вибріона непосредственно въ кровь животнаго, впрыскиваніемъ культуры въ вены.

Что фагоцитарная дѣятельность лейкоцитовъ является необходимымъ условіемъ иммунитета и въ данномъ случаѣ, легко убѣдиться изъ слѣдующаго опыта: если подъ кожу привитой противъ холернаго вибріона морской свинки ввести маленькую стеклянную трубочку, наполненную культурой этого микроба, то черезъ короткое время эта трубочка наполняется множествомъ лейкоцитовъ, пожирающихъ ми-

кроорганизмы. Если же свинкѣ предварительно впрыснуть опіумъ, то лейкоциты въ трубочку не набираются, такъ какъ утрачиваютъ подвижность. Прививая теперь такой ослабленной опіумомъ свинкѣ въ брюшную полость холерныхъ вибріоновъ, можно наблюдать, что для нея оказывается смертельной уже такая доза микробовъ, которая раньше переносилась свободно,—лейкоциты ея не выходятъ въ брюшную полость нѣсколько часовъ, хотя число ихъ въ крови и увеличивается и сосуды расширяются отъ опіума. Этимъ временнымъ бездѣйствіемъ ихъ пользуются вибріоны, сильно размножаясь въ полостной жидкости. Когда позднѣе лейкоциты появляются и начинаетъ борьбу съ микробами, оказывается уже поздно и свинка погибаетъ отъ зараженія.

Такой же результатъ былъ полученъ Вассерманомъ при примѣненіи вмѣсто опіума особой сыворотки, уничтожающей фагоцитарную дѣятельность лейкоцитовъ (способъ приготовленія такихъ сыворотокъ будетъ выясненъ нами ниже). Прибавляя къ несмертельной для привитыхъ свинокъ дозѣ тифознаго микроба нѣкоторое количество такой сыворотки, Вассерманъ наблюдалъ, что свинки, лишенныя защитной дѣятельности лейкоцитовъ, погибаютъ отъ заразы.

При изслѣдованіи искусственной невоспріимчивости къ нѣкоторымъ микробамъ наблюдается еще одно свойство жидкости крови, на которое Максъ Груберъ смотрѣлъ какъ на причину пріобрѣтеннаго иммунитета—именно, такъ называемая «агглютинація» или склеиваніе микробовъ. При дѣйствіи сыворотки предохраненнаго прививкой животнаго на бациллы синяго гноя, кокко-бациллы брюшного тифа, палочки сибирской язвы и многіе другіе микроорганизмы, микробы эти ослизняются и склеиваются между собою въ кучки или въ нити, чего не происходитъ въ сывороткѣ крови обыкновеннаго животнаго. При тифѣ это явленіе выражается настолько рѣзко и явственно, что примѣняется и для діагноза этой болѣзни въ ея раннемъ, слабо выраженномъ періодѣ: на основаніи того, что сыворотка крови больного вызываетъ агглютинацію тифозныхъ кокко-бациллъ, можно съ увѣреностью сказать, что больной зараженъ тифомъ, и пріемъ этотъ вошелъ даже въ обычную медицинскую практику и врачи имъ постоянно пользуются.

Многіе опыты и наблюденія показываютъ, однако, что явленіе агглютинаціи не стоитъ въ прямой связи съ невоспріимчивостью. Прежде всего оно уже далеко не всегда замѣчается въ крови невоспріимчивыхъ животныхъ и, съ другой стороны, кровь, способная вызывать это явленіе, нерѣдко не обладаетъ иммунитетомъ. Наконецъ, по отношенію къ палочкамъ свиной краснухи, пнеймококкамъ и вибріонамъ Гамалѣи было установлено, что агглютинація нисколько не измѣняетъ жизненности и вирулентности ихъ. Возможно, что агглютинація нѣсколько содѣйствуетъ фагоцитозу, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда благодаря ей прекращаютъ свои движенія подвижные микробы,—роль ея, однако, всегда второстепенная и случайная.

Явленіе, постоянно сопровождающее невоспріимчивость, искусственную, какъ и естественную, это—фагоцитарная дѣятельность лейкоцитовъ. По мнѣнію Мечникова, основанному на его продолжительныхъ изслѣдованіяхъ, «фагоциты», не полно или даже вовсе не выполняющіе своей противомикробной функціи, становятся гораздо дѣятельнѣе вслѣдствіе предохранительныхъ прививокъ,—они обнаруживаютъ очень явную положительную химіотаксію (т.-е. способность привлекаться химическими раздраженіями микробовъ) и пріобрѣтаютъ способность гораздо интенсивнѣе переваривать микробовъ». Съ этимъ усиленіемъ пищеварительной дѣятельности связано перепроизводство фагоцитами умерщвляющихъ микробы веществъ, которыя при нѣкоторыхъ условіяхъ могутъ выдѣляться изъ лейкоцитовъ въ окружающую кровяную жидкость, обыкновенно же содержатся внутри лейкоцитовъ.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному ознакомленію со свойствами и составомъ этихъ бактерицидныхъ веществъ; намъ необходимо, однако, предварительно познакомиться еще съ одной группой явленій, именно, съ отношеніемъ организма ко вводимымъ въ него постороннимъ клѣткамъ.

V.

Простѣйшія, состоящія изъ одной лишь клѣтки, животныя заглатываютъ пищевыя вещества своею плазмой и перевариваютъ ихъ затѣмъ при помощи выдѣляемыхъ плазмою ферментовъ внутри своего одноклѣточнаго тѣла, почему такое пищевареніе и получило названіе *внутриклѣточнаго.* У животныхъ болѣе высоко организованныхъ, многоклѣточныхъ, пищевареніе въ большинствѣ случаевъ концентрируется въ кишечникѣ, гдѣ пищевыя вещества обрабатываются ферментами и другими продуктами и всасываются стѣнками кишечника въ жидкомъ видѣ. Внутриклѣточное пищевареніе у нихъ или совершенно отсутствуетъ или имѣетъ второстепенное значеніе. Между тѣмъ изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ показали, что при нѣкоторыхъ условіяхъ внутриклѣточное пищевареніе проявляется въ широкихъ размѣрахъ даже у позвоночныхъ,—дѣятельными элементами у нихъ являются лейкоциты.

Стоитъ впрыснуть подъ кожу животному кровь животнаго другой породы, молоко или яичный бѣлокъ, т.-е. жидкости богатыя бѣлковыми веществами, и въ мѣстѣ впрыскиванія образуется, такъ называемое асептическое воспаленіе—возникаетъ отекъ, привлекается огромное количество лейкоцитовъ и они захватываютъ частички впрыснутой жидкости, кровяныя тѣльца или жировыя капельки, уносятъ ихъ и постепенно перевариваютъ внутри своего плазматическаго тѣла. При этомъ наблюдается обыкновенно одно замѣчательное явленіе: кровь или, вѣрнѣе, сыворотка животнаго, которому сдѣлана инъекція, пріобрѣтаетъ свойства, которыхъ у нея ранѣе не было.

Если, напр., морской свинкѣ было впрыснуто молоко, то послѣ нѣсколькихъ инъекцій сыворотка крови ея получаетъ свойство образовывать съ молокомъ нерастворимый творожистый осадокъ, чего никогда не производитъ обыкновенная сыворотка морской свинки; если кролику былъ впрыснутъ куриный бѣлокъ, то сыворотка также начинаетъ давать осадокъ съ этимъ веществомъ; интереснѣе всего, что такого же результата можно добиться, если кормить кролика продолжительное время куринымъ бѣлкомъ,—очевидно, между слѣдствіями кишечнаго пищеваренія и всасываніемъ тканями существуетъ большая аналогія.

Наибольшаго вниманія заслуживаютъ явленія, наблюдаемыя при впрыскиваніи чужой крови. Если впрыскивать, напр., золотой рыбкѣ въ брюшную полость кровь морской свинки, то можно наблюдать, что красныя кровяныя тѣльца впрыснутой крови захватываются лейкоцитами, которые обволакиваютъ ихъ своей плазмой, заключаютъ въ полость своего тѣла и мало-по-малу перевариваютъ. Благодаря ихъ дѣятельности, кровь свинки постепенно разсасывается и, наконецъ, исчезаетъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ прививокъ кровяная сыворотка золотой рыбки получаетъ новое свойство,—именно, при прибавленіи ея подъ микроскопомъ къ каплѣ крови морской свинки, можно наблюдать, что красные кровяные шарики свинки сперва склеиваются между собою («агглютинируются»), затѣмъ очень быстро совершенно *растворяются*. Ничего подобнаго не производитъ обыкновенная сыворотка золотой рыбки.

Болѣе удобными объектами для изслѣдованія даннаго явленія служатъ млекопитающія и птицы. При впрыскиваніи въ брюшную полость морской свинки гусиной крови, предварительно лишенной фибрина, овальныя красныя кровяныя тѣльца птицы остаются первоначально безъ измѣненія въ полостной жидкости, которая на нихъ не вліяетъ. Появленіе ихъ вызываетъ прежде всего распаденіе (фаголизъ) бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ (лейкоцитовъ) свинки, находящихся въ брюшной полости, но черезъ нѣкоторое время тамъ собирается опять большое количество лейкоцитовъ, выходящихъ изъ сосудовъ. Между ними особенно много такъ называемыхъ «макрофаговъ» (см. выше), отличающихся цѣльнымъ ядромъ и болѣе значительными размѣрами. Они захватываютъ красныя кровяныя тѣльца гуся своими отростками, втягиваютъ ихъ внутрь своей плазмы, иногда по нѣскольку вмѣстѣ, и мало-по-малу перевариваютъ, причемъ тѣ сморщиваются, утрачиваютъ свой пигментъ и, наконецъ, плазматическое тѣло ихъ растворяется и лишь ядро еще сохраняется нѣкоторое время.

Раствореніе красныхъ кровяныхъ шариковъ въ тѣлѣ лейкоцитовъ-макрофаговъ обусловливается присутствіемъ въ послѣднихъ особаго растворимаго фермента. Если взять органы морской свинки, содержащіе наибольшее количество макрофаговъ,—именно, мезентеріальныя

лимфатическія железы, железистую часть сальника и селезенку, приготовить изъ нихъ экстрактъ въ физіологическомъ растворѣ (0,75% поваренной соли) и подѣйствовать этимъ экстрактомъ на красныя кровяныя тѣльца гуся, то окажется, что полученный экстрактъ въ большей или меньшей степени растворяетъ ихъ. Нагрѣваніе экстракта до 56° С. разрушаетъ ферментъ и лишаетъ экстрактъ способности растворять красныя кровяныя тѣльца гуся. Въ томъ данный ферментъ сходенъ съ нѣкоторыми другими пищеварительными ферментами, къ которымъ и относитъ его Мечниковъ и называетъ «макроцитазомъ».

Сыворотка, полученная изъ крови морской свинки, которая была инъецирована кровью гуся, не растворяетъ красныхъ кровяныхъ шариковъ гуся, но если взять другихъ животныхъ, то можетъ получиться такой же результатъ, какъ описанный выше для золотой рыбки. Если впрыскивать, напр., морской свинкѣ кровь кролика, то послѣ нѣсколькихъ впрыскиваній сыворотка этой свинки получаетъ способность очень быстро растворять красныя кровяныя тѣльца кролика и по прибавленіи ея къ крови кролика, находящейся въ пробиркѣ, тотчасъ же образуется совершенно прозрачная красная жидкость. Если впрыснуть такую растворяющую кровь («гемолитическую») сыворотку кролику, она подѣйствуетъ на него, какъ сильнѣйшій ядъ, и убьетъ его въ очень короткій срокъ,—при вскрытіи оказывается, что вся кровь его превратилась въ прозрачную жидкость—красныя кровяныя тѣльца ея растворились, отчего и погибло животное.

Даранбергъ, Бухнеръ и Бордэ изслѣдовали подробно составъ и дѣйствіе такихъ «гемолитическихъ» (растворяющихъ кровь) сыворотокъ и пришли къ тому выводу, что въ ней заключается также особый ферментъ, разрушающійся при нагрѣваніи до 55—56° С. и дѣйствующій на красныя кровяныя тѣльца лишь въ присутствіи солей; этотъ ферментъ Бухнеръ назвалъ «алексиномъ» и отнесъ его по его дѣйствіямъ къ пищеварительнымъ діастазамъ.

Эрлихъ и Моргенротъ пошли дальше. Они нашли, что въ раствореніи кровяныхъ шариковъ принимаетъ участіе не одинъ ферментъ, а два вещества, заключающіяся въ каждой гемолитической сывороткѣ. Доказать это можно слѣдующимъ простымъ опытомъ: если нагрѣть гемолитическую сыворотку морской свинки, полученную указаннымъ выше способомъ, до 56°, то алексинъ въ ней разрушается и она перестаетъ растворять красныя кровяныя тѣльца кролика; стоитъ, однако, прилить къ ней сыворотки полученной отъ вполнѣ нормальной свинки,—и она растворитъ кровяныя тѣльца кролика, не смотря на то, что нормальная сыворотка сама по себѣ также не обладаетъ гемолитической способностью. Изъ этого можно заключить, что нагрѣтая сыворотка, лишенная алексина, должна была заимствовать изъ нормальной алексинъ, тогда какъ въ ней самой находилось еще какое то вещество, которое не разрушается при 56° и отсутствуетъ въ нормальсывороткѣ. Лишь при наличности обоихъ веществъ сыворотка получаетъ

способность растворять красныя кровяныя тѣльца кролика, тогда какъ въ отдѣльности каждое изъ нихъ на эти тѣльца не дѣйствуетъ. Опыты показали, что это специфическое вещество сыворотки, растворяющей кровь, разрушается лишь при 60—65° и также должно быть отнесено къ ферментамъ. Мечниковъ предлагаетъ назвать его «фиксаторомъ».

Названіе это является вполнѣ заслуженнымъ, такъ какъ данное вещество обладаетъ странной способностью фиксироваться на кровяныхъ шарикахъ, какъ бы соединиться съ ними. Если нагрѣть гемолитическую сыворотку до 56°С., лишивъ ее, такимъ образомъ, алексина, и прибавить къ ней красныхъ кровяныхъ тѣлецъ кролика, то они не измѣнятся; затѣмъ ихъ можно отдѣлить отъ сыворотки вращеніемъ на центробѣжной машинѣ (центрифугированьемъ), тогда оказывается, что сыворотка лишилась способности растворять кровь кролика даже при прибавленіи къ ней новаго количества нормальной сыворотки,—«фиксаторъ» какъ бы унесенъ изъ нея кровяными шариками; въ то же время отдѣленныя красныя кровяныя тѣльца при прибавленіи къ нимъ нормальной сыворотки свинки очень быстро растворяются—очевидно, фиксировавшійся на нихъ «фиксаторъ» соединяется съ алексиномъ, содержащимся въ нормальной сывороткѣ и разрушаетъ тѣльца.

Подобные опыты, много разъ провѣренные на различныхъ объектахъ, доказываютъ съ полной очевидностью, что процессъ растворенія красныхъ кровяныхъ шариковъ въ гемолитической сывороткѣ довольно сложенъ и обусловливается присутствіемъ двухъ ферментовъ, заключающихся въ сывороткѣ,—одинъ изъ нихъ—алексинъ, тожественный съ макроцитазомъ лейкоцитовъ, служитъ для растворенія красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, другой—фиксаторъ—какъ бы подготовляетъ ихъ къ растворенію, вступая съ ними, повидимому, въ соединеніе. Фиксаторъ обладаетъ по представленію Эрлиха и Моргенрота, двумя сродствами—къ краснымъ шарикамъ и къ алексину; когда всѣ три вещества встрѣчаются вмѣстѣ, они образуютъ прочное растворимое соединеніе; раствореніе красныхъ кровяныхъ тѣлецъ является, слѣдовательно, химическую реакцію.

По мнѣнію Бордэ, процессъ этотъ нѣсколько иного порядка,—именно, фиксаторъ дѣйствуетъ на красныя кровяныя тѣльца, дѣлая ихъ болѣе чувствительными и болѣе воспріимчивыми къ алексину; прикрѣпляясь на тѣльцахъ, вещество это дѣлаетъ ихъ какъ бы болѣе жадными къ алексину, совершенно аналогично тому, какъ въ процессѣ окрашиванія тканей протрава дѣлаетъ ткань болѣе воспріимчивою и болѣе жадною къ краскѣ.

Интересно, что явленіе, напоминающее дѣйствіе фиксатора, наблюдается и въ процессѣ кишечнаго пищеваренія. Раствореніе твердыхъ пищевыхъ веществъ въ кишечникѣ происходитъ подъ вліяніемъ ферментовъ, выдѣляемыхъ желудкомъ (сычуговый ферментъ и пепсинъ) и поджелудочной железой (трипсинъ, амилазъ и сапоназъ); каждый изъ этихъ ферментовъ дѣйствуетъ на ту или другую группу пищевыхъ ве-

ществъ. Кромѣ нихъ былъ, однако, открытъ въ стѣнкахъ тонкихъ кишекъ еще особый ферментъ, который проф. Павловъ назвалъ «энтерокиназомъ»; значеніе его было выяснено лишь въ недавнее время Шеповальниковымъ. Оказалось, что ферментъ этотъ самъ по себѣ не имѣетъ значительнаго пищеварительнаго дѣйствія, но возбуждаетъ дѣятельность другихъ ферментовъ, особенно увеличивая дѣйствіе трипсина, который переваривает фибринъ и бѣлки. Въ присутствіи энтерокиназа трипсинъ переваривает бѣлки въ 3—13 разъ сильнѣе, чѣмъ безъ него, и совсѣмъ недѣятельный поджелудочный сокъ, не растворяющій вовсе бѣлковъ, быстро переваривает его при прибавленіи одной капли сока тонкихъ кишекъ. Замѣчательнѣе всего, однако, что энтерокиназъ точно также фиксируется на фибринѣ, какъ фиксаторъ гемолитической сыворотки на кровяныхъ шарикахъ. При помощи хлопьевъ фибрина можно удалить въ короткое время энтерокиназъ изъ жидкости, такъ какъ на нихъ онъ прочно осѣдаетъ. Если же въ растворъ трипсина ввести, съ одной стороны, хлопья фибрина, пропитанныя энтерокиназомъ, съ другой—такія же хлопья безъ этого фермента, то первые хлопья очень быстро перевариваются, тогда какъ вторые остаются долгое время непереваренными.

Аналогія между обоими явленіями—фиксированіемъ энтерокиназа на фибринѣ и соединеніемъ фиксатора съ кровяными шариками настолько полная, что невольно является мысль о близости обоихъ ферментовъ. Дѣйствительно, фиксаторъ гемолитической сыворотки по всѣмъ своимъ свойствамъ долженъ быть отнесенъ къ пищеварительнымъ ферментамъ и, именно, къ той группѣ ихъ, къ которой относится энтерокиназъ. Въ то же время алексинъ проявляетъ большое сходство съ трипсиномъ кишечнаго пищеваренія. Аналогична и роль этихъ ферментовъ при внутриклѣточномъ пищевареніи: алексинъ растворяетъ и переваривает кровяныя тѣльца, подготовленныя къ этому, подобно тому, какъ трипсинъ растворяетъ фибринъ, фиксированный энтерокиназомъ.

Трипсинъ и энтерокиназъ дѣйствуютъ не на одинъ фибринъ, но и на другія бѣлковыя соединенія,—точно также и ферменты внутриклѣточнаго пищеваренія не ограничиваются лишь кровяными шариками. Такимъ же точно образомъ, какъ сыворотки, растворяющія кровь, могутъ быть приготовлены и сыворотки, умерщвляющія другіе клѣточные элементы. Дѣйствительно, Мечникову и Ландштейнеру удалось приготовить сыворотки, которыя останавливаютъ движенія сперматозоидовъ (сѣмянныхъ тѣлецъ) и умерщвляютъ ихъ, затѣмъ Дунгернъ получилъ сыворотку, убивающую жизнедѣятельность мерцательнаго эпителія, наконецъ, Мечникова приготовила сыворотку ядовитую для мозга.

Для полученія сыворотки, ядовитой для сперматозоидовъ, впрыскиваютъ, напр. сперму (сѣмянную жидкость) быка въ брюшную полость морской свинки; происходитъ обычный фагоцитозъ, сперматозоиды заглатываются лейкоцитами-макрофагами и перевариваются ими, въ то же время сыворотка свинки, послѣ нѣсколькихъ впрыскиваній пріобрѣ-

таетъ свойство останавливать движеніе сперматозоидовъ и умерщвляетъ ихъ. Такая сыворотка обладаетъ всѣми свойствами гемолитической, но отличается тѣмъ, что ее можно приготовить и путемъ впрыскиванія сперматозоидовъ того же самаго вида, т. е. путемъ впрыскиванія, напр., сперматозоидовъ морской свинки другой морской свинкѣ. Въ этомъ случаѣ сыворотка является ядовитой не только для сперматозоидовъ другихъ морскихъ свинокъ, но и для сперматозоидовъ того же самаго животнаго, отъ котораго она взята; внутри организма, однако, она не убиваетъ сперматозоидовъ и у животнаго, подвергнутаго впрыскиваніямъ, послѣдній сохраняютъ вполнѣ свою жизненность.

Опыты Мокстера, аналогичные описаннымъ выше показали, что въ спермотоксической сывороткѣ также имѣются два фермента, при томъ одинъ изъ нихъ—алексинъ, тожественный съ алексиномъ или макроцитазомъ гемолитической (растворяющій красные шарики) сыворотки, тогда какъ другой—фиксаторъ, безусловно иной, спеціально выработанный для данной цѣли. Таковъ же составъ и сыворотокъ, ядовитыхъ для другихъ тканей—при одинаковомъ алексинѣ, всѣ онѣ обладаютъ специфическими фиксаторами.

Многое говоритъ за то, что, подобно алексину, фиксаторы представляютъ изъ себя также вещества, выдѣляемыя лейкоцитами; тогда какъ алексины, однако, сохраняются въ лейкоцитахъ-макрофагахъ и переходятъ въ сыворотку крови лишь при разрушеніи послѣднихъ (напр. при фаголизѣ или же при свертываніи крови), фиксаторы, повидимому, еще при жизни лейкоцитовъ выдѣляются ими въ кровь и содержатся въ ея жидкости. Такое выдѣленіе происходитъ въ крови нормальнаго животнаго въ малой степени или совсѣмъ не происходитъ, тогда какъ при впрыскиваніи чуждыхъ клѣточныхъ элементовъ и при начинающемся поглощеніи ихъ лейкоцитами выдѣленіе соотвѣтствующаго фиксатора усиливается. При приготовленіи сыворотки такого животнаго вышедшій изъ лейкоцитовъ алексинъ въ совокупности съ находящимся въ жидкости крови фиксаторомъ растворяютъ или во всякомъ случаѣ умерщвляютъ данные клѣточные элементы.

Таковы въ общихъ чертахъ результаты многочисленныхъ, произведенныхъ за послѣднее время изслѣдованій въ области изученія соотношеній между лейкоцитами и введенными въ организмъ, чуждыми ему клѣтками. Посмотримъ теперь, насколько эти результаты могутъ быть примѣнены къ объясненію процессовъ, происходящихъ при борьбѣ лейкоцитовъ съ вредоносными болѣзнетворными микробами.

По существу, микроорганизмы, попавшіе тѣмъ или инымъ путемъ въ ткани животнаго, являются такими же посторонними инородными органическими тѣлами, какъ чужіе кровяные шарики или сперматозоиды. И дѣйствительно, лейкоциты относятся къ нимъ совершенно также, какъ къ посторроннимъ тѣламъ,—мы видѣли выше, что вторженіе въ организмъ микробовъ вызываетъ всегда притокъ къ мѣсту ихъ появленія лейкоцитовъ, которые начинаютъ заглатывать ихъ и

переваривать внутри своей плазмы, являясь по отношенію къ нимъ, слѣдовательно, такими же фагоцитами, какъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ постороннимъ тѣламъ. Единственное отличіе заключается въ томъ, что, тогда какъ кровяныя тѣльца заглатываются крупными лейкоцитами съ цѣльнымъ ядромъ, т. е. «макрофагами» Мечникова, на микробовъ нападаютъ преимущественно болѣе мелкія лейкоциты, у которыхъ ядро разсѣчено на лопасти т. е. «микрофаги».

Мы говорили уже выше, что въ основѣ дѣйствія фагоцитовъ на микроорганизмы лежитъ присутствіе въ послѣднихъ особаго фермента или «цитаза», при обыкновенныхъ условіяхъ содержащагося внутри лейкоцитовъ и лишь при разрушеніи послѣднихъ поступающаго въ жидкость крови. Этотъ ферментъ по всѣмъ своимъ качествамъ вполнѣ аналогиченъ алексину, принимающему участіе въ перевариваніи кровяныхъ шариковъ и другихъ чуждыхъ организму элементовъ, и опыты показываютъ, что единственное между ними различіе, это—то обстоятельство, что алексинъ выдѣляется макрофагами, тогда какъ ферментъ, переваривающій микроорганизмы, является продуктомъ микрофаговъ. Женгу удалось доказать различіе этихъ ферментовъ прямыми опытами—онъ добывалъ экстрактъ изъ макрофаговъ и изъ микрофаговъ и дѣйствовалъ ими на бактеріи и на кровяные шарики,—оказалось, что экстрактъ изъ макрофаговъ, содержащій «макроцитазъ», не дѣйствуетъ вовсе на бактерій, но растворяетъ съ легкостью кровяные шарики; съ другой стороны, экстрактъ изъ микрофаговъ съ «микроцитазомъ» обнаруживалъ большую бактерицидную (умерщвляющую бактерій) способность, но мало вліялъ на шарики.

Микроцитазъ дѣйствуетъ на бактеріи какъ и въ слабо-кислой, такъ и въ слабо-щелочной средѣ и напоминаетъ своими свойствами и дѣйствіемъ трипсинъ; подобно нѣкоторымъ другимъ ферментамъ, напр., ферменту дрожжей (эндотрипсинъ дрожжей), онъ вырабатывается плазмой лейкоцитовъ, но не выдѣляется наружу, пока лейкоцитъ цѣлъ, и дѣйствуетъ лишь внутри клѣтки.

Въ виду полной аналогіи макро - и микроцитаза, невольно напрашивается вопросъ: не принимаетъ ли участіе и въ перевариваніи микробовъ еще другой ферментъ, соотвѣтствующій фиксатору и дѣлающій микробовъ болѣе чувствительными къ дѣйствію микроцитаза?

Изслѣдованія Мечникова и его учениковъ показали, что въ этомъ отношеніи очень сильно различается естественный иммунитетъ отъ пріобрѣтеннаго прививкой. При естественномъ иммунитетѣ участіе фиксаторовъ замѣчается лишь въ исключительныхъ случаяхъ и обыкновенно дѣйствуетъ одинъ микроцитазъ, разрушая заглоченныхъ лейкоцитомъ микробовъ внутри плазмы послѣдняго. Совершенно иное наблюдается при невоспріимчивости, пріобрѣтенной путемъ прививокъ: въ этомъ случаѣ существуютъ, какъ общее правило, помимо микроцитазовъ, другія вещества, дѣйствіе которыхъ очень существенно въ защитѣ организма противъ микробовъ. Вещества эти—фиксаторы, ко-

торые сами по себѣ не убиваютъ бактерій вовсе, но благопріятствуютъ бактерицидному дѣйствію микроцитазовъ, дѣлая бактерій болѣе чувствительными къ нимъ.

Тогда какъ микроцитазъ лейкоцитовъ дѣйствуетъ одинаково разрушающе на всевозможныхъ микробовъ, фиксаторы являются специфическими, т.-е. каждому извѣстному роду микроорганизмовъ соотвѣтствуетъ опредѣленный фиксаторъ, который только на данномъ микроорганизмѣ и фиксируется. Предохранительныя прививки ослабленныхъ культуръ, повидимому, тѣмъ и предохраняютъ организмъ отъ зараженія, что усиливаютъ выдѣленіе въ кровь фиксатора, дѣйствующаго, именно, на данный микроорганизмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прививки повышаютъ и фагоцитарную дѣятельность организма — лейкоциты неполно или даже вовсе не выполняющіе своей противомикробной функціи становятся гораздо дѣятельнѣе и энергичнѣе—они обнаруживаютъ явную положительную химіотаксію, т.-е легко привлекаются химическими раздраженіями, которыя производятъ микробы, и гораздо дѣятельнѣе перевариваютъ заглоченныхъ бактерій.

Эрлихъ попытался проникнуть еще глубже въ механизмъ явленій, происходящихъ между клѣткой и микробомъ, и предложилъ теорію, объясняющую иммунитетъ слѣдующимъ образомъ: по его представленію, нѣкоторыя составныя части микробовъ, заключающихся въ предохранительной прививкѣ, при заглатываніи ихъ лейкоцитами соединяются съ веществомъ клѣтокъ; при этомъ клѣтки стараются возстановить утрату, произошедшую вслѣдствіе соединенія части ихъ вещества съ микробами и вырабатываютъ такое количество новыхъ веществъ, что часть ихъ поступаетъ въ жидкость крови. Эти-то выдѣленныя части и суть не что иное, какъ фиксаторы *), обладающіе сродствомъ какъ къ микробамъ, такъ и къ микроцитазамъ лейкоцитовъ. Теорія Эрлиха не представляетъ никакого коренного противорѣчія съ теоріей Мечникова,—все ея отличіе заключается въ томъ, что Эрлихъ считаетъ цитазы постоянно присутствующими въ свободномъ видѣ въ жидкости крови, тогда какъ по Мечникову они освобождаются лишь при распадѣ лейкоцитовъ (при «фаголизѣ»), обыкновенно же содержатся лишь внутри лейкоцитовъ и дѣйствуютъ на микробовъ при фагоцитозѣ. Теорія Эрлиха является такимъ образомъ, можно сказать, *химической* теоріей иммунитета, тогда какъ теорія Мечникова—*біологической*.

VI.

До сихъ поръ мы касались лишь невоспріимчивости животныхъ къ болѣзнетворнымъ микробамъ,—гораздо опаснѣе, однако, самихъ микро-

---

*) Кромѣ того, въ небольшомъ количествѣ выдѣляются лейкоцитами агглютинирующія (т.-е. склеивающія микробовъ) вещества, роль которыхъ въ борьбѣ съ микроорганизмами второстепенна.

бовъ во многихъ случаяхъ тѣ вещества, которыя образуются, благодаря жизнедѣятельности микробовъ, въ окружающей ихъ средѣ — бактеріальные яды, или «токсины». Ничтожнаго количества такого отдѣленнаго отъ микробовъ яда иногда бываетъ достаточно для того, чтобы убить животное, 1—2 миллиграммовъ токсина столбняка, напр., достаточно для того, чтобы убить мышь. Въ естественныхъ условіяхъ, однако, животнымъ не приходится бороться съ чистыми бактеріальными ядами—обыкновенно эти яды выдѣляются уже въ организмѣ животнаго попавшими туда такъ или иначе микробами, противъ которыхъ, главнымъ образомъ, и направляется защитная дѣятельность организма.

Тѣмъ не менѣе, у животныхъ далеко нерѣдко наблюдается даже вполнѣ естественный иммунитетъ противъ нѣкоторыхъ, ядовъ. Многія безпозвоночныя, напр., выдерживаютъ дозы ядовъ безусловно смертельныя для гораздо болѣе крупныхъ позвоночныхъ,—такъ, паукъ-птицеядъ (Mygale) переноситъ прививку такой дозы яда столбняка, которая могла бы убить 1.000 мышей, скорпіонъ еще менѣе чувствителенъ къ этому яду и выдерживаетъ прививку дозы въ 5.000 разъ большей, чѣмъ доза смертельная для мыши, причемъ организмъ его очень быстро совершенно перерабатываетъ и уничтожаетъ ядъ. Лягушки являются невоспріимчивыми къ дифтеритному яду и при низкихъ температурахъ также и къ столбняковому, при высокихъ температурахъ (30°—39°) онѣ, однако, погибаютъ отъ столбняка. Изъ теплокровныхъ животныхъ особенно замѣчательна сопротивленіемъ, оказываемымъ столбняку, курица—она выдеживаетъ очень большое количество столбняковаго яда, хотя при ослабленія ея холодомъ, при впрыскиваніи огромныхъ дозъ яда и при введеніи яда непосредствено въ мозгъ—погибаетъ.

Можно было бы думать, что кровь или кровяная сыворотка животныхъ, невоспріимчивыхъ къ столбняку, является противоядіемъ противъ столбняковаго яда и нейтрализуетъ его; опыты, произведенные Вальяромъ надъ курицей, показали, однако, что это не такъ: при впрыскиваніи куриной кровяной сыворотки вмѣстѣ со столбняковымъ ядомъ животнымъ, чувствительнымъ къ послѣднему, никакого ослабленія дѣйствія яда не замѣчается. Нельзя предположить также и того, чтобы нервная система курицы не страдала отъ столбняковаго яда—курица погибаетъ отъ минимальнаго количества яда введеннаго въ мозгъ. Должно, слѣдовательно, думать, что ядъ въ организмѣ курицы задерживается какими-то элементами, и нѣкоторыя наблюденія заставляютъ предполагать, что этими элементами являются лейкоциты,—они мѣшаютъ столбняковому яду достигать нервныхъ центровъ.

Въ еще болѣе сильной степени выражается, однако, невоспріимчивость организма къ микробнымъ ядамъ при искусственномъ подготовленіи его различными способами. Способность человѣческаго орга-

низма привыкать къ ядамъ была извѣстна еще въ древности. Плиній сообщаетъ, что Митридатъ, царь понтійскій, обладалъ секретомъ предохранять себя отъ отравленія,—онъ пріучалъ себя ко многимъ ядамъ, между прочимъ, при помощи крови утокъ, которыхъ кормилъ ядами. Общеизвѣстно также, что жители Штиріи привыкаютъ настолько принимать мышьякъ, что поглощаютъ дозы его безусловно смертельныя для неподготовленнаго организма. То же самое можно сказать и о привычныхъ морфиноманахъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ они потребляютъ до 2 и даже до 3 граммовъ морфія совершенно безнаказанно.

Принимая во вниманія такую выносливость организма при предварительномъ подготовленіи его, можно было бы думать, что онъ легко можетъ приспособляться и къ бактеріальнымъ ядамъ при постепенномъ пріученіи. Первые опыты Шаррена и Гамалѣи показали, однако, что животныя, которымъ была сдѣлана предохранительная прививка противъ микробовъ, оставались столь же чувствительными къ ихъ ядовитымъ продуктамъ, какъ и непредохраненныя, казалось, что они совершенно не могутъ быть пріучены къ бактеріальнымъ ядамъ.

Затѣмъ были, однако, открыты Ру и Іерсеномъ новые и болѣе совершенные методы выдѣленія бакеріальныхъ ядовъ и выяснена болѣе точно химическая природа этихъ, послѣднихъ, тогда какъ ранѣе полагали, что они должны быть отнесены къ группѣ птомаиновъ, было найдено изслѣдованіями названныхъ ученыхъ надъ дифтеритнымъ ядомъ, что въ дѣйствительности это ферменты, т.-е. вещества неопредѣленнаго и очень сложнаго состава, близкіе къ бѣлковымъ и еще болѣе непрочныя. Эти результаты были подтверждены работами Кнуда-Фабера, Бригера и Френкеля надъ столбнячнымъ ядомъ, который оказался столь же сильно дѣйствующимъ на привитыхъ имъ животныхъ, какъ и культура самихъ микробовъ. Когда были выдѣлены и и изучены яды, принялись и за изслѣдованіе способовъ пріученія къ нимъ организма, и вполнѣ естественно, что при этомъ попытались примѣнить тотъ же способъ, который оказался дѣйствительнымъ при прививкахъ микробовъ, именно, ослабленіе ядовъ неблагопріятными вліяніями. Френкель попытался ослаблять дифтеритный ядъ нагрѣваніемъ до 60°, Берингъ и Китазато ослабляли дифтеритный и столбнячный ядъ прибавленіемъ различныхъ химическихъ веществъ, въ особенности трехълористаго іода. Оказалось, что животныя, выдерживавшіе такіе ослабленные яды, получали способность выносить и неослабленныя, во все болѣе и болѣе крупныхъ дозахъ и становились невосспріимчивыми къ отравленію даннымъ ядомъ. При изслѣдованіи реакціи организма на ослабленный ядъ (токсинъ) Берингъ и Китазато сдѣлали еще одно замѣчательное наблюденіе, пролившее новый свѣтъ на механизмъ невосспріимчивости противъ ядовъ и поведшее къ дальнѣйшимъ важнымъ открытіямъ. Они замѣтили, что кровь животнаго, пріученнаго прививками ослабленнаго токсина, получаетъ особыя свойства, именно, становится какъ бы *противоядіемъ* противъ даннаго

токсина. Если впрыскивать смѣсь сыворотки такого животнаго съ ядомъ, противъ котораго оно привито, другому животному, то смѣсь эта оказывается индифферентной и не отравляетъ животное. Въ крови развивается какое-то вещество, дѣйствующее какъ противоядіе и называемое поэтому *антитоксиномъ*.

Открытіе антитоксическихъ сыворотокъ повлекло за собою выработку метода успѣшной борьбы съ такими болѣзнями, въ которыхъ главную роль играетъ отравленіе бактерійными ядами прежде всего— со столбнякомъ и дифтеритомъ. По методу Беринга и Китазато, открытому въ 1890 году, противодифтеритная сыворотка приготовляется изъ крови лошади, которую подготовляютъ предварительно впрыскиваніемъ ослабленныхъ и постепенно увеличивающихся дозъ дифтеритнаго токсина. Постепенно въ крови лошади вырабатывается во все большемъ и большемъ количествѣ антитоксинъ, притомъ въ совершенно непропорціональномъ впрыскиваемому токсину количествѣ; кровь лошади по мѣрѣ надобности берутъ для приготовленія сыворотки и закрываютъ рану, такъ что одно и то же животное служитъ долгое время какъ бы фабрикой, изготовляющей антитоксинъ. Впрыснутая больному дифтеритомъ противодифтеритная сыворотка дѣйствуетъ въ организмѣ, какъ противоядіе, и парализуетъ дѣйствіе яда, развиваемаго микробами; до нѣкоторой степени она сообщаетъ и невоспріимчивость къ зараженію, однако, лишь на короткое время. Въ настоящее время является уже общеизвѣстнымъ фактомъ, насколько леченіе сывороткой понизило смертность отъ дифтерита и облегчило борьбу съ этою страшною болѣзнью.

Открытіе антитоксическихъ сыворотокъ, противодѣйствующихъ бактерійнымъ ядамъ, повлекло за собою далѣе открытіе вполнѣ аналогичнаго способа противодѣйствія нѣкоторымъ растительнымъ и животнымъ ядамъ не бактерійнаго происхожденія. Эрлихъ приготовилъ сыворотки, являющіяся противоядіемъ, предохраняющимъ животныхъ отъ зараженія добываемыми изъ растеній ядами—рициномъ, абриномъ и робиномъ; Физаликсъ, Бертранъ и Кальметтъ открыли такія же противоядія противъ змѣинаго яда, самаго страшнаго изъ животныхъ ядовъ. Такимъ образомъ было доказано, что организмъ можетъ приспособляться къ самымъ разнообразнымъ ядамъ и обладаетъ способностью вырабатывать противъ нихъ противоядія—антитоксины.

Болѣе подробныя изслѣдованія показали, что антитоксины крови представляютъ изъ себя ферментообразныя вещества, очень похожія на фиксаторы сыворотокъ, о которыхъ была рѣчь выше. Сходство это настолько велико, что нѣкоторые изслѣдователи считаютъ ихъ даже тожественными. Сущность дѣйствія антитоксиновъ на токсины является пока еще мало выясненной—съ одной стороны, они, несомнѣнно, вступаютъ въ соединенія съ токсинами, хотя эти соединенія и мало стойки и легко разлагаются, съ другой—они быть можетъ, вліяютъ и на клѣтки и ткани организма, побуждая ихъ къ сопротивленію ядамъ.

Подобно фиксаторамъ и цитазамъ, антитоксины, повидимому, также вырабатываются лейкоцитами подъ вліяніемъ дѣйствія на нихъ токсиновъ,—за это говоритъ наблюдаемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ поглощеніе токсиновъ лейкоцитами и легкость, съ которою лейкоциты реагируютъ противъ различныхъ ядовъ органическаго и неорганическаго происхожденія. Доказать, однако, съ полной несомнѣнностью происхожденія антитоксиновъ изъ лейкоцитовъ является особенно затруднительнымъ въ виду ихъ трудной уловимости. Во всякомъ случаѣ, въ сопротивленіи организма бактеріальнымъ ядамъ болѣе чѣмъ, во всѣхъ выше разсмотрѣнныхъ примѣрахъ иммунитета, имѣетъ значеніе жидкость крови и ея непосредственное вліяніе на ядъ, тогда какъ роль лейкоцитовъ сводится, главнымъ образомъ, къ измѣненію состава жидкости. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, наиболѣе примѣнимы взгляды сторонниковъ гуморальной теоріи иммунитета, видящихъ причину этого явленія въ свойствахъ жидкости крови и вліяніи ея на заразное начало.

Должно вообще замѣтить, что за послѣднее время рѣзкія противорѣчія между фагоцитарной и гуморальной теоріями начинаютъ сглаживаться: въ то время какъ сторонники первой начинаютъ допускать въ нѣкоторыхъ случаяхъ участіе жидкости крови и содержащихся въ ней продуктовъ въ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, въ подготовкѣ къ уничтоженію микробовъ, защитники второй, во главѣ съ создателемъ ея Эрлихомъ, допускаютъ происхожденіе ферментовъ въ крови изъ лейкоцитовъ и участіе послѣднихъ въ удаленіи микробовъ. Крайне трудно провести между границу дѣятельностью лейкоцитовъ и дѣятельностью продуктовъ, выдѣляемыхъ ими, и, по всей вѣроятности, какъ и во многихъ вопросахъ, истина окажется лежащей посрединѣ и обѣ теоріи сольются.

Крупной заслугой Мечникова и его школы останется всегда то обстоятельство, что его теорія выдвинула на передній планъ *біологическую* сторону борьбы организма съ заразными болѣзнями—участіе въ ней лейкоцитовъ. Первенствующее значеніе лейкоцитовъ въ дѣлѣ уничтоженія заразнаго начала не можетъ въ настоящее время подлежать сомнѣнію, и весь вопросъ сводится къ тому, должно ли приписать главную роль ихъ фагоцитарной дѣятельности, т.-е. заглатыванію или микробовъ, или же ихъ дѣятельности въ качествѣ железъ, выдѣляющихъ ферменты. Главною основою иммунитета является все же біологическое начало, именно, *чувствительность* подвижныхъ клѣтокъ, какими являются лейкоциты. Благодаря этому своему основному качеству, лейкоциты стекаются къ тому мѣсту, куда проникли микробы, и вступаютъ съ ними въ борьбу, благодаря ему же они выдѣляютъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ раздраженій, цитазы и фиксаторы или же антитоксины—первые служатъ для борьбы съ организованными посторонними тѣлами (чуждыми кровяными шариками, микробами), вторые—для борьбы съ жидкими органическими ядами. Вотъ

почему чисто химическая теорія иммунитета представляется нами въ настоящее время немыслимой—организмъ реагируетъ на заразу тѣми же элементами, изъ какихъ состоитъ сама зараза: противъ живыхъ клѣточныхъ элементовъ, какими должно признать микроорганизмы,—онъ выдвигаетъ живыя и чувствительныя клѣтки, противъ ядовитыхъ соединеній, выдѣляемыхъ микробами, онъ выставляетъ противоядія, выдѣляемыя тѣми же клѣтками. Наблюдается при этомъ и поразительное раздѣленіе труда: любая клѣтка и любая ткань организма можетъ подвергнуться нападенію микробовъ извнѣ и пострадать отъ нихъ, потому и каждая клѣтка должна была бы обладать способностью противодѣйствія всевозможнымъ ядамъ, что, несомнѣнно, усложняло бы ея организацію и вредило бы другимъ ея функціямъ. Вмѣсто того, мы видимъ, организмъ вырабатываетъ цѣлый сонмъ подвижныхъ, спеціально приспособленныхъ клѣтокъ, носящихся въ круговоротѣ крови и обладающихъ специфической чувствительностью къ микробнымъ ядамъ. Благодаря своей чувствительности, своему нахожденію въ движущейся массѣ крови и нѣкоторой способности къ самостоятельнымъ движеніямъ, эти клѣтки-лейкоциты тщательно слѣдятъ за появленіемъ микробовъ и другихъ постороннихъ тѣлъ и уничтожаютъ ихъ всѣми способами.

Какъ и многія функціи сложнаго организма, данная защитная дѣятельность его выработалась изъ функціи болѣе простой и первоначальной, именно, *пищеварительной*. На это указываютъ многія аналогіи между заглатывающей и переваривающей дѣятельностью лейкоцитовъ и нормальнымъ пищевареніемъ простѣйшихъ, большое сходство между ферментами лейкоцитовъ и ферментами пищеварительными (ср. выше роль фиксатора и терокиназа) и, наконецъ, тѣсное соприкосновеніе между пищеварительной и защитной функціей у нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ.

Если, однако, до сихъ поръ главные успѣхи лежали въ области изслѣдованія *біологической* стороны иммунитета, то въ будущемъ, несомнѣнно, такихъ же успѣховъ надо ожидать и отъ изслѣдованія его *химизма*. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать большихъ заслугъ Эрлиха, Бухнера, Пфейффера и другихъ сторонниковъ гуморальной теоріи, выдвинувшихъ на первый планъ *химическую* сторону процессовъ, происходящихъ въ защищающемся отъ заразы организмѣ. Изслѣдованіе цитазовъ, фиксаторовъ, антитоксиновъ и другихъ ферментовъ въ жидкости крови, казавшейся еще такъ недавно совершенно простою, выясненіе ихъ химическаго характера, свойствъ и дѣятельности дало уже и въ настоящее время много цѣнныхъ результатовъ, въ будущемъ же, безъ сомнѣнія, составитъ одну изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ главъ физіологической химіи.

П. Ю. Шмидтъ.

СМѢНА „ФИРМЫ“.

Повѣсть.

(Изъ воспоминаній мастерового).

I.

Въ обширной мастерской за небольшимъ бѣлымъ столомъ, чисто вымытымъ, сидѣлъ невысокаго роста, плотно сложенный старикъ, лѣтъ 60. Густая широкая лопатой борода, сильно посѣдѣвшая, степенно облегала короткую шею, серебристые волосы были гладко зачесаны назадъ и по случаю праздника жирно смазаны масломъ, вслѣдствіе чего пріобрѣтали металлическій блескъ, небольшіе каріе глаза, въ которыхъ свѣтилась усталость—признакъ возраста, — смотрѣли умно и сосредоточенно изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей; полныя мускулистыя, но не жирныя руки лежали на столѣ, держали книгу и медленно переворачивали ея листы, на крупномъ широкомъ носу неуклюже сидѣли очки въ мѣдной оправѣ и придавали всему лицу особое выраженіе солидности и положительности.

Высокіе сапоги гармоникой, темный жилетъ, въ широкомъ разрѣзѣ котораго едва виднѣлась ситцевая крапинками рубашка, скрываемая бородой, и такой же темный пиджакъ, какъ нельзя лучше подходили къ коренастой фигурѣ Семена Петровича.

При взглядѣ на него, невольно скажешь: вотъ положительный, степенный, разсудительный человѣкъ, который знаетъ себѣ цѣну, который доволенъ своей судьбой, ничего большаго не желаетъ, ничѣмъ не смущается и покойно живетъ себѣ во славу Божію.

За тѣмъ же столомъ, какъ разъ противъ старика, сидѣлъ тщедушный парень лѣтъ 18. Его лицо было блѣдно, хотя и скрашивалось нѣсколько отсвѣтомъ красной рубашки, а темносѣрые глаза уныло смотрѣли въ одну точку, гдѣ-то въ бородѣ хозяина, и только чья-нибудь фигура, мелькнувшая мимо оконъ, на время привлекала его вниманіе. Тогда въ его глазахъ свѣтилось любопытство и зависть. Но они тотчасъ исчезали, и взглядъ снова становился унылымъ, безучастнымъ, скучнымъ. Семенъ Петровичъ,

не торопясь снялъ очки, положилъ ихъ на столъ около очешника, вынулъ огромныхъ размѣровъ платокъ, протеръ имъ глаза, потомъ высморкался съ чувствомъ и, протягивая одной рукой книгу, проговорилъ:

— Читай-ка вотъ тутъ. Не торопись, изъ головы-то не выдумывай, а разбирай, что написано, да чтобъ выходило съ толкомъ.

Парень лѣниво протягиваетъ руку за книгой, вяло кладетъ ее передъ собой и съ выраженіемъ полнаго отчаянія водитъ пальцемъ:

«— Тог-да онъ по-шелъ въ пу-пус-пусты-пустыню...»—тянетъ Иванъ, съ страшнымъ напряженіемъ выговаривая трудное слово.

— Ахъ, лѣнтяй, лѣнтяй, — прерываетъ его Семенъ Петровичъ съ мягкимъ укоромъ и покачиваетъ головой. Смотри, выросъ, а ума неприбавилось.

Должно быть, онъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, если снизошелъ до бесѣды съ ученикомъ. Парень рѣшается высказать вслухъ свои мысли.

— Люди гуляютъ, а я читай. Будни работай, да и въ праздникъ отдыха нѣтъ.

Онъ говоритъ вполголоса, нерѣшительно, скорѣе бормочетъ, чѣмъ говоритъ, и не смотритъ на хозяина.

— Еще молодъ разсуждать-то. Дѣлай, какъ говорятъ: такъ, значитъ, надо.

Парень украдкой бросаетъ на хозяина острый взглядъ и тотчасъ опускаетъ глаза, не выдержавъ взгляда хозяина. Однако голосъ его звучитъ громче и рѣзче, въ немъ уже явственно слышно раздраженіе, когда онъ говоритъ:

— Надо, да надо. Отъ васъ только и услышишь. Что я мальчикъ вамъ достался?

— А то нѣтъ? — медленно, отчетливо выговаривая каждое слово и придавая своему голосу убѣдительность, продолжаетъ хозяинъ. — Вотъ кончишь ученіе, тогда и живи своимъ умомъ, слова не скажу, коли ты пользы не понимаешь. А пока что, я долженъ тебя учить, а ты долженъ меня слушать, да не разговаривать такъ съ хозяиномъ. Волей-то еще успѣешь, набалуешься.

— Меня не затѣмъ отдали, чтобъ книжку читать. На кой она мнѣ лядъ?—не унимался парень.

— Опять-таки не твоего ума дѣло. Отецъ отдалъ тебя въ выучку, и выходитъ, что я тебѣ замѣсто отца, какъ хочу, такъ и учу. Понялъ? Жаль, тебя, вотъ, не спросили.

Семенъ Петровичъ раскаивается, что вступилъ въ пререканія съ мальчишкой и, противъ обыкновенія, заговорилъ съ нимъ точно передъ нимъ стоитъ мастеръ. Онъ начинаетъ сердиться и поводить своими лохматыми бровями.

Парень не унимается. Отъ собственныхъ словъ, отъ возмож-

ности говорить онъ приходитъ въ возбужденіе, смотритъ прямо и дерзко въ глаза старику и совершенно забываетъ передъ кѣмъ онъ находится.

— Меня отдали учить мастерству, а не книгой баловаться. Мастерству и учите,—выпаливаетъ онъ возбужденно.

Этого Семенъ Петровичъ допустить уже никакъ не можетъ. Онъ возвышаетъ голосъ и ударяетъ ладонью по столу.

— Ванька, заткнись!

Затѣмъ продолжаетъ, повидимому, совершенно спокойно.

— Я, любезный, тебя и ремнемъ вытяну. Не посмотрю, что подъ потолокъ выросъ.

Иванъ вздрогнулъ, мѣтнулъ бѣглымъ дикимъ взглядомъ въ старика, пальцы рукъ нервно сжались, по лицу пробѣжала судорога... Вслѣдъ затѣмъ, онъ весь съежился, осунулся какъ-то, точно потемнѣлъ, а голова низко склонилась надъ книгой. Мертвая блѣдность не сходила съ лица. Легкое подергиваніе около уха выдавало его волненіе.

Семенъ Петровичъ точно впился своимъ острымъ взглядомъ въ эту склоненную голову и, казалось, рѣшалъ какую-то серьезную задачу.

Иванъ читалъ, едва разбираясь въ мудреныхъ значкахъ, изъ которыхъ выходили мудреныя, непонятныя слова. Семенъ Петровичъ терпѣливо слушалъ тягучее, усыпительное чтеніе, по временамъ зѣвая, и осѣнялъ ротъ крестнымъ знаменемъ, а когда Иванъ путалъ или слишкомъ долго не могъ сложить слова, помогалъ ему, помогалъ спокойно, безъ раздраженія и не заглядывая въ книгу, которую, онъ, казалось, зналъ наизусть.

Чтеніе продолжалось болѣе часа, а потомъ Иванъ взялъ грифельную доску и сталъ списывать съ книги.

Тѣмъ временемъ хозяинъ занялся осмотромъ мастерской.

Каждую субботу ученики, а ихъ было пять душъ, считая Ивана, съ котораго эта обязанность была снята, какъ со старшаго, часа три возились въ мастерской, скобля, моя и чистя. Въ воскресенье хозяинъ зорко осматривалъ мастерскую и за малѣйшее упущеніе строго взыскивалъ, въ рѣдкихъ случаяхъ лишая виновника гулянья и даже оставляя безъ обѣда, обычно же ограничиваясь ремнемъ, еще чаще подзатыльникомъ, такъ какъ это было проще, короче и, какъ любилъ выражаться подъ веселую руку Семенъ Петровичъ, оттягивало кровь отъ головы, гдѣ она слишкомъ застаивалась, слѣдствіемъ чего и были разные проступки.

Семенъ Петровичъ не торопясь осмотрѣлъ столы, табуретки, заглянулъ по угламъ, подъ прилавокъ—все было въ порядкѣ. Но на стѣнѣ, гдѣ за кожаными ремешками висѣли инструменты, его

вниманіе было привлечено шиломъ. Онъ вынулъ его, повертѣлъ передъ собою и насупилъ брови.

— Позови Петьку и Сашку, — спокойно сказалъ онъ, не смотря на Ивана и продолжая вертѣть шиломъ, точно любуясь имъ.

Иванъ немедленно выбѣжалъ изъ мастерской, сильно громыхая своими сапогами.

— Куда бѣжишь? Пожаръ что ли? — пустилъ хозяинъ вдогонку и снова занялся созерцаніемъ шила.

Дѣти играли въ ладыжки. Увлеченные игрой, они не сразу услыхали окрикъ Ивана, а услыхавъ, вдругъ всѣ смолкли и, робко, затаивъ дыханіе смотрѣли на него. Петька и Сашка пошли на зовъ, машинально оправляя рубашонки и дрожащимъ шопотомъ спрашивая: «Зачѣмъ? что тамъ». Они были блѣдны, глаза испуганно расширились, лица осунулись. Остальныя смотрѣли имъ вслѣдъ и точно застыли въ своихъ позахъ.

Иванъ улыбался, хотя трудно сказать, что выражала его улыба. Во всякомъ случаѣ она не была веселой и обадривающей. Дѣтямъ было не до улыбокъ. Къ самому наказанію, которое неизбѣжно грозило имъ, они относились довольно спокойно: велика бѣда, если хозяинъ вытянетъ разъ, два ремнемъ или оттаскаетъ за волосы? Это скоро пройдетъ, да и вовсе не такъ, чтобы очень больно. Къ тому же безъ бою, какъ утверждаютъ мастера и во что давно увѣровали дѣти, и ученье не въ ученье. Не наказанье было страшно, а самъ хозяинъ, его суровый голосъ, сердитое лицо и этотъ ужасный взглядъ, отъ котораго не знаешь куда дѣваться.

Мальчишки робко вошли въ мастерскую и встали у двери.

— Чего стали? Идите сюда.

Хозяинъ строго взглянулъ на дѣтей и остался доволенъ ими: именно такъ они должны были проникнуться страхомъ передъ его гнѣвомъ.

Мальчишки подошли медленно и виновато, прижимаясь другъ къ другу и стараясь, чтобы другой подошелъ первымъ. Иванъ смотрѣлъ то на дѣтей, то на хозяина и переживалъ странное волненіе. Онъ зналъ, что дѣтямъ попадетъ, какъ будто даже радовался этому: не одинъ онъ попадетъ подъ ремень, и въ то же время ему было жутко, страшно чего-то, что-то сдавливало его грудь и заставляло сердце судорожно биться.

— Это что? Отчего не вымылъ?

Хозяинъ подноситъ къ самому носу покрытую сажей и клеемъ головку шила и переводитъ свой испытующій взглядъ то на того, то на другого.

Сашка, который былъ близко къ хозяину, сдѣлалъ шагъ впередъ глотнулъ, прежде чѣмъ открыть ротъ, хотѣлъ что-то сказать и запнулся.

— Ну?

Тогда Сашка путаясь и сбиваясь сталъ ссылаться на Петра. Петръ не замедлилъ выступить съ оправданіемъ и сталъ обвинять Сашку, который въ свою очередь не остался въ долгу. Такимъ образомъ они вступили въ споръ и, желая доказать свою невиновность, мало-по-малу вошли во вкусъ и распѣтушились. Они божились, перебивали другъ друга, лица ихъ раскраснѣлись, голоса сдѣлались смѣлыми, рѣзкими и визгливыми, глаза то потухали, то вновь разгорались, слова такъ и сыпались одно за другимъ. Испугъ исчезъ. Они давно забыли, что тутъ передъ ними стоитъ самъ хозяинъ, который строго и молчаливо смотритъ на нихъ, ожидаетъ, когда они кончатъ, и вслушивается въ ихъ взаимное обвиненіе.

Сашка первый почувствовалъ этотъ молчаливый взглядъ и сталъ робѣть. За нимъ смутился и Петька. Они все чаще и чаще стали коситься въ сторону хозяина, вдругъ оборвали на полусловѣ и смолкли, подавленные молчаливымъ его ожиданіемъ. Тогда хозяинъ методично, священнодѣйствуя, отодралъ за уши сначала одного, потомъ другого, сунулъ шило въ руки перваго попавшагося и прикрикнулъ.

Мальчишки поспѣшили выкатиться изъ мастерской. Ихъ уши горѣли, а на лицѣ еще остались слѣды испуга и раздраженія.

— Это ты.

— Врешь, самъ виноватъ.

— Я говорилъ тебѣ: посмотри.

— Я посмотрѣлъ, а его тамъ не было.

— Я же самъ повѣсилъ, а ты говоришь—не было.

— Спроси Кольку, не было.

Позвали Кольку. Подошли и остальные мальчики и сгрудились около Петьки и Сашки, которые, продолжая препираться, занялись чисткой злополучнаго шила.

— А не бралъ ли Митричъ? — сказалъ Колька, ковыряя въ носу.—Я видѣлъ, онъ что-то возился сегодня.

Соображеніе Кольки послужило новымъ предлогомъ для взаимныхъ укоровъ. Если бы Сашка не сослался на Петьку, да если бы Петька не обвинялъ Сашку, да если бы Колька во̀-время сказалъ, да если бы...

Эти если бы, наконецъ, надоѣли одному изъ мальчугановъ. Тогда онъ подошелъ къ Петькѣ и, всматриваясь въ его горящее ухо, освѣдомился:

— Какъ? больно?

— Горитъ,—со смѣхомъ отвѣчалъ Петька и мотнулъ головой для большей убѣдительности въ томъ, что дѣйствительно горитъ.

— Горитъ—это что, а вотъ смотритъ...—проговорилъ Сашка,

подчеркивая послѣднее слово и останавливаясь, точно вспоминая, какъ смотритъ хозяинъ.—Онъ бы сразу оттрепалъ, да и ладно, а то смотритъ...

— Жутко,—подтвердилъ Петька и вздрогнулъ.

— Отчего это онъ такъ смотритъ? Вонъ Иванъ Ивановичъ и сердитъ, а того не выходитъ.

— Отчего? На то онъ и хозяинъ,—убѣжденно сказалъ Коля.

— Конечно, хозяинъ.

— Хозяину иначе и нельзя.

Очевидно въ этомъ пунктѣ не было разногласія.

Шило блестѣло, какъ новое, и было водворено на мѣсто.

— Вотъ такъ бы вчера сдѣлалъ,—добродушно замѣтилъ хозяинъ,—и не было бы тебѣ трепки.

Сашка улыбнулся, почесалъ въ затылкѣ и даже чуть было не высказалъ предположенія, что онъ не виноватъ, а виноватъ Митричъ, но побоялся—вдругъ-де Колька совралъ?—и онъ поторопился выбѣжать изъ мастерской.

Семенъ Петровичъ смотрѣлъ ему вслѣдъ серьезно и даже строго, но въ глазахъ свѣтилось что-то ласковое и теплое.

Занятія кончились. Иванъ стиралъ мокрой тряпкой съ доски свои каракули и сіялъ отъ внутренняго довольства—теперь онъ свободенъ и по своему усмотрѣнію распоряжаться временемъ.

Семенъ Петровичъ стоялъ около стола, смотрѣлъ на Ивана, и едва уловимая насмѣшливая улыбка играла подъ его щетинистыми усами. Въ ней выражалось и снисхожденіе къ глупой радости парня, который не понимаетъ собственной пользы, и нѣкоторое огорченіе, что къ трудамъ его, Семена Петровича, относятся такъ легкомысленно и даже недружелюбно.

Иванъ замѣтилъ на себѣ взглядъ хозяина, смутился и въ смущеніи сталъ перебирать пальцами около пояса, какъ бы поправляя рубашку.

— Посмотрю я,—глупъ ты, даромъ, что скоро мастеромъ будешь. Своей пользы не видишь. Ты что думаешь? Для себя я вожусь-то съ тобой? Думаешь мнѣ интересъ большой слушать, какъ ты тутъ кашу жуешь? Для тебя же... Пора бы понимать это, да не смотрѣть волкомъ, а ты, чуть что, готовъ окрыситься на хозяина, точно онъ тебѣ врагъ лютый. Тебѣ сколько лѣтъ-то? восемнадцать? А мнѣ ужъ скоро на седьмой десятокъ стукнетъ. Ты долженъ понимать это и чувствовать. За шестьдесятъ-то лѣтъ я много видовъ видалъ, а ты еще только жить начинаешь... Опять твое баловство, съ мастерами тамъ, и все прочее... Изъ этого добра не будетъ—одна погибель.

Семенъ Петровичъ говорилъ искренно, задушевно. Иванъ не привыкъ къ такимъ рѣчамъ и какъ-то смякъ. Ему вдругъ захо-

тѣлось подойти къ этому суровому человѣку, сказать, что его томитъ, заговорить съ нимъ душевно, отъ сердца, чтобы онъ понялъ его, но привычная робость брала свое и голосъ не повиновался.

— Хозяинъ, отпустите меня, я отработаю.

Иванъ сказалъ это сухо, деревянно, и самъ почувствовалъ, что вышло не то и не такъ, какъ бы ему хотѣлось.

Семенъ Петровичъ нахмурился, взглянулъ недружелюбно на Ивана, подумалъ — «экая дубина». и еще разъ раскаялся, что вступилъ съ нимъ въ разговоръ и хотѣлъ его урезонить. Къ чему эти разговоры? Развѣ Семенъ Петровичъ не хозяинъ? Иванъ развѣ не ученикъ его? Развѣ онъ вступалъ съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ на скользкій путь убѣжденій? Правда, въ Иванѣ есть что-то такое, чего не было въ другихъ ученикахъ, — но какое ему до этого дѣло? Ученикъ такъ изволь слушать, что говорятъ, всякія такія разсужденія ни къ чему только роняютъ авторитетъ хозяина.

— Куда еще отпустить тебя? — будто не догадываясь, спросилъ хозяинъ, но посмотрѣлъ строго.

Иванъ смутился, увидавъ хозяина въ обычномъ настроеніи, а слѣдомъ за тѣмъ въ немъ закипѣла злоба.

— Я не хочу... не могу жить... у васъ... сбѣгу...

— Не чеши языка. Понялъ?

Семенъ Петровичъ круто повернулся и гнѣвно вышелъ изъ мастерской.

Иванъ посмотрѣлъ въ спину хозяина, что-то больное пробѣжало по его лицу, грудь тѣснило, появилось томительное ощущеніе, какъ будто сдавливалось горло. Хотѣлось крикнуть отъ боли, хотѣлось плакать, хотѣлось сдѣлать что-нибудь необычайное и страшное...

Въ то время какъ Семенъ Петровичъ обучалъ учениковъ грамотѣ, его жена, Аграфена Никитична, распоряжалась по хозяйству, ворчала на кухарку, впрочемъ, довольно безобидно, узнавала отъ нея кое-какія новости—у кого крестины, кто женится кто былъ пьянъ и билъ жену,—разсуждала о различныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, и за всѣмъ тѣмъ не рѣдко у нея оставалось достаточно времени, съ которымъ надо было какъ-нибудь распорядиться. Послѣ обѣда времени не видать: пока соснешь, пока напьешься чаю, поговоришь съ мужемъ, посидишь помечтаешь около окошка, а то выйдешь на скамейку на улицу, гдѣ найдешь сосѣдку, или такъ кто завернетъ, — глядишь, ужъ и поздній вечеръ, а тамъ ужинъ и сонъ до слѣдующаго утра— день праздника, день отдыха прошелъ. Но до обѣда время тянется томительно долго. Посидѣть у окошка?—не располагаетъ какъ-то,

это хорошо только къ вечеру, да и неловко средь бѣла дня бездѣльничать, прилечь на часокъ? — не время, сѣсть за чулокъ? — праздникъ, работать грѣхъ. Тогда Аграфена Никитична подходила къ комоду, что стоялъ въ спальнѣ у кровати, выдвигала ящики и начинала перебирать свое имущество.

Она вынимала одну вещь за другой, развертывала ее, встряхивала, снова складывала и отправляла на кровать, чтобы потомъ тѣмъ же порядкомъ водворить ее на свое мѣсто. Рѣдко давалось ей перебрать болѣе одного ящика. Сначала она приходила въ умиленіе отъ своего богатства, затѣмъ ее посѣщали грустныя мысли, что вѣкъ ея и ея супруга не великъ и некому оставить все это добро. На глаза навертывались слезы, на сердце ложился камень. Она торопливо складывала вещи въ камодъ, присаживалась къ окну, одной рукой поджимала щеку, а другой то и дѣло подносила платокъ къ глазамъ, чтобы смахнуть навертывавшіяся слезы. Въ эти минуты она ни о чемъ не думала, ничего не соображала, ничего не хотѣла — она только тосковала и грустно смотрѣла во дворъ, куда-то въ пространство.

Какъ разъ въ такомъ настроеніи засталъ ее Семенъ Петровичъ, когда пришелъ изъ мастерской.

— Что ты, Аграфена Никитична, пригорюнилась? — спросилъ онъ.

— Такъ, Семенъ Петровичъ, скучно что-то.

— Скучно? Подишь ты. Можетъ, пироги не удались?

Аграфена Никитична не отвѣтила на шутку. Семенъ Петровичъ прошелся по комнатѣ, подвелъ гирю у стѣнныхъ часовъ, свѣрилъ ихъ со своими карманными, заглянулъ во дворъ, гдѣ играли дѣти, и даже съ минуту постоялъ въ дверяхъ, пока его не увидали, вернулся въ комнаты, зѣвнулъ, еще разъ раскрылъ свои массивные серебряные часы, подумалъ надъ ними, точно удивляясь, что время идетъ такъ медленно, и подсѣлъ къ Аграфенѣ Никитичнѣ.

— А не почитать ли? Какъ думаешь? Время-то еще есть.

— Что-жъ, Семенъ Петровичъ, — согласилась Аграфена Никитична, — почитай, почитай, оно и для души хорошо.

Семенъ Петровичъ подсѣлъ къ столику, стоявшему у другого окна, досталъ изъ шкапика подъ образами книгу — житія святыхъ, не торопясь раскрылъ ее, вооружился очками, перекрестился и сталъ читать.

Читалъ онъ медленно, ровно и спокойно, выговаривая каждое слово отчетливо и такъ, какъ оно пишется, по временамъ онъ останавливался и, несмотря на Аграфену Никитичну черезъ очки, дѣлалъ свои поясненія, не всегда вѣрныя и ясныя, но Аграфену Никитичну вполнѣ удовлетворяющія, или разсѣянно

смотрѣлъ въ пространство и вслухъ соображалъ о тлѣнности всего земного или тоже вслухъ удивлялся тѣмъ ухищреніямъ врага человѣческаго рода, на какія онъ способенъ, когда ему нужно сгубить душу, или, наконецъ, просто, повидимому, безъ всякаго особаго повода, откладывалъ книгу къ сторонкѣ и говорилъ: «такъ то», послѣ чего шло нѣсколько молчанія, а тамъ снова начиналось выразительное чтеніе, немножко на церковный ладъ.

Аграфена Никитична была хорошей слушательницей. Она не спускала глазъ съ Семена Петровича, внимательно слѣдила за ходомъ событій и даже двигала губами, молча повторяя слова за своимъ супругомъ. Когда онъ пояснялъ, она утвердительно кивала головой и произносила какую-нибудь несложную фразу: «одно дѣло—изверги, извѣстно, лукавый-то силенъ, вотъ какъ Богъ-то, онъ взыщетъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Когда повѣствовалось о чемъ-нибудь страшномъ, она крестилась и на лицѣ выражала неподдѣльный испугъ, когда добродѣтель неожиданно торжествовала, а порокъ посрамлялся, она тоже крестилась, но лицо сіяло радостью. По временамъ Аграфена Никитична вздыхала, но къ чему относились эти вздохи, сказать было трудно: можетъ быть, въ такое настроеніе ее приводили страданія какого-нибудь великомученика, можетъ быть, чтеніе наводило на грустныя размышленія о грѣховности собственной жизни, а можетъ быть, такъ дѣйствовала на нее погода; въ комнатѣ, несмотря на растворенное окно, было душно, она же обладала не въ мѣру полными тѣлесами.

Семенъ Петровичъ читалъ, пояснялъ и разсуждалъ, но все это выходило не такъ, какъ обыкновенно: читалъ онъ разсѣянно, пояснялъ вяло, разсуждалъ болѣе по привычкѣ, зато часто останавливался и говорилъ, «такъ-то». Какая-то дума тяготила и безпокоила его.

На самомъ интересномъ мѣстѣ, когда львы на глазахъ отца поочередно растаскали его дѣтей, а Аграфена Никитична, затаивъ дыханіе, испуганная, ждала какого-нибудь благодѣтельнаго чуда, Семенъ Петровичъ остановился, снялъ очки и откинулся на спинку стула. Нѣкоторое время онъ безмолвно смотрѣлъ во дворъ и поглаживалъ бороду. Затѣмъ проговорилъ:

— Съ Иваномъ сладу нѣтъ,—звѣрь какой-то. Выросъ дуракъ, и мнѣніе о себѣ возымѣлъ. Откуда только выискался такой соколикъ. Все шло своимъ порядкомъ, а этотъ, Богъ его знаетъ, недотрога какой-то. Ударь—ощетинится. Диви бы ума большого былъ, а то ничего такого не видать.

— Ты бы, Семенъ Петровичъ, полегче,—вставила свое мнѣніе Аграфена Никитична:—скоро, вѣдь, и мастеромъ будетъ. Гляди, немного осталось.

— Полгоду нѣтъ.

— Вотъ то-то же и я говорю: немного осталось. Ему тоже, небось, стыдно, какъ такого большого да вдругъ за ухо... И мастера, небось, смѣются, они вѣдь тоже... дикой народъ.

— Стыдно, а какъ по твоему, если онъ не понимаетъ? Стыдно... А не стыдно, что у него работа ни къ чорту не годится?

При упоминаніи чорта Аграфена Никитична испуганно перекрестилась. И чорта страшно, и еще страшнѣе, что Семенъ Петровичъ такъ кипятится: о чортѣ онъ вспоминалъ только въ минуты особаго гнѣва.

— Ты не сердись такъ,—торопилась она успокоить мужа,— не хорошо оно... въ голову вдаряетъ.

Но Семенъ Петровичъ не обращалъ на нее вниманія и продолжалъ такъ же горячо:

— Того смотри, мальчишки перещеголяютъ—нечего сказать. Баловаться тоже началъ. Развѣ это порядокъ? Или вотъ грамота—какъ чортъ ладона боится.

— Не насилуй, и безъ грамоты проживетъ. Экая невидаль твоя грамота. Развѣ не живутъ безъ нея?

Говоря такъ, Аграфена Никитична имѣла искреннее желаніе успокоить мужа, но тотъ вспылилъ еще болѣе.

— Дура ты у меня. Прямо дура. Проживаетъ... Прожить всячески можно, а я должонъ, чтобы по совѣсти. Я ему, можно сказать, замѣсто отца и передъ Богомъ отвѣчать буду, такъ это надо понимать. Что-жъ я его выпущу, а потомъ онъ же самъ плакаться будетъ, что хозяинъ ему вниманія не оказалъ? А какъ теперь безъ грамоты? Не все на моей шеѣ сидѣть будетъ, захочетъ и самъ хозяиномъ стать. Надо заказъ записать, аль что другое — вотъ тебѣ грамота и нужна. А ты — не насилуй, безъ грамоты можно. Прямо у тебя лукошко, а не голова на плечахъ.

Послѣднія слова Семенъ Петровичъ произнесъ гораздо спокойнѣе и какъ бы въ шутку.

— Твое дѣло, твое дѣло, Семенъ Петровичъ,—спѣшила согласится Аграфена Никитична, только бы не сердился старикъ. — Оно, конечно, можетъ и нужно, въ этихъ дѣлахъ я не понимаю, такъ по бабьей глупости сболтнула.

— И откуда въ немъ этакій духъ безпокойный. Всѣмъ ничего парень, а тутъ вотъ неустойка. И взялъ себѣ въ голову уйти? Куда онъ годенъ не доучившись? Опять же такой мальчишка и попадетъ куда — одному пьянству научится. Да и почему это, всѣ доживали, а ему льготу дай. За что такая милость? Чѣмъ такъ онъ отличился?

Семенъ Петровичъ смолкъ и задумался. Время подходило къ обѣду, и Аграфена Никитична оставила мужа, чтобы заняться

по кухнѣ. Чтеніе на этотъ день уже не возобновлялось, а Аграфенѣ Никитичнѣ предстояло дожидаться до слѣдующаго праздника, чтобы узнать объ участи несчастныхъ дѣтей и отца. Не можетъ же Богъ такое испытаніе наложить, чтобы львы распорядились съ дѣтьми, какъ съ какою-нибудь неразумной тварью.

II.

Въ ожиданіи обѣда мастера, какъ сонныя мухи бродили по мастерской, не зная за что взяться, какъ убить время. Кто безцѣльно смотрѣлъ въ окно, заложивъ назадъ руки и какъ-то смѣшно вытянувъ впередъ шею, кто напѣвалъ вполголоса, кто поминутно зѣвалъ и потягивался, кто совершенно безцѣльно перебиралъ инструменты.

Алексѣй Дмитріевичъ Карандашовъ, или попросту Митричъ, какъ всѣ его звали въ мастерской, начиная и кончая учениками, и даже внѣ мастерской его случайные знакомые, сидѣлъ на табуреткѣ въ углу и покуривалъ трубку. Въ другомъ концѣ мастерской за хозяйскимъ столомъ на стулѣ сидѣлъ Иванъ Ивановичъ Сомовъ. По его сосредоточенному выраженію лица можно было заключить, что онъ о чемъ-то размышляетъ и, повидимому, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлается кругомъ него.

— А я такъ скажу, что все это одна игра, серьеза нѣтъ настоящаго,—проговорилъ Митричъ, вспомнивъ разговоръ, который велся до прихода домой въ трактирѣ, гдѣ онъ разрѣшалъ себѣ единственный стаканчикъ.

— Ты, Митричъ, о чемъ это?—полюбопытствовалъ одинъ изъ мастеровъ.

— Да все о томъ же, о Ермилѣ вашемъ.

— Ну, это ты того... оставь, Ермила шутить не любитъ. Тутъ такая игра, что безъ реберъ останешься.

Митричъ съ усмѣшкой взглянулъ на говорившаго, затянулся изъ трубки, пустилъ облако дыма и сплюнулъ.

— Ермила? Что твой Ермила? Нѣтъ, лѣтъ десятокъ тому назадъ, это точно, былъ народъ. Иной разъ такой сурьезъ выходилъ на смерть, однимъ ударомъ. Основательный народъ былъ, да и бои были. Стѣнка то выйдетъ, точно войско какое, всю поляну захватитъ. А теперь что!.. Иванъ Иванычъ, помнишь Прошку?

Иванъ Ивановичъ повернулся въ сторону Митрича и отвѣтилъ сухо:

— Еще бы этого шарлатана не помнить. Поддѣлъ меня на пятерикъ, да такъ и померъ. Поди, ищи съ него.

Митричъ разсмѣялся.

— Какой ты памятливый, столько лѣтъ помнишь. А это вѣрно,—продолжалъ Митричъ, обращаясь къ мастерамъ,—пять рубликовъ у Ивана Ивановича какъ не бывало.

Мастера улыбнулись и посмотрѣли на Митрича съ легкимъ оттѣнкомъ недовѣрія: трудно было допустить, чтобы нашелся человѣкъ, который обошелъ бы разсчетливаго Ивана Ивановича и обманулъ его, да еще на цѣлыхъ пять рублей.

Но Митричъ не обращалъ вниманія на мастеровъ и продолжалъ допытывать Ивана Ивановича, который долженъ быть свидѣтелемъ искренности его словъ.

— Я не о томъ, Иванъ Иванычъ, а насчетъ его силы, т.-е. у Прошки-то. Какъ скажешь?

И Митричъ въ ожиданіи эффекта подмигнулъ правымъ глазомъ. Иванъ Ивановичъ его разочаровалъ и даже обидѣлъ.

— Что-жъ сила,—равнодушно сказалъ онъ,—силенъ былъ, только толку-то мало отъ его силы.

— Былъ силенъ,—передразнилъ Митричъ.—Эхъ, ты! Чудо, а ты былъ силенъ! Вашего Ермилу-то,—повернувшись къ мастерамъ съ воодушевленіемъ заговорилъ онъ,—Прошка въ баранку бы согнулъ.

— Ермилу?

— Да, Ермилу.

Мастера заинтересовались и столпились около Митрича въ ожиданіи. что тотъ разскажетъ объ этомъ удивительномъ человѣкѣ, который могъ согнуть Ермилку въ баранку. Мальчики тѣснились тутъ же. Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ въ окно и не проявлялъ никакого интереса. Приближаясь къ Митричу, Иванъ, до сего времени безмолвно стоявшій около стѣны, наклонился надъ Петькой, тотъ отшатнулся въ ожиданіи какой-нибудь злой шутки, но Иванъ придержалъ его., дохнулъ ему въ носъ и посмотрѣлъ вопросительно. Петька улыбнулся и отрицательно покачалъ головой.

— Смотри, братъ,—неожиданно раздался скрипучій голосъ Ивана Ивановича,—хозяинъ узнаетъ—не обрадуешься, такую всклочку дастъ—почешешься.

— Ишь, чортъ, увидалъ,—шепнулъ одинъ изъ молодыхъ мастеровъ и брезгливо усмѣхнулся.

— Экой ты, Иванъ Иванычъ, горластый,—сказалъ съ укоромъ Митричъ.—Подведешь парня-то зря.

— А что мнѣ хозяинъ?—задорно возвысилъ голосъ Иванъ и подошелъ къ Ивану Ивановичу.

Блестящіе глаза, плотно сжатыя губы указывали, что онъ былъ въ возбужденномъ состояніи.

— Ремнемъ вытянетъ, такъ узнаешь.

— Ну, это дудки. Руки коротки. Будетъ. Не вѣкъ ему мной помыкать,—захлебываясь заговорилъ Иванъ

— На словахъ-то какъ расхрабрился, а до дѣла коснется, мигъ, мигъ глазами-то, да и пошелъ на свое мѣсто, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, ядовито улыбаясь и точно подзадоривая выходящаго изъ себя парня.

Митричъ видѣлъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ. Онъ быстрѣе обыкновеннаго поднялся съ своего мѣста и вступилъ въ качествѣ примирителя.

— Полно тебѣ, Ваня,—сказалъ онъ, хлопнувъ его по плечу.— Вишь онъ дурака ломаетъ, а ты и поддаешься? Плюнь, говорю.

Иванъ повелъ плечомъ, точно ему было больно отъ ласки Митрича, и отошелъ къ окну.

— А тебѣ, Иванъ Ивановичъ, — продолжалъ Митричъ, обращаясь къ товарищу,—ужъ и грѣшно, такъ скажу—стыдно прямо. Какая тебѣ корысть, что парня разжигаешь? Характеръ - то у тебя, посмотрю я, какой ядовитый.

Иванъ Ивановичъ былъ недоволенъ вмѣшательствомъ Митрича и окрысился.

— Будетъ тебѣ, елейная душа. Что потакаешь мальчишкѣ? Еще изъ учениковъ не вышелъ, а туда же балуется. Лучше бы работой занялся.

— А тебѣ что за печаль?—отвѣтилъ снова закипая Иванъ.— Не у тебя ли поучиться? Вотъ заведи свою мастерскую, тамъ и наводи порядки. Аль бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ?

Иванъ Ивановичъ вспыхнулъ, приподнялся со своего мѣста и подошелъ къ Ивану съ явнымъ намѣреніемъ поучить его за такую дерзость, онъ занесъ даже руку, но тотъ посмотрѣлъ на него съ такимъ холоднымъ ожесточеніемъ, такимъ безстрастнымъ взглядомъ, что рука невольно опустилась. «Змѣнышъ», прошепталъ Иванъ Ивановичъ поблѣднѣвшими губами съ какимъ-то свистомъ и въ бѣшенствѣ опустился на стулъ.

Митричъ не терялъ надежды водворить миръ, потому онъ улыбнулся, подмигнулъ Ивану, подперъ щеку рукой и затянулъ вполголоса:

«Моя горькая судьба
Мало въ жизни мнѣ дала»...

Несмотря на то, что Ивана Ивановича побаивались мастера, взглянувъ на пригорюнившуюся фигуру Митрича, разсмѣялись. А тамъ послышался и тихій сдержанный смѣхъ ребятъ. Одинъ Иванъ оставался сумрачнымъ, хотя его лицо приняло болѣе спокойное выраженіе и глаза не блестѣли такой дикой, сумасшедшей злобой. «Комедіантъ», фыркнулъ Иванъ Ивановичъ и съ сердцемъ покинулъ мастерскую.

Мастера переглянулись между собою.

— Крѣпко разсердился,—сказалъ одинъ изъ нихъ, когда Иванъ Ивановичъ захлопнулъ за собой дверь.—Чего бы не вышло.

— А пусть его посердится,—равнодушно отвѣтилъ Митричъ и съ самымъ невиннымъ видомъ принялся раскуривать свою трубку.

Нѣкоторое время въ мастерской царило молчаніе. Казалось, каждый думалъ о томъ, что можетъ воспослѣдовать за гнѣвомъ Ивана Ивановича.

— А что же Прошка-то?—вдругъ вспомнилъ Василій, самый легкомысленный изъ мастеровъ.

И всѣ въ ожиданіи разсказа вновь столпились около Митрича, а дѣти обступили его вплотную: кто облокотился ему на колѣни, кто такъ прислонился къ нему.

— Да, серьезу большого былъ человѣкъ, — не сразу началъ Митричъ, какъ будто давая время настроиться надлежащимъ образомъ.—И изъ себя не то, чтобы очень видный, а подишь ты — силой и пропитаніе себѣ добывалъ. Работать не любилъ, что грѣхъ таить, а выпить не прочь, да и какъ еще не прочь-то... Поѣсть тоже надо: жена была сердитая, значитъ, съ норовомъ — принеси ей непремѣнно денегъ, а иначе и ѣсть не дастъ. А гдѣ онъ денегъ достанетъ? Ну, и ходитъ по кабакамъ, точно пчелка по цвѣтамъ дань собираетъ, и гляди — вездѣ ему почетъ и уваженіе. Онъ входитъ, а кабатчикъ навстрѣчу къ нему: «какъ поживаете, Прохоръ Данилычъ? не угодно ли чего откушать?» и все честь честью. А Прошка молчитъ — не рѣчистъ онъ былъ — усаживается за столъ, какъ какой-нибудь баринъ, ѣстъ, пьетъ. Такъ и жилъ. И праведный человѣкъ былъ: обойдетъ всѣмъ по череду, никого не обидитъ, что бы тамъ не въ очередь — ни-ни. Оно бывало—человѣкъ тоже—забудетъ и завернетъ лишній разъ, но это въ счетъ не идетъ, потому всякій знаетъ, что вышло ненарокомъ. Появился у насъ тогда этотъ самый Заноза, ну и прозваніе ему такое — гордый былъ человѣкъ. Надъ нимъ смѣются, погоди молъ, Прошка тебя урезонитъ. Онъ, конечно, гордыбачитъ: «Кто есть такой Прошка и какую такую онъ силу надо мной имѣетъ, ежели я патентъ плачу?»

Ладно, молъ, увидишь. И съ патентомъ твоимъ выкусишь. Смѣются, а ему и невдомекъ, въ чемъ тутъ сила. Какъ разъ Прошка-то и вваливается, загалдѣли всѣ —Прошка, Прошка! Хозяину любопытно, заглядываетъ, думаетъ, что-нибудь этакое. А Прошка, извѣстно, изъ себя-то не казистъ да рваный весь, да грязный, босикомъ по лѣтнему времени. Заноза ядовито этакъ ухмыляется, лѣвый глазъ прищурилъ и спрашиваетъ: это ты Прошкой-то прозываешься? Всѣ не шелохнутся, занятно оно, какъ и что вый-

детъ, а Прошка только усами поводитъ этакъ въ родѣ какъ таракашъ: усы у него были форменные, можно сказать, какъ у унтера. «Ты тутъ, вижу, вновѣ—это Прошка-то говоритъ:—потому есть тебѣ мое снисхожденіе, а зовутъ меня Прохоръ Данилычъ». Вотъ былъ человѣкъ: мы еще ребятами были и то не иначе, какъ Прошкой звали, а отъ кабатчика требовалъ уваженія... Ладно. Хозяинъ смѣется, — что, — говоритъ, прикажете, Прохоръ Данилычъ? Этакъ, будто вѣжливенько. А Прошка мычитъ: «Какъ полагается—перво на перво водки, потомъ селедку, коли есть огурецъ соленый, ну и все прочее—ублажай»,—говоритъ.—А насчетъ денегъ какъ? Есть ли онѣ у васъ?—Прошка съ непривычки даже глаза вылупилъ, однако отвѣтилъ: «о деньгахъ меня не спрашивай—не люблю». Заноза свое подпускаетъ:—Вы очень—говоритъ—требовательны. А не желаете ли—говоритъ—этакъ биштесикъ по мордасѣ? Аль насчетъ захребетной части? И это можно—ребята у меня дюжіе.—И подлинно, ребята ничего себѣ, лицомъ въ грязь не ударятъ. Только Прошка этого не допустилъ. «Видно, — говоритъ—потрудиться надо», и ушелъ. Заноза издѣвается:—Ну, что жъ вашъ Прошка? Повернулъ оглобли? — мы молчимъ, перешептываемся да посмѣиваемся, — намъ это дѣло извѣстное. Глядь и Прошка претъ.

Митричъ пріостановился, внимательно, точно испытуя, понимаютъ ли его, осмотрѣлъ всѣхъ, и сталъ не торопясь набивать трубку.

— Ну, Митричъ, что же дальше?

— Постой, дай закурить.

Митричъ не спѣшилъ, слушатели горѣли отъ любопытства.

— Видѣли гирю на торгу?—наконецъ, сказалъ Митричъ, удостовѣрившись, что достаточно помучилъ слушателей.—Въ ней двадцать пудовъ. Ничего, волочитъ.

— Гирю?

— Это что у вѣсовъ-то?

Мастера ахнули. Ребята переглянулись между собою, взглянули съ какой-то торжествующей улыбкой на мастеровъ и затрепетали отъ радости.

— Ее самую,—продолжалъ Митричъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, какъ будто говорилъ о самой обыкновенной вещи.—Волочитъ и прямо на стойку. Стойка какая же? того и гляди разсыплется, а имѣть дѣло съ полиціей не то, чтобы того. Она тебѣ, гиря-то, во что станетъ? Восчувствовалъ Заноза, чуть не плачетъ. «Убери, говоритъ, Прохоръ Данилычъ, не мути, я тебя ублажу, дѣло новое, самъ знаешь». Ничего, Прошка парень покладистый, уступилъ, только за труды попросилъ еще деньгами: «Не даромъ я ее, матушку, перъ».

— Вотъ онъ какой былъ,—продолжалъ Митричъ послѣ небольшой паузы.—А на бояхъ—лучше и не затѣвай. Одинъ на цѣлую стѣнку выходилъ, и стѣнка бѣжала. Поди-ка сунься: попадешь подъ руку, очнешься въ царствіи небесномъ съ угодничками. Да, силища... А поди-жъ ты, съ женой не справлялся. Маленькая этакая, 'да пискливая, да худенькая, кажись, взялъ въ кулакъ, и нѣтъ ея. А смотри, какія она штуки съ нимъ раздѣлывала: и въ шею-то его, и за волосы, и за усъ—и ничего: терпѣлъ, только рукой легонько отводитъ, чтобы ужъ не очень.

Подъ впечатлѣніемъ разсказа нѣкоторое время всѣ безмолствуютъ.

— Да,—вдругъ продолжаетъ вслухъ свои мысли Митричъ.— Теперь не то, мельчаетъ народъ, нѣтъ такой силы. Да и бои-то изъ моды выходятъ. Прежде, бывало, въ году три, четыре генеральныхъ, а этимъ мелкимъ, когда улица на улицу, аль фабрика на фабрику, и счетъ не велся. А теперь одинъ бой, да и то не на каждый годъ. Умнѣть, должно, народъ сталъ.

— Мѣстами, говорятъ, и совсѣмъ повывелись. Какъ тамъ у васъ въ Москвѣ-то?—обратился Павелъ къ недавно поступившему въ ихъ мастерскую мастеру Василію.—Говорятъ, раньше она бойцами-то славилась.

— Въ Москвѣ?—отозвался Василій.—Не слыхать что-то. Развѣ такъ подерутся гдѣ, подъ пьяную руку, а чтобы стѣнкой—не слыхать.

— Еще бы въ Москвѣ,—сказалъ Митричъ.—Столица небось, дѣло извѣстное, тамъ порядки всѣ иные.

Иванъ Ивановичъ, который давно уже вертѣлся тутъ въ мастерской, относился весьма равнодушно къ разсказу Митрича и, пожалуй, даже неодобрительно. Но когда заговорили о Москвѣ, онъ насторожился и прислушался. Любилъ онъ послушать о Москвѣ и ея порядкахъ и выпытывалъ у каждаго мастера, побывавшаго въ Москвѣ, все, что онъ зналъ о ней. Конечно, его интересовала не сама Москва,—Богъ съ ней, столица и столица, а какъ тамъ живутъ сапожники, какіе у нихъ порядки, какъ хозяйствуютъ—вотъ о чемъ любилъ разспрашивать Иванъ Ивановичъ и чѣмъ интересовался.

Онъ и сейчасъ задалъ вопросъ Василію.

— Ты долго жилъ, въ Москвѣ-то?

— Всего-то много. Урывками, а много. Полгода проживешь и закатишься куда-нибудь по шпаламъ, особенно какъ тепло станетъ. Побывалъ въ Тулѣ, въ Курскѣ, въ Серпуховѣ, доходилъ до Харькова, а дальше не приходилось. Это въ одну сторону. А въ другую—Рязань...

— Значитъ путешественникъ? — перебилъ его Иванъ Ивано-

вичъ. которому не было никакого интереса выслушивать біографію мастера.—Слыхали мы и про такихъ. Ну, а какъ въ Москвѣ? по мастерству какъ? Тамъ, говорятъ, все дѣло иначе ведется?

— Какъ же, разумѣется, иной совсѣмъ порядокъ.—отвѣчалъ Василій съ нѣкоторою гордостью.—Городъ большой, народу много. Въ мастерской-то работаетъ человѣкъ двадцать, тридцать. да машины разныя—тамъ на рукахъ-то и дѣлать нечего: все машина дѣлаетъ. Съ нашимъ братомъ тамъ очень то не прохлаждаются, чуть что,—и съ мѣстомъ распрощайся. День прогулялъ, а на твоемъ мѣстѣ ужъ другой мастеръ сидитъ. Выходитъ хозяинъ, и прямо тебѣ пачпортъ въ зубы—тутъ и разговору никакого не полагается. Живымъ манеромъ выставляютъ.

— Значитъ, народъ серьезный?

— Да, баловать не любятъ. А то и другой порядокъ есть. Есть такая мастерская, можетъ, слыхали, Беркмана, такъ у него напротивъ. Какъ сбился съ пути, жарь прямо къ нему—не откажетъ. Иной вдрызгъ пропьется, совсѣмъ голый придетъ, такъ только фартучкомъ повязанъ, и ему отказа нѣтъ. И ничего, работаютъ не хуже другихъ, да еще какіе мастера попадаются, не во всякой мастерской встрѣтишь. И уважаютъ этого самаго Беркмана. Нѣмецъ, а мастера до тонкости знаетъ. Чуть что понадобилось, сейчасъ: «а ну ребятъ, спѣшать, водка пить», и стараются, такая ли пойдетъ горячка. Ну, да и онъ уважитъ, не обидитъ. Ничего, жить можно.

— Значитъ, хозяину расчетъ есть,—сказалъ не утверждая, не то спрашивая Иванъ Ивановичъ.

— А какъ же, Иванъ Ивановичъ? Конечно, есть. Поди-ка, какіе мастера попадаются, иной можетъ на полтора, на два рубля работалъ, а тутъ извѣстное дѣло-гривенъ шесть на день выйдетъ, и слава Богу, а то—полтинникъ. Скоро ли мастеръ на этакомъ жалованьи поправится? А и поправится не надолго. Глядишь, недѣля прошла, а тамъ опять къ Беркману. Тотъ ужъ знаетъ и встрѣчаетъ,—а, карошій человѣкъ, пришелъ? каршо, — самъ смѣется, по плечу хлопаетъ. Глядишь, получалъ раньше шесть гривенъ, а скоститъ теперь пятакъ аль гривенникъ. Спорить не моги. Разсердится, ногами затопаетъ, заругается, а то и прогонитъ,—русски свинь,—говоритъ. А куда пойдешь въ этакомъ растрепанномъ видѣ? Съ нимъ ужъ и не спорятъ. Что далъ, то и ладно. Ну, и онъ честь знаетъ. Другой такъ обѣлится, что и за двугривенный пошелъ бы, только возьми ради Бога, ну, а Беркманъ не тѣснитъ. какъ заведено—полтинникъ.

— Мальчишекъ тоже держитъ?

— А зачѣмъ ему мальчишки? съ ними тоже возня, особливо

по теперешному времени. Его и ударить-то нельзя, того гляди нажалуется, а тамъ и судъ. Какая пріятность можетъ быть? Опять же его кормить надо, одѣвать, да онъ еще ничего не знаетъ, его обломать надо, а тутъ мастера дешевые подъ руками, такъ ему оно гораздо спокойнѣе.

— Значитъ, умственно дѣло повелъ,—одобрилъ Иванъ Ивановичъ.

— Ужъ чего лучше,—согласился Василій,—не даромъ нѣмецъ. очень обстоятельно, надо думать деньгу не хуже другихъ, а то и лучше зашибаетъ.

— Вотъ и видно, душа-то въ немъ нѣмецкая,—сказалъ съ сердцемъ Митричъ.—Развѣ такъ можно? Онъ деньгу зашибаетъ, а мастеру полтинникъ. На такія то деньги и у насъ не проживешь, а не то, что въ столицѣ. Тоже надо и совѣсть знать. Коли мастеровой человѣкъ, такъ съ нимъ и все можно? По настоящему его бы по Владимировкѣ за это—вотъ какъ я думаю. Прямо нѣмецъ,—Митричъ разволновался, сердито сплюнулъ и даже отвернулся.

— Такихъ, Митричъ, законовъ нѣтъ, чтобы по Владимиркѣ,—сказалъ Иванъ Ивановичъ, съ ироніей посматривая на Митрича. — Ежели бы онъ убилъ кого, душу христіанскую загубилъ—ну это иное дѣло. А онъ ведетъ свое, хозяйничаетъ по совѣсти.

— По совѣсти? Полтинникъ и по совѣсти? Да, этакъ я съ тобой и говорить не хочу. По совѣсти!..

— Эхъ, душа человѣкъ,—обратился Василій къ Митричу, который отъ волненія даже всталъ.—Намъ ужъ такъ положено, на то и мастеръ, чтобъ польза была.

— Польза, конечно польза. Да не полтинникъ же!

— Ну, ладно, Беркманъ полтинникомъ кормитъ. А въ другихъ то мѣстахъ, лучше, думаешь? Тоже не скажи. Какъ пойдутъ тамъ эти штрафы, да вычеты, да мастеру дай, да пріемщика не забудь, да на масло, на неугасимую, значитъ,—такъ гляди, тожъ на то и выйдетъ. Окромя того и то во вниманіе возьми—куда пьяному человѣку дѣться. Тебя за прогулъ-то разочтутъ, какъ оно по порядку требуется, а тебѣ пить, ѣсть надо. Ну, и грань мостовую, иди на хитровъ рынокъ. Нѣтъ, безъ Беркмана намъ прямо петля.

Иванъ Ивановичъ продолжалъ съ ироніей смотрѣть на Митрича. Митричъ хмурился, нетерпѣливо подергивалъ плечами и собирался возразить, но прибѣжалъ мальчишка и позвалъ всѣхъ обѣдать.

За длиннымъ столомъ въ кухнѣ размѣстились и ученики, и мастера, и сами хозяева. Прислуживала кухарка и одинъ изъ учениковъ—дежурный.

Столъ былъ сытный: ради праздника пирогъ съ грибами и съ лукомъ, затѣмъ картофельный супъ съ мясомъ, гречневая каша и послѣ обѣда квасъ домашняго приготовленія.

Семенъ Петровичъ не любилъ разговоровъ за ѣдой, убѣжденный въ томъ, что тогда съ пищей легко вселяется въ человѣка нечистая сила. Но въ перерывахъ между однимъ и другимъ блюдомъ, а перерывы эти были довольно длинны, перекидывался незначительнымъ разговоромъ съ мастерами, иногда, впрочемъ, крайне рѣдко, бросалъ какую-нибудь шутку ребятамъ, но тѣ, привыкшіе видѣть хозяина всегда серьезнымъ, терялись, опускали глаза, ежились и не знали, какъ отнестись къ нимъ.

Въ одинъ изъ перерывовъ хозяинъ обратился къ Митричу:

— Ну, что, Митричъ? Былъ въ соборѣ?

— Какъ же, былъ. Хорошо тамъ, Семенъ Петровичъ, такъ ли хорошо. Благолѣпіе такое, да солнышко этакъ въ куполъ-то.. Очень хорошо. Главное поютъ... И дьяконъ тоже. Какъ пустилъ это «и всѣхъ, и вся», точно за сердце схватило, а пѣвчіе тотчасъ его подхватили, да таково стройно... хорошо.

— Значитъ, самъ архіерей служилъ?

— Самъ, самъ. Только вотъ насчетъ его, т.-е. архіерея-то, сказать не могу, грѣшенъ, а того... не скажу, чтобъ оно форменно было.

— Что такъ?

— Жидокъ, да и молодъ. Ходитъ шибко, дьяки только поспѣвай за нимъ, нѣтъ въ немъ этого, чтобы торжественно, и говоритъ больно бойко, и благословляетъ... Да что ужъ тутъ. Конечно, грѣхъ, а не скажу.

— Не нравится?

— Поди горе какое. Ему, небось, обидно.—пошутилъ Семенъ Петровичъ и обратился къ Ивану Ивановичу:

— Ну, а ты? тоже въ соборѣ побывалъ?

— Нѣтъ, Семенъ Петровичъ. Я раннюю у себя отстоялъ да домой сходилъ. Когда тутъ по соборамъ бѣгать, это пусть ужъ Митричъ отъ нечего дѣлать.

— А у тебя дѣла, все занятъ? Слово то Божіе забылъ,—не однимъ хлѣбомъ человѣкъ сытъ бываетъ. А, впрочемъ, это дѣло хорошее, трудись, чего-нибудь добьешься.

Въ слѣдующій перерывъ Иванъ Ивановичъ уже самъ обратился къ Семену Петровичу съ вопросомъ.

— Говорятъ, въ Москвѣ все больше машины въ ходъ пошли.

— Еще бы, городъ большой.

— Если бы такъ-то и вамъ?

— Мой вѣкъ не долгъ, что тутъ путаться.

— Всетаки... Отъ нея, говорятъ, пользы много.

— То-то вотъ у тебя и вышло много пользы.

Иванъ Ивановичъ поморщился.

— Что жъ я? Кабы у меня были деньги. Да къ тому жъ какая это машина, такъ, на удочку поймали.

— А тамъ настоящая и для всякаго дѣла.

— Поди, небось, и кусаются здорово.

— Извѣстное дѣло, не дешево,—вставилъ свое слово Митричъ.—А къ чему ее и заводить, коли безъ нея справляемся, такъ только, у мастеровъ хлѣбъ отбивать.

— Вотъ Митричъ всегда правильно разсуждаетъ, — сказалъ Семенъ Петровичъ и одобрительно похлопалъ Митрича по плечу.—Ужъ мы съ тобой машины не заведемъ. Такъ, что ли?

— Ну ее, зачѣмъ она,—отвѣтилъ Митричъ и свѣтло улыбнулся.

Послѣ обѣда мастера потолкались въ мастерской—тотъ звѣвнулъ, другой потянулся, этотъ рыгнулъ съ наслажденіемъ,—и молча точно сговорившись ранѣе, направились къ двери.

III.

Митрича любили въ мастерской. Онъ умѣлъ разсмѣшить, разсказать что нибудь интересное, охотно помогалъ совѣтомъ въ работѣ и не раздражался, когда его плохо понимали и надоѣдали съ распросами, а главное, онъ былъ незлобливый, душевный человѣкъ и около него чувствовалось какъ то хорошо и спокойно.

Митричу лѣтъ подъ тридцать. Онъ ровесникъ Ивана Ивановича. Они вмѣстѣ поступили учениками въ небольшую мастерскую, а черезъ годъ вмѣстѣ съ мастерской перешли подъ начало къ Семену Петровичу, у котораго и выслужили лѣтъ 16, которыя въ ихъ разговорахъ перешли въ 20. Въ силу такихъ обстоятельствъ мастера считали ихъ большими пріятелями, не смотря на полную противоположность ихъ характеровъ.

Митричъ отличался большимъ миролюбіемъ и мягкостью характера. Казалось, его ничѣмъ нельзя было возмутить, даже къ вспышкамъ хозяина онъ относился равнодушно и, кажется, болѣе любовался тѣмъ, что дѣлается съ человѣкомъ, чѣмъ вникалъ въ его гнѣвные упреки. Если же и случалось ему сердиться, то это выходило у него совсѣмъ не сердито, и никто не хотѣлъ вѣрить, что Митричъ сердится въ серьезъ,—такъ, напускалъ часто на себя, или просто ворчитъ шутки ради.

Работалъ Митричъ хорошо, со вкусомъ и находилъ въ работѣ удовлетвореніе въ самомъ процессѣ работы—ему нравилось, какъ это изъ грубыхъ, корявыхъ кусковъ постепенно выходитъ красивая вещь,—но работалъ крайне медленно и слишкомъ часто от-

кладывалъ работу къ сторонкѣ, чтобы закурить трубку или почесать себѣ спину, или просто полюбоваться своимъ издѣліемъ. Иногда Семенъ Петровичъ ворчалъ на него за эту медленность, но не могъ не согласиться, что его сапогъ или башмакъ, въ особенности же какія нибудь женскія изящныя туфельки выходили такими фасонистыми, что «прямо хоть на княжескую ножку, и то было бы у мѣста».

Въ свободное отъ работъ время, а оно бывало только по праздникамъ или наканунѣ ихъ, когда работа заканчивалась, какъ только соборный колоколъ ударитъ къ вечернѣ, Митричъ околачивался обыкновенно дома. Если и выйдетъ, такъ развѣ въ баню или въ церковь къ службѣ и рѣдко, рѣдко когда пойдетъ съ мастерами въ трактиръ выпить чайку или пропустить рюмку. двѣ водки. Если дѣло было лѣтомъ, онъ выходилъ на дворъ, кормилъ голубей, ухаживалъ за домашней птицей, спускалъ съ цѣпи и возился съ Шарикомъ, игралъ съ дѣтьми въ лапту или въ ладышки, или растягивался гдѣ нибудь въ тѣни у забора и любовался солнцемъ, небомъ, березой, что спустила свои плакучія вѣтки съ сосѣдняго двора. Зимой,—онъ устраивалъ дѣтямъ гору, снѣжную бабу, игралъ съ ними въ снѣжки, а когда это надоѣдало, забирался въ мастерскую, расхаживалъ тамъ изъ угла въ уголъ и напѣвалъ пѣсенку, или игралъ въ шашки съ дѣтьми, а то и съ самимъ Семеномъ Петровичемъ, если тотъ отъ скуки выйдетъ въ мастерскую, или просто сидитъ у окошка, смотритъ, какъ идетъ снѣгъ, какъ ѣдетъ мимо извощикъ, какъ балуются чужіе ребята. Особенно любилъ Митричъ длинные зимніе вечера, когда мастера расходились, въ мастерской становилось тихо, а на улицѣ мела, мятель. Тогда онъ садился передъ печкой, смотрѣлъ, какъ горитъ въ ней огонь, какія причудливыя формы принимаетъ красный уголь и разсказывалъ дѣтямъ одну изъ тѣхъ страшныхъ сказокъ, которыя самъ когда то слыхалъ у себя въ деревнѣ, или, что бывало гораздо чаще, пользовался собственной выдумкой. Дѣти собирались кругомъ него, плотно къ нему прижимались, и затаивъ дыханіе, вслушивались въ его фантастическій разсказъ, уносились въ тѣ далекія за тридевять земель края, гдѣ происходили событія, и совершенно забывали дѣйствительность.

Митричъ любилъ дѣтей и баловалъ ихъ, время отъ времени покупая гостинцы или игрушки, при чемъ это дѣлалось всегда таинственно, черезъ посредство Аграфены Никитичны, что бы никоимъ образомъ не зналъ хозяинъ. Конечно, она передовала о баловствѣ Митрича своему супругу, отъ котораго ничего не могла скрыть, по своей, какъ она говорила, женской слабости, и нерѣдко они вмѣстѣ посмѣивались надъ затѣей Митрича, догадывался о нескромности Аграфены Никитични и самъ Митричъ, тѣмъ не

менѣе таинственныя перешептыванія съ Аграфеной Никитичной не прекращались: во первыхъ, въ этой таинственности была своего рода прелесть, во вторыхъ,—сохранялся авторитетъ хозяина, который долженъ быть строгъ и не допускать слишкомъ интимныхъ отношеній ни съ дѣтьми, ни съ мастерами.

Покладистый человѣкъ былъ Митричъ, а всетаки и за нимъ водился грѣхъ, съ которымъ долго боролся Семенъ Петровичъ, стараясь взять и строгостью, и лаской, и хитростью,—но старанія эти не приводили ни къ чему.

Митричъ любилъ загуливать.

И что съ нимъ случится? Начнетъ удаляться отъ всѣхъ, скучать, скучать, потомъ сердится, ворчитъ, работа не клеится, лицо становится сухое, мрачное, глаза не смотрятъ прямо, а какъ-то бѣгаютъ по угламъ, ребятамъ и тѣмъ достается, даже хозяину не дастъ слова сказать, чтобы не отвѣтить дерзостью. Такъ проходитъ дня два, три, и какъ Семенъ Петровичъ не избѣгаетъ ссоры, повода къ столкновенію, Митричъ умудрится найти предлогъ и требуетъ себѣ расчетъ. Пробовалъ Семенъ Петровичъ отмалчиваться, и это не помогало: Митричъ обвинялъ его, что онъ рыло воротитъ, и потому—пожалуй ему расчетъ. Предлогъ всегда находился у Митрича, такой ужъ неспокойный человѣкъ становился.

— Митричъ, поспѣши-ка малость съ заказомъ, заказчикъ обижается, надоѣлъ ходивши.

Семенъ Петровичъ скажетъ это мягко, улыбнется и даже какъ будто заискиваетъ, а чтобы еще больше ублаготворить Митрича, прибѣгнетъ и къ шуткѣ.

— Ужъ эти мнѣ чинодралы непутевые.

Но Митрича не проведешь. Онъ неумолимъ. Онъ хмуритъ брови и начинаетъ ворчать.

— Отъ тебя только и словъ, что поскорѣй да поскорѣй, а куда торопишься и самъ не знаешь. Всю работу не переработаешь, ужъ это ты оставь пожалуйста, какъ ни торопись, а все работа подгонять будетъ. Помрешь, а она все останется,

Митричъ начинаетъ куражиться, откладываетъ въ сторону сапогъ, въ которомъ и додѣлать-то осталось сущіе пустяки, закуриваетъ трубку, а самъ смотритъ въ окно, изрѣдка косясь съ презрѣніемъ на свою работу.

— Поскорѣй, заказчикъ торопитъ,—передразниваетъ онъ хозяина.—А ты, коли хозяинъ настоящій, долженъ заказчика вразумить. Подборъ — разъ, набойка — два, опять же фасонъ и все такое. Разсказалъ ему толкомъ, онъ и пойметъ. Поскорѣе... Тебѣ самому надо поскорѣе, вотъ ты и торопишь, выгоду наживаешь. Я каторжный тебѣ достался, чтобы поскорѣй-то? Тоже, хозяинъ...

Семенъ Петровичъ крѣпится и молчитъ, ждетъ развязки, думаетъ, какъ бы удержать хоть часть денегъ, а кровь уже волнуется: не гоже такъ мастеру съ хозяиномъ разговаривать.

Митричъ собираетъ инструментъ, аккуратно складываетъ его около сапога, на минуту задумывается, — ему жаль бросить работу, которую будутъ кончать другія менѣе опытныя руки,—затѣмъ рѣшительно сдергиваетъ фартукъ, еще рѣшительнѣй бросаетъ его на полъ и еще рѣшительнѣй подходитъ къ хозяину съ видомъ, точно бить его собирается.

— Ну?—спрашиваетъ онъ, не удостаивая хозяина болѣе опредѣленнаго вопроса и увѣренный, что тотъ и самъ долженъ знать. въ чемъ дѣло.

— Что тебѣ, Митричъ?—ласково спрашиваетъ хозяинъ, у котораго еще таится надежда, что Митричъ образумится.

— Какъ что?—точно удивляется Митричъ вопросу.—Подавай разсчетъ, вотъ что. И смотрѣть такъ на меня нечего. Не хочу жить у тебя, и весь сказъ! Что это за жизнь?—каторга! Скорѣй, скорѣй, работы пропасть, конца краю не видать—тутъ подохнешь. Опять обхожденіе твое и все такое...

— Митричъ, что городишь?—усовѣщеваетъ Семенъ Петровичъ, точно соболѣзвуя, что Митричъ дошелъ до такой несправедливости.—Чѣмъ плохо у меня? И ты говоришь...

— Давай расчетъ! Что тутъ антимонію-то разводить.

— Всѣ?

— А то какъ же? Разумѣется, всѣ, всѣ полностью, безъ утайки.

— А матери послать?

— Матери? Вотъ еще печальникъ нашелся. Самъ-то я не могу послать, коли надо? Нѣтъ, хозяинъ, ты эти шуточки-то, почтенный, оставь. Я не малый ребенокъ.

— Ну, рублика два? Немного, а пригодятся: вѣдь, опять ко мнѣ придешь.

— Къ тебѣ? И не подумаю. Вотъ еще нашелъ дурака. Мнѣ-то цѣна какая? Я могу въ Москвѣ, а то и въ самомъ Питерѣ на самыхъ что ни на есть господъ работать, на графовъ тамъ, на князей, и за милую душу, потому работа моя всякому пріятна.—Митричъ понижаетъ голосъ и улыбается. — Помѣщеньице этакое аккуратное, жалованье большое, обхожденіе пріятное, работа вольготная, съ прохладой, народъ этакій...—А у тебя что? По мнѣ ли такая мастерская? Тьфу ты! Плевать я на нее хотѣлъ, на мастерскую-то твою, да и на тебя тоже...

Митричъ энергично плюетъ на полъ и для большей убѣдительности растираетъ ногой. Семенъ Петровичъ находитъ, что хозяйское достоинство оскорблено и потому протестуетъ.

— Ну, ну! ты тово... поосторожнѣй.

— Что тыкаешь? Сказано, не стану жить у тебя, скареда — вотъ и все.

Слово скаредъ еще болѣе задѣваетъ хозяйское самолюбіе. Семенъ Петровичъ начинаетъ не на шутку сердиться и возвышаетъ голосъ.

— Не давай языку воли! Воли не давай! Придержи его! Не то я укажу тебѣ мѣсто.

— Ладно! Ничего—съѣшь! Велика невидаль — хозяинъ. Мало васъ иродовъ, расплодилось, такъ и кланяйся всѣмъ? Шалишь, братъ! У Митрича спина не гибкая.

Воцаряется мертвая тишина. Мастера тоже замерли въ ожиданіи чего-то ужаснаго, ребята поблѣднѣли, жмутся другъ къ другу, боятся шелохнуться, боятся смотрѣть на хозяина и не могутъ оторвать отъ него глазъ.

Семенъ Петровичъ тяжело дышитъ, упорно смотритъ въ лицо Митрича и начинаетъ краснѣть.

— Такъ ты вотъ какъ?—раздается его голосъ, и каждое слово отдается точно въ пустой комнатѣ.—Хорошо, Алексѣй Дмитріевъ, очень хорошо! Это черезъ двадцать-то лѣтъ? а? За то, что мастерству научилъ? Столько лѣтъ жили и все хорошо было, а теперь—иродъ, скаредъ? Спасибо, одолжилъ! Очень спасибо.

— Ну, ну не жалобь. Знаю я эту музыку—говоритъ Митричъ хмурясь, однако въ голосѣ звучитъ что-то похожее на раскаяніе.

— Хорошо!—продолжаетъ хозяинъ.--Ай-да мастерокъ попался! Вишь ты, хозяинъ худъ сталъ, обижаетъ, работой моритъ. Ловко! Какъ за двадцать-то лѣтъ отплачиваютъ? а? Удружилъ! Иродъ, скаредъ...

Хозяинъ язвитъ и покачиваетъ головой, а краска на лицѣ становится все гуще и гуще, захватываетъ лобъ, шею, кое-гдѣ становится багровой, въ глазахъ забѣгали искорки... И вдругъ онъ выпрямляется, стучитъ своимъ желѣзнымъ кулакомъ по столу и кричитъ на всю мастерскую:

— Да какъ ты смѣлъ такое слово сказать? Зазнался? Забылъ, что есть такое хозяинъ? Такъ я тебя разодолжу! Узнаешь, какъ говорить съ хозяиномъ... Дьяволъ!

Митричъ невольно подается назадъ при такомъ привѣтствіи Семена Петровича, но сейчасъ же овладѣваетъ собой и съ самымъ невиннымъ видомъ ждетъ, что будетъ дальше.

— У, рожа! — кричитъ хозяинъ, мечетъ въ него послѣдній разъ своимъ свирѣпымъ взглядомъ и исчезаетъ быстро изъ мастерской. Почти сейчасъ же онъ возвращается, все такой же гнѣвный и красный и швыряетъ на столъ деньги.

— На тебѣ твои деньги! Да не вздумай опять пожаловать! Понялъ? Даромъ не возьму, пропадай, какъ собака.

Считать деньги было бы верхомъ нелѣпости. Никому и въ голову не придетъ, чтобы Семенъ Петровичъ обманулъ или ошибся, но показать видъ, что считаешь, переложить ихъ и разъ, и другой съ руки на руку и помучить Семена Петровича—это не мѣшаетъ. На-жъ тебѣ, укуси-ка! Стоитъ человѣкъ, что бѣльмо на глазу, изводитъ тебя, а ты терзайся и ничего не можешь сдѣлать. Вотъ и понимай теперь, какой жестокій человѣкъ этотъ Митричъ, когда захочетъ себя показать.

Однако изводка хозяина продолжается не долго. Митричъ уже смѣется своей удачѣ, сжимаетъ деньги въ кулакѣ и идетъ прощаться съ товарищами. Тѣ смущены, растеряны: и хозяина боятся, и Митрича не хотятъ обидѣть — и суютъ кое-какъ свои руки, не смотря на Митрича. Потомъ, Митричъ гордо проходитъ мимо хозяина, высоко приподнявъ голову, и, не взглянувъ на него, исчезаетъ, сдвинувъ на бекрень свой трепаный картузъ.

Недѣли двѣ, три, а то и цѣлый мѣсяцъ пропадаетъ Митричъ. Первый день еще въ городѣ, собираетъ товарищей и угощаетъ ихъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ. Самъ онъ почти не пьетъ, зато товарищи рады случаю и скоро доходятъ до градуса. Митричъ затѣваетъ разговоръ и норовитъ все больше о душѣ, но пьяная компанія плохо его слушаетъ, безсвязно болтаетъ о придиркахъ хозяевъ, споритъ, кто изъ мастеровъ лучше и скорѣе работаетъ, кто умѣетъ провести хозяина, и не проявляютъ ни малѣйшей склонности къ размышленіямъ на высокія темы. Митричъ посматриваетъ на эти пьяныя фигуры, на ихъ безцѣльныя, нескладныя движенія, безсмысленные, мутные глаза, прислушивается къ ихъ пьяному голосу—ему становится скучно, его охватываетъ тоска. Онъ пользуется случаемъ, тайкомъ покидаетъ товарищей и съ этого момента начиваетъ бродяжничать, ища въ природѣ успокоенія и отвѣта на вдругъ охватившія его мысли. Онъ ходитъ по лѣсамъ, иногда тамъ же и ночуетъ, собираетъ ягоды, грибы, часами слушаетъ птичекъ, смотритъ, какъ бѣжитъ ящерица, какъ копошатся муравьи, какъ прыгаетъ бѣлка, въ полѣ слушаетъ жаворонковъ, стрекотатье кузнечиковъ, а то просто лежитъ въ высокой ржи, смотритъ на клочокъ яснаго неба и предается размышленіямъ.

Проходитъ нѣсколько дней. Мысли растутъ, ширятся и придавливаютъ. Тянетъ подѣлится ими.

Тогда Митричъ отправляется въ деревню, гдѣ у него завелось много знакомыхъ. Онъ вступаетъ съ ними въ собесѣдованіе, но и тутъ не находитъ удовлетворенія. Рѣдко, рѣдко встрѣтитъ онъ сочувствіе со стороны какого нибудь старца, который уже не въ силахъ работать и кое-какъ доживаетъ свой вѣкъ. Съ нимъ заговоритъ Митричъ о душѣ, о свободной жизни, тотъ поддаки-

ваетъ, вспоминаетъ старину, поговоритъ о Богѣ, о людской неправдѣ, но все это не то, что нужно Митричу. А что ему нужно, онъ хорошенько и самъ не можетъ понять. Иной разъ забредетъ Митричъ къ дьячку, а то дьякону, и даже къ самому священнику. Они самимъ Богомъ поставлены утѣшать человѣческія души, но и они не могли удовлетворить его: если и заговорятъ, такъ больше отъ священнаго писанія, а Митричъ любилъ, чтобы дѣло шло отъ разума, по совѣсти, какъ самому думается. Про остальныхъ обывателей и говорить нечего: онъ о душѣ, а ему—«хлѣба нѣтъ», «въ хозяйствѣ разстройка»; онъ о правильной жизни, а ему—«подати тяжелы». Не понимаютъ они другъ друга. Иногда онъ встрѣчалъ какого нибудь подходящаго паломника и провожалъ его, пока не выпытывалъ всего изъ скуднаго запаса. Сначала онъ слушалъ съ захватывающимъ вниманіемъ, казалось, боялся проронить слово, и все ждалъ самой сути, потомъ его вниманіе притуплялось, на лицѣ выступала скука и онъ покидалъ странника всегда какъ-то неожиданно и съ явнымъ огорченіемъ и разочарованіемъ.

И снова ищетъ Митричъ спасенія въ лѣсу, въ поляхъ, и въ обществѣ птицъ и всякаго звѣря. Тамъ въ лѣсу, въ уютномъ уголкѣ лежитъ онъ часами и предается размышленіямъ: отчего люди злы, почему они такъ гонятся за деньгами и думаютъ только о мамонѣ, почему деревня думаетъ только о хлѣбѣ, да податяхъ, почему мастера только пьянствуютъ, почему они должны работать на хозяина, а подъ старость даже угла не имѣютъ; зачѣмъ Богъ создалъ волка, ястреба, который лопаетъ пташекъ, зачѣмъ ласточку, которая пожираетъ бабочекъ; зачѣмъ живутъ эти бабочки, зачѣмъ живетъ ласточка, зачѣмъ живетъ человѣкъ? И никто толкомъ не можетъ объяснить ему всего этого, пожалуй, и не думаютъ объ этомъ. Откуда же въ немъ эти мысли? Къ чему онѣ? Какой толкъ отъ нихъ?.. Въ головѣ наступалъ хаосъ, сердце тоскливо сжималось.

Такъ проходили дни за днями. А кругомъ играла жизнь и незамѣтно разсѣивала мрачныя думы Митрича. На него находило просвѣтлѣніе. Тяжелые вопросы уже не мучили его, и онъ на каждый такой вопросъ отвѣчалъ просто—такъ нужно, а зачѣмъ—этого понять никто не можетъ, стало быть и думать объ этомъ—пустое дѣло. Ласточка съѣла мотылька,—такъ и быть должно. Не умирать же ей, въ самомъ дѣлѣ съ голоду—тоже жить хочется. Она схватила его и проглотила, она не подумала о немъ, не подумала, что ему тоже жить хочется. И хорошо сдѣлала. Что тутъ думать? Думай, не думай, а пить, ѣсть надо, такъ лучше не думая, такъ-то спокойнѣе. И мотыльку худа нѣтъ никакого, еще можетъ лучше, потому что все равно когда-нибудь помирать надо.

Еще наступило бы холодное времи, завяли бы цвѣточки, и сталъ бы онъ голодать, мерзнуть и томиться. А тутъ, по крайности, безъ муки, Разъ—и готово дѣло, и нѣтъ его. И выходитъ, что все это устроено даже очень умно. Вотъ у людей, дѣйствительно, какъ будто и плохо. Тамъ тебя поворочаютъ, повытянутъ тебѣ жилы-то, и всетаки не съѣдятъ, а выбросятъ на улицу какъ тряпку, и жди конца, идетъ одна мучительная проволочка. А почему такъ? Потому человѣкъ о себѣ большое мнѣніе возъимѣлъ и норовитъ выше лба перерости. Мотылекъ-то, онъ отъ сотворенія міра только и дѣлаетъ, что ѣстъ пьетъ, да за самкой ухаживаетъ, да такъ и живетъ въ свое удовольствіе, пока, невзначай, найдетъ свой предѣлъ. А человѣкъ—нѣтъ. Ему и то подай, и другое. Норовитъ и Бога обмануть, и чорта. Ему все получше хочется, да поспокойнѣе, да чтобъ ему служили всѣ, а въ концѣ-то выходитъ наоборотъ все хуже да хуже. Проще-то лучше.

Еще проходятъ дни и Митричъ окончательно освобождается отъ всякихъ вопросовъ. Онъ созерцаетъ и наслаждаетя созерцаніемъ, его душа успокоивается и окутывается тѣмъ состояніемъ, которое позволяетъ ему на весь міръ смотрѣть съ добродушной ироніей, а къ разнымъ горестямъ и своимъ и чужимъ относится съ легкой насмѣшкой человѣка, который все превзошелъ и все понялъ. Его уже не раздражали разговоры о хлѣбѣ и податяхъ, онъ спокойно выслушивалъ толкованія отъ священнаго писанія, находилъ какихъ-то товарищей, выпивалъ съ ними и предобродушно слушалъ ихъ жалобы на томную жизнь. Все это было мелко, пустяшно и не заслуживало серьезнаго вниманія.

Вскорѣ зачѣмъ, онъ покидалъ всѣхъ и отправлялся къ Семену Петровичу, чтобы потомъ, въ свое время снова загулять и снова пройти всѣ стадіи внутренней разстройки. Такіе загулы, впрочемъ, случались съ Митричемъ только лѣтомъ... Острый характеръ душевнаго разлада съ каждымъ годомъ слабѣлъ. Послѣднее время, если Митричъ и загуливалъ, то больше по привычкѣ, да по какой то необъяснимой страсти къ бродяжничеству.

Семенъ Петровичъ встрѣчалъ Митрича съ улыбкой, освѣдомлялся, хорошо ли онъ погулялъ, и тѣмъ размолвка ихъ кончалась. Разъ только онъ встрѣтилъ Митрича довольно сурово, когда тотъ что-то слишкомъ скоро кончилъ свой загулъ, и хозяинъ не успѣлъ еще остыть.

— Что скажешь, Алексѣй Дмитріевъ?—спросилъ онъ съ напускнымъ почтеніемъ и холодно.

— Къ тебѣ пришелъ,—равнодушно отвѣчалъ Митричъ, не обращая вниманія на неестественный тонъ хозяина.

— Ко мнѣ—вижу. Зачѣмъ только, позволь спросить?

— Какъ зачѣмъ? Дѣло извѣстное—работать.

— Ну ужъ это ты оставь, будетъ, поканительничали. Да ты и самъ помнится, не хотѣлъ приходить ко мнѣ, такъ ужъ поищи себѣ мѣсто получше.

— Эва, оно! Скажешь, право... Я думалъ, что, а онъ вонъ куда гнетъ. Это двадцать-то лѣтъ живши? и чего только не выдумаешь. Экое слово-то сказалъ.

Митричъ отъ души смѣялся надъ выдумкой хозяина и преспокойно раздѣвался.

Семенъ Петровичъ опѣшилъ, нахмурилъ было брови, но взглянулъ въ спину Митричу и улыбнулся. Ему самому стало ясно, что онъ дѣйствительно сморозилъ чушь и что разстаться съ Митричемъ—это прямо что-то несуразное.

Семенъ Петровичъ, какъ это всѣ знали, шибко любилъ Митрича. Онъ даже доходилъ до того, что въ случаяхъ особой важности, когда въ его строгихъ и прямолинейныхъ мысляхъ появлялось смутное сомнѣніе, приглашалъ Митрича въ свою спальню и откровенно бесѣдовалъ съ нимъ. Правда, на этихъ совѣщаніяхъ Митричъ больше моталъ головою, прислушивался, что хочется хозяину, и съ большимъ рвеніемъ поддакивалъ, зачастую невпопадъ, или въ своихъ разсужденіяхъ, гдѣ видную роль играло «итого», «и все такое», «этого, какъ оно», залеталъ въ такія области, откуда даже при помощи разсудительнаго Семена Петровича спуститься было весьма затруднительно, тѣмъ не менѣе хозяинъ успокоивался, чувствовалъ себя бодрѣе, и рѣшительно изгонялъ сомнѣніе, которое безпокоило его и нарушало ясный, опредѣленный взглядъ на вещи.

Митричъ, въ свою очередь, любилъ Семена Петровича, и къ тому было много основаній. Во первыхъ, онъ былъ хозяинъ, а всякій хозяинъ, по глубокому убѣжденію Митрича, заслуживалъ, чтобы къ нему относились съ уваженіемъ, по крайней мѣрѣ, если не съ любовью; во вторыхъ, онъ выжилъ у Семена Петровича много лѣтъ и привыкъ къ нему; въ третьихъ, Семенъ Петровичъ смотрѣлъ на вещи трезво, просто и ясно, и былъ чуждъ сомнѣній, которыя если и овладѣвали имъ, то рѣдко, не надолго и весьма поверхностно; Митрича, котораго такъ сильно временами охватывали разныя сомнѣнія и мучили и доводили до загуловъ, такой трезвый человѣкъ невольно привлекалъ къ себѣ, какъ нѣчто стойкое и надежное. Наконецъ, не могъ же Митричъ оставаться холоднымъ и равнодушнымъ, разъ Семенъ Петровичъ питалъ къ нему большія симпатіи.

Митричъ былъ одинокъ. У него была жива мать, но она жила далеко, въ деревнѣ, въ другой губерніи, гдѣ поселилась у старшаго сына, а со смертью его осталась тамъ въ семьѣ. Митричъ посылалъ аккуратно деньги, почти весь свой заработокъ, писалъ

сыновнія письма,—тѣмъ и ограничивались ихъ отношенія. Онъ не питалъ къ ней особой любви, а иногда, въ минуту откровенности, даже сѣтовалъ на нее и не одобрялъ. Она ушла жить къ старшему брату, единственному человѣку, съ которымъ Митричъ никогда не могъ поладить, и тѣмъ какъ бы дала ему предпочтеніе, а главное она разстроила его женитьбу на одной дѣвушкѣ, которая ему сильно приглянулась. Теперь онъ успокоился, да и пора—прошло съ десятокъ лѣтъ, а тогда сильно горевалъ и не будь Семена Петровича, пожалуй, и совсѣмъ погибъ.

Мягкая натура Митрича должна была питаться привязанностью, и онъ привязался. Привязался къ Семену Петровичу, къ Аграфенѣ Никитичнѣ, къ ребятамъ, даже къ Ивану Ивановичу, котораго въ то же время сильно не долюбливалъ.

IV.

Совсѣмъ иной человѣкъ былъ Иванъ Ивановичъ Сомовъ.

Уже въ первые годы ученичества обрисовался характеръ мальчика расчетливаго и распорядительнаго. Онъ собиралъ съ полу обрѣзки кожи, кусочки резины, иглу, разбросанные деревянные гвоздики—все, что только попадется на глаза, и задумывался, какую можно извлечь изъ этого пользу. За красивую пуговицу, за кусочекъ опойка ему могутъ дать тѣ же ребята копейку или ладыжку и потому онъ приберегаетъ ихъ до случая, ну, а деревянный гвоздикъ, кусочекъ воску, пожалуй, ни къ чему, и онъ или бросаетъ ихъ и выметаетъ вмѣстѣ съ соромъ, или кладетъ ихъ къ мѣсту, причемъ старается это сдѣлать такъ, чтобы его похвалили за аккуратность. Когда Ванюха игралъ въ ладыжки, то непремѣнно взаправду, а такъ какъ онъ игралъ хорошо, то обыкновенно выигрывалъ и продавалъ ладыжки тѣмъ, кто проигрывалъ, чтобы потомъ вновь выиграть. Если ему попадала какъ-нибудь булка за услугу, то онъ хотя и съѣдалъ ее,—справиться съ искушеніемъ положительно было не въ мочь,—но и тутъ съ кѣмъ-нибудь подѣлится, и за это опять возьметъ копейку или ладыжку, которая рано или поздно обратится въ ту же копейку. Если бывало Семенъ Петровичъ пошлетъ ихъ съ Митричемъ снести заказъ, то всегда случалось такъ, что чаевыя деньги непремѣнно попадутъ въ руки шустраго Ванюхи. Получитъ онъ два пятака и раздѣлитъ ихъ съ Митричемъ, иной разъ даже выторгуетъ копейку какимъ-нибудь заманчивымъ предложеніемъ. Митричъ купитъ себѣ или пряникъ, или конфектъ, или свистульку, или какую-нибудь бездѣлушку, вродѣ пляшущаго паяца, съ которымъ и тѣшится потомъ, а Ванюха донесетъ деньги до дому и спрячетъ въ сундучокъ, гдѣ хранилось его бѣлье и

гдѣ въ особой коробкѣ лежали пятаки, семитки и копейки. Отъ времени до времени онъ любуется, сколько у него накопилось и соображаетъ, какъ бы этакъ поскорѣе увеличить свои капиталы. Тогда ему на мысль приходитъ купить курицу, которая разведетъ цыплятъ, тѣ въ свою очередь расплодятся и Ванюха сразу разбогатѣетъ; или воображеніе рисовало добраго заказчика, который вдругъ да выкинетъ пятерку, а то и цѣлую десятку; или онъ окажетъ какую-нибудь особую услугу хозяину, ну, хоть пожаръ замѣтитъ во-время или вора поймаетъ, и тогда хозяинъ отсыплетъ ему много, очень много денегъ. Такія радужныя мечты рѣдко посѣщали Ванюху, зато всецѣло охватывали его, и онъ часами просиживалъ въ ихъ объятіяхъ. Иногда его тянуло пойти на рынокъ и купить что-нибудь. Это были самыя тяжелыя минуты. Онъ ходилъ отъ лотка къ лотку, прицѣнялся, боролся съ собой, но рѣдко выходилъ побѣдителемъ — соблазнъ бралъ верхъ и онъ проѣдалъ 20—30 копеекъ. А потомъ его охватывало раскаяніе, и онъ долго не могъ забыть о своей глупости. Онъ сильно любилъ свою мать, но хотя она терпѣла нужду, и онъ зналъ это, тѣмъ не менѣе ему никогда не приходило въ голову дать ей изъ своихъ сбереженій. Къ чему? Какъ-нибудь перебьется. А вотъ когда онъ накопитъ да пуститъ ихъ въ дѣло, да устроится хорошенько, тогда и мать возьметъ къ себѣ и не будетъ она видѣть нужды. Онъ часто думалъ о томъ, какъ онъ успокоитъ мать, но ей не пришлось дожить до этихъ счастливыхъ дней: она умерла, когда онъ еще былъ ученикомъ.

Семенъ Петровичъ отъ времени до времени засматривалъ въ сундучки своихъ учениковъ. Бережливость Ванюхи ему нравилась, онъ хвалилъ его и даже разъ какъ-то приласкалъ и погладилъ по головѣ.

— Умница. Береги денежку, дѣло хорошее. Она всегда пригодится.

Но тутъ же онъ нашелъ порядочный кусокъ кожи и отодралъ Ванюху за вихры. Съ этихъ поръ Ванюха сталъ относиться къ хозяйскому добру осторожнѣй, если и возьметъ что, такъ съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же сбыть и сбыть понадежнѣе.

Иной разъ Ванюха хвастался своимъ богатствомъ передъ Митричемъ. Тотъ одобрительно покачивалъ головой и допытывалъ, зачѣмъ это онъ копитъ деньги.

— Какъ ихъ не копить, — разъяснялъ Ванюха, причемъ въ его голосѣ звучала упрямая тоскливая нотка.—Что ужъ за жизнь безъ денегъ. А съ деньгами — куплю себѣ домъ, такой же, какъ у хозяина, свою мастерскую заведу, мамку къ себѣ возьму. Безъ денегъ-то вотъ какъ плохо. Вонъ мамка бьется ужасно.

Ванюха начиналъ разсказывать о бѣдствіяхъ своей мамки и

о благополучіи людей, у которыхъ есть деньги. Митричъ слушалъ и вздыхалъ.

— А мнѣ, пожалуй, не накопить; очень ужъ трудно, — говорилъ онъ.

— Гдѣ тебѣ,—не накопить понятно.

И Ванюха смотрѣлъ на Митрича съ сознаніемъ собственнаго превосходства.

Ванюха попробовалъ увеличить свое богатство болѣе легкимъ путемъ, обыскивая карманы мастеровъ, когда они были подъ хмелькомъ.

Разъ ему удалось, на другой разъ замѣтили, на третій попался на мѣстѣ. Сначала, не жалѣя кулаковъ, били его мастера, потомъ билъ хозяинъ — трепка была основательная. Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что хозяинъ хотѣлъ отнять всѣ накопленныя имъ деньги. Ванюха такъ взвизгнулъ, такъ порывисто вскочилъ на колѣни, такъ отчаянно заломилъ руки, что Семенъ Петровичъ на минуту точно задумался, взглянулъ попристальнѣй на мальчишку и бросилъ коробку съ мѣдяками обратно въ сундучокъ. Ванюха съ жадностью, съ какимъ-то остервенѣніемъ бросился подбирать разсыпавшіяся монеты. Теперь онъ позналъ, что воровство, дѣйствительно, дурное дѣло и рѣшилъ имъ никогда не заниматься.

Вскорѣ — тогда Ванюхѣ было семнадцать лѣтъ—онъ нашелъ способъ увеличивать свои сбереженія легко и не предосудительно: онъ одолжалъ деньгами мастеровъ въ трудныя минуты. Сначала ему платили пятакъ, гривенникъ за услугу, а потомъ онъ уже самъ назначалъ опредѣленную сумму, и на опытѣ дошелъ до того, что такое процентъ. Денегъ у него теперь было порядочно, и онъ, чтобы другому не было соблазна, хранилъ ихъ въ сберегательной кассѣ, а книжку держалъ постоянно при себѣ, чтобы никто не зналъ, сколько у него накоплено.

Ванюха сдѣлался «капитальнымъ» парнемъ, вслѣдствіе чего между нимъ и мастерами возникли своеобразныя отношенія, не мало смущавшія мастеровъ и самого хозяина. Съ одной стороны, Ванюха-ученикъ, значитъ, находится въ распоряженіи мастера, значитъ, можно надъ нимъ и подшутить, можно загнуть ему салазки, можно заѣхать въ «волосное правленіе», дать затрещину подъ сердитую руку, съ другой—у него есть деньги, и если ты ему дашь затрещину, онъ не дастъ тебѣ денегъ, если ты надъ нимъ зло подшутишь, онъ возьметъ вдвое противъ другихъ за одолженіе. Было обидно, что мальчишка выскользаетъ изъ рукъ, становится чуть не вровень съ мастеромъ, и въ то же время указать ему его мѣсто было опасно — чувствовалась непріятная зависимость отъ него.

Семенъ Петровичъ, конечно, никакой зависимости не ощущалъ и по старому «училъ» Ванюху не менѣе другихъ. Въ томъ, что мастера берутъ у него деньги, онъ видѣлъ непорядокъ, въ душѣ порицалъ мастеровъ за ихъ слабость, которая отдавала ихъ въ руки мальчишкѣ, но вслухъ своего сужденія не высказывалъ, а къ Ванюхѣ чувствовалъ нѣчто вродѣ уваженія. Къ тому же Ванюха держалъ себя скромно, былъ не разговорчивъ, не курилъ, не поддавался смущенію выпить водки, хладнокровно выслушивалъ замѣчанія, не хвасталъ работой, однимъ словомъ, комаръ носу не подточитъ.

Въ работѣ Ванюха былъ прилеженъ на удивленіе, и хотя въ ней не было той художественной жилки, какою отличалась работа Митрича, тѣмъ не менѣе работалъ онъ исправно и быстро, не уступая въ работѣ настоящимъ мастерамъ. Мало того, онъ умѣлъ доходить въ ней до самой сути, зналъ хорошо кройку, могъ такъ затѣнить фальшь, что даже такой хозяинъ, какъ Семенъ Петровичъ, и то не замѣтитъ, зналъ хорошо разсчетъ матеріала, разсчетъ работы, даже узналъ какъ-то цѣны, какія беретъ хозяинъ съ гуртовыхъ заказовъ, въ чемъ онъ выгадываетъ, хотя все это держалось хозяиномъ въ секретѣ. Однимъ словомъ, Ванюха проявлялъ большую смѣтку. Хозяинъ цѣнилъ его, гордился имъ, какъ своимъ созданіемъ и въ то же время держался насторожѣ: слишкомъ шибко шагаетъ малый, отъ него всего ждать можно.

Въ тотъ же день, какъ Семенъ Петровичъ торжественно выдалъ Ванюхѣ подмастерское свидѣтельство, тотъ потребовалъ уваженія къ своей персонѣ и сразу выдѣлилъ себя изъ среды товарищей. Вышло это очень просто.

По привычкѣ какой-то мастеръ назвалъ его Ванюхой. Ванюха показалъ видъ, что не слышитъ, а на вторичный окрикъ обернулся, посмотрѣлъ серьезно на мастера и точно отчеканилъ:

— У меня, небось, и отецъ былъ. Какой я тебѣ Ванюха?

Скажи это кто нибудь другой, его бы подняли на смѣхъ, но Ванюха опять-таки парень былъ серьезный. Мастеръ растерялся отъ неожиданнаго замѣчанія и хотя старался дѣло повернуть въ шутку, тѣмъ не менѣе всѣ сразу почувствовали, что Ванюхи уже нѣтъ.

— Какъ тебя звать прикажешь,—съ ироніей спросилъ мастеръ.

— Иванъ Ивановичъ,—просто, но серьезно отвѣтилъ Ванюха, не придавая никакого значенія и точно не слыша ироніи въ голосѣ мастера.

Съ этихъ поръ мастера его звали Иваномъ Ивановичемъ, а потомъ какъ-то само собой вышло, что къ нимъ присоединился и хозяинъ. Всѣмъ казалось, что именно такъ и быть должно, и только

одинъ Митричъ иной разъ звалъ его по старому Ванюхой, но то, вѣдь, былъ Митричъ, которому все спускалось.

Съ теченіемъ времени, Иванъ Ивановичъ окончательно окрѣпъ на своей позиціи. Въ немъ уважали хорошаго мастера, настойчивый характеръ, смекалистую голову, оборотистаго человѣка. Въ интонаціи голоса у мастеровъ стали уже проскальзывать нотки, какія замѣчаются у людей подневольныхъ. Это, впрочемъ, не мѣшало вспышкамъ, какія овладѣвали то тѣмъ, то другимъ мастеромъ. Какъ никакъ, а Иванъ Ивановичъ такой же мастеръ, такой же подневольный человѣкъ, какъ и всѣ другіе. Конечно, у него особая повадка и въ свое время онъ непремѣнно самъ захозяйствуетъ, но когда еще что будетъ, а пока онъ свой братъ.

Подъ наитіемъ такихъ мыслей иной мастеръ разойдется, зло подшутитъ, начнетъ намекать на разныя доблести Ивана Ивановича, ходитъ мимо козыремъ и даже, при случаѣ, обругаетъ, да такъ удачно, что остальные только фыркнутъ. Иванъ Ивановичъ молча перенесетъ вспышку, иной разъ даже отвѣтитъ шуткой и виду не покажетъ, что все въ немъ клокочетъ, а потомъ, глядишь, и вспомнитъ, не дастъ денегъ, укажетъ хозяину на какую-нибудь фальшь или еще какъ-нибудь подковырнетъ, и въ концѣ концовъ въ дуракахъ-то окажется тотъ же мастеръ.

Однако, эти вспышки становились всѣ рѣже и рѣже.

Иванъ Ивановичъ зналъ, что мастера его не любятъ, но онъ также зналъ, что они нуждаются въ немъ и всѣ состоятъ его должниками. Въ немъ вырабатывалось презрительное къ нимъ отношеніе. Да и что это въ самомъ дѣлѣ за люди? Такъ живутъ себѣ невѣдомо зачѣмъ, работаютъ черезъ пень колоду да пьянствуютъ, да безобразничаютъ. Сегодня живетъ, а что будетъ завтра, и самъ не знаетъ. Прожилъ день—и слава Богу, и нѣтъ въ немъ никакого понятія; нѣтъ того, чтобъ онъ подумалъ, какъ на ноги стать. Такъ, глупость одна. Однако, она на руку Ивану Ивановичу, и онъ можетъ ею воспользоваться въ своихъ интересахъ, надо только все это хорошенько обдумать, а думать Иванъ Ивановичъ можетъ—недаромъ же у него золотая голова.

Иванъ Ивановичъ наблюдалъ мастера, вникалъ въ самую суть и достигъ большихъ успѣховъ. Онъ могъ по отдѣльнымъ, едва замѣтнымъ движеніямъ, по легкому измѣненію въ интонаціи голоса, по блеску глазъ, по походкѣ, даже просто по чутью узнавать, что дѣлается съ мастеромъ, и пользовался этимъ сообразно съ своими видами. Мастера только удивлялись проницательности Ивана Ивановича и хотя продолжали его не любить, но это скрыто было гдѣ-то очень далеко, а наружу выступало только одно преклоненіе передъ его талантами.

— Онъ тебя вотъ какъ оборудуетъ, только поворачивайся, и

все правильно, не то, чтобы зря. Такъ подведетъ, сказать нечего, и безъ напору, а ласково этакъ.

— Что и говорить... Голова.

— Да, бьетъ въ точку, умственный человѣкъ.

Такъ хвастаются мастера гдѣ-нибудь въ пьяной компаніи съ видомъ, который говоритъ, что имѣть Ивана Ивановича въ мастерской и работать съ нимъ—своего рода заслуга.

Иванъ Ивановичъ, въ свою очередь, въ бесѣдѣ на сторонѣ съ какимъ-нибудь маленькимъ чиновникомъ или съ лавочникомъ, въ средѣ которыхъ у него завелось знакомство, такъ формулировалъ свое отношеніе къ мастерамъ.

— Конечно, народъ глупый и безалаберный, ну, а ладить съ нимъ можно, если кто съ умомъ возьмется.

Только къ Митричу да къ самому хозяину Иванъ Ивановичъ относился иначе. Семена Петровича онъ ставилъ очень высоко. Это былъ человѣкъ положительный, желѣзный, обладалъ умомъ и расчетомъ и умѣлъ всѣхъ держать въ рукахъ. У него было чему поучиться, и Иванъ Ивановичъ съ покорностью переносилъ и признавалъ его превосходство предъ собою. Но Митричъ... Иванъ Ивановичъ, любившій ясность въ своихъ мысляхъ, не разъ старался опредѣлить свое отношеніе къ Митричу и каждый разъ дѣло кончалось ожесточеннымъ плевкомъ на полъ. Прямо непонятно, что заставляло его, Ивана Ивановича, который съумѣлъ прибрать къ рукамъ мастеровъ, котораго уважаетъ самъ хозяинъ, котораго Богъ наградилъ хорошей головой, что заставляло его искать общества Митрича, переживать какое-то странное, покойное настроеніе отъ бесѣды съ нимъ, чувствовать расположеніе къ нему и даже выслушивать наставленія отъ него, отъ этого кисляя, у котораго и голова легкая, и рѣчи пустыя, и характера нѣтъ основательнаго, который, какъ ребенокъ, забавляется съ дѣтьми да болтаетъ о птичкахъ, о цвѣточкахъ и другихъ пустякахъ? Разумъ не мирился съ такою нелѣпостью и разсудительнаго Ивана Ивановича охватывала бѣшеная досада. Въ такія минуты онъ обрушивался на Митрича и говорилъ ему разныя непріятныя вещи. Тотъ молча выслушивалъ, глаза смотрѣли ласково и какъ будто съ любопытствомъ, около губъ играла легкая улыбка и ни малѣйшей тѣни обиды.

— Блаженный какой-то,—рѣшалъ Иванъ Ивановичъ, а послѣ нѣкотораго обдумыванія заключалъ:—значитъ такъ Богъ ему далъ. Мнѣ, къ примѣру, далъ голову, а ему вотъ это.

Семенъ Петровичъ признавалъ хозяйственныя качества въ характерѣ Ивана Ивановича, уважалъ его за это и отдавалъ ему явное предпочтеніе. Онъ называлъ его полнымъ именемъ, иногда

довѣрялъ надзоръ за мастерской и даже покупку товара, когда ему почему-либо не удосуживалось сдѣлать это самому, и при всемъ томъ смотрѣлъ на него косо и увѣрялъ, что онъ всегда носитъ камень за пазухой, а послѣднее время онъ часто досадовалъ на длинный языкъ Ивана Ивановича, который причинялъ ему много непріятностей.

Всякій разъ, когда тотъ придетъ не въ урочное время на хозяйскую половину, Семенъ Петровичъ строитъ кислую мину и начинаетъ волноваться. И предчувствіе его не обманываетъ: Иванъ Ивановичъ сообщитъ непремѣнно какую-нибудь гадость, нарушитъ хозяйское спокойствіе и заставитъ принимать мѣры. Семенъ Петровичъ и самъ знаетъ иной проступокъ, да виду не показываетъ, потому что «не можетъ же человѣкъ все время по стрункѣ ходить и не оступиться», а Иванъ Ивановичъ придетъ открыть ему глаза и только обезпокоитъ его. Семенъ Петровичъ и огрызнулся бы, да не желаетъ ронять хозяйскаго авторитета. Тотъ же Иванъ Ивановичъ потеряетъ уваженіе, да, пожалуй, и о чемъ-нибудь серьезномъ умолчитъ, а провинившійся, который, конечно знаетъ, что о немъ доложено хозяину, подумаетъ, что хозяинъ мирволитъ, чего, разумѣется, и въ мысляхъ держать нельзя. И хозяинъ скрѣпя сердце, недовольный, идетъ творить судъ и расправу.

Иванъ Ивановичъ видѣлъ, въ какое настроеніе приводятъ хозяина его посѣщенія, но причину искалъ въ другомъ. Онъ былъ увѣренъ, что Семену Петровичу непріятна его такая распорядительность, его хозяйственная струна, что онъ видитъ въ немъ будущаго опаснаго конкурента и не можетъ переварить, что его ученикъ сдѣлается хозяиномъ,—не кустаремъ, а настоящимъ хозяиномъ. А что это будетъ, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія.

Сдѣлаться хозяиномъ—на этомъ были сосредоточены всѣ помыслы Ивана Ивановича. Именно это заставляло его вникать въ работу, усвоить ее, узнать всѣ расчеты, это же заставляло его съ особой энергіей наживать деньгу теперь, когда онъ мастеръ и когда пользуется довѣріемъ Семена Петровича. Онъ рубль за рублемъ откладывалъ на книжку, при возможности осторожно кралъ, наживалъ съ мастеровъ за ссуду, даже до того дошелъ, что отнялъ отъ мальчишекъ единственный ихъ заработокъ, и самъ относилъ заказчикамъ работу, гдѣ получалъ на чай. Ради этихъ чаевыхъ, какого-нибудь пятачка, гривенника, онъ не отдыхалъ послѣ обѣда и плелся съ мѣшкомъ на спинѣ иной разъ на другой конецъ города.

Одно время онъ принялся играть въ карты въ расчетѣ на

легкую наживу. Сначала ему повезло, но разъ какъ-то онъ не выдержалъ, вошелъ въ азартъ и просадилъ весь выигрышъ, пришлось даже приплатить. Съ тѣхъ поръ онъ навсегда отказался отъ игры и только посматривалъ жадно на играющихъ, да ссужалъ проигравшихъ деньгами.

Въ картахъ все зависѣло отъ счастья, но другое дѣло такая игра, какъ шашки; тутъ требуется шевелить мозгами, тутъ можно играть навѣрняка. И дѣйствительно, Иванъ Ивановичъ достигъ въ ней большихъ успѣховъ. Въ пустую онъ не игралъ, такъ какъ не желалъ даромъ тратить время, а на деньги не играли мастера, такъ какъ по опыту знали, что въ концѣ концовъ останутся въ проигрышѣ. Иванъ Ивановичъ терпѣливо поджидалъ новичка, какого-нибудь захожаго мастера, который еще не зналъ его игры. Отъ времени до времени случай представлялъ такого новичка. Сначала Иванъ Ивановичъ игралъ такъ себѣ, то проигрывалъ, то выигрывалъ, подшучивалъ надъ мастеркомъ, подзадаривалъ его или приходилъ въ напускное огорченіе отъ проигранной игры и мало-по-малу увеличивалъ ставку. А когда противникъ приходилъ въ экстазъ, горячился, самъ удваивалъ ставки, тутъ-то и ловилъ его Иванъ Ивановичъ, зарабатывая полтинникъ, рубль, а разъ такъ даже цѣлый троякъ.

Года въ четыре Иванъ Ивановичъ скопилъ изрядную сумму и почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы завести собственное хозяйство.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Васильевъ.

НАМИ-КО.

Современный японскій романъ.

Кенджиро Токутоми.

Переводъ со шведскаго **Н. Ж.**

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Дома.

Вдова Кавашима сидѣла передъ огнемъ и грѣлась, и когда часы пробили восемь, она взглянула черезъ плечо на циферблатъ и пробормотала: «Восемь! А ихъ еще нѣтъ». Затѣмъ она протянула свою жирную руку за табакеркой и, сдѣлавъ двѣ здоровыхъ затяжки, замерла въ неподвижности и стала прислушиваться.

Хотя домъ стоялъ на краю города, но улица гремѣла отъ двигавшихся взадъ и впередъ курумъ, какъ всегда въ новый годъ. Она слышала доносившіеся изъ сосѣдняго дома шутливые молодые голоса и изрѣдка смѣхъ, звенѣвшій въ ночномъ воздухѣ. Она проворчала съ досадой: «Что тамъ можетъ быть веселаго? Ушъ!» Потомъ стала думать о Такео. «Вотъ такъ всегда, когда они ѣздятъ въ Акасаку. Ни у кого нѣтъ чувства долга. На молодежь въ наше время нельзя положиться».

Такъ она сидѣла и бормотала себѣ подъ носъ, и когда попробовала шевельнуться, то почувствовала приступъ ревматизма. «Ой! ой! ой!» стонала она, дѣлая ужаснѣйшія гримасы и словно въ бѣшенствѣ пуская клубы табачнаго дыма и громко зовя горничную: «Матсу! Матсу! Матсу!»

Какъ разъ въ эту минуту передъ воротами остановились двѣ курумы, и вошелъ слуга и доложилъ, что господа пріѣхали.

А горничная прибѣжала бѣгомъ и вѣжливо спросила, чего желаетъ хозяйка. Но ее только выбранили за то, что она не шла такъ долго, и она вышла совершенно смущенная.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь 1905 г.

Вслѣдъ за этимъ послышался звучный голосъ Такео.

— Добрый вечеръ, мама!

За Такео, снимавшимъ перчатки, шла Нами. Она передала свое и мужнино верхнее платье дѣвушкѣ и мягко поздоровалась:

— Добрый вечеръ, мама! Простите, что мы запоздали.

— Вотъ какъ, вы вернулись. Вы долго пробыли.

— Да,—отвѣтилъ Такео.—Мы поѣхали сначала къ Като, а потомъ они проводили насъ въ Акасаку. Итакъ, дядя, тетя, Шицу-ко-санъ, Нами и я—всѣ пятеро мы были тамъ. Они очень обрадовались нашему пріѣзду, и такъ какъ тамъ были еще гости, то мы и задержались нѣсколько позднѣе, чѣмъ думали.

Онъ почувствовалъ, что лицо его красно, какъ омаръ, почему и взялъ чашку подаваемаго служанкой чая.

— Кажется, я немного разгорячился,—сказалъ онъ.

— Ну,—спросила вдова,—какъ же всѣ поживаютъ въ Акасакѣ, Нами?

— Благодарю, всѣ здоровы. Просили кланяться и сказать, что очень жалѣютъ, что не могутъ навѣстить насъ. Очень благодарили также за красивые подарки.

— Кстати о подаркахъ, Нами-санъ, гдѣ они? А, вотъ.

Такео взялъ подносъ, который ему дала Нами и передалъ его матери. На немъ лежала пара фазановъ и нѣсколько перепелокъ и бекасовъ.

— О, дичь! И какъ много!

— Мама, генералу такъ повезло послѣдній разъ, что онъ вернулся домой только тридцать перваго. Они какъ разъ собирались отправить намъ это сегодня. Завтра они выѣзжаютъ на охоту за дикимъ кабаномъ.

— За кабаномъ? Нѣтъ, возможно ли это? Твой отецъ, вѣдь, всего на три года моложе меня, не правда ли, Нами? Онъ былъ молодцомъ въ молодости и, кажется, такимъ и остался.

— Представь себѣ, мама, онъ настолько еще бодръ, что три ночи провелъ въ горахъ, и это нисколько не утомило его. Онъ гордится тѣмъ, что можетъ потягаться съ любымъ молодымъ.

— Да, я вѣрю этому. Но я то, съ моимъ ревматизмомъ, напротивъ, не на многое годна. Нѣтъ большаго несчастья для человѣка, какъ болѣзнь. Но уже девять часовъ. Вы бы переодѣлись и ложились спать. Ахъ, да, Такео, Язуико былъ сегодня.

Такео, только что собравшійся идти, казалось, былъ непріятно пораженъ новостью, и Нами тоже насторожила уши.

— Хиджива?

— Да, онъ хотѣлъ тебя видѣть.

Такео отвѣтилъ черезъ минуту.

— Вотъ какъ? Я тоже хочу поговорить съ нимъ. Онъ приходилъ за деньгами?

— Что? Вовсе нѣтъ. Почему ты такъ думаешь?

— Я слышалъ кое-что о немъ на этихъ дняхъ. Ну что-жъ, я скоро повидаюсь съ нимъ.

— Ямаки тоже былъ.

— А, мошенникъ Ямаки.

— Онъ приглашаетъ тебя на обѣдъ десятаго.

— Какъ несносно!

— Я думаю, тебѣ слѣдуетъ принять приглашеніе. Онъ всегда высказываетъ большую благодарность за то, что твой отецъ для него сдѣлалъ.

— Но.

— Да, и я думаю, ты долженъ пойти. Такъ, ну я иду спать. Покойной ночи!

— Покойной ночи!—сказалъ Такео, и Нами повторила за нимъ.

— Покойной ночи, мама!

Молодые вошли къ себѣ. Нами помогла мужу перемѣнить парадное платье на длинный шелковый халатъ, который онъ подвязалъ бѣлымъ шарфомъ. Онъ сѣлъ въ кресло, и Нами, вычистивъ и повѣсивъ платья въ сосѣдней комнатѣ, попросила служанку принести чаю и сѣла около мужа.

— Ты усталъ, милый?

Такео, пускавшій синія кольца дыма и просматривавшій карточки, письма и новогоднія поздравленія, полученныя ими за этотъ день, поднялъ голову.

— *Ты* устала, Нами-санъ. О, милая, прелестная!

— Что такое?

— Я говорю, какая у меня красивая невѣста!

— Я краснѣю!

И она покраснѣла и отвернулась отъ него и отъ свѣта лампы, такъ что онъ видѣлъ только ея бѣлую шею, слабо окрашенную розовымъ свѣтомъ лампы, и ея круглое маге, черное и блестящее. На ней было черное шелковое кимоно съ каймой изъ стилизованныхъ морскихъ птицъ и шелковый шарфъ цвѣта кремъ. Платье на груди сдерживалось брошкой, въ видѣ незабудки, подарокъ, привезенный ей Такео изъ Америки. Озаренная свѣтомъ лампы, смущенная и улыбающаяся, она показалась Такео необыкновенно красивой.

— Ты, право, похожа на невѣсту въ этомъ платьѣ.

— Если ты такъ будешь болтать, то я уйду.

Такео засмѣялся.—Я больше не буду говорить этого. Но почему же ты уходишь?

Теперь была очередь Нами засмѣяться.

— Я ухожу переодѣться.

Такео ушелъ на маневры въ началѣ лѣта и долженъ былъ вернуться къ сезону дождей, но на суднѣ ихъ сломалась машина, ее

пришлось чинить въ Санъ-Франциско, почему они значительно запоздали. Поэтому онъ вернулся домой всего къ концу декабря и только сегодня, на третій день новаго года, могъ вмѣстѣ съ Нами посѣтить семейства Като и Катаока.

Мать Такео была женщина стараго закала и относилась почти враждебно ко всему иностранному, но она все же всячески старалась примѣниться ко вкусамъ своего молодого господина. Комната его была меблирована съ пестрымъ смѣшеніемъ туземнаго и европейскаго. На полу, на мягкихъ цыновкахъ лежалъ зеленый коверъ и стояли столы и стулья. Въ альковѣ висѣла картина, изображавшая пейзажъ, а на противоположной стѣнѣ—портретъ его отца Мишитаке, любимый мечъ его, работы Канемитса, висѣлъ посреди алькова, а кинжалъ на одной изъ колоннъ. Здѣсь были также полки, заставленныя книгами и этажерки въ углахъ. Военная фуражка и бинокль лежали на одной изъ полокъ, а среди портретовъ на стѣнѣ одинъ изображалъ военное судно, на которомъ онъ плавалъ, а другой—группу кадетъ, вѣроятно, снятую въ то время, какъ онъ находился въ Іедажимѣ. На столѣ тоже лежали портреты. Одинъ изображалъ родителей Такео и его самого, когда ему было всего пять лѣтъ, стоящимъ около отца и держащимся за его колѣна. Другой былъ портретъ генерала Катаока, его тестя, въ формѣ. Такео былъ молодъ и аккуратенъ, все было въ порядкѣ и нигдѣ не виднѣлось ни пылинки. Въ старинной бронзовой вазѣ на столѣ стояло нѣсколько рано распустившихся вѣтокъ сливы. Все указывало на то, что кто-то, любящій красоту и заботливый, украшалъ комнату ловкими и нѣжными руками. Обвѣваемый сладкимъ запахомъ, на столѣ рядомъ съ вазой стоялъ портретъ Такео въ сердцевидной серебряной рамѣ. Лампа бросала яркій свѣтъ во всѣ углы комнаты, а уютный огонь углей въ большой жаровнѣ давалъ красный отблескъ на зеленомъ коврѣ.

Много есть пріятнаго на свѣтѣ, но пріятнѣе всего вернуться домой изъ длиннаго путешествія, смѣнить дорожное платье на удобное кимоно и сидѣть передъ огнемъ, въ то время какъ ночной вѣтеръ завываетъ наружи, и часы тихонько отбиваютъ свое старое тикъ-такъ. Удовольствіе увеличивается еще болѣе, когда знаешь, что мать твоя здорова, и что около тебя находится молодая и любимая жена.

Такео наслаждался именно этимъ счастьемъ, покуривая, удобно откинувшись на спинку кресла.

Единственное, что тревожило его, была мысль о Хидживѣ, о которомъ ему говорила мать и карточку котораго онъ только что видѣлъ среди новогоднихъ поздравленій. Какъ разъ сегодня не особенно лестный слухъ о немъ достигъ Такео. Нѣсколько времени тому назадъ въ главную квартиру пришло, во время отсутствія Хидживы, открытое письмо, адресованное на его имя. Одинъ изъ товарищей, по

ошибкѣ, прочелъ его и увидѣлъ, что оно отъ извѣстнаго ростовщика; сумма была написана красными чернилами.

Болѣе того, было доказано, что военныя тайны тѣмъ или инымъ способомъ распространялись и обогащали предпріимчивыхъ купцовъ. И далѣе, кто-то даже видѣлъ Хидживу на биржѣ, въ мѣстѣ, которое не особенно рекомендовалось посѣщать офицеру. Результатомъ всего этого было то, что Хидживу стали подозрѣвать. Такео слышалъ это отъ своего тестя, который былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ начальникомъ штаба при главной квартирѣ, и просилъ его поговорить съ Хидживой и посовѣтовать ему перемѣниться и вступить на новый путь.

«Проклятый мальчишка!»

Такео снова посмотрѣлъ на карточку Хидживы. Но онъ не могъ дольше думать о подобныхъ непріятностяхъ теперь. Онъ рѣшилъ лично розыскать его и переговорить съ нимъ. Собственное его счастье захватило его цѣликомъ, когда Нами вошла съ чашкой чернаго чая, который она приготовила послѣ того, какъ переодѣлась.

— Черный чай! Какъ я тебѣ благодаренъ.

Онъ придвинулъ стулъ ближе къ огню.

— Ну что, какъ мама?

— Она уже легла.

Подавая чашку чая Такео, она замѣтила, какъ онъ красенъ, и спросила:

— У тебя болитъ голова, милый? Или, можетъ быть, ты выпилъ немножко больше, чѣмъ слѣдовало, саке? Мама такъ тебя упрашивала.

— О, нѣтъ! Сегодня у насъ былъ такой чудесный день, правда? Я былъ такъ заинтересованъ тѣмъ, что говорилъ твой отецъ, что даже и не замѣтилъ, сколько мнѣ подливали, — засмѣялся онъ. — У тебя чудный отецъ, Нами-санъ.

Нами улыбнулась и посмотрѣла на него.

— Гораздо больше того, у меня красивый.

— Что? Что я слышу?

Такео страшно выкатилъ глаза въ притворномъ изумленіи.

— Я не знаю!—Нами покраснѣла и опустила глаза, играя своимъ кольцомъ.

— Сохрани Богъ! Когда это ты научилась говорить такія любезныя вещи? Не стоило хлопотать.

Нами спрятала свое пылающее лицо въ горячихъ отъ огня рукахъ и сказала, вздыхая:

— Мама, правда, очень долго оставалась одна. Когда я думаю о томъ, что скоро ты опять уѣдешь, то мнѣ кажется, что время идетъ слишкомъ быстро.

— Но еслибъ я былъ все время дома, ты навѣрное черезъ каж-

дые три дня говорила бы: «Ты бы пошелъ и прогулялся немножко. Это тебѣ полезно». Развѣ не правда?

— Ахъ, какъ ты болтаешь. Хочешь еще чаю?

Онъ прихлебнулъ чай, сбросилъ пепелъ съ сигары и осмотрѣлся въ комнатѣ.

— Когда съ полгода прокорчишься въ гамакѣ, то кажется, что такія комнаты слишкомъ шикарны. Здѣсь точно рай. У насъ опять медовый мѣсяцъ. Ты не находишь этого, Нами-санъ?

Они разстались такъ скоро послѣ свадьбы, что теперь, свидѣвшись, снова переживали самое счастливое время своей жизни.

Они не нуждались въ словахъ, чтобы говорить другъ съ другомъ, и улыбались, мечтательно смотря другъ на друга. Цвѣты наполняли комнату своимъ нѣжнымъ ароматомъ, и они сидѣли молча и полные счастья передъ огнемъ.

Вдругъ Нами подняла голову, разбуженная одной мыслью.

— Ты думаешь пойти къ Ямаки?

— Къ Ямаки? Да, вѣдь мама хочетъ этого, такъ что, я полагаю, что долженъ пойти.

— Я тоже хочу пойти.

— Конечно! Пойдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, мнѣ нельзя.

— Почему же?

— Потому что я боюсь немножко.

— Боишься? Но чего же?

— Они ненавидятъ меня, ты, вѣдь, знаешь.

— Ненавидятъ? Кто же можетъ ненавидѣть тебя, Нами-санъ?

— Есть одно лицо, которое ненавидитъ меня. Сказать тебѣ, кто? Это О-Тойо-санъ.

— О, пустяки! Она глупая дѣвчонка! Я удивляюсь, кто это можетъ обращать на нее вниманіе.

— Мама говоритъ, что Хиджива очень близокъ съ Ямаки. Я думаю, ему слѣдовало бы посвататься къ ней.

— Хиджива? Хиджива? Проклятый мальчишка! Я зналъ, что онъ жуликъ, но все же не думалъ, что его подозрѣваютъ. Я прямо стыжусь за военныхъ въ наше время, хотя я самъ принадлежу къ нимъ. Въ нихъ нѣтъ ни искры благороднаго духа самураевъ, всѣ только хотятъ разбогатѣть. Разумѣется, я не хочу сказать, что они должны быть бѣдны. Наоборотъ, совершенно правильно, что они заботятся о себѣ и о своихъ семьяхъ, на случай, если онѣ попадутъ въ нужду. Но я хочу сказать, что тѣ, которые должны быть защитниками страны, не должны предаваться погонѣ за деньгами, по крайней мѣрѣ, не такими безчестными путями, какъ давать взаймы денегъ подъ высокіе проценты, или стачка съ поставщиками и участіе въ негодныхъ поставкахъ. И что я больше всего ненавижу, такъ это азартъ! Я знаю

многихъ изъ своихъ товарищей, которые запутались и попали въ бѣду, и очень жалѣю объ этомъ. Всякій въ теперешнія времена только и дѣлаетъ, что пресмыкается передъ своимъ начальствомъ и высасываетъ подчиненныхъ.

Онъ страстно обличалъ пороки товарищей, какъ будто стоялъ лицомъ къ лицу съ ними, и Нами, мало знакомая съ жизнью, съ восхищеніемъ внимала каждому слову, сходившему съ его губъ. Она гордилась имъ и мечтала увидѣть его военнымъ министромъ или, по крайней мѣрѣ, начальникомъ главнаго бюро, чтобы онъ могъ произвести коренную реформу во флотѣ.

— Я думаю, ты говоришь правду. Я немного знаю объ этомъ, но когда папа былъ государственнымъ министромъ, то къ нему приходили многіе, со всевозможными подарками и предложеніями. Папа, разумѣется, не принималъ ихъ и говорилъ, что то, что должно сдѣлаться, сдѣлается и безъ ихъ помощи, а то, что невозможно, невозможно, хотя бы это имъ и не нравилось. Но они все же посылали ему подарки подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. И папа всегда смѣялся и говорилъ, что неудивительно, если люди хотятъ сдѣлаться министрами.

— Да, флотъ и армія, вездѣ одно и то же въ этомъ отношеніи. О, деньги—это все!

Онъ посмотрѣлъ на какъ разъ пробившіе часы.

— Что, уже десять?

— О да, время идетъ такъ быстро,—сказала Нами.

Глава II.

Дѣла Ямаки.

Помѣстье Хіоцо Ямаки въ Шибѣ было не такъ велико, но занимало все же часть улицы Сакурагава и простиралось на нѣкоторое разстояніе по горѣ Нишинокубо. Природныя скалы придавали саду прелесть дикости, и въ немъ былъ и прудъ съ очень неправильными берегами. Вездѣ по крутизнамъ вели дорожки, и маленькіе мостики были перекинуты черезъ узкіе проливы. Здѣсь росли клены, пиніи, вишневыя деревья и бамбукъ красивыми группами; защищенный ихъ листвой стоялъ грубый каменный столбъ, служившій подставкой для фонаря, и старый алтарь Инари, совершенно не подходившій къ окружающей обстановкѣ. Вдали отъ улицы находилась запрятанная бесѣдка, служившая, казалось, только для того, чтобы удивлять посѣтителя. Невольно поражались, находя подобный садъ въ такомъ сравнительно незначительномъ помѣстьѣ, но это была самая сладкая мечта Ямаки, не манящій воздушный замокъ, а осуществленное великолѣпіе, построенное на фундаментѣ изъ не совсѣмъ-то, можетъ быть, честно набранныхъ золотыхъ монетъ.

Было уже четыре часа дня. Вороны каркали вблизи и вдалекѣ, и

солнце склонялось къ закату. Человѣкъ въ мѣстномъ платьѣ вышелъ изъ дома, откуда слышался гулъ голосовъ, и пошелъ по горѣ, залитой солнечнымъ свѣтомъ.

Это былъ Такео. Онъ не могъ противиться желанію своей матери и пошелъ на праздникъ къ Ямаки, но не находилъ удовольствія въ питьѣ безвкуснаго саке и въ обществѣ незнакомыхъ гостей. Хозяинъ позаботился о разнообразныхъ развлеченіяхъ, даже до сомнительнаго удовольствія вида танцующихъ гейшъ, слѣдствіемъ чего была всеобщая оргія. Такео охватило отвращеніе при этой пошлости и онъ давно бы ушелъ, еслибъ Ямаки не такъ упорно просилъ его остаться до конца. Онъ хотѣлъ также непремѣнно видѣть Хидживу, который еще не приходилъ. Но онъ ускользнулъ на минуту и бродилъ одинъ, прохлаждая свое разгоряченное лицо на свѣжемъ вечернемъ вѣтеркѣ.

Нѣсколько дней спустя послѣ разговора Такео съ тестемъ о Хидживѣ, къ нему пришелъ незнакомый человѣкъ съ портфелемъ изъ крокодиловой кожи подъ мышкой. Незнакомецъ предъявилъ ему бумагу, которой онъ совершенно не зналъ, и предложилъ ему уплатить три тысячи іенъ.

Вексель былъ подписанъ Язуико Хидживой его почеркомъ, а поручителемъ являлся не болѣе, не менѣе, какъ Такео Кавашима. Подъ подписью онъ увидѣлъ и свою собственную печать. Незнакомецъ сказалъ, что хотя вексель давно просроченъ, но Хиджива ничего не даетъ о себѣ знать и вдобавокъ переѣхалъ куда-то въ другое мѣсто. Онъ былъ поэтому принужденъ разыскать поручителя, такъ какъ не могъ застать Хидживу даже въ его конторѣ.

Бумага была, повидимому, совершенно законной, и письма, показанныя Такео, были, безъ сомнѣнія, написаны Хидживой. Въ высшей степени изумленный, Такео тотчасъ же постарался разузнать, какъ обстояло дѣло, но ни его мать, ни управляющій Тазаки не имѣли объ этомъ ни малѣйшаго представленія и не давали печати Такео Хидживѣ. Взвѣсивъ то, что онъ раньше слышалъ о своемъ двоюродномъ братѣ, Такео не трудно было угадать, какъ, вѣроятно, происходило дѣло. Онъ собирался какъ разъ пойти къ Хидживѣ, когда получилъ письмо, въ которомъ тотъ спрашивалъ, не могутъ ли они увидѣться у Ямаки на слѣдующій день.

Такео разсчитывалъ спросить его, какъ все было, откровенно высказать ему, что онъ, Такео, объ немъ думаетъ, и затѣмъ отправиться во-свояси. Но Хиджива запоздалъ. Пылая отъ ярости, Такео шелъ по крутой тропинкѣ, окаймленной стройными бамбуками. Онъ подошелъ къ открытой бесѣдкѣ, заросшей плющемъ и хотѣлъ отдохнуть въ ней, какъ вдругъ услышалъ вблизи легкій стукъ деревянныхъ туфель, и передъ нимъ очутилась Тойо. Съ закрученными въ высокую шимаду волосами и одѣтая въ лиловый шелкъ, она стояла и, повидимому, совершенно не чувствовала того, насколько красивое

платье было въ противорѣчіи съ ея собственной особой. Сдвинувъ брови, такъ что маленькіе глазки ея сблизились еще больше, она воскликнула изумленно:

— Вы здѣсь!

Такео не боялся, слыша свистъ ядеръ изъ 30-сантиметроваго орудія мимо своихъ ушей, но вздрогнулъ передъ этимъ неожиданнымъ врагомъ, быстро повернулся и хотѣлъ бѣжать. Тогда встревожилась она, погналась за нимъ и крикнула:

— Такео-санъ!

— Что такое?

— Папа просилъ меня показать вамъ садъ.

— Вы — показывать мнѣ! Мнѣ никого не нужно, чтобы показывать мнѣ садъ.

— Но...

— О, не безпокойтесь обо мнѣ. Я прекрасно себя чувствую одинъ.

Такой отказъ спугнулъ бы самую прекрасную соблазнительницу, но она не оставляла его.

— Я не понимаю, почему вы бѣжите отъ меня.

Такео остановился.

Десять съ лишнимъ лѣтъ назадъ, когда отецъ Такео занималъ мѣсто префекта, а отецъ Тойо былъ однимъ изъ его подчиненныхъ, Такео часто встрѣчался съ Тойо. Ему доставляло большое удовольствіе дразнить маленькую дѣвочку, и хотя онъ часто доводилъ ее до слезъ, но все же любилъ свою подругу игръ. Теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, все перемѣнилось. Изъ дѣтей они превратились въ взрослыхъ. Такео взялъ себѣ молодую жену, но Тойо питала попрежнему безнадежную любовь къ негодному мальчишкѣ, который былъ теперь молодымъ человѣкомъ и назывался барономъ Кавашима. Но откровенный Такео не могъ отвѣчать на ея чувства и обыкновенно остерегался ея даже во время его рѣдкихъ визитовъ къ Ямаки. Сегодня онъ былъ захваченъ, однако, врасплохъ, и попалъ въ петлю.

— Бѣгу? Мнѣ не зачѣмъ бѣжать. Я иду, куда хочу.

— Вы очень вѣжливы.

Такео чувствовалъ себя смѣшнымъ, злымъ, глупымъ и смущеннымъ и попытался положить конецъ этой сценѣ и уйти, но ничто не помогало. Въ этомъ отдаленномъ углу сада онъ былъ совершенно во власти своей мучительницы. Наконецъ, его осѣнило вдохновеніе.

— Хиджива еще не пришелъ? О, Тойо-санъ, пожалуйста посмотрите!

— Хиджива-санъ придетъ гораздо позже.

— Онъ часто бываетъ здѣсь?

— Да, онъ былъ здѣсь вчера и говорилъ съ папой до поздняго вечера.

— Вотъ какъ? Да, но теперь-то онъ, должно быть, уже пришелъ. Пожалуйста, пойдите и посмотрите!

— Я не хочу.

— Но почему же?

— Потому что вы тѣмъ временемъ уйдете. Хотя вы и не обращаете на меня вниманія и думаете, что Нами-Ко-санъ красива, все же очень дурно съ вашей стороны желать отдѣлаться отъ меня такимъ образомъ.

Такъ какъ Такео не желалъ разсуждать съ Тойо, то ему не оставалось ничего другого, какъ оставить ее. Въ ту же минуту кто-то позвалъ Тойо, вышла служанка и заговорила съ ней. Такео воспользовался случаемъ, исчезъ за зарослью бамбуковъ и поспѣшилъ прочь. Онъ вздохнулъ, наконецъ, свободно, пробормоталъ проклятіе и пошелъ обратно къ дому, въ стѣнахъ котораго ему, по крайней мѣрѣ нечего было опасаться новаго нападенія.

Солнце сѣло. Гости разошлись и дневной шумъ, казалось, перешелъ въ кухню. Ямаки, хозяинъ дома, снявъ всѣ докучливыя платья, вошелъ, почти спотыкаясь, въ маленькую комнату въ глубинѣ дома. Онъ держалъ въ рукѣ табакерку и сѣлъ совершенно изнеможенный; красный потный лобъ его блестѣлъ при яркомъ свѣтѣ лампы.

— Милостивые государи, я заставилъ васъ ждать. Надѣюсь, что день прошелъ для васъ не скучно. — Онъ захохоталъ. — Ну, баронъ, вы не пьете, можно, значитъ, сказать, что вы настоящій морякъ. Посмотрѣли бы вы на своего отца. Онъ пилъ стаканъ за стаканомъ. И, хотя я старъ, я все же Хіоцо Ямаки. Два-три литра для меня ничего не значатъ.

Хиджива вперилъ свои черные глаза въ Ямаки.

— Вы въ хорошемъ настроеніи, Ямаки-санъ. Должно быть, сдѣлали хорошія дѣла?

— Очень благодаренъ! Да, кстати.—Говоря, онъ раздувалъ трубку и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, ему удалось раскурить ее. — Онѣ, вы знаете, о чемъ я говорю, — выговорилъ онъ съ большимъ усиліемъ,—онѣ теперь на рынкѣ, я получилъ объ этомъ тайное донесеніе. Повидимому, онѣ стоятъ плохо, такъ что, я думаю, мы можемъ сыграть хорошую штуку. Дѣло это много обѣщаетъ, и теперь, когда пріѣхали иностранцы, оно будетъ лучше оплачиваться. Баронъ, что вы скажете о томъ, чтобы получить двадцать-тридцать тысячъ іенъ на имя Тазаки-Куна? Я гарантирую, что вы разбогатѣете.

У Ямаки, хватившаго лишнее, языкъ ходилъ, какъ крыло вѣтряной мельницы, и Хиджива взглянулъ искоса на Такео, сидѣвшаго неподвижно и молча, и спросилъ:

— Вы говорите о тѣхъ, что на улицѣ Аомоно? Они, кажется, сдѣлали разъ блестящее дѣло?

— Да, но испортили его собственной глупостью. При надлежащемъ управленіи оно бы сдѣлалось настоящей золотой розсыпью.

— Что у васъ за размахъ! Жаль только, что это недоступно для такого бѣдняка, какъ я. Но тебѣ, Такео-санъ, слѣдовало бы попробовать!

Такео за все время не произнесъ ни слова. Онъ сидѣлъ мрачно и все больше сдвигалъ неодобрительно брови. Бросивъ гордый взглядъ на обоихъ, онъ отвѣтилъ:

— Благодарю за дружескій совѣтъ, но я не понимаю пользы въ накапливаніи денегъ для человѣка въ моемъ положеніи, который никогда не знаетъ въ какую минуту онъ пойдетъ въ пищу рыбамъ или разлетится во всѣ стороны отъ взорвавшейся гранаты. Мнѣ очень жаль, но я охотнѣе пожертвовалъ бы тридцать тысячъ іенъ, если бы онѣ у меня были, на школьный фондъ для моряковъ, нежели вложилъ бы ихъ въ то дѣло, о которомъ вы говорите.

Хиджива взглянулъ на Такео при его рѣзкомъ отказѣ и сдѣлалъ знакъ Ямаки.

— Ямаки-санъ,—сказалъ онъ,—простите меня, что я такъ себялюбивъ и приступаю къ своему дѣлу сначала. Баронъ Кавашима былъ такъ любезенъ и согласился на мое желаніе, такъ что теперь я прошу васъ о томъ, о чемъ мы столковались. Печать съ вами?

Онъ вынулъ что-то, похожее на вексель и передалъ бумагу Ямаки.

Неудивительно, что Хиджива былъ какъ на иголкахъ. Онъ не только извлекалъ пользу изъ своей должности, сдѣлавшись совѣтникомъ Ямаки и шпіономъ и получая за это свою мзду, но пыталъ счастья и на биржѣ, что закончилось потерей въ пять тысячъ слишкомъ іенъ. Если бы онъ прижалъ Ямаки и соскребъ все, что имѣлъ самъ, то набралъ бы двѣ тысячи іенъ, но ему все же не доставало трехъ тысячъ, которыхъ онъ не зналъ, гдѣ достать. Его единственный родственникъ Кавашима былъ богатъ и вдова смотрѣла на него благосклонно, но Хиджива, прекрасно знавшій маленькія особенности своей тетки, не смѣлъ откровенно обратиться къ ней за займомъ. Между тѣмъ, деньги были нужны ему немедленно, и онъ выпутался изъ затрудненія поддѣлавъ печать Такео, и затѣмъ занялъ денегъ подъ высокіе проценты. Векселю скоро наступалъ, однако, срокъ, и онъ рисковалъ непріятностью, что заимодавецъ будетъ настолько безсовѣстенъ, что пошлетъ открытое требованіе въ экспедицію. Дѣлать было нечего и ему приходилось просить Такео, недавно вернувшагося домой, дать ему взаймы три тысячи іенъ, чтобы покрыть ими прежнія три тысячи. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ обезопасить имя Такео деньгами того же Такео. Онъ былъ у него днемъ, но не засталъ его дома. На слѣдующій день Хиджива долженъ былъ уѣхать по служебнымъ дѣламъ и поэтому, вернувшись домой, совершенно не зналъ о томъ, что кредиторъ уже былъ у Кавашимы.

Ямаки кивнулъ. Затѣмъ онъ позвонилъ и спросилъ красную штемпельную подушку. Просмотрѣвъ бумагу, онъ вынулъ печать и приложилъ ее подъ подписью въ видѣ удостовѣренія.

Хиджива взялъ вексель и передалъ его Такео: — Ну вотъ и отлично,—сказалъ онъ.—Когда я могу получить деньги?

— Онѣ со мной.

— Съ тобой? Ты смѣешься надо мной?

— Да, со мной. Смотри, вотъ три тысячи іенъ. Вѣрно или нѣтъ?

Онъ вынулъ изъ кармана маленькій пакетъ и передалъ его Хидживѣ.

Хиджива, въ изумленіи развернувъ его, сталъ вдругъ совершенно краснымъ. И въ слѣдующую секунду онъ зашипѣлъ отъ бѣшенства и заскрежеталъ зубами. То, что онъ держалъ въ своей рукѣ, былъ вексель, который онъ считалъ въ цѣлости и сохранности у ростовщика, — вексель, который Такео, по зрѣломъ размышленіи, оплатилъ, не сказавъ ни слова безстыдному должнику.

— Что? Это!

— Кажется, ты не узнаешь его? Признайся, будь мужчиной!

Предупрежденный такимъ образомъ Такео, на котораго онъ всю свою жизнь смотрѣлъ свысока и котораго считалъ мальчишкой, Хиджива мстительно закусилъ губы. Онъ весь горѣлъ отъ бѣшенства.

Ямаки сидѣлъ, какъ окаменѣлый. Онъ держалъ свою трубку не тѣмъ концомъ и только поглядывалъ то на одного, то на другого.

— Хиджива,—сказалъ Такео,—я больше ничего не скажу объ этомъ. Мы двоюродные братья, и я не думаю преслѣдовать тебя по закону за то, что ты поддѣлалъ мою печать. Я заплатилъ ему три тысячи іенъ, такъ что его письма больше не могутъ оскандалить тебя. Но ты долженъ остерегаться подобныхъ штукъ!

Хиджива, совершенно внѣ себя, пытался, насколько могъ, казаться спокойнымъ. Онъ охотно бросился бы на Такео, но даже въ своемъ дикомъ гнѣвѣ понималъ, что оправдываться было слишкомъ поздно. Поэтому онъ измѣнилъ тонъ.

— Дорогой кузенъ, мнѣ стыдно, что тебѣ приходится говорить со мной такимъ образомъ, но я былъ принужденъ.

— Принужденъ? Принужденъ занимать деньги, нарушая и юридическіе, и моральные законы!

— Постой, постой на минуту! Вотъ какъ было дѣло. Я сильно нуждался, и не къ кому было обратиться. Если бы ты былъ дома, я бы, разумѣется, попросилъ у тебя, но не могъ же я идти съ такимъ дѣломъ къ тетѣ. Деньги же были мнѣ нужны до зарѣзу, и я разсчитывалъ на нѣчто вѣрное. Я зналъ, что это ужасно глупо, но хотѣлъ признаться во всемъ, какъ только все уладится.

— Вздоръ! Какъ можетъ человѣкъ, собиравшійся откровенно признаться, рѣшиться занимать еще три тысячи іенъ, не сказавъ ни слова?

Такео такъ разгорячился, что, казалось, хочетъ броситься на Хидживу, и Ямаки забезпокоился.

— Постойте, постойте, баронъ, тише, тише! Я, вѣдь, не знаю этого, но мнѣ кажется, что вы поступаете правильно, относясь къ нему снисходительно, баронъ, такъ какъ онъ вашъ двоюродный братъ. Двѣ-три тысячи іенъ, это еще не весь міръ. Хиджива-кунъ поступилъ нехорошо. Объ этомъ дѣлѣ не можетъ быть двухъ мнѣній, но если это обнаружится, то Хиджива-кунъ потеряетъ свое мѣсто. Такъ что я прошу васъ, баронъ.

— Я, вѣдь, говорю вамъ, что заплатилъ долгъ именно поэтому и не собираюсь предавать его суду. Ямаки, помолчите немного, это васъ не касается!—Онъ обратился къ Хидживѣ:—Я не сдѣлаю этого, но отнынѣ отказываюсь отъ всякой дружбы съ тобой.

Когда Хиджива увидѣлъ, что ему нечего больше бояться, онъ дерзко и саркастически возвысилъ голосъ.

— Отказываешься отъ дружбы? Я не особенно скорблю объ этомъ, но...

Глаза Такео метали молніи.

— Нѣтъ, тебѣ это безразлично, лишь бы у тебя были деньги, несчастный.

— Что?

Ямаки, сидѣвшій во время всей сцены спокойно, не могъ воздержаться, чтобы изрѣдка не вставить слова.

— Баронъ, Хиджива-санъ, да успокойтесь же на минуту! Не можете же вы разстаться такимъ образомъ. Да, успокойтесь, успокойтесь-же!—Онъ бѣгалъ отъ одного къ другому.—Говорю вамъ, успокойтесь, успокойтесь же!

Ему удалось, дѣйствительно, успокоить ихъ. Черезъ минуту Такео прервалъ молчаніе и посмотрѣлъ въ упоръ на Хидживу.

— Хиджива, я больше ничего не скажу по этому поводу. Мы выросли вмѣстѣ, какъ два брата, и я думалъ, что ты выше меня не только по возрасту. Я думалъ, что мы будемъ помогать другъ другу и дѣлалъ для тебя все, что могъ. Даже до сихъ поръ я отвергалъ всѣ дурные слухи о тебѣ. Но ты обманулъ меня. И это поступокъ, который ты сдѣлалъ противъ меня лично, противъ меня самого. И болѣе того, ты... Нѣтъ! я не хочу говорить. Мнѣ все равно, какъ ты употребилъ эти три тысячи іенъ, но позволь мнѣ сказать одну вещь. Ты навѣрно не знаешь, какіе хорошіе глаза и уши у людей. Но предупреждаю тебя. Тебя подозрѣваютъ. Прошу тебя, не марай свою солдатскую честь. Для тебя имѣютъ цѣну только деньги, и долго разговаривать не стоитъ, но научись чувствовать стыдъ! Послѣ этого я никогда больше не хочу тебя видѣть. А эти три тысячи я дарю тебѣ.

Говоря это серьезнымъ тономъ, Такео взялъ вексель и разорвалъ его на клочки. Затѣмъ, онъ рѣзко вскочилъ и бросился въ сосѣднюю комнату, гдѣ столкнулся снова съ дочерью Ямаки, которая, повиди-

мому, стояла и подслушивала. Онъ слышалъ, какъ она звала на помощь въ то время, какъ онъ спѣшилъ къ воротамъ.

Онѣмѣвшій Ямаки уставился на Хидживу, который отвелъ глаза отъ полу.

— Какой онъ, однако, мальчишка! Но, Хиджива-санъ, три тысячи іенъ за маленькую дружбу, это не такъ-то глупо. Не правда ли?

Хиджива смотрѣлъ на разорванные клочки бумаги и сидѣлъ неподвижно, закусивъ губы.

Глава III.

Признанія.

Въ началѣ февраля Нами простудилась. Она быстро поправилась, но одинъ вечеръ ей пришлось долго сидѣть и шить для свекрови, и на слѣдующій день она опять заболѣла. И вотъ теперь, пятнадцатаго числа, она все еще лежала въ постели.

Люди обыковенно каждый годъ увѣряютъ, что морозъ въ этомъ году сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ, и въ эту зиму они были правы, потому что каждый день дулъ суровый сѣверный вѣтеръ, приносившій съ собой дождь и снѣгъ. Морозъ пробиралъ до мозга костей даже въ ясную погоду. Здоровые заболѣвали, больные умирали, и газеты пестрѣли объявленіями о покойникахъ. Нами, и вообще бывшая не особенно крѣпкаго здоровья, никакъ не могла поправиться въ такую погоду. День шелъ за днемъ, а она чувствовала себя вялой, съ тяжелой головой и совсѣмъ не имѣла аппетита.

Часы пробили два. Когда замеръ послѣдній ударъ, все стало тихо, и только слабое тикъ-такъ часового механизма нарушало тишину. Былъ чудный, ясный день. Свѣжій голубой, весенній воздухъ отдѣлялся снаружи четырьмя бумажными перегородками, но кроткій солнечный свѣтъ ярко сіялъ по ту сторону ихъ. И нѣсколько лучей его пробрались сквозь маленькую щелку и играли вокругъ тонкихъ пальцевъ Нами. Она полулежала въ постели и вязала черный носокъ, ея блестящіе черные волосы падали безпорядочными локонами на бѣлую наволочку. На ширмѣ слѣва виднѣлась тѣнь стройного сумаховаго дерева, отражавшагося въ бронзовомъ бассейнѣ, а справа ясно обозначалась широкостволая старая слива. Бѣлый налетъ немногихъ распускающихся цвѣтовъ лежалъ на сѣти вѣтвей и говорилъ о веснѣ въ самыхъ первыхъ и робкихъ ея шагахъ. На другой ширмѣ ясно выдѣлялась голова маленькой кошки, лежавшей на низкой панели и грѣвшейся на солнцѣ. Должно быть, она вдругъ увидѣла крысу, которую взманило тепло, потому что бросилась стремглавъ съ своего мѣста, но, должно быть, невѣрно нацѣлилась и упала плашмя на полъ. Во всякомъ случаѣ, она не особенно этимъ смутилась и черезъ минуту снова появилась на ширмѣ и стала утѣшаться тѣмъ, что мыла лапки,

ибо тѣнь отъ ея головы качалась взадъ и впередъ. Нами смотрѣла на игру тѣней и улыбалась, но отъ рѣзкаго солнечнаго свѣта у нея почти кружилась голова, она закрыла глаза и погрузилась въ мечты. Однако, черезъ нѣсколько минутъ она выпрямилась, выправила рукой чулокъ и снова начала вязать.

Тяжелые шаги послышались на верандѣ, и короткая, широкая, карликовая тѣнь человѣческаго существа промелькнула по перегородкамъ. Вдругъ она исчезла и оказалась вдовой Кавашима, которая вошла и сѣла у постели.

— Какъ ты чувствуешь себя сегодня?

— Благодарю, мама, гораздо лучше! Я бы встала, но...

Нами отложила работу и хотѣла приподняться, слегка оправляя платье. Но вдова успокоила ее.

— О, нѣтъ, не безпокойся, я, вѣдь, не чужая. Не стѣсняйся оттого, что я пришла. Что это, неужели ты опять вяжешь? Оставь и это. Больной не долженъ дѣлать ничего, а только беречь себя, ты, вѣдь, это знаешь. Смотри же, Нами, ты должна это дѣлать ради Такео. Береги себя, чтобы скорѣе выздоровѣть, милая!

— Прости меня, что я пролежала столько дней.

— Съ кѣмъ ты говоришь, съ матерью или нѣтъ? Мнѣ это не нравится. Какъ будто мы совсѣмъ чужія другъ другу.

Вдова говорила не все, что думала. Обыкновенно она жаловалась на то, что невѣстки въ наши времена не такъ вѣжливы, какъ бы онѣ должны были быть къ матери своего мужа. Но что касается Нами, то она находила, что она необыкновенно мало страдала этимъ недостаткомъ. Къ тому же сегодня она имѣла свои особые планы и, какъ будто, внезапно вспомнивъ что-то, спросила:

— Кажется, ты сегодня получила письмо отъ Такео! Что онъ пишетъ?

Нами достала изъ-подъ подушки письмо и показала ей нѣсколько строчекъ.

— Онъ пишетъ, что возвращается въ слѣдующую субботу.

— Неужели?

Вдова просмотрѣла письмо и отдала его обратно.

— Что за вздоръ онъ болтаетъ о томъ, что ты должна уѣхать ради своего здоровья. Если переѣзжать въ эту холодную погоду, то можно заболѣть и здоровому. Простуда проходитъ скоро, если только имѣть терпѣніе и полежать въ постели. Такео молодъ, ты это знаешь, и сильно преувеличиваетъ, говоря о врачахъ и о переѣздѣ ради здоровья. Когда я была молода, я никогда не ложилась изъ-за маленькаго нездоровья и даже, когда родила ребенка, пролежала не больше десяти дней. Напиши Такео и скажи ему, чтобы онъ не безпокоился, такъ какъ я, вѣдь, съ тобой.

Вдова засмѣялась, но глаза ея выражали неудовольствіе. И когда она уходила, Нами приподнялась и проговорила:

— Прости, что я не встаю!

И Нами вздохнула.

Трудно повѣрить, что мать можетъ ревновать къ невѣсткѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ Такео вернулся съ маневровъ, она замѣтила что-то странное между собой и свекровью. И когда Такео вернулся теперь, онъ нашелъ Нами очень больной. Онъ такъ хорошо понималъ ея безпокойство за него во время его отсутствія и любовь его проявлялась сильнѣй, чѣмъ когда-либо. Хотя Нами была счастлива, когда онъ окружалъ ее такой нѣжной заботливостью, ее все же безпокоило, что свекровь вслѣдствіе этого ревнуетъ ее къ сыну. Какъ тяжело, думала она, любить и быть любимой своимъ мужемъ и въ то же время служить и угождать такой свекрови, какъ госпожа Кеи.

— Барыня, барышня Като желаетъ васъ видѣть.

Нами открыла глаза при докладѣ служанки. И, увидѣвъ свою гостью, просіяла отъ радости.

— О, Шицу-санъ, какъ мило съ твоей стороны, что ты пришла навѣстить меня.

— Значитъ, тебѣ лучше сегодня?—Шицу-санъ отложила въ сторону маленькій шелковый мѣшочекъ и лиловую шаль, которой была повязана ея голова. Семнадцатилѣтняя дѣвушка подошла къ постели Нами. Волосы ея были причесаны въ шимаду, стройная фигура была одѣта въ черное верхнее платье, а блестящіе темные глаза весело сверкали подъ тонко изогнутыми бровями. Это была Шицу-Като, старшая дочь графини Като, тетки Нами.

Нами и Шицу были двоюродныя сестры. Онѣ были дружны съ того времени, какъ стали ходить въ дѣтскій садъ, и бѣдная Кома, младшая сестра Нами, всегда жаловалась, что никто не хочетъ играть съ ней. Когда затѣмъ Нами вышла замужъ, и школьныя подруги разсѣялись въ разныя стороны, онѣ обѣ наслаждались близкимъ сосѣдствомъ, и Шицу часто приходила навѣщать ее. Во время долгихъ путешествій Такео, когда Нами была одинока и покинута, желанныя посѣщенія ея милой Шицу были для нея лучшимъ утѣшеніемъ послѣ любвеобильныхъ писемъ Такео.

Нами отвѣтила, улыбаясь:

— Я чувствую себя гораздо лучше, но у меня все еще тяжела голова. Эта простуда несносна!

— Да, это очень непріятно! Но зато, какъ, вѣдь, и холодно.

Она кивнула служанкѣ, вѣжливо предложившей ей подушку, и сѣла у постели Нами. Она грѣла украшенныя драгоцѣнностями руки надъ огнемъ и безпрестанно потирала свои свѣжія щеки.

— Тетя и дядя здоровы?

— Да, благодарю, совершенно! Они только боятся за тебя, теперь такъ холодно. Мы какъ разъ говорили вчера вечеромъ, что если тебѣ будетъ немножко лучше, то для тебя гораздо полезнѣе переѣхать въ

Цуши, чтобы нѣсколько перемѣнить климатъ. Это, навѣрно, будетъ тебѣ полезно.

— Вы говорили это? Такео пишетъ мнѣ изъ Іокосуры и хочетъ, чтобы я уѣхала.

— О, въ самомъ дѣлѣ? Но тогда ты должна ѣхать какъ можно скорѣй.

— Но, вѣдь, я и такъ скоро поправлюсь.

— Ты должна хорошенько беречься.

Вошла дѣвушка съ чаемъ.

— Кане, гдѣ мама? Гости? Кто же? Изъ деревни? О-Шицу-санъ, ты не торопишься сегодня? Кане, принеси чего-нибудь вкуснаго для О-Шицу-санъ!

— О! Я прихожу такъ часто, дорогая. Не обращай совсѣмъ на меня вниманія. Подожди минутку!

Она достала маленькую коробочку. — Баронесса Кеи любитъ рисовые пирожки, не правда ли? Я принесла съ собой нѣсколько. Но если у нея гости, то ты передашь ихъ ей потомъ.

— О, благодарю, она будетъ очень довольна.

Затѣмъ, Шицу вынула нѣсколько красныхъ апельсиновъ.

— Посмотри, развѣ они не красивы? Это для тебя. Но я боюсь, что они недостаточно сладки.

— Ахъ, какая прелесть! Очисти мнѣ одинъ, милая.

Нами, наслаждаясь сочнымъ плодомъ, откинула растрепанные волосы, спускавшіеся ей на лобъ.

— Вотъ это непріятно! Не лучше ли заплести ихъ свободно? Постой, я помогу тебѣ? Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ не зачѣмъ садиться, я справлюсь и такъ.

Шицу взяла щетки и гребни съ маленькаго туалетнаго стола въ сосѣдней комнатѣ и начала осторожно расчесывать волосы Нами.

— Я не разсказывала тебѣ о вчерашней товарищеской вечеринкѣ? Ты, вѣдь, получила письмо, не правда ли? Намъ было превесело. Всѣ просили меня кланяться тебѣ.—Она засмѣялась.—Всего годъ, какъ мы кончили школу, а уже треть повыходила замужъ. Очень весело было видѣть Окубо-санъ, Хонда-санъ и Китакоджи-санъ. У всѣхъ троихъ были прически марумаге и онѣ старались сохранить серьезный видъ. Я дѣлаю тебѣ больно? И. милочка, какъ онѣ всѣ болтали о себѣ! А потомъ у насъ былъ длинный диспутъ о томъ, хорошо ли, что родители и женатые сыновья живутъ отдѣльно. Китакоджи-санъ думаетъ, что это нехорошо, и говорила, что какъ только она не знаетъ чего-нибудь въ хозяйствѣ, то ея ласковая свекровь помогаетъ ей. Но Окубосанъ рѣшительно придерживалась противоположнаго взгляда. Ея свекровь, ты знаешь, ужасно строга. Вотъ было забавно! А я старалась сбить ихъ, потому что онѣ сказали мнѣ, что я говорю о томъ, чего не понимаю, такъ какъ не имѣю въ этомъ еще никакого опыта. Такъ не туго?

*

— Нѣтъ, совсѣмъ не туго.—Тебѣ, конечно, было очень весело. Всѣ говорили о томъ, какъ кому живется. Въ каждомъ домѣ все такъ различно, что, я думаю, нельзя установить какого-нибудь общаго правила. О-Шицу-санъ, ты помнишь, какъ тетя сказала однажды, что только молодые люди могутъ быть по настоящему себялюбивы и равнодушны къ другимъ. И я думаю, она права. Не слѣдуетъ пренебрегать старыми людьми, ты согласна?

Нами всегда таила про себя свои мысли и имѣла также собственный взглядъ на то, какъ нужно вести хозяйство. Она слушала наставленія своего отца и смотрѣла на мачиху критическимъ взглядомъ. И она мечтала о томъ днѣ, когда будетъ хозяйкой въ своемъ домѣ и приведетъ въ исполненіе свои собственныя идеи. Но здѣсь, у Кавашимы, она встрѣтила то, о чемъ никогда и не думала. Вся власть была въ рукахъ вдовствующей императрицы, а она была государыней только по имени. Примѣняться къ обстоятельствамъ и ожидать лучшихъ временъ—было единственное, что ей оставалось дѣлать. Но, замѣтивъ, что она стоитъ между мужемъ и его матерью и не можетъ помогать ему, какъ бы того хотѣла, она втихомолку оплакивала свою судьбу. И она часто размышляла, не вѣрна ли излюбленная идея ея мачихи о томъ, что молодые и старики должны жить врозь, хотя вначалѣ ей это и не нравилось, такъ какъ коренннымъ образомъ противорѣчило обычаямъ страны. Но Нами была мужественная душа и храбро боролась, прежде чѣмъ отказалась отъ своихъ долго лелѣянныхъ мыслей.

Шицу не могла прочесть мыслей своей двоюродной сестры о десяти годахъ, которые она вытерпѣла съ мачихой, и о долгихъ мѣсяцахъ, прожитыхъ вмѣстѣ съ свекровью. Она вплела бѣлую ленту въ волосы Нами и спросила вполголоса, заглядывая ей въ глаза:

— Она и теперь часто сердится?

— Иногда. Но она стала ласковѣй теперь, когда я заболѣла, но ей не нравится, что я такъ много думаю о Такео,—это самое худшее. А Такео всегда говоритъ, что здѣсь глава—мать и что я должна слушаться больше ее, чѣмъ его. Ну, да не будемъ говорить больше объ этомъ! Такъ гораздо лучше, спасибо тебѣ! Голова болитъ не такъ сильно.—Нами пощупала волосы и устало закрыла глаза.

Шицу унесла гребни и вытерла руки о шелковую бумагу. Стоя у туалетнаго стола, она увидѣла маленькую коробочку, которую взяла и открыла.

— Мнѣ никогда не надоѣдаетъ смотрѣть на эту булавку,—сказала она,—она такъ красива! У Такео-санъ хорошій вкусъ, не правда ли?— Она положила коробочку на мѣсто.—Ты знаешь, Шунджи все проситъ меня читать по-французски или по-нѣмецки. Онъ говоритъ, что жена дипломата должна знать эти языки, но это слишкомъ трудно для меня.

Шунджи, такъ звали будущаго мужа Шицу, служившаго въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ.

— Забавно будетъ видѣть тебя въ марумаге, хотя тебѣ идетъ шимада,—засмѣялась Нами.

— Очень благодарна.

Она нахмурила свои тонкія брови, но улыбка, мелькавшая на ея губахъ выдавала ее.

— О-Нами-санъ, помнишь Хагивару-санъ, которая кончила школу годомъ раньше насъ?

— Да, она вышла замужъ за Матсудайра.

— Да, она развелась вчера, какъ я слышала.

— Развелась? Почему же?

— Родители ея мужа очень любили ее, но Матсудайра навѣрно имѣлъ что-нибудь противъ нея.

— У нея нѣтъ дѣтей?

— Есть, одинъ, но Матсудайра бросилъ ее для дурной женщины и такъ постыдно велъ себя въ своей невѣрности, что отецъ Хагивару-санъ сказалъ, что не желаетъ, чтобы его дочь была замужемъ за такимъ человѣкомъ. Подъ конецъ онъ пожелалъ, чтобы онъ взялъ ее опять домой.

— Какъ жаль! Почему же онъ не любилъ ее? Развѣ это не жестоко съ его стороны?

— Да, мнѣ очень жаль, когда я думаю объ этомъ. Я желала бы обратнаго. Какъ, вѣроятно, чувствуешь себя убитой, когда не любитъ мужъ, хотя родители его и расположены къ тебѣ.

Нами вздохнула.

— Грустно думать о томъ, какъ всѣ, ходившія въ одну и ту же школу и учившіяся въ одной классной комнатѣ, теперь живутъ одна тутъ, другая тамъ, и каждая повинуется своей собственной судьбѣ. О-Шицу-санъ, мы обѣ всегда будемъ друзьями и всегда будемъ помогать другъ другу.

— Я тоже желаю этого!

Онѣ безсознательно взялись за руки. Черезъ минуту Нами улыбнулась и сказала:

— Я думаю о стольнихъ вещахъ, пока лежу здѣсь и ничего не дѣлаю. Не смѣйся надо мной, если я разскажу тебѣ мои мечты. Подумай, если черезъ нѣсколько лѣтъ у насъ будетъ война съ какой-нибудь иностранной державой, и Японія побѣдитъ. Шунджи-санъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, поѣдетъ въ иностранное государство для переговоровъ о мирѣ, а Такео, какъ адмиралъ, поведетъ множество судовъ въ враждебную гавань.

— А дядя Акасака будетъ главнокомандующій арміей, и папа заставитъ верховную палату ассигновать сто милліоновъ іенъ для арміи и флота.

— А О-Шицу-санъ и я пойдемъ въ Красный Крестъ!

— Но тебѣ нельзя будетъ, если ты не поправишься,—засмѣялась Шицу.

Нами-санъ не могла смѣяться, такъ какъ закашлялась и схватилась за грудь.

— Мы слишкомъ много болтали. Тебѣ больно здѣсь?

— Когда я кашляю, больно.

Нами задумчиво смотрѣла на меркнущій дневной свѣтъ.

Глава IV.

Дни въ Цуши.

Всего черезъ пять дней послѣ сцены съ Такео, Хиджива неожиданно получилъ переводъ изъ главной квартиры въ одинъ изъ полковъ первой дивизіи. Его злоба противъ Такео возрастала съ каждымъ днемъ.

У каждаго человѣка есть такое время въ жизни, когда все противъ него, и онъ попадаетъ изъ плохого въ худшее, точно небо никакъ не хочетъ перестать мстить ему. Такъ было съ Хидживой весь послѣдній годъ, и онъ еще не видѣлъ просвѣта. Нами перехватилъ у него Такео, биржевыя спекуляціи не удались, а заемъ навлекъ на него немилость Такео, на котораго онъ всегда смотрѣлъ, какъ на мальчишку, унизилъ его, и дружба съ семьей Кавашима, его единственными родственниками, была разорвана. И самое худшее, безъ всякаго предупрежденія, хотя бы однимъ словомъ, онъ лишился мѣста въ главномъ штабѣ, единственной возможности быстрой карьеры, которую онъ намѣревался защищать до послѣдней капли крови. Онъ долженъ былъ, хочетъ или нѣтъ, довольствоваться незначительнымъ мѣстомъ въ дивизіи, что онъ всегда презиралъ, какъ истинный невольническій трудъ. Однако, Хиджива, у котораго совѣсть была нечиста, не рѣшился протестовать. И такъ какъ онъ не пренебрегалъ ничѣмъ въ своемъ несчастіи, то держался за новое мѣсто. Раньше онъ былъ сдержаннымъ человѣкомъ, никогда не терявшимъ самообладанія, но эта послѣдняя неудача задѣла его такъ больно, что, при одной мысли о своей немилости, онъ чувствовалъ, какъ кровь закипаетъ въ его жилахъ.

Хиджива былъ похожъ на человѣка, взбирающагося по лѣстницѣ отличія, ведущей прямо къ почестямъ, и уже поднявшагося на одну или двѣ ступеньки, какъ вдругъ кто-то неожиданно сбрасываетъ его. Кто сбросилъ его? Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Такео, и изъ того, что начальникъ штаба при главной квартирѣ былъ близкимъ другомъ генералъ-лейтенанта Катаока, Хиджива заподозрѣлъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, отчасти виноватъ во всемъ этомъ. Затѣмъ онъ зналъ, что Такео совершенно равнодушенъ къ деньгамъ. Его необычайная ярость изъ-за трехъ тысячъ іенъ, считая и подлогъ,

относилась, слѣдовательно, къ чему-то большему, нежели денежное дѣло. Можетъ быть, Нами проболталась о старомъ любовномъ письмѣ. Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ становился увѣреннѣе, и голова его горѣла при мысли объ этомъ. Ожесточеніе изъ-за отвергнутой любви, горе отъ потери выгоднаго положенія, отчаяніе, ревность и ненависть обратились противъ генерала, Такео и Нами. Онъ гордился своимъ хладнокровіемъ и смѣялся надъ безуміемъ тѣхъ, кто допускалъ страсти уносить съ собой разсчетъ. Но теперь, послѣ всѣхъ этихъ несчастій, онъ дошелъ до того, что не могъ бы выдержать, еслибъ не давалъ воли своей ядовитой и ужасной горячности.

Месть! Месть!

Нѣтъ радости въ мірѣ, которая могла бы сравниться съ той, что испытываешь, отвѣдавъ крови тѣхъ, кого ненавидишь, и отвѣдывая губами, наслаждаешься лакомствомъ. Месть! Месть! Но какимъ образомъ? Не подложить ли ему мину и не взорвать ли на воздухъ ненавистные дома Кавашимы и Катаока? Самъ онъ стоялъ бы на почтительномъ разстояніи, гордый побѣдой, и наслаждался бы великолѣпнымъ зрѣлищемъ, и зналъ бы, что мужчины и женщины, которыхъ онъ ненавидитъ, разрываются на куски, калѣчатся и полуживыми посылаются въ адъ. Это былъ вопросъ, которымъ мысли Хидживы занимались днемъ и ночью съ самаго января.

Теперь стояла середина марта, и вишневый цвѣтъ падалъ, какъ хлопья снѣга.

Однажды Хиджива пошелъ на станцію Шинбаши, встрѣтить пріятеля, переведеннаго изъ Токіо въ третью дивизію. Какъ разъ выходя изъ зала, онъ столкнулся съ высокой дамой и молодой дѣвушкой.

— Какъ поживаете?

Онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ госпожой Катаока и Комой. Хиджива быстро измѣнился въ лицѣ, но тотчасъ же справился съ собой, прочитавъ по ихъ лицамъ, что онѣ ничего не знаютъ про него. Онъ былъ золъ, правда, на генерала и Нами, но понималъ въ то же время, что не имѣлъ никакого повода чувствовать вражду къ графинѣ Катаока. Онъ вѣжливо поклонился и спросилъ улыбаясь:

— Позвольте спросить, какъ вы поживаете?

— Что это васъ совсѣмъ не видно?

— Я бы пришелъ навѣстить васъ, но я былъ такъ занятъ эти дни. Куда же вы направляетесь сейчасъ?

— Въ Цуши. А вы?

— Я долженъ встрѣтить друга. Вы переѣзжаете туда на лѣто?

— Развѣ вы не слышали новость? У насъ тамъ наша больная?

— Ваша больная? Кто же это?—удивился Хиджива.

— Нами,—отвѣтила графиня.

Въ это время зазвонилъ звонокъ и всѣ пассажиры устремились къ дверямъ? Кома заторопила мать.

— Мама, мы опоздаемъ!

Хиджива взялъ мѣшокъ, который несла графиня и послѣдовалъ за нею.

— Она очень больна?

— Да, что-то въ легкихъ.

— Въ легкихъ? Чахотка?

— Да, у нея сильно пошла горломъ кровь, и она на-дняхъ уѣхала въ Цуши. Вотъ я и хочу поѣхать навѣстить ее.—Когда они подошли къ двери, она взяла у него мѣшокъ и поблагодарила его.

— Добрый вечеръ! — прибавила она затѣмъ. — Я скоро вернусь. Приходите тогда навѣстить насъ!

Увидя, что красивая кашемировая шаль и красная лента графини исчезли въ купэ перваго класса, онъ повернулся съ мстительной улыбкой на губахъ.

Когда докторъ нашелъ, что симптомы болѣзни Нами становятся все серьезнѣе, онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ не напугать ее. Несмотря на это, ей дѣлалось все хуже, и въ началѣ марта онъ убѣдился, что у нея чахотка. Даже свекровь, всегда носившаяся со своимъ здоровьемъ и жаловавшаяся на слабость молодыхъ людей въ наше время, была напугана кровохарканьями Нами и не притворялась уже глухой, когда рѣчь заходила о перемѣнѣ климата. Она боялась также послѣдствій — она слышала о томъ, какъ заразительна эта страшная болѣзнь и послушалась совѣта врача и отослала Нами съ сидѣлкой на виллу Катаока въ Цуши.

Нами чувствовала себя въ началѣ болѣзни онѣмѣвшей отъ страха, какъ будто она была одна посреди большого дикаго моря, темнѣвшаго подъ черными грозными тучами, надвигавшимися все ближе. Но теперь, когда робкое молчаніе было нарушено, и она находилась посреди грохочущаго грома и призрачнаго свѣта, чернаго вѣтра и неистоваго дождя, она рѣшила смѣло плыть въ бурю, чтобъ добраться до берега. И все-таки, какъ страшно было думать о первомъ припадкѣ!

Это было второго марта. Нами чувствовала себя непривычно хорошо и попробовала развлечься, убирая цвѣты, чего ей не приходилось дѣлать уже давно. Такео былъ случайно дома, и она попросила его помочь ей наломать ихъ. Она сидѣла на верандѣ съ снопомъ распускающихся красныхъ сливовыхъ вѣтокъ. Вдругъ она почувствовала боль въ груди, въ глазахъ ея почернѣло, она невольно вскрикнула, и кровь хлынула изъ ея рта. Она пришла-таки, минута, которой она трепетала. Она знала теперь, что видѣла край своей могилы.

О, смерть! Когда Нами была печальной маленькой дѣвочкой, жизнь имѣла для нея мало радости, а смерть мало печали. Но теперь, когда она узнала, какъ хорошо можетъ быть, жизнь стала для нея всѣмъ, и уничтоженіе представлялось ей чѣмъ-то прямо ужаснымъ. И думая о своей судьбѣ, она чувствовала, что должна бороться противъ нея

изо всѣхъ силъ. Обычно такая мягкая, она теперь упорно настаивала на своемъ желаніи и мужественно держалась, къ великому изумленію внимательнаго врача.

Такео, стоявшій съ флотомъ въ Іокосурѣ, рядомъ съ Цуши, пріѣзжалъ навѣщать ее, какъ только у него выдавался свободный часъ. Она получала письма отъ отца, и тетка и Щицу посѣщали ее насколько могли часто. И старая кормилица Ику, которую она не видѣла съ прошлаго лѣта, когда ее отослали изъ дома Кавашима, ухаживала за ней съ такой нѣжностью, что Нами почти радовалась тому, что заболѣла, потому что благодаря этому, онѣ опять были вмѣстѣ. Кромѣ того, здѣсь находился старый вѣрный слуга, наблюдавшій за тѣмъ, чтобы въ домѣ не было недостатка ни въ чемъ, что могло бы ей быть пріятно. Нами, покинувшая городъ въ то время, какъ еще было холодно, пріѣхавъ въ эту теплую и солнечную мѣстность, наслаждалась свѣтлой и улыбающейся природой, но еще благодѣтельнѣе чувствовала теплоту симпатіи людей. Она окрѣпла, и послѣ двухъ недѣль кровохарканья прекратились, и кашель сталъ легче. Докторъ, пріѣзжавшій изъ Токіо два раза въ недѣлю, былъ въ восторгѣ, что ей не становится хуже, хотя она и не была еще на пути къ улучшенію. Онъ увѣрялъ ее, что теперь она могла надѣяться на выздоровленіе, если будетъ хорошенько беречься и терпѣливо продолжать леченіе.

Это было первое воскресенье въ апрѣлѣ. Для вишневаго цвѣта въ городѣ было еще слишкомъ рано, но дикія деревья по горамъ въ Цуши стояли уже въ цвѣту, и зеленые склоны сверкали бѣлизной. Но сегодня вся природа была точно охвачена печалью. Съ ранняго утра моросилъ тихій дождь, и горы и море заволоклись сѣрымъ туманомъ. Длинный весенній день становился такъ безконечно длиннымъ. Къ вечеру дождь усилился и поднялся вѣтеръ. Завывалъ и дулъ вѣтеръ въ двери и перегородки, и взбаломученое море грохотало, какъ милліоны дико скачущихъ коней. Всѣ рыбаки въ поселкѣ затворили хорошенько свои избы, и ни одинъ лучъ свѣта не выдавалъ ихъ присутствія.

Въ виллѣ Катаока, напротивъ, все было иначе. Тамъ радовались по случаю пріѣзда Такео. Его ожидали раньше днемъ, но у него оказались задержки, и онъ примчался теперь сквозь бурю и мракъ. Онъ уже переодѣлся и поужиналъ и сидѣлъ, облокотившись на столъ, и читалъ письмо. Напротивъ него сидѣла Нами и шила красивый мѣшокъ, но часто останавливалась, чтобы посмотрѣть на мужа и улыбнуться, или же сидѣла молча, мечтая и прислушиваясь къ непогодѣ. Она воткнула маленькую вѣтку съ вишневыми цвѣтами и зелеными листьями въ волосы. Лампа на столѣ между ними тихо горѣла и распространяла блѣдно-красный свѣтъ. Въ вазѣ рядомъ тоже стояли вишневые цвѣты, и бѣлые лепестки безшумно падали на скатерть. Быть можетъ они мечтали о веснѣ, съ которой простились утромъ на горѣ.

Слышно было, какъ завывалъ вѣтеръ и шелестѣлъ дождь вокругъ дома.

Такео сложилъ письмо.

— Отецъ очень безпокоится за тебя,—сказалъ онъ.—Я долженъ завтра ѣхать въ Токіо и постараюсь проѣхать черезъ Акасаку.

— Неужели ты ѣдешь завтра? Въ такую непогоду? Но мама ждетъ тебя. Я тогда поѣду съ тобой!

— Нами-санъ! Не забывай, для чего ты здѣсь. Помни, что ты находишься въ ссылкѣ.

— Если это ссылка, то я охотно соглашусь пробыть въ ссылкѣ всю жизнь. Хочешь курить, милый?

— Развѣ у меня такой видъ, какъ будто мнѣ нужно курить? Да, еслибъ у меня не было ничего лучшаго, пока я здѣсь. Зато наканунѣ и на слѣдующій день я курю вдвое больше обычнаго.

Нами засмѣялась и проговорила:

— Ну, если ты такъ милъ, то получишь нѣсколько вкусныхъ пирожковъ. Ику, принеси-ка ихъ сюда!

— Благодарю! Это О-Шицу-сàнъ привезла ихъ? Что это такое? Кажется, очень вкусное.

— Я убиваю длинное время, приготовляя такіе пирожки мамѣ. О нѣтъ, это не опасно. Я очень берегусь, ты знаешь. Я такъ хорошо себя чувствую сегодня вечеромъ. Нельзя ли мнѣ подольше посидѣть сегодня? У меня, вѣдь, не больной видъ, не правда ли?

— Ты должна чувствовать себя хорошо, разъ докторъ Кавашима здѣсь,—отвѣтилъ онъ, смѣясь.—Но у тебя, дѣйствительно, видъ лучше сегодня. За тебя больше нечего безпокоиться!

Старая Ику, вошедшая въ эту минуту съ чаемъ и пирожками замѣтила:

— Какой ужасный ураганъ! Мы бы не спали всю ночь, еслибъ господина не было дома. О-Шицу-санъ уѣхала къ себѣ, и сидѣлка тоже отправилась въ Токіо. Какъ бы мы чувствовали себя одинокими безъ нихъ, хотя старый Могеи и здѣсь.

— Каково, въ такую погоду моряку, который въ морѣ? Но я думаю, что больше жаль ту, что сидитъ дома и думаетъ о немъ.

— О,—сказалъ Такео, выпившій чашку чаю и съѣвшій два-три пирожка одинъ за другимъ,—это игрушки, а не погода. Но еслибъ вы попали въ двухдневный или трехдневный штормъ на югѣ въ Китайскомъ морѣ, то вы знали бы, что такое непогода. Большое судно, въ три или четыре тысячи тоннъ, наклоняется подъ угломъ въ тридцать, сорокъ градусовъ, палуба заливается гигантскими волнами, и корпусъ трещитъ, какъ деревянный домъ. Вамъ бы не очень поздоровилось, за это я ручаюсь.

Вѣтеръ усилился, и налетѣвшій порывъ нагналъ дождь на домъ, затрещавшій, какъ отъ посыпавшихся голышей. Нами закрыла глаза, а Ику пожала плечами. Они сидѣли молча, и съ минуту слышно было только бурю, бушевавшую наружи.

— Не будемъ говорить о страшныхъ вещахъ. Нѣтъ ничего лучше въ такую погоду, какъ пустить лампу полнымъ пламенемъ и болтать о пріятныхъ вещахъ. Здѣсь, должно быть, теплѣе, чѣмъ въ Іокосурѣ? Я вижу, что дикія вишни уже цвѣтутъ.

Нами подвинула кувшинъ съ цвѣтами поближе и сказала:

— Старикъ Могеи нарвалъ ихъ сегодня утромъ на горѣ. Не правда ли, какъ они хороши? Но я боюсь, что эта погода очень повредитъ деревьямъ. Ахъ, какъ они чудесны! Я какъ разъ сегодня вечеромъ читала прехорошенькіе стихи Ренгетсу:

„Я люблю тебя, о, бѣлый цвѣтъ,
Храбро расцвѣтающій на обнаженной вѣткѣ
И привѣтствующій первый утренній свѣтъ;
Ты падаешь, какъ снѣгъ, о, бѣлый цвѣтъ".

— Что? Я говорю же, что нашъ народъ слишкомъ любитъ цвѣты и все другое, какъ разъ тогда, когда оно падаетъ. Это очень любезно, но не всегда хорошо быть любезнымъ. На войнѣ, напримѣръ, теряютъ тѣ, кто умираютъ первыми. По моему нужно поощрять здоровое, крѣпкое и стойкое въ духѣ народа. И моя пѣснь звучала бы такъ. Слушай! Она выйдетъ немножко нескладной, потому что это мой первый опытъ, чтобы вы знали.

„О, не смѣйся надо мной, мой другъ,
За то, что жизни я не говорю: прости!
О, нѣтъ, ты отраденъ для моей души,
Ты все цвѣтешь и расцвѣтаешь
И стоишь бѣлый даже лѣтомъ".

— Ну, каково? Развѣ я не могу соперничать съ Ренгетсу?

— Господинъ настоящій поэтъ,—замѣтила Ику.—Не правда ли, О-Нами-санъ.

Такео возгордился.

— Если это говоритъ Ику, то моя слава обезпечена.

Въ разговорѣ ихъ наступила пауза. Они прислушивались къ все усиливающейся бурѣ и дикому хору волнъ, и имъ казалось, будто они сидятъ на лодкѣ въ разбушевавшемся морѣ. Старая Ику вышла за водой въ чайникъ, и Нами, мѣрявшая температуру, посмотрѣвъ на градусникъ, съ гордостью сообщила Такео, что онъ показываетъ ниже обыкновеннаго. Она погрузилась въ мысли и сидѣла, смотря на цвѣты на столѣ, потомъ вдругъ улыбнулась и сказала:

— Теперь какъ разъ годъ. Я такъ хорошо помню это. Я уже сѣла въ карету, и дома всѣ вышли посмотрѣть на меня, но я не могла придумать, что бы сказать на прощанье. Потомъ, когда мы переѣзжали мостъ у Тамеике, посвѣтлѣло, и взошла луна. Вишни цвѣли на всѣхъ горахъ, и когда мы проѣзжали подъ ними, то бѣлые лепестки падали точно снѣговыя облака и врывались въ окна кареты. Одинъ лепестокъ запутался въ моихъ волосахъ, а я не знала этого до тѣхъ поръ, пока тетя не сняла его, когда я выходила.

Такео оперся подбородкомъ на руку и отвѣтилъ:

— О, годъ, время идетъ такъ быстро. Мы не успѣемъ оглянуться, какъ придется праздновать серебряную свадьбу. Мнѣ было очень весело смотрѣть на тебя, у тебя былъ такой серьезный видъ на нашей свадьбѣ. Я не могъ понять, какъ ты могла смотрѣть такъ холодно.

— Я знаю. Но я скажу тебѣ, что мнѣ было такъ страшно, что я едва могла удержать церемоніальный бокалъ.

Ику вошла, улыбаясь, съ чайникомъ.

— Теперь вамъ хорошо! Я всегда такъ довольна, когда вижу, что вамъ весело. Это напоминаетъ мнѣ о томъ, какъ мы были въ прошломъ году въ Икао.

— Икао! Какъ намъ тамъ было весело!—сказала Нами.

— Да, что такое тамъ было съ папоротниками?—спросилъ Такео.— Я помню нѣкую маленькую особу, которая порядочно копалась.

— Но ты такъ торопилъ меня,—упрекнула Нами.

— Скоро настанетъ то время. Ты должна поправиться до тѣхъ поръ, дорогая, тогда мы опять совершимъ эту поѣздку.

— О да, я должна быть здорова до тѣхъ поръ!

На слѣдующій день погода, послѣ такой бурной ночи, была удивительно хороша.

Такео вечеромъ долженъ былъ ѣхать въ Токіо. Онъ взялъ съ собой Нами, и они вышли въ заднія ворота, чтобъ въ теплое и тихое утро прогуляться до берега по песчанымъ холмамъ, гдѣ росли пиніи.

— Какая чудесная погода! Вчера вечеромъ невозможно было повѣрить, что сегодня будетъ такъ хорошо,—сказала Нами.

— Да,—отвѣтилъ Такео.—Посмотри, какъ кажется близко до того берега. Кажется, что можно слушать голоса оттуда.

Песчаный берегъ былъ уже сухъ и дѣти искали раковинъ. Они прошли мимо нихъ и нѣсколькихъ рыбаковъ, приводившихъ въ порядокъ сѣть, и поднялись по крутому берегу, чтобы дойти до уединеннаго мѣста.

Какъ бы внезапно вспомнивъ, Нами спросила:

— Ты не знаешь, что теперь дѣлаетъ Хиджива-санъ?

— Хиджива! Негодяй! Я его съ тѣхъ поръ не видѣлъ. Но почему ты о немъ спрашиваешь?

Нами колебалась:

— Ты будешь смѣяться надо мной, но я видѣла его во снѣ прошлой ночью.

— Ты видѣла его во снѣ?

— Да, онъ говорилъ съ мамой.

— Ты волнуешься изъ-за этого,—сказалъ онъ, смѣясь.—Чего же онъ хотѣлъ?

— Я не слышала, но мама нѣсколько разъ кивнула головой. О-Шицу-санъ разсказывала мнѣ вечеромъ, что видѣла его и Ямаки

вмѣстѣ, и я думаю, что, благодаря этому, онъ и приснился мнѣ. Милый, онъ, вѣдь, не бываетъ у насъ дома?

— Не думаю, потому что мама тоже на него сердита, ты, вѣдь, знаешь.

Нами вздохнула.

— Я такъ много думаю о томъ, что мама не любитъ меня изъ-за моей болѣзни.

Такео почувствовалъ, какъ онъ вздрогнулъ. Онъ не хотѣлъ говорить своей больной женѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ она уѣхала, его мать стала относиться къ ней все менѣе благосклонно. Она совѣтовала ему держаться какъ можно дальше отъ Цуши, чтобы не заразиться, постоянно жаловалась на хлопоты, причиненныя болѣзнью Нами, и бранила семейство Катаока. И если Такео пытался успокоить ее, она называла его безумцемъ и говорила, что онъ не слушается своихъ родителей изъ-за жены. Такія сцены случались не одинъ разъ въ недѣлю.

— О, ты слишкомъ безпокоишься. Зачѣмъ ты думаешь о такихъ вещахъ? Ты должна употреблять всѣ свои силы на то, чтобъ быть здоровой къ будущей веснѣ. Тогда мы поѣдемъ вмѣстѣ съ мамой въ Іошино посмотрѣть дикія вишневыя деревья. Кажется, мы зашли слишкомъ далеко. Ты не устала? Можетъ, намъ вернуться?

Какъ разъ тамъ, гдѣ они стояли, песчаная отмель переходила въ каменистые утесы.

— Пойдемъ въ Фудо. Я совсѣмъ не устала. Мнѣ кажется, я дошла бы до Америки.

— Ты такъ твердо увѣрена въ этомъ? Не надѣть ли тебѣ эту шаль? Камни такъ скользки, возьми мою руку!

Такео помогъ Нами подняться по узкой тропинкѣ между камнями. Они нѣсколько разъ останавливались по дорогѣ и пришли, наконецъ, къ потоку, стремившемуся внизъ по утесамъ. Совсѣмъ у водопада находилось священное Фудо. Нѣсколько склонившихся пиній, державшихся въ расщелинахъ узловатыми корнями, простирали свои вѣтви надъ бездной.

Такео стряхнулъ пыль съ сюртука и разостлалъ шаль, чтобы Нами могла сѣсть на нее. Онъ опустился на землю рядомъ съ нею и, охвативъ колѣна руками, воскликнулъ:

— Какъ здѣсь спокойно!

Море, дѣйствительно, было очень спокойно. Небо было безоблачно и сине, насколько хваталъ глазъ. Огромное поле воды сверкало, какъ бѣлый шелкъ на полуденномъ солнцѣ, и ни малѣйшая морщинка не рябила зеркально-свѣтлую поверхность. Море и земля отдыхали, какъ въ дремѣ, на тихомъ весеннемъ воздухѣ.

— Дорогой мой!—сказала она.

— Что?—спросилъ онъ.

— Она можетъ пройти?

— Что?

— Моя чахотка.

— Что ты говоришь! Почему тебѣ не поправиться. Если это зависитъ отъ меня, то ты поправишься. Я вылечу тебя.

Нами прислонилась къ плечу мужа.

— Но я часто думаю, что не поправлюсь. Мать моя умерла отъ чахотки.

— Нами-санъ, почему ты говоришь такъ сегодня? Ты, разумѣется, будешь совершенно здорова. Ты, вѣдь, слышала, что говорилъ докторъ? Видишь ли, твоя мать — у нея была, правда, чахотка, но тебѣ еще нѣтъ двадцати лѣтъ и болѣзнь не такая застарѣлая, такъ что ты можешь быть увѣрена, что выздоровѣешь. Ты знаешь Окагару, одного изъ нашихъ родственниковъ? У него совсѣмъ не было праваго легкаго, и доктора почти не давали надежды, а онъ прожилъ послѣ того пятнадцать лѣтъ. Ты выздоровѣешь, если только сама захочешь. Если нѣтъ, то это моя вина, значитъ я люблю тебя недостаточно. Но я люблю тебя, и значитъ ты должна быть здорова. Почему ты такъ упала духомъ сегодня?

Такео взялъ правую руку Нами и страстно прижалъ ее къ своимъ губамъ. Бриліантовый перстень, нѣкогда подаренный ей Такео, сверкнулъ на ея безымянномъ пальцѣ.

Они молча сидѣли нѣкоторое время. Бѣлый парусъ вынырнулъ у Іеношимы и скользнулъ впередъ по яркому морю. И въ тишинѣ веселыя пѣсни рыбаковъ донеслись до нихъ издалека.

Нами повторила съ улыбкой въ своихъ мечтательныхъ глазахъ:

— Я выздоровлю. Да, конечно. Но почему мы должны умирать? Я хотѣла бы прожить тысячу и двадцать лѣтъ. Но если мы должны умереть, то пусть ужъ мы умремъ вмѣстѣ.

— Если ты умрешь раньше меня, то можешь быть увѣрена, что я не захочу больше жить.

— Это правда? Какая радость умереть вмѣстѣ! Но у тебя есть мать и обязанности, которыя ты долженъ выполнить, такъ что ты не можешь сдѣлать, какъ захочешь. Мнѣ придется уйти первой и подождать. Ты будешь часто думать обо мнѣ, когда я умру? Думай обо мнѣ, мой возлюбленный, скажи, что будешь думать!

Глаза Такео были полны слезъ и онъ погладилъ голову Нами.

— Милая моя, не будемъ говорить о такихъ мрачныхъ вещахъ. Выздоравливай, Нами-санъ, и мы будемъ жить и отпразднуемъ золотую свадьбу.

Она крѣпко охватила Такео за руки, прижалась головой къ его колѣну и залилась слезами:

— Я твоя и въ самой смерти! Ничто не разлучитъ насъ — ни враги, ни чахотка, ни смерть. Я твоя навѣки!

Глава V.

Месть.

Когда Хиджива услышалъ въ Шинбаши о болѣзни Нами, то онъ испыталъ чувство торжества. И онъ улыбался, увидѣвъ неожиданно разрѣшенной задачу, которую раньше считалъ невозможной. Ненависть его къ обоимъ семействамъ, Катаока и Кавашима, сосредоточивалась самымъ жгучимъ образомъ на Нами. Ея чахотка представляла рѣдкостный случай для мести. Заразительность и опасный родъ болѣзни и постоянныя поѣздки Такео благопріятствовали его плану. Единственное, что нужно было, это, повидимому, слово или два между вдовой и ея невѣсткой. И если при этомъ взорвалась бы его мина, то ему стоило только отскочить въ сторону и съ безопаснаго мѣста наслаждаться всей трагедіей, въ которой онѣ терзали бы другъ друга въ кровавой борьбѣ. Мысли Хидживы охотно занимались этой местью, мысли эти облегчали его подавленное настроеніе

Онъ хорошо зналъ свою тетку. Онъ зналъ, что она не такъ раздражена противъ него, какъ Такео. Зналъ также, что, несмотря ни на что, она считала Такео мальчикомъ и полагалась болѣе на его сужденіе, какъ человѣка съ опытомъ. Онъ зналъ также, что, такъ какъ родственниковъ у нея было мало, а молодые не особенно съ ней ладили, она чувствовала себя очень одинокой, несмотря на свой самостоятельный характеръ, и нуждалась въ комъ-нибудь при себѣ. Поэтому онъ былъ увѣренъ въ удачѣ еще раньше, чѣмъ сдѣлалъ что-либо для приведенія своего плана въ исполненіе.

Сначала онъ послалъ Ямаки, какъ бы случайно, къ Кавашима, чтобы на мѣстѣ разспросить объ обстоятельствахъ и заодно распространить ложные слухи о его покаянной жизни. Нами, послѣ двухъ мѣсяцевъ леченія, далеко не была еще здорова, и свекровь становилась все болѣе и болѣе недовольна ею. Однажды вечеромъ въ концѣ апрѣля, когда Такео не было дома, и управляющій Тазаки тоже уѣхалъ по дѣламъ, онъ воспользовался случаемъ и отправился въ домъ Кавашима, котораго такъ давно не посѣщалъ. Счастье было къ нему благосклонно, и онъ засталъ тетку одну, погруженную въ глубокія думы, съ письмомъ Такео въ рукѣ.

— Да, не много это принесло ей пользы, хотя и стоило пропасть денегъ,—сказала вдова.—Она лечится теперь уже два мѣсяца, и нисколько не поправилась. Я ужъ и не знаю, что дѣлать. Хорошо, если бы я могла хоть съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, но Такео, ты, вѣдь, знаешь, онъ еще мальчикъ.

— Дорогая тетя, я очень хорошо понимаю. Собственно говоря, никто не долженъ бы видѣть меня здѣсь, но это серьезный вопросъ для рода Кавашима, и я не могу держаться совершенно въ сторонѣ,

когда подумаю о всей ласкѣ, которую вы, тетя, Такео-санъ и покойный дядя оказывали мнѣ. Поэтому я былъ такъ дерзокъ, что пришелъ сегодня, несмотря ни на что. Дорогая тетя, нѣтъ болѣзни опаснѣе чахотки. Извѣстно много случаевъ, когда мужъ заражался отъ своей жены, и вся семья вымирала. Я очень безпокоюсь за Такео-сана, и если вы не будете осторожны, то дѣло можетъ принять серьезный оборотъ.

— Ты правъ. Я тоже очень тревожусь и просила Такео не ѣздить въ Цуши. Но онъ не хочетъ меня слушать. Посмотри,—она указала на письмо,—ничего, кромѣ какъ о женѣ: что говоритъ докторъ, что дѣлаетъ сидѣлка и тому подобное.

Хиджива улыбнулся.

— Но, тетя, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Мужъ и жена никогда не могутъ любить другъ друга слишкомъ много. Что Такео-санъ такъ боится за свою больную жену, это можно отнести только къ его чести.

— Но я спрашиваю, правильно ли съ его стороны не слушаться родителей, потому что больна его жена?

Хиджива вздохнулъ.

— Какъ все измѣнилось. Не дальше какъ вчера, всѣ были увѣрены, что все обстоитъ хорошо съ Такео-саномъ, и что ты довольна. Но это поворотный пунктъ къ доброму или худому въ исторіи рода Кавашима. Ну, а родители Нами-санъ проявили какое-нибудь участіе?

— О, эта напыщенная графиня приходила съ оффиціальнымъ визитомъ, потомъ они прислали подарокъ, очень, впрочемъ, ничтожный. Като были здѣсь два, три раза, но...

Хиджива опять вздохнулъ.

— Въ подобномъ случаѣ ея родители должны бы идти намъ навстрѣчу, узнавъ о нашемъ затрудненіи. Какъ они могутъ дѣлать видъ, что ничего не знаютъ и навязываютъ намъ больную дѣвушку? Правда, что міръ полонъ себялюбія. Это вѣрно!

— Да, въ этомъ нечего сомнѣваться.

— Но что для насъ важнѣе всего, это здоровье Такео-сана. Если бы произошло то, чего мы всего больше боимся, то родъ Кавашима вымретъ. И онъ тоже заразится чахоткой, рано или поздно. Разъ они уже повѣнчались, ихъ нельзя заставить жить врозь.

— Въ томъ-то и дѣло.

— Обязанность родителей не всегда давать дѣтямъ исполнять свою волю. Иногда ихъ сѣкутъ для ихъ же блага. Молодые люди сильно отчаяваются, но потомъ довольно быстро забываютъ.

— Это правда.

— Ты не можешь рисковать существованіемъ всего рода Кавашима изъ-за небольшой любви или состраданія.

— Нѣтъ, это не годится.

— Потомъ, если у нея будетъ ребенокъ, то ребенокъ...

— Въ томъ-то и дѣло, да.

Когда Хиджива замѣтилъ, что на госпожу Кеи его доказательства производятъ такое сильное впечатлѣніе, онъ почувствовалъ, какъ сердце его затрепетало отъ радости, и перемѣнилъ тему разговора. Онъ былъ увѣренъ, что ядъ, который онъ влилъ въ нее, быстро распространится, и былъ пораженъ, найдя въ ней самой сѣмена къ тому посѣву, который онъ намѣревался посѣять. Это было только вопросомъ времени, когда эти сѣмена взойдутъ, выростутъ и принесутъ плоды, но онъ чувствововалъ, что время это недалеко.

На самомъ дѣлѣ мать Такео была вовсе не такъ зла, чтобы желать Нами чего-нибудь дурного. Наоборотъ, она цѣнила старанія Нами во всемъ угождать свекрови, несмотря на разницу въ воспитаніи и характерѣ, и радовалась, когда взгляды ихъ въ чемъ-нибудь сходились. Она даже думала тайкомъ про себя, что въ молодости далеко не была такой, какъ Нами. Но когда она собственными глазами увидѣла, какъ Нами, послѣ мѣсяца подкрадывавшейся болѣзни, пала жертвой неизлечимаго страданія легкихъ, и когда она потомъ увидѣла, что Нами, несмотря на значительныя денежныя суммы, тратившіяся на нее, не подаетъ надежды на скорое выздоровленіе, то почувствовала въ сердцѣ своемъ странное чувство досады или отвращенія, она не знала сама. И такъ какъ это чувство пускало новые ростки каждый разъ, какъ она думала о Нами, то ея сопротивленіе быстро растаяло передъ силой болѣе яркой ненависти Хидживи.

Хиджива, съ своей стороны, коварно проникъ въ затаеннѣйшіе уголки теткинаго сердца и, внушая ей, во время своихъ посѣщеній, свой образъ мыслей, ожидалъ минуты наступленія настоящаго столкновенія. Между тѣмъ, начали уже поговаривать о частыхъ пріѣздахъ Хидживы во время отсутствіи Такео. Хиджива, однако, уже провелъ свой планъ и обсуждалъ его удачу съ Ямаки, какъ писатель говоритъ о драмѣ, которую онъ пишетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕДАТЕЛЬ.

Разсказъ **Антоніо Бельтрамелли.**

Переводъ съ итальянскаго **Е. Лазаревской.**

Римуэльдъ, старый пастухъ, сказалъ Біару:

— Если нынче вечеромъ къ тебѣ постучится Сурэль, открой ему и предложи убѣжище и гостепріимство; съ нимъ случилась бѣда.

— Какая?—спросилъ Біару, поднявъ на мгновеніе свои косые глаза на Римуэльда и тотчасъ же, затѣмъ, обративъ ихъ къ небу.

— На-дняхъ, вечеромъ, Сурэль повздорилъ съ Цинтылемъ,—отвѣчалъ старикъ.—Они были въ лѣсномъ ущельи. Разнять ихъ тамъ было некому, когда они схватились; Цинтылю достался роковой ударъ, и онъ палъ!

— И никто ничего не знаетъ?

— Я думаю, жандармы подозрѣваютъ Сурэля, но они тщетно искали его.

— Кто-нибудь его предастъ!—воскликнулъ съ жесткой улыбкой Біару.

— Никогда сѣмя предательства не прозябало въ здѣшнихъ мѣстахъ!—отвѣчалъ, нахмурившись, Римуэльдъ.

— Однако,—повторилъ Біару,—я знаю человѣка, способнаго быть предателемъ.

— Кто онъ?

— Я вамъ скажу это, если онъ и на этотъ разъ попытается строить на чужой погибели свое счастье.

— Горе тебѣ, если ты его покрываешь!—воскликнулъ Римуэльдъ.

Біару простеръ руки, выражая негодованіе, и не отвѣтилъ. Старикъ устремилъ свой взоръ въ глубину сумерекъ, спускавшихся за высочайшими лѣсами Амнекка, посмотрѣлъ на темную, обильную жалобно журчащими водами долину, потомъ повернулся, вошелъ въ ольховую рощу, гдѣ паслись его бѣлыя овцы, и исчезъ.

Біару пошелъ дальше своей дорогой по направленію къ вершинѣ Монте-Апэрто, на склонѣ которой стоялъ его построенный изъ сѣрыхъ камней домъ.

Пройдя бо̀льшую часть пути, онъ увидѣлъ на расчищенномъ плоскогорьи человѣка, который пахалъ, не оставляя еще и въ этотъ позднiй часъ своего тяжелаго труда.

Три пары быковъ, утомленно пригнувшись подъ ярмомъ, медленно шли подъ руководствомъ хилаго, жалкаго мальчика, подгонявшаго тонкой молодой вѣткой лѣнивую силу мычавшихъ животныхъ и съ пронзительными криками перебѣгавшаго отъ одного къ другому.

— Бинъ!... Ро!.. Держи борозду, тяжелая земля!—отчетливо проносилось въ сумеркахъ.

Молча, съ усилiемъ вдавливая желѣзо плуга вглубь сухой и твердой земли, шелъ вслѣдъ за упряжкой старшiй труженикъ, напряженно нагнувшись надъ плугомъ и словно прiобрѣтая новую силу при взмахѣ каждаго трудового шага.

Сквозь фiолетовый полумракъ, едва освѣщенный отблескомъ заката, Бiару не могъ сначала разсмотрѣть лица пахаря; но когда тотъ прiостановился среди поля и, медленно разогнувшись, оглядѣлъ неторопливымъ поворотомъ головы произведенную тяжелую работу, Бiару узналъ печальное лицо Бувэра, своего сосѣда по горнымъ высотамъ.

— Неблагодарная земля!—воскликнулъ, подходя, Бiару.

— Однако, четыре поля на солнечномъ склонѣ все-таки должны бы прокормить десятерыхъ,—отвѣтилъ, помолчавъ, Бувэръ, — а они не даютъ, чѣмъ жить, даже на одного!

— Доходъ даютъ только виноградники.

— Да; но наша бѣдность не допускаетъ улучшенiй. Впрочемъ,— прибавилъ послѣ краткаго молчанiя пахарь,—я забочусь, какъ могу, обо всемъ, до крыши моего дома; о томъ, что выше крыши, подумаетъ Господь.

— Вы и при лунѣ еще будете работать?—спросилъ Бiару.

— Да,—отвѣтилъ Бувэръ.—Ночью не такъ тяжело взрывать землю. Луна довольствуется тѣмъ, что смотритъ, и отъ нея не жарко.

— А ваша жена одна дома съ дѣтьми?

— Одна съ своей нищетой,—улыбаясь, отвѣчалъ Бувэръ.

— Смотрите, не испугалась бы она, въ окрестностяхъ бродитъ убiйца.

— Я знаю. Вы, вѣдь, говорите о Сурэлѣ?

— Да, о Сурэлѣ.

— Вчера вечеромъ онъ постучался ко мнѣ, и я ему открылъ. Десять дней бѣдствiя превратили его въ подобiе смерти. Моимъ дѣтямъ стало его жаль, и они пригласили его на свое убогое ложе.

— Онъ еще у васъ?

— Да, и пробудетъ, сколько захочетъ. Я вамъ скажу, Бiару,— гдѣ нѣтъ надежды на богатство, такъ не боишься расточать, и на этотъ разъ моего хлѣба хватитъ на одного лишняго.

Они смолкли. Изъ лѣсовъ Амнекка, надъ кряжемъ Альбiйскихъ

горъ поднималась красноватая луна; она словно вынырнула изъ гущи лѣса, точно чудесный цвѣтокъ, рожденный въ темной чащѣ вѣтвей; а надъ далекими горами Моденскаго края еще разлитъ былъ легкій, угасавшій слѣдъ солнца; въ безукоризненно прозрачной чистотѣ воздуха рѣзко выдѣлялись кое-гдѣ отдѣльныя вѣтви, вершины утесовъ, легкія струйки дыма.

Обмѣнявшись обычнымъ вечернимъ привѣтстаіемъ, два человѣка разстались. Біару пошелъ къ своему недалекому жилищу, и опять зазвучали рѣзкія вскрикиванья мальчика, подгонявшія медленный шагъ быковъ.

На слѣдующій день Сурэль, открытый въ своемъ горномъ убѣжищѣ, былъ уведенъ въ сосѣдній городъ, чтобы предстать тамъ передъ слугами закона.

Велико было отчаяніе всего населенія горъ. Каждый зналъ, что Сурэль долженъ былъ уцѣлѣть, если бы не было гдѣ-то среди нихъ гнуснаго доносчика.

У подножія холма Ярмо собрались на совѣтъ всѣ старики изъ окрестностей. Туда пришелъ Біару и отвелъ въ сторону стараго пастуха Римуэльда.

— Отецъ,—прошепталъ онъ ему,—я сказалъ вамъ, что найдется предатель. Вы видите теперь, былъ ли я правъ.

— Клянусь твоимъ домомъ,—загремѣлъ на него старикъ,—назови его имя, или ты станешь сообщникомъ предателя.

— Я никому вредить не хочу!

— Кто лишаетъ человѣка свободы, тотъ не имѣетъ права на состраданіе.

— Это правда,—прошепталъ Біару, и опустилъ косые глаза свои и голову съ черными спутанными волосами.

— Такъ говори же,—повторилъ Римуэльдъ.

— Отецъ, прошлый вечеръ, когда я покинулъ васъ, я узналъ, что Сурэль въ горахъ, въ одномъ домѣ недалеко отъ меня. Бувэръ сказалъ мнѣ, что уже два дня оказываетъ ему гостепріимство. Затѣмъ ночью, когда я вышелъ пахать мои земли у лѣсовъ Амнекка, я увидѣла, какъ Бувэръ бѣжалъ по направленію къ тропинкамъ, ведущимъ къ большой дорогѣ. На слѣдующій день, на зарѣ, Сурэль былъ взятъ.

— Берешь ли ты на свою совѣсть то, что сказалъ?

Біару положилъ на сердце руку и медленно произнесъ:

— Клянусь въ томъ крестомъ Господнимъ.

Старики, узнавъ мрачную новость, предали Бувэра проклятію и присудили его къ тяжелой карѣ всеобщаго молчанія и отверженія, такъ что съ этого дня онъ обреченъ былъ жить одинокимъ среди общества нѣмыхъ для него людей.

Наказаніе началось, но Бувэръ не замѣтилъ его сначала. То былъ простой, смиренный человѣкъ, грубый, какъ сосновая кора, знавшій

только то, что онъ видѣлъ, тѣло и тѣнь его, землю и солнце. Онъ шелъ своимъ каменистымъ путемъ, никогда не оборачиваясь; и его спутниками были десять молящихъ голосовъ, и при каждомъ заходѣ солнца онъ долженъ былъ найти, чѣмъ накормить тѣхъ, кто были рождены отъ его силы. Молчаніе собратьевъ не удивило его въ первые разы, потому что онъ не былъ болтливъ; но когда съ бранными словами отказались оказывать ему братскія услуги, обычныя среди горныхъ землепашцевъ, онъ открылъ съ внезапнымъ изумленіемъ глаза и спросилъ:

— Да что же я вамъ сдѣлалъ?

Отвѣта не было, и онъ не разъ долженъ былъ безъ хлѣба и помощи возвращаться къ своему дикому гнѣзду, полному голодныхъ птенцовъ. Однажды, стоя у порога своей хижины, онъ увидѣлъ проходившаго Біару; два раза окликнулъ онъ его громкимъ голосомъ, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ, и прошелъ мимо. Тогда Бувэръ нагналъ его.

— Развѣ оглохли вы?—закричалъ онъ ему, когда приблизился.

— Что вамъ надо?—спросилъ Біару.

— Оставьте грубость. Я хочу спросить только, почему вы и другіе держитесь со мной, какъ съ прокаженнымъ, и никто знать не хочетъ обо мнѣ и о моихъ дѣтяхъ.

— Я ничего не знаю.

— Васъ можетъ быть, раздражаетъ моя нищета? Видитъ Богъ! Я никогда не укралъ ни зерна пшеницы, а двое изъ дѣтей моихъ умерли.

— Всеобщій удѣлъ земной!—воскликнулъ Біару, поднимая взоръ къ небу.

— Заклинаю тебя именемъ твоихъ умершихъ, скажи мнѣ, кто меня оклеветалъ!—закричалъ Бувэръ.

Біару опустилъ къ землѣ свое лицо, такъ какъ не могъ выдержать его взгляда, и жалобнымъ голосомъ повторилъ:

— Я ничего не знаю.

И тогда, такъ какъ суровый приговоръ все продолжалъ исполняться, и Бувэръ увидѣлъ, что отверженъ и презираемъ своими товарищами, онъ обратился къ старикамъ съ просьбой, чтобы они дали ему возможность говорить съ ними еще одинъ разъ, прежде чѣмъ смерть скроетъ подъ снѣгами его и его семью.

Въ Альбійскихъ горахъ, у сосновой хижины, назначенъ былъ день сборища, и старики пришли туда по каменистымъ тропинкамъ.

Когда появился изъ лѣсовъ Амнекка Бувэръ, всѣ обернулись смотрѣть на него. Онъ бѣжалъ бѣгомъ, блѣдный, съ расширенными, выступающими изъ орбитъ глазами, бѣжалъ по леденящему вѣтру безъ шапки, едва одѣтый въ какія-то лохмотья. Старики переглянулись между собою, и Римуэльдъ сказалъ:

— Онъ точно мертвецъ.

Остальные молчаливо съ нимъ согласились.

Онъ быстро пробѣжалъ пространство, отдѣлявшее его отъ сосновой хижины, и, вбѣжавъ на площадку, очутившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собранія людей, которые должны были судить его, остановился. Челюсти и губы его дрожали; онъ похожъ былъ на привидѣніе.

— Я не поспѣлъ въ назначенный часъ,—сказалъ онъ,—потому что умеръ еще одинъ изъ моихъ дѣтей. Трое умерло въ эти дни, когда я былъ осужденъ вами за невѣдомую мнѣ вину. Вы все отъ меня отняли, и я хочу знать, за что!

Голосъ его былъ свистящъ, какъ горная буря, и полонъ раздирающаго страданія и повелительно прозвучалъ онъ надъ собраніемъ стариковъ.

И тогда Римуэльдъ сказалъ:

— Ты предательски нарушилъ законы гостепріимства.

Глаза Бувэра сверкнули молніей, и онъ судорожно заломилъ руки.

— Неправда!—отвѣтилъ онъ.

А Римуэльдъ торжественно продолжалъ:

— Ты сдѣлался доносчикомъ изъ-за денегъ, ты измѣнилъ своему имени и своимъ собратьямъ, ты далъ позоръ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, и старики пощадили тебя ради невинныхъ, которые были при тебѣ.

Бувэръ казался окаменѣвшимъ въ горестной неподвижности, въ то время какъ голосъ старика со спокойной торжественностью перечислялъ вины, обрекшія его на одиночество и превратившія его въ гнусную тварь въ глазахъ простыхъ людей, не измѣняющихъ своимъ стародавнимъ законамъ. И, однако, Бувэръ стоялъ передъ величавымъ собраніемъ, какъ человѣкъ, который безсознательно ищетъ выхода среди ужаса развалинъ, обрушенныхъ на него внезапной грозой.

Голова его поникла, сѣрые глаза прямо смотрѣли въ глаза судьи; но мускулы лица съ костями, рѣзко выступавшими изъ-подъ обтягивавшей изъ кожи, трепетали, и казалось, что на лицѣ этомъ еще сильнѣе сгустилась тѣнь сумрачнаго дня.

Нѣсколько времени царило молчаніе. Бувэръ рванулся заговорить, но голосъ вылетѣлъ изъ его груди какимъ-то нечеловѣческимъ воемъ. Нѣсколько стариковъ въ смущеніи и раздумьи опустили головы. Потомъ, съ той сжатой силой, которая вкладываетъ въ немногія слова всю душу человѣка, обвиняемый заговорилъ:

— Я пріютилъ Сурэля. Клянусь вамъ душами живыхъ моихъ дѣтей и душами моихъ умершихъ младенцевъ, и да падетъ на меня громъ Божій: я не предатель!

И такъ потрясающъ, такъ гордъ былъ онъ въ этомъ своемъ воплѣ, что никто не усумнился въ правдѣ его словъ. Когда правда проры-

вается, она непреодолима, она подобна смерчу, подобна силѣ бушующаго моря.

Среди воцарившагося послѣ его словъ молчанія одна женщина, которая слушала, скрывшись за кустами (такъ какъ женщины не имѣли права вмѣшиваться), приблизилась къ Римуэльду и сказала:

— Я хочу поговорить съ вами.

Старикъ отошелъ съ ней въ сторону, и когда черезъ минуту вернулся, то сказалъ Бувэру:

— Приди завтра въ долину Оливокъ, и тебѣ будетъ воздана справедливость.

И тогда, опустивъ свою гордую голову, Бувэръ заплакалъ и долго, долго плакалъ о своемъ горѣ.

На слѣдующій день въ долинѣ Оливокъ собралось все населеніе Санъ-Бенедетто; пришли всѣ жители лѣсовъ Амнекка и Альбійскихъ горъ. И въ сумеркахъ осенняго вечера произошло событіе, которому я былъ свидѣтелемъ.

Шестеро мужчинъ держали заряженныя ружья, и слова произносились тихимъ голосомъ.

Толпа была полна нервнаго ожиданія, и взоры всѣхъ внимательно оглядывали окрестную мѣстность.

Внезапно самые младшіе зашептали:

— Вотъ онъ! Вотъ онъ! Идетъ! На луговой тропинкѣ, повернулъ вправо, видите?

— Да, видимъ,—отвѣтили старики.

Воцарилось глубокое молчаніе, и только звонъ колоколовъ стада, пасшагося среди близкихъ къ небу тумановъ доносился изъ пустынной дали.

Человѣкъ подошелъ къ первымъ кучкамъ людей и, приближаясь, улыбался во всѣ стороны. Когда онъ миновалъ вооруженныхъ, раздался громкій, страшный возгласъ сотни голосовъ:

— Біару! Біару! Негодяй, смотри!

И въ то время, какъ онъ оборачивалъ свою уродливую голову съ косыми глазами, складывая въ улыбку губы, на которыхъ выступила пѣна, раздался залпъ шести ружей, которые уложили его на мѣстѣ.

Когда его глаза подернулись туманной тѣнью, подобно поверхности болотныхъ водъ, нѣсколько юношей приблизились, чтобы поднять его; но ихъ удержали раздавшіеся крики:

— Оставьте его! Земля не приметъ праха предателя.

И собравшіеся разошлись при блѣдномъ свѣтѣ сумерекъ по направленію къ уединеннымъ жилищамъ на высотахъ.

ТЕОДОРЪ РУЗВЕЛЬТЪ,

XXV ПРЕЗИДЕНТЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ одинъ американскій дипломатъ, только что вернувшійся изъ Европы, сказалъ въ собраніи студентовъ въ Нью-Іоркѣ: «Молодые люди! Многіе изъ васъ, вѣроятно, въ самомъ скоромъ времени выступятъ на политическое поприще и поэтому я обращаю ваше вниманіе на Теодора Рузвельта, который состоитъ теперь членомъ нашего законодательнаго собранія. Правда, онъ молодъ, ему только 25 лѣтъ, но онъ уже вступилъ на прямой путь къ успѣху. Конечно, это слишкомъ смѣло предсказывать будущее такому молодому человѣку, но если про кого-нибудь можно сказать, что онъ мчится на всѣхъ парахъ къ президентскому посту, такъ это именно про Теодора Рузвельта!»

Это удивительное предсказаніе сбылось 20-го сентября 1901 года, когда Теодоръ Рузвельтъ, послѣ смерти Макъ-Кинлея, впервые переступилъ порогъ Бѣлаго Дома въ Вашингтонѣ въ качествѣ президента великой сѣверо-американской республики.

Каждый публицистъ, писавшій послѣ того о Рузвельтѣ, непремѣнно считалъ своимъ долгомъ провозгласить, что это «типъ американца». Дѣйствительно, Рузвельтъ—типъ американца, но далеко не соотвѣтствуетъ тому представленію, которое составили себѣ въ Европѣ объ этомъ типѣ. Тамъ привыкли восхищаться, однако, не безъ примѣси нѣкотораго ужаса—мощнымъ теченіемъ промышленной и торговой жизни американцевъ, и слѣдовательно американецъ, въ глазахъ Европы, долженъ быть по преимуществу дѣльцомъ, промышленникомъ или коммерсантомъ. Но Рузвельтъ, стоящій теперь во главѣ могущественной практической націи, самъ никогда не занимался практическими дѣлами, никогда не заботился о томъ, чтобы нажить богатство или увеличить свое состояніе. И между тѣмъ онъ все-таки является типичнымъ американцемъ, воплощающимъ въ себѣ силу и мощь своей націи.

По своему происхожденію Теодоръ Рузвельтъ чистокровный янки, но тѣмъ не менѣе въ жилахъ его течетъ смѣшанная кровь всѣхъ тѣхъ народовъ, которые способствовали образованію американской расы, когда иммиграція, послѣ войны за независимость, принесла

Соединеннымъ Штатамъ милліоны людей разныхъ національностей. Эта иммиграція, конечно, поглотила бы первоначальныхъ колонистовъ, еслибъ не изумительная способность ассимиляціи, которою они обладали. Несмотря на свое меньшинство, эти коренные американцы «американизировали» пришельцевъ и уже въ третьемъ поколѣніи самые стойкіе элементы поддавались ихъ вліянію. Такому же ассимилирующему вліянію подверглась и семья Рузвельта, переселившаяся изъ Голландіи въ Америку въ очень давнія времена. Одинъ изъ біографовъ Рузвельта говоритъ, что своею положительностью, своею стойкостью и степенностью Рузвельтъ обязанъ примѣси голландской крови, Шотландіи онъ обязанъ своимъ остроуміямъ, Ирландіи своимъ боевымъ нравомъ и великодушіемъ, Франціи живостью своего ума, своимъ воображеніемъ и смѣлостью. И результатомъ этой смѣси явился человѣкъ въ высшей степени мужественный, оригинальный, искренній и вполнѣ уравновѣшенный.

Рузвельтъ принадлежитъ къ тому поколѣнію, для котораго гражданская война составляетъ лишь отдаленное и смутное воспоминаніе дѣтства. Онъ зналъ только объединенные Соединенные Штаты и слова «сѣверъ» и «югъ» были для него простыми географическими терминами, а не политическими классификаціями, и въ его глазахъ не существуетъ различія между сѣверянами и южанами, между національностями, населяющими Америку, а всѣ должны быть одинаково американцами. Онъ такъ резюмировалъ свою программу американизма нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «Настоящимъ американцемъ можетъ быть названъ только тотъ, кто самымъ энергичнымъ образомъ старается исправить несовершенства американцевъ и использовать какъ можно больше мудрость и опытность другихъ націй, въ особенности тѣхъ, которые ближе всего подходятъ къ американцамъ по крови, вѣрованіямъ, языку и законамъ». «Пусть наши сограждане во всемъ и всегда дѣйствуютъ какъ американцы,—говоритъ онъ дальше,—но пусть они будутъ просто «американцами» безъ всякихъ отличій и наименованій, не подраздѣляясь на американскихъ ирландцевъ, нѣмцевъ и коренныхъ американцевъ». Точно также онъ возстаетъ противъ подражанія европейцамъ и говоритъ: «Лучше во сто разъ быть первокласснымъ американцемъ, нежели посредственною копіей французовъ или англичанъ!»

Образцомъ такого «настоящаго американца» и является самъ Рузвельтъ, какъ въ своей дѣятельности, такъ и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Но, кромѣ того, онъ истый «сынъ Нью-Іорка», этого нѣкогда маленькаго голландскаго поселенія, превратившагося впослѣдствіи въ великій американскій городъ. Въ этомъ городѣ, въ которомъ предки Рузвельта поселились лѣтъ двѣсти тому назадъ, протекла почти вся жизнь Рузвельта. Онъ тамъ родился въ 1858 году, тамъ и воспитывался. Его отецъ былъ зажиточнымъ негоціантомъ, очень умнымъ,

веселымъ и крайне добрымъ человѣкомъ. По словамъ біографовъ, Теодоръ Рузвельтъ имѣетъ много общихъ чертъ со своимъ отцомъ, оказывавшимъ большое вліяніе на его воспитаніе и постоянно повторявшимъ ему, что «человѣкъ не имѣетъ права оставаться празднымъ», что на землѣ «нѣтъ мѣста для безполезныхъ существъ» и что человѣкъ, «который ничего не дѣлаетъ—самое презрѣнное существо». Благодаря такимъ отцовскимъ принципамъ, «Тедди» — такъ называли близкіе люди Рузвельта былъ пріученъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ къ самодѣятельности. Онъ росъ слабымъ и тщедушнымъ ребенкомъ, и такъ какъ не могъ принимать участія въ слишкомъ шумныхъ играхъ своихъ сверстниковъ, онъ и проводилъ вначалѣ бо́льшую часть времени за книгами, поглощая романы Майнъ-Рида, Ирвинга и Купера. Онъ мечталъ о геройскихъ подвигахъ и воображеніе его работало очень сильно. Но однажды, когда его самолюбіе было слишкомъ сильно задѣто насмѣшками товарищей, онъ твердо рѣшилъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ. Книги были отложены и онъ началъ усиленно заниматься гимнастикой, совершалъ огромныя прогулки пѣшкомъ, боролся и боксировалъ со своими товарищами и вообще всячески старался развивать свои физическія силы. Онъ сопровождалъ отца въ его охотничьихъ экскурсіяхъ и сдѣлался превосходнымъ наѣздникомъ. «Я самъ создалъ свое здоровье,—говорилъ онъ,—и употребилъ для этого всѣ средства, какія только могъ».

Отецъ Рузвельта умеръ въ тотъ самый годъ, когда Тедди поступилъ въ гарвардскій университетъ. Тамъ онъ скоро сталъ во главѣ литературнаго кружка и сдѣлался редакторомъ студенческаго журнала «Advocate». Но какъ ораторъ онъ совсѣмъ не выдѣлялся, да и въ наукахъ преуспѣвалъ не особенно. Однако, спустя два года по выходѣ изъ университета, т.-е. въ 1882 г, Рузвельтъ написалъ книгу «The Naval War of 1812» (Морская война 1812 г.), которая до сихъ поръ считается самымъ авторитетнымъ сочиненіемъ по исторіи флота Соединенныхъ Штатовъ, и въ 24 года сдѣлался членомъ законодательнаго собранія въ Нью-Іоркѣ и однимъ изъ наиболѣе популярныхъ ораторовъ республиканской партіи. Одинъ изъ его товарищей сказалъ про него тогда: «Рузвельтъ—это типъ человѣка, воспитаннаго гарвардскимъ университетомъ и созданный для того, чтобы сдѣлаться руководителемъ общественнаго мнѣнія. Трусость, низость, фальшивость совершенно ему неизвѣстны. Отважный и мужественный, необыкновенно стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ не способенъ прибѣгать ни къ какимъ уловкамъ и хитростямъ, чтобы достигнуть успѣха». Таковъ былъ отзывъ о немъ всѣхъ людей, близко знавшихъ его въ университетѣ.

Тотчасъ по выходѣ изъ университета Рузвельтъ отправился въ Европу. Онъ объѣздилъ Германію, Швейцарію и Италію и, записавшись въ члены англійскаго альпійскаго клуба, сдѣлалъ нѣсколько вос-

хожденій. Черезъ годъ онъ вернулся на родину и выступилъ на политическомъ поприщѣ, гдѣ сразу обратилъ на себя вниманіе, такъ какъ былъ однимъ изъ немногихъ американскихъ политическихъ дѣятелей, познакомившихся въ юности съ Европой и изучившихъ жизнь и идеи болѣе старой цивилизаціи. Къ тому же онъ зналъ европейскіе языки, что было также большимъ преимуществомъ, такъ какъ это давало ему возможность ближе ознакомиться съ континентальными взглядами и политикой и сообразоваться съ этимъ впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался руководителемъ внѣшнихъ американскихъ сношеній и американской политики.

Когда молодой Рузвельтъ вернулся изъ своего путешествія по Европѣ, то въ Нью-Іоркѣ ожидали, что онъ увлечется свѣтскою жизнью и развлеченіями, такъ какъ по своему рожденію и воспитанію онъ принадлежалъ къ лучшему кругу нью-іоркскаго общества. Въ Соединенныхъ Штатахъ аристократію составляютъ потомки первыхъ колонистовъ, семья же Рузвельта вела свое происхожденіе отъ первыхъ выходцевъ изъ Голландіи и поэтому Тедди считался принадлежащимъ къ свѣтскимъ кругамъ Нью-Іорка. Но блескъ и роскошь свѣтской жизни не прельщали его и онъ предпочиталъ тишину своего кабинета всякимъ шумнымъ развлеченіямъ, въ которыя его хотѣли вовлечь. Однако, то, чего не могло сдѣлать свѣтское общество, сдѣлала политика. Рузвельтъ бросилъ свои кабинетныя занятія и съ головою окунулся въ политическую борьбу. Республиканская партія, къ которой онъ примкнулъ, избрала его членомъ нью-іоркскаго законодательнаго собранія, гдѣ преобладали демократы, и Рузвельту, который былъ самымъ младшимъ изъ всѣхъ членовъ, пришлось руководить оппозиціей. Молодая жена Рузвельта (онъ женился въ 1882 г.) очень горячо поддерживала его въ его стремленіи избрать политическую карьеру, но она умерла какъ разъ въ то время, когда республиканская партія штата Нью-Іоркъ избрала ея мужа делегатомъ въ свой національный конвентъ. Это назначеніе вызвало зависть многихъ ветерановъ партіи, съ насмѣшкою говорившихъ, что «молодой Рузвельтъ теперь предприметъ преобразованіе вселенной», и всѣ ожидали, что Тедди быстрыми шагами направится къ высшимъ позиціямъ. Но всѣ ошиблись. Выполнивъ всѣ свои обязанности на конвентѣ, Рузвельтъ вдругъ объявилъ, что онъ отказывается отъ общественной жизни и намѣренъ исключительно посвятить себя воспитанію своей дочери Алисы, рожденіе которой стоило жизни ея матери.

На самомъ дѣлѣ, однако, рѣшеніе молодого Рузвельта удалиться съ политической арены было вызвано, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ не могъ примѣниться ни къ своимъ коллегамъ, ни къ нравамъ, господствовавшимъ въ политической жизни. Аргументація при помощи кулака, которая такъ часто пускается въ ходъ въ политическихъ собраніихъ въ Америкѣ, хотя и возмущала его, но все же не въ такой

степени, въ какой его возмущало взяточничество и подкупъ, составлявшіе настоящую язву американскаго управленія. Однажды онъ даже сказалъ группѣ финансистовъ, просившей у него поддержки въ коммиссіи своему проекту, что онъ готовъ сдѣлать все, что можетъ, такъ какъ находитъ представленный ими проектъ полезнымъ и для большинства гражданъ, но все же ставитъ своимъ условіемъ, чтобы финансисты не тратили больше ни одного цента на обезпеченіе голосованія проекта.

— Если хоть какая-нибудь сумма будетъ выдана вами для этой цѣли,—прибавилъ онъ,—то я немедленно же подаю въ отставку и буду ее мотивировать.

Конечно, члены коммиссіи очень были недовольны поведеніемъ Рузвельта. Но его стойкость и энергія сгруппировали около него нѣсколько молодыхъ, честныхъ энтузіастовъ, сдѣлавшихся, вмѣстѣ съ нимъ, защитниками и представителями народныхъ интересовъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ нью-іоркскомъ законодательномъ собраніи, сказанной противъ одного билля, онъ, между прочимъ, употребилъ такое выраженіе: «Я не могу поддерживать резолюцію, внесенную людьми, которыхъ я считаю принадлежащими къ классу, въ высшей степени опасному, къ *преступному классу богачей*!» Разумѣется, «преступники» этого класса не могли простить ему такихъ словъ и противъ него выступилъ «Тамани-Голлъ». Даже его собственная партія относилась къ нему не совсѣмъ доброжелательно. Ему не прощали его независимости и того, что онъ держался вдали отъ всякихъ политикановъ, кулуарныхъ маклеровъ и избирательныхъ агентовъ. Впрочемъ, Рузвельта это не смущало. Онъ продолжалъ возставать противъ злоупотребленій полиціи и настаивать на ея преобразованіи, а также на отмѣнѣ многихъ вредныхъ привилегій, существованіе которыхъ было выяснено коммиссіей, гдѣ онъ состоялъ членомъ. Но противниковъ и недоброжелателей у него все же было такъ много, что на выборахъ его провалили и это побудило его удалиться на время съ политической арены.

Рузвельтъ былъ страстнымъ охотникомъ. Тишина рабочаго кабинета не всегда удовлетворяла его и онъ зачастую испытывалъ страстное желаніе подышать воздухомъ прерій, пожить наединѣ съ природой, среди простой, безыскусственной обстановки и людей, привыкшихъ ко всякимъ опасностямъ и лишеніямъ и закаленныхъ въ борьбѣ со стихіями. Тогда эмиграціонный потокъ направлялся преимущественно къ западу, и Рузвельтъ былъ увлеченъ имъ. Онъ отправился на берега Миссури и могъ осуществить мечту своей юности—пожить жизнью героевъ Майнъ-Рида, которая такъ прельщала его всегда.

Онъ поселился въ ранчо, какъ и всѣ другіе фермеры и колонисты дальняго запада. Мѣстность, которую онъ выбралъ, была ему знакома, такъ какъ онъ раза два пріѣзжалъ туда охотиться во время лѣтнихъ вакацій. «Никогда въ жизни не былъ я болѣе счастливъ!» говорилъ

онъ, описывая свое времяпрепровожденіе и свою обстановку. Маленькій домикъ, построенный на берегу рѣки и окруженный прелестною рощею тополей, удовлетворялъ его потребностямъ уединенія. У него были книги, которыя замѣняли ему общество, а съ веранды своего дома ему случалось даже убивать оленя.

Онъ много писалъ, но много также ѣздилъ верхомъ и охотился. Иногда, когда у него являлась потребность видѣть людей, онъ отправлялся къ ковбоямъ (Cowboys), пастухамъ, которые вели жизнь полную опасностей, лишеній и непрерывнаго труда, странствуя со своими стадами по необозримымъ равнинамъ западныхъ прерій. Рузвельту нравилась ихъ отвага, находчивость, смѣлость. Правда, подъ вліяніемъ опьянѣнія, они могли совершать разныя безумства, и ссоры между ними не разъ кончались кровопролитіемъ, но въ обыкновенное время это были спокойные люди, умѣющіе владѣть собой, прямые и искренніе и подкупающіе своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Рузвельтъ очень привязался къ нимъ и часто участвовалъ съ ними въ общей охотѣ, которую они устраивали, чтобы раздобыть свѣжаго мяса, когда запасы приходили къ концу. Съ ними вмѣстѣ онъ велъ войну съ гремучими змѣями, столь опасными для стадъ и человѣка, и разыскивалъ сѣраго медвѣдя въ его логовищѣ. Не разъ случалось ему быть застигнутымъ ураганомъ — блиццардомъ,—въ преріяхъ и онъ помогалъ ковбоямъ успокаивать стада, напуганныя грозой. Ковбои отплачивали ему глубокою преданностью и готовы были идти за нимъ въ огонь и воду. Они доказали это, когда во время испано-американской войны онъ организовалъ изъ нихъ отрядъ «Rough Riders» (суровыхъ наѣздниковъ) и отправился съ ними на Кубу.

Живя съ ними, Рузвельтъ входилъ во всѣ ихъ интересы; онъ писалъ для нихъ письма, читалъ имъ книги и въ бесѣдахъ своихъ съ ними старался развивать этихъ людей природы. Въ общемъ, жизнь въ ранчо была однообразна и единственнымъ развлеченіемъ служило посѣщеніе какого-нибудь пограничнаго поселка для пополненія припасовъ и ежегодныя общія собранія всѣхъ скотоводовъ округа, которые пригоняли свои стада въ опредѣленное мѣсто и тамъ отбирали животныхъ, годныхъ для продажи, и накладывали клейма на молодыхъ животныхъ, составлявшихъ приплодъ этого года. Такія собранія всегда сопровождались шумными празднествами, причемъ выпивались неимовѣрныя количества отвратительнаго виски. Зимою ковбои волей-неволей должны были сидѣть въ своихъ ранчо, но предаваться праздности имъ было некогда. Они объѣзжали свои стада, осматривали, нѣтъ ли больныхъ животныхъ, достаточно ли запасовъ сѣна, и разыскивали заблудившихся въ окрестностяхъ животныхъ, а иногда устраивали погоню за конокрадами, которыхъ въ этой области водилось не мало. Въ одной такой погонѣ участвовалъ и Рузвельтъ, заступившійся за конокрада, съ которымъ хотѣли расправиться по суду Линча. Впослѣд-

ствіи одинъ изъ этихъ конокрадовъ, содержавшійся въ тюрьмѣ, обратился къ Рузвельту съ приглашеніемъ навѣстить его. «Я буду очень радъ повидаться съ вами,—сказалъ онъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ тюрьмѣ, я прочелъ много вашихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ, и онѣ меня очень заинтересовали».

Дѣйствительно, Рузвельтъ живя въ ранчо, не переставалъ заниматься литературой и написалъ цѣлый рядъ очерковъ о жизни ковбоевъ.

Такъ провелъ Рузвельтъ цѣлыхъ три года. Онъ собралъ много матеріала и задумалъ издать книгу о жизни въ ранчо, среди ковбоевъ, но для обработки этого матеріала ему нужна была литературная среда, которой онъ не могъ найти въ Дакота. Поэтому онъ рѣшилъ прервать свое одиночество, ликвидировалъ свои дѣла въ ранчо, продалъ свои стада и весною 1886 года отправился въ Англію. Тамъ онъ встрѣтился съ подругой своей сестры, миссъ Эдитъ, которую знавалъ дѣвочкой, и эта встрѣча рѣшила его судьбу. Въ этомъ же году миссъ Эдитъ сдѣлалась его женой.

Рузвельтъ не прерывалъ своихъ сношеній съ журнальнымъ міромъ во все время своего пребыванія въ Дакотѣ, статьи его, появлявшіяся отъ времени до времени въ журналахъ и газетахъ, всегда обращали на себя вниманіе и подготовляли его возвращеніе къ политической жизни. Когда онъ вернулся въ Нью-Іоркъ, то былъ немедленно выставленъ кандидатомъ республиканской партіи на выборахъ въ меры, причемъ его соперникомъ на этихъ выборахъ былъ, между прочимъ, извѣстный экономистъ Генри Джорджъ, кандидатъ союза труда. Потерпѣвъ пораженіе, Рузвельтъ на выступалъ на политической аренѣ до 1889 г., посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ и поѣздкамъ на западъ, въ преріи, которыя постоянно привлекали его. Но въ маѣ 1889 г., въ тотъ моментъ, когда онъ заканчивалъ второй томъ своей книги «Завоеваніе запада», президентъ Гаррисонъ назначилъ его въ комиссію реформы гражданской администраціи Нью-Іорка, въ которой онъ проработалъ до 1895 г., ведя энергичную борьбу противъ злоупотребленій всякаго рода и разлагающаго вліянія политикановъ. Его возмущала практикующаяся въ Соединенныхъ Штатахъ система увольненія всѣхъ должностныхъ лицъ, принадлежащихъ къ партіи, потерпѣвшей пораженіе на выборахъ, и замѣна ихъ тѣми, которые примыкаютъ къ партіи, одержавшей побѣду, причемъ ровно никакого вниманія не обращалось на способности кандидата, а только на его политическія воззрѣнія. Но въ огромномъ числѣ случаевъ даже политическія воззрѣнія не играли никакой роли, а принимались во вниманіе лишь тѣ услуги, которыя кандидатъ могъ оказать мѣстному предводителю (boss) или старшинѣ партіи. При такой системѣ на разныя административныя должности попадали люди совершенно невѣжественные, и Рузвельтъ не разъ бывалъ пораженъ отвѣтами нѣкоторыхъ кандидатовъ

на заданные имъ вопросы изъ національной исторіи. Такъ, напр., изъ сотни кандидатовъ на административныя должности, десять были увѣрены, что Линкольнъ былъ президентомъ южной конфедераціи. Такое же незнаніе обнаруживали они и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; географія и исторія ихъ собственнаго государства имъ были совсѣмъ неизвѣстны.

Въ маѣ 1895 года Рузвельтъ сдался наконецъ на повторныя просьбы и вступилъ въ коммиссію реорганизаціи нью-іоркской полиціи. Въ это время борьба съ всемогущей ассоціаціей «Таммани-Голлъ» разгорѣлась не на шутку. Меръ Нью-Іорка Стронгъ предпринялъ реформу всѣхъ отдѣловъ администраціи большого города. Ему удалось прекратить взяточничество и подкупъ, но городская полиція состояла исключительно изъ людей, преданныхъ «Таммани» и нуждалась въ реорганизаціи. Это и было поручено Рузвельту. Менѣе чѣмъ черезъ два года онъ уже справился со своею трудною задачей и водворилъ порядокъ въ городѣ, гдѣ до той поры полиція отличалась необычайною распущенностью и испорченностью. Статистика тотчасъ же указала на уменьшеніе пьянства и преступленій противъ личности, и популярность Рузвельта возросла. Добившись желаемаго относительно полиціи, Рузвельтъ вышелъ изъ коммиссіи и перешелъ въ морской департаментъ. Тамъ было для него много дѣла. Въ это время высшая администрація Соединенныхъ Штатовъ энергично работала надъ организаціей американскаго военнаго флота, и Рузвельтъ въ этомъ отношеніи могъ быть очень полезенъ. Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ статей, написанныхъ послѣ испано-американской войны, Рузвельтъ говоритъ: «Приготовленія, которыя сдѣлали возможною побѣду адмирала Дьюэя, начались ровно за 15 лѣтъ до того дня, когда онъ на всѣхъ парахъ вошелъ въ Манильскую бухту». Ни армія, ни флотъ не создаются сразу, а требуютъ долгой подготовительной работы. Такая работа производилась въ морскомъ департаментѣ, когда въ него вступилъ Рузвельтъ. Онъ былъ извѣстенъ уже какъ авторъ исторіи американскаго флота, но флотъ 1812 года, описанный имъ, не былъ похожъ на флотъ 1897 года, и ему пришлось, прежде всего, заняться изученіемъ требованій и нуждъ современнаго флота. Съ этою цѣлью онъ погрузился въ чтеніе морскихъ техническихъ сочиненій англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль почти не выходилъ изъ кабинета. Онъ не очень довѣрялъ отчетамъ на бумагѣ, зная, что многіе изъ судовъ, числящихся въ оффиціальныхъ документахъ, никуда не годятся, и горячо настаивалъ на полной реорганизаціи флота, на введеніи новыхъ порядковъ въ морскомъ вѣдомствѣ, такъ какъ Соединенные Штаты должны быть готовы къ морской войнѣ. «Почему васъ такъ озабочиваетъ мысль о войнѣ?» спросилъ его одинъ изъ его близкихъ пріятелей, журналистъ Ріисъ, авторъ книги «Какъ живетъ другая половина». Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до взрыва въ Гаванскомъ

порту. «Почему? —воскликнулъ Рузвельтъ. —Да потому, что менѣе чѣмъ черезъ годъ мы будемъ вынуждены воевать съ Испаніей».

Мысль объ этой войнѣ представляла нѣчто вродѣ idée fixe, отъ которой Рузвельтъ не могъ отдѣлаться, и онъ торопилъ съ реорганизаціей флота, сооруженіемъ новыхъ и исправленіемъ старыхъ судовъ. Онъ съ пользою употребилъ періодъ мира, и, когда вспыхнула война, все было готово, склады полны припасами и углемъ, и адмиралу Дьюэю оставалось только, по прибытіи въ Гонконгъ, нагрузить уголь и аммуницію, которая была тамъ приготовлена, и отправиться въ Кавитэ, чтобы уничтожить испанскій флотъ.

Рузвельтъ имѣлъ право гордиться результатами своей дѣятельности: американскій флотъ оказался на высотѣ своей задачи.

«Быть готовымъ къ войнѣ—это лучшій способъ избѣгать ее», говорилъ онъ, резюмируя свою политическую программу. Онъ доказывалъ, что милитаризмъ не страшенъ для такой торговой и промышленной страны, какъ Соединенные Штаты. Въ странѣ купцовъ, фабрикантовъ, фермеровъ и механиковъ развитіе воинственнаго духа не можетъ представлять опасности; наоборотъ, опасностью является неподготовленность къ войнѣ, такъ какъ сознаніе этой неподготовленности дѣлаетъ людей слабыми и трусливыми. Въ одной изъ своихъ статей Рузвельтъ между прочимъ, доказываетъ, что заботливость европейскихъ правителей и государственныхъ дѣятелей сохранить во что бы то ни стало миръ позволила туркамъ безнаказанно избивать армянъ съ ужасающей жестокостью и варварствомъ. Войны избѣжали, но цѣною какихъ потоковъ крови, бѣдствій и страданій невинныхъ женщинъ и дѣтей! По мнѣнію Рузвельта, бываютъ такія условія, когда избѣганіе войны представляетъ, пожалуй, еще худшее преступленіе, нежели сама война. Испано-американскую войну онъ считалъ неизбѣжной и давно ее предвидѣлъ. Онъ доказывалъ, что это была «борьба за право» и «историческое возмездіе», постигшее Испанію. Именно потомки богобоязненныхъ и доблестныхъ голландцевъ, «перенесшихъ всѣ ужасы правленія Альзы и испанской инквизиціи, должны были играть выдающуюся роль въ той кампаніи, которая низвела Испанію на уровень четвертостепенной державы». Во всякомъ случаѣ Испанія получила должное, но, разумѣется, не эти соображенія объ «историческомъ возмездіи» руководили Рузвельтомъ, когда онъ приготовлялся къ войнѣ. Онъ всегда былъ яркимъ выразителемъ доктрины Монроэ, но въ ея измѣненномъ и расширенномъ видѣ. Эта доктрина вначалѣ носила чисто консервативный характеръ. Ея основатель ничего иного не имѣлъ въ виду, кромѣ системы равновѣсія и невмѣшательства. Европа не должна была вмѣшиваться въ дѣла Соединенныхъ Штатовъ, также какъ и Соединенные Штаты не должны вмѣшиваться въ европейскія дѣла и даже въ международную политику. Но за три четверти вѣка, подъ вліяніемъ новыхъ условій, эта доктрина пріобрѣла агрессивный харак-

теръ и сдѣлалась выразительницею притязаній Соединенныхъ Штатовъ на все пространство своего полушарія. «Истинный американецъ долженъ почитать только одинъ флагъ—звѣздный, говоритъ Рузвельтъ.— Каждый истинный американскій патріотъ, каждый истинный государственный дѣятель долженъ устремлять свои взоры къ будущему, когда ни одна европейская держава не будетъ владѣть ни одною пядью земли на американской территоріи».

Въ этихъ словахъ заключается политическое credo Рузвельта. Война безцѣльная, безсмысленная не находитъ въ немъ защитника. Только такая война имѣетъ свое оправданіе, замѣтилъ онъ въ одномъ разговорѣ, которая нужна государству или для его укрѣпленія, или для защиты его правъ, или же какъ заступничество за попранныя права. Конечно, онъ не остался сидѣть въ морскомъ департаментѣ, когда вспыхнула война, тотчасъ же вышелъ въ отставку и отправился на западъ, чтобы организовать тамъ изъ ковбоевъ отрядъ наѣздниковъ волонтеровъ. Онъ снарядилъ цѣлый полкъ, единственный въ своемъ родѣ, потому что онъ состоялъ изъ очень смѣшанныхъ элементовъ. Воспитанники гарвардской и др. коллегій, молодые люди, принадлежащіе къ зажиточнымъ и богатымъ семьямъ юго-западныхъ штатовъ занимали въ немъ мѣста на ряду съ ковбоями, метисами и индѣйцами чистѣйшей расы. Но этотъ сборный полкъ продѣлалъ чудеса храбрости, наѣздники Рузвельта покрыли себя славой и — главное — создали легенду около имени Рузвельта. Когда онъ вернулся на родину, то уже не было ни одного самаго отдаленнаго уголка по всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ бы его имя не было извѣстно. Еще въ его отсутствіе началась агитація въ пользу его избранія губернаторомъ штата Нью-Іоркъ, и, несмотря на ожесточенную оппозицію «Тамани-Голла» Рузвельтъ одержалъ побѣду большинствомъ 18.000 голосовъ.

Постъ губернатора въ родномъ штатѣ отвѣчалъ всѣмъ планамъ и желаніямъ Рузвельта. Онъ намѣтилъ цѣлый рядъ реформъ, которыя намѣревался провести, и никто, зная его энергію, не сомнѣвался, что онъ доведетъ дѣло до конца. Но онъ мѣшалъ многимъ, желавшимъ отъ него избавиться. Нужно было только придумать благовидный способъ, и этотъ способъ былъ найденъ; его сдѣлали вице-президентомъ.

Рузвельтъ, всецѣло поглощенный своими реформами въ администраціи штата Нью-Іоркъ, не помышлялъ ни о какой кандидатурѣ и, конечно, отказался бы наотрѣзъ, еслибъ она была ему предложена. Но онъ самъ, безсознательно, выставилъ ее, согласившись быть ораторомъ партій на республиканскомъ конвентѣ и поддерживать кандидатуру Макъ-Кинлея на постъ президента въ 1899 году. Онъ говорилъ съ тѣмъ неотразимымъ и пылкимъ краснорѣчіемъ, которое всегда увлекаетъ толпу, и все собраніе делегатовъ республиканской партіи

единогласно привѣтствовало его, какъ своего кандидата на постъ вице-президента, связывая его имя съ именемъ Макъ-Кинлея. «Тедди Рузвельтъ! Тедди Рузвельтъ!» кричали всѣ, какъ бѣсноватые, требуя, чтобы тотчасъ же было приступлено къ голосованію, и Рузвельтъ вмѣстѣ съ Макъ-Кинлеемъ были объявлены кандидатами партій. Вечеромъ Филадельфія, гдѣ происходилъ конвентъ, была иллюминована и былъ устроенъ рядъ празднествъ, которыя должны были ознаменовать рѣшеніе делегатовъ. Послѣ того Рузвельту пришлось объѣхать 97 городовъ, кромѣ штата Нью-Іоркъ, и вездѣ говорить рѣчи для поддержанія кандидатуры Макъ-Кинлея. Чтобы судить о гигантской затратѣ силъ, которая нужна была, чтобы довести до конца эту кампанію, достаточно привести слѣдующія данныя: отъѣздъ Рузвельта изъ Нью-Іорка состоялся 22-го октября, возвращеніе—2-го ноября. Въ этотъ промежутокъ времени онъ сто разъ останавливался на различныхъ станціяхъ для пріема делегацій и произнесенія рѣчей, причемъ маршрутъ путешествія Рузвельта былъ составленъ такимъ образомъ, что онъ могъ войти въ сношенія, по крайней мѣрѣ, съ половиною населенія Соединенныхъ Штатовъ.

Организація избирательнаго поѣзда въ Соединенныхъ Штатахъ носитъ почти научный характеръ. Тутъ все тщательно взвѣшивается и время распредѣляется строжайшимъ образомъ. Рузвельту приходилось произносить въ среднемъ до четырнадцати рѣчей въ день, и аудиторія слушавшая его, колебалась обыкновенно между пятью и десятью тысячами человѣкъ; иногда же прямо несмѣтная толпа сбѣгалась къ поѣзду. Продолжительность остановокъ на станіяхъ была отъ 15 минутъ до 2 часовъ; если же Рузвельтъ останавливался на цѣлый день или даже больше въ какомъ-нибудь небольшомъ городѣ, то онъ долженъ былъ не только произносить рѣчи, но и смотрѣть на факельцуги, устраиваемые въ честь его, и отвѣчать на всѣ приглашенія, иначе онъ могъ нажить себѣ враговъ. Надо было обладать поистинѣ желѣзнымъ здоровьемъ, чтобы выдержать такое испытаніе.

На одной изъ остановокъ на промежуточной станціи избирательный поѣздъ Рузвельта повстрѣчался съ избирательнымъ поѣздомъ демократическаго кандидата Брайяна. Оба соперника въ политикѣ въ частной жизни были пріятелями. Когда локомотивы обоихъ поѣздовъ остановились, чтобы набрать воды, Брайянъ и Рузвельтъ, стоявшіе на тормазѣ, увидѣли другъ друга.

— Галло, Билли!—закричалъ Рузвельтъ.

— Галло, Тедди!—отвѣтилъ Брайянъ.

Оба противника пожали другъ другу руки.

— Ну что, Тедди, какъ твой голосъ послѣ стольких рѣчей?—спросилъ Брайянъ.

— О, мой голосъ такъ же грубъ, какъ демократическая платформа!—отвѣтилъ Рузвельтъ.

— Ну, а мой,—возразилъ Брайянъ,—такъ же разбитъ, какъ всѣ республиканскія обѣщанія.

Этотъ обмѣнъ любезностей вызвалъ взрывъ чистосердечнаго хохота съ обѣихъ сторонъ. Черезъ нѣсколько минутъ противники разстались, обмѣнявшись крѣпкимъ рукопожатіемъ, и поѣзда ихъ помчались въ противоположныя стороны.

Но самая ожесточенная борьба происходила въ штатѣ Нью-Іоркъ. Тамъ Рузвельту пришлось произнести больше сорока рѣчей и посѣтить 200 городовъ. Глава «Тамани-Голла» Крукеръ поклялся, что онъ не допуститъ его побѣдить на выборахъ. Вся «желтая пресса» была поставлена на ноги противъ Рузвельта.

Видъ Нью-Іорка былъ очень оригиналенъ въ этотъ періодъ. На всѣхъ главныхъ улицахъ растянуты были громадныя знамена съ различными надписями и красовались щиты. Вечеромъ на темномъ фонѣ небесъ появлялись свѣтовыя надписи или же летучіе змѣи съ такими же свѣтящимися изреченіями и воззваніями; утромъ, послѣ обѣда и вечеромъ устраивались чудовищные, по своему многолюдству, митинги, на которыхъ рѣзкіе звуки инструментовъ чередовались съ рѣчами, произносимыми такими же рѣзкими и грубыми голосами.

Всю Сѣверную Америку охватила лихорадка. Друзья и совершенно незнакомые люди, встрѣчаясь въ поѣздахъ, на улицахъ, въ кафе, обмѣнивались своими впечатлѣніями, и каждый высказывалъ абсолютную увѣренность въ побѣдѣ своего кандидата, газеты же, смотря по принадлежности къ той или другой партіи, предсказывали то побѣду, то пораженіе Макъ-Кинлея или Брайяна. «Journal» и «World» самымъ язвительнымъ образомъ насмѣхались надъ «бѣднягою Макъ-Кинлеемъ, который все еще воображаетъ, что онъ имѣетъ какіе-то шансы!» А «Presse» и «Times» сокрушались надъ «бѣднягой Брайяномъ, который долженъ потерпѣть пораженіе на выборахъ, несмотря на свои неимовѣрныя старанія». Но избраніе Макъ-Кинлея было обезпечено, главнымъ образомъ, благодаря Рузвельту, который воспользовался для этого своею громадною популярностью, пріобрѣтенною имъ во время войны на Кубѣ, и приверженностью республиканской партіи. Ни для кого не было тайной, что Макъ-Кинлей разсчитывалъ на Рузвельта, какъ на вице-президента, и намѣренъ былъ сдѣлать его своимъ ближайшимъ совѣтникомъ и помощникомъ. Всѣмъ было также извѣстно, что никогда еще ни одинъ вице-президентъ не былъ конкуррентомъ на президентскихъ выборахъ. Рузвельтъ былъ неудобенъ для многихъ въ партіи, и это было лучшимъ средствомъ устранить и навсегда закрыть ему дорогу къ президентству. Но случай рѣшилъ иначе. Макъ-Кинлей былъ опасно раненъ 6-го сентября 1901 года, во время посѣщенія выставки въ Буффало, и черезъ недѣлю скончался.

Рузвельтъ охотился съ своими друзьями въ преріяхъ, когда по-

лучилъ извѣстіе, что Макъ-Кинлей умираетъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ Буффало, но не засталъ президента въ живыхъ. По закону онъ долженъ былъ немедленно занять мѣсто, которое не могло оставаться вакантнымъ, и выполнять функціи президента впредь до истеченія срока избранія.

Когда Рузвельтъ, котораго считали навсегда устраненнымъ отъ этого поста, вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, то у огромнаго большинства въ Соединенныхъ Штатахъ возникли серьезныя опасенія, какъ бы этотъ президентъ, самый молодой изъ всѣхъ прежнихъ президентовъ, герой испано-американской кампаніи, не вздумалъ втянуть республику въ какое-нибудь рискованное предпріятіе. Война съ Испаніей возвысила Соединенные Штаты на степень великой державы и, кромѣ того, американская республика проявила себя внезапно, не только въ качествѣ экономическаго фактора, который, быть можетъ, въ будущемъ получитъ преобладающее значеніе, но и показала Европѣ, какъ ловко она умѣетъ пользоваться своими гигантскими рессурсами въ людяхъ и деньгахъ. Новое положеніе, созданное этимъ, могло соблазнить президента, жаждущаго военной славы и всемірнаго значенія для государства. У Рузвельта находили даже нѣкоторыя черты сходства съ Вильгельмомъ II и всѣ ему приписывали стремленія къ завоеванію, къ расширенію границъ, имперіалистскія мечтанія и т. д. Казалось, всѣ помнили только одно: что онъ командовалъ полкомъ на Кубѣ, и совершенно игнорировали его предшествующую мирную дѣятельность, его кабинетныя занятія и литературныя работы, все то, чѣмъ онъ занимался всю жизнь, передъ тѣмъ какъ сдѣлаться командиромъ полка.

Рузвельтъ отлично понималъ тревожное настроеніе страны, и его первыя дѣйствія имѣли цѣлью успокоить умы въ этомъ отношеніи. Члены его кабинета поняли также, что вмѣстѣ съ новымъ главой воцарился и новый духъ въ администраціи. Всегда и во всемъ онъ высказывалъ полную независимость сужденія, несокрушимую энергію, хладнокровіе и смѣлость. Его возвышеніе явилось сигналомъ къ реформамъ, и всѣ его первоначальныя мѣропріятія получили народное одобреніе. Но зато въ политическомъ мірѣ онъ не имѣлъ такого успѣха. Все, что въ республиканской партіи принадлежало къ административной машинѣ, стало недовольно Рузвельтомъ, который нарушалъ прерогативы немногихъ въ своихъ стремленіяхъ удовлетворить большинство гражданъ. Особенно сенатъ былъ недоволенъ Рузвельтомъ, такъ какъ видѣлъ въ разныхъ затѣянныхъ имъ реформахъ посягательство на права членовъ сената. Не нравилось, что при различныхъ назначеніяхъ на административныя должности Рузвельтъ вовсе не отдавалъ предпочтенія кандидатамъ сената, а старался все-таки удостовѣриться въ достоинствахъ и способности этихъ кандидатовъ. Заставить Рузвельта поступить наперекоръ своимъ убѣжденіямъ было

совершенно невозможно, но теперь отдѣлаться отъ него уже было нельзя и волей-неволей приходилось ждать новыхъ выборовъ.

Были употреблены всѣ усилія, чтобы побудить Рузвельта отказаться отъ кандидатуры и поддерживать кандидатуру сенатора Ханна на предстоящихъ выборахъ. Его старались убѣдить, между прочимъ, въ томъ, что ему неудобно выступать кандидатомъ въ виду подозрѣній, существующихъ на его счетъ, что онъ преслѣдуетъ личную политику. Ему говорили, что, при такихъ условіяхъ, ему лучше не рисковать и воздержаться.

— Воздержаться отъ кандидатуры?—возразилъ Рузвельтъ на это.— Но почему? Я былъ кандидатомъ еще при жизни Макъ-Кинлея. Теперь я больше не кандидатъ, я президентъ и я бы не исполнилъ своего долга, какъ президентъ, еслибъ не сдѣлалъ того, что всѣ ждутъ отъ меня, и не выставилъ бы своей кандидатуры.

Передъ Рузвельтомъ, какъ только онъ занялъ президентское кресло, встали два главныхъ вопроса американской жизни: тресты и расовый вопросъ. Могущественные промышленные синдикаты, сосредоточивающіе въ своихъ рукахъ огромные капиталы, не пользуются, однако, популярностью въ Соединенныхъ Штатахъ и возбуждаютъ неудовольствіе и страхъ. Республиканцы и демократы одинаково мечутъ громы противъ нихъ и соперничаютъ на выборахъ въ обѣщаніяхъ нанести имъ рѣшительный ударъ и уничтожить ихъ. Макъ-Кинлей въ своемъ президентскомъ посланіи также заявилъ, что его партія всегда была противъ капиталистическихъ коалицій, организовавшихся въ тресты или пытавшихся, при помощи другихъ средствъ, руководить промышленностью страны. Тѣмъ не менѣе онъ все же ввелъ такое таможенное законодательство, которое покровительствовало трестамъ. Даже война съ Испаніей имѣла въ виду, главнымъ образомъ, интересы могущественной клики капиталистовъ. И Рузвельтъ, точно также какъ Макъ-Кинлей, объявилъ, что сократитъ тресты, но скоро смирился. Ему волей-неволей приходится считаться съ ними. Въ рядахъ республиканской партіи находится много крупныхъ промышленниковъ и капиталистовъ милліардёровъ, которые заставляютъ его принимать во вниманіе ихъ интересы и дѣлать различіе между хорошими и дурными трестами, между трестами законными, хорошо администрируемыми, и тиранническими, мошенническими комбинаціями съ цѣлью ажіотажа. Въ своемъ президентскомъ посланіи онъ высказался о трестахъ въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ. «Ассоціаціи и въ особенности группы ассоціацій,—говоритъ онъ,—должны быть подчинены общественной власти и контролю націи. Мы не стараемся ихъ уничтожить; наоборотъ, эти ассоціаціи являются результатомъ неизбѣжной эволюціи современной промышленности, и всѣ усилія уничтожить ихъ будутъ тщетны, если только мы не прибѣгнемъ къ такимъ средствамъ, которыя принесутъ скорѣе вредъ, нежели пользу, всему соціальному орга-

низму... Мы преслѣдуемъ только злоупотребленія, а никакъ не капиталъ».

Но система трёстовъ вызвала въ Америкѣ неизвѣстную доселѣ Новому Свѣту классовую борьбу. Благодаря сосредоточенію капиталовъ и средствъ производства, борьба труда и капитала принимаетъ въ этой странѣ такіе грандіозные размѣры и отличается такою остротой, что легко можетъ породить междуусобную войну, кромѣ того осложненную расовою борьбой. Это, между прочимъ, высказалъ и покойный сенаторъ Маркъ Ханна, глава республиканской партіи и самый видный и опасный соперникъ Рузвельта на президентскихъ выборахъ. «Вы, господа,—сказалъ онъ, обращаясь къ финансистамъ,—хорошо сдѣлаете, если подготовитесь къ рѣшительной борьбѣ, ибо все предвѣщаетъ, что одна изъ самыхъ страшныхъ катастрофъ, какую когда-либо видѣлъ міръ, вскорѣ разразится надъ Соединенными Штатами... Рабочіе недовольны своею участью. Положеніе дѣлъ далеко не окрашено въ розовый цвѣтъ, и я вижу, какъ на горизонтѣ скопляются грозовыя тучи. Рабочіе быстро пропитываются революціоннымъ духомъ, распространяемымъ среди нихъ соціалистами, сѣющими сѣмена своей пропаганды по всей странѣ. Эти сѣмена принесутъ плоды, и мы, капиталисты, не должны терять изъ виду факты, предвѣщающіе грозу... Я обращаю ваше вниманіе на эти многознаменательные факты и приглашаю васъ принять всѣ зависящія отъ васъ мѣры, чтобы задержать это движеніе, которое, по моему твердому убѣжденію, приведетъ къ соціальной революціи, если мы будемъ продолжать вести себя такъ, какъ вели до сихъ поръ!»

Откровенныя рѣчи Марка Ханны, конечно, не понравились капиталистамъ, и его обвинили въ томъ, что онъ раздулъ факты и сгустилъ краски ради политическихъ цѣлей. Рузвельта въ такомъ сгущеніи красокъ обвинить было нельзя. Въ своемъ первомъ президентскомъ собраніи отъ 2-го декабря 1902 г. онъ сказалъ, что нельзя примѣнять никакихъ суровыхъ правилъ въ томъ пунктѣ, гдѣ должно останавливаться вмѣшательство всякаго законодательства между людьми и между ихъ противоположными интересами. Но указывая границы вмѣшательства закона, Рузвельтъ въ то же время считаетъ безусловно необходимымъ учрежденіе строжайшаго контроля надъ дѣйствіями капитала и такое законодательство, которое оказывало бы покровительство рабочимъ. Поэтому онъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминаетъ трестамъ о законахъ, которымъ они должны подчиняться, и возбуждаетъ противъ нихъ судебные процессы, но такая политика относительно трестовъ, заключенная въ рамки репрессій, примѣняемыхъ только къ извѣстнымъ фактамъ, вполнѣ отвѣчаетъ взглядамъ республиканской партіи, въ рядахъ которой находится много дѣятелей трестовъ. Было бы, слѣдовательно, заблужденіемъ расчитывать,

что Рузвельтъ встанетъ во главѣ крестоваго похода противъ трестовъ и заявитъ себя такимъ же систематическимъ и непримиримымъ противникомъ ихъ, какимъ выказываетъ себя при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ его соперникъ, кандидатъ демократической партіи Брайянъ, но Рузвельту придется все-таки занять въ недалекомъ будущемъ болѣе опредѣленное положеніе въ этомъ вопросѣ. Организація труда и капитала въ двѣ враждебныя другъ другу силы является угрожающимъ симптомомъ американской жизни. Благодаря трестамъ, соціализмъ, долгое время остававшійся чуждымъ, привился на американской почвѣ и пріобрѣлъ характерный отпечатокъ. По мѣрѣ того, какъ возрастало число милліонныхъ финансовыхъ синдикатовъ, увеличивалось и число соціалистовъ. Слѣдующая таблица наглядно указываетъ ростъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ.

Число голосовъ, поданныхъ за соціалисткихъ кандидатовъ на важнѣйшихъ выборахъ:

въ 1888 году	2.068
» 1892 »	21.512
» 1894 »	30.120
» 1895 »	34.869
» 1896 »	36.275
» 1897 »	55.550
» 1898 »	82.204
» 1900 »	98:424
» 1902 »	225.903
» 1904 »	600.000

«Организаторы трестовъ работаютъ намъ въ руку,—сказалъ недавно одинъ изъ соціалистскихъ кандидатовъ на постъ губернатора Массачусетса.—Чѣмъ они становятся могущественнѣе, тѣмъ вѣрнѣе наша побѣда и окончательное торжество нашей программы».

Дѣйствительно, финансисты трёстовъ были лучшими пропагандистами соціалистской доктрины. До того соціализмъ для массы американскихъ рабочихъ оставался мертвою буквой. «Въ Америкѣ нѣтъ классовъ,—говорили они.—Права всѣхъ равны и каждый изъ насъ можетъ сдѣлаться собственникомъ, капиталистомъ, президентомъ республики». Мало-по-малу, однако, тяжкій гнетъ централизаціи заставилъ ихъ оглянуться и понять истинное положеніе вещей. Первымъ результатомъ этого проясненія сознанія рабочихъ было то, что американскіе трэдъ-юніоны Соединенныхъ Штатовъ, до сихъ поръ поддерживавшіе только экономическую борьбу и предоставлявшіе своимъ членамъ вотировать за капиталистовъ, принадлежащихъ къ республиканской или демократической партіи, теперь проникились новымъ духомъ и запретили своимъ членамъ поступать въ милицію, все болѣе и болѣе проникаясь

сознаніемъ, что одной экономической борьбы мало и безусловно необходима политическая борьба.

Рузвельту, такимъ образомъ, приходится имѣть дѣло съ очень сложнымъ и запутаннымъ вопросомъ капитала и труда, и его собственное отношеніе къ этому вопросу еще не вполнѣ ясно. Въ своихъ прежнихъ статьяхъ онъ высказывался вполнѣ опредѣленнымъ врагомъ соціализма, но это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда классовая борьба еще только намѣчалась. Теперь силою вещей Рузвельтъ, быть можетъ, будетъ вынужденъ занять позицію, которую онъ не имѣлъ въ виду и во всякомъ случаѣ ему придется стать рѣзко и опредѣленно на ту или другую сторону.

Зато въ расовомъ вопросѣ, который также волнуетъ общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ, Рузвельтъ занимаетъ вполнѣ опредѣленное положеніе. Онъ ясно высказался, что цвѣтъ кожи не долженъ служить препятствіемъ къ занятію административныхъ должностей и не долженъ оказывать никакого вліянія ни на политику, ни на администрацію. Какія-либо ограниченія въ этомъ отношеніи онъ считаетъ глубоко несправедливыми, настаивая на полномъ равенствѣ расъ передъ закономъ. Свои взгляды онъ не замедлилъ подтвердить дѣйствіями, возбудивъ сильнѣйшую бурю негодованія противъ себя, когда, сдѣлавшись президентомъ, пригласилъ къ своему столу знаменитаго негра Букера Вашингтона.

Появленіе негра въ Бѣломъ Домѣ произвело сенсацію. Объ этомъ заговорили вездѣ, а печать южныхъ штатовъ съ яростью обрушилась еа Рузвельта. Послѣдній ожидалъ этого взрыва, и хотя друзья его говорили ему, что онъ ставитъ на карту свою кандидатуру, но это гно не испугало; онъ зналъ, что только смѣлость можетъ успѣшно бороться съ предразсудкомъ и побѣждать его.

На Рузвельта посыпались всевозможныя оскорбленія за такое вопіющее нарушеніе традиціи Бѣлаго Дома. Какой-то молодой человѣкъ изъ Ричмонда прислалъ ему открытое письмо со слѣдующими словами: «Тедди! Ты бѣлъ снаружи, но черенъ внутри и въ сущности ты негръ, но только обтянутый бѣлою кожей». Другія письма и почтовыя карточки, получаемыя имъ, были наполнены подчасъ самыми площадными ругательствами. Большинство было анонимнаго характера. Слѣдствіе, однако, открыло автора одного изъ самыхъ ругательныхъ писемъ. Это оказался нѣмецкій иммигрантъ, который и былъ арестованъ и привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Въ нѣкоторыхъ городахъ портретъ Рузвельта былъ преданъ торжественному сожженію и были устроены митинги протеста. И все это оттого только, что онъ пригласилъ пообѣдать съ собою негра!

Между тѣмъ, Рузвельтъ гораздо раньше, и въ своихъ статьяхъ и во всѣхъ своихъ поступкахъ, выказывалъ себя сторонникомъ полнаго

гражданскаго равноправія негровъ. Когда онъ былъ губернаторомъ штата Нью-Іоркъ, ему не разъ приходилось возставать противъ несправедливаго отношенія къ неграмъ и брать ихъ подъ свою защиту. Однажды какой-то негръ, пѣвецъ, пріѣхалъ, чтобы дать концертъ въ театрѣ Албани, но ни одна хорошая гостинница въ Нью-Іоркѣ не впустила его переночевать. Хозяева отказывались подъ разными предлогами, и бѣдный артистъ очутился въ очень затруднительномъ положеніи. По счастью объ этомъ узналъ Рузвельтъ. Онъ посадилъ его въ свой экипажъ и отвезъ ночевать въ губернаторскій дворецъ. И тогда его поступокъ вызвалъ толки и негодованіе въ нѣкоторыхъ кругахъ, но все же онъ еще не былъ президентомъ и нарушеніе традицій не играло такой роли.

Однако, Рузвельтъ не остановился на этомъ. Онъ назначилъ одного негра, бывшаго воспитанника гарвардской коллегіи и директора школы, судьей въ федеральный округъ Колумбіи, и этимъ подтвердилъ свое стремленіе разрѣшить расовый вопросъ въ духѣ справедливости и законности. Много разъ онъ писалъ объ этомъ и много разъ говорилъ, доказывая необходимость позаботиться объ улучшеніи участи чернокожихъ. «Рабство можно было уничтожить путемъ законодательства, — пишетъ онъ въ одной статьѣ, -- и только законодательство могло уничтожить эту несправедливость. Негры были освобождены, но этого мало. Во многихъ областяхъ съ неграми обращаются вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ, и въ особенности съ политической точки зрѣнія они становятся жертвою обмановъ, возбуждающихъ не только негодованіе, но и сильный гнѣвъ. И теперь негръ основываетъ свою надежду не столько на законодательствѣ, сколько на не прекращающемся дѣйствіи зачастую невидимыхъ пружинъ національной жизни, болѣе могущественныхъ, чѣмъ всякое законодательство».

Друзья и сторонники Рузвельта очень опасались, что его отношеніе къ неграмъ и расовому вопросу явится причиною его провала на президентскихъ выборахъ. Но опасенія эти не оправдались, и, очевидно, смѣлость Рузвельта по отношенію къ укоренившемуся расовому предразсудку принесла свои плоды.

Европейская печать относится къ Рузвельту съ большимъ интересомъ, но его имперіализмъ возбуждаетъ опасенія, несмотря на то,что онъ нѣсколько разъ заявилъ себя сторонникомъ мира и въ Вашингтонѣ цѣлыми дюжинами заключаютъ третейскіе договоры. Кромѣ того, передъ самыми выборами онъ выразилъ желаніе созвать новую гаагскую конференцію и послѣ выборовъ началъ объ этомъ переговоры. Однако, это не успокаиваетъ Европу, и нѣмецкія газеты въ особенности подчеркиваютъ противорѣчіе, заключающееся въ миролюбивыхъ заявленіяхъ президента и его требованіяхъ увеличенія флота.

Рузвельтъ лучше всего выясняется въ его публицистическихъ статьяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы подъ общимъ заглавіемъ «American Ideals» (Американскіе идеалы), и въ нихъ-то рѣзче всего высказывается та смѣлая увѣренность, которая вообще характеризуетъ всѣ его рѣчи и поступки. Онъ, не колеблясь, высказываетъ свои сужденія и, повидимому, ни одна изъ проблемъ современной жизни не ускользаетъ отъ его взора. Онъ знаетъ многое и угадываетъ остальное. Разсказывая о своихъ охотахъ, о своей жизни въ преріяхъ, онъ увлекаетъ читателя яркостью своей рѣчи, но онъ такъ же искусно и съ такою же силою можетъ разсуждать о разныхъ экономическихъ проблемахъ и сложныхъ вопросахъ современной жизни. Конечно, въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ своей политикѣ, онъ выказываетъ больше умѣренности, больше тонкаго искусства, но съ перомъ въ рукѣ онъ идетъ напрямики и поражаетъ силою, быстротой и ясностью свего сужденія. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ о томъ, какъ не надо помогать своимъ болѣе бѣднымъ собратьямъ, онъ говоритъ, между прочимъ: «худшее, чему мы могли бы научить человѣка, это—полагаться на другихъ и хныкать надъ своими страданіями. Если американецъ хочетъ чего-нибудь достигнуть, онъ долженъ полагаться только на самого себя, а никакъ не на государство. Онъ долженъ гордиться своею собственною работой, а не завидовать счастью другихъ. Онъ долженъ рѣшительно и мужественно смотрѣть въ лицо судьбѣ, добиться побѣды, если можетъ, и не сваливать на своихъ ближнихъ отвѣтственность, если его постигаютъ неудачи».

Это настоящее profession de foi американца. Рузвельтъ не вѣритъ въ всесильное могущество законовъ, даже хорошихъ. Онъ глубоко вѣритъ, что самопомощь, самодѣятельность и увѣренность въ себѣ, вмѣстѣ съ честностью, могутъ сдѣлать очень многое, если не все. Онъ возстаетъ противъ праздности, слабости, стремленія сваливать все на другихъ, и сокрушается по поводу низкаго уровня честности и нравственности своихъ согражданъ. Именно этотъ низкій уровень и является, по его мнѣнію, причиною столькихъ золъ и столькихъ злоупотребленій. Филантропію онъ отрицаетъ и допускаетъ ее лишь, какъ помощь человѣку, который оступился и хочетъ подняться.

Таковъ Рузвельтъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, таковъ онъ и въ жизни. Какъ журналистъ, онъ очень плодовитъ, но берется за перо лишь тогда, когда ему хочется высказаться. Онъ не художникъ и его произведенія не обладаютъ особенными литературными достоинствами, но онъ борецъ, и это чувствуется въ каждой написанной имъ строчкѣ.

Англійскій писатель Стэдъ въ своей характеристикѣ Рузвельта говоритъ, что въ немъ встрѣчаются черты Гладстона, Родса, лорда Чарльза Бересфорда и Джона Бернса. Также какъ и Гладстонъ, онъ

обладаетъ неистощимою физическою энергіей и такою же неистощимою литературною плодовитостью. Также какъ и Гладстонъ, онъ служитъ центромъ всякаго движенія, въ которомъ принимаетъ участіе. Но въ другихъ отношеніяхъ онъ является прямою противоположностью Гладстона. Въ своемъ горячемъ увлеченіи имперіализмомъ онъ напоминаетъ Родса, а съ Чарльзомъ Бересфордомъ онъ имѣетъ общее то, что также отличается беззавѣтною храбростью и пользуется такимъ же народнымъ уваженіемъ. Сходство съ Джономъ Бернсомъ заключается въ томъ, что соціальная дѣятельность Рузвельта въ штатѣ Нью-Іоркъ напоминаетъ дѣятельность Джона въ Баттерси, хотя Джонъ Бернсъ—типичный демократъ и защитникъ труда противъ деспотизма капитализма, конечно, является во многихъ отношеніяхъ прямымъ антиподомъ Рузвельта.

Рузвельтъ представляетъ типъ современнаго американца, воплощающаго въ себѣ всю силу и энергію своей расы. Теперь, когда для американской политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, начинается новая эра, когда впервые въ Соединенныхъ Штатахъ возникаетъ классовая борьба на политической почвѣ, личность новаго президента великой сѣверо-американской республики должна невольно приковывать къ себѣ вниманіе Европы. Какъ осуществитъ онъ свои «американскіе идеалы» въ международной жизни и экономическихъ отношеніяхъ—вотъ вопросъ, который больше всего волнуетъ теперь европейскихъ политиковъ.

Э. Пименова.

ВСАДНИКЪ ЗЛА.

(Сонетъ на мотивъ картины Фр. Штука).

Кровавый ураганъ затихъ надъ мертвой нивой.
Холодная, какъ сталь, надъ ней синѣетъ мгла.
И воронъ чертитъ кругъ зловѣще-прихотливый,
И страшенъ взмахъ его тяжелаго крыла.

Безмолвіе и смерть. Толпою молчаливой,
Сплетенныя борьбой, разбросаны тѣла...
И вотъ встаетъ изъ мглы великій Всадникъ Зла
На призрачномъ конѣ, въ осанкѣ горделивой...

Свинцовый, тяжкій взоръ вперяетъ въ землю онъ.
Ступаетъ черный конь по трупамъ искаженнымъ,
И слышенъ въ тишинѣ послѣдней муки стонъ...

И всадникъ смотритъ въ даль: потокомъ озлобленнымъ
Ползутъ его рабы, гудитъ желѣзный звонъ...
Хохочетъ великанъ надъ міромъ изступленнымъ.

Дмитрій Ц.

Февральская книжка журнала выходитъ безъ „Внутренняго Обозрѣнія“ и статей по текущимъ вопросамъ, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Перемѣна министерства во Франціи.—Новый министръ-президентъ.—Смерть Луизы Мишель.—Положеніе англійскаго министерства.—Сэръ Кэмпбелль-Баннерманъ.—Безработица въ Англіи.—Македонскія дѣла.—Полемика Жореса съ графомъ Бюловымъ.—Стачка въ округѣ Руръ.

Начало новаго года ознаменовалось во Франціи перемѣною министерства, давно, впрочемъ, ожидаемою и поэтому не удивившею никого. Паденіе министерства Комба предсказывалось много разъ, но оно стойко выдерживало всѣ удары, направленные противъ него. Наконецъ, агитація, усиленно работавшая въ послѣднее время, достигла своей цѣли, т. е. отставки перваго министра, когда президентомъ палаты былъ избранъ Поль Думеръ, вождь республиканской оппозиціи и заговора, направленнаго противъ Комба. Однако, Комбъ не былъ свергнутъ; онъ ушелъ самъ, ушелъ добровольно, послѣ того какъ большинство, оставшееся ему вѣрнымъ, оказалось малочисленнымъ. Тѣмъ не менѣе, его правительственная программа и его политика остаются въ силѣ, и его преемникъ врядъ ли рѣшится идти по другой дорогѣ, тѣмъ болѣе, что республиканское большинство не можетъ отречься отъ своихъ принциповъ и отказаться отъ начатыхъ реформъ. Комбъ управлялъ министерствомъ два года и восемь мѣсяцевъ и никто не станетъ отрицать его заслугъ передъ республикой, несмотря на нѣкоторыя слабыя стороны и отклоненія его политики. Два года—это очень много для французской республики, перемѣнившей въ теченіе 34-хъ лѣтъ своего существованія сорокъ министерствъ. Только одинъ Вальдекъ-Руссо оставался дольше Комба, а именно: два года, одиннадцать мѣсяцевъ; изъ другихъ же министровъ только одинъ Жюль Ферри оставался во главѣ своего второго министерства два года. Вальдекъ Руссо, какъ и Комбъ, покинулъ добровольно министерство, сдѣлавъ все для сосредоточенія и усиленія истинныхъ республиканцевъ и освобожденія республики изъ рукъ реакціи. Онъ совершенно правильно взглянулъ на дѣло, считая клерикализмъ душою реакціи. Но у него были свои собственные взгляды на способы борьбы и онъ полагалъ, что достаточно одного закрытія конгрегацій, занимающихся политикой, чтобы наложить узду на клерикализмъ. Однако, какъ это не замедлило обнаружиться въ скоромъ времени, такой взглядъ опытнаго и проницательнаго министра оказался невѣрнымъ. Политическія конгрегаціи не позволили отдѣлить себя отъ

другихъ орденовъ и все духовенство вступилось за нихъ и объявило ожесточенную войну республикѣ.

Конкордатъ оказался въ данномъ случаѣ совершенно безсильнымъ возстановить порядокъ, и при такихъ условіяхъ умѣренная политика Вальдека Руссо непремѣнно должна была бы потерпѣть фіаско. Комбъ такъ и понялъ это. Съ непреклонною энергіей онъ провелъ до конца законъ о конгрегаціяхъ и тамъ, гдѣ оказались пробѣлы въ этомъ законѣ, онъ восполнилъ ихъ новеллами и новыми законопроектами. Покончивъ съ этимъ, онъ занялся конгрегаціонными школами. Нельзя было сразу, однимъ ударомъ, покончить съ этими школами. Нужно было время, чтобы создать достаточное количество свѣтскихъ школъ, которыя могли бы замѣнить конгрегаціонныя, и поэтому закономъ отъ 7-го іюля 1904 г., отмѣняющимъ въ принципѣ всякое конгрегаціонное преподаваніе, назначается десятилѣтній срокъ для приведенія въ дѣйствіе такой мѣры. Однако, Комбъ, очевидно, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы имѣть возможность закрыть еще въ прошломъ году 14.000 конгрегаціонныхъ школъ и даже въ послѣдніе дни существованія своего министерства онъ усердно занимался этимъ вопросомъ и издалъ законъ о закрытіи еще 466 школъ. Вообще, онъ твердо былъ увѣренъ, что только народная школа, совершенно свободная отъ ига клерикализма, въ состояніи обезпечить республикѣ спокойное дальнѣйшее развитіе.

Въ большую заслугу Комбу надо поставить также разрывъ съ Ватиканомъ, сдѣлавшій неизбѣжнымъ отдѣленіе церкви отъ государства. Но эту заслугу онъ раздѣляетъ съ самою римскою куріей. Въ самомъ началѣ Комбъ заявилъ, что онъ намѣренъ держаться конкордата, такъ какъ считаетъ вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства недостаточно назрѣвшимъ. Но курія посмотрѣла на это дѣло иначе. Преемникъ папы Льва XIII, относившагося къ Франціи съ большимъ вниманіемъ и старавшагося избѣгать столкновеній съ нею, новый папа Пій X, протестовалъ противъ визита президента Лубэ въ Римъ и притомъ въ такой формѣ, что французское правительство сочло невозможнымъ оставлять далѣе своего посла при Ватиканѣ. Вслѣдъ за этимъ папа подвергъ взысканію двухъ республиканскихъ епископовъ вопреки постановленіямъ конкордата, и тогда Комбъ въ своей оксерской рѣчи объявилъ конкордатъ разрушеннымъ и приступилъ къ проведенію закона объ отдѣленіи церкви отъ государства. Его прошеніе объ увольненіи представляетъ нѣчто вродѣ политическаго завѣщанія, которое новый кабинетъ не можетъ игнорировать.

Что касается Думера, избраніе котораго послужило непосредственною причиной отставки Комба, то онъ давно былъ извѣстенъ своими агитаторскими способностями, и еще Мелинъ, сдѣлавшись министромъ президентомъ въ 1896 г., постарался отъ него отдѣлаться, предложивъ ему постъ губернатора Индокитая. Но въ апрѣлѣ 1902 года Думеръ вернулся во Францію и съ особенною пылкостью ринулся во внутреннюю политику. Онъ держалъ рѣчи въ Марсели и Ліонѣ, обратившія на себѣ вниманіе; въ нихъ онъ провозгласилъ новую политику, нѣчто вродѣ колоніальнаго имперіализма. Но эта политика приключеній не встрѣтила особеннаго сочувствія въ радикальныхъ кружкахъ, и ему не было предоставлено ни одной кандидатуры въ радикальныхъ округахъ.

Тогда Думеръ вошелъ въ соглашеніе съ націоналистомъ Кастелэномъ и былъ избранъ его приверженцами. Среди радикальныхъ диссидентовъ палаты очень много такихъ, которые находятся въ такомъ же двусмысленномъ положеніи, какъ и Думеръ, т. е. опираются на выборахъ не только на націоналистическіе, но даже на клерикальные элементы. Въ виду этого имъ приходится постоянно балансировать; они не могутъ высказаться окончательно въ пользу отдѣленія церкви отъ государства и постоянно подвергаются опасности быть отвергнутыми либо клерикалами, либо соціалистами. Думеръ оказался очень искуснымъ эквилибристомъ и съ 1902 года, безъ перерыва, сохранялъ за собою постъ предсѣдателя бюджетной комиссіи. Кромѣ того, онъ сосредоточилъ около себя группу колеблющихся радикаловъ и такъ искусно дѣйствовалъ заодно съ клерикальною оппозиціей, что министерская партія постоянно оставалась въ меньшинствѣ, почти во всѣхъ большихъ комиссіяхъ. Говорятъ, что избраніемъ Думера на постъ президента, имѣлось въ виду дать исходъ его честолюбію и до нѣкоторой степени обезпечить будущее министерство отъ его интригъ. Всѣмъ извѣстно, что взоры Думера обращены на кресло министра-президента, но на это кресло взираютъ и многіе другіе, которымъ очень мѣшаютъ безпокойное честолюбіе и интригантскія способности Думера.

Новый министръ-президентъ Морисъ Рувье, личность котораго достаточно хорошо извѣстна въ политическомъ мірѣ, считается однимъ изъ самыхъ крупныхъ финансовыхъ геніевъ Франціи. Онъ выступилъ на политическомъ поприщѣ въ 1871 году, рядомъ съ Гамбеттой, въ Версали, и скоро пріобрѣлъ репутацію авторитета въ экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ. Извѣстно, что лѣтъ 30 тому назадъ онъ составилъ законопроектъ о подоходномъ налогѣ, но съ тѣхъ поръ его рвеніе въ пользу этой законодательной мѣры сильно охладѣло. Правда, такая реформа еще фигурируетъ въ его программѣ, но она уже значительно отличается отъ предложенія соціалистовъ, навязавшихъ ему эту мѣру въ кабинетѣ Комба. Рувье, которому теперь 63 года, былъ министромъ шесть разъ и пять разъ министромъ финансовъ. Всѣмъ памятно, какъ безстрашно онъ держалъ себя во времена буланжизма и панамскаго скандала, который такъ старались раздуть іезуиты и другіе противники республики, чтобы окончательно скомпрометировать республиканскія партіи. Онъ нисколько не растерялся и самымъ циничнымъ образомъ заявилъ бѣснующейся лѣвой, что онъ, дѣйствительно, бралъ деньги съ панамскаго общества для избирательной кассы, прибавивъ: «еслибъ я этого не сдѣлалъ, то вы бы не засѣдали здѣсь, на этихъ скамьяхъ!» Отчасти онъ всегда являлся сторонникомъ іезуитскаго правила: «цѣль оправдываетъ средства», не будучи самъ іезуитомъ. Но его финансовыя способности никогда не подлежали сомнѣнію, и хотя онъ нѣкоторое время и оставался въ тѣни послѣ панамскаго скандала, тѣмъ не менѣе къ нему все-таки обратились, когда при Вальдекѣ Руссо оказалось нужнымъ укрѣпить пошатнувшееся финансовое положеніе Франціи. Крайняя лѣвая никогда не смотрѣла на Рувье, какъ на реформатора. Но теперь Рувье, повидимому, старается примирить съ собою своихъ прежнихъ враговъ, какъ это указываетъ тотъ фактъ, что онъ предложилъ портфель мини-

стерства торговли радикалу-соціалисту Дюбифу и два другихъ портфеля тоже отдалъ довольно извѣстнымъ радикаламъ. «Matin» даетъ слѣдующій списокъ различныхъ парламентскихъ элементовъ, вошедшихъ въ новый кабинетъ: Рувье и Шомье (министръ юстиціи)—члены «Union Républicaine» въ сенатѣ, Готье (министръ общественныхъ работъ) — членъ демократической лѣвой въ сенатѣ; Делькассе (министръ иностранныхъ дѣлъ), Этьеннъ (внутреннихъ дѣлъ) и Томсонъ (морской министръ)—всѣ трое принадлежатъ къ «Union démocratique» въ палатѣ депутатовъ. Два министра: Рюо (земледѣлія) и Клемантель (министръ колоній) принадлежатъ къ радикальной лѣвой и три члена радикальной соціалистской группы: Берто (военный министръ), Дюбифъ (министръ торговли) и Бьенвеню Мартенъ (министерство просвѣщенія и вѣроисповѣданій). Такимъ образомъ въ кабинетѣ вошли шесть радикаловъ и радикальныхъ соціалистовъ и пять республиканцевъ, принадлежащихъ къ лѣвой. Достойно вниманія, что въ кабинетъ не вошелъ ни одинъ изъ диссидентовъ бывшаго министерскаго «bloc» и ни одинъ изъ республиканцевъ-прогрессистовъ, которые, главнымъ образомъ, и содѣйствовали паденію министерства Комба. Это доказываетъ, что новое правительство не имѣетъ другой альтернативы и вынуждено слѣдовать старой программѣ, не вводя никакихъ существенныхъ измѣненій въ принципы, которыми руководился Комбъ.

Умерла Луиза Мишель, извѣстная подъ именемъ «Vierge rouge» и пользовавшаяся огромною популярностью во Франціи, въ средѣ рабочихъ и коммунаровъ. Къ ней болѣе, чѣмъ къ кому-либо, подходятъ слова Сенъ-Жюста, что «революціонеръ можетъ найти успокоеніе только въ могилѣ», такъ какъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни (она умерла на 71-мъ году) Луиза Мишель продолжала проповѣдывать свои идеи улучшенія міра. Она была незаконною дочерью одного помѣщика и сама не мало натерпѣлась въ жизни отъ своего двусмысленнаго положенія. Образованіе она получила хорошее и вначалѣ посвятила себя просвѣтительной дѣятельности, основавъ школу въ Парижѣ, но затѣмъ была увлечена вихремъ коммуны и за участіе въ ней приговорена къ ссылкѣ въ Новую Каледонію. Эти восемь лѣтъ, проведенные ею въ ссылкѣ, были, однако, единственными праздными и спокойными годами ея жизни. Какъ только она вернулась во Францію на основаніи амнистіи 1880 г., то немедленно ринулась съ головою въ соціальную борьбу. Она вела систематическую агитацію среди рабочихъ, принимала участіе въ каждой стачкѣ и не пропускала ни одного собранія или митинга, на которыхъ произносила зажигательныя рѣчи. Конечно, она не замедлила снова угодить въ тюрьму, гдѣ и провела шесть лѣтъ. Тамъ она написала свои мемуары, но, и выйдя оттуда, все-таки не угомонилась. Однако, у нея никогда не было вполнѣ яснаго представленія о томъ будущемъ обществѣ, которое должно возникнуть на развалинахъ стараго строя, къ разрушенію котораго она такъ стремилась. Но она знала только одно: оно должно быть лучше и чище. Всѣ ея современники, даже люди другихъ направленій, признавали благородство ея души и необычайную доброту сердца, и въ этомъ лежалъ залогъ ея популярности и

успѣха. Она постоянно сильно нуждалась и пробивалась случайными заработками, но всегда готова была подѣлиться послѣднимъ и въ тюрьмѣ отдавала своимъ товарищамъ по заключенію все, что присылали ей близкіе друзья и родные, желавшіе облегчить ея участь.

Англія находится въ довольно странномъ положеніи. Министерскій кризисъ какъ будто уже наступилъ, а, между тѣмъ кабинетъ все еще существуетъ. Но и большинство въ парламентѣ, и оппозиція поступаютъ такъ, какъ будто министерство давно уже вышло въ отставку. Впрочемъ, по шутливому замѣчанію одной англійской газеты, «оно и само считаетъ себя отставнымъ». Министерство не подготовило даже ни одного новаго законопроекта для внесенія въ предстоящую сессію и ограничивается только биллемъ объ иностранцахъ, который былъ отвергнутъ въ прошломъ году въ коммиссіи, да биллемъ о распредѣленіи избирательныхъ округовъ. Мало того, въ газетахъ опубликованъ списокъ 78 депутатовъ-уніонистовъ, объявившихъ о своемъ намѣреніи не принимать участія въ предстоящихъ выборахъ. Среди нихъ находится, между прочимъ, и сэръ Микаэль Гиксъ Бичъ, Ритчи, оба бывшіе канцлера казначейства, Грентъ Лоу и многіе другіе. Конечно, уніонистской партіи трудно будетъ восполнить эти пробѣлы, но еще болѣе чувствительна для уніонистовъ потеря въ лицѣ Уинстона Чёрчилля, который объявилъ уже въ «National Liberal Club» о своемъ уходѣ изъ рядовъ уніонистовъ. Все это увеличиваетъ шансы либеральной партіи и если бы она не страдала въ данный моментъ отъ недостатка организаціи и управленія, то успѣхъ ея былъ бы совершенно обезпеченъ. Наибольшею популярностью въ этой партіи пользуется теперь сэръ Кэмпбелль Банерманъ, котораго, однако, считаютъ болѣе способнымъ руководить оппозиціей, нежели политикою правительства. Во всякомъ случаѣ, если онъ дѣйствительно станетъ во главѣ правительства, какъ это думаютъ многіе, то ему придется очень энергично бороться противъ коалиціи верхней церкви, кабатчиковъ и южноафриканскихъ финансистовъ и лавочниковъ, которые не простятъ ему многихъ его актовъ. Недавно онъ говорилъ рѣчь въ той самой залѣ въ Истъ-Эндѣ, гдѣ былъ устроенъ митингъ Чэмберлена, на который тогда съѣхалась фешенебельная публика Вестъ-Энда. Чэмберленъ, сомнѣвающійся, вѣроятно, въ возможности убѣдить рабочихъ въ преимуществахъ протекціонизма, старался распространяться о злѣ, который приноситъ имъ конкурренція эмигрантовъ. Онъ обвинялъ либеральную оппозицію въ томъ, что она провалила законъ объ иммиграціи, который могъ бы обезпечить интересы именно рабочихъ классовъ. На это обвиненіе и возражалъ Кэмпбелль Баннерманъ въ своей рѣчи. Онъ сказалъ: «Мы нисколько не менѣе мистера Чэмберлена не желаемъ иммиграціи въ страну иностранцевъ сомнительной нравственности или преступниковъ и больныхъ. Но, тѣмъ не менѣе, я горячо протестую противъ такой мѣры, которая лишила бы иностранцевъ права убѣжища и подвергала бы путешественниковъ, пріѣзжающихъ въ наши порта, инквизиціонному допросу и недостой-

ному и унизительному осмотру и разслѣдованію, словомъ, передала бы въ руки исполнительной власти то, что принадлежитъ исключительно только власти юридической».

Рѣчь Кэмпбелля Баннермана вызвала большой энтузіазмъ и послужила предлогомъ къ грандіозной либеральной манифестаціи. Оратору пришлось, по выходѣ изъ залы, произнести рѣчь на улицѣ, передъ толпою въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, которыхъ зала не могла вмѣстить. Тутъ онъ повторилъ въ общихъ чертахъ тоже самое, что говорилъ въ залѣ, особенно настаивая на томъ, что британская имперія, за послѣдніе десять лѣтъ, сильно пострадала отъ шовинистской политики и политики приключеній. Суммы, расходуемыя Англіей на вооруженія, увеличились болѣе, чѣмъ на одинъ милліардъ 250 милліоновъ франковъ съ 1890 года. Такая ристрата общественнаго богатства не можетъ не повести за собою промышленной и финансовой катастрофы и вообще подобная пелитика служитъ всегда главною причиною промышленныхъ кризисовъ. Она болѣе принесла вреда Великобританіи, прибавилъ Кэмпбелль Баннерманъ, чѣмъ всѣ таможенные тарифы иностранныхъ государствъ, которые единственно только и озабочиваютъ Чэмберлена.

Газеты говорятъ также о безработицѣ, которая въ этомъ году особенно тяжело отразилась на англійскомъ населеніи. Всѣ англійскіе муниципалитеты озабочены положеніемъ безработныхъ, число которыхъ очень возросло. Застой въ сельско-хозяйственной и земледѣльческой промышленности достигъ особенно большихъ размѣровъ, и съ 1877 года въ Англіи не было такой нищеты, какая замѣчается теперь. Но въ похвалу англійскимъ городскимъ управленіямъ слѣдуетъ сказать, что они всѣ, съ величайшею энергіею, борются съ этимъ тяжелымъ положеніемъ и организуютъ помощь и общественныя работы. Частная благотворительность не замедлила также придти на помощь и въ теченіе одной только недѣли въ Лондонѣ образовался фондъ въ 1.100.000 франковъ, который отданъ въ распоряженіе комитета, организующаго работы. Кромѣ того, правительство, уступая настояніямъ печати, теперь же приступило къ вооруженію англійской артиллеріи и сдѣлало заказъ приблизительно на 50 милліоновъ рублей пушечнымъ заводамъ, вслѣдствіе чего арсеналы снова приняли 7.000 рабочихъ, которые были ими уволены. Армія спасенія оказала также дѣятельную помощь муниципалитетамъ, принявъ въ свои мастерскія нѣсколько сотъ рабочихъ. Вообще, какъ частная, такъ и общественная иниціатива соперничали въ рвеніи придти на помощь странѣ въ это критическое время, но печать энергично настаиваетъ на томъ, что правительствомъ должны быть приняты мѣры къ предупрежденію повторенія подобныхъ кризисовъ. Англійскіе экономисты, изъ наиболѣе видныхъ и компетентныхъ, требуютъ учрежденія министерства труда, которое должно будетъ спеціально слѣдить за всѣми колебаніями рынка труда и регулировать отношенія между трудомъ и капиталомъ. Многіе, впрочемъ, считаютъ сомнительнымъ, чтобы англійское правительство согласилось на организацію новой административной машины въ видѣ министерства труда, но несомнѣнно, что, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, будутъ приняты мѣры для уменьшенія нужды, такъ какъ число

безработныхъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ и въ началѣ декабрѣ, въ одномъ только Лондонѣ, достигало 117.921 человѣкъ.

Всего нѣсколько недѣль отдѣляетъ насъ отъ наступленія весны на Балканахъ, т.-е. такого періода, который многими знатоками европейскаго востока считается наиболѣе благопріятнымъ временемъ для возобновленія враждебныхъ дѣйствій въ Македоніи. Наступленіе таянія снѣговъ въ горахъ должно послужить сигналомъ къ новому возстанію въ Македоніи, которое считается неизбѣжнымъ, такъ какъ положеніе македонскихъ вилайетовъ нисколько не стало лучше и сама дипломатія должна признать полную несостоятельность придуманныхъ ею мѣръ и реформъ, которыя оказались фиктивными. Положеніе остается запутаннымъ какъ прежде, и Турція съ удовольствіемъ наблюдаетъ за тѣмъ, какъ разгорается вражда между греками и славянами, и всѣми зависящими отъ нея средствами поддерживаетъ гражданскую войну, которая можетъ быть только для нея выгодна. Всѣ корреспонденціи, которыя помѣщаются въ иностранныхъ газетахъ, рисуютъ положеніе дѣлъ на ближнемъ востокѣ въ мрачномъ свѣтѣ. Несомнѣнно, что событія Дальняго Востока отражаются также и на европейскомъ востокѣ. Паденіе Портъ-Артура въ особенности произвело сильное впечатлѣніе и обсуждается и коментируется на всѣ лады балканскими народностями и правительствами, которыя привыкли считать мощную силу Россіи главнымъ преобладающимъ факторомъ во всѣхъ войнахъ, касающихся рѣшенія ихъ судебъ. Между тѣмъ, дѣла на Дальнемъ Востокѣ складываются особенно неблагопріятно и, во всякомъ случаѣ, будущее представляется полнымъ грозныхъ опасностей. Центръ тяжести положенія на Балканахъ заключается теперь въ отношеніяхъ Турціи и Болгаріи, которыя становятся все болѣе натянутыми, а также въ тѣхъ условіяхъ, которыя продолжаютъ господствовать въ Македоніи. Учрежденіе новой жандармеріи произвело очень мало матеріальныхъ улучшеній въ положеніи христіанскаго населенія, особенно въ отдаленныхъ округахъ, гдѣ жители, ожидавшіе великихъ результатовъ отъ европейскаго контроля, впали теперь въ полнѣйшее уныніе. Конечно, насилія и произволъ наблюдаются теперь рѣже вблизи большихъ городовъ, но въ захолустныхъ углахъ все остается попрежнему. Преобразованная система сбора податей, введенная въ видѣ опыта въ нѣкоторыхъ округахъ, быть можетъ, могла бы принести пользу, если бы была примѣнена повсюду равномѣрно, но этого не было сдѣлано, и населеніе продолжаетъ страдать отъ вымогательствъ разныхъ сборщиковъ податей, прибѣгающихъ къ своимъ обычнымъ пріемамъ. Во многихъ округахъ, несмотря на то, что подати были уменьшены правительствомъ, онѣ все-таки взыскиваются съ крестьянъ въ прежнемъ количествѣ, и когда крестьяне бываютъ не въ состояніи ихъ уплатить, то ихъ скотъ угоняется. Въ деревнѣ Маково нѣсколько человѣкъ, не имѣвшихъ возможности уплатить то, что требовали отъ нихъ сборщики податей, были избиты ими до смерти. Нужда вездѣ ужасная, и жители разоренныхъ округовъ Монастира, должны были зимовать въ шалашахъ, такъ какъ не могли построить себѣ никакихъ другихъ жилищъ. Вообще, ровно ничего не было сдѣлано для облег-

ченія бѣдствій населенія, и все ограничилось только одними разговорами. Но наиболѣе серьезнымъ факторомъ положенія является все усиливающаяся вражда между различными отдѣлами христіанскаго населенія. Постоянно происходятъ столкновенія между греческими, сербскими, болгарскими и даже румынскими бандами, не говоря уже объ албанцахъ и туркахъ. Въ аѳинскихъ газетахъ разсказываются удивительныя вещи про подвиги греческихъ бандъ, число кототорыхъ все увеличивается. Избіеніе болгарскаго свадебнаго поѣзда въ селеніи Зеленитты вызвало, въ свою очередь, убійство болгарскими крестьянами восьми греческихъ крестьянъ. Болгарскія банды, остающіяся въ прежнемъ видѣ со времени возстанія прошлаго года, образуютъ кадры революціонной организаціи. Благодаря давленію, оказываемому ими на сельское населеніе, значительное количество деревень перешло на сторону экзарха и въ одномъ округѣ Пресба болѣе 20 деревень, приверженныхъ патріарху, теперь отъ него отказались. Въ сѣверо-западныхъ округахъ столкновеніе между сербскими и болгарскими бандами возникаютъ постоянно и зачастую сопровождаются кровопролитіемъ; одиничныя же убійства представляютъ совсѣмъ заурядное явленіе. Обостреніе сербо-болгарской распри указываетъ истинное значеніе той «entente cordiale», которая была запечатлѣна визитомъ короля Петра въ Софію.

Турки взираютъ или равнодушно, или со скрытымъ злорадствомъ на внутренніе раздоры христіанъ, и турецкіе или албанскіе бандиты, смотря по обстоятельствамъ, оказываютъ помощь то той, то другой сторонѣ и участвуютъ въ убійствахъ и грабежахъ. Турецкій вали въ Монастирѣ старается скрывать избіенія христіанъ и вообще турецкія власти никогда не вмѣшиваются въ столкновенія бандъ, предоставляя имъ проливать кровь другъ друга. По всѣмъ признакамъ турецкія власти даже поощряютъ грековъ, дѣятельность которыхъ, по ихъ мнѣнію, должна оказывать сдерживающее вліяніе на болгарское движеніе, считающееся болѣе опаснымъ; поэтому-то турецкія власти и ограничиваютъ свою дѣятельность большею частью тѣмъ, что выслѣживаютъ арестуютъ болгарскихъ школьныхъ инспекторовъ, учителей и вообще всѣхъ жителей, которыхъ только они могутъ заподозрить въ сочувствіи и коопераціи съ комитаджами. Многія изъ этихъ лицъ были освобождены вслѣдствіе вмѣшательства гражданскихъ агентовъ, но все-таки преслѣдованія болгаръ продолжаются. Новая жандармерія, повидимому, не можетъ уладить конфликтъ между враждующими христіанскими расами, грозящій превратиться въ гражданскую войну.

Въ Адріанопольскомъ вилайетѣ положеніе остается безъ измѣненій. Пять тысячъ бѣглецовъ все еще ждутъ, чтобы ихъ водворили на родину, но они до сихъ поръ не получили разрѣшенія перейти границу, чтобы вернуться въ свои разоренныя деревни, а о судьбѣ тѣхъ, которые перешли границу безъ разрѣшенія, ничего неизвѣстно. Но вниманіе европейскихъ державъ слишкомъ поглощено теперь другими событіями, и пока въ Македоніи снова не польется кровь, все будетъ оставаться попрежнему.

Несмотря на грозныя тучи, заволакивающія политическій горизонтъ, на всевозможныя осложненія во внѣшнихъ отношеніяхъ и во внутренней жизни

европейскихъ государствъ, на массу назрѣвшихъ и неразрѣшенныхъ вопросовъ европейской политики, какъ въ печати, такъ и въ рѣчахъ политическихъ дѣятелей различныхъ странъ, постоянно доказывается необходимость сохраненія мира. При обсужденіи государственнаго бюджета въ германскомъ рейхстагѣ, депутаты Бебель и Фольмаръ поставили вопросъ, зачѣмъ нужно постоянно увеличивать военныя издержки, зачѣмъ нужно приносить такія жертвы все возрастающимъ требованіямъ милитаризма, когда Германіи не угрожаетъ война ни съ какой стороны? Вѣдь ни Россія, ни Франція не помышляютъ о томъ, чтобы мобилизовать армію противъ германской имперіи. Россія совершенно поглощена своими дѣлами на Дальнемъ Востокѣ и не можетъ уже питать никакихъ воинственныхъ замысловъ на Западѣ; во Франціи же идея реванша постепенно уступила мѣсто стремленію къ мирному улаженію спорныхъ вопросовъ, возникающихъ между обѣими націями. Почему же Германія не хочетъ вступить на путь политики мира и довѣрія?

Графъ Бюловъ отвѣтилъ на это насмѣшками и эпиграммами, ловко избѣгая касаться корня вопроса. По обыкновенію онъ упрекалъ германскихъ соціальдемократовъ въ томъ, что они подготовляютъ войну своими постоянными нападками на Россію, т.-е. на ея правительство. Инсинуаціи Бюлова на этотъ разъ вызвали рѣзкую отповѣдь не со стороны нѣмецкихъ соціалъ-демократическихъ органовъ, а со стороны Жореса, который полемизируетъ съ нимъ въ своей газетѣ «L'humanité», называя его выходки противъ германской соціальдемократіи недостойными главы государства. Германскіе соціалъ-демократы заявляетъ Жоресъ, не могутъ желать войны. Если побѣдительницей будетъ Россія и казаки явятся въ Германію, то конецъ свободѣ страны! Если же, Германія выйдетъ побѣдительницей, то это увеличитъ престижъ Гогенцолерновъ которые явятся въ образѣ защитниковъ германской цивилизаціи противъ восточнаго варварства. Такимъ образомъ, взваливая на германскихъ соціалистовъ обвиненіе въ томъ, что они подготовляютъ или желаютъ войны съ Россіей, графъ Бюловъ намѣренно искажаетъ дѣйствительность и неудачно старается произвести диверсію. Между прочимъ Жоресъ указываетъ на то, что Бюловъ отвѣчалъ плоскими шутками и насмѣшками на слова соціальдемократовъ о Франціи. Съ цѣлью доказать, что Франція все-таки питаетъ затаенную мысль о войнѣ, онъ привелъ затрудненія, которыя встрѣчаетъ Жоресъ, когда онъ начинаетъ возставать противъ идеи реванша. «Это намѣренное искаженіе фактовъ—возражаетъ Жоресъ.—За исключеніемъ нѣсколькихъ группъ агитаторовъ, не имѣющихъ ровно никакого вліянія въ странѣ, вся Франція желаетъ мира, одинаково, какъ съ Германіей, такъ и съ другими странами. Правительство или парламентъ, которые попытались бы вовлечь ее въ войну, были бы немедленно свергнуты общественнымъ мнѣніемъ. Опасенъ только агрессивный націонализмъ, потому что онъ, во всѣхъ странахъ, поощряетъ реакціонныя партіи искать посредствомъ войны способовъ отвлеченія и задержанія прогресса демократіи. Если бы вспыхнула теперь война, то она явилась бы только результатомъ преступныхъ комбинацій во внутренней политикѣ, но не была бы вызвана необходимостью, порожденною внѣшними усло-

ВСАДНИКЪ ЗЛА.

(Сонетъ на мотивъ картины Фр. Штука).

Кровавый ураганъ затихъ надъ мертвой нивой.
Холодная, какъ сталь, надъ ней синѣетъ мгла.
И воронъ чертитъ кругъ зловѣще-прихотливый,
И страшенъ взмахъ его тяжелаго крыла.

Безмолвіе и смерть. Толпою молчаливой,
Сплетенныя борьбой, разбросаны тѣла...
И вотъ встаетъ изъ мглы великій Всадникъ Зла
На призрачномъ конѣ, въ осанкѣ горделивой...

Свинцовый, тяжкій взоръ вперяетъ въ землю онъ.
Ступаетъ черный конь по трупамъ искаженнымъ,
И слышенъ въ тишинѣ послѣдней муки стонъ...

И всадникъ смотритъ въ даль: потокомъ озлобленнымъ
Ползутъ его рабы, гудитъ желѣзный звонъ...
Хохочетъ великанъ надъ міромъ изступленнымъ.

Дмитрій Ц.

Февральская книжка журнала выходитъ безъ „Внутренняго Обозрѣнія“ и статей по текущимъ вопросамъ, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Перемѣна министерства во Франціи.—Новый министръ-президентъ.—Смерть Луизы Мишель.—Положеніе англійскаго министерства.—Сэръ Кэмпбелль-Баннерманъ.—Безработица въ Англіи.—Македонскія дѣла.—Полемика Жореса съ графомъ Бюловымъ.—Стачка въ округѣ Руръ.

Начало новаго года ознаменовалось во Франціи перемѣною министерства, давно, впрочемъ, ожидаемою и поэтому не удивившею никого. Паденіе министерства Комба предсказывалось много разъ, но оно стойко выдерживало всѣ удары, направленные противъ него. Наконецъ, агитація, усиленно работавшая въ послѣднее время, достигла своей цѣли, т. е. отставки перваго министра, когда президентомъ палаты былъ избранъ Поль Думеръ, вождь республиканской оппозиціи и заговора, направленнаго противъ Комба. Однако, Комбъ не былъ свергнутъ; онъ ушелъ самъ, ушелъ добровольно, послѣ того какъ большинство, оставшееся ему вѣрнымъ, оказалось малочисленнымъ. Тѣмъ не менѣе, его правительственная программа и его политика остаются въ силѣ, и его преемникъ врядъ ли рѣшится идти по другой дорогѣ, тѣмъ болѣе, что республиканское большинство не можетъ отречься отъ своихъ принциповъ и отказаться отъ начатыхъ реформъ. Комбъ управлялъ министерствомъ два года и восемь мѣсяцевъ и никто не станетъ отрицать его заслугъ передъ республикой, несмотря на нѣкоторыя слабыя стороны и отклоненія его политики. Два года—это очень много для французской республики, перемѣнившей въ теченіе 34-хъ лѣтъ своего существованія сорокъ министерствъ. Только одинъ Вальдекъ-Руссо оставался дольше Комба, а именно: два года, одиннадцать мѣсяцевъ; изъ другихъ же министровъ только одинъ Жюль Ферри оставался во главѣ своего второго министерства два года. Вальдекъ Руссо, какъ и Комбъ, покинулъ добровольно министерство, сдѣлавъ все для сосредоточенія и усиленія истинныхъ республиканцевъ и освобожденія республики изъ рукъ реакціи. Онъ совершенно правильно взглянулъ на дѣло, считая клерикализмъ душою реакціи. Но у него были свои собственные взгляды на способы борьбы и онъ полагалъ, что достаточно одного закрытія конгрегацій, занимающихся политикой, чтобы наложить узду на клерикализмъ. Однако, какъ это не замедлило обнаружиться въ скоромъ времени, такой взглядъ опытнаго и проницательнаго министра оказался невѣрнымъ. Политическія конгрегаціи не позволили отдѣлить себя отъ

віями или же результатомъ какого-либо заранѣе уже установленнаго плана внѣшней политики. И притомъ, чтобы заставить Францію воевать, необходимо ее взять врасплохъ, терроризировать и обмануть. Только при такихъ условіяхъ ее можно было бы втянуть въ какія-либо военныя предпріятія. По существу же Франція вполнѣ мирная держава, и Германія настроена также мирно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ желаніи поддержать миръ не можетъ быть недостатка ни у той, ни у другой. Но имъ обѣимъ не хватаетъ мужества открыто заявить о своемъ взаимномъ рѣшеніи и согласовать съ нимъ всѣ свои дѣйствія и слова. Усилія въ этомъ направленіи уже сдѣланы и, конечно, заслуживаютъ того, чтобы Бюловъ упомянулъ о нихъ и призналъ ихъ значеніе. Возрастающая сила демократіи и проповѣди мира должны, наконецъ, восторжествовать надъ узкостью взглядовъ оффиціальной дипломатіи и стремленіями реакціи. Оба народа отлично понимаютъ, что лойяльное и окончательное примиреніе избавитъ ихъ и весь міръ отъ страшной тяжести и кошмара, который не даетъ имъ дышать свободно».

Предсказывая разрѣшеніе мирными способами эльзасъ-лотарингскаго вопроса, Жоресъ заканчиваетъ свою краснорѣчивую статью слѣдующими словами: «Несмотря на искусственный пылъ, проявляемый нѣкоторыми изъ нашихъ политиковъ при обсужденіи этого вопроса, несмотря на плоскія шуточки и иронію графа Бюлова, все же это является знаменіемъ времени, что такія проблемы могутъ теперь обсуждаться съ трибуны какъ въ парижскомъ, такъ и въ берлинскомъ парламентахъ, и демократы обѣихъ странъ стараются разрѣшить ихъ въ духѣ человѣческой солидарности».

Главное вниманіе въ Германіи привлекаетъ, однако, не вопросъ о бюджетѣ, а стачка углекоповъ въ округѣ Руръ, гдѣ забастовало до 200.000 рабочихъ. Такъ какъ въ ту минуту, когда мы пишемъ, еще стачка не кончена и результаты ея неизвѣстны, то мы къ ней еще вернемся въ будущемъ обозрѣніи. Пока отмѣтимъ не только ея небывалый грандіозный размѣръ, но и образцовый порядокъ. Несмотря на громадное число забастовавшихъ, власти ограничились присылкой 50 жандармовъ, для наблюденія, такъ какъ порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ. Сами рабочіе строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы вынужденная праздность не повлекла къ тѣмъ или инымъ нежелательнымъ выходкамъ. Несмотря на то, что значительная часть рабочихъ не принадлежитъ къ организованнымъ группамъ, порядокъ не былъ нигдѣ нарушенъ: такъ велика сила законности и сознанія права въ массахъ тамъ, гдѣ право и законность не являются пустыми звуками, а основами общественной жизни. Каковы будутъ результаты этой стачки, сообщимъ въ слѣдующій разъ вмѣстѣ съ подробностями о ея причинахъ и ходѣ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Современный Лондонъ и англійскіе женскіе клубы.—Миръ и война.

Г-жа Бентцонъ, посѣтившая лѣтомъ въ прошломъ году Лондонъ, говоритъ въ «Revue des deux Mondes» о благопріятномъ впечатлѣніи, которое на нее произвелъ этотъ громадный городъ. По ея словамъ, улицы Лондона значительно измѣнили видъ, и даже въ отдаленныхъ отъ центра мѣстахъ уже не встрѣчаются больѣе на каждомъ шагу, какъ прежде, пьяные и отвратительно грязные мужчины и женщины въ лохмотьяхъ. Чтобы увидѣть эти образцы глубокаго человѣческаго паденія, приходится отправляться въ самыя нѣдра лондонскихъ трущобъ. И это не кажущееся улучшеніе, такъ какъ статистика указываетъ на уменьшеніе преступности, и двѣ большія тюрьмы, ньюгетская и милльбэнкъ, теперь пустуютъ. Такіе результаты г-жа Бентцонъ всецѣло приписываетъ оздоровляющему вліянію соціальныхъ поселеній (settlements), гдѣ каждый изъ членовъ старается посильно содѣйствовать нравственному возвышенію подонковъ общества и, главное, заботится о воспитаніи несчастныхъ покинутыхъ дѣтей. Англійская писательница мистриссъ Гемфри Уордъ, хорошо извѣстная и въ Россіи, принимаетъ, какъ оказывается, очень большое участіе въ дѣятельности одного такого соціальнаго поселенія въ Лондонѣ, устроеннаго на щедрыя пожертвованія Пассмора Эдвардса и называющагося его именемъ. Шестнадцать резидентовъ поселенія, мужчины и женщины, днемъ занимаются своими дѣлами, а вечера посвящаютъ поселенію. Четыреста членовъ, мужчинъ и женщинъ, принадлежащихъ къ рабочему классу, ремесленники, приказчики, мелкіе служащіе, могутъ пользоваться всѣми удобствами, какія предоставляетъ имъ обширное зданіе поселенія, гдѣ есть мѣсто для всего, для собраній, на которыхъ обсуждаются различныя соціальныя и политическія проблемы, и для разныхъ лекцій и гимнастическихъ упражненій. Библіотека и гимнастическій залъ открыты для всѣхъ. Гостиная и столовая служатъ для устройства праздниковъ, на которые приглашаются всѣ окрестные жители и ихъ семьи. При поселеніи находится бюро, гдѣ компетентный адвокатъ даетъ безплатные юридическіе совѣты всѣмъ, кто въ этомъ нуждается. Кромѣ того, поселеніе основало первую въ Лондонѣ школу для дѣтей калѣкъ въ 1899 году, и теперь въ этой школѣ обучается 70 дѣтей, которые не могутъ посѣщать обыкновенныя школы. Починъ оказался настолько плодотворнымъ, что и лондонскій совѣтъ народнаго просвѣщенія послѣдовалъ этому примѣру и основалъ еще десять такихъ школъ, а затѣмъ такія же школы были основаны и въ другихъ городахъ. Но особенно хорошіе результаты въ дѣлѣ воспитанія уличныхъ дѣтей приноситъ, по словамъ г-жи Бентцонъ, такъ называемая вакаціонная школа, идея которой заимствована у Соединенныхъ Штатовъ. Эта школа функціонируетъ во время лѣтнихъ вакацій и цѣль ея—дать занятіе уму и воображенію тѣхъ дѣтей, которыя остаются на свободѣ послѣ закрытія элементарныхъ школъ, гдѣ они получаютъ обязательное образованіе, и такимъ образомъ предаются праздности, которая часто можетъ имѣть весьма дурныя послѣдствія.

Въ лѣтней школѣ всѣ занятія и уроки носятъ характеръ развлеченій. Дѣти поютъ хоромъ, занимаются гимнастикой и устраиваютъ, подъ руководствомъ взрослыхъ, общественныя игры. Къ ихъ услугамъ находятся различныя мастерскія, гдѣ они могутъ обучаться какому-нибудь ремеслу. Для самыхъ маленькихъ устроенъ дѣтскій садъ и тамъ они группируются вокругъ учительницъ, которыя разсказываютъ имъ маленькія исторійки. Прекрасный садъ герцога Бедфордскаго окрытъ для учениковъ и ученицъ вакаціонной школы и дѣти наполняютъ его аллеи своимъ веселомъ шумомъ. Система наказаній совершенно отмѣнена въ этой школѣ, такъ какъ достаточно бываетъ только угрозы исключенія, чтобы привести все въ порядокъ. Особенно большое значеніе англійскіе воспитатели и воспитательницы придаютъ общественнымъ играмъ. Игры, по ихъ мнѣнію, выставляютъ на видъ душевныя недостатки каждаго и опредѣляютъ характеръ, въ то же время онѣ развиваютъ извѣстныя качества въ дѣтяхъ, сдержанность, чувство солидарности, справедливость и чувство порядка и законности. Ребенокъ пріучается уважать законы игры и постепенно такимъ путемъ ему внушается уваженіе къ законности, составляющее не только характерную черту англійскаго народа, но и тайну его величія.

Г-жа Бентцонъ описываетъ также и женскіе клубы. Она остановилась въ клубѣ «Lyceum», который представляетъ въ распоряженіе своихъ членовъ нѣсколько комнатъ, гдѣ они могутъ останавливаться, пріѣзжая въ Лондонъ. «Lyceum» имѣетъ международный характеръ и принимаетъ членами женщинъ всѣхъ странъ, которыя занимаются наукой и искусствомъ, такъ что въ немъ насчитывается теперь 1.600 женщинъ. Такіе клубы устраиваются теперь во многихъ большихъ городахъ Европы, но лондонскій клубъ пока еще не имѣетъ себѣ равныхъ и, дѣйствительно, можетъ служить центромъ интеллигентныхъ женщинъ. Онъ доставляетъ имъ всевозможныя свѣдѣнія, устраиваетъ сношенія съ университетами, лабораторіями, учеными обществами, допускающими въ свои ряды женщинъ. Клубъ беретъ на себя сношенія съ выставками, промышленными и художественными, и отправку экспонатовъ. Желающимъ присылаются всякія вырѣзки изъ газетъ и извѣщенія о предлагаемыхъ работахъ, а путешественницамъ даются рекомендательныя письма, открывающія имъ доступъ во всѣ научныя учрежденія, музеи и т. п.

Женскіе клубы изобилуютъ въ Лондонѣ, такъ что мистриссъ Бентцонъ выражаетъ сомнѣніе, не слишкомъ ли ихъ много? Но ей возражаютъ на это, что клубы эти преслѣдуютъ разнообразныя цѣли, литературныя, эстетическія и соціальныя. Многія изъ дамъ состоятъ членами нѣсколькихъ клубовъ и посѣщаютъ ихъ очень усердно. «На мой вопросъ—говоритъ г-жа Бентцонъ—много ли имъ остается времени для своего дома, онѣ мнѣ отвѣчаютъ, что у нихъ времени хватаетъ на все. Клубы эти носятъ разнообразный характеръ, онѣ посѣщаютъ то одинъ, то другой салонъ, смотря по настроенію и интересу минуты. Вотъ, напр., мистриссъ О. Б., драматическій авторъ и романистка, бывшая военнымъ корреспондентомъ и единственная изъ женщинъ журналистокъ интервьюировшая лорда Китчинера въ Хартумѣ, объѣздившая всю Европу и многія другія страны, находится теперь въ Лондонѣ и записалась чле-

номъ трехъ клубовъ: женскаго «Армія и флотъ», клуба писателей «Lyceum». Такъ же поступаютъ и другія. Многіе клубы устроены исключительно съ цѣлями спорта. Очень изящно и комфортабельно устроенъ клубъ путешественницъ, помѣщающійся въ «St. James Court». Въ этомъ клубѣ, по правдѣ сказать, только одна библіотека напоминаетъ о томъ, что мы находимся среди путешественницъ. Еженедѣльно тамъ устраиваются доклады и собесѣдованія, слушая которыя можно совершить въ своемъ воображеніи путешестіе, не вставая съ удобнаго кресла. Разсказы о восхожденіяхъ и трудныхъ переходахъ всегда вызываютъ между слушательницами самый живой интересъ. Всѣ англичанки обнаруживаютъ основательное знаніе географіи и приходятъ въ восторгъ отъ политики завоеванія. Конечно, онѣ возмущаются ужасами войны и выражаютъ надежду, что когда-нибудь войны прекратятся, но едва ли вѣрятъ въ это. «Человѣкъ—это животное, стремящееся къ борьбѣ», говорятъ онѣ. «Мой сосѣдъ за столомъ вполголоса напомнилъ мнѣ слова Штрауса: «войны прекратятся, когда дѣти будутъ рождаться отъ интеллектуальнаго общенія», т.-е. когда исчезнутъ страсти, исчезнетъ человѣческая грубость. Ну, а до тѣхъ поръ мы можемъ выражать платоническія пожеланія всеобщаго мира», говоритъ мистриссъ Бентцонъ.

Въ клубѣ обсуждаютъ также колоніальные вопросы. «Женщины должны получать такую подготовку въ школахъ, чтобы и онѣ также могли самостоятельно эмигрировать, наши мужчины уѣзжаютъ; пусть же и женщины слѣдуютъ за ними!» Конечно, женскіе карьеры служатъ неисчерпаемою темою для разговоровъ въ этихъ клубахъ. Наиболѣе привлекаетъ женщинъ литературная карьера и кажется нигдѣ нѣтъ столько женщинъ писательницъ какъ въ Англіи. Кромѣ того, профессія сидѣлки (nurse), нѣчто вродѣ сестры милосердія, пользуется большимъ успѣхомъ и даже дамы высшаго свѣта зачастую выбираютъ эту профессію. Торговая профессія, даже въ самой простой формѣ, пользуется большою популярностью въ Англіи и притомъ даже среди высшихъ классовъ. Женщины, принадлежащія къ высшему свѣту, открыто содержатъ въ Лондонѣ какой-нибудь модный магазинъ или магазинъ бѣлья и мастерскую нарядовъ. Леди Вервикъ выставила полностью свое имя на дверяхъ лавки, открытой молодыми дѣвушками, которымъ она покровительствовала. Эта великосвѣтская дама вообще поставила своею цѣлью помогать дѣвушкамъ изъ общества въ дѣлѣ выбора профессіи. Это побудило ее къ основанію извѣстнаго учрежденія «Lady Warwick's Hotel», гдѣ преподается огородничество, уходъ за птицами и пчелами, молочное дѣло, словомъ все, что нужно для хорошей садовницы и фермерши. Въ такомъ же родѣ она желала подготовить женщинъ и къ торговой профессіи и въ Англіи теперь стало модой изучать торговое дѣло.

Общественное мнѣніе Европы все рѣзче и энергичнѣе высказывается противъ войны. Глава англійской школы позитивистовъ Фредерикъ Гаррисонъ высказываетъ въ «Positivist Review» убѣжденіе, что обѣ враждующія стороны должны въ болѣе или менѣе скоромъ времени придти къ убѣжденію, что самый лучшій исходъ для нихъ — это прекращеніе враждебныхъ дѣйствій. Въ ихъ интересахъ поскорѣе сдѣлать это и заключить между собою и совмѣстно съ

Китаемъ союзъ, обезпечивающій каждой сторонѣ неприкосновенность ея территоріальныхъ владѣній. Такое соглашеніе было бы лучшимъ исходомъ конфликта и вполнѣ согласовалось бы съ желаніями человѣчества и истинными принципами цивилизаціи. Пусть Россія, Китай и Японія заключатъ федерацію, въ которую вошли бы ихъ данники, Монголія, Манчжурія, Корея, Сибирь и области, прилегающія къ берегамъ Тихаго океана. Это единственный способъ закончить войну, не отказываясь отъ взаимныхъ выгодъ. Для достиженія этой цѣли вовсе не нужно никакого вмѣшательства, ни со стороны Европы, ни со стороны Америки. Можетъ быть, найдутся державы, прибавляетъ Гаррисонъ, которыя не будутъ довольны такимъ исходомъ и которыя въ тайникахъ своихъ помысловъ расчитываютъ на совсѣмъ другой исходъ. Но онѣ волей - неволей должны будутъ принять эту комбинацію, которая въ концѣ концовъ будетъ полезна для всѣхъ.

Въ американскомъ журналѣ «American Review of Reviews» японскій журналистъ Адаши Кіаносуке, въ статьѣ, написанной еще до паденія Портъ-Артура, заявлялъ, что война должна кончиться, когда будетъ взятъ Портъ-Артуръ, такъ какъ тогда японцы получатъ все то, изъ-за чего они вынуждены были взяться за оружіе противъ русскихъ. Далѣе авторъ разъясняетъ значеніе Портъ-Артура для японцевъ. «Японскіе государственные дѣятели отлично понимаютъ,—говоритъ онъ,—что тотъ, кто владѣетъ Портъ-Артуромъ, долженъ сдѣлаться, если только онъ не будетъ вытѣсненъ оттуда, господиномъ Желтаго моря. Кромѣ того, они знаютъ также, что если только эта позиція останется въ рукахъ враждебной и достаточно сильной державы, съумѣющей на нее опереться, то она явится кинжаломъ, постоянно занесеннымъ надъ головою Японіи. Когда послѣ окончанія китайско-японской войны Ли-Хунгъ-Чанъ скрѣпилъ договоръ, по которому китайская имперія уступала Японіи Портъ-Артуръ и весь югъ Ліаотонгскаго полуострова, то японцы сочли себя вполнѣ удовлетворенными. Но когда, подъ давленіемъ европейскихъ державъ, Японія была вынуждена согласиться на уступку Китаю Ліаотонгскаго полуострова, вмѣстѣ съ Портъ-Артуромъ, то во всей японской имперіи раздался протестъ противъ подобнаго униженія и многіе даже не захотѣли перенести его, предпочитая прибѣгнуть къ харакири. Въ настоящее время японскіе солдаты, отправляющіеся проливать свою кровь за національное дѣло, должны видѣть передъ собою образъ тѣхъ, кто не хотѣлъ перенести позора и души которыхъ соединились съ душами героевъ, павшихъ подъ Портъ-Артуромъ во время японско-китайской войны и теперь, во время русско-японской войны. Это японскіе «духи предковъ», реальное существованіе которыхъ признается всѣми народами Дальняго Востока, съ такою же вѣрой, какъ и безсмертіе души въ христіанскихъ странахъ, не найдутъ ни мира, ни успокоснія до тѣхъ поръ, пока Портъ-Артуръ будетъ оставаться въ рукахъ тѣхъ, кто нанесъ Японіи такое глубокое униженіе. Такимъ образомъ національный фанатизмъ только разжигаетъ пылъ японцевъ, для которыхъ оккупація крѣпости есть нѣчто большее, нежели военная или стратегическая побѣда. Прежде всего, это возстановленіе оскорбленной національной чести и кромѣ того сюда примѣшивается вопросъ чувства и религіи. Взять Портъ-Артуръ—это значитъ смыть то пятно, кото-

рое осквернило японское знамя, это значитъ принести такой даръ неуспокоеннымъ душамъ умершихъ, который не можетъ сравниться ни съ какимъ ѳиміамомъ! Вотъ почему японцы съ такою героическою отвагой бросаются на эти стѣны, такъ долго имъ сопротивляющіяся. Они идутъ на смерть, но не потому, что питаютъ презрѣніе къ жизни, какъ это говорилось про нихъ, а потому, что считаютъ себя обязанными принести эту жертву ради тѣхъ, кто принесъ ее раньше нихъ. Они хотятъ получить Портъ-Артуръ, и когда получатъ его, то не потребуютъ ничего больше!»

О необходимости мира говоритъ также и бывшій французскій министръ Ланессанъ, въ своей статьѣ «La Paix nécéssaire», напечатанной въ «Matin» и произведшей впечатлѣніе во Франціи, такъ какъ авторъ ея считается компетентнымъ судьей въ вопросахъ внѣшней политики. Ланессанъ напоминаетъ о движеніи общественнаго мнѣнія въ пользу вмѣшательства нейтральныхъ державъ, возникшемъ мѣсяца за четыре до паденія Портъ-Артура. Кое-кто изъ чрезмѣрно рьяныхъ друзей Россіи или черезчуръ близорукихъ не захотѣли прислушаться къ совѣтамъ благоразумія. А теперь японцы сдѣлались абсолютными властителями моря! Ну, а завтра они будутъ владѣть двумя желѣзными дорогами для подвоза провіанта и подкрѣпленій, и когда стаетъ ледъ, они могутъ безпрепятственно осадить Владивостокъ. По мнѣнію Ланессана немедленное заключеніе мира безусловно необходимѣе теперь, чѣмъ продолженіе войны, которое не можетъ привести ни къ какимъ конечнымъ результатамъ, ни для которой изъ враждующихъ сторонъ. Кто бы ни былъ побѣдителемъ ему все-таки придется считаться со всѣми великими державами, имѣющими интересы на Дальнемъ Востокѣ. Россія въ особенности нуждается въ томъ, чтобы истинные и просвѣщенные друзья, которымъ она довѣряетъ и искренность которыхъ не внушаетъ ей никакихъ сомнѣній, указали бы ей ея интересы. И развѣ Франція не должна быть такимъ другомъ? Развѣ она не должна постараться разсѣять то заблужденіе, въ которомъ стараются поддерживать Россію своими воинственными совѣтами, поощряя ее продолжать войну и доставляя ей для этого средства, тѣ, въ чьихъ интересахъ ее ослабить какъ можно больше. Англія, съ своей стороны, должна была бы воспользоваться тѣми преимуществами, которыя доставляетъ ей ея оффиціальный союзъ съ Японіей и преподать ей совѣты, внушенные долговременнымъ опытомъ, который Англія несомнѣнно имѣетъ въ международной политикѣ. Менѣе склонные терять голову нежели европейскіе народы, восточные народы отличные дипломаты и никогда не ошибаются въ томъ, гдѣ находятся ихъ истинные интересы. Японія, слѣдовательно, не осталась бы глуха къ дружескимъ совѣтамъ, исходящимъ отъ Великобританіи. Что же касается Франціи, то особенныя условія, въ которыя она поставлена, вслѣдствіе своей дружбы съ Великобританіей и своего союза съ Россіей, а также тѣхъ дружескихъ отношеній, которыя она всегда поддерживала съ Японіей, налагаютъ на нее важныя обязанности. Она не только должна говорить о мирѣ съ обѣими враждующими сторонами, но должна кромѣ того постараться скрѣпить тѣ узы, которыя только начали образовываться между Великобританіей и Россіей».

Многіе англійскіе журналы находятъ вполнѣ возможнымъ соглашеніе между

враждующими сторонами. Къ такому взгляду присоединяется и Диллонъ, въ своей статьѣ въ «Contemporary Review». По его словамъ, это думаютъ уже и въ Россіи, гдѣ считаютъ даже осуществимымъ русско-японскій союзъ, который и долженъ будетъ разрѣшить всѣ затрудненія гораздо лучше, чѣмъ миръ, всегда эфемерный. Словомъ, всѣ тѣ, кто привыкъ смотрѣть на вещи сверху, убѣждены, что война, если только она прекратится, непремѣнно должна будетъ привести за собою союзъ обоихъ противниковъ. Они научились теперь уважать другъ друга, какую бы ненависть они ни питали другъ къ другу вначалѣ. Россі- убѣдилась, что изъ всѣхъ державъ міра одна только Японія осмѣлилась загородить ей дорогу съ непреклоннымъ мужествомъ. Японцы, съ своей стороны, убѣдились, что они имѣютъ дѣло съ очень мужественнымъ и энергичнымъ противникомъ. Какихъ благодѣтельныхъ результатовъ можно было бы достигнуть, если бы Японія и Россія, вмѣсто того, чтобы истощать свои силы въ борьбѣ и стараться истребить другъ друга, соединили бы свои усилія для разрѣшенія восточно-азіатской проблемы. Коллизія силъ, которыя, въ сущности, должны были бы кооперировать, была важною ошибкой, за которую заплачено потоками крови и страшными жертвами съ обѣихъ сторонъ. Миръ, хотя бы основанный на вполнѣ справедливомъ соглашеніи, которое можетъ быть принято, не разрѣшитъ ничего, и подъ пепломъ будетъ тлѣть огонь. Существуетъ только одинъ способъ разсѣять всѣ опасности, настоящія и будущія, такъ какъ миръ послужилъ бы только къ подготовленію къ новой, еще болѣе кровопролитной кампаніи. Это была бы, роковымъ образомъ, прелюдія къ возобновленію еще болѣе ожесточенной войны. Но авторъ не скрываетъ, что соглашеніе, которое онъ проповѣдуетъ, сопряжено съ величайшими затрудненіями, для разрѣшенія которыхъ нуженъ дипломатическій талантъ Кавура или Бисмарка и, кромѣ того, нужны особенно благопріятныя обстоятельства, напр., разрывъ англо-японскаго союза. Во всякомъ случаѣ, очень характерно, что въ данный моментъ англійскіе журналы заговорили о возможности такого исхода русско-японской войны.

Знаменитый норвежскій писатель Біорнсонъ также высказывается въ пользу вмѣшательства. Онъ полагаетъ, что теперь именно наступилъ «психологическій моментъ» для этого. Парламенты должны побудить свои правительства къ вмѣшательству и постараться покончить войну. Всѣ народы страдаютъ отъ войны и въ правѣ требовать ея прекращенія. Говорятъ, что враждующія стороны отклонятъ всякое вмѣшательство, но кто можетъ поручиться за это? Очень часто то, что казалось раньше унизительнымъ, перестаетъ казаться таковымъ, когда наступилъ уже «психологическій моментъ». Но парламенты, кромѣ того, могли бы потребовать соблюденія самаго строжайшаго нейтралитета, который теперь одинаково нарушается какъ большими, такъ и маленькими государствами. Если воинствующія стороны не будутъ получать ни угля, ни денегъ, ни провіанта, то война прекратится сама собой. Всѣ цивилизованные народы вполнѣ опредѣленно желаютъ, чтобы война прекратилась, и отъ ихъ парламентовъ зависитъ, чтобы эти желанія были открыто выражены. Если парламенты выполнятъ эту задачу, то они пріобрѣтутъ новую силу въ будущемъ, и этой силы уже никто отъ нихъ не отниметъ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Астрономія въ 1904 году.

Значеніе астрономіи: общее философское и практическое въ жизни. Примѣненіе безпроволочнаго телеграфа къ опредѣленію долготы. Колебаніе земной оси. Атмосфера солнца. Очаги солнечныхъ пятенъ. Девятый спутникъ Сатурна. Колебанія яркости малыхъ планетъ. Кометы въ 1904 году. Изслѣдованіе строенія яркой кометы 1903 года. Большое значеніе отталкивательной силы. Низкій метеоръ. Перемѣнныя звѣзды. Двойная звѣзда 70-ая Змѣеносца. Звѣздное скопленіе въ созвѣздіи Геркулеса. Туманность вокругъ гаммы Кассіопеи. Скорбный листъ.

Главное значеніе астрономіи заключается, конечно, въ томъ, что она вырабатываетъ основы нашего міровоззрѣнія, нашей общей философіи. Въ этомъ отношеніи заслуги астрономіи предъ человѣчествомъ громадны.

Вспомнимъ ту революцію воззрѣній, которую произвела теорія Коперника. Земля вовсе не центръ вселенной, вокругъ котораго все группируется, вокругъ котораго движутся тысячи міровъ, и человѣкъ не можетъ себя считать царемъ природы, ради котораго существуетъ все остальное, зажжена иллюминація на вечернемъ небѣ, шлетъ свои теплые, животворящіе лучи солнце. Онъ живетъ на маленькой землѣ, которая вмѣстѣ съ другими планетами движется вокругъ громаднаго солнца. Привилегированное, исключительное положеніе земли есть фикція. Но человѣку остается еще утѣшеніе, что солнце, вокругъ котораго ходитъ земля, все же исключительное, особенное тѣло во вселенной и по своимъ свойствамъ, и по своему положенію. Утѣшеніе пріятное, но не прочное. Вскорѣ честолюбію человѣка наносится новый ударъ. Всѣ маленькія звѣздочки, которыя въ безконечномъ числѣ разсыпаны на небѣ, оказывается, такія солнца, какъ наше. Онѣ только кажутся маленькими потому, что чрезвычайно удалены отъ насъ, но на самомъ дѣлѣ онѣ такія же большія, какъ наше солнце, и, какъ, послѣднее представляетъ собой раскаленное тѣло, посылающее вокругъ массу свѣта и тепла, возможно, что онѣ тоже центры сложныхъ системъ, что вокругъ каждой звѣзды движутся меньшія тѣла, какъ вокругъ нашего солнца извѣстныя наши планеты: Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ, Нептунъ.

И самое наше солнце является составной единицей въ большой міровой системѣ—системѣ солнцъ, разбросанныхъ равномѣрно въ пространствѣ и движущихся около какого-то центра.

Система эта не одна. На огромнѣйшихъ разстояніяхъ, о которыхъ наше воображеніе не можетъ составить себѣ осязательнаго понятія, много другихъ звѣздныхъ системъ. Многія изъ нихъ даже въ сильнѣйшія трубы являются лишь слабыми туманными пятнами, а свѣтъ, пробѣгающій въ секунду времени 30.000 верстъ, идетъ отъ нихъ до насъ тысячи лѣтъ.

Спектральный анализъ даетъ непосредственныя подтвержденія, что наше солнце ничѣмъ въ общемъ не отличается по своимъ физическимъ свойствамъ отъ звѣздъ. Это могучее орудіе естествознанія обнаруживаетъ и относительный возрастъ нашего солнца по сравненію съ другими. Несомнѣнно существуетъ много солнцъ, которыя горячѣе, болѣе накалены, чѣмъ наше—звѣзды бѣлыя. Наше солнце уже значительно охладилось, оно находится на второй ступени къ своей кончинѣ. Это одна изъ желтыхъ звѣздъ. Но есть и еще болѣе охладившіяся солнца—звѣзды красныя, есть и совсѣмъ почти потухшія солнца, лишь временно прорывающія кору, которая ихъ покрыла,—звѣзды, вспыхивающія лишь на нѣсколько мѣсяцевъ, звѣзды временныя, по прежней терминологіи,—новыя звѣзды. Конечно, есть и темныя звѣзды—окончательно потухшія солнца.

Космогоническія гипотезы рисуютъ намъ картину созданія нашей солнечной системы. Общія идеи развивались дальше въ приложеніи къ другимъ системамъ, какъ отдѣльнымъ, такъ и болѣе сложнымъ звѣзднымъ скопленіямъ. Но огромное число двойныхъ звѣздъ, открытыхъ за послѣдніе годы, такихъ тѣсныхъ, которыя едва могутъ быть раздѣлены нашими могущественными телескопами, и такихъ, которыя никогда не будутъ даже доступны нашимъ трубамъ, а узнаются только по періодическимъ смѣщеніямъ линій въ спектрахъ,—свидѣтельствуетъ, что наша солнечная система не можетъ быть признана прототипомъ для всѣхъ остальныхъ, что это одинъ лишь изъ примѣровъ среди большого разнообразія въ природѣ. Въ то время какъ въ нашей солнечной системѣ въ центрѣ находится огромное тѣло, а вокругъ него движутся сравнительно очень малыя тѣла, въ нѣсколько тысячъ и даже милліоновъ разъ меньшія центральнаго тѣла, есть системы, въ которыхъ свѣтятъ два солнца, лишь немного уступающія другъ другу въ величинѣ, но совершенно различающіяся по своей природѣ, встрѣчаются системы и съ тремя и болѣе солнцами. Очевидно, условія жизни на возможныхъ въ такихъ системахъ планетахъ иныя, чѣмъ на землѣ. То, что имѣетъ мѣсто на послѣдней, лишь одна форма изъ безконечнаго разнообразія во вселенной.

Еще глубже въ міровое пространство вводитъ насъ фотографія. Снимки послѣднихъ лѣтъ обнаруживаютъ, что повсюду еще осталась масса неуплотненной туманной матеріи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ясна связь туманности съ звѣздой, которая возгорѣлась изъ нея путемъ уплотнѣнія, въ другихъ туманность охватываетъ цѣлую группу звѣздъ, въ нѣкоторыхъ она стоитъ отдѣльно, но интересна по своему внутреннему строенію.

И вмѣстѣ съ этими общими результатами астрономія даетъ другіе, болѣе частные, тѣмъ не менѣе все-таки весьма важные въ практической жизни. Астрономія всегда служила жизни. Древніе египтяне, смотря на звѣзды, ожи-

дали разлитія плодороднаго Нила, китайцы умѣли предсказывать лунныя и солнечныя затменія, финикіяне находили путь въ морѣ по звѣздамъ. Наша жизнь регулируется временемъ, и чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ болѣе у него потребность въ точныхъ часахъ. Но ни одинъ механизмъ не совершененъ. Онъ не можетъ идти впродолженіи долгаго времени вѣрно, и постоянно требуетъ контроля. Для часовъ контролемъ является суточное движеніе небеснаго свода. Наблюдая прохожденіе звѣздъ черезъ меридіанъ, астрономъ повѣряетъ свои часы, усчитываетъ ихъ ходъ и каждый день въ опредѣленный моментъ съ помощью телеграфнаго сигнала или какимъ-либо другимъ способомъ сообщаетъ точное время въ то или другое учрежденіе на общее пользованіе. Въ С.-Петербургѣ палитъ пушка въ 12 часовъ по указанію Пулкова, въ Прагѣ служитель обсерваторіи, помѣщающейся въ верхнемъ этажѣ старинной іезуитской коллегіи, взбирается ежедневно въ полдень на высокую башню и машетъ изъ окна ея огромнымъ флагомъ, въ иныхъ городахъ часовщики лично являются на обсерваторію для болѣе точной провѣрки часовъ. Все наше мореплаваніе держится на астрономическихъ наблюденіяхъ. На обязанности штурмана лежитъ возможно частое опредѣленіе географической широты и долготы мѣста, гдѣ находится судно. Въ обществѣ распространено больше мнѣніе, что путь въ морѣ указываетъ компасъ. Но это представленіе не точно. Компасъ даетъ только направленіе сѣвера, а пароходъ, еще болѣе парусный корабль не могутъ всегда идти подъ однимъ румбомъ. Въ зависимости отъ вѣтра, теченія и другихъ причинъ онъ можетъ измѣнить свое движеніе, нужно всегда знать, гдѣ находится судно, чтобы сообразно съ этимъ выбрать направленіе для дальнѣйшаго плаванія.

Опредѣленіе широты и долготы мѣста постоянно требуется и на сушѣ. Ни одна географическая экспедиція не обходится безъ услугъ астронома, всѣ наши карты составляются по астрономическимъ наблюденіямъ. Съ теченіемъ времени потребность въ болѣе точныхъ числахъ возрастаетъ; потому на ряду съ развитіемъ научной астрономіи мы имѣемъ и постоянное усовершенствованіе методовъ, служащихъ для разрѣшенія практическихъ задачъ. Часто дѣлаются нововведенія въ зависимости отъ новыхъ открытій. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана попытка примѣнить фотографію къ опредѣленію широтъ. Теперь пытаются воспользоваться безпроволочнымъ телеграфомъ для опредѣленія долготъ. Опыты были произведены потсдамскимъ геодезическимъ институтомъ при содѣйствіи «Общества безпроволочнаго телеграфированія въ Берлинѣ». Разность долготъ двухъ мѣстъ на земной поверхности есть разность ихъ временъ. Извѣстно, что въ одинъ и тотъ же физическій моментъ въ различныхъ пунктахъ на землѣ считаютъ разное время въ зависимости отъ того, что солнце обходитъ землю въ теченіе сутокъ и на меридіанѣ различныхъ мѣстъ бываетъ въ различные моменты. Полдень наступаетъ раньше для того мѣста, которое лежитъ къ востоку. Въ Москвѣ поэтому оказывается уже половина перваго, когда въ Петербургѣ двѣнадцать часовъ. Самара сравнительно съ Петербургомъ живетъ впередъ на 1 часъ 19 минутъ, Владивостокъ на 6 часовъ 46 минутъ. Наоборотъ, Варшава отстаетъ въ своемъ счисленіи времени

*

отъ Петербурга на 37 минутъ. При точномъ опредѣленіи разности долготъ и стараются записать показанія часовъ въ двухъ выбранныхъ пунктахъ для одного и того же физическаго момента—момента телеграфнаго сигнала.

Сначала посылается сигналъ съ одной станціи, потомъ для исключенія ошибки, происходящей оттого, что электрическая волна распространяется не моментально,—съ другой. При этомъ за одинъ разъ получается разность долготъ только этихъ двухъ станцій. Преимущество безпроволочнаго телеграфа заключается въ томъ, что сразу можно произвести опредѣленіе разности долготъ между цѣлымъ рядомъ станцій. Но существеннымъ является вопросъ, какова точность опредѣленія съ помощью этого новаго метода. Потсдамскій геодезическій институтъ поэтому прежде всего обращаетъ вниманіе на изслѣдованіе точности аппаратовъ, употребляемыхъ при безпроволочномъ телеграфированіи. Самъ директоръ института—Альбрехтъ и одинъ изъ астрономовъ—Ванахъ производятъ большой рядъ опредѣленія разности долготъ двухъ пунктовъ, находящихся на разстояніи 33 километровъ, при этомъ мѣняются аппараты и сила тока. Полученные ими результаты даютъ основаніе считать аппараты безпроволочнаго телеграфа вполнѣ точными инструментами. Второй вопросъ—на какомъ разстояніи можетъ быть примѣняемъ новый способъ. Рѣшеніе этого вопроса, конечно, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ успѣховъ техники. Изъ произведенныхъ до сихъ поръ опытовъ выяснено, что передача сигналовъ по воздуху идетъ успѣшнѣе на морѣ, чѣмъ на сушѣ. Обширные лѣса оказываютъ особенно вредныя вліянія на распространеніе электрическихъ волнъ. Тѣмъ не менѣе и на сушѣ вполнѣ отчетливое телеграфированіе при нормальныхъ условіяхъ возможно на разстояніи 150 километровъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ сигналы вполнѣ отчетливо передавались на гораздо большія протяженія, напримѣръ, между Берлиномъ и Карлскроной въ Швеціи (450 кил.) и между Берлиномъ и Вѣной (550 кил.)

Въ будущемъ году потсдамскій геодезическій институтъ проектируетъ произвести полное опредѣленіе разности долготъ между Берлиномъ, Потсдамомъ и Брокменомъ.

Точное опредѣленіе широтъ можетъ имѣть и чисто научное значеніе. Въ послѣдніе годы астрономовъ весьма интригуетъ вопросъ о періодическихъ смѣщеніяхъ полюсовъ. На возможность такого смѣщенія теоретически было указано еще въ концѣ XVIII столѣтія. Знаменитый математикъ Эйлеръ показалъ, что ось, около которой вращается земля, не должна оставаться неизмѣнной, Если бы земля была совершенно тверда, то она вращалась бы каждый день около различныхъ осей, которыя въ послѣдовательной совокупности представляли бы поверхность конуса. Полюсъ двигался бы по окружности основанія этого конуса, дѣлая полный оборотъ въ 305 дней. Но размѣровъ этого конуса теорія не указывала. Первая попытка выяснить ихъ изъ наблюденій была сдѣлана пулковскимъ астрономомъ Петерсомъ, который, сопоставляя значенія географической широты своего инструмента по наблюденіямъ полярной звѣзды въ теченіе 1842 и 1843 гг., замѣтилъ правильный ходъ ихъ, согласный съ періодомъ Эйлера. Для угла отверстія Эйлерова конуса оказалась величина

0,08 секунды—эта величина чрезвычайно малая, которая не всѣми могла быть принята за реальную. Наблюденія другихъ астрономовъ тоже не давали какихъ-либо опредѣленныхъ результатовъ, и вопросъ объ измѣняемости широтъ поэтому не пользуется большимъ вниманіемъ. Дѣло совершенно мѣняется въ 1888 году. Берлинскій астрономъ Кюстнеръ опредѣлилъ очень важную въ астрономіи величину, такъ называемую постоянную аберрацію, съ помощью прекраснаго инструмента и по очень точному способу. Когда онъ сопоставилъ свои результаты, обнаружились разногласія, которыя ясно указывали на періодическое измѣненіе широты. Предѣлы измѣненія достигали до 0,5 секунды. Конечно, и эта величина небольшая, но при точныхъ изслѣдованіяхъ, астрономъ уже не пренебрегаетъ теперь ею, а главное, интересенъ правильный періодическій ходъ отклоненій. Какъ только результаты Кюстнера стали извѣстны, цѣлый рядъ обсерваторій приступилъ къ организаціи спеціальныхъ точныхъ опредѣленій широтъ. Съ другой стороны, были сдѣланы попытки сопоставить богатый матеріалъ, накопившійся на различныхъ обсерваторіяхъ раньше. Хотя эти наблюденія производились съ совершенно другими цѣлями безъ нужныхъ предосторожностей, тѣмъ не менѣе въ массѣ и здѣсь обнаружилась закономѣрность. Американскій астрономъ Чендлеръ, обработавшій большіе ряды (33000 отдѣльныхъ наблюденій), съумѣлъ представить результаты эмпирической кривой, которая какъ будто бы является результатомъ двухъ періодическихъ колебаній земной оси: одно изъ этихъ колебаній имѣетъ періодъ въ 431 день и совершается въ предѣлахъ 0,25 секунды, другое колебаніе—съ годовымъ періодомъ и перемѣнными предѣлами отъ 0,08 до 0,40 секунды. Картина движенія полюса, такимъ образомъ, является весьма сложной: полюсъ то приближается къ нѣкоторой неподвижной точкѣ, то отходитъ отъ нея, перемѣщаясь по кривой всегда въ одномъ и томъ же направленіи. Общій періодъ, какъ комбинація двухъ названныхъ, составляетъ *семь* лѣтъ. Вышеупомянутыя спеціально организованныя наблюденія дали результаты, подтверждающіе циклы Чендлера. Оставалось еще только одно сомнѣніе, не сказалось ли на всѣхъ этихъ результатахъ одно какое-нибудь общее измѣненіе отвѣсной линіи, такъ какъ западно-европейскія обсерваторіи мало удалены другъ отъ друга, а можетъ быть для всѣхъ нихъ возможны и аналогичныя періодическія колебанія въ преломленіи воздуха. Чтобы разрѣшить эти недоразумѣнія, въ 1891 году снаряжается экспедиція на Сандвичевы острова въ Гонолулу, какъ разъ приблизительно на 180 градусовъ по долготѣ отъ европейскихъ обсерваторій. Если измѣненіе широтъ обусловливается колебаніемъ земной оси, то въ двухъ противоположныхъ по долготѣ пунктахъ уклоненія должны быть знакопротивоположныя. И какъ разъ наблюденія въ Гонолулу обнаружили правильное послѣдовательное уменьшеніе широты въ то время, какъ широты европейскихъ обсерваторій увеличивались. Періодъ измѣненія оказался также одинаковъ, такъ что всякія сомнѣнія въ дѣйствительности движенія полюса исчезли. Очевидно только, что это движеніе не то, что предсказывала теорія Эйлера, и земля не можетъ быть разсматриваема при этихъ изслѣдованіяхъ, какъ твердое тѣло. Есть какія-то особенности въ строеніи нашей планеты, которыя обусловливаютъ сложное

перемѣщеніе полюсовъ. Но какія? Является цѣлый рядъ гипотезъ. Быть можетъ, причиной наблюдаемаго сложнаго колебанія земной оси служитъ жидкая масса внутри земли, можетъ быть, оно обусловливается геологическими процессами, измѣняющими распредѣленіе массъ на поверхности земли и внутри ея, а можетъ быть, вліяютъ и метеорологическіе процессы, какъ напримѣръ, перенесеніе большихъ массъ водяныхъ паровъ отъ экватора къ полюсамъ, выпаденіе большихъ массъ дождя или снѣга, измѣненія уровня океановъ вслѣдствіе пассатовъ и т. п. Всѣ такія явленія имѣютъ годичный періодъ. Комбинація этого періода съ эйлеровымъ періодомъ въ 305 дней должна дать сложное движеніе полюсовъ. Но интересно вліяніе всѣхъ этихъ причинъ оцѣнить цифрами и сравнить съ наблюдаемымъ въ дѣйствительности движеніемъ полюсовъ. Если геофизика, изучающая строеніе земной коры, даетъ астрономіи цѣнныя указанія на положеніе полюсовъ и обстоятельствъ движенія земной оси въ давнопрошедшія времена, то и, наоборотъ, гипотезы геофизики и метеорологіи могутъ провѣряться на результатахъ астрономическихъ наблюденій. Точное изслѣдованіе колебаній земной оси поэтому становится интереснымъ не только съ точки зрѣнія астронома, оно пріобрѣтаетъ общее важное значеніе.

Еще въ 1883 году итальянскій астрономъ Фергола предлагалъ организовать одновременныя опредѣленія широтъ по одному методу съ однѣми и тѣми же звѣздами на двухъ обсерваторіяхъ, мало различающихся по широтѣ, но далеко отстоящихъ другъ отъ друга по долготѣ. Тогда, въ силу малаго интереса къ вопросу объ измѣняемости широтъ, на это предложеніе обратили мало вниманія, но въ 1888 году Гельмартъ напоминаетъ его уже съ большимъ успѣхомъ. Несмотря на то, что съ 1890 года систематическія опредѣленія начинаются на 2 обсерваторіяхъ и состоялась уже экспедиція въ Гонолулу, давшая такіе интересные результаты, мысль объ организаціи наблюденій на одной параллели въ нѣсколькихъ удаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ все болѣе или болѣе занимаетъ астрономовъ, и послѣ нѣсколькихъ конференцій въ 1898 году состоялось окончательно международное соглашеніе организовать однообразныя наблюденія на параллели 39° 8′ въ шести пунктахъ: Мизусавѣ въ Японіи, Чарджуѣ въ средне-азіатской Россіи, Корлофортѣ въ Италіи, Гейзербебургѣ въ восточной Америкѣ, Цинцинатѣ—въ центральной и Укѣ—въ западной. Для однородности обработки всѣ вычисленія ведутся въ одномъ центральномъ бюро—въ потсдамскомъ геодезическомъ институтѣ.

Въ маѣ 1904 года директоръ института проф. Альбрехтъ опубликовалъ результаты наблюденій на этихъ станціяхъ за 1903 годъ въ связи съ прежними, начиная съ 1900 года. Чрезвычайно любопытную картину представляетъ собой кривая, которую вычертилъ за это время полюсъ. Въ 1900 году она тѣсно охватываетъ нѣкоторую точку, въ началѣ 1901 года полюсъ отходитъ отъ этой точки, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, хотя витки кривой идутъ не совсѣмъ правильно. Въ половинѣ 1903 года отклоненія наибольшія, къ началу 1904 года опять уменьшаются. Эти приближенія и удаленія кривой относительно центральной точки находятся въ согласіи съ тѣми приближеніями въ 1894 году и удаленіями въ 1890 г., которыя наблюдаются въ кривыхъ, по-

строенныхъ на основаніи наблюденій другихъ отдѣльныхъ обсерваторій. Они подтверждаютъ общій семилѣтній циклъ Чендлера. Но витки кривыхъ нѣсколько отличаются. Японскій астрономъ Кимура въ 1900 году замѣтилъ, что въ наблюдаемыхъ измѣненіяхъ широты можетъ входить членъ, вовсе не зависящій отъ движенія полюса и имѣющій годичный періодъ. Проф. Альбрехтъ вводитъ въ свои вычисленія этотъ членъ и обнаруживаетъ, что измѣненія его во всѣ четыре года, съ 1900 по 1904 г., идутъ удивительно согласно: въ началѣ каждаго года эта величина наибольшая, къ апрѣлю она достигаетъ нуля, въ іюнѣ является наибольшее отрицательное значеніе. Если не принимать этого члена, то получаются сравнительно большія остаточныя ошибки и несогласія отдѣльныхъ станцій, которыя не находятъ себѣ объясненія. Какая причина сказывается въ этомъ добавочномъ членѣ Кимуры—не знаемъ. Возможно, что это эффектъ аномалій въ рефракціи. Если такъ, то на другой параллели можно ждать другихъ значеній этого члена. Абсолютная величина его, по наблюденіямъ на параллели 39° 8′, незначительна, всего 0,038 секунды, но правильное измѣненіе за всѣ 4 года наблюденій говоритъ за его реальность. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ той точности, которой достигли современныя астрономическія наблюденія, организованныя по строгому плану.

Изученіе строенія солнечной атмосферы въ настоящее время производится весьма интереснымъ, своеобразнымъ способомъ. Разсматриваютъ не всю атмосферу въ ея цѣломъ, а выдѣляютъ каждое вещество, которое входитъ въ ея составъ. Фотографируютъ распредѣленіе его. Получаютъ скелетъ, сѣтку распредѣленія одного, другого, третьяго вещества въ атмосферѣ, отдѣльно безъ общаго фона. Этотъ методъ является развитіемъ того способа, съ помощью котораго наблюдаютъ глазомъ выступы на открытомъ солнечномъ дискѣ безъ затменія. Извѣстно, что если пучекъ бѣлаго свѣта идетъ черезъ призму, то она разлагается на безконечное множество цвѣтныхъ элементарныхъ, и мы получаемъ спектръ, но если источникъ свѣта испускаетъ лучи только одного сорта, напримѣръ, одни только желтые лучи, то разложенія ихъ не будетъ, произойдетъ только отклоненіе—мы увидимъ самый источникъ свѣта, только въ другомъ направленіи: нѣсколько приподнятомъ или опущенномъ въ зависимости отъ расположенія призмы. Пусть лучи идутъ отъ раскаленнаго водорода. При прохожденіи черезъ призму, они раздѣляются, но только на пять доступныхъ нашему глазу пучковъ: красный, зеленый, голубой и два фіолетовыхъ. Получится пять тождественныхъ по формѣ, но различныхъ по цвѣту изображеній источника свѣта. Если это былъ солнечный выступъ, мы увидимъ, расширяя щель спектроскопа, пять изображеній этого выступа въ красномъ, зеленомъ, голубомъ и фіолетовомъ цвѣтахъ. Какъ можно видѣть изображенія выступовъ, такъ можно и фотографировать ихъ. Американскій астрономъ Хэйль замѣтилъ, что въ спектрахъ солнечныхъ выступовъ и факеловъ темныя линіи H и K, лежащія въ области фіолетовыхъ лучей и приписываемыя кальцію, дѣлаются свѣтлыми. Онъ попробовалъ фотографировать изображеніе въ этихъ лучахъ. Чтобы уединить лучи, кромѣ главной щели спектроскопа, онъ беретъ другую щель, черезъ которую и пропускаетъ лучи H и K на фотографическую пла-

стинку. Оставляя послѣднюю неподвижной, онъ заставляетъ обѣ щели, соединенныя въ одну систему, перемѣщаться параллельно начальному положенію по всему изображенію солнца и даже нѣсколько больше въ ту и другую сторону. Если самое изображеніе солнца закрыто, то рядъ положеній щели даетъ полную картину окрестностей—изображеніе хромосферы и всѣхъ выступовъ. Если оставить дискъ солнца открытымъ, то на фотографическомъ снимкѣ при болѣе короткой экспозиціи получаются факелы по всему диску, точнѣе картина распредѣленія паровъ, посылающихъ лучи *H* и *K*. Хэйль приписывалъ ихъ факеламъ и считалъ послѣдніе массами свѣтящагося накаленнаго кальція. Но французскій астрономъ Деляндръ, который тоже сумѣлъ, независимо отъ Хейля, получить на фотографическомъ снимкѣ картину распредѣленія паровъ *H* и *K*, съ самаго начала отличалъ ихъ отъ факеловъ. Онъ утверждалъ, что пары кальція плаваютъ въ хромосферѣ выше поверхности солнца, а факелы, это—части самой фотосферы, лишь только нѣсколько приподнятыя. Впослѣдствіи къ этому мнѣнію присоединяется и Хэйль, который, сдѣлавшись директоромъ богатой обсерваторіи Іеркса, получилъ возможность производить опыты съ большими средствами. Въ его распоряженіи огромная труба—первая по своей величинѣ во всемъ свѣтѣ, соотвѣтствующихъ размѣровъ и приборъ для фотографированія спектра солнечной поверхности—такъ называемый спектрогеліографъ. Въ 1899 году былъ готовъ этотъ приборъ, а въ 1902 году Хэйль опубликовалъ первые результаты, полученные съ нимъ. Теперь появились новые, вызывающіе всеобщее удивленіе. Рядъ прекрасныхъ, роскошно отпечатанныхъ таблицъ передаетъ удивительныя клочковатыя образованія различныхъ паровъ въ атмосферѣ солнца. Картины напоминаютъ собой общій видъ солнечной поверхности по фотографіямъ Жансена—такія же волны или облака, перепутавшіяся между собою. Только въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ фотосферой солнца, посылающей намъ совокупность многихъ лучей, а съ различными отдѣльными веществами, плавающими въ раскаленной атмосферѣ солнца, а потому и картины, представляющія собой одно и то же мѣсто диска солнца для одного почти времени, не тождественны между собой, часто даже совершенно не похожи и въ главныхъ своихъ чертахъ. Понятно,—одна даетъ распредѣленіе одного вещества, другая—другого. Вещества эти могутъ быть на различныхъ высотахъ надъ поверхностью солнца, могутъ и перемѣшиваться, но фотографическій снимокъ, полученный вышеописаннымъ образомъ, раздѣляетъ ихъ. Каждый снимокъ даетъ картину распредѣленія одного вещества отдѣльно, безъ отношенія къ другимъ и къ общему фону. Снимки, опубликованные теперь, сдѣланы Хэйлемъ совмѣстно съ Эллерманомъ. Они соотвѣтствуютъ кальціевымъ лучамъ H_1, H_2, K_1, K_2 и водороднымъ H_β и H_γ.

На нихъ, благодаря большему масштабу, выступаютъ также интересныя подробности строенія—видна зернистость, какъ въ факелахъ и выступахъ. Поднимается цѣлый рядъ вопросовъ, составляются проекты для дальнѣйшихъ сравнительныхъ изслѣдованій.

Каждой гипотезѣ, которая пытается объяснить происхожденіе солнечныхъ пятенъ, приходится теперь считаться съ замѣчательнымъ открытіемъ, которое сдѣлалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ директоръ цюрихской обсерваторіи Вольферъ. Обрабатывая изъ года въ годъ большой матеріалъ наблюденій солнечныхъ пятенъ, собираемый болѣе чѣмъ въ десяти обсерваторіяхъ, онъ замѣтилъ, что пятна развиваются на поверхности солнца не повсюду кругомъ, что они появляются впродолженіи мѣсяцевъ по преимуществу на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ теченіе долгаго времени, такимъ образомъ, одна опредѣленная область солнечной поверхности становится очагомъ, извергающимъ пятна, областью наиболѣе кипучей дѣятельности. Если такъ, то ясно, что причина солнечныхъ пятенъ лежитъ въ самомъ солнцѣ, и всѣ гипотезы внѣшняго вліянія, какъ, напримѣръ, гипотеза, что пятна появляются на поверхности солнца вслѣдствіе паденія метеоровъ, отпадаютъ сами собой. Затѣмъ Вольферъ констатировалъ также существованіе опредѣленныхъ очаговъ и для протуберансовъ и факеловъ. А теперь, когда дѣятельность солнца вновь оживилась, рѣзко выраженныя явленія замѣчаютъ сами наблюдатели непосредственно на своихъ наблюденіяхъ. Такъ, Эпштейнъ свидѣтельствуетъ, что въ теченіе года (съ 23 августа 1903 года по 14 августа 1904) на поверхности солнца выдѣлялась относительно очень небольшая область—по 170 меридіану между 12 и 16 градусами сѣверной широты,—на которой, по крайней мѣрѣ при восьми оборотахъ (оборотъ солнца 26 дней) появлялись пятна: большія и маленькія, менѣе постоянныя и болѣе прочныя. И какъ разъ въ діаметрально противоположной области, на томъ же меридіанѣ и почти подъ такой же южной широтой, тоже замѣчалась усиленная дѣятельность, но только съ апрѣля 1904 года. Замѣчательно, что максимумъ ея совпалъ по времени съ максимумомъ въ первой области.

Въ 1899 году Вильямъ Пикерингъ сдѣлалъ сенсаціонное открытіе—открылъ девятаго спутника у Сатурна. На нѣсколькихъ фотографіяхъ онъ усмотрѣлъ слабенькую звѣздочку, которая, повидимому, принадлежала къ системѣ Сатурна и обходила вокругъ планеты въ теченіе $1^1/_2$ года. Прошло пять лѣтъ, но никакихъ подтвержденій существованія девятаго спутника у Сатурна ни откуда не получалось. Являлось подозрѣніе, что В. Пикерингъ введенъ въ заблужденіе. Но въ 1904 году о спутникѣ опять появилось извѣстіе. Оказывается, что въ Америкѣ за нимъ слѣдили, и по фотографическимъ снимкамъ опредѣлили даже орбиту его. Весной въ южно-американскомъ отдѣленіи обсерваторіи гарвардскаго колледжа были получены новые одиннадцать снимковъ, по которымъ исправлена эфемерида, указывающая положенія спутника по отношенію къ планетѣ. Эфемериду эту опубликовали въ руководство другимъ астрономамъ, которые могли также наблюдать новаго члена интересной системы. И какъ разъ, какъ только появилась эта эфемерида, извѣстный астрономъ на обсерваторіи Іеркса, Барнардъ, нашелъ по ней спутника. Онъ наблюдалъ его впервые непосредственно глазомъ въ большую трубу 12-го сентября. Орбита спутника

наклонена къ плоскости земной орбиты подъ угломъ въ 6 градусовъ, такое же приблизительно наклоненіе будетъ и къ плоскости орбиты Сатурна, наклоненіе къ плоскости діаметра Сатурна достигаетъ 33 градусовъ, время обращенія спутника—440 дней.

Трудно разглядѣть что-нибудь на поверхности даже наибольшихъ астероидовъ. Лишь только изъ сопоставленія ихъ относительной яркости съ размѣрами можно было дѣлать нѣкоторыя косвенныя заключенія о природѣ ихъ.

Теперь является еще на помощь періодическія колебанія яркости нѣкоторыхъ изъ малыхъ планетъ. Впервые это удивительное явленіе было подмѣчено на знаменитомъ Эротѣ въ 1901 году. Оказывается, что яркость планеты измѣняется на 2 звѣздныя величины періодически черезъ каждые $2^1/_2$ часа или точнѣе: промежутокъ между первымъ и вторымъ минимумами равняется 2 часамъ 51 минутѣ, а промежутокъ между вторымъ и третьимъ—2 часамъ 24 минутамъ. Промежутки между соотвѣтствующими максимумами—2 часа 50 минутъ и 2 часа 36 минутъ. Объясненіе этимъ загадочнымъ колебаніямъ яркости мы находимъ въ предположеніи, что маленькая планетка Эротъ представляетъ собой не одно, а два тѣла, которыя обходятъ одно вокругъ другого. Когда свѣтъ идетъ къ намъ отъ обоихъ тѣлъ, наблюдается большая яркость, когда для насъ одно тѣло закрываетъ другое—видимая яркость уменьшается, происходитъ первый минимумъ, когда второе тѣло будетъ ближе къ намъ, закрывая первое, происходитъ второй минимумъ. Третій минимумъ представляетъ то же явленіе, что и первый, такъ что промежутокъ времени между первымъ и третьимъ минимумами даетъ непосредственно время обращенія одной планетки около другой. Въ данномъ случаѣ періодъ обращенія равняется 5 часамъ 15 минутамъ. Оказалось возможнымъ войти и въ болѣе детальное разслѣдованіе строенія гипотетической системы. Орбита движенія одного тѣло около другого несомнѣнно должна быть эллиптична, ея эксцентриситетъ равняется 0,056, разстояніе точки наибольшаго сближенія тѣлъ отъ линіи пересѣченія плоскости орбиты съ эклиптикой составляетъ 162 градуса, большая ось орбиты лишь немного больше суммы радіусовъ двухъ тѣлъ, которыя по своимъ размѣрамъ мало отличаются другъ отъ друга. Ихъ отношеніе можетъ быть $^3/_2 : 1$. Тѣла, вѣроятно, имѣютъ форму эллипсоидовъ очень сжатыхъ.

Правда, возможно и другое объясненіе наблюдаемымъ явленіямъ. Быть можетъ, различныя области на поверхности планеты имѣютъ различную способность отражать солнечные лучи. При вращеніи около оси планета обращается къ нимъ то одной, то другой частью своей поверхности и посылаетъ намъ то болѣе, то менѣе лучей—горитъ то ярче, то слабѣе. По особенностямъ колебанія яркости можно выяснить расположеніе на поверхности областей, обладающихъ опредѣленной способностью къ отраженію, время вращенія планеты около оси, а также положеніе послѣдней въ пространствѣ.

Какое объясненіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, мы пока рѣшить не можемъ. Но, во всякомъ случаѣ, фактъ періодическаго измѣненія яркости малой

планеты чрезвычайно интересенъ и важенъ для уясненія природы астероидовъ, особенно въ виду того, что онъ оказывается не единственнымъ.

Уже вскорѣ за первымъ открытіемъ измѣненія яркости Эрота проф. Вольфъ высказалъ подозрѣніе, что еще двѣ планетки измѣняютъ свою яркость: ихъ слѣды на фотографической пластинкѣ оказывались неровными по ширинѣ. Спеціальныя разслѣдованія въ Потсдамѣ не подтвердили этого предположенія, но въ 1904 году отъ директора обсерваторіи гарвардскаго колледжа Э. Пикеринга послѣдовало опредѣленное заявленіе, что яркость планеты Ириды періодически измѣняется—въ теченіе шести часовъ она падаетъ на одну четверть звѣздной величины, а астрономъ вѣнской обсерваторіи Пализа констатировалъ періодическія колебанія планеты Герты. Періодъ измѣненія яркости этой планеты тоже всего лишь нѣсколько часовъ, такъ что въ одну ночь можно наблюдать не одинъ минимумъ. Дальнѣйшія наблюденія должны выяснить подробности явленія. По историческимъ справкамъ проф. Берבериха колебанія яркости планеты Герты замѣчается и на прежнихъ наблюденіяхъ. Они доходятъ до одной звѣздной величины.

Въ отношеніи кометъ 1904 годъ былъ очень бѣденъ. Наблюдалось всего только четыре слабыхъ кометы. Первая была открыта астрономомъ Бруксомъ въ Женевѣ близъ Нью-Іорка въ ночь съ 16-го на 17-ое апрѣля. Она имѣла видъ туманности, общая яркость которой была ниже 8-ой звѣздной величины съ ядромъ $9^1/_2$ величины, и небольшимъ широкимъ хвостомъ. По характеру движенія кометы вычислить точно ея орбиту оказалось чрезвычайно трудно. Первые результаты, полученные различными вычислителями, расходились весьма значительно. Второй кометой явилась извѣстная періодическая комета Энке, которая правильно наблюдается черезъ каждые 3 года. Ея положеніе на небѣ было весьма близко къ тому, которое указывала предвычисленная впередъ эфемерида. Но относительно яркости кометы ожиданія не оправдались. По внѣшнимъ условіямъ настоящее возвращеніе кометы подобно появленіямъ ея въ 1828 и 1871 гг., когда яркость кометы была настолько велика, что нѣкоторое время комета была доступна наблюденію невооруженнымъ глазомъ. Предыдущее появленіе въ 1901 году тоже отличалось большой яркостью кометы, сравнительно съ другими. Все это и давало основаніе къ ожиданіямъ большой доступности кометы для наблюденій въ 1904 году. Но, вопреки этимъ ожиданіямъ, комета оказалась черезчуръ слаба. Послѣдовавшія вслѣдъ за телеграммой, извѣщавшей объ открытіи кометы (13-го сентября), попытки къ ея наблюденію были у многихъ наблюдателей совершенно безрезультатны. Только съ 28-го октября стали появляться извѣстія объ удачныхъ наблюденіяхъ, причемъ наблюдатели отмѣчали, что комета слаба и размыта. Къ декабрю яркость кометы значительно возросла. Неоправдавшіяся ожиданія относительно яркости кометы Энке свидѣтельствуютъ, какъ много еще неизвѣстнаго, непонятнаго намъ во внутреннемъ строеніи кометъ и тѣхъ процессахъ, которые происходятъ въ нихъ при приближеніи къ солнцу.

Третья комета была открыта уже 30-го ноября. Это тоже періодическая комета, возвращеніе которой къ солнцу ожидалось и было впередъ предвычислено—такъ называемая вторая комета Темпеля съ временемъ обращенія въ 5,2 лѣтъ. Раньше она наблюдалась при четырехъ возвращеніяхъ въ 1873, 1878, 1894 и 1899 гг.

Въ дни, ближайшіе къ открытію, комета имѣла видъ слабой туманности, не болѣе 2 минутъ въ діаметрѣ, безъ всякаго ядра.

Наконецъ, четвертая комета, открытая 17-го декабря въ Ниццѣ. Она всего одиннадцатой величины, поднимается къ сѣверо-востоку.

Яркая комета 1903 года, о которой упоминалось въ прошлогоднемъ обзорѣ (Комета Борелли—см. «Міръ Божій» 1904 г., февраль, II, 79), была чрезвычайно интересна по своему строенію. Полнаго числового изслѣдованія всѣхъ подробностей, которыя обнаружены фотографіей, мы пока еще не имѣемъ.

Отдѣльные результаты уже опубликованы. Особенно заинтересовало астрономовъ оторванное отдѣльное облако въ хвостѣ кометы, которое имѣло видъ узкаго длиннаго треугольника. Разслѣдованія движенія остраго кончика этого треугольника составило лебединую пѣснь покойнаго Ѳ. А. Бредихина. Оно привело къ удивительнымъ результатамъ. Изъ сравненія положеній кончика на снимкахъ Quénisset, Barnard'a и Wallace, которые были сдѣланы всѣ 24 іюля, но въ различные моменты, можно было вывести, что это образованіе удалялось отъ солнца, на него дѣйствовала, несомнѣнно, отталкивательная сила, но выясненіе числовой величины послѣдней представило большія трудности. Даже наибольшія изъ тѣхъ значеній отталкивательной силы, которыя получалъ раньше Бредихинъ, на этотъ разъ оказывались недостаточными. Приходилось допустить, что въ данномъ случаѣ образованіе удалялось отъ солнца подъ дѣйствіемъ силы, приблизительно разъ въ 70 большей, чѣмъ сила ньютоніанскаго притяженія. Но по теоріи Бредихина большая отталкивательная сила соотвѣтствуетъ наболѣе легкому веществу. Если принять, какъ сдѣлалъ это раньше Бредихинъ, что сила 18 соотвѣтствуетъ водороду, тогда слѣдующая по величинѣ сила 36 и найденная теперь 70 могутъ быть отнесены къ продуктамъ разложенія водорода. Такую смѣлую гипотезу рѣшается высказать Бредихинъ, получивъ при своихъ вычисленіяхъ совершенно неожиданное значеніе отталкивательной силы.

Московскій астрономъ Егерманъ повторилъ изслѣдованіе Бредихина, воспользовавшись, кромѣ указанныхъ выше снимковъ, еще снимкомъ, полученнымъ астрономомъ Curtis на обсерваторіи Лика. Онъ нашелъ еще бо̀льшее значеніе отталкивательной силы, въ 89 разъ превосходящее значеніе ньютоніанскаго притяженія.

Непосредственные расчеты даютъ, что матерія удалялась отъ ядра кометы вдоль линіи, соединяющей послѣднюю съ солнцемъ, со скоростью 52 километровъ въ секунду. Егерманъ подчеркиваетъ, что скорость эта во много разъ отличается отъ скорости свѣта, электричества, катодныхъ лучей. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ прежнихъ изслѣдованіяхъ Бредихина мы имѣемъ непо-

средственныя доказательства, что хвостъ кометы и различныя его части вовсе не оптическое явленіе, а реальное передвиженіе вѣсомой матеріи, движущейся съ умѣренной сравнительно скоростью.

Моментъ, когда матерія, образовавшая изслѣдуемое облако, была извергнута изъ ядра, приходится на 9 часовъ 36 мин. вечера 28-го іюля.

На снимкѣ кометы, полученномъ 12-го августа, ясно видно волнистое очертаніе хвоста, а на рисункѣ Fournier, отъ 13-го августа, отмѣчена и интересная форма греческой буквы *гаммы*. По теоріи Бредихина, волнистость въ хвостѣ обусловливается тѣмъ, что ядро кометы въ то время, когда изъ него происходило истеченіе матеріи, колебалось, какъ маятникъ, фигура въ видѣ буквы гаммы образуется отъ пересѣченія волнъ различныхъ веществъ. Вычисленія показываютъ, что эти формы могутъ образоваться только при сравнительно небольшихъ скоростяхъ истеченія. Вотъ ясный, вполнѣ опредѣленный аргументъ въ пользу того, что хвостъ кометы не оптическое явленіе, а матеріальное образованіе.

Средняя высота, на которой загораются метеоры, принимается обыкновенно въ 120 километровъ, высота потуханія оказывается, въ среднемъ, 80—90 километровъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ она, конечно, можетъ быть меньше, но исключительно малая, не наблюдавшаяся до сихъ поръ для обыкновенныхъ метеоровъ, оказалась для одного метеора изъ потока персеидъ, случайно наблюдавшагося въ 1904 году въ Гейдельбергѣ. Астрономъ Гетцъ фотографировалъ туманность Андромеды съ помощью двухъ параллельныхъ камеръ. За время экспозиціи, продолжавшейся $5^1/_2$ часовъ, черезъ ту область неба, на которую были направлены объективы, пролетѣлъ метеоръ, слѣдъ котораго оказался на обѣихъ пластинкахъ. Уже при непосредственномъ разсматриваніи пластинокъ глазомъ видно было, что слѣдъ метеора занимаетъ на нихъ неодинаковое положеніе относительно звѣздъ. А въ стереокомпараторѣ онъ далеко выступалъ вполнѣ отчетливо передъ плоскостью, на которой, казалось, разсыпаны звѣзды, видно было и искривленіе слѣда въ перпендикулярномъ къ этой плоскости направленіи. Въ виду сравнительно малаго взаимнаго разстоянія двухъ объективовъ, съ помощью которыхъ производилось фотографированіе, можно было сразу понять, что метеоръ пролетѣлъ очень низко надъ поверхностью земли. По строгому вычисленію оказалось, что разстоянія различныхъ точекъ метеора отъ наблюдателя находятся въ предѣлахъ 4 и 14 километровъ. Разстояніе начала метеора опредѣлить было нельзя потому, что оно было внѣ поля пластинки.

Уже въ прошлогоднемъ обзорѣ было отмѣчено, что въ послѣднее время производится весьма много открытій перемѣнныхъ звѣздъ. Въ этомъ отношеніи 1903 годъ, казалось, былъ чрезвычайно богатъ: въ теченіе его открыто около семидесяти перемѣнныхъ, но 1904 годъ оказывается еще богаче—открыто 187 перемѣнныхъ. Большинство открытій сдѣлано съ помощью фотографіи и

относятся къ болѣе слабымъ звѣздамъ. Особенно замѣчательно въ новыхъ открытіяхъ то, что часто обнаруживается сразу перемѣнность очень многихъ звѣздъ. Туманность Оріона, оказывается, чрезвычайно богата перемѣнными. Проф. Вольфъ въ два пріема, въ 1901 и 1903 году, открылъ здѣсь 32 перемѣнныхъ. На фотографическихъ снимкахъ обсерваторіи гарвардскаго колледжа усмотрѣли еще 79. Для большинства перемѣнность несомнѣнна—ясенъ и характеръ измѣненія, для нѣкоторыхъ измѣненіе блеска можетъ считаться весьма вѣроятнымъ. Та же обсерваторія опубликовала объ открытіи 10 перемѣнныхъ въ созвѣздіи «Корабль» и болѣе 50 въ «Магелановыхъ облакахъ». Довольно много звѣздъ открыто на московской обсерваторіи г-жой Цераской по фотографическимъ снимкамъ г. Блажко. Особая коммиссія международнаго астрономическаго общества критически разбираетъ свѣдѣнія о вновь открываемыхъ перемѣнныхъ, вырабатываетъ обозначенія для тѣхъ, для которыхъ имѣются опредѣленныя данныя. Въ послѣднемъ спискѣ этой коммиссіи изъ числа 58 отдѣльныхъ перемѣнныхъ (тѣ перемѣнныя, которыя открываются группами, трактуются особо) на долю Москвы приходится 17 звѣздъ, т.-е. 30%.

Интересную работу для любителя, обладающаго чувствительными къ цвѣтнымъ оттѣнкамъ глазами, представляетъ опредѣленіе цвѣта звѣздъ. Въ томъ случаѣ, если нѣтъ подъ руками трубы, можно ограничиться просто наблюденіями невооруженнымъ глазомъ или биноклемъ,—важно только, чтобы воздухъ былъ прозраченъ. Подобную работу произвелъ г. Мёллеръ, плававшій съ октября 1903 по мартъ 1904 г. въ тропическихъ частяхъ Атлантическаго и Тихаго океановъ. Для него употребленіе трубы оказалось невозможнымъ вслѣдствіе качки корабля, но благодаря благопріятнымъ все время атмосфернымъ условіямъ и полному отсутствію вокругъ наблюдателя какихъ-либо ослѣпляющихъ глаза источниковъ свѣта, онъ могъ вполнѣ опредѣленно оцѣнить цвѣтъ 169 звѣздъ и четырехъ планетъ непосредственно глазомъ и биноклемъ.

Опредѣленіе цвѣта производится подобно опредѣленію яркости. Результаты выражаются въ числахъ по особой, условной шкалѣ. Мёллеръ пользовался шкалой Остгофа, въ которой

1	степень	соотвѣтствуетъ	чисто бѣлому цвѣту
2	степени	»	желтовато-бѣлому (съ преобладаніемъ бѣлаго)
3	»	»	желто-бѣлому
4	»	»	бѣловато-желтому
5	»	»	чисто желтому
6	»	»	красновато-желтому
7	»	»	красно-желтому
8	»	»	желтовато-красному
9	»	»	чисто-красному.

По этой шкалѣ цвѣтъ звѣзды беты Кассіопеи оцѣнивался числомъ 9,7, цвѣтъ альфы Кассіопеи—числомъ 5,1, цвѣтъ Альдебарана—числомъ 7,1, цвѣтъ Ригеля—числомъ 2,8 и т. д.

Въ 1904 году опубликовалъ также Крюгеръ результаты своихъ опредѣ-

леній цвѣта звѣздъ между 40 и 60 градусами сѣвернаго склоненія. Это продолженіе его большой работы. Приводя числа, характеризующія цвѣтъ звѣздъ, Крюгеръ дѣлаетъ сопоставленіе съ потсдамскими спектральными наблюденіями. Онъ пытается также статистическимъ подсчетомъ выяснить распредѣленіе на небѣ цвѣтныхъ звѣздъ.

Остгофъ, занимающійся уже давно изученіемъ цвѣта звѣздъ, устанавливаетъ зависимость между цвѣтомъ и яркостью звѣздъ. Для этого ему пришлось организовать особыя изслѣдованія, въ которыхъ яркость наблюдаемыхъ звѣздъ могла по произволу уменьшаться, при помощи особыхъ экрановъ, въ видѣ секторовъ, передъ объективомъ. Необходимымъ условіемъ пользованія этими экранами Остгофъ поставилъ совершенное спокойствіе воздуха и полное отсутствіе луннаго освѣщенія. На основаніи 1.028 оцѣнокъ цвѣта 86 звѣздъ при уменьшеніи ихъ видимой яркости на 1 и на 2 звѣздныхъ величины, онъ констатировалъ сгущеніе цвѣта на 0,60 и 1,03 степени этой шкалы, которая приведена выше.

Это спеціальное изслѣдованіе было вызвано прежними наблюденіями Остгофа надъ перемѣнными звѣздами. Онъ замѣтилъ, что окраска звѣздъ всегда сгущается, если яркость уменьшается. Возникаетъ существенно интересный вопросъ, отчего происходитъ это измѣненіе цвѣта: зависитъ ли оно всецѣло отъ физіологическихъ причинъ, или въ атмосферѣ перемѣнной звѣзды при паденіи яркости появляются особыя условія, которыя вызываютъ измѣненіе цвѣта. Сопоставленіе чиселъ, характеризующихъ измѣненіе цвѣта перемѣнной омикронъ Кита («Удивительной») при измѣненіи ея яркости, съ результатами опытовъ Остгофа показало, что до 80% этого измѣненія можно приписать физіологическимъ свойствамъ нашего глаза и только $^1/_5$, пожалуй, можно признать за реальное измѣненіе цвѣта. При другихъ перемѣнныхъ измѣненіе цвѣта было то нѣсколько больше, то нѣсколько меньше, чѣмъ давали опыты съ искусственнымъ уменьшеніемъ яркости, такъ что какъ будто бы все это случайныя ошибки, равно вѣроятныя въ ту и другую сторону, а слѣдовательно, какъ будто бы надо признать, что въ атмосферахъ перемѣнныхъ вовсе не происходитъ при измѣненіи яркости никакихъ такихъ измѣненій, которыя вліяли-бы на цвѣтъ звѣзды. И въ то же время для Альголя несомнѣнно огромное измѣненіе цвѣта при измѣненіи яркости, которое лишь на $^1/_3$ можетъ быть объяснено физіологическими причинами. Точно также измѣненіе цвѣта Новой Персея въ августѣ 1901 года несомнѣнно реальное явленіе.

Нельзя не пожелать, чтобы на эти колебанія цвѣта наблюдателями было обращено больше вниманія, чтобы было организовано больше спеціальныхъ изслѣдованій въ связи, гдѣ можно, съ показаніемъ спектральнаго анализа.

Давно астрономовъ интерисуетъ система двойной звѣзды, такъ называемой 70-й Змѣеносца. Несмотря на всѣ попытки не удавалось подыскать эллипса, который удовлетворительно представлялъ бы движеніе спутника около главной

звѣзды. Энке объяснялъ это малымъ числомъ измѣреній, имѣвшихся въ его время. Но слѣдующій затѣмъ вычислитель Медлеръ въ своей неудачной попыткѣ видитъ уже поводъ къ двумъ мало вѣроятнымъ гипотезамъ: 1) движеніе въ системѣ 70-й Змѣеносца не повинуется закону Ньютона или 2) центры видимыхъ дисковъ звѣздъ не совпадаютъ съ центрами тяжести ихъ массъ. Гузо хотѣлъ объяснить неправильности движенія спутника различнымъ вліяніемъ аберраціи на каждую изъ звѣздъ, составляющихъ систему. Но масштабъ, въ которомъ можетъ выразиться это вліяніе, оказывается чрезвычайно малъ сравнительно съ тѣми отклоненіями, которыя замѣчаются на самомъ дѣлѣ. Шуръ какъ будто бы нашелъ разгадку недоразумѣній. Ему удалось выяснить, что первое наблюденіе В. Гершеля заключаетъ въ себѣ значительную ошибку. Отбросивъ его, онъ получилъ для спутника орбиту, удовлетворительно представляющую всѣ наблюденія, безъ всякихъ гипотезъ. Но не долго служила орбита Шура. Годы шли, накопились новыя наблюденія и все болѣе и болѣе становилось яснымъ, что эта орбита не представляетъ дѣйствительнаго движенія спутника, такъ какъ обнаруживались все большія и большія отклоненія Американскій астрономъ Си дѣлаетъ предположеніе, что въ системѣ есть еще третье, невидимое намъ тѣло, которое своимъ притяженіемъ возмущаетъ правильное движеніе видимаго спутника около главной звѣзды. И вотъ теперь астрономъ Прей производитъ изслѣдованіе системы съ точки зрѣнія этой гипотезы. При этомъ онъ пытается также опредѣлить отношеніе массъ двухъ видимыхъ нами составляющихъ и приходитъ къ удивительному результату. По его разсчетамъ оказывается, что та звѣзда, которая зовется спутникомъ, звѣзда слабѣйшая по яркости имѣетъ массу, въ четыре раза большую массы главной звѣзды. Она по массѣ въ 1,28 разъ больше нашего солнца, тогда какъ масса главной звѣзды равняется только 0,32 массы солнца. Если это такъ, то мы имѣемъ новый и на этотъ разъ особенно рѣзкій примѣръ въ подтвержденіе замѣчанія Бесселя, что яркость звѣзды вовсе не пропорціональна массѣ, нельзя поэтому во всѣхъ случаяхъ по яркости судить о массѣ.

Замѣтимъ, что вычисленія Модестова въ 1898 году дали для массъ, составляющихъ въ системѣ 70-ой Змѣеносца одинаковыя величины, по 0,8 массы нашего солнца. Этотъ результатъ, хотя и отличается отъ результата Прей, но также подтверждаетъ вышеприведенное замѣчаніе Бесселя, потому что яркость спутника *не* равна яркости главной звѣзды. Въ то время какъ главная звѣзда является 4-ой величины, спутникъ оказывается 6-ой, т.-е. въ шесть разъ слабѣе, при этомъ онъ имѣетъ красноватый оттѣнокъ въ своей окраскѣ. Главная звѣзда чисто желтаго цвѣта.

На страницахъ «Міра Божія» не разъ сообщалось о тѣхъ результатахъ, которые были получены съ помощью фотографіи въ области туманностей и звѣздныхъ скопленій. Благодаря этому могучему средству намъ не только стало извѣстно огромное число новыхъ туманностей, оно указало намъ также много новыхъ неизвѣстныхъ раньше формъ, раскрыло въ деталяхъ и строеніе мно-

гихъ, извѣстныхъ раньше лишь въ общихъ очертаніяхъ туманныхъ пятенъ и звѣздныхъ скопленій. Изъ тѣхъ результатовъ, которые опубликованы въ 1904 году, заслуживаютъ особеннаго вниманія описанія снимковъ звѣзднаго скопленія въ Геркулесѣ и туманности вокругъ звѣзды *гаммы* Кассіопеи, полученныхъ американскимъ астрономомъ Шеберле.

Красивое шаровое скопленіе въ Геркулесѣ было открыто Галлеемъ въ 1714 году. В. Гершель разложилъ его на огромное число звѣздъ. Позднѣе Секки и Трувело дали интересные рисунки, на которыхъ изобразили довольно вѣрно расположеніе звѣздъ, болѣе близкихъ къ периферіи и выступающихъ въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ. Но только лордъ Россъ и Гартингтонъ утверждали, что въ скопленіи существуютъ просвѣты между звѣздами въ видѣ каналовъ. Свидѣтельство фотографіи въ этомъ отношеніи было бы особенно цѣнно, но ни снимки братьевъ Анри въ Парижѣ въ 1887 году, ни снимки Шейнера въ Потсдамѣ въ 1891 году не обнаружили никакихъ каналовъ, хотя и выяснили нѣкоторыя другія подробности. Шеберле заявляетъ, что на его снимкѣ ясно видно спиральное строеніе звѣзднаго скопленія. Потоки туманной матеріи, соединяющей нѣкоторыя звѣзды, образуютъ кривыя, которыя можно прослѣдить до центра. Шеберле различаетъ двѣ спирали, одну загибающуюся по направленію движенія часовой стрѣлки, другую обратную. Плоскость спиралей не перпендикулярна лучу зрѣнія, потому-то въ проекціи на фотографической пластинкѣ и получается довольно сложная фигура. Скорость перемѣщенія матеріи въ различныхъ потокахъ неодинаковая. Въ нѣкоторыхъ она очень велика, такъ что замкнутой кривой не образовалось, а стоитъ отдѣльная рѣзко выдающаяся вѣтвь. Массы, которыя движутся медленнѣе, при большомъ начальномъ наклоненіи къ нормали, описываютъ орбиты, менѣе вытянутыя. Послѣднія, пересѣкаясь у начала, и образуютъ фигуру въ родѣ буквы S, а та центральная туманность, которую онѣ окружаютъ, получаетъ форму подковы. Подобныя же спирали туманной массы обнаруживаетъ фотографическій снимокъ и вокругъ звѣзды гаммы Кассіопеи. Спирали эти соединяютъ отдѣльныя звѣзды. Онѣ исходятъ всѣ изъ одного центра—гаммы и часто пересѣкаются другъ съ другомъ. Въ одномъ случаѣ, на разстояніи 15 минутъ отъ центральной звѣзды, такихъ пересѣченій такъ много, что вся область эта выступаетъ очень неясно. Много вокругъ и отдѣльныхъ туманностей, изъ которыхъ двѣ были извѣстны по прежнимъ снимкамъ. Онѣ обѣ лежатъ на одномъ потокѣ, выходящемъ изъ центральной звѣзды почти по серединѣ третьяго квадранта. Есть и другія интересныя подробности въ распредѣленіи этого остатка матеріи, главная масса которой, очевидно, пошла на образованіе сосѣднихъ звѣздъ.

Открытіе большого числа широкихъ туманностей и установленіе связи ихъ съ сосѣдними звѣздами представляетъ особенно интересный результатъ послѣдняго времени.

Въ скорбный листъ 1904 года приходится занести четыре весьма почтенныхъ имени. 13-го февраля н. ст. внезапно скончался въ Парижѣ извѣстный

астрономъ парижской обсерваторіи, членъ парижской академіи наукъ Каландро. Покойный проявилъ весьма интенсивную дѣятельность. Онъ много наблюдалъ меридіаннымъ кругомъ и рефракторомъ, въ 1882 г. ѣздилъ въ экспедицію для наблюденія прохожденія Венеры по диску солнца, но, главнымъ образомъ, работалъ въ области теоретической астрономіи, выбирая всегда самыя живыя, интересныя задачи. Онъ оставилъ намъ рядъ изящныхъ изслѣдованій о фигурѣ планетъ, о тѣхъ пустотахъ, которыя наблюдаются въ распредѣленіи орбитъ малыхъ планетъ, либраціи спутниковъ, о происхожденіи періодическихъ кометъ, о разложеніи кометъ подъ вліяніемъ Юпитера и другихъ большихъ планетъ, о закономѣрномъ распредѣленіи орбитъ малыхъ планетъ и кометъ съ короткимъ временемъ обращенія и т. д.

Каландро былъ чрезвычайно цѣнимъ и какъ человѣкъ. Лица, которымъ приходилось вступать съ нимъ въ непосредственныя отношенія, отмѣчаютъ его любезность и постоянную готовность помочь всѣмъ, кто обращался къ нему за помощью или совѣтомъ по тому или другому научному вопросу. Семья астрономовъ такимъ образомъ потеряла въ лицѣ Каландро не только талантливаго ученаго, но и хорошаго учителя. Скончался покойный на 52-мъ году своей жизни.

29-го февраля, т.-е. черезъ двѣ недѣли послѣ Каландро и тоже внезапно, умираетъ другой французскій астрономъ директоръ абсерваторіи въ Ниццѣ Перротэнъ. Знаменитая обсерваторія—лучшій свидѣтель его заслугъ. Правда, она построена на щедрыя пожертвованія Бишофсхейма, но все созданіе ея—заслуга Перротэна. Прекрасное положеніе, на высокой горѣ, на берегу Средиземнаго моря, огромная труба, одна изъ первыхъ въ свѣтѣ, съ которой теперь постоянно производятся цѣнныя наблюденія и интересныя открытія, изящная плавающая башня—твореніе знаменитаго Эйфеля, удобныя, съ раздвигающимися крышами будки для малыхъ инструментовъ и пр.,—все это такъ или иначе продумано, прочувствовано Перротэномъ, связано съ его именемъ.

Сначала Перротэнъ работалъ на тулузской обсерваторіи, гдѣ, между прочимъ, имъ было открыто пять малыхъ планетъ. Въ 1880 году онъ объѣздилъ цѣлый рядъ обсерваторій, обдумывая постройку обсерваторіи въ Ниццѣ. Въ 1882 году онъ ѣздилъ въ Америку на берега Ріо Негро для наблюденія прохожденія Венеры, съ 1887 года сталъ наблюдать большой трубой въ Ниццѣ. Онъ интересовался двойными звѣздами, кометами и малыми планетами, позднѣе изучалъ поверхность большихъ планетъ, особенно Марса и Венеры, на которыхъ умѣлъ различать нѣжнѣйшія детали.

Скончался Перротэнъ на 59-мъ году своей жизни.

Третье имя для насъ особенно дорого. Это имя нашего знаменитаго русскаго астронома, являющагося гордостью и красой русской науки, Θеодора Александровича Бредихина, почившаго вѣчнымъ сномъ 1-го мая ст. ст. Краткую біографію и сжатый очеркъ его замѣчательныхъ трудовъ читатель найдетъ въ сентябрьской книжкѣ «Міра Божія» за 1904 г.

Наконецъ, четвертая потеря—17 іюля н. ст. на 76-мъ году своей жизни скончался въ Англіи Исаакъ Робертсъ, представлявшій собой примѣръ астро-

нома-любителя, который наблюдалъ небо не для развлеченія, а систематически и съ громадной пользой для науки. Слѣдуя своему призванію, Робертсъ работалъ неутомимо и съ увлеченіемъ, и съ скромными сравнительно средствами достигъ большихъ результатовъ. Это одинъ изъ піонеровъ въ области небесной фотографіи. Онъ первый указалъ, какое преимущество при фотографированіи неба могутъ имѣть телескопы-рефлекторы. Снимки Робертса превосходны. Они раскрыли детальное строеніе многихъ туманностей и звѣздныхъ кучъ, расширили наши взгляды на строеніе вселенной. Сколько лѣтъ, напримѣръ, наблюдали до Робертса знаменитую туманность Андромеды, но никакихъ особенныхъ подробностей въ ея строеніи не видѣли даже въ сильныя трубы. А на снимкѣ Робертса ясно видно, что туманность состоитъ изъ ряда концентрическихъ колецъ, какъ будто бы мы видимъ спираль въ разрѣзѣ. Это строеніе отдаленной звѣздной системы подсказываетъ намъ идею о возможномъ строеніи загадочнаго Млечнаго Пути.

Много другихъ характерныхъ формъ туманностей раскрыто снимками Робертса. Прекрасны, отчетливы и полны интересныхъ подробностей его снимки кометъ.

Признавая значеніе трудовъ Робертса, королевское астрономическое общество избрало его въ 1890 году своимъ членомъ, два года позднѣе дублинскій университетъ преподнесъ ему докторскую степень, а въ 1895 году Королевское астрономическое общество награждаетъ его золотой медалью.

Добрымъ словомъ вспомнимъ и мы этихъ тружениковъ науки.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".

Февраль. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы.—Публицистика. — Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и соціологигія. — Философія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Бѣлоконскій. „Разсказы", т. III.—*Миръ.* „Жизнь".—*М. Рывкинъ.* „Въ духотѣ».—*Ленау.* „Фаустъ".

И. П. Бѣлоконскій. Разсказы. Томъ третій. Изд. «Донская Рѣчь» Парамонова въ Ростовѣ-на-Дону. 1905 г. Въ третьемъ томѣ разсказовъ г. Бѣлоконскаго наибольшее мѣсто отведено наблюденіямъ автора въ качествѣ земскаго статистика. Отъ нихъ вѣетъ той прославленной простотой русской мирной жизни, отъ которой вчужѣ страшно дѣлается. «Деревенская конспирація», заставляющая статистика трепетать за свою жизнь, а деревенскихъ обывателей за свою свободу, и имѣющая цѣлью всего-на-всего составленіе библіотечки русскихъ популярныхъ писателей, начинаетъ этотъ циклъ упрощенныхъ отношеній, попавшихъ въ кругъ наблюденій автора. Затѣмъ слѣдуетъ «На второмъ путѣ» или о соблазнительныхъ для крестьянина прелестяхъ жизни «при пенсіи», но безъ ногъ и прочихъ частей тѣла, «окромя головы». Въ разсказѣ «На высотѣ своего призванія» уже нѣсколько ошеломленный читатель дѣлаетъ открытіе, что у одного земскаго начальника, Антона Сергѣевича, есть одна статья, по которой «прямо, вотъ, ложись и помирай» за невзносъ податей къ сроку, а у сосѣдняго, у Михайлы Васильича, есть другая статья, съ которой жить можно,—и оба «земскихъ» дѣйствуютъ по закону. «Маша», — драма, созданная деревенскимъ невѣжествомъ вкупѣ съ деревенскимъ безправіемъ и друг. Эпизоды маленькіе и крупные съ убійственной скромностью проходятъ предъ читателемъ. И чувствуется, что, дѣйствительно, они не могутъ претендовать на чрезвычайное вниманіе, что ихъ скромность обусловливается тѣмъ неизмѣримо громаднымъ зломъ, случайными и обычными проявленіями котораго являются разные эпизоды. Послѣдніе встрѣчаются на пути человѣка, едва онъ въѣдетъ въ деревню или столкнется съ деревенскимъ жителемъ. Авторъ, по своимъ занятіямъ земскаго статистика, попалъ въ такое положеніе и нехотя сталъ очевидцемъ цѣлаго ряда драмъ на почвѣ «обычнаго права».

Другіе разсказы, помѣщенные въ этомъ томѣ: «Слѣдствіе причинѣ несоотвѣтствующее», «Бѣглецъ», «Эволюція», «Фейга» и «Разсказъ, недозволенный... издателемъ», относятся къ городской жизни и если не имѣютъ специфическаго колорита особенныхъ крестьянскихъ правъ, то все же не уступаютъ имъ въ «простотѣ» содержанія. И здѣсь за случайностью эпизода ярко выступаетъ экономическая угнетенность массъ, достигаемая безискусственными хищническими пріемами, и здѣсь безправіе способствуетъ столь же легкому появленію обывательской драмы. И это общее основаніе, на которомъ построены всѣ разсказы г. Бѣлоконскаго, тѣмъ грознѣе и нагляднѣе выступаетъ, что авторъ

записывалъ всѣ «случайности» такъ же случайно, какъ онѣ выступали предъ нимъ, не выдумывая сложной интриги и не присочиняя особенной обстановки. Въ его разсказахъ жизнь, какъ она есть, ежедневная будничная жизнь, какъ она попадаетъ на сѣрые газетные листы.

Изданъ этотъ томикъ хорошо, какъ и всѣ изданія «Донской Рѣчи». *Л. Б.*

Мирэ. Жизнь. Изд. Л. А. Мукосѣева. Нижній-Новгородъ. Ц. 1 р. Маленькіе разсказы, стихотворенія въ прозѣ и почти стихотворенія въ прозѣ составляютъ сборникъ, озаглавленный авторомъ «Жизнь». Всѣ вещицы написаны изящнымъ, приличнымъ языкомъ, читаются легко, мысли автора не возбуждаютъ никакого сомнѣнія по своей ясности, но, можетъ быть, благодаря чрезвычайной приглаженности мысли и стиля, «Жизнь» производитъ впечатлѣніе чего-то если не мертваго, то и не слишкомъ одушевленнаго. У автора есть стремленіе мыслить даже очень сильно и рваться къ свободѣ въ стилѣ М. Горькаго, но бурныя думы выражены такъ прилично, что становится скучно. Свобода, искусство, любовь и, вообще, жизнь,—все становится въ изложеніи г-жи Мирэ отвлеченіемъ, словомъ, которое можно украсить другими красивыми словами и красивыми оборотами. Ея «Жизнь» служитъ для поэзіи и прозы. И поэзія г-жи Мирэ недурна, и проза недурна. Но вездѣ, во всемъ сборникѣ господствуетъ такой порядокъ, жизнь такъ аккуратно разложена на части въ маленькихъ стихотвореніяхъ и въ маленькихъ разсказахъ, что, по выраженію одного изъ персонажей М. Горькаго, хочется взять палку и все это перемѣшать. Такъ и заключительная пѣснь «Моряковъ», несмотря на призывъ: «Смѣло, друзья! Безъ тоски и безъ страха... Смѣло впередъ!»—ввергаетъ въ уныніе, какъ «заключеніе» въ гимназическомъ сочиненіи, которое строго слѣдуетъ послѣ «изложенія» и «вступленія».

Стихотворенія въ прозѣ и наброски г-жи Мирэ въ свое время печатались по одному въ газетахъ, главнымъ образомъ, въ «Нижегородскомъ Листкѣ». И въ такомъ чтеніи они, несомнѣнно, представляли больше интереса и читались съ большимъ удовольствіемъ. Всѣ вмѣстѣ въ одномъ сборникѣ эти вещицы не производятъ впечатлѣнія. И при этомъ еще бросается въ глаза ничѣмъ необъяснимая странность, — пристрастіе автора къ дѣйствующимъ лицамъ—французамъ. Неужели и послѣдняя подробность должна служить къ вящшему приличію, въ которомъ такіе мастера французы? *Л. Б.*

М. Д. Рывкинъ. Въ духотѣ. Эскизы и очерки. Изд. третье, исправленное и дополненное. Ц. 1 руб. С.-Петербургъ. 1905 г. Сборникъ эскизовъ г. Рывкина посвященъ еврейской жизни. Но напрасно читатель будетъ искать въ этихъ небольшихъ очеркахъ что-нибудь, напоминающее тѣ картины изъ жизни трудящихся еврейскихъ массъ, которыя съ такимъ размахомъ рисуетъ г. Юшкевичъ, или психологически-тонкіе и художественные образы интеллигентной еврейской среды, какъ у г. Айзмана. Ни то, ни другое не привлекло вниманія г. Рывкина. Его наблюденія ограничены очень узкой, для настоящаго времени даже нарочито суженной областью въ жизни еврейства. Маленькая синагога захолустнаго мѣстечка,—вотъ и все мѣсто дѣйствія, дающаго матеріалъ для его эскизовъ. Молодой талмудистъ, изучающій свою схоластическую науку, какой-нибудь незначительный религіозный обрядъ, описаніе праздничнаго богослуженія, пѣніе канторовъ, и пр.—вотъ содержаніе трехъ четвертей очерковъ. При этомъ, несмотря на драматическія иногда заглавія, драмы въ этихъ эскизахъ рѣшительно не происходитъ. И, вообще, ничего не происходитъ. Все сводится къ старательному описанію ритуальной обстановки въ виду очевиднаго неумѣнія автора заставить своихъ героевъ что-нибудь дѣлать.

Естественно, что всѣ добрыя намѣренія и хорошія чувства, которыми одушевленъ г. Рывкинъ, не могутъ найти отзвука въ душѣ читателя. И, прочи-

тавъ, напр., эскизъ «Полотенце», онъ только зѣвнетъ. Содержаніе послѣдняго заключается въ томъ, что въ синагогѣ передъ утренней молитвой служка повѣсилъ чистое полотенце для молящихся. Каждый приходящій обязанъ вытирать руки объ это полотенце, причемъ бѣдняки оставляли слѣды грязи видимой, а богачи, несмотря на наружную чистоту своихъ рукъ, оставляли слѣды грязи невидимой, которая тѣмъ не менѣе оказалась самой темной и грязной.

Все это очень ужасно и очень наивно, а еврейскаго здѣсь—только одно полотенце. Преднамѣренное ограниченіе еврейской жизни пространствомъ и интересами маленькой синагоги особенно явствуетъ изъ разсказика «Покаяніе». Зуся вернулся изъ Америки. Въ котелкѣ, полусапожкахъ онъ чуждъ женѣ. И только въ синагогѣ, въ «талесѣ» (подробное описаніе талеса Зуси и того, какъ онъ читаетъ молитвы) онъ становится прежнимъ, близкимъ ей мужемъ: «Они прижались другъ къ другу и бодро зашагали вдоль улицы». Вотъ и все, что произошло отъ, очевидно, драматическаго возвращенія Зуси изъ Америки. Какъ мало нужно евреямъ г. Рывкина! Стоило ли въ такомъ случаѣ и уѣзжать въ Америку?

Самый большой очеркъ въ сборникѣ носитъ названіе «Гроза». Гроза разразилась надъ высшей школой талмудической мудрости, ешиботомъ. Къ сожалѣнію, блѣдная описательная манера г. Рывкина не даетъ возможности рѣшить, что именно погубило училище: недоѣданіе ли учениковъ, запрещенныя ли книжки или болѣзнь и смерть стараго раввина. Все это изложено крайне спутанно и отрывочно, и не разберешь, что важнѣе въ происшедшей исторіи,— узкіе ли школьные интересы или слабо отмѣченное стремленіе къ «русской» наукѣ.

Книга эскизовъ г. Рывкина помѣчена 1905 годомъ. Кромѣ того, оказывается, что она выдерживаетъ третье «исправленное и дополненное» изданіе. Можно догадываться, что первое изданіе относится къ очень далекимъ временамъ въ жизни русскихъ евреевъ, когда литература о нихъ носила характеръ почти что этнографической беллетристики или, вѣрнѣе, беллетристической этнографіи. Впрочемъ, и послѣднему условію очерки г. Рывкина мало удовлетворяютъ, такъ какъ ограничиваются внѣшней обрядовой стороной жизни, которая скрыла отъ наблюдателя самихъ евреевъ. Въ настоящее время въ русской литературѣ имѣются достаточно цѣнные вклады г. Юшкевича и г. Айзмана, которые дѣлаютъ по меньшей мѣрѣ страннымъ «исправленное и дополненное» появленіе набросковъ г. Рывкина; тѣмъ болѣе, что исправленіе и дополненіе автора совершенно не соотвѣтствуетъ исправленію и тому громадному дополненію, которое сдѣлала жизнь въ драмѣ еврейскихъ массъ. Вся исторія русскихъ евреевъ послѣднихъ десятилѣтій прошла совершенно незамѣтно для героевъ» г. Рывкина. За это время пролились рѣки крови и моря слезъ, народъ пережилъ потрясающіе моменты, интенсивно во всѣхъ обещственныхъ слояхъ проявляетъ соціальныя чувства и рвется къ національному и политическому возрожденію, а г. Рывкинъ скорбно описываетъ одну слезу, упавшую въ противность всѣмъ ритуальнымъ законамъ, на опрѣснокъ («Слеза»), и не выпускаетъ своихъ персонажей изъ синагоги. *Л. Б.*

Н. Ленау. Фаустъ. Поэма. Переводъ съ нѣмецкаго Анатолія Анютина. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1904. Въ 1833 году Ленау *) писалъ Кёрнеру: «Хотя Гёте и написалъ «Фауста», но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ сталъ монополіею Гёте... Фаустъ — общее достояніе человѣчества». Не испугавшись смѣлаго предпріятія создавать Iliadem post Homerum, Ленау написалъ своего «Фауста» одно изъ удачнѣйшихъ и характернѣйшихъ произведеній нѣмецкаго лирика. «Фаустъ» лирическая поэма, если только примѣнимо послѣднее названіе къ своеобразной *перемежающейся* формѣ произ-

*) См. очеркъ *П. Вейнберга.* „Памяти Ленау". „Міръ Божій" 1902 г., ноябрь.

веденія: то діалогической, то эпической, то чисто лирической, которую самъ авторъ опредѣлилъ только словомъ «стихотвореніе»—ein Gedicht.

Тогда какъ «Фаустъ» Гёте отъ начала до конца является міровой трагедіей, стремленіе, проскальзывающее Ленау, создать общечеловѣческую трагедію изъ своего «Фауста»—успѣхомъ не увѣнчалось. По вѣрному замѣчанію одного нѣмецкаго критика, «Фаустъ» Гёте заключаетъ въ себѣ самого Гёте и все человѣчество, а «Фаустъ» Ленау—только самого Ленау. Между тѣмъ поэтъ очевидно стремится къ бóльшему. Замыселъ его оригиналенъ: исходя изъ древняго ученія объ исконномъ антагонизмѣ вѣры и знанія, Ленау хотѣлъ написать *трагедію стремящагося къ недостижимому абсолютному познанію, духа человѣческаго.* Его Фаустъ предается сатанѣ ради достиженія истины; онъ не стремится, какъ Фаустъ Гёте, къ полнотѣ жизни въ ея радостяхъ и страданіяхъ; про него нельзя сказать:

„Vom Himmel fordert er die schönsten Sterne
Und von der Erde jede höchste Lust“.

Его единственное желаніе: *знать*, разгадать трансцендентную сущность міра и себя самого, въ ихъ отношеніи къ Творцу и другъ къ другу. Надежды его не оправдываются; послѣ ряда скитаній и поисковъ въ бурномъ круговоротѣ жизни, Фаустъ убѣждается въ призрачности всего сущаго, не исключая своего договора съ духомъ тьмы, и закалывается. Спасеніемъ для него могла бы быть *вѣра*, но ея онъ не хочетъ, а *знать* не можетъ;—единственный выходъ смерть. Эта своеобразная концепція драмы Фауста проиграла въ выполненіи Ленау главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что онъ ограничилъ свое произведеніе рамками своей индивидуальности, а духовный діапазонъ послѣдней оказался недостаточно богатъ тонами для той грандіозной симфоніи, какую хотѣлъ создать поэтъ. Общечеловѣческое заслонилось личнымъ, и всѣ лица поэмы вытѣснены личностью автора. Эти лица, кромѣ одного Гёрга да, пожалуй, еще министра почти лишены самостоятельной физіономіи; это облеченныя въ призрачную плоть мысли, чувства, настроенія поэта. Они неустойчивы и неуловимы. И это обстоятельство особенно невыгодно отзывается на философскомъ содержаніи поэмы, когда дѣло касается центральной фигуры Мефистофеля. Мефистофель Ленау не представляетъ собою яркаго, жизненнаго образа, подобнаго хотя бы Люциферу Мадача. Всѣ попытки придать ему характерныя, конкретныя очертанія даже грубыя очертанія католическаго чорта народныхъ вѣрованій—удаются Ленау лишь въ слабой степени. Онъ не въ силахъ придать своему Мефистофелю и настоящей діавольской ироніи; лишь очень рѣдко получается у него нѣчто, отдаленно напоминающее ѣдкіе сарказмы Мефистофеля Гёте. Причина здѣсь, прежде всего та, что ничто не чуждо такъ самому Ленау, какъ иронія. Мы находимъ у него безнадежный пессимизмъ, чистый минорный тонъ безъ всякаго диссонанса, не способный къ насмѣшкѣ надъ міромъ или тѣмъ паче надъ собою. Въ немъ нѣтъ внутренней двойственности, обусловливающей возможность подобной насмѣшки; ему равно чужды «das schöne helle Lachen», которымъ смѣялся надъ собственными ранами его великій современникъ, и холодное издѣвательство надъ другими, глумленіе сатаны надъ Богомъ и міромъ. И въ образѣ Мефистофеля насмѣшливое отрицаніе не дается Ленау. Не вполнѣ удалось ему и воплощеніе въ Мефистофелѣ отвлеченной идеи, носителемъ которой онъ является по замыслу поэмы. Ленау хотѣлъ олицетворить въ немъ ненасытное *сомнѣніе*, не удовлетворяющееся относительнымъ знаніемъ и упорно толкающее человѣка на путь безнадежной погони за знаніемъ абсолютнымъ. Такимъ Мефистофель дѣйствительно является въ нѣкоторые моменты поэмы (сцена въ анатомическомъ театрѣ, сцена договора). Но въ другихъ мѣстахъ характеръ его совершенно иной; онъ, подобно Мефистофелю, Гёте увлекаетъ Фауста къ чувственнымъ наслажденіямъ, насильно вталкиваетъ его въ

жизнь, точно стремясь отвлечъ отъ той безпокойной жажды знанія, вдохновителемъ которой онъ самъ же являлся. Это противорѣчіе не искупается необходимостью привести Фауста къ отчаянію и гибели: съ первой же сцены очевидно, что внутренно Фаустъ уже закончилъ свой путь, что онъ безповоротно предался во власть безнадежнаго пессимизма. Въ этомъ обстоятельствѣ—полной предрѣшенности судьбы Фауста главный недостатокъ поэмы. Въ ней нѣтъ духовнаго развитія героя, того, чего читатель вправѣ ожидать, вслѣдствіе разработки авторомъ мотива договора съ сатаной. На самомъ дѣлѣ этотъ договоръ не вноситъ въ дѣло существенныхъ измѣненій; Фаустъ съ самаго начала таковъ, что долженъ, при ясномъ сознаніи своего духовнаго состоянія, формулировать послѣднее именно такъ, какъ онъ это дѣлаетъ въ послѣднемъ монологѣ. Къ этой формулировкѣ онъ непремѣнно долженъ придти, помимо всякаго чорта; вмѣшательство послѣдняго въ сущности даже отдаляетъ неизбѣжную развязку. Въ самомъ началѣ поэмы Мефистофель удерживаетъ Фауста, собирающагося броситься въ пропасть, только затѣмъ, чтобы дать ему заколоться въ заключительной сценѣ. Происходитъ круговоротъ, въ которомъ Фаустъ возвращается къ исходному пункту: *сознанію недостижимости для человѣка единственнаго блага, сознанія и невозможности отказаться отъ этого блага, причемъ смерть, очевидно, является единственнымъ исходомъ.* Съ философской стороны не нуженъ договоръ и странствованія по свѣту съ Мефистофелемъ; Фаустъ пришелъ бы къ окончательной формулировкѣ своихъ безнадежныхъ воззрѣній, и оставаясь въ своей лабораторіи, даже пришелъ бы скорѣе, чѣмъ при изображенныхъ въ поэмѣ условіяхъ. Но эти условія служатъ и служатъ превосходно *художественнымъ* цѣлямъ. Они позволяютъ поэту дать полную картину души Фауста, иначе говоря: своей собственной души. Онъ не показываетъ развитія своего міросозерцанія, своего характера, но уже вполнѣ опредѣлившіеся міросозерцаніе и характеръ проводитъ передъ нами во всевозможныхъ положеніяхъ, освѣщаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ силою своего блестящаго лирическаго дарованія. Читатель видитъ его въ безнадежной погонѣ за недоступной истиной, въ самозабвеніи минутныхъ чувственныхъ увлеченій, подъ обаяніемъ прекраснаго самообмана единой великой любви во власти мощнаго очарованія искусства, въ колебаніяхъ и тревогахъ научнаго исканія. Онъ изображаетъ себя въ своей поэмѣ такъ всесторонне, что это изображеніе заполняетъ цѣликомъ рамки произведенія. Нельзя было болѣе неудачно польстить Ленау, чѣмъ сдѣлалъ это Грильпарцеръ, назвавъ его, именно за «Фауста», *нѣмецкимъ Данте.* Помимо грубой гиперболичности похвалы, бросается въ глаза, что между тѣмъ какъ именно Данте далъ въ своей комедіи, вмѣстѣ съ поэмой собственной души, грандіозную міровую эпопею, Ленау изобразилъ лишь себя одного. Если Кардуччи *) справедливо называетъ Данте «голосомъ двѣнадцати вѣковъ», то Ленау не является даже голосомъ своего вѣка. Это одинокій голосъ страстнаго и страждущаго духа высоко-одареннаго поэта, не генія, воплотившаго духъ человѣчества. Нѣкоторыя черты въ поэмѣ являются прямо автобіографическими; таково отношеніе Ленау къ матери, своеобразная окраска его католицизма и т. п.

Указанныя основныя особенности поэмы Ленау, обусловливающія ея несовершенство съ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія, нисколько не лишаютъ ее, однако, высокой поэтической цѣнности. Рядъ поразительныхъ по силѣ и красотѣ художественныхъ моментовъ, богатство и оригинальность философской мысли, грація и выразительность стиха дѣлаютъ ее выдающимся произведеніемъ нѣмецкой лирики.

Къ изданному редакціею «Образованія» переводу «Фауста» присоединенъ

*) „L'opera di Dante“.

очеркъ г. Луначарскаго «Н. Ленау и его философскія поэмы», представляющій, несмотря на излишнюю мѣстами восторженность, извѣстный интересъ— въ особенности въ виду малаго знакомства русской публики съ Ленау. Что касается самого перевода г. Анютина, то онъ не удовлетворитъ и самаго невзыскательнаго критика. Неточность, неясность, мѣстами грубыя ошибки (стр. 137, 160), плохой стихъ, на каждомъ шагу риѳмы вродѣ *мою* и *хочу* (стр. 145), *страхъ* и *бракъ* (стр. 233), диковинныя слова, какъ, напр.: «трусцой», «подольстить», и постоянное затемнѣніе смысла—таковы отличительныя свойства этого перевода. Встрѣчаются курьезныя для русскаго уха выраженія: «я перепрыгнулъ тучи» (стр. 123), «кто тамъ расхохотался въ дверь» (стр. 126), «я гордъ до основанья» (стр. 239). Въ сценѣ съ Изенбургомъ Фаустъ говоритъ у Ленау: «Я не хочу обнять, какъ невѣсту, какую-либо женщину *). Моя жизнь дикая распря; пусть изъ крови моихъ больныхъ, отравленныхъ гнѣвомъ жилъ не произойдетъ дитя, подобное мнѣ». Г. Анютинъ передаетъ это такъ (стр. 144):

Нѣтъ, нѣтъ, невѣсты не обнять
Мнѣ никогда; вся жизнь моя
Одинъ кошмаръ, и мнѣ-ль желать
Имѣть похожее дитя?

Свадебная пѣсня Фауста при дворѣ короля вышла у переводчика весьма похожей на фабричную «частушку» не изъ удачныхъ (стр. 164):

Лира билась (?) такъ и сякъ:
Оду нужно просто шикъ!

Изъ дивнаго описанія игры Мефистофеля на скрипкѣ (деревенская свадьба) г. Анютинъ сдѣлалъ нѣчто до того неуклюжее по формѣ и тошнотворно-пошлое, что надо только удивляться, какъ, при подобномъ «пониманіи» одного изъ лучшихъ мѣстъ произведенія Ленау, переводчикъ оказался въ состояніи не обезобразить подобнымъ же образомъ всей поэмы. Во всякомъ случаѣ, стремился онъ къ этой цѣли весьма добросовѣстно. Къ приведеннымъ примѣрамъ можно прибавить еще одинъ перлъ переводческаго вдохновенія г. Анютина—обращеніе герцога къ Мефистофелю, на стр. 185:

Кто ты, уродъ, дерзящій мнѣ
Съ лицомъ, подобнымъ сатанѣ?

Кому и зачѣмъ нужны такіе переводы, извѣстно богамъ и гг. издателямъ. Въ частности, произведеніе г. Анютина особенно потому могло бы не появляться на свѣтъ, что на русскомъ языкѣ уже имѣлся недурной переводъ «Фауста» Ленау, а именно вышедшій въ 1892 г. переводъ г. А—нскаго, отличающійся, при нѣкоторыхъ недочетахъ формы, большою точностью и добросовѣстностью, а мѣстами (напр., въ заключительномъ монологѣ Фауста) передающій духъ подлинника съ истинною силою и красотою. *С.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

М. Лемке. „Эпоха цензурныхъ реформъ".

Мих. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Спб. 1904 г. Стр. 512. Цѣна 3 руб. «Эпоха цензурныхъ реформъ» неоднократно уже была предметомъ изслѣдованія, за которое брались русскіе публицисты, но обстоятельства и условія, приведшія къ созданію доживающаго свои по-

---

*) „Ich will kein Weib als Braut umschlingen", etc., стр. 30 въ изданіи Barthel'a.

слѣдніе дни положенія о печати 1865 года, не были еще разсмотрѣны такъ основательно и подробно, какъ это сдѣлано въ книгѣ г. Лемке. Это сочиненіе, можно сказать, упраздняетъ не только посвященныя тому же вопросу отдѣльныя главы въ книгахъ гг. Скабичевскаго и Энгельгардта, но и очеркъ Джаншіева, вошедшій въ его книгу «Эпоха великихъ реформъ». Отъ названныхъ трудовъ по исторіи цензуры книга г. Лемке выгодно отличается какъ полнотою и обиліемъ использованнаго матеріала, такъ и совершенно инымъ отношеніемъ къ нѣкоторымъ лицамъ и фактамъ. Такъ, г. Лемке не раздѣляетъ тѣхъ симпатій, съ которыми относится Джаншіевъ къ министру народнаго просвѣщенія Головнину, и приводитъ не мало фактовъ, подтверждающихъ характеристику, данную этому государственному дѣятелю Никитенкомъ. А. Никитенко называетъ Головнина человѣкомъ сухимъ, холоднымъ, изворотливымъ, фальшивымъ, заботящимся о своей популярности больше, чѣмъ о правильномъ направленіи порученнаго ему дѣла. Несогласенъ г. Лемке съ Джаншіевымъ и другими также и въ оцѣнкѣ временныхъ правилъ 12-го мая 1862 года. По его мнѣнію «надо быть большимъ оптимистомъ», чтобы видѣть въ этихъ правилахъ смягченіе цензуры. Очень сдержанно относится г. Лемке и къ закону о печати 6-го апрѣля 1865 года, отказываясь включить его въ число «великихъ реформъ» и признать за нимъ значеніе важнаго, «освободительнаго» акта (см. стр. 396 и 438).

При составленіи своей книги г. Лемке широко воспользовался литературой оффиціальныхъ изданій, не предназначавшихся для распространенія, и извлекъ оттуда не мало очень цѣнныхъ характерныхъ документовъ. Такъ, на стр. 50—82 его книги перепечатана полностью коллективная записка, составленная въ 1861 году Катковымъ и, за подписью редакторовъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, представленная въ особый комитетъ, учрежденный для преобразованія цензуры. «Если есть страна,—говорится, между прочимъ, въ этой запискѣ,—гдѣ свобода печати можетъ быть допущена съ полной безопасностью, то страна эта есть по преимуществу наше отечество». Далѣе записка требуетъ уничтоженія предварительной цензуры, называя ее «источникомъ прискорбнаго антагонизма между правительствомъ и мыслящей частью общества». Слѣдуетъ ли,—спрашиваетъ записка,—изъ опасенія какого-нибудь преступнаго дѣйствія подвергать стѣсненію всѣхъ и каждаго?.. Почему издатель журнала не можетъ заслуживать, по крайней мѣрѣ, такого довѣрія, какъ содержатель типографіи, и почему, если нѣтъ надобности ставить особую стражу у дверей типографіи, необходимо ставить ее надъ редакціей журнала?

Интересны также отзывы русскихъ литераторовъ, представленные министру Головнину въ 1862 году на его запросъ о необходимыхъ преобразованіяхъ въ цензурѣ. «Мы убѣждены,—писали, напримѣръ, редакторы петербургскихъ періодическихъ изданій—что не призракъ свободной мысли долженъ пугать наше правительство, а дѣйствительное отсутствіе знаній и гласности на такомъ огромномъ пространствѣ земли, какъ Россія; не литература опасна, а невѣжество и соединенная съ нимъ глухая оппозиція еще болѣе глухому угнетенію. Мы не знаемъ въ исторіи человѣчества ни одной революціи, которая была бы вызвана свободой печати, но знаемъ много такихъ революцій, наканунѣ которыхъ стѣсненіе прессы возбуждало всеобщія жалобы» (стр. 117). А коллективная записка шестнадцати литераторовъ (имена ихъ неизвѣстны) заявляла: «основательное и справедливое измѣненіе въ положеніи литературы невозможно, безъ измѣненія всего характера нашего законодательства и нашихъ учрежденій» (стр. 122).

Заслуживаютъ вниманія отзывы о цензурѣ и нѣкоторыхъ государственныхъ сановниковъ. Такъ, напримѣръ, баронъ Корфъ въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ новаго закона о печати говоритъ: «исторія представляетъ не одинъ примѣръ самаго крайняго умственнаго разврата въ обществѣ при строжай-

шихъ цензурныхъ преслѣдованіяхъ». Далѣе баронъ Корфъ, осуждая предварительную цензуру, заявляетъ, что «она лишаетъ правительство драгоцѣнной помощи и поддержки въ исполненіи лежащихъ на немъ громадныхъ обязанностей, потому что этой помощи можно ожидать только отъ печати свободной, откровенно выражающей дѣйствительныя мысли и чувства общества; если же печати дозволено говорить единственно то, что согласно съ видами и намѣреніями правительства въ данную минуту, то она, очевидно не въ состояніи высказать ему ничего новаго и не спасетъ ни отъ одного ложнаго шага» (стр. 359). Тотъ же Корфъ сильно возстаетъ противъ административныхъ взысканій, заключающихъ въ себѣ «такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ постоянно протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди». По мнѣнію Корфа, «система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ» (стр. 365)-

Головнинъ въ своихъ замѣчаніяхъ на тотъ же самый проектъ также возстаетъ противъ предварительной цензуры, предлагая замѣнить ее взысканіемъ по суду, и противъ системы предостереженій, которую онъ считаетъ «вредною и для правительства, и для литературы». Кромѣ того, Головнинъ находилъ нужнымъ «ясно разграничить значеніе и права собственника періодическаго изданія и значеніе отвѣтственнаго редактора съ тѣмъ, что первый и его наслѣдники не подвергаются лишенію своей собственности за вину послѣдняго» (стр. 343). «Журнальная собственность—доказывалъ Головнинъ—представляетъ иногда значительную цѣнность—плодъ неусыпныхъ стараній и таланта ея владѣльца; на журналъ или газету затрачиваются нерѣдко обширные капиталы, и было бы жестоко лишить этой собственности, простымъ административнымъ рѣшеніемъ, владѣльца журнала, который, быть можетъ, вовсе не участвуетъ въ редакціи, а равно и его наслѣдниковъ» (стр. 342). Противъ прекращенія періодическихъ изданій помимо суда, одними административными распоряженіями, даже послѣ третьяго предостереженія, горячо высказался также и министръ юстиціи Замятнинъ (см. стр. 371).

Не мало также перепечатано г. Лемке интересныхъ отзывовъ русской прессы шестидесятыхъ годовъ по поводу цензурныхъ преобразованій того времени. Такъ, напримѣръ, «День» Аксакова въ 1862 году доказывалъ, что «стѣсненіе печати гибельно для самого государства... поэтому цензура, какъ орудіе стѣсненія слова, есть опасное для государства учрежденіе». Аксаковъ находилъ, прежде всего необходимымъ внести въ «Сводъ законовъ» такую статью: «Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской Имперіи безъ различія званія и состоянія». А затѣмъ Аксаковъ предлагалъ сдѣлать печать отвѣтственной только передъ судомъ присяжныхъ, хотя такого суда въ то время въ Россіи еще не существовало. Вообще, современные защитники свободы печати встрѣтятъ въ книгѣ г. Лемке авторитетныхъ единомышленниковъ и найдутъ не мало такихъ аргументовъ, которые не устарѣли и до настоящаго времени.

Кромѣ подробнаго разсказа о цензурныхъ преобразованіяхъ и проектахъ, предшествовавшихъ закону 1865 года, въ книгѣ г. Лемке удѣлено большое вниманіе отдѣльнымъ фактамъ и эпизодамъ изъ исторіи русскаго общества и русской журналистики шестидесятыхъ годовъ. Созданіе «Сѣверной Почты», органа министерства внутреннихъ дѣлъ, начало «Нашего Времени», перваго частнаго охранительнаго органа, возникшаго въ шестидесятыхъ годахъ, полемика по поводу романа «Отцы и дѣти», высылка проф. Павлова, публичный протестъ офицеровъ противъ тѣлесныхъ наказаній, полемика Каткова съ Герценомъ, закрытіе шахматнаго клуба и возникшаго при «Литературномъ фондѣ» отдѣленія для помощи учащейся молодежи, переписка Валуева и Головнина о

«Ясной Полянѣ» Толстого, начало «Московскихъ Вѣдомостей» Каткова и «Голоса» Краевскаго, польское возстаніе, прекращеніе журнала «Время», сатиры Салтыкова по адресу Каткова, гоненіе на малороссійскую литературу, брошюры Шедо-Ферроти противъ Герцена, разоблаченіе Катковымъ заискиваній Головнина, прекращеніе «Вѣсти» за напечатаніе адреса московскаго дворянства—вотъ наиболѣе интересные эпизоды, затронутые болѣе или менѣе подробно въ книгѣ г. Лемке.

Интересна также и приложенная къ книгѣ статья «Головнинъ и Валуевъ въ роли литературныхъ критиковъ и публицистовъ», гдѣ излагается содержаніе двухъ оффиціальныхъ изданій, посвященныхъ обозрѣнію журналовъ и газетъ за 1862—1864 годы и всей русской словесности за цѣлое десятилѣтіе, начиная съ 1854 года. Особеннаго вниманія заслуживаетъ обозрѣніе русской поэзіи, сдѣланное по порученію Валуева гр. Капнистомъ. Авторъ обозрѣнія, самъ поэтъ и поклонникъ чистаго искусства, съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ и своихъ собратій. Такимъ поэтамъ, какъ Тютчевъ, Майковъ и Фетъ, по выраженію г. Лемке, «выданы блестящіе аттестаты, если и не всегда одинаково лестные и восторженные, то, во всякомъ случаѣ, гарантирующіе ихъ безукоризненную благонамѣренность и полезность» (стр. 457). Всѣ же остальные жрецы Аполлона подраздѣлены на такія категоріи, какъ славянофилы, украйнофилы, отрицатели и обличители, «перелагатели соціализма и пауперизма (!) на русскіе нравы», «нигилисты, эпиграмматисты и пасквилисты». Заслуживаютъ вниманія и отдѣльные отзывы этого обозрѣнія, предназначеннаго познакомить цензоровъ съ характеромъ и направленіемъ каждаго русскаго писателя. Некрасовъ и Никитинъ зачислены въ разрядъ «перелагателей соціализма и пауперизма», Иванъ Аксаковъ рекомендуется, какъ «гражданинъ-демократъ съ соціалистическимъ оттѣнкомъ», а его газета «День» признается единомышленницею «Современника» и «Русскаго Слова». Добролюбовъ названъ представителемъ нигилизма въ нашей лирикѣ, а также и въ критикѣ, такъ какъ онъ «не видѣлъ никакого идеала» и «стремился только заклеймить презрѣніемъ и отрицаніемъ существующій порядокъ, не предлагая взамѣнъ ничего яснаго».

Такими же перлами наполненъ и краткій обзоръ русской беллетристики, составленный тѣмъ же гр. Капнистомъ. Въ романѣ Чернышевскаго «Что дѣлать?» оффиціальный критикъ усматриваетъ разрушеніе семьи; о его магистерской диссертаціи говоритъ, что тамъ «всѣ начала прекраснаго втоптаны въ грязь»; въ произведеніяхъ Щедрина онъ не замѣчаетъ «никакого идеала и ничего положительнаго»; Антоновича, Писарева, Благосвѣтлова и Зайцева обзываетъ не только «дерзкими публицистами», но и полуучеными умниками»; даже Григоровича уличаетъ въ какой-то «агитаціи».

Русская драматическая литература была отдана для оцѣнки Маркевичу и получила отъ него аттестатъ очень скверный. Только объ одномъ Островскомъ было сказано, что «онъ не добивается никакой ясно опредѣленной внѣшней цѣли, не проводитъ въ своихъ комедіяхъ никакого субъективнаго воззрѣнія». Вся же остальная «драматическая литература почти безъ исключенія, — по отзыву Маркевича, — носитъ на себѣ характеръ направленія, положительно враждебнаго существующему общественному порядку, и проводитъ путемъ сцены ученія самаго радикально-демократическаго свойства» (стр. 500—1).

Такимъ образомъ, и Писемскій, и г. Потѣхинъ, и Сухово-Кобылинъ, и гр. Соллогубъ, и Львовъ, дерзавшіе обличать крѣпостное право, неправосудіе, чиновничій произволъ, всѣ они признавались врагами общественнаго порядка. Что такого мнѣнія держался Маркевичъ, уволенный впослѣдствіи отъ службы въ 24 часа за взяточничество, это вполнѣ понятно. Но зачѣмъ подобная дичь предлагалась цензорамъ для свѣдѣнія и руководства, это трудно понять.

Читается книга г. Лемке съ большимъ интересомъ, несмотря на то, что въ ней много перепечатокъ изъ оффиціальныхъ документовъ. Этотъ интересъ поддерживается и цѣнными матеріалами по исторіи русской цензуры и журналистики, и болѣе правильнымъ, чѣмъ это дѣлалось раньше, освѣщеніемъ «эпохи цензурныхъ реформъ», и самымъ тономъ книги, повышеннымъ и нервнымъ. И трудно, конечно, относиться спокойно къ такому близкому для каждаго писателя вопросу, какъ исторія цензурныхъ путъ, наложенныхъ на многострадальное русское слово. *С. Ашевскій.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

В. Литвиновъ-Фалинскій. „Общедоступное разъясненіе новаго закона 2 іюня 1903 г. о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ".—*М. Ильинъ.* „Вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи". — *А. Скибневскій.* „Фарфорово-фаянсовое производство Гжельскаго района Московской губ. въ санитарномъ отношеніи".

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Общедоступное разъясненіе новаго закона 2 іюня 1903 г. о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. Спб. 1904. Ц. 15 к.

М. А. Ильинъ. Вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи. Законъ 2 іюня 1903 г. Изд. «Жизнь и Правда», М. 1904. Ц.? Обѣ названныя брошюрки идутъ на встрѣчу одной изъ насущнѣйшихъ потребностей жизни — приблизить законъ къ населенію, дать вмѣсто далеко не всегда вразумительнаго «начертанія» простое и толковое его изложеніе.

Цѣль эта прекрасно достигнута г. Ильинымъ. На 30 стр. въ шестнадцатую долю листа онъ даетъ въ высшей степени простую и ясную передачу основныхъ положеній закона 2 іюня. Доступное и по цѣнѣ—вѣроятно, не дороже пятака,—оно найдетъ, будемъ надѣяться, самое широкое распространеніе въ рабочей средѣ.

Другой авторъ, г. Литвиновъ-Фалинскій, тоже не лишенъ дара простого и яснаго изложенія, хотя это далеко не языкъ г. Ильина. И если бы авторъ ограничился только изложеніемъ, мы пожелали бы и его книжкѣ всяческаго успѣха. Но г. Литвиновъ-Фалинскій любитъ «пофилософствовать» и рѣшительно портитъ этимъ книжку. Какого сорта и направленія эта философія, посудите сами. Въ «общихъ соображеніяхъ», которыя предпосланы изложенію закона, читаемъ, напр.: «Кто же долженъ содержать увѣчныхъ рабочихъ? Какъ извѣстно, фабрики и заводы несутъ разные расходы по выработкѣ товаровъ и издѣлій. Они расходуютъ на сырье и на его обработку. Въ числѣ этихъ расходовъ имѣются издержки на бракъ, ломъ и вообще порчу издѣлій, на страховку имущества, разные налоги и пр. Къ числу такихъ расходовъ относятся и издержки по содержанію увѣчныхъ рабочихъ. Какъ нельзя вести фабричное или заводское дѣло безъ порчи издѣлій и брака, за которые ничего не получишь, такъ нельзя вести и фабричныя работы безъ того, чтобы кто-нибудь изъ рабочихъ не пострадалъ» (стр. 5). Оторванныя руки и ноги—это, видите ли, тотъ же бракъ и ломъ при выработкѣ товаровъ и издѣлій, и вознагражденіе рабочихъ не долгъ государства передъ своими гражданами, перелагаемый на «владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій, извлекающихъ почти исключительно въ свою пользу всѣ выгоды изъ труда рабочихъ», какъ говорятъ даже мотивы къ закону 2 іюня, а просто накладные расходы производства!

Г. Литвиновъ-Фалинскій сторонникъ примирительнаго разбирательства дѣлъ объ увѣчьяхъ фабричными инспекторами; можно быть разнаго мнѣнія относительно новой задачи, возложенной на инспекцію закономъ 2 іюня, можно быть и очень высокаго мнѣнія о примирительномъ разбирательствѣ, какъ нашъ авторъ, но все же не слѣдуетъ изображать судъ общій въ такомъ печальномъ

видѣ, какъ дѣлаетъ это онъ на стр. 28—29. Въ изображеніи г. Литвинова-Фалинскаго судъ—это какой-то жупелъ, а чиновникъ министерства финансовъ, усѣвшійся на его мѣсто,—одно совершенство. Увлекаясь послѣднимъ и запугивая судомъ, нашъ авторъ говоритъ ужъ совсѣмъ невѣрныя вещи: на стр. 28 онъ утверждаетъ, напр., что *въ судъ надо идти съ повѣренными*, а что инспекторское разбирательство тѣмъ и выше, что ни прошеній, ни повѣренныхъ не нужно! Развѣ повѣренный (что значитъ—лишній расходъ) непремѣнное условіе общихъ судовъ?

Говоря о леченіи увѣчныхъ, авторъ утверждаетъ, что «отъ леченія на сторонѣ рабочіе не могутъ имѣть никакихъ выгодъ и *свобода лечиться на сторонѣ дана рабочимъ потому, что не на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ есть свои больницы* и доктора» (19). Если бы было иначе, рабочіе, надо думать, были бы прикрѣплены къ больницамъ? *В. Ш.*

А. И. Скибневскій. Фарфорово-фаянсовое производство Гжельскаго района Московской губ., въ санитарномъ отношеніи. Сборникъ статист. свѣд. по Московской губ. отдѣлъ санитарный т. VIII, вып. III. М. 1904 г. Всѣ описанія условій жизни и труда русскихъ рабочихъ, какихъ бы производствъ и промысловъ дѣло ни касалось, такъ похожи одно на другое своей безотрадностью, что, передавъ содержаніе одной книги, съ каждымъ новымъ приходится буквально повторяться: на фарфоровыхъ заводахъ то же, что на кожевенныхъ, у грузчиковъ то же, что у желѣзнодорожныхъ рабочихъ,—немного хуже, немного лучше, а въ общемъ—все та же безотрадная картина, если только дѣло не касается новыхъ большихъ предпріятій съ тысячами рабочихъ. А такъ какъ фарфорово-фаянсовые заводы Гжельскаго района не принадлежатъ ни къ новымъ, ни къ большимъ предпріятіямъ, то работа идетъ въ какихъ-то полуразрушенныхъ сараяхъ, темныхъ и грязныхъ, въ помѣщеніяхъ, переполненныхъ рабочими, безъ вентиляціи, то холодныхъ, то съ температурой невыносимо высокой отъ муфельныхъ печей, то промозглыхъ отъ сырости, то невѣроятно сырыхъ и пыльныхъ. «Въ такихъ мастерскихъ точильщики, работая нерѣдко безъ всякаго платья и обуви, въ однихъ ситцевыхъ штанахъ, въ капсюльныхъ же и безъ штановъ, лишь обернувъ тряпицей бедра до пояса, буквально обливаются потомъ и изнемогаютъ, несмотря на привычку, отъ жары и влажности». «При размолѣ и просѣвѣ нерѣдко развивается такая масса пыли, что она свободно носится по помѣщенію и съ ногъ до головы покрываетъ рабочихъ» (стр. 14). «Что касается *чистоты содержанія* мастерскихъ, то въ этомъ отношеніи рѣшительно нигдѣ не замѣтно проявленія какой бы то ни было заботливости. Особенно въ невозможно грязномъ состояніи находятся въ большинствѣ заводовъ машинныя и капсюльныя; грязныя, сырыя стѣны, грязныя тусклыя стекла, земляные выбитые полы, изрѣдка вымощенные кирпичомъ въ машинныхъ или застланные полусгнившими дощечками въ капсюльныхъ, крайне грязные, нерѣдко сплошь покрытые слоемъ густой или жидкой глины,—вотъ что обычно наблюдается въ данныхъ мастерскихъ. Также крайне грязны въ точильняхъ и поливныхъ стѣны и полы; послѣдніе обыкновенно покрытые слоемъ пыли и присохшей глины, очень рѣдко подметаются, а если и подметаются, то надолго остается воспоминаніе, въ видѣ носящейся по мастерской пыли, о бывшемъ процессѣ подметанія» (стр. 19).

И въ этихъ мастерскихъ не только работаютъ, но и проводятъ нерабочее время, ѣдятъ и спятъ - за отсутствіемъ отдѣльныхъ спаленъ при заводахъ—всѣ тѣ, кто не имѣетъ почему-либо другого пристанища; ѣдятъ и ночуютъ и тѣ, кому далеко идти домой; $^1/_4$ часть точильщиковъ, одной изъ самыхъ нездоровыхъ спеціальностей фарфороваго производства, можно сказать, никогда не выходятъ изъ мастерской.

О какихъ-либо рабочихъ блузахъ, умывальникахъ, ваннахъ и пр., чего

требуютъ почти всѣ иностранныя законодательства, у насъ нѣтъ, конечно, и помину: «Мы вѣдь не баре», вытягиваясь на грязномъ столѣ, говоритъ точильщикъ.

Какъ отражается все это на здоровьи рабочихъ, угадать не трудно: «блѣдность наружныхъ покрововъ и слизистыхъ оболочекъ, нерѣдко соединенная съ синевой, худоба, зачастую истощенность, вялость, дряблость мускулатуры—вотъ нерѣдкій общій habitus рабочихъ»—въ 50% случаевъ; 6,5% рабочихъ—чахоточныхъ или подозрительныхъ по туберкулезу,—въ 7—10 разъ больше, чѣмъ въ общемъ населеніи окружающихъ деревень, не работающемъ на заводахъ.

Такова санитарная обстановка труда на гжельскихъ заводахъ; къ этому надо прибавить, говоритъ авторъ, «крайнюю продолжительность рабочаго дня, отсутствіе лѣтняго прогула (перерывъ въ работѣ) у половины рабочихъ, безграмотность значительно большей ихъ части, отсутствіе широко и цѣлесообразно поставленныхъ просвѣтительно-образовательныхъ учрежденій (точно плохо поставленныя есть! *В. Ш.*), сравнительно съ тяжестью труда малый заработокъ у очень значительнаго количества рабочихъ и, наконецъ, полная ихъ матеріальная необезпеченность на случай заболѣваній, понуждающая работать до окончательнаго истощенія и упадка силъ—вотъ та совокупность неблагопріятныхъ условій, которая, какъ заколдованный кругъ, окружаетъ нашего рабочаго и не даетъ ему выхода».

Интересныя данныя собраны авторомъ объ одномъ изъ «выходовъ»—объ употребленіи водки: никогда не пило, оказывается, цѣлыхъ 23% рабочихъ; остальные пьютъ въ разныхъ количествахъ *въ дни получекъ* и обыкновенно напиваются до пьяна; только 30% не доходятъ до этого. Начинается пьянство очень рано: двѣ трети рабочихъ начинаютъ пить до 19 лѣтъ, по той простой причинѣ, что «безъ водки умрешь—работа тяжелая, томная», или: «дѣваться больше некуда; въ трактирѣ компанія, выпьешь, ну и веселѣе становится, тяготу забываешь»...

Двѣ трети рабочихъ начинаютъ работу до 15 лѣтъ; такимъ образомъ, пяти лѣтъ достаточно, чтобъ въ ослабленномъ и истощенномъ организмѣ потребность въ кнутѣ, въ видѣ алкоголя, стала условіемъ существованія: «безъ водки умрешь!» *В. Ш.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Е. Н. Щепкина. „Чтенія по исторіи Россіи".—*М. С. Грушевскій.* „Очеркъ исторіи украинскаго народа".—*Р. Ю. Випперъ.* „Учебникъ древней исторіи".—*Фюстель-де-Куланжъ.* „Исторія общественнаго строя древней Франціи".

Е. Н. Щепкина. Чтенія по исторіи Россіи въ осмнадцатомъ вѣкѣ. Выпускъ I Государственный строй. Спб. 1905 г. in 8-vo. Стр. 8 нен.+264. Ц. 1 руб. 20 коп. По исторіи Россіи XVIII и XIX вѣковъ въ нашей литературѣ имѣется очень мало, чтобы не сказать рѣзче, матеріала, вполнѣ пригоднаго для средняго читателя. Всякій новый трудъ въ этой области невольно обращаетъ на себя вниманіе, а книга г-жи Щепкиной въ особенности. Еще недавно названный авторъ выступилъ съ книгой «Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 года» (Спб. 1903 г. in 8-vo. Стр. IV+314. Ц. 1 руб.). «Краткій очеркъ» представляетъ собою фактическій курсъ русской исторіи, составленный умѣло и свѣжо; въ настоящее время этотъ курсъ является у насъ единственнымъ для цѣлей самообразованія, такъ что «Коммиссія по организаціи домашняго чтенія» въ Москвѣ постановила вклю-

чить его въ списокъ *необходимыхъ* пособій при изученіи русской исторіи, отвергнувъ вовсе учебникъ по русской исторіи г. Елпатьевскаго. «Краткій очеркъ» г-жи Щепкиной, конечно, не одобренъ, ученымъ комитетомъ но въ утѣшеніе можно замѣтить, что онъ скоро появится вторымъ изданіемъ, и его распространеніе представляется, такимъ образомъ, болѣе, нежели обезпеченнымъ. Вышедшія нынѣ въ свѣтъ «Чтенія по русской исторіи» непосредственно примыкаютъ къ «Краткому очерку», какъ естественное углубленіе той части послѣдняго, которая должна быть изучена съ наибольшею подробностью, т.-е. исторіи Россіи XVIII и XIX вѣковъ. Въ настоящую минуту, детальное, но въ то же время всякому доступное знакомство съ судьбами русской земли въ XVIII и XIX вѣкахъ является особенно важнымъ. Нужно ясно себѣ представить, къ чему мы пришли и какъ не повторить ошибокъ прошлаго. Въ смыслѣ широты общественнаго взгляда и «Краткій очеркъ», и «Чтенія» г-жи Щепкиной являются вполнѣ удовлетворительными; достаточно сказать, что «Краткій очеркъ» попалъ на книжный рынокъ лишь во второй редакціи, ибо первая не съумѣла пробраться на свѣтъ Божій. «Чтенія» имѣютъ цѣлью «дать среднему кругу читателей полезное историческое чтеніе»; въ основу ихъ содержанія положенъ «матеріалъ, обработанный спеціальными изслѣдованіями и курсами», такъ что на нихъ отразились въ значительной степени теченія новѣйшей русской исторической литературы. Несмотря на нѣкоторую сжатость изложенія и не всегда выгодное для читателя стремленіе г-жи Щепкиной не слишкомъ ударяться въ глубину того или другого вопроса, критика въ правѣ отмѣтить успѣхъ автора въ смыслѣ умѣнья популяризовать выводы сухихъ изслѣдованій. Первый выпускъ «Чтеній» посвященъ государственному строю Россіи XVIII ст.; за нимъ должны послѣдовать другіе, въ которыхъ авторъ обѣщаетъ изобразить сословный строй, школы, нравы и общественное сознаніе въ XVIII вѣкѣ. Такая же серія «Чтеній» предположена авторомъ также по исторіи XIX вѣка. Характеристика *хозяйственнаго* строя авторомъ не намѣчена въ видѣ особаго выпуска «Чтеній».

Разбираемый выпускъ состоитъ изъ введенія («Пространство и населеніе») и десяти главъ, трактующихъ такія темы: верховная власть (стр. 27—46), высшая администрація и областныя учрежденія въ эпоху Петра I (стр. 47—107, 108—139), «Эпоха верховнаго тайнаго совѣта» (стр. 140—157), «Эпоха кабинета» (стр. 158—167), эпоха «возстановленнаго сената и конференціи» (стр. 168—178), «Высшее управленіе послѣдняго періода XVIII вѣка» (стр. 179—200), губернскія учрежденія Екатерины II и финансы въ XVIII вѣкѣ (стр. 201—237, 238—263). Изъ приведеннаго плана книги ясно, какихъ темъ и въ какомъ порядкѣ касается г-жа Щепкина, даже въ какихъ размѣрахъ. Нельзя не замѣтить, что г-жа Щепкина злоупотребляетъ терминомъ «эпоха» и питаетъ нѣсколько излишнее пристрастіе къ хронологической системѣ изложенія. Совершенно непонятно, для чего вопросъ о мѣстномъ управленіи въ XVIII вѣкѣ разорванъ авторомъ на двѣ отдѣльныхъ главы (III-я и IX-ая), для чего изъ верховнаго тайнаго совѣта и кабинета торжественно сдѣланы *эпохи*, на изложеніе которыхъ каждой въ отдѣльности требуется не болѣе десятка страницъ! Мы могли бы продолжать въ этомъ направленіи наши замѣчанія и утверждать, что вовсе не слѣдовало дробить свое изложеніе искусственно по вѣкамъ. Для читателя было бы удобнѣе поставленныя темы сразу прослѣдить за XVIII и XIX вѣками, а изложеніе вопросовъ соціальной и хозяйственной исторіи имѣть передъ глазами ранѣе чтеній по государственному строю, ибо послѣдній всегда и вездѣ опредѣляется тѣмъ или другимъ распорядкомъ соціально-хозяйственной жизни народа. Тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ признать, что «Чтенія» г-жи Щепкиной удовлетворяютъ одной изъ насущныхъ потребностей средняго слоя читающей публики; они вмѣстѣ съ

тѣмъ является весьма цѣнными для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вѣдь русская исторія поставлена тамъ въ отношеніи научно-литературныхъ пособій хуже всеобщей, и въ этомъ смыслѣ опытъ г-жи Щепкиной долженъ привѣтствоваться съ особеннoымъ удовольствіемъ. Намъ остается пожелать скорѣйшаго появленія дальнѣйшихъ выпусковъ, а такъ же пожелать преимущественнаго вниманія автора въ сторону соціально-хозяйственной стороны историческаго процесса. *В. Сторожевъ.*

Проф. М. С. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904 г. in 8-vo. Стр. 8 нен. + 380+2 нен.+карта. Ц. 2 руб. М. С. Грушевскій извѣстенъ въ наукѣ, какъ авторъ капитальнаго труда «Исторія Украини-Руси», начавшей выходить въ свѣтъ во Львовѣ съ 1898 г. и составившей рядъ томовъ «Сборника историко-философской секціи ученаго общества имени Шевченка». Первые четыре тома, обнимающіе исторію украинскаго народа до конца XVI вѣка, вышли въ прошломъ году вторымъ изданіемъ, а также въ нѣмецкомъ переводѣ въ Лейпцигѣ у Teubner'а. Въ предисловіи къ первому тому украинскаго изданія своего труда авторъ мотивировалъ его появленіе отсутствіемъ научно изложенной исторіи украинско-русскаго народа, которая цѣликомъ обнимала бы его судьбы. Эта исторія, по признанію автора, даетъ «невеселую» картину, но надо «имѣть отвагу взглянуть на неприкрашенную правду своего прошлаго, чтобъ почерпнуть въ ней не недовѣріе, а силу». Считая первымъ моментомъ украинскаго возрожденія годъ выхода въ свѣтъ Энеиды Котляревскаго (1798 г.), г. Грушевскій посвящаетъ первый томъ своего труда столѣтію «национальнаго відрождення... нехай вона буде йому привітом». Авторъ думалъ начать съ сжатой популярной исторіи украинскаго народа, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и предварительно издалъ строго научный курсъ, который могъ бы ввести въ науку и познакомить съ современнымъ состояніемъ украинско-русской исторіи. Уже изъ предисловія проглядываютъ рѣзкіе общественные вкусы автора, перешедшіе и въ русское изданіе, которое въ значительной своей части представляетъ собой извлеченіе изъ большого курса «Исторія Украини-Руси». Это извлеченіе—небольшой курсъ исторіи украинско-русскаго народа, читанный весною 1903 г. по приглашенію русской школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ; авторъ имѣетъ въ виду «читателей съ извѣстною привычкой къ научному чтенію, ищущихъ не внѣшней занимательности разсказа, а научнаго изложенія», стараясь «въ краткомъ и сжатомъ видѣ дать возможно точный образъ историческаго процесса, пережитаго украинскимъ народомъ».

Читатель, которому попадетъ въ руки «Очеркъ исторіи украинскаго народа» г. Грушевскаго, одолѣетъ его съ большимъ интересомъ, и мы находимъ справедливымъ обратить особенное вниманіе читающей публики на въ высшей степени содержательную работу львовскаго профессора, положившаго въ нее такъ много усилій, знанія, труда.

Если имѣть въ виду исключительно русскій текстъ очерка исторіи украинско-русскаго народа, то можно, пожалуй, замѣтить, что нѣкоторыя положенія автора недостаточно обоснованы, а признаніе имъ многихъ извѣстій подозрительными не сопровождается никакою мотивировкой (срв., нпр., стр. 2, 4, 16, 20, 26, 40, 75 и др.). Можно сдѣлать автору для научно-популярной книги еще болѣе сильный упрекъ. Изъ 380-ти страницъ книги на исторію украинской народности XVIII—XIX вв. отведено всего лишь около сотни страницъ: мы ожидали бы иныхъ пропорцій и болѣе подробнаго изображенія судебъ украинцевъ въ XIX в. Недостатокъ этотъ признаетъ и самъ авторъ, дважды его оговаривая (стр. 8 нен. и 367), и отвѣтственность за то надо сложить на печальныя условія, при которыхъ вынуждено жить научное изслѣдованіе въ Россіи. Въ своихъ построеніяхъ авторъ пользуется археологическимъ и частью

лингвистическимъ матеріаломъ, но мы не признаемъ, чтобы въ этомъ отношеніи трудъ г. Грушевскаго получалъ исчерпывающее значеніе. Въ отношеніи процесса историческаго развитія кіевской Руси очень распространено мнѣніе, что здѣсь все болѣе или менѣе изучено. Книга г. Грушевскаго показываетъ, что это едва ли такъ, что многое можно переработать заново и дать изложеніе, сильно отступающее отъ схемы, популяризованной настойчиво и смѣло талантливымъ перомъ московской исторіографіи.

Приступая къ изображенію своей темы, г. Грушевскій вводитъ насъ во всѣ тайники своихъ основныхъ взглядовъ. Авторъ говоритъ, что великорусская и украинская народности обозначились въ исторіи «съ особою отчетливостью». «Историческая судьба, читаемъ у нашего автора (стр. 10), не разъ сводила ихъ рядомъ, причемъ въ первыхъ вѣкахъ ихъ исторической жизни роль зиждущаго, культурно и политически преобладающаго, первенствующаго въ восточной Европѣ элемента играла народность украинская, въ послѣднихъ—народность великорусская; внѣ этихъ соприкосновеній и одновременно съ ними историческая жизнь той или другой развивалась самостоятельно и своеобразно, все болѣе увеличивая сумму отличій всего склада ихъ жизни и отдѣляя ихъ національные типы все болѣе рѣзкою чертой—передъ нами, несомнѣнно, двѣ народности, двѣ исторіи» (см. также стр. 92—93 и 340 и предисловіе къ сборнику «Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ» подъ ред. В. Н. Сторожева). Въ этомъ смыслѣ правильность заключеній автора не подлежитъ сомнѣнію, и его опытъ самостоятельнаго цѣльнаго изображенія судебъ украинской народности получаетъ поэтому интересъ исключительный. Оставляя въ сторонѣ полемику автора съ норманнизмомъ и теоріей родового строя у славянъ на восточно-европейской равнинѣ, его экскурсы по вопросу о происхожденіи казачества, долженствующіе занять въ исторіографіи опредѣленное мѣсто, намѣтимъ общее содержаніе книги М. С. Грушевскаго и главы, представляющія болѣе живой современный интересъ. Авторъ начинаетъ съ характеристики современной украинской колонизаціи, ея историческихъ измѣненій, разселенія украинскихъ племенъ и обозначенія украинскаго этническаго типа. Бытъ древнихъ украинскихъ племенъ и возникновеніе среди нихъ государственной организаціи, процессы созиданія (IX и X вв.) и разложенія (XI и XII вв.) кіевскаго государства, княжествъ-земель XI—XIII вв. и галицко-волынскаго государства—все это завершается главой о политическомъ и общественномъ устройствѣ, о правѣ и культурѣ XI—XIII вв. (стр. 91—115). Далѣе слѣдуетъ исторія собиранія украинскихъ земель великимъ княжествомъ литовскимъ и Польшей (XIV—XVI вв.) въ связи съ изложеніемъ общественной и культурной эволюціи, религіозно-національное и культурное движеніе XVII в. и борьба казачества съ Польшей, закончившаяся раздробленіемъ украинской территоріи между польскимъ и московскимъ государствами (стр. 116—278). Съ главы XIX-ой интересъ къ книгѣ возрастаетъ еще болѣе: соціально-экономическій процессъ въ восточной Украинѣ XVII—XVIII вв., политическія условія гетманщины и уничтоженіе стараго строя, возстановленіе и уничтоженіе казачества въ Правобережной Украинѣ и судьбы крестьянства—таковы темы трехъ слѣдующихъ главъ (стр. 278—325). Особнякомъ по изложенію, а равно по интересу для читателя съ широко развитыми общественными вкусами стоятъ три заключительныхъ главы (стр. 326—380), посвященныя національному и культурному упадку въ украинскихъ земляхъ XVIII в., украинскому возрожденію въ XIX в. (особенно въ Галиціи) и современному состоянію украинства. Онѣ не представляютъ собой изслѣдованія, это—болѣе чѣмъ сжатый обзоръ, но полный глубокаго содержанія, обзоръ, который скорѣе манитъ и намекаетъ, чѣмъ даетъ рядъ выразительныхъ положеній, за исключеніемъ, конечно, одного: украинско-русской народности предстоитъ эпоха «развитія

выдающейся національной культуры». Мы не будемъ на эту тему вести спеціальный разговоръ, ибо для насъ гораздо цѣннѣе у нашаго автора изображеніе мартиролога украинскаго языка. Мы всецѣло присоединяемся въ данномъ случаѣ къ выводамъ автора, мы осмѣливаемся утверждать, что здѣсь и не можетъ быть двухъ мнѣній. Абсолютная свобода языка здѣсь будетъ лучшимъ оселкомъ для испытанія его общественной прочности, а вмѣстѣ и заключеній г. Грушевскаго о «шансахъ для развитія выдающейся національной культуры». Было бы недостойно критики, если бъ, при оцѣнкѣ «Очерка исторіи украинскаго народа» М. С. Грушевскаго, она не отмѣтила такта, съ какимъ написана вся книга. Г. Грушевскій очень опредѣленно относится къ судьбамъ украинской народности и украинско-русскаго языка, въ своихъ общественныхъ воззрѣніяхъ онъ придерживается не менѣе опредѣленнаго направленія, но ни одинъ читатель его книги не попрекнетъ его въ чрезвычайномъ пересолѣ, въ томъ, что онъ позволяетъ себѣ выступать за границы той благородной дозы тенденціозности, безъ которой, по мнѣнію пишущаго настоящаго строки, у насъ недостойно издавать научно-популярныя книжки. Мы позволяемъ себѣ закончить нашъ отзывъ пожеланіемъ, чтобы книга г. Грушевскаго встрѣтила среди нашей читающей публики самый радушный пріемъ.

В. Сторожевъ.

Проф. Р. Ю. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. Съ рисунками и историческими картами. Третье дополненное изданіе. М. 1904 г. in 8-vo. Стр. VIII + 214. Ц. 1 руб. Въ девятой книгѣ «Научнаго Слова» за 1903 г., при общей характеристикѣ (стр. 132—134) «Учебника исторіи среднихъ вѣковъ» г. Виппера, нами была высказана мысль о необходимости дать русской читающей публикѣ *вторую* редакцію «Учебника древней исторіи», которая обстоятельнѣе вводила бы въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ того же автора. Теперь передъ нами эта вторая редакція пособія по древней исторіи, приближающагося «къ формѣ хотя бы краткой книги для чтенія». По объему новое изданіе превосходитъ прежнее почти на два печатныхъ листа, наиболѣе значительныя дополненія относятся къ исторіи Востока и Эллады, общій характеръ и основныя рамки изложенія остались безъ перемѣнъ. Было бы, однако, ошибочно думать, что авторъ просто пополнилъ содержаніе учебника новымъ матеріаломъ, какъ то можетъ показаться съ перваго взгляда, судя по обложкѣ и предисловію, гдѣ говорится исключительно о добавленіяхъ. На самомъ дѣлѣ г. Випперъ тщательно пересмотрѣлъ весь учебникъ, онъ не только пополнилъ его содержаніе, но и заново переработалъ отдѣльныя его части. Иногда эта переработка настолько мелочна, что вскрывается лишь путемъ непосредственнаго сопоставленія текстовъ прежнихъ и новаго изданій, причемъ, внѣ всякаго сомнѣнія, авторомъ принимались во вниманіе критическія замѣчанія, которыми встрѣчена была первая редакція учебника древней исторіи. Книга г. Виппера представляетъ незамѣнимое въ русской литературѣ пособіе для элементарнаго и вмѣстѣ на строго научныхъ основахъ построеннаго изученія древности. При вообще ничтожномъ научномъ уровнѣ средней школы въ Россіи, книга г. Виппера можетъ представить нѣкоторыя трудности въ классѣ, такъ какъ она требуетъ живого и научно содержательнаго разсказа преподавателя. Это свойство книги г. Виппера мы склонны признавать за достоинство, отнюдь не за порокъ, ибо отойдетъ же когда-нибудь въ вѣчность система задаванія уроковъ по книжкѣ и полицейскаго дознанія въ классѣ, всѣ ли факты данной странички учащійся субъектъ себѣ усвоилъ или не всѣ. Дѣло не въ запоминаніи многихъ фактовъ и хронологическихъ датъ, а въ усвоеніи сути того или другого явленія, въ пониманіи историческаго процесса и послѣдовательной смѣны формъ.

Введеніемъ въ исторію древности служитъ оригинальная для русскаго учебника глава «Старинная Европа» (стр. 1—17)—опытъ сжатой характеристики

первобытнаго строя европейцевъ; одна глава (стр. 18—51) посвящена Востоку, четыре главы (стр. 52—117)—исторіи Эллады, пять главъ (стр. 118—198)—Риму и возникновенію христіанства и заключительная 12-я глава (стр. 199—214), «Варвары на западѣ», трактуетъ тему, обычно относимую къ среднимъ вѣкамъ. Въ этой послѣдней главѣ дано описаніе быта германцевъ, изложеніе фактовъ прихода варваровъ въ западныя области римской имперіи, образованіе королевствъ германцевъ и, наконецъ, общая характеристика государствъ Западной Европы около 600 года. Все это знаменуетъ «конецъ» древности и потому, естественно, входитъ въ курсъ древней исторіи. Написанъ учебникъ г. Виппера сжато, крупными мазками, отрывистыми фразами; будучи сравнительно очень легкимъ для чтенія, онъ является доступнымъ лишь для очень внимательнаго и вдумчиваго читателя, которому здѣсь найдется надъ чѣмъ серьезно поработать.

Привѣтствуя переработку составленнаго г. Випперомъ учебника древней исторіи, рекомендуя его вниманію средней школы и публики, мы должны закончить нашъ отзывъ пожеланіемъ, чтобы г. Випперъ возможно скорѣе закончилъ свой циклъ учебниковъ по всеобщей исторіи опубликованіемъ курса *новой* исторіи, не стѣсняясь никакими оффиціальными планами и программами.

В. Сторожевъ.

Фюстель-де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ редакціей проф. И. М. Гревса. Томъ второй. Германское вторженіе и конецъ имперіи. Спб. 1904 г. стр. 717+XVII. Каждый томъ этого замѣчательнаго произведенія представляетъ собою нѣчто цѣльное и вполнѣ понятное, нѣчто дающее полную характеристику затрогиваемаго періода. Конечно, кто хочетъ познакомиться обстоятельно съ общей исторической концепціей Фюстель-де-Куланжа, какъ она выразилась въ анализѣ фактовъ переходнаго времени отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, тотъ будетъ читать и изучать эту работу систематически, томъ за томомъ, но и каждая изъ отдѣльныхъ частей совершенно самостоятельно обрисовываетъ извѣстный періодъ и представляетъ вполнѣ самостоятельный интересъ. Большую пользу принесетъ нашей учащейся молодежи (слишкомъ часто не владѣющей новыми языками) превосходный переводъ «Исторіи общественнаго строя во Франціи», второй томъ котораго лежитъ предъ нами. Мы бы сказали, что ни Нибуръ, оперируя надъ римской исторіей, ни Роджерсъ, при анализѣ экономическаго быта старой Англіи, ни безвременно отнятый у науки Роде, такъ тщательно и тонко разбиравшійся въ фактахъ и домыслахъ о духовной жизни Греціи, никто изъ этихъ людей, давшихъ столь могучіе образчики строжайшей критики и искуснаго пользованія историческими документами, никто изъ нихъ, дѣйствовавшихъ въ столь различныхъ областяхъ, но такъ похожихъ другъ на друга по *впечатлѣнію*, которое производятъ ихъ труды, независимо отъ природы излагаемыхъ ими фактовъ, никто изъ нихъ не можетъ возбудить въ читателѣ такого чувства удивленія и преклоненія предъ строгою систематичностью истинно-научнаго ума, предъ тою сосредоточенною силою, съ которой предъ глазами читателя постепенно отметаются прочь всякія фантазіи, необоснованныя гипотезы, мнимыя аксіомы и т. д. Любовь къ наукѣ, почтеніе къ великому ея принципу—строгому и недовѣрчивому анализу внушаются каждой страницей каждой работы Фюстель де-Куланжа, въ этомъ отношеніи воспитательная роль его произведеній совершенно непререкаема и несомнѣнна.

Что касается, въ частности, до исторіи французскихъ учрежденій, то эта задача, не доведенная Фюстель-де-Куланжемъ до конца, въ той части, какую судьба позволила ему выполнить, является, конечно, лучшимъ трудомъ всей продуктивной жизни этого замѣчательнаго человѣка. Извѣстна та запальчивая полемика, которая возникла между германскими учеными и оскорбившимъ ихъ

«патріотическія» чувства французскимъ авторомъ. Мы склонны подобно многимъ думать, что въ данномъ случаѣ обѣ стороны преувеличивали и были неправы, что, по нѣмецкому выраженію, «die Wahrheit liegt nicht immer, aber *hier* in der Mitte»; что принесенное германскими племенами сыграло, конечно, не рѣшающую, но существенную роль въ образованіи соціальнаго уклада въ романскихъ земляхъ втеченіе первой половины средневѣковья; но мы рѣшительно отказываемся видѣть какую-нибудь вину, какое-нибудь преувеличеніе, какой-нибудь пристрастный національный задоръ тамъ, гдѣ Фюстель-де-Куланжъ съ фактами въ рукахъ доказываетъ, что цѣлыя поколѣнія нѣмецкихъ ученыхъ питались собственными домыслами и гипотезами, имѣвшими цѣлью опоэтизировать родную старину. Напримѣръ, какъ хороша въ лежащемъ предъ нами томѣ глава о характерѣ источниковъ для изученія древней Германіи и какъ полезно почаще вспоминать основные принципы великаго ученаго: «Всякій обладающій историческимъ чутьемъ хорошо знаетъ, какъ трудно схватить точно и вѣрно соціальную организанію какого-нибудь народа, даже тогда, когда подъ руками находятся многочисленные документы, какъ, напримѣръ, при изученіи прошлаго грековъ и римлянъ... Когда изучаешь какое-нибудь общество, самыми драгоцѣнными и самыми достовѣрными документами являются тѣ, которые составлены во время разсматриваемой эпохи, на языкѣ изучаемаго народа и проникнуты его духомъ. Что знали бы мы о египтянахъ, ихъ учрежденіяхъ и вѣрованьяхъ, если бы у насъ были въ распоряженіи одни греческіе документы? Между тѣмъ у насъ нѣтъ ни одного памятника древне-германскаго происхожденія». Мало того, и иностранныхъ источниковъ сохранилось ничтожнѣйшее количество; вотъ конечный выводъ и подсчетъ: «Двѣ страницы изъ Цезаря, двѣ или три изъ Страбона и Плинія, десятка два изъ Тацита, нѣсколько строкъ изъ Діона Кассія и Амміана Марцеллина, одно сочиненіе Іордана—вотъ къ чему сводятся источники нашихъ свѣдѣній о соціальномъ строѣ древней Германіи». А между тѣмъ, какъ на грѣхъ для исторической науки, расцвѣтъ изученія среднихъ вѣковъ совпалъ въ Германіи съ продолжавшимся въ теченіе всего девятнадцатаго столѣтія сильнымъ національнымъ движеніемъ, и историки испытывали сильное искушеніе пріукрашивать и дополнять своими домыслами отрывочные и часто неясныя показанія источниковъ. Сколько есть у нѣмецкихъ медіевистовъ самыхъ живыхъ описаній древнихъ народныхъ сходокъ, полныхъ изображеній быта; размышленій о «могучемъ, свѣжемъ элементѣ», который влился въ «разлагавшуюся римскую культуру» изъ тевтонскихъ лѣсовъ и т. д., и т. д. Въ большой степени Гизебрехтъ и Данъ, въ гораздо меньшей Вайтцъ, но даже они не всегда свободны отъ желанія модернизировать германскую старину. Даже они, а въ недостаткѣ добросовѣстности ихъ упрекнуть мудрено. Любопытно, что не только историковъ, и юристовъ коснулось (особенно въ первой половинѣ XIX-го вѣка) это увлеченіе и отразилось въ видѣ стремленія давать картину полнаго правоваго института иногда тамъ, гдѣ кромѣ обрывковъ и намековъ источники ничего не давали. Все это, конечно, прежде всего приходитъ въ голову, когда читаешь у Фюстель-де-Куланжа: «Среди современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ существуетъ историческая школа, которая съ особенною любовью трактуетъ о древнихъ германцахъ, какъ во Франціи существуетъ другая, увлекающаяся вопросомъ о древнихъ галлахъ. О первыхъ извѣстно не больше, чѣмъ о вторыхъ; но многіе воображаютъ, что патріотизмъ поможетъ освѣтить мракъ, покрывающій далекую старину, и что подъ его дѣйствіемъ удесятерятся скудныя свѣдѣнія, какія находятся въ распоряженіи науки». Въ смыслѣ корректива къ чужимъ увлеченіямъ сочиненіе Фюстель-де-Куланжа незамѣнимо, также какъ незамѣнимъ онъ въ уже сказанномъ воспитательномъ отношеніи.

Но, спроситъ читатель, исчерпываетъ ли Фюстель-де-Куланжъ всѣ вопросы

о происхожденіи европейскаго феодальнаго строя? Къ сожалѣнію, нѣтъ, какъ и никто изъ его предшественниковъ или преемниковъ, какъ никто изъ его сторонниковъ или противниковъ. Потому мы говоримъ «къ сожалѣнію», что метеріалъ-то исчерпанъ имъ едва ли не весь до послѣдней буквы. Экономика феодализма была, есть и остается донынѣ—во многихъ и многихъ чертахъ—не отчасти, а совершенно темной и загадочной, и въ этомъ смыслѣ наиболѣе безнадежно поставлены какъ разъ вѣка назрѣванія феодальнаго строя. Картина юридическихъ и соціальныхъ отношеній раскрывается все яснѣе и полнѣе, а подлинная первооснова его — попрежнему въ туманѣ: мы не знаемъ (и, вѣрно, не узнаемъ) мало-мальски точно относительныхъ размѣровъ землевладѣнія разныхъ соціальныхъ группъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, мы никогда не установимъ, даже съ самыми произвольными натяжками примѣрныхъ среднихъ бюджетовъ отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ, мы не вскроемъ, словомъ, главнаго фундамента отношеній, соціально-юридическая природа которыхъ, въ весьма важныхъ своихъ чертахъ, опредѣляется теперь все болѣе и болѣе. Даже *относительная распространенность* различныхъ формъ земельнаго держанія въ первыя времена послѣ вторженія варваровъ не можетъ быть и приблизительно опредѣлена ни для одной провинціи,—впрочемъ, и для конца среднихъ вѣковъ и даже для XIV—XV вв. это можно сдѣлать очень и очень гипотетически и совсѣмъ неточно—и то, едва ли не для одной только Англіи, которая въ смыслѣ сохраненія документовъ, относящихся къ экономическому прошлому, находится въ совершенно исключительныхъ условіяхъ.

Но будемъ учиться у Фюстель-де-Куланжа говорить «не знаемъ» тамъ, гдѣ воображеніе толкаетъ насъ на путь фантастическихъ догадокъ, и будемъ довольствоваться точнымъ выясненіемъ тѣхъ сторонъ исторической жизни, которыя такому выясненію поддаются. И если (хотя бы и не всесторонне) наука много можетъ разсказать о феодальномъ строѣ, то этимъ многимъ она обязана именно такимъ строгимъ критикамъ, какъ Фюстель-де-Куланжъ.

Переводъ (свѣренный нами во многихъ мѣстахъ) очень точенъ и, кромѣ того, очень литературенъ и читается легко. Маленькую стилистическую неловкость мы нашли на 300-ой страницѣ. Тамъ читаемъ: «Однимъ былъ Кассіодоръ, скорѣе ловкій дѣлецъ, чѣмъ крупный умъ, съумѣвшій сдѣлаться однимъ изъ первыхъ сотрудниковъ Теодориха Остготскаго и его преемника. Намъ хотѣлось бы вѣрить, что онъ составилъ свою книгу въ чисто дѣловомъ направленіи» и т. д. Тутъ слово «дѣловой», да еще послѣ слова «дѣлецъ» даетъ фразѣ не тотъ смыслъ, какой желателенъ автору.

Читатели перевода будутъ очень благодарны редактору и переводчицѣ за ихъ большой и такъ хорошо исполненный трудъ. Замѣтимъ кстати, что редактору принадлежитъ прекрасная статья о Фюстель-де-Куланжѣ въ «Энциклопедическомъ словѣ» Брокгауза и Ефрона. Статья эта указываетъ на то же чувство, какое обличается какъ предисловіями къ обоимъ томамъ рецензируемаго труда, такъ и самымъ исполненіемъ перевода: на искреннюю любовь къ научной индивидуальности покойнаго французскаго историка. *Евг. Т.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

„Очерки по крестьянскому вопросу". Сборн. подъ ред. проф. *А. А. Мануилова.*

Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей подъ редакціей пр. Московскаго университета А. А. Мануилова. Выпускъ II. М. 1905 г. Ц. 1 р. 75 к. VI+348 стр.. Когда новая жизнь настойчиво стучится въ двери русской исторіи и требуетъ, во имя возрожденія Россіи, полнаго и рѣ-

шительнаго разрыва съ прошедшимъ, отъ котораго осталась лишь одна тормозящая всякое преуспѣяніе форма, крестьянскій вопросъ долженъ особенно сильно привлекать вниманіе тѣхъ, кому, дѣйствительно, дороги интересы нашей родины. Если бы наше крестьянство во время эмансипаціи было сразу поставлено на твердую почву, скажемъ прямо, было бы обезпечено достаточнымъ надѣломъ, если бы усилія крепостниковъ, не способствовали сильному сокращенію послѣдняго, то, съ увѣренностью можно сказать, аграрная проблема не получила бы у насъ, 43 года спустя послѣ паденія крѣпостного права, такой жгучей остроты, и разрѣшеніе ея не сопровождалось бы такими громадными затрудненіями. Не было бы этой картины повальнаго обнищанія деревни; количество крѣпкихъ крѣстьянскихъ дворовъ было бы неизмѣримо больше, чѣмъ теперь; внутренній рынокъ отличался бы большею емкостью и этимъ давалъ бы благопріятную почву для развитія русской индустріи. Но «первородный» грѣхъ при созданіи «свободнаго» крестьянства наложилъ печать на послѣдующую исторію русской деревни, о ненормальныхъ условіяхъ развитія которой приходится говорить все чаще и чаще. Если бы индустрія могла поглощать всѣ излишки деревенскаго населенія, то пауперизація послѣдняго не была бы такъ велика; однако, изъ громаднаго прироста (болѣе 60% съ 1861 г.) едва ли третья часть могла найти занятія внѣ земледѣлія. Быстрое уменьшеніе земельнаго обезпеченія, усиленное исканіе земли только ради прокорма, а не съ какими-либо соображеніями предпринимательскаго характера, повышеніе покупной и арендной цѣны на землю, развитіе натуральной аренды—все это плоды сѣмянъ, посѣянныхъ въ 1861 г. Правительство, конечно, изъ чисто фискальныхъ мотивовъ должно было неоднократно обращать вниманіе на «оскудѣніе» деревни; но жизнь весьма откровенно ставила всякій разъ такія широкія проблемы, разрѣшить которыя бюрократія была не въ силахъ, а потому и ограничивалась одними разговорами и палліативными мѣрами. Но ясно, что дальше такъ жить нельзя: нужду крестьянъ въ землѣ *придется* удовлетворить тѣмъ или другимъ способомъ.

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, къ составителямъ интересныхъ «очерковъ по крестьянскому вопросу», второй выпускъ которыхъ появился теперь на книжномъ рынкѣ. Имя редактора ихъ, пр. Мануилова, является достаточнымъ ручательствомъ научной солидности книги, которую мы настойчиво рекомендуемъ всякому, интересующемуся экономическими судьбами Россіи. Въ предисловіи пр. Мануиловъ говоритъ, что со времени появленія I выпуска «Очерковъ» «совершились въ русской жизни важныя событія, могущія существенно отразиться и на постановкѣ крестьянскаго вопроса въ законодательныхъ сферахъ» (V). «... Если оправдаются слухи о томъ, что пересмотръ законоположенія о крестьянахъ предполагается поставить въ иныя условія, чѣмъ при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ,—выясненіе разныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса и критика дѣйствующихъ и проэктированныхъ мѣропріятій въ этой области могутъ представить еще большій интересъ, чѣмъ раньше». Реакціонные проекты министра Плеве всякому извѣстны, но ясно также, что при сохраненіи современнаго status quo группировки общественныхъ силъ надѣяться на большіе шаги впередъ нечего; и это прекрасно понимаетъ пр. Мануиловъ, который заканчиваетъ книгу слѣдующими прочувствованными словами: «экономическое положеніе крестьянскаго населенія въ нашей странѣ не только не улучшилось подъ вліяніемъ мѣръ, принимавшихся за послѣднее двадцатилѣтіе, но несомнѣнно стало значительно тяжелѣе. Фактъ крестьянскаго оскудѣнія, нѣкогда объявлявшійся нашими охранителями измышленіемъ либераловъ, теперь признанъ оффиціально». «Прежняя политика осуждена безповоротно, и пора вступить на новый путь,—путь развитія самодѣятельности крестьянскаго населенія при помощи подъема личности крестьянина, освобож-

денія его отъ административной опеки и созданія такихъ условій общегосударственной и мѣстной жизни, которыя обезпечили бы крестьянству возможность пользоваться благами просвѣщенія и открыли бы передъ нимъ широкое поприще бодраго почина. Сельское хозяйство не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ мало воздуху и свѣта» (стр. 348). Очевидно, что для новаго содержанія нужно приготовить и новыя формы, и безъ превращенія Россіи въ правовое государство нечего и мечтать объ удовлетворительномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Центральной статьей сборника является работа самого пр. Мануилова—«Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи». Выше мы указали, почему этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ у насъ большую важность; крестьянская аренда и ея условія служатъ прекраснымъ показателемъ «нуждъ деревни».

Приблизительное количество арендуемой крестьянами земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи составляетъ 20% надѣльной площади, а количество арендующихъ дворовъ—около 37% ихъ числа; цифры эти сильно колеблются по губерніямъ и уѣздамъ: такъ, въ Трубчевскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, 64% дворовъ снимаетъ землю; въ Зубцовскомъ уѣздѣ, Тверской губ., арендуемая крестьянами земля составляетъ 42% ихъ надѣла. Изслѣдуя причины, вліяющія на распространеніе внѣнадѣльной аренды въ Россіи, пр. Мануиловъ, согласно съ пр. Карышевымъ, устанавливаетъ обратное соотношеніе между размѣрами надѣльнаго землевладѣнія и арендой. Малоземелье, отсутствіе сѣнокосовъ и пастбищъ—вотъ основный стимулъ, толкающій крестьянскую массу въ поиски за землей. Не народническая «власть земли» задерживаетъ мужика въ деревнѣ: просто ему негдѣ въ другомъ мѣстѣ приложить свои руки. И такъ какъ получить землю для прокормленія себя и своей семьи крестьянину нужно во чтобы то ни стало, то ясно, что сдатчикъ находится въ весьма выгодномъ положеніи. Пр. Мануиловъ, на стр. 137, приводитъ интересную таблицу, указывающую, что чѣмъ меньше въ данной мѣстности крестьянское населеніе обезпечено надѣльной землей, тѣмъ выше стоитъ арендная плата. На почвѣ такихъ условій разыгрывается самая беззастѣнчивая эксплоатація крестьянскаго населенія со стороны мѣстныхъ землевладѣльцевъ: отработочная аренда обезпечиваетъ послѣднимъ рабочихъ за весьма сходную цѣну. Не угодно ли, напримѣръ, посмотрѣть, какія условія заключаются въ знаменитомъ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи: за каждую взятую десятину крестьяне обязались убрать 1⅓ десятины экономическаго хлѣба (извѣстно, что время уборки—самое горячее, и рабочимъ иногда приходится много уплачивать); на работу должны являться «по первому требованію», вязать «туго, чисто», пріостанавливать уборку на время дождя и росы и т. п., а кто не выполнитъ хоть одного изъ этихъ условій, то посѣвъ хлѣба на арендованной землѣ *безъ суда* остается въ пользу экономіи. Весьма характернымъ является этотъ страхъ *суда*: вѣроятно, даже земскій начальникъ посовѣстился бы такъ жестоко карать неаккуратнаго арендатора!

Такъ обстоитъ дѣло съ отработочной и натуральной арендой; но и денежная обходится крестьянину не многимъ дешевле. Случаи превышенія арендной платой чистой доходности земли весьма нерѣдки, особенно при краткосрочной арендѣ, вообще болѣе дорогой. Вотъ примѣръ, взятый изъ Сборника по Орловскому уѣзду (1895 г.): вся арендованная крестьянами пашня даетъ 360.369 р.; если вычесть арендную плату (245.871 р.), расходы на сѣмена и удобреніе (88.533 р.), то въ остаткѣ окажется 25.965 р., что должно окупить всю стоимость работъ, расходы на инвентарь н пр. Между тѣмъ, одна заработная плата и вознагражденіе за скотъ н инвентарь должны составить 177.695 р. Поэтому, правы оказываются крестьяне, говорящіе, что отъ аренды имъ остается одна солома. «Они землю снимаютъ не столько ради чистой выгоды, сколько для того, чтобы имѣть возможность примѣнить куда-нибудь свой трудъ»

(стр. 148). Ради соломы, ради лишняго пуда хлѣба въ годъ *неэкономически* растрачивается важнѣйшая производительная сила страны—народный трудъ; но такова судьба нашей родины, не имѣющей еще надлежащихъ правовыхъ и хозяйственныхъ устоевъ!

А вотъ что дѣлается съ некрѣпкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, когда изъ него начинаютъ выколачивать подати и недоимки: получается невѣроятное при крестьянскомъ малоземельи явленіе—сдача въ аренду надѣльной земли. Этому послѣднему вопросу посвящена небольшая, но обстоятельно написанная статья г. Брейера. Крестьянинъ (напр., въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губ.), «когда собираются подати или взыскиваются недоимки», сдаетъ болѣе счастливому сосѣду свою надѣльную десятину руб. за 12, а передъ яровымъ посѣвомъ бѣжитъ къ помѣщику и нанимаетъ у него десятину руб. за 15—18. «Ясно, что подобнаго рода сдача надѣльной земли представляетъ собою не что иное, какъ оригинальный видъ кредита». А народныя сбереженія, которыя могли бы, подобно примѣру Западной Европы, обслуживать нужды нашей неимущей деревни, идутъ на поддержаніе преимущественно государственныхъ бумагъ. Чрезвычайно важной причиной распространенія крестьянской аренды пр. Мануиловъ считаетъ также «неудобное расположеніе крестьянскихъ земель относительно частновладѣльческихъ», и при этомъ помѣщаетъ въ книгѣ интересные планы, извлеченные изъ матеріаловъ послѣдней земской переписи въ Московской губ. Совѣтуемъ читателю внимательно всмотрѣться въ эти планы: онъ тогда пойметъ, почему нерѣдко приходится «мужику» снимать и ненужную барскую землю.

«Высота арендной платы вообще опредѣляется соотношеніемъ спроса и предложенія, дѣйствіе которыхъ не смягчается ни обычаями, ни закономъ» (стр. 134); крестьянская аренда—продовольственнаго, а не предпринимательскаго типа; она истощаетъ снимаемую землю и приноситъ вредъ сельскохозяйственной культурѣ; арендныя цѣны имѣютъ неудержимую тенденцію расти; таковы главные выводы пр. Мануилова. Если г. Карышевъ 12 лѣтъ тому назадъ обращалъ при обсужденіи арендкаго вопроса свои взоры кверху, требуя государственнаго вмѣшательства («Итоги экон. изслѣд. Россіи», т. II, «Внѣнадѣльныя крестьянскія аренды», Н. Карышевъ, Дерптъ, 1892 г.), то пр. Мануиловъ далекъ отъ такой наивности. Отмѣчая оффиціальное признаніе въ особомъ совѣщаніи факта чрезмѣрной высоты арендныхъ цѣнъ, онъ соглашается съ выводомъ онаго о невозможности «вліять на послѣднія путемъ непосредственнаго правительственнаго вмѣшательства». «Мы не можемъ не признать этотъ выводъ правильнымъ, но только при условіяхъ нашей русской дѣйствительности, потому что при иныхъ условіяхъ воздѣйствіе на арендную плату путемъ непосредственнаго законодательнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія оказывается вполнѣ осуществимымъ и весьма полезнымъ». Примѣръ подобнаго воздѣйствія—ирландскій законъ 1881 г., понизившій во многихъ случаяхъ арендную цѣну на 20%. Но для успѣшнаго законодательнаго регулированія нужна организація соотвѣтствующаго учрежденія и, кромѣ того, «наличность нѣкоторыхъ общихъ условій общественной и государственной жизни»... «При бюрократической же постановкѣ дѣла и отсутствіи гласности легко можетъ случиться, что земельныя коммиссіи, подобныя ирландскимъ, не принесутъ пользы и даже окажутся вредными» (стр. 209—210). Вотъ, дѣйствительно, реалистическая точка зрѣнія, которую нельзя не отстаивать.

За недостаткомъ мѣста мы вынуждены отказаться отъ разбора другихъ экономическихъ статей сборника; порекомендуемъ только читателю отнестить съ должнымъ вниманіемъ и къ очерку дѣятельности крестьянскаго банка въ первое десятилѣтіе (1883—1892 г.), принадлежащему перу извѣстнаго В. Ю. Скалона и озаглавленному: «Крестьянскій банкъ и его недоимщики». Основной порокъ въ организаціи банка былъ очень удачно охарактеризированъ въ до-

кладѣ уфимской губернской земской управы, какъ «смѣшеніе характера учрежденія правительственнаго, преслѣдующаго государственныя цѣли, и частно-коммерческаго, заботящагося лишь объ обезпеченіи себя отъ потерь и убытковъ въ данную минуту и не обращающаго вниманія на будущность своихъ кліентовъ» (стр. 3).

Книга издана весьма опрятно и стоитъ недорого.

Доц. *М. Бернацкій.*

ФИЛОСОФІЯ.

Виндельбандъ. „Прелюдіи".—*Генрихъ Риккертъ.* „Введеніе въ трансцендентальную философію".

Проф. Виндельбандъ. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія С. Франка. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Генрихъ Риккертъ. Введеніе въ трансцендентальную философію. Предметъ познанія. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія Г. Шпетта. Кіевъ. 1905 г. Изданіе В. А. Просяниченко. Ц. 1 р. 10 к. Обѣ помѣченныя книги служатъ введеніемъ въ одну и ту же философскую систему, которая беретъ свой исходный пунктъ изъ Канта.

Съ именемъ Канта, по мнѣнію обоихъ авторовъ, связывается переворотъ въ развитии философской мысли. До него философія преимущественно была метафизикою бытія. Первоначально, въ классическомъ мірѣ, она еще вполнѣ сливалась съ наукою, и ихъ общею задачей было познаніе міра, дѣйствительности. Затѣмъ, когда по мѣрѣ развитія научной мысли, по мѣрѣ роста раздѣленія научнаго труда спеціальныя науки стали мало-по-малу захватывать въ свое вѣдѣніе весь существующій міръ, философіи не оставалось болѣе ничего иного, какъ заниматься или сводкою ихъ результатовъ, или познаніемъ «сущности» вещей, независимой отъ міра явленій дѣйствительности, трансцендентнаго. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ философской мысли и эти задачи постепенно стали утрачивать кредитъ. Первая—потому, что въ этомъ случаѣ оставалось совершенно неяснымъ, что собственно новаго должна добавить философія къ открытіямъ спеціальныхъ наукъ; вторая—потому, что все болѣе и болѣе выяснялась проблематичность противоставленія «сущности» явленіямъ. Окончательный же ударъ философіи, какъ метафизикѣ бытія, и былъ нанесенъ Кантомъ, показавшимъ непознаваемость независимаго отъ субъекта, противоположнаго явленіямъ трансцендентнаго міра. Но будучи могильщикомъ для прежнихъ философскихъ спекуляцій, Кантъ вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ новую область для философской мысли. Ограничивъ сферу познанія міромъ явленій, имманентныхъ субъекту, онъ показалъ, что и здѣсь есть для философіи своя самостоятельная задача, совершенно независимая отъ задачъ спеціальныхъ наукъ. Если разсматривать все познаніе въ цѣломъ, то въ концѣ концовъ нужно признать за его неизбѣжныя условія, во-первыхъ, матеріалъ, который оно обрабатываетъ, и, во-вторыхъ, тѣ формы, подъ которыми этотъ матеріалъ обрабатывается. Матеріалъ дается непосредственно; формы же должны стать объектомъ особой самостоятельной науки, философіи: онѣ не могутъ изучаться никакою спеціальною наукою потому, что каждая изъ этихъ наукъ предполагаетъ эти формы въ качествѣ аксіомъ, подъ которыя она и подводитъ разрабатываемый ею матеріалъ. Однако, предметъ философіи не долженъ ограничиваться предпосылками только теоретическаго знанія. Такъ какъ то же самое раздѣленіе на матеріалъ и формы приложимо къ этической и эстетической областямъ, то, слѣдовательно, предпосылки этической и эстетической дѣятельностей должны также стать объектомъ философіи. Словомъ, философія должна

быть метафизикою знанія, метофизикою нравовъ и эстетикою. На этой незыблимой почвѣ, открытой Кантомъ для философіи, по мнѣнію обоихъ авторовъ, и можетъ только вполнѣ цѣлесообразно развиваться дальше философская мысль, и, слѣдовательно, основнымъ вопросомъ для всякой философской системы будетъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать и обосновывать коренныя предпосылки всѣхъ нашихъ дѣятельностей. Отъ того или иного разрѣшенія этого вопроса зависитъ тотъ или иной характеръ философской системы. Каждая изъ вышепомѣченныхъ книгъ и представляетъ собою попытку рѣшить этотъ вопросъ и, слѣдовательно, обрисовать въ общихъ штрихахъ одинаковую въ существенномъ философскую точку зрѣнія ихъ авторовъ. Различіе между ними въ этомъ отношеніи заключается лишь въ пути, на которомъ они пытаются выполнить поставленную задачу. Между тѣмъ какъ авторъ первой изъ нихъ нихъ, Виндельбандъ, стремится лишь освѣтить болѣе или менѣе всесторонне въ цѣломъ рядѣ очерковъ свою философскую точку зрѣнія, Риккертъ, наоборотъ, пытается дать систематическое изложеніе и обоснованіе своего философскаго credo. Онъ хочетъ показать, что если стоять на точкѣ зрѣнія, установленной Кантомъ для философіи, то логически неизбѣжно придти къ тому пониманію задачъ и метода философіи, защитниками котораго является онъ самъ вмѣстѣ съ Виндельбандомъ. Для доказательства этого онъ исходилъ изъ того пункта, на которомъ оставилъ Кантъ философію. Философія должна быть метафизикою, теоріею знанія. Поэтому первый вопросъ, на который надо отвѣтить,—вопросъ, что такое знаніе. Анализируя понятіе знанія, онъ находитъ въ немъ два момента: познающій субъектъ и познаваемый независимый отъ субъекта объектъ, съ которымъ долженъ сообразоваться процессъ познанія, если послѣднее претендуетъ на «истинность», «объективность». Подъ субъектомъ слѣдуетъ понимать въ теоріи познанія то, что не можетъ стать никогда объектомъ, слѣдовательно, безличный сверхъиндивидуальный субъектъ, просто сознаніе. Проблема заключается лишь въ томъ, что надо понимать подъ предметомъ познанія. Наивное сознаніе, вся до-кантовская философія понимала подъ нимъ вещи «внѣшняго міра», существующія независимо отъ субъекта, трансцендентныя вещи: съ ними должны согласоваться наши представленія, чтобы стать «объективнымъ познаніемъ». Кантъ, какъ мы видѣли, нанесъ рѣшительный ударъ этому пониманію, показавъ непознаваемость трансцендентнаго бытія, и въ качествѣ предмета познанія установилъ всеобщія формы, подъ которыми обрабатывается матеріалъ познанія, съ которыми долженъ сообразоваться субъектъ при познаніи. Но, чтобы эти формы могли выполнять роль предмета познанія, онѣ должны быть независимыми отъ субъекта, трансцендентными ему. Разъ же имъ нельзя приписать бытія, независимаго отъ сознанія, остается разсматривать ихъ, какъ независимыя отъ субъекта, трансцендентныя ему по своему значенію. Словомъ, ихъ слѣдуетъ понимать, какъ абсолютныя нормы, цѣнности, которыя долженъ признавать всякій субъектъ, желающій познавать, стремящійся достигнуть истины, добра и красоты. Такимъ образомъ, философія, въ противоположить спеціальнымъ наукамъ, какъ наукамъ бытія, представляетъ собою науку о цѣнностяхъ. Ея задача—вывести всѣ эти цѣнности, исходя изъ трехъ основныхъ: истины, добра и красоты, телеологически, какъ средства для того, чтобы подвести матеріалъ, подлежащій всѣмъ классамъ нашихъ дѣятельностей, подъ указанныя основныя цѣнности. При этомъ выведеніи она, очевидно, должна сообразоваться не только съ послѣдними, но и съ качествомъ матеріала, подлежащаго обработкѣ.

Мы не будемъ прослѣживать выводъ нѣкоторыхъ изъ формъ познанія авторами разбираемыхъ нами книгъ, не будемъ затрагивать и раздѣленія этихъ формъ—всѣ такіе вопросы завели бы насъ слишкомъ далеко. Равнымъ образомъ мы не намѣреваемся здѣсь дать обстоятельную критику философскихъ воззрѣній

Риккерта и Виндельбанда, мы лишь сдѣлаемъ нѣсколько критическихъ замѣчаній.

Недостаточность ихъ концепціи, по нашему мнѣнію, сказывается въ томъ, что ихъ философія въ концѣ концовъ не можетъ выполнить ту задачу, которую они ставили передъ нею. Она не въ силахъ обосновать познаніе, науку. Въ самомъ дѣлѣ, согласно пониманію обоихъ авторовъ, матеріалъ, предлежащій познанію, и формы, подъ которыя онъ подводится, принципіально противоположны: формы—пусты, матеріалъ—ирраціоналенъ, абсолютно неопредѣлененъ и, слѣдовательно, равнодушенъ къ формамъ, подъ которыя онъ подводится. А разъ такъ, то при выводѣ всѣхъ научныхъ предпосылокъ изъ основныхъ цѣнностей «качество» матеріала намъ помочь не можетъ. Мы поэтому стоимъ передъ задачею извлечь изъ пустыхъ идей истины, добра и красоты всѣ предпосылки нашихъ дѣятельностей, что, какъ многократно показывалось, невыполнимо. Эту невыполнимость сознаютъ сами авторы. И на дѣлѣ легко было бы показать въ конкретныхъ случаяхъ, что тамъ, гдѣ авторы предпринимаютъ какія-либо попытки подобнаго рода, они только потому могутъ вывести желаемыя формы, что заранѣе въ пустыя идеи вносятъ содержаніе и, наоборотъ, пользуются матеріаломъ, уже подведеннымъ подъ какую-либо форму. Этотъ печальный результатъ указываетъ на неправильность ихъ философскаго міровоззрѣнія: въ концѣ концовъ въ области философіи у нихъ психологическія точки зрѣнія преобладаютъ надъ философскими.

Однако, несмотря на наше отрицательное отношеніе къ пониманію задачъ и метода философіи у Риккерта и Виндельбанда, мы усиленно рекомендуемъ ихъ книги читателю: онѣ могутъ служить прекраснымъ пособіемъ для выясненія вѣчно живого вопроса: что же такое, наконецъ, философія?

Что касается переводовъ обѣихъ книгъ, то они имѣютъ совершенно различное достоинство. Въ то время какъ переводъ книжки Виндельбанда, сдѣланный г. Франкомъ, едвали оставляетъ желать чего-либо лучшаго, переводъ г. Шпетта далеко не точенъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что изъ каждыхъ двухъ страницъ, по крайней мѣрѣ, одна переведена не вполнѣ правильно. Чтобы наше утвержденіе не звучало голословно, приведемъ нѣсколько наиболѣе искаженныхъ мѣстъ, начиная съ первой главы.

Страницы рус. текста.	*Нѣмецкій текстъ.*	*Переведено.*	*Слѣдуетъ.*
5	Hier von auch nur eine Andeutung zu geben konnte ich nicht beabsichtigen.	Я не могъ не замѣтить, что на это данъ только намекъ.	Относительно этой послѣдней я не могъ имѣть намѣренія сдѣлать какіе-либо намеки.
18	... insofern nämlich, als der nicht aufführbare Versuch zu zwei Feln die unzweibaren Voraussetzungen,..., klar stellen muss.	... именно постольку, поскольку должна выясниться попытка усомниться въ несомнѣнныхъ предпосылкахъ.	... именно постольку, поскольку вслѣдствіе невозможности сомнѣнія ясно не обнаружатся несомнѣнныя предпосылки.
23 и 34	... was sich dieses Inhalts bewusst ist.	...что сознаетъ себя этимъ содержаніемъ.	... что сознаетъ это содержаніе.
24	... denn diesen Gegensatz kann kein Enkennt nis begriff entbehren.	... это противоположеніе не можетъ обойтись безъ понятія познанія.	... никакое понятіе познанія не можетъ обойтись безъ этого противоположенія.
24	... Vorstellungsobjekt.	... представленіе объекта.	... объектъ представленія.
25	... gehen wir ja in Wahrheit eben so wenig wie vorher über Tatsachen des Bewusstseins hinaus.	... мы проникаемъ въ истину такъ же мало, какъ прежде за предѣлы фактовъ сознанія.	... мы по истинѣ такъ же мало, какъ прежде, восходимъ за предѣлы фактовъ сознанія.
34	... Grenzbegriff.	... понятіе границы.	... понятіе, лежащее на границахъ познанія.

Мы могли бы привести еще много грубыхъ промаховъ въ переводѣ г. Шпетта, но, думается, и указаныхъ вполнѣ достаточно для подтвержденія высказаннаго нами мнѣнія. *N. N.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Альфредъ Уоллесъ. „Мѣсто человѣка во вселенной".—*Капелькинъ и Флеровъ.* „Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній".—*Лоренцъ.* „Видимыя и невидимыя движенія".—*Рилгардъ.* „Новѣйшіе успѣхи въ области электричества".—*І. Хатавнеръ.* „Краткія свѣдѣнія по электротехникѣ".

Альфредъ Р. Уоллесъ. Мѣсто человѣка во вселенной. Изученіе результатовъ научныхъ изслѣдованій въ связи съ единствомъ или множественностью міровъ. Переводъ съ англійскаго А. Лакіера. Издательство О. Н. Поповой. С.Петербургъ. 1904 годъ. Стран. 292. Цѣна 1 р. 50 коп. Предназначая книгу для возможно большаго круга читателей, среди которыхъ могутъ найтись и такіе, которые мало знакомы съ «поистинѣ чудесными успѣхами современной науки, особенно въ той ея области, которую принято теперь называть новой астрономіи», авторъ, въ шести первыхъ главахъ, составляющихъ около трети всего объема книги, далъ превосходный популярный очеркъ всѣхъ тѣхъ ея областей, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ обсуждаемому имъ предмету. Остальныя же десять главъ составляютъ «изложеніе ряда свидѣтельствъ и аргументовъ», выводы изъ которыхъ формулированы въ заключеніи книги въ слѣдующихъ шести положеніяхъ: 1) Звѣздная вселенная представляетъ собою одно связное цѣлое; и хотя она по своимъ размѣрамъ громадна, но она все-таки конечна, и размѣры ея могутъ быть опредѣлены. 2) Солнечная система расположена въ плоскости Млечнаго Пути и притомъ не очень далеко отъ ея центра. Слѣдовательно, земля находится въ центрѣ звѣздной вселенной. 3) Звѣздная вселенная состоитъ повсюду изъ однихъ и тѣхъ же родовъ матеріи и, значитъ, подчиняется однимъ и тѣмъ же физическимъ и химическимъ законамъ.

Эти три положенія авторъ называетъ *положительными* заключеніями современныхъ астрономовъ, остальныя же три положенія онъ разсматриваетъ лишь какъ «*имѣющія за собою всѣ вѣроятности*».

4) Никакая другая планета въ солнечной системѣ, кромѣ нашей земли, не обитаема. 5) Почти столь же вѣроятно, что никакое другое солнце не имѣетъ обитаемыхъ планетъ. 6) Почти центральное положеніе нашего солнца, по всей вѣроятности,—положеніе постоянное; оно особенно благопріятно и, можетъ быть, абсолютно необходимо для развитія жизни на землѣ.

Главный интересъ книги сосредоточивается, конечно, на тѣхъ «соображеніяхъ» автора, которыми онъ стремится оправдать послѣднія три заключенія, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ остановиться здѣсь на разборѣ этихъ соображеній, такъ какъ согласны съ авторомъ, что для того, чтобы оцѣнить весь вѣсъ ихъ, «необходимо брать въ цѣломъ всѣ свидѣтельства», представленныя имъ въ послѣднихъ десяти главахъ книги, а эти свидѣтельства таковы, что теряютъ свое значеніе, если ихъ привести въ сокращенномъ изложеніи, допустимомъ въ рамкахъ рецензіи. Ограничимся поэтому только замѣчаніемъ, что компетентная иностранная критика, отнесясь съ большимъ одобреніемъ къ обстоятельности разработки авторомъ вопроса, который, какъ справедливо говоритъ онъ, трактовался до сихъ поръ «даже самыми талантливыми учеными и писателями лишь поверхностно»,—въ то же время не находитъ возможнымъ признать неоспоримость соображеній автора. Для насъ лично доводы автора также не кажутся убѣдительными, и мы, какъ и до ознакомленія съ

его трудомъ, полагаемъ, что нѣтъ научныхъ основаній думать, что органическая жизнь, при которой всѣ явленія неорганической природы потеряли бы лучшій смыслъ свой, есть достояніе только одной земли, т.-е. одной маленькой планеты солнечной системы изъ всѣхъ другихъ планетъ ея и планетъ миріадъ другихъ системъ, усматриваемыхъ нами въ звѣздномъ пространствѣ. И мы увѣрены, что, несмотря на всѣ достоинства разсматриваемаго труда Уоллеса, мало кто изъ подготовленныхъ читателей его придетъ къ другому заключенію.

Что касается качествъ перевода труда Уоллеса, то, къ крайнему сожалѣнію, въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется научная точность выраженій, переводъ мало удовлетворителенъ. Такъ, напримѣръ, въ титулѣ русскаго перевода книги читаемъ: «Изученіе результатовъ научныхъ изслѣдованій въ связи съ единствомъ или множественностью міровъ»... *Единство* и *множественность* совсѣмъ не такія понятія, которыя можно связывать между собою словами «или». По смыслу подлинника, слѣдовало бы сказать: «Въ связи съ вопросами объ единствѣ въ устройствѣ вселенной и о многочисленности обитаемыхъ міровъ». Затѣмъ, въ первой строчкѣ эпиграфа на заглавномъ листкѣ книги переводчикъ написалъ: «О, сверкающая бездна! Золотая линія!» Читатель, конечно, останется въ недоумѣніи, о какой *линіи* говорится здѣсь... Вѣроятно, находится въ недоумѣніи и самъ переводчикъ, очевидно не подозрѣвая, что на англійскомъ языкѣ слово «line» значитъ также и «путь» и что «golden line» (буквально: «золотой путь») есть поэтическое названіе «млечнаго пути». Равнымъ образомъ непонятенъ въ переводѣ заголовокъ главы VII-й (въ оглавленіи книги): «Безконечны ли звѣзды?». Это *буквальный* переводъ подлинника, смыслъ котораго говоритъ: «Безконечно ли число звѣздъ?». Подобныхъ дефектовъ въ переводѣ не мало. Еще менѣе простительны цѣлыя фразы, въ которыхъ трудно добраться до смысла и которыя допущены въ книгѣ, быть можетъ, потому, что при перепискѣ или печатаніи рукописи переводчика были сдѣланы никѣмъ не исправленные недосмотры. Такъ, на страницѣ 131-й читаемъ: «Этотъ весьма любопытный и довольно неожиданный фактъ,—чѣмъ бы мы его не объясняли,—стоитъ *въ томъ* *) противорѣчіи съ предположеніемъ о потерѣ свѣта при его прохожденіи отъ болѣе отдаленныхъ звѣздъ сравнительно съ ближайшими». Или еще, на стран. 133-й: «Судя по устойчивости свѣта, звѣзда въ теченіе историческаго періода, и еще того точнѣе—по огромнымъ эпохамъ, въ теченіе которыхъ наше солнце поддерживаетъ жизнь на землѣ, и которыя, однако, «несравненно» короче всего періода существованія солнца, въ качествѣ подателя свѣта,—мы достовѣрно знаемъ, что жизнь большинства звѣздъ должна исчисляться сотнями и, можетъ быть, тысячами милліоновъ лѣтъ»... Авторъ подлинника, безъ сомнѣнія, былъ бы очень огорченъ, если бы такая изумительная неясность изложенія была приписана ему.

Н. П. А.

В. Капелькинъ и В. Флеровъ. Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Цвѣтковыя. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Москва. 1905 г. Ц. 70 коп. Въ русской учебной литературѣ существуетъ уже цѣлый рядъ учебниковъ по ботаникѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, но изъ всѣхъ этихъ учебниковъ едва лишь одинъ—два могутъ быть названы *хорошими* учебниками... Теперь передъ нами лежитъ первая часть новаго учебника, составленнаго и изданнаго въ Москвѣ и, повидимому, успѣшно завоевывающаго себѣ почетное мѣсто.

Хорошій учебникъ ботаники долженъ удовлетворять, прежде всего, двумъ требованіямъ. Онъ долженъ быть доступенъ по объему, порядку и формѣ изло-

*) Курсивъ нашъ.

женія для тѣхъ, кому онъ предназначается. Во-вторыхъ, онъ долженъ быть строго научен, чтобы даваемыя въ немъ свѣдѣнія могли послужить основаніемъ для дальнѣйшаго самостоятельнаго изученія ботаники.

Весь матеріалъ авторами распредѣленъ на три курса, изъ которыхъ каждый составитъ отдѣльную часть. Въ первой, нынѣ вышедшей, разсматривается общая морфологія растеній, начиная съ цвѣтка. Такимъ образомъ, авторы придерживаются педагогическаго правила—начинать съ болѣе легкаго и переходить къ болѣе трудному. Мы вполнѣ соглашаемся съ такимъ планомъ распредѣленія матеріала, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ ученики начинаютъ изученіе ботаники съ ознакомленія съ частью растенія наиболѣе видной, наиболѣе интересной. Здѣсь же, въ первой части, излагаются основы систематики и описываются важнѣйшія семейства растеній.

Вторую часть учебника составятъ споровыя растенія, третью—анатомія и физіологія растеній.

Таково распредѣленіе учебнаго матеріала. Оно кажется намъ вполнѣ удобнымъ и раціональнымъ. Нѣсколько нарушается порядокъ изложенія, благодаря тому обстоятельству, что въ разсматриваемой 1-й части, послѣ изложенія основъ морфологіи растеній, говорится объ основахъ систематики и описываются нѣсколько важнѣйшихъ семействъ. Далѣе слѣдуетъ приложеніе: «обзоръ важнѣйшихъ семействъ цвѣтковыхъ растеній». Здѣсь ничего не говорится о тѣхъ семействахъ, которыя описаны въ отдѣлѣ «систематики». Такимъ образомъ получается, будто семейства вродѣ «лилейныхъ», «сложноцвѣтныхъ» и т. д., описанныя въ отдѣлѣ систематики, не принадлежатъ къ числу «важнѣйшихъ»...

Что касается второго требованія, предъявляемаго къ учебнику, его строгой научности, то въ этомъ отношеніи, при тщательномъ изученіи книжки, мы не могли найти въ ней какихъ-либо серьезныхъ погрѣшностей или неточностей. Тѣмъ досаднѣе было, однако, встрѣтить цѣлый рядъ мелкихъ недосмотровъ и промаховъ, вкравшихся, быть можетъ, вслѣдствіе поспѣшности печатанія книжки. Укажемъ здѣсь нѣкоторыя изъ замѣченныхъ нами погрѣшностей. У настурціи листья щитовидные, а не круглые (47 стр.); на стр. 52 подъ именемъ Ranunculus circinnatus изображено совсѣмъ другое растеніе; на стр. 74-й изображена группа кустовъ растенія изъ рода Cirsium, а подписано «группа чертополоха», тогда какъ на слѣдующей страницѣ чертополохъ названъ по латыни Carduus. На этой же страницѣ говорится, будто *цвѣтки* мать-и-мачихи съ наступленіемъ вечера закрываются и поникаютъ. Это совершенно невѣрно, такъ какъ «закрываются и поникаютъ» не цвѣты, а соцвѣтія—корзинки. На стр. 25 «листочки обвертки» у лопуха названы плодами.

Всѣ эти мелкіе недосмотры не портятъ, однако, прекраснаго общаго впечатлѣнія, производимиго учебникомъ. Несомнѣнно, это одинъ изъ самыхъ лучшихъ учебниковъ ботаники. Надѣемся, что во второмъ изданіи его всѣ промахи будутъ исправлены и тогда учебникъ займетъ по праву первое мѣсто.

Издана книга недурно, хотя бумага могла бы быть плотнѣе. Рисунки въ общемъ весьма недурны. *Б. Федченко.*

Видимыя и невидимыя движенія. Лекціи Лоренца. Перев. Шпенцеръ подъ ред. Б. П. Вейнберга. Одесса. 1904 г.

Рихардъ. Новѣйшіе успѣхи въ области электричества. Перев. Шутинскаго подъ ред. Б. П. Вейнберга. Одесса 1905 г.

Краткія свѣдѣнія по электротехникѣ. Состав. технологъ І. А. Хатавнеръ. Спб. 1904. Небольшая книга *Г. А. Лоренца* представляетъ собою семь публичныхъ лекцій. На протяженіи 138 стр. авторъ пытается сдѣлать бѣглый обзоръ всей физики съ одной точки зрѣнія, разсматривающей всѣ явленія, какъ особые виды движеній. Имѣя въ виду совершенно неподготов-

ленныхъ слушателей и читателей, авторъ не позволяетъ себѣ считать извѣстными даже основные факты. Но недостатокъ мѣста не даетъ ему возможности сколько-нибудь подробно описать явленія, о которыхъ ему приходится говорить и поэтому можно сказать, что начинающій ничего не вынесетъ изъ этой книги. На лекціяхъ авторъ могъ еще иллюстрировать свое изложеніе опытами; эти опыты могли бы быть замѣнены рисунками и чертежами. Но даже въ тѣхъ мѣстахъ, когда такіе рисунки были бы безусловно необходимы, ихъ нѣтъ. Для читателя съ большею подготовкою многія страницы будутъ скучны, а новыя для него явленія не будутъ понятны, такъ какъ и здѣсь изложеніе остается очень сжатымъ. Важно, конечно, что книга даетъ широкія обобщенія, развертывая предъ читателемъ въ нѣкоторомъ отдаленіи картину современнаго состоянія науки; имя Г. А. Лоренца служитъ ручательствомъ того, что эта картина соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но въ общемъ книгу нельзя назвать удачной: она возбудитъ у читателя много вопросовъ, оставивъ ихъ нерѣшенными. Можетъ быть, впрочемъ, положительное значеніе книги и заключается въ томъ, что она укажетъ читателю на рядъ новыхъ мыслей и фактовъ и, несомнѣнно, вселитъ въ него вѣру въ возможность найти въ наукѣ отвѣтъ на эти вопросы. Первыя двѣ лекціи посвящены вопросамъ механики. Болѣе подробно разобранъ вопросъ о криволинейномъ движеніи и въ частности о движеніи планетъ, при чемъ авторъ не побоялся воспользоваться формулами, чтобы весьма просто показать связь между законами Кеплера и закономъ всемірнаго тяготѣнія. Въ слѣдующихъ двухъ лекціяхъ авторъ переходитъ къ невидимымъ движеніямъ и прежде всего, къ волнообразному движенію въ матеріи и въ эфирѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся уже съ такими сложными явленіями, какъ интерференція звуковыхъ и свѣтовыхъ волнъ, поглощеніе лучей, спектры, принципъ Допплера и т. п., и здѣсь наиболѣе сильно даютъ чувствовать себя указанные выше недостатки книги. За то слѣдующая лекція о молекулярныхъ движеніяхъ, вѣрнѣе о кинетической теоріи газовъ, принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ въ книгѣ. Здѣсь авторъ имѣетъ дѣло съ фактами, извѣстными всякому, и поэтому ему удалось дать довольно яркую картину молекулярныхъ движеній въ газахъ. Лекція объ электрическихъ явленіяхъ могла бы быть особенно интересной, такъ какъ авторъ книги одинъ изъ видныхъ ученыхъ, разрабатывавшихъ теорію электроновъ. Дѣйствительно, излагая основныя явленія электричества, Лоренцъ пользуется представленіями объ электронахъ. Но въ области элементарныхъ, давно извѣстныхъ электрическихъ явленій теорія электроновъ не даетъ ничего новаго сравнительно со старой терминологіей, исходившей изъ представленія о двухъ жидкостяхъ; въ сущности электронная теорія—въ этой области—только по формѣ отличается отъ теоріи двухъ жидкостей.

Оцѣнить значеніе этой теоріи и признать право ея на существованіе можно только при знакомствѣ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ явленій, для которыхъ эта теорія разрабатывается въ настоящее время. Къ сожалѣнію авторъ почти не касается той области фактовъ, въ которой электронная теорія открываетъ широкіе горизонты, заставляя научную мысль обращаться къ критическому пересмотру основныхъ незыблемыхъ понятій. Нѣсколько словъ о катодныхъ лучахъ, болѣе подробное объясненіе явленія Зеемана, брошенное вскользь замѣчаніе о связи теоріи электроновъ съ электромагнитной теоріей свѣта, на которой авторъ совсѣмъ не останавливается, неясный намекъ на стремленіе физиковъ связать теорію электроновъ съ теоріей строенія вещества—вотъ и все, что мы находимъ здѣсь. Послѣдняя глава содержитъ изложеніе принципа сохраненія энергіи.

Переводъ сдѣланъ тщательно, но переводчику не вездѣ удалось освободиться отъ вреднаго вліянія нѣмецкихъ конструкцій.

Книга *Рихарда* представляетъ также рядъ публичныхъ лекцій, читанныхъ

имъ въ разное время предъ аудиторіей очень смѣшаннаго состава. Авторъ старался быть доступнымъ для всѣхъ, но въ то же время хотѣлъ быть полезнымъ и для лицъ, имѣющихъ научную подготовку, но не слѣдящихъ за научной литературой. Такая двойственность задачи нѣсколько повредила книгѣ: автору приходилось иногда быть не вполнѣ точнымъ, кое-что могло бы быть съ успѣхомъ опущено, наоборотъ, можно было бы воспользоваться большимъ числомъ фактовъ, а статьи, напечатанныя болѣе мелкимъ шрифтомъ для лицъ съ научной подготовкой, могли бы войти въ общій ходъ изложенія. Но все-таки книга производитъ хорошее впечатлѣніе. Авторъ умѣетъ описать всякое явленіе ясно, безъ излишнихъ подробностей, не упуская притомъ самаго существеннаго. Зная, какъ трудно читателю, не имѣющему предъ глазами прибора, представить себѣ явленія, авторъ никогда не забываетъ дать чертежа, рисунокъ или схему и дѣлаетъ это всегда съ умѣньемъ хорошаго преподавателя.

Прежде чѣмъ излагать опыты Герца и взгляды Фарадэя-Максвелля, Рихардъ считаетъ необходимымъ дать обзоръ электромагнитныхъ и электростатическихъ единицъ и показать возможность опытнаго опредѣленія отношенія электромагнитной единицы количества электричества къ такой же электростатической. На основаніи весьма простыхъ соображеній авторъ приводитъ читателя къ убѣжденію, что эта величина, численно равная скорости свѣта, и по самой сущности дѣла легко можетъ быть понимаема, какъ нѣкоторая скорость. Задачей книги является объясненіе этого замѣчательнаго совпаденія.

Разсказывая о волнахъ Герца, распространяющихся по проволокѣ, авторъ пользуется нѣсколько грубыми представленіями: электрическія волны образуются у него накопленіемъ зарядовъ, подобно тому, какъ волны на поверхности воды образуются матеріальными частицами.

Такъ какъ авторъ нашелъ болѣе удобнымъ говорить о взглядахъ Фарадэя лишь въ IV лекціи, то понятіе «о волнахъ электрической силы» въ діэлектрикѣ, развиваемое имъ въ III-ей лекціи, остается довольно туманнымъ вплоть до IV лекціи, въ которой ему приходится снова обращаться къ явленіямъ, разсмотрѣннымъ раньше. Въ концѣ книги чисто внѣшнимъ образомъ присоединена глава о лучахъ Рентгена, не представляющая особаго интереса.

Нѣкоторая несистематичность изложенія искупается несомнѣннымъ даромъ популяризатора у автора, поэтому книгу можно рекомендовать лицамъ, имѣющимъ уже нѣкоторый запасъ свѣдѣній изъ элементарной физики и желающимъ познакомиться съ современными взглядами на сущность явленій электричества и свѣта. Переводъ, сдѣланный со 2-го нѣмецкаго изданія, выполненъ удовлетворительно, внѣшность изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

Книга *Хатавнера* предназначена для лицъ, не получившихъ спеціальнаго образованія, но желающихъ узнать что-либо изъ области электротехники. Всякаго, кто обратится съ этой цѣлью къ книгѣ Хатавнера, постигнетъ полная неудача: онъ или ничего не узнаетъ, или получитъ свѣдѣнія весьма сомнительнаго качества, часто просто невѣрныя. Положимъ, мы пожелали бы узнать, что такое омъ, амперъ и вольтъ. На стр. 15-й находимъ: «единицею сопротивленія будетъ сопротивленіе цѣпи, по которой проходитъ токъ, силою равный единицѣ, подъ дѣйствіемъ возбудительной силы, равной также единицѣ. Эту единицу сопротивленія называютъ омъ». Ясно, что нужно искать, какія же это единицы силы тока и «возбудительной» силы. На стр. 17-й подъ рубрикою 2 находимъ: «Абсолютная единица силы тока не имѣетъ особаго названія. Практическая единица силы тока равна 0,1 соотвѣтствующей единицы системъ Ц. Г. С. (сант., граммъ, сек.) и ее называютъ «амперъ». Слѣдующая страница: «подъ единицею электровозбудительной силы мы понимаемъ силу, спо-

собную поддерживать при единицѣ сопротивленія единицу силы тока: 1 вольтъ, слѣдовательно, есть напряженіе тока, которое при сопротивленіи въ 1 омъ поддерживаетъ въ замкнутой цѣпи силу тока въ 1 амперъ». Изъ всей этой игры въ прятки можно вывести только одно заключеніе, именно: технологъ Хатавнеръ самъ неясно представляетъ себѣ, что такое омъ, амперъ и вольтъ. Сознавая, что изъ всей попытки дать точныя опредѣленія ничего не вышло, авторъ прибѣгаетъ къ единственно возможному въ популярной книгѣ пріему, именно: опредѣляетъ омъ, какъ сопротивленіе нѣкотораго столба ртути, а вольтъ, какъ электровозбудительную силу нѣкотораго элемента. При этомъ длину столба ртути онъ указываетъ 100 сант. вмѣсто 106 сант., а электровозбудительную силу элемента Кларка приравниваетъ 1 вольту, хотя въ дѣйствительности она равна 1,4 вольта. Такимъ образомъ амперъ г. Хатавнера въ $1^1/_2$ раза больше истиннаго.

На страницѣ 26-й читаемъ: «Химическіо эквиваленты вѣса представляютъ собою опредѣленныя числа по отношенію водорода, эквивалентный вѣсъ котораго принимается въ (!) единицу». На стр. 30-й оказывается, что «токъ отъ центральной электрической станціи *не можетъ* быть примѣненъ для ваннъ (гальванопластическихъ)». Не менѣе удивительно заявленіе на стр. 50-й: «чтобы дуговыя лампы горѣли съ постоянною силою свѣта, включаютъ... добавочное сопротивленіе, Чѣмъ это сопротивлсніе больше, тѣмъ лучше будетъ работать механизмъ лампы». Жаль, что этого не знаютъ электротехники; вмѣсто скучной регулировки лампъ они могли бы ввести большое сопротивленіе и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Можно даже сдѣлать это сопротивленіе очень большимъ, безконечно большимъ, разорвавъ проводникъ; правда, при этомъ лампа потухнетъ. Чувствуя что-то неладное, авторъ спѣшитъ оговориться: «но на преодолѣніе каждаго сопротивленія тратится извѣстная энергія, то поэтому (!) стараются по возможности уменьшить его». А что же будетъ тогда съ механизмомъ лампы?

Приведенныя выписки въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ стиль и знанія автора. Разбирать подробно эту книгу нѣтъ никакой возможности. Можно надѣяться,, что высокая цѣна—75 коп. за 80 страницъ—послужитъ естественнымъ препятствіемъ распространенію этой вредной книги.

Туд—скій.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го декабря 1904 по 15-е января 1905 г.).

К. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ Т. I. Книгоизд. «Скорпіонъ». Москва. 1905. Ц. 2 р.

Георгъ Гродденъ. Проблема женщины. Пер. и изд. В. М—ва. Спб. 1904.

Ч. Вѣтринскій (В. С. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Изд. О. Н. Поповой 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова. Байронъ. Т. I. Изд. Брокгауза-Ефрона. Спб. 1904. Ц. 5 р.

Викторъ Стражевъ. Стихотворенія Opuscula. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Феликсъ Наборъ. Крестовый походъ дѣтей. Пер. съ нѣм. М. Шишмаревой. Изд. О. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. Крандіевская. То было раннею весной. Изд. Скирмунта. Москва. 1905. Ц. 1 р.

В. Сѣрошевскій. На краю лѣсовъ. Чукчи. Изд. 2-ое Н. Глаголева. Спб. 1905. Т. I. Ц. 1 р.

Танъ. Землепроходъ. Изд. то же. Спб. 1905. Ц. 8 к.

В. Сѣрошевскій. Кули. Разсказъ изъ кит. жизни. Изд. то же. Спб. 1905. Ц. 8 к.

Его же. Чукчи. Изд. тоже. Спб. 1905. Ц. 7 к.

Его же. Боксеръ. Изд. то же. Спб. 1905. Ц. 4 к.

Треплевъ. Три этюда. Изд. Саблина. Москва. 1905. Ц. 50 к.

М. Я. Хащурсъ. Стихотворенія. Изд. Алексѣева 3-ье. Спб. 1904. Ц.

Вл. Воморгъ. Слезы ангела. Сборникъ разсказовъ. Изд. Москва. 1904. Ц. 75 к.

Семенъ Юшкевичъ. Разсказы. Т. II. Изд. Т-ва «Знанія». Спб. 1905. Ц. 1 р.

Станиславъ Пшибышевскій. Сыны земли. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Перев. Е. Троповскаго. Книгоизд. «Скорпіон». Москва. 1905. Ц. 50 к.

К. Скальковскій. За годъ. Воспоминанія, историческіе очерки и т. д. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Торъ Гедбергъ. Гергардъ Гримъ. Драмат. поэма въ 5 дѣйств. Пер. со швед. А. Ганзенъ. Изд. Скирмунта. Москва. 1905. Ц. 50 к.

Гальгеръ Драхманъ. Тысяча одна ночь. Драма въ 5-ти дѣйств. Пер. А. Ганзенъ. Изд. то же. Москва. 1905. Ц. 50 к.

Викторъ Гофманъ. Книга вступленій. Лирика 1902—1904. Изд. журн. «Искусство». Москва. 1904. Ц.

А. С. Пушкинъ. Сочиненія. Т. 6-ой. Книгоизд. Т-ва Просвѣщенія. Спб. 1904. Ц.

Е. Тихомирова. Картинки изъ японской жизни. Безплатное прилож. къ журн. «Дѣтское Чтеніе» 1905. Москва. 1904.

Э. Золя. Штурмъ мельницы. Перев. В. М. Изд. Л. Мукосѣева. Нижній-Новгородъ. 1904. Ц.

Очерки по исторіи Германіи XIX вѣка. Т. I. Происхожденіе современной Германіи. Перев. съ нѣмецк. Изд. Скирмунта. Москва. 1905. Ц. 2 р.

Іоганнъ Шерръ. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Пер. подъ ред. П. Вейнберга. Изд. то же. Москва. 1905. Ц.

А. А. Пановъ. Сахалинъ, какъ колонія. Москва. 1905. Ц. 1.

А. А. Кауфманъ. По новымъ мѣстамъ. Изд. «Обществ. Пользы». Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. С. Пругавинъ. Расколъ и сектантство въ русской народной жизни. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Л. Шестовъ. Апоѳеозъ безпочвенности (опытъ адогматич. мышленія). Изд. «Общ. Пользы». Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Т. Липпсъ. Основные вопросы этики. Пер. съ нѣм. М. Лихарева подъ ред. Струве и Лосскаго. Изд. О. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Александра Ефименко. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Изд. О-ва имени Т. Г. Шевченко. Т. I. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Карлъ Родбертусъ Ягецовъ. Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. Сочиненія, вып. I. Пер. съ нѣм. пр. Соболева. Изд. Глаголева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. II т. Пер. съ нѣм. Изд. Д. Горискова. Москва. 1905. Ц. 2 р.

*

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. III. Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. Полилова. Изд. Жуковскаго. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Баронъ М. А. Таубе. Христіанство и международный миръ. Изд. «Посредника». Москва. 1905. Ц. 25 к.

Освальдъ Кюльпе. Очерки современной германской философіи. Перев. съ нѣм. С. Чулока. Изд. М. Малыхъ. Спб. 1905. Ц. 65 к.

Ник. Бухъ-Полтевъ. Данныя механики къ выясненію общественно-экономическихъ вопросовъ. Харьковъ. 1905. Ц. 80 к.

Сборникъ работъ гигіенической лабораторіи Имп. новорос. университета подъ ред. проф. Г. В. Хлопина. Вып. I. Одесса. 1904. Ц.

П. Лафаргъ. Американскіе тресты. Пер. Виллина подъ ред. пр. Желѣзнова. Изд. О. Поповой. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Н. Янковскій. Правила и порядки государств. сберегат. кассъ. Варшава. 1905. Ц. 50 к.

Г. Чиликинъ. Зубы. Популярная гигіена зубовъ и полости рта. Москва. 1904. Ц. 60 к.

Гаральдъ Геффдингъ. Философія проблемы. Пер. съ нѣм. Ѳ. Капелюша. Изд. О. Поповой. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Евгеній Елачичъ. Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ.

В. Меліоранскій. Повторительный курсъ ариѳметики цѣлыхъ чиселъ и первонач. курсъ дробей. Спб. 1904. Ц. 20 к.

П. Чижевскій. Вопросъ объ измѣненіи цензовыхъ нормъ и системы избранія земскихъ гласныхъ въ уѣздныхъ собраніяхъ. Екатеринославъ. 1904. Ц.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ нач. училищъ. Отчетъ 1903 г. Москва. 1904.

И. Н. Шишловъ. Перепись дѣтей школьнаго возраста города Томска. Подъ ред. проф. Соболева. Томскъ. 1904. Ц. 60 к.

Отчетъ о дѣятельности педагогич. общества, сост. при Имп. Моск. университ., за 1903—1904 г. Москва. 1904.

Текущая школьная статистика курскаго губ. земства. Годъ седьмой. 1902—1903 г. Курскъ. 1903.

В. О. Крижъ. О классномъ чтеніи въ сельской школѣ. Изд. И. Жирнова. Москва. 1905. Ц. 10 к.

Его же. «Первая грамота», первая послѣ азбуки книга для чтенія въ сельскихъ школахъ. Изд. то же. Москва. 1905. Ц. 30 к.

Гр. Сергѣй Толстой. О составѣ крестьянскаго сословія. Изд. журн. «Русская Мысль». Москва. 1904. Ц.

И. Оршанскій Спиритизмъ и телепатія. Харьковъ. 1904. Ц.

Рудольфъ Штаммлеръ. Закономѣрность правового порядка и народнаго хозяйства. Изд. С. Иванова и К°. Кіевъ. 1905. Ц. 15 к.

П. П. Викторовъ. Гигіена и этика брака въ связи съ вопросомъ о половой жизни юношества. Изд. Тихомирова. Москва. 1904. Ц. 40 к.

Мотивы преобразованія мѣстныхъ учрежденій Мнѣніе члена волынскаго губернскаго совѣщ., генерала-отъ-инф. Г. И. Бобрикова. 1904.

А. Клоссовскій. Климатологія въ связи съ климатотерапіей и гигіеной. Одесса. 1904.

Его же. Символы элементарн. математики. Одесса. 1905.

Н. Волковъ. Джорджъ Генри Льюисъ (біографич. очеркъ). Владикавказъ. 1904. Ц. 15 к.

Н. Авиновъ. О взаимныхъ отношеніяхъ губернск. и уѣздныхъ земствъ. Изд. «Сарат. Земск. Недѣли». Саратовъ. 1904. Ц. 50 к.

Б. Бирманъ. Этическія исканія современности. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Н. Гродескулъ. Марксизмъ и идеализмъ. Изд. Брейтигамга. Харьковъ. 1905. Ц.

Н. Н. Авиновъ. Опытъ программы систематическаго чтенія по вопросамъ земскаго самоуправленія. Москва. 1905. Ц. 20 к.

Е. К. Гѣдинъ. Музей изящныхъ искусствъ и древностей Имп. Харьковск. универс. Харьковъ. 1904.

Д-ръ Хмѣлевскій. Патологич. элементъ въ личности и творчествѣ Фридриха Ницше. Кіевъ. 1904.

Карлъ Бюхеръ. Крупные города въ прошломъ и настоящемъ. Пер. съ нѣм. В. Вологодина. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Статистика выхода рабочихъ за границу съ 1900—1903 г. Изд. Варш. стат. комитета. Варшава. 1902—1903.

Викторъ Кименталь. Какъ слѣдуетъ учиться? Спб. 1905. Ц. 50 к.

А. Д. Билимовичъ. Крестьянскій правопорядокъ по трудамъ мѣстныхъ комитетовъ. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Пер. съ нѣм. Е. Каменецкой подъ ред. О. Вужанскаго. Изд. 2-е М. И. Водовозовой Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Ив. Шевыревъ. Права первенства по вопросу о внѣ корневомъ питаніи. Спб. 1904. Ц. 25 к.

І. Долгихъ. Работа коровъ въ ея историческомъ развитіи и экономическ. значеніи. Рига. 1904. Ц. 1 р.

Его же. Экономическое значеніе и будущее мелкаго хозяйства. Рига. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

И. И. Ѳоминъ. Введеніе въ исторію философіи. Популярно-философ. очерки. Москва. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

А. Бремъ Тундра, ея растительный и животный міръ. Пер. съ нѣм. Евг. Елачича. Изд. подвижн. музея учебн. пособій. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Н. Страховъ. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи. Изд. 3-ье И. Матченко. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.

М. А. Дерновъ. Организація пасѣчнаго хозяйства. Краткое руководство. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Педагогическая мысль. Изд. коллегіи Павла Галагана подъ редакціей проф. И. Сикорскаго и пр.-доц. И. Гливенко. Вып. II. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.

Е. Щепкина. Чтенія по исторіи Россіи въ осмнадцатомъ вѣкѣ. Вып. I. Государств. строй. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

А. П. Нечаевъ. Картины родины. Ц. 1 р. Почва и ея исторія. Спб. 1905. Ц. 60 к.

«Библіотека Всходовъ». Въ странѣ цвѣтовъ. Повѣсть В. Сѣрошевскаго. Ц. 50 к.—Въ горахъ Тибета. С. Рингардтъ. Пер. съ англ. Ц. 60 к.—Янъ Гусъ изъ Гусинцн. Ист. пов. А. Алтаева. Ц. 40 к.—Подъ солнцемъ Индіи. Путевыя письма Э. Геккеля. Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 35 к.—Дѣти напрокатъ. Разсказъ миссъ Брэддонъ. Пер. Роговиной. Ц. 25 к.—Ассанъ-Хызъ. Повѣсть А. Алтаева. Ц. 75 к.—Антошка. Пов. Станюковича. Ц. 80 к.

«Библіотека Юнаго Читателя». Природа и люди Африки. Сост. Э. Пименова. 2-е изд. Ц. 25 к.—На запретномъ пути. Путешествіе по Тибету Генри Ландора. Ц. 50 к.—Чудеса подводнаго міра. М. Сабининой. Ц. 25 к.—В. Верещагинъ. С. Русовой. Ц. 6 к.

Изданія «Посредника». Москва. 1904: Недруги. Разсказъ Семенова. Ц. 1 к.—Затосковалъ. Разсказъ Любича Ц. $2^1/_2$ к.—Человѣкъ или три испытанія. Излож. Е. Горбуновой Ц. $2^1/_2$ к.—Брюханы. Разсказъ Семенова. $2^1/_2$ к.—Въ неволѣ.—Сосѣди. Разсказы Наживина. Ц. 1 к.—Царство Фараоновъ. Сост. Жилина-Дьяконова. Ц.—Въ Америку съ духоборами. Л. Сулержицкаго. Ц. 1 р. 30 к.—Свѣтъ на пути. Сост. Е. П. Ц. 30 к.— Вопль дѣтей. Фр. Герда. Ц. 25 к.

«Библіотека Горбунова-Посадова». Москва. 1905: Въ царствѣ птицъ. Разсказъ В. Лонга. Вып. I. Ц. 25 к. — Бѣлый невольникъ. Разсказъ Хирьякова. Ц. 15 к.—Сократъ и его время. Очеркъ Сиповскаго. Ц. 40 к.—Сельскій скотолѣчебникъ. Ц. 20 к.—Общедоступный часовщикъ. Составилъ А. Буковъ. Ц. 40 к.—О правильномъ уходѣ за жеребятами и лошадьми. Сельское конегодство. Сост. Л. Штейертъ. Ц. 40 к.—Что случилось въ лѣсу? и другіе разсказы. А. Кедровой. Ц. 60 к.—Родная деревня. Стихотв. С. Дрожжина. Ц. 1 р. 20 к.

Русскому народу. Добровольцы Гарибальди. Истор. разсказъ Гиэланцони. Пер. К. Данини. Ц. 25 к.—Новобранцамъ. Эдмондо де-Амичисъ. Пер. съ итал. К. Данини. Ц. 10 к.—Разсказы изъ русской исторіи Л. Черскаго: Наши предки. Ц. 5 к.—Первые русскіе князья. Ц. 10 к.—Князь Владиміръ Святой. Ц. 20 к.—Вел. князь Ярославъ Мудрый. Ц. 10 к.—Что пахарю нужно. Разсказъ Э. К. Данини. Ц. 12 к. Спб. 1904.

Л. Черскій. Іоганъ Гутенбергъ и Иванъ Федоровъ. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Н. Рыбчинскій. Ольгердъ и Кейстутъ. Ист. поэма. Варшава. 1904. Ц. 75 к.

А. Грабина. Давни Рячи. Кіевъ. 1904. Ц. 35 к.

М. Коцюбинскій. Для загального добра. Черныщевъ. 1904. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Democracy and Reaction», by L. T. Hobhruse (*Fisheo Unwdin*) *5 s.* (*Демократія и реакція*). Авторъ тщательно изучаетъ причины, вызвавшія реакцію противъ демократіи, даже въ такихъ умахъ, которые больше всего въ нее вѣрили. Онъ говоритъ о развитіи неожиданныхъ тенденцій въ демократіи, объ экономическихъ перемѣнахъ, враждебныхъ истинной демократической вѣрѣ, и всѣхъ ученіяхъ, которыя трудно согласовать съ основными принципами демократіи. Свои выводы авторъ подкрѣпляетъ аналогіями, заимствованными изъ біологіи. Но мѣстами въ книгѣ проглядываетъ партійная точка зрѣнія и нѣкоторые факты, какъ, напримѣръ, южноафриканская война, повидимому вліяютъ на безпристрастіе сужденій автора. Авторъ имѣетъ въ виду только англійскую демократію и ея эволюцію, что придаетъ его книгѣ нѣкоторую односторонность, не лишая ее, однако, большого интереса и значенія.

(Times).

«Paris and its Story», by T. Okey (*Desit*). *21 s.* (*Парижъ и его исторія*). Эта книга входитъ въ серію описаній великихъ историческихъ городовъ. Авторъ ея, тщательно изучившій историческіе документы, хроники и монографіи, описываетъ всѣ великія историческія событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ Парижъ, начиная съ самой отдаленной эпохи до нынѣшняго времени. Къ сожалѣнію, исторія этого города полна ужасовъ и волей, неволей авторъ долженъ описывать войны, осады, голодъ возмущенія, избіенія и казни, такъ что, несмотря на все обаяніе французскаго характера и превосходство французской культуры, кровожадность и жестокость запечатлѣны на страницахъ исторіи столицы, начиная отъ тѣхъ дней, когда Меровинги избивали другъ друга, до временъ коммуны.

(Times).

«The Working Men's College», 1854—1904. Records of his History and its Work. by Members of the College. Edited by the Rev. S. Ilewelyn Davies (*Macmillan*). *4 s.* (*Коллегія рабочихъ*). Нельзя отрицать, что коллегія рабочихъ въ Англіи, основанная пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, явилась важнымъ факторомъ соціологической эволюціи послѣдней половины прошлаго столѣтія. Въ этой книгѣ пятеро оставшихся въ живыхъ основателей коллегіи разсказываютъ исторію ея развитія. Статьи же другихъ авторовъ сообщаютъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя пришлось преодолѣвать вначалѣ этому учрежденію, и о постепенномъ прогрессѣ и расширеніи его вліянія. Къ тексту приложены прекрасные портреты нѣкоторыхъ дѣятелей коллегіи.

(Academy).

«Poverty», by Robert Hunter (*Macmillan*). *6 s. 6 d.* (*Бѣдность*). Это изслѣдованіе результатовъ безработицы, низкой заработной платы и длиннаго рабочаго дня развертываетъ передъ глазами читателя страшную картину бѣдности. Авторъ разсматриваетъ въ своей книгѣ только условія труда въ Соединенныхъ Штатахъ и говоритъ, что если экономисты не придумаютъ средство для облегченія этого соціальнаго зла, то положеніе сдѣлается невыносимымъ и тогда трудно будетъ предотвратить великую экономическую войну. Но авторъ твердо увѣренъ, что разумное законодательство можетъ избавить рабочихъ отъ разоренія и упадка, которые угрожаютъ имъ теперь.

(Academy).

«L'Islamisme», par O. Houdas, professeur à l'Ecole des langues orientales vivantes. (*Dujarrieet C°.*). *3 fr. 50.* (*Исламизмъ*). Этотъ четвертый томъ серіи, выходящей подъ общимъ названіемъ: «Les Religions des peuples civilisés» (Религіи цивилизованныхъ народовъ), имѣетъ цѣлью доставить всѣмъ, не имѣющимъ возможности посвящать много времени на изученіе предмета, но интересующихся имъ, полную возможность составить себѣ вѣрное понятіе о духѣ мусульманской религіи и сдѣлать изъ этого практическіе выводы. Авторъ сжато, но вполнѣ ясно, излагаетъ религіозныя доктрины Магомета распространившіяся по всему свѣту, среди многочисленныхъ народовъ и расъ, находящихся въ весьма разнообразныхъ условіяхъ жизни. Если

вообще пониманіе этого ученія можетъ быть полезнымъ для образованнаго человѣка, то для тѣхъ, кому приходится имѣть общеніе и жить среди мусульманъ, оно безусловно необходимо, такъ какъ даетъ ключъ къ изученію нравовъ, идей и стремленій мусульманскихъ народовъ.

(Journal des Débats).

«Remèdes d'autrefois», par le D-r Cabanis (A. Maloine). (*Лѣкарства прежнихъ временъ*). Старинная терапія изобилуетъ курьезами и хотя лѣкарства, примѣняемые прежними врачами, теперь представляются намъ очень странными, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ оказывали все таки свое дѣйствіе. Большинство лѣкарствъ впрочемъ, поражаетъ своею нелѣпостью; напримѣръ, для того чтобы излѣчить отъ перемежающейся лихорадки, прописывали паутину, а пауковъ глотали тогда, когда хотѣли пополнѣть. Въ случаѣ истощенія и цынги прописывался бульонъ изъ змѣиной кожи и т. д. Однако авторъ, описывая разные странные способы лѣченія, существовавшіе въ старину, указываетъ все таки, что многіе изъ нашихъ теперешнихъ медицинскихъ средствъ ведутъ свое происхожденіе отъ этой древней медицины и основываются на томъ же принципѣ.

(La Revue).

«Les Médecins dans l'Histoire de la Révolution», par le D-r Miquel-Dalton (Maloine). (*Врачи въ исторіи революціи*). Авторъ этого интереснаго изслѣдованія перечисляетъ всѣхъ лицъ врачебной профессіи, игравшихъ извѣстную роль въ революціонномъ періодѣ. Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ врачей этого періода былъ Гильотенъ, депутатъ, который былъ сначала іезуитомъ, а потомъ врачомъ. Онъ предложилъ учредительному собранію аппаратъ для смертной казни, который нѣкогда примѣнялся въ Италіи и былъ измѣненъ по совѣту хирурга Луи. Изобрѣтеніе Гильотена пришлось очень кстати и онъ самъ чуть было не испробовалъ его на себѣ. Посаженный въ тюрьму во время Террора, онъ былъ освобожденъ во время Термидора. Въ законодательномъ собраніи засѣдало 27 врачей, а въ конвентѣ 49; къ концу сессіи число это увеличилось до 66. Въ совѣтѣ пятисотъ врачи также играли не послѣднюю роль. Однако, авторъ не ограничивается однимъ только такимъ перечисленіемъ и въ его книгѣ можно найти отголосокъ великихъ событій той эпохи, вслѣдствіе чего она и читается съ интересомъ.

(Journal des Débats).

«Fragment d'histoire future», par. G. Tarde (Storck). (*Отрывокъ исторіи будущаго*). Это родъ фантазіи, въ которай авторъ, умершій французскій соціологъ Тардъ, изображаетъ общество въ концѣ XXV вѣка. Онъ полагаетъ, что тогда вліяніе искусства и любовь займутъ преобладающее мѣсто въ обществѣ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ фантастическомъ очеркѣ отражаются, какъ въ зеркалѣ, личныя симпатіи и мечты автора, который переноситъ дѣйствительность въ совершенно особенную соціальную среду.

(Journal des Débats).

«Six Great Schoolmaster», by F. D. How (Methuen and C°.) (*Шесть великихъ школьныхъ учителей*). Эта книга можетъ представлять интересъ не только для педагоговъ, но и для обыкновенныхъ читателей, такъ какъ въ ней заключаются очерки истонской и другихъ школъ и ясно указано вліяніе, которое оказывало общественное мнѣніе на улучшенія въ школьной жизни. Въ разсказѣ автора можно прослѣдить великій прогрессъ, достигнутый въ теченіе тридцати лѣтъ въ отношеніяхъ между учениками и учителями, въ области преподаванія, наказаній, школьныхъ игръ и т. д. Въ шести очеркахъ изображены шесть великихъ учителей, имѣвшихъ таграмадное вліяніе на своихъ учениковъ, хотя каждый изъ нихъ примѣнялъ различный методъ: одинъ старался развить у нихъ любовь къ чтенію, къ наукѣ, другой дѣйствовалъ на нихъ посредствомъ религіи, третій былъ восторженнымъ поклонникомъ классиковъ и поэзіи, четвертый выдвигалъ на первый планъ нравственное воспитаніе и т. п.

(Athaeneum).

«Red Hunters and the Animal People», by G. A. Eastman (Chigesa). 5 s. (*Краснокожіе охотники и міръ животныхъ*). Авторъ этой книги, прекрасно образованный и талантливый индѣецъ племени Сіу, собралъ въ ней легенды своего народа, указывающія какъ его раса глубоко была проникнута идеей въ близкое родство животныхъ съ человѣкомъ. Многіе изъ этихъ разсказовъ блещутъ юморомъ, неподдѣльнымъ паѳосомъ, нѣкоторые носятъ трагическій характеръ. Но всѣ указываютъ на общеніе съ природой и на ея великія тайны.

(Athaeneum).

«The Story of the Congo Free state», Social, Political, and Economic Aspects of the Belgian System of Government in Central Africa, by Henry Wellington Wack. With 125 illustrations and Maps (Putnams sons). 15 s. (*Исторія свободнаго государства Конго, въ соціальномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ*). Авторъ близко знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Конго. Онъ прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ и основательно изучилъ бельгійскую систему

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Democracy and Reaction», by L. T. Hobhruse (Fisheo Unwdin) 5 s. (Демократія и реакція). Авторъ тщательно изучаетъ причины, вызвавшія реакцію противъ демократіи, даже въ такихъ умахъ, которые больше всего въ нее вѣрили. Онъ говоритъ о развитіи неожиданныхъ тенденцій въ демократіи, объ экономическихъ перемѣнахъ, враждебныхъ истинной демократической вѣрѣ, и всѣхъ ученіяхъ, которыя трудно согласовать съ основными принципами демократіи. Свои выводы авторъ подкрѣпляетъ аналогіями, заимствоваными изъ біологіи. Но мѣстами въ книгѣ проглядываетъ партійная точка зрѣнія и нѣкоторые факты, какъ, напримѣръ, южно-африканская война, повидимому вліяютъ на безпристрастіе сужденій автора. Авторъ имѣетъ въ виду только англійскую демократію и ея эволюцію, что придаетъ его книгѣ нѣкоторую односторонность, не лишая ее, однако, большого интереса и значенія.

(Times).

«Paris and its Story», by T. Okey (Desit). 21 s. (Парижъ и его исторія). Эта книга входитъ въ серію описаній великихъ историческихъ городовъ. Авторъ ея, тщательно изучившій историческіе документы, хроники и монографіи, описываетъ всѣ великія историческія событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ Парижъ, начиная съ самой отдаленной эпохи до нынѣшняго времени. Къ сожалѣнію, исторія этого города полна ужасовъ и волей, неволей авторъ долженъ описывать войны, осады, голодъ возмущенія, избіенія и казни, такъ что, несмотря на все обаяніе французскаго характера и превосходство французской культуры, кровожадность и жестокость запечатлѣны на страницахъ исторіи столицы, начиная отъ тѣхъ дней, когда Меровинги избивали другъ друга, до временъ коммуны.

(Times).

«The Working Men's College», 1854—1904. Records of his History and its Work. by Members of the College. Edited by the Rev. S. Ilewelyn Davies (Macmillan). 4 s. (Коллегія рабочихъ). Нельзя отрицать, что коллегія рабочихъ въ Англіи, основанная пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, явилась важнымъ факторомъ соціологической эволюціи послѣдней половины прошлаго столѣтія. Въ этой книгѣ пятеро оставшихся въ живыхъ основателей коллегіи разсказываютъ исторію ея развитія. Статьи же другихъ авторовъ сообщаютъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя пришлось преодолѣвать вначалѣ этому учрежденію, и о постепенномъ прогрессѣ и расширеніи его вліянія. Къ тексту приложены прекрасные портреты нѣкоторыхъ дѣятелей коллегіи.

(Academy).

«Poverty», by Robert Hunter (Macmillan). 6 s. 6 d. (Бѣдность). Это изслѣдованіе результатовъ безработицы, низкой заработной платы и длиннаго рабочаго дня развертываетъ передъ глазами читателя страшную картину бѣдности. Авторъ разсматриваетъ въ своей книгѣ только условія труда въ Соединенныхъ Штатахъ и говоритъ, что если экономисты не придумаютъ средство для облегченія этого соціальнаго зла, то положеніе сдѣлается невыносимымъ и тогда трудно будетъ предотвратить великую экономическую войну. Но авторъ твердо увѣренъ, что разумное законодательство можетъ избавить рабочихъ отъ разоренія и упадка, которые угрожаютъ имъ теперь.

(Academy).

«L'Islamisme», par O. Houdas, professeur à l'Ecole des langues orientales vivantes. (Dujarrieet C°.). 3 fr. 50. (Исламизмъ). Этотъ четвертый томъ серіи, выходящей подъ общимъ названіемъ: «Les Religions des peuples civilisés» (Религіи цивилизованныхъ народовъ), имѣетъ цѣлью доставить всѣмъ, не имѣющимъ возможности посвящать много времени на изученіе предмета, но интересующихся имъ, полную возможность составить себѣ вѣрное понятіе о духѣ мусульманской религіи и сдѣлать изъ этого практическіе выводы. Авторъ сжато, но вполнѣ ясно, излагаетъ религіозныя доктрины Магомета распространившіяся по всему свѣту, среди многочисленныхъ народовъ и расъ, находящихся въ весьма разнообразныхъ условіяхъ жизни. Если

вообще пониманіе этого ученія можетъ быть полезнымъ для образованнаго человѣка, то для тѣхъ, кому приходится имѣть общеніе и жить среди мусульманъ, оно безусловно необходимо, такъ какъ даетъ ключъ къ изученію нравовъ, идей и стремленій мусульманскихъ народовъ.

(Journal des Débats).

«Remèdes d'autrefois», *par le D-r Cabanis* (*A. Maloine*). (*Лѣкарства прежнихъ временъ*). Старинная терапія изобилуетъ курьезами и хотя лѣкарства, примѣняемые прежними врачами, теперь представляются намъ очень странными, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ оказывали все таки свое дѣйствіе. Большинство лѣкарствъ впрочемъ, поражаетъ своею нелѣпостью; напримѣръ, для того чтобы излѣчить отъ перемежающейся лихорадки, прописывали паутину, а пауковъ глотали тогда, когда хотѣли пополнѣть. Въ случаѣ истощенія и цынги прописывался бульонъ изъ змѣиной кожи и т. д. Однако авторъ, описывая разные странные способы лѣченія, существовавшіе въ старину, указываетъ все таки, что многіе изъ нашихъ теперешнихъ медицинскихъ средствъ ведутъ свое присхожденіе отъ этой древней медицины и основываются на томъ же принципѣ.

(La Revue).

«Les Médecins dans l'Histoire de la Révolution», *par le D-r Miquel-Dalton* (*Maloine*). (*Врачи въ исторіи революціи*). Авторъ этого интереснаго изслѣдованія перечисляетъ всѣхъ лицъ врачебной профессіи, игравшихъ извѣстную роль въ революціонномъ періодѣ. Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ врачей этого періода былъ Гилльотенъ, депутатъ, который былъ сначала іезуитомъ, а потомъ врачомъ. Онъ предложилъ учредительному собранію аппаратъ для смертной казни, который нѣкогда примѣнялся въ Италіи и былъ измѣненъ по совѣту хирурга Луи. Изобрѣтеніе Гилльотена пришлось очень кстати и онъ самъ чуть было не испробовалъ его на себѣ. Посаженный въ тюрьму во время Террора, онъ былъ освобожденъ во время Термидора. Въ законодательномъ собраніи засѣдало 27 врачей, а въ конвентѣ 49; къ концу сессіи число это увеличилось до 66. Въ совѣтѣ пятисотъ врачи также играли не послѣднюю роль. Однако, авторъ не ограничивается однимъ только такимъ перечисленіемъ и въ его книгѣ можно найти отголосокъ великихъ событій той эпохи, вслѣдствіе чего она и читается съ интересомъ.

(Journal des Débats).

«Fragment d'histoire future», *par. G. Tarde* (*Storck*). (*Отрывокъ исторіи будущаго*). Это родъ фантазіи, въ которай авторъ, умершій французскій соціологъ Тардъ, изображаетъ общество въ концѣ XXV вѣка. Онъ полагаетъ, что тогда вліяніе искусства и любовь займутъ преобладающее мѣсто въ обществѣ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ фантастическомъ очеркѣ отражаются, какъ въ зеркалѣ, личныя симпатіи и мечты автора, который переноситъ дѣйствительность въ совершенно особенную соціальную среду.

(Journal des Débats).

«Six Great Schoolmaster», *by F. D. How* (*Methuen and C°.*) (*Шесть великихъ школьныхъ учителей*). Эта книга можетъ представлять интересъ не только для педагоговъ, но и для обыкновенныхъ читателей, такъ какъ въ ней заключаются очерки истонской и другихъ школъ и ясно указано вліяніе, которое оказывало общественное мнѣніе на улучшенія въ школьной жизни. Въ разсказѣ автора можно прослѣдить великій прогрессъ, достигнутый въ теченіе тридцати лѣтъ въ отношеніяхъ между учениками и учителями, въ области преподаванія, наказаній, школьныхъ игръ и т. д. Въ шести очеркахъ изображены шесть великихъ учителей, имѣвшихъ тагромадное вліяніе на своихъ учениковъ, хотя каждый изъ нихъ примѣнялъ различный методъ: одинъ старался развить у нихъ любовь къ чтенію, къ наукѣ, другой дѣйствовалъ на нихъ посредствомъ религіи, третій былъ восторженнымъ поклонникомъ классиковъ и поэзіи, четвертый выдвигалъ на первый планъ нравственное воспитаніе и т. п.

(Athaeneum).

«Red Hunters and the Animal People», *by G. A. Eastman* (*Chigesa*). *5 s.* (*Краснокожіе охотники и міръ животныхъ*). Авторъ этой книги, прекрасно образованный и талантливый индѣецъ племени Сіу, собралъ въ ней легенды своего народа, указывающія какъ его раса глубоко была проникнута идеей въ близкое родство животныхъ съ человѣкомъ. Многіе изъ этихъ разсказовъ блещутъ юморомъ, неподдѣльнымъ паѳосомъ, нѣкоторые носятъ трагическій характеръ. Но всѣ указываютъ на общеніе съ природой и на ея великія тайны.

(Athaeneum).

«The Story of the Congo Free state», *Social, Political, and Economic Aspects of the Belgian System of Government in Central Africa, by Henry Wellington Wack. With 125 illustrations and Maps* (*Putnams sons*). *15 s.* (*Исторія свободнаго государства Конго, въ соціальномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ*). Авторъ близко знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Конго. Онъ прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ и основательно изучилъ бельгійскую систему

правительства въ центральной Африкѣ. Какъ вполнѣ беспристрастный наблюдатель онъ излагаетъ факты и старается представить въ истинномъ свѣтѣ положеніе этого государства.

(Daily News).

«Manuel pratique d'economie sociale», par Léon de Seilhac (Georges Roustan).(Практическое руководство соціальной экономики), Эта книга можетъ служить очень полезнымъ руководствомъ для обществъ и синдикатовъ и для всѣхъ лицъ, посвятившихъ себя практической соціальной дѣятельности. Тутъ говорится о профессіональныхъ интересахъ, о постройкѣ дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ, объ улучшеніи условій существованія, спокойствія старости и т. д.

(Journal des Débats).

«La personalité humaine, sa survivance, ses manifestations supranormales», par. F. W. H. Mcaers (Alyn). (Человѣческая личность, ея переживаніе и ея супранормальныя проявленія). Авторъ задался цѣлью освѣтить свѣтомъ науки, подвергнувъ вполнѣ объективному и строгонаучному изслѣдованію факты, извѣстные подъ именемъ месмеризма, спиритизма, телепатіи, передачи мыслей и др. явленій, и вывести на основаніи этого изслѣдованія какой нибудь общій законъ. Колдовство, разсматривавшееся, какъ наилучшій примѣръ человѣческаго невѣжества и безумія, въ дѣйствительности было гигантскимъ психопатологическимъ опытомъ, практиковавшимся инквизиторами надъ истеріей. Эта область теперь уже достаточно изучена, также какъ и относящіяся сюда явленія. Но автора занимаетъ другой вопросъ, дѣйствительно ли существуетъ духовный міръ и общеніе между умами безъ посредства органовъ чувствъ? Онъ думаетъ, что сознательная личность составляетъ лишь слабую частицу физической личности; онъ полагаетъ, что существуетъ болѣе широкое сознаніе, болѣе глубокія свойства, большинство которыхъ остаются въ скрытомъ состояніи во время земной жизни и освобождаются или только подъ вліяніемъ отбора, или же снова и въ полной силѣ могутъ проявиться только послѣ физической смерти. Такимъ образомъ авторъ своими изслѣдованіями и смѣлыми выводами открываетъ для науки новое широкое поле, которое раньше считалось достояніемъ только мечтателей и фантазеровъ.

(Journal des Débats).

«Les lois ouvrières dans les deux mondes», par Paul Louis (Alcan). (Рабочіе законы въ обоихъ полушаріяхъ). Авторъ, изслѣдуя рабочіе законы во всѣхъ странахъ, начиная съ 1870 г., приходитъ къ заключенію, что они не столько въ состояніи немедленно удовлетворить рабочихъ, сколько могутъ доставить имъ надежду на улучшеніе въ будущемъ. Онъ придаетъ большое значеніе синдикальнымъ организаціямъ, которыя должны будутъ оказать громадныя услуги рабочему классу и совершенно измѣнить и улучшить положеніе получающихъ заработную плату. Въ настоящее время во всемъ мірѣ насчитывается уже семь милліоновъ синдикальныхъ рабочихъ и число это несомнѣнно должно возрасти. Авторъ высказывается также въ пользу вмѣшательства государства въ положеніе труда, что. по его мнѣнію, является экономическою необходимостью.

(Journal des Débats).

«The Biology of british politics», by C. H. Harvey (Sonnenschein) 2 s. 6 d. (Біологія британской политики). Въ этой книгѣ, въ краткихъ, но ясныхъ словахъ излагается теорія политической науки, въ основѣ которой покоится принципъ, что имперіи представляютъ такіе же организмы, подчиняющіеся тѣмъ же самымъ законамъ, которымъ подчиняется всякое живое существо. Авторъ прежде всего ищетъ доказательствъ этой теоріи въ британской имперіи и приходитъ къ выводу, что соперничество націи вызываетъ приспособленіе къ окружающей средѣ и соціальныя реформы являются непосредственнымъ результатомъ такого приспособленія. Прогрессъ основывается на коопераціи этихъ великихъ силъ и ведетъ къ организаціи международнаго государства, въ которомъ должны будутъ осуществиться идеалы человѣчества.

(Times).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

— Вотъ почему вы совсѣмъ забыли насъ,—сказала леди Сара.

— Да, я все свое время посвящалъ своей паціенткѣ, и я нашелъ средство вылечить ее.

— Значитъ, все въ порядкѣ,—сказалъ д-ръ Кольбекъ.

— Сначала прошлое, потомъ будущее, а? Если она согрѣшила, какъ многіе, то кто можетъ удивляться этому?

— Никто.

— Но она не согрѣшила. Моей первой заботой было убѣдиться въ этомъ.

— Какъ?

— Очень просто,—сказалъ Мортонъ необыкновенно серьезно.—Я показалъ ей это.—Онъ разстегнулъ свой поношенный сюртукъ, вытащилъ маленькій металлическій крестикъ и поднялъ его такъ высоко, какъ только позволяла цѣпочка, на которой онъ висѣлъ.—Я сказалъ ей: «преклони колѣна, дочь моя, и открой мнѣ твою душу».

— О! А! если...

— Она поклялась мнѣ святымъ крестомъ, что она чиста; что она знала искушенія, но избѣгла ихъ до сихъ поръ; единственнымъ ея грѣхомъ было то, что она, въ отчаяніи, отвратила лицо свое отъ своего Создателя. Она разсказала мнѣ свою исторію. Мать она рано потеряла, отецъ былъ негодяй, но она содержала его, зарабатывала ему хлѣбъ уроками, пока онъ не спился и не умеръ, а потомъ ей еще круче пришлось. Мѣсяцъ тому назадъ она приняла мѣсто гувернантки въ Австрію по публикаціи, по публикаціи, которая оказалась обманомъ... извѣстнаго рода, вы понимаете меня, докторъ... Ей удалось вырваться изъ когтей шайки негодяевъ въ Вѣнѣ, и она кое-какъ добралась домой, домой на гостепріимныя лондонскія улицы. Тотъ, Кто охраняетъ насъ всѣхъ, направилъ ея стопы ко мнѣ. Вы теперь удовлетворены, докторъ?

— Ну, какъ вамъ сказать...

— Чего вы еще хотите?

— А есть у васъ доказательства, что все это правда?

— Да.

— Вотъ это хорошо.

— Доказательство было въ ея лицѣ, въ ея честныхъ, краснорѣчивыхъ глазахъ, въ каждомъ звукѣ ея голоса. И, не забывайте, я держалъ *это* передъ ея глазами.

— Да, конечно, но...

— Не слушайте его, Патрингтонъ. Леди Сара, вы можете мнѣ повѣрить.

Леди Сара медленно отвѣчала:

— Да, да, конечно.

— Каждое ея слово носило печать истины. Но это все прошлое. Ей больно была касаться его, и я хочу, чтобы она объ немъ забыла. Я сказалъ ей, что долженъ знать все, но что прошлое будетъ похоронено навѣки. Съ этого дня мы будемъ только смотрѣть впередъ. Леди Сара, хотите помочь мнѣ устроить ея судьбу? Вотъ милость, о которой я хотѣлъ просить васъ.

Кольбекъ и Патрингтонъ обмѣнялись быстрымъ взглядомъ, леди Толльхерстъ вскочила на ноги. Леди Сара отвѣчала очень тихо:

— Отъ всей души.

— Приказывайте намъ,—великодушно изрекъ лордъ Патрингтонъ; его холодность и недовѣріе уступили мѣсто самому дружескому радушію.—Мортонъ, дорогой мой, приказывайте намъ.

— Ага!—съ торжествомъ воскликнулъ Мортонъ.—Докторъ, я зналъ, что не напрасно буду взывать!—Кровь прилила къ его лицу, и темный румянецъ пятнами выступилъ на оливковыхъ щекахъ; онъ откинулъ волосы со лба и съ торжествующимъ смѣхомъ поднялъ руку кверху.

— Сдѣлаемъ все, что въ нашей власти,—весело сказалъ лордъ Патрингтонъ.

— Хорошо сказано, дорогой другъ, хорошо сказано!—и Мортонъ подбѣжалъ къ окну. Онъ взглянулъ въ окно и снова побѣжалъ назадъ, схватилъ леди Сару за руку и заговорилъ съ необыкновеннымъ жаромъ и съ нескрываемымъ возбужденіемъ.

— Я видѣлъ ее каждый день, изучалъ ее, узнавалъ ея характеръ, и въ это время старался влить въ нее новыя силы и возстановить ея пошатнувшуюся вѣру.

— Да.

— Она—воплощенная утонченность и деликатность, хорошо воспитана и даже умна. Вѣдь мы не можемъ покинуть ее, не вернувъ ей ея утраченную вѣру, не такъ ли?

— Конечно.

— Она—лилія, колеблемая вѣтромъ, прекрасный цвѣтокъ, который буря согнула, но не сломила, не запачкала. Мы должны охранить ее отъ бури.

— Да, да. Но чѣмъ же я могу помочь вамъ?

— Во-первыхъ, вы должны найти для нея пристанище.

— Да.

— Безъ сомнѣнія,—замѣтилъ лордъ Патрингтонъ. — Гдѣ-нибудь въ деревнѣ мы это устроимъ.

— Нѣтъ, это не годится.

— Почему?

— Пристанище, о которомъ я говорю, въ другомъ мѣстѣ.

— А гдѣ же?

— Здѣсь. Въ этомъ домѣ.

— Въ этомъ домѣ?—повторилъ лордъ Патрингтонъ въ безграничномъ изумленіи.

— Леди Сара, я прошу васъ пріобщить эту дѣвушку къ вашей жизни, быть ей другомъ, ея сестрою. Полюбить ее, если можете. Она достойна вашей любви. Возьмите ее за руку и направьте ее снова на путь благодати. Докончите дѣло, начатое мною.

— Но это просто немыслимо,—сказалъ лордъ Патрингтонъ.

— Почему?

— Мы готовы сдѣлать для этой молодой дѣвицы все, что благоразумно.

— Все, кромѣ того, что я прошу.

— Вы просите невозможнаго. Все, что деньги... вліяніе...

— Деньги не помогутъ. Вліяніе хорошей женской души—вотъ все, чего я добиваюсь. Леди Сара, не обманите моихъ надеждъ. Сдѣлайте это во имя милосердія. Вы, конечно, можете это сдѣлать.

— Будьте благоразумны, Мортонъ. Если бы моя дочь и согласилась, я бы все-таки былъ противъ.

— Но почему?

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Я уже не говорю о сословномъ различіи. Но вы понимаете, вы *должны* понимать, что моя дочь не можетъ взять за руку чужую, незнакомую дѣвушку и сдѣлать ее сестрой.

— Почему же нѣтъ, если она достойна этого.

— Если! Пусть эта дѣвушка именно такая, какой вы ее считаете, пусть ея правдоподобный разсказъ — святая истина...

— Онъ и есть святая истина. Постойте. Не говорите больше ничего. Не отказывайте мнѣ, пока вы не увидите ее. Леди Сара, прежде чѣмъ вы скажете ваше послѣднее слово, посмотрите въ глаза Мери Энсли, въ нихъ вы прочтете отвѣтъ на всѣ ваши сомнѣнія.

— Да, я поѣду посмотрѣть на нее.

— Это не нужно. Она здѣсь, ждетъ вашего приговора.

— Здѣсь? — въ изумленіи воскликнулъ лордъ Патрингтонъ.

— Вы позволите мнѣ позвонить?—и Мортонъ нажалъ кнопку электрическаго звонка. — Я сказалъ Бигланду сходить за нею.—И онъ пошелъ къ двери.

— Постойте,—закричалъ лордъ Патрингтонъ.—Не зовите ее сюда!

— Но однако, — вмѣшался Карпентеръ—пожалуй, лучше повидать эту дѣвицу.

— Что можетъ изъ этого выйти?—спросилъ лордъ Патрингтонъ.

Мортонъ, открывъ дверь, крикнулъ вошедшему на звонокъ лакею:

— Попросите м-ра Бигланда и барышню войти сюда.

— М-ръ Мортонъ, — съ видомъ оскорбленнаго достоинства протестовалъ лордъ Патрингтонъ,—вы ставите меня въ крайне тягостное положеніе. Я глубоко обязанъ вамъ, я вашъ вѣчный должникъ. И я увѣряю васъ, что никогда не забуду вашей услуги.

— Знаю, знаю.

— Будьте великодушны. Не требуйте невозможной платы.

— Я и не требую невозможнаго.

— Посовѣтуйтесь съ любымъ свѣтскимъ человѣкомъ. Спросите Кольбека или Карпентера. Моя дочь не можетъ исполнить того, что вы просите.

— Вы увлекаетесь, — сказалъ д-ръ Кольбекъ.—Право, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Будетъ довольно затруднительно объясняться въ присутствіи дѣвицы,— замѣтилъ Карпентеръ.

— Еще бы, чортъ возьми!—сказалъ лордъ Патрингтонъ.

— Постойте,—сказалъ Мортонъ, заглянувъ въ дверь.—Войдите, Мери.

И м-ръ Бигландъ и новая гостья вошли въ комнату.

Это была блѣдная женщина лѣтъ тридцати, съ зачесанными на уши темными волосами, тяжелымъ узломъ прикрѣпленными на затылкѣ. Она была одѣта въ очень простое и очень поношенное платье, вся въ черномъ: соломенная шляпа съ черной лентой, грубая черная жакетка, и вытертая шерстяная юбка; на рукахъ шведскія перчатки, полинявшія и заштопанныя, вообще такъ одѣваются самыя бѣдныя дѣвушки ремесленницы, когда идутъ на работу. Даже такая красивая дѣвушка ремесленница навѣрное съумѣла бы какой-нибудь ленточкой оживить свой костюмъ, въ ожиданіи шумящаго шелковаго платья и мѣста примѣряльшицы въ модномъ магазинѣ Вестъ-Энда. Она посмотрѣла на присутствующихъ робкими, испуганными глазами и быстро опустила длинныя, пушистыя рѣсницы.

— Вотъ Мери Энсли,—сказалъ Мортонъ, взялъ ее за руку, поворачивая лицомъ къ окну. — Мери, это все мои добрые друзья. Я просилъ ихъ дать вамъ тотъ пріютъ, котораго я не могъ найти для васъ, и они хотѣли видѣть васъ. Не бойтесь. Они добры и благородны. Станьте здѣсь, къ свѣту, и не бойтесь.

Леди Сара внимательно смотрѣла на дѣвушку. Лордъ Патрингтонъ съ жестомъ отчаянія повернулся къ д-ру Кольбеку, а Кольбекъ наблюдалъ за руками леди Сары, судорожно впившимися въ спинку стула. Когда Мортонъ въ волненіи подошелъ къ нимъ, м-ръ Карпентеръ шепнулъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ:

— Да она красавица! Лицо святой съ заалтарнаго окна.

— Да, да. Но каковъ же вашъ отвѣтъ, леди Сара?

— Мортонъ, — сказалъ лордъ Патрингтонъ. — Сударыня, мы были глубоко тронуты вашей печальной исторіей, и я, и моя дочь...

— Нѣтъ, пусть она сама скажетъ. Леди Сара, неужели *вы* откажете?

— Я не свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Это домъ моего отца...

— Нашъ отвѣтъ,—прервалъ ее лордъ Патрингтонъ,—былъ вамъ уже выясненъ, но...

— Довольно. Значитъ, я ошибся.

— Мой милый другъ...

Мортонъ нервно застегивалъ свой сюртукъ. Густая краска залила его лицо и лобъ и сейчасъ же потухла; крѣпко сжавъ губы и выпрямившись во весь свой ростъ, онъ съ минуту пристально смотрѣлъ въ лицо лорду Патрингтону. Затѣмъ лицо его приняло обычное выраженіе и онъ отвернулся.

— Ну, Мери, я былъ безумцемъ. Я обманулъ, унизилъ васъ.—Онъ взялъ ее за руку.—Можете вы простить меня?

— Я нисколько не разочарована, м-ръ Мортонъ.—Я никогда не надѣялась, что ваши друзья помогутъ мнѣ.

Леди Сара подошла къ ней.—Но я помогу вамъ. Я не успокоюсь, пока не найду вамъ пріюта, гдѣ...

— Но не *здѣсь*,—Мортонъ откинулъ голову и разсмѣялся.—Мери, я обманулъ васъ и себя обманывалъ. Ничего, впередъ мы будемъ умнѣе.

— Я не достойна, чтобы вы такъ хлопотали обо мнѣ.

— Недостойны! Они такъ думаютъ, но не я.—Онъ обвелъ глазами всю комнату и снова покраснѣлъ.—Вы вѣрите мнѣ?—Голосъ его дрожалъ отъ возбужденія.—Они не хотятъ помочь намъ, и мы съ вами стоимъ одни. Вы знаете, какова моя жизнь. Я— нищій служитель Божій, котораго питаютъ вороны. Рѣшитесь ли вы соединить свою судьбу съ моею? Право, мы необходимы другъ другу.

М-ръ Бигландъ, простирая къ нему руки, жалобно воскликнулъ:

— Учитель! учитель!

— Я недостоинъ, а не вы! Если вы согласны выйти за меня замужъ, я буду счастливъ, невыразимо счастливъ!

*

— Учитель! — снова воскликнулъ старикъ умоляющимъ голосомъ.—А ваше дѣло! ваше великое призваніе!

— Покажите имъ, что мы не боимся бѣдности, что мы безъ помощи можемъ бороться и побѣдить!

— Да,—сказала дѣвушка, не поднимая глазъ,—я не боюсь.

— Пароксизмъ горячки! — шепнулъ д-ръ Кольбекъ леди Сарѣ.—Я этого ожидалъ.—Никто не замѣтилъ, что дверь отворилась, и лакей впустилъ новаго посѣтителя. Незнакомецъ среднихъ лѣтъ, стоя въ дверяхъ со шляпой въ рукѣ, обводилъ взглядомъ присутствующихъ. Вѣжливо поклонившись всему обществу, онъ обратился къ Мортону:

— М-ръ Мортонъ, мнѣ сообщили на вашей квартирѣ, что я найду васъ здѣсь.

Мортонъ поклонился.

— Я м-ръ Норманъ, представитель Нормана и Джорджа, повѣренныхъ, Эссексъ-стритъ. Имѣя до васъ важное дѣло, я послѣдовалъ за вами.

— Дѣло со мной, м-ръ Норманъ?

— Вы преподобный Джонъ Мортонъ, если не ошибаюсь?

— Да.

— Уроженецъ Ашфорда въ Линкольширѣ, сынъ Ричарда и Елизаветы Мортонъ изъ Ашфорда?

— Да, это я.

— Вы меня извините, что я осмѣлился побезпокоить васъ, но я надѣюсь на ваше снисхожденіе.

— Что вамъ угодно?

М-ръ Норманъ сдѣлалъ умоляющій жестъ:

— Дѣло касается лично васъ.

— Здѣсь только мои друзья. Мнѣ нечего скрывать отъ нихъ.

— Если вы этого желаете.

— Лордъ Патрингтонъ, леди Сара Джойсъ,—и по мѣрѣ того, какъ Мортонъ называлъ своихъ друзей, Норманъ раскланивался,—леди Толльхерстъ, д-ръ Кольбекъ, м-ръ Карпентеръ, м-ръ Бигландъ, моя невѣста. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы всѣ они слышали, тѣмъ болѣе, что догадываюсь о цѣли вашего посѣщенія.

— Неужели?

— Вы посланы какимъ-нибудь духовнымъ начальствомъ. Вооружившись всѣмъ могуществомъ церкви, вы явились требовать, чтобы непокорный священникъ Джонъ Мортонъ предсталъ передъ какимъ-нибудь заплѣсневѣвшимъ судилищемъ. Ну что же,—улыбнулся онъ,—я люблю борьбу. Я готовъ встрѣтить всѣхъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, м-ръ Мортонъ. Вы несправедливы ко мнѣ,—и м-ръ Норманъ добродушно улыбнулся.—У меня нѣтъ подобныхъ полномочій. Я очень радъ видѣть васъ среди друзей. Можетъ быть, вы не слыхали о смерти вашего двоюроднаго брата, Генри Вавасура?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Вы его знаете?

— О, да.

— Онъ умеръ совсѣмъ недавно. Онъ былъ, вы вѣрно знаете, богатый человѣкъ.

— Я слыхалъ.

— Мы лондонскіе агенты гг. Гордонъ изъ Ливерпуля. М-ръ Вавасуръ умеръ въ Ливерпулѣ.

— Въ Ливерпулѣ! Чортъ возьми!— воскликнулъ д-ръ Кольбекъ.

— И наши тамошніе кліенты—его душеприказчики.

— Ну?

— Они поручили намъ разыскать васъ. Въ бумагахъ вашего родственика было множество вашихъ памфлетовъ и проповѣдей, и я поручилъ очень умному сыщику, нѣкоему Гриффиту, разыскать васъ, такъ какъ вы наслѣдникъ.

— Да?

— Говоря откровенно,—снова улыбнулся м-ръ Норманъ,—я никогда не слыхалъ о васъ, сэръ. Конечно, если бы я жилъ въ Вестъ-Эндѣ, тогда другое дѣло. М-ръ Гриффитъ смѣялся надъ своимъ порученіемъ. Это все равно, что поручить сыщику отыскать епископа кентерберійскаго, а?

Мортонъ поклонился, и м-ръ Норманъ медленно продолжалъ:

— М-ръ Вавасуръ нажилъ большое состояніе, м-ръ Мортонъ.

Кольбекъ дотронулся до руки леди Толльхерстъ и шепнулъ ей:

— Вавасуръ! То самое имя! Это тотъ, о комъ я вамъ разсказывалъ?

— Мы имѣемъ свѣдѣнія,—такъ же медленно тянулъ м-ръ Норманъ,—что наличный капиталъ считается милліонами стерлинговъ, конечно, а не долларовъ. Нѣсколько милліоновъ, девять или десять, фунтовъ стерлинговъ.

— И онъ оставилъ мнѣ?

— Все, что онъ имѣлъ.

— Боже мой! — воскликнулъ лордъ Патрингтонъ.

— Поразительный конецъ для моей исторіи!—сказалъ д-ръ Кольбекъ.

— Это не шутка?—возбужденно спросила леди Толльхерстъ.

— О нѣтъ, сударыня, — отвѣчалъ м-ръ Норманъ.

— И не ошибка? — спросилъ м-ръ Карпентеръ.

— Не бойтесь, м-ръ Мортонъ,—сказалъ повѣренный.— Вы можете быть увѣрены, что наслѣдуете все состояніе своего двоюроднаго брата.

Всѣ оживленно заговорили, кромѣ Мортона. Глаза его потухли. Онъ стоялъ совершенно неподвижно, уставившись глазами на полосу солнечнаго свѣта, протянувшуюся по ковру, и мысли его, казалось, далеко унеслись. Наконецъ, онъ заговорилъ тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Я бодро принимаю это тяжелое бремя.

— Бремя?—переспросилъ лордъ Патрингтонъ.

— Дай, Боже, мнѣ силы снести его,— продолжалъ Мортонъ, поднявъ глаза къ небу.—Помогите мнѣ, Мери

— Мой милый другъ, вы совсѣмъ потрясены,—сочувственно замѣтилъ лордъ Патрингтонъ.

— Неудивительно! Такая новость!— сказалъ д-ръ Кольбекъ.

— Бремя, бремя! — повторялъ съ изумленіемъ Карпентеръ.—Что вы хотѣли этимъ сказать, сэръ?

— Я говорю вамъ,—голосъ Мортона звучалъ громко и весело.—Я говорю вамъ, что вы выстроите свое убѣжище и изобразите это лицо на алтарномъ окнѣ вашей часовни.

ГЛАВА 7.

Мортонъ оказался восьмымъ чудомъ въ свѣтѣ. Весь свѣтъ говорилъ о немъ, весь свѣтъ думалъ о немъ. Возгласъ о легендарномъ наслѣдствѣ облетѣлъ весь міръ и на время заставилъ усиленно работать всѣ мозги: одни мечтали о слѣпыхъ, безумныхъ спекуляціяхъ, другихъ пожирали зависть и сомнѣніе.

Конечно, больше всего занималась имъ всемірная пресса: для нея это наслѣдство являлось желаннымъ событіемъ.

«Подобно всѣмъ стихійнымъ силамъ, говорили лондонскія газеты,—какъ, напримѣръ, циклоны, тресты и биржевая игра, счастье, свалившееся на м-ра Мортона, также прилетѣло изъ волшебной страны за океаномъ. Несмотря на приливъ богатыхъ людей изъ южной Африки, несмотря на золотыя розсыпи Австраліи и закаспійскіе нефтяные фонтаны, несмотря на все растущее число милліонеровъ, поселившихся среди насъ въ послѣдніе годы, мы все еще не можемъ привыкнуть видѣть такія кучи денегъ, сосредоточенныя въ рукахъ частнаго лица. Безъ сомнѣнія, британскіе герцоги обладаютъ обширной поземельной собственностью, ихъ доходы на бумагѣ громадны, они владѣютъ дворцами, картинными галлереями, озерами, рѣдкими гаванями, однимъ словомъ, недвижимой собственностью, стоимость которой трудно опредѣлить даже приблизительно. Но одного у нихъ нѣтъ, и въ этомъ каждый изъ нихъ признается: золотой рѣки, которая течетъ отъ одного взмаха пера. Весьма вѣроятно, что ни одинъ изъ нихъ, также какъ и мы грѣшные, не въ состояніи будетъ безъ предварительной подготовки подписать чекъ на сто тысячъ фунтовъ. Не то происходитъ на той сторонѣ... Воображеніе отказывается представить себѣ истинные размѣры и внутреннее значеніе состоянія, подобнаго состоянію м-ра Мортона».

Однако, ничто не было такъ далеко

отъ истины, это хорошо знали ловкіе газетные репортеры. Читатели наслаждались, стараясь сосчитать эти чужія деньги, а репортеры день за день снабжали ихъ все новыми подробностями.

Коротенькія статьи лѣтняго мертваго сезона сразу разрослись въ осеннихъ великановъ, это былъ апоѳеозъ всемірной жажды чудеснаго и стремленія человѣчества къ случайнымъ дарамъ фортуны, которые оно предпочитаетъ заслуженному вознагражденію за труды. Всѣ люди любятъ дѣлать предположенія и строить воздушные замки, въ то же время показывая видъ, что презираютъ подобные пустяки.

Можетъ быть, это и не вѣрно, но во всякомъ случаѣ правдоподобно. Поэтому весь свѣтъ съ жадностью читалъ столбцы правды и выдумокъ, посвященные м-ру Мортону и его неслыханному счастью.

«Чтобы читатели могли представить себѣ всю величину этого колоссальнаго богатства, предлагаемъ имъ слѣдующіе наглядные примѣры. Въ настоящее время въ парламентъ внесенъ проектъ соединить Гаммерсмитъ и лондонскій банкъ электрической подземной дорогой. Стоимость ея, имѣя въ виду сравнительно короткое разстояніе, будетъ колоссальна. Другая конкурирующая компанія предлагаетъ другой путь, въ связи съ уже существующими подземными дорогами. Этотъ проектъ, идущій навстрѣчу все возрастающей необходимости быстраго сообщенія востока съ западомъ, несравненно дешевле. Желательно было бы осуществленіе обоихъ путей, но сомнительно, чтобы удалось найти потребный капиталъ для осуществленія хотя бы одного изъ нихъ. М-ръ Мортонъ изъ собственнаго кармана могъ бы выстроить и оборудовать обѣ желѣзныя дороги.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наше вліяніе на востокѣ усилилось бы присутствіемъ второй эскадры въ восточныхъ водахъ. Если бы мы были достаточно сильны и имѣли бы возможность послать туда военный флотъ, не ослабивъ при этомъ своего вліянія въ другихъ частяхъ свѣта, вопросъ о какихъ бы то ни было союзникахъ отпалъ бы самъ собою. Но какъ бы мы ни были богаты, нельзя требовать, чтобы наши плательщики налоговъ согласились на такой новый колоссальный расходъ. Подобная эскадра должна состоять, по крайней мѣрѣ, изъ шести броненосцевъ, цѣною каждый въ милліонъ, столькихъ же первоклассныхъ крейсеровъ по полумилліону, не считая истребителей, миноносокъ и другихъ мелкихъ судовъ, служащихъ для защиты этихъ морскихъ левіаѳановъ. Это, конечно, желательный, но даже для Англіи — неисполнимый проектъ. М-ръ Мортонъ на собственныя средства могъ бы создать подобный флотъ.

«Всѣмъ извѣстно, что м-ръ Мортонъ, будучи посвященнымъ духовнымъ лицомъ, находился подъ церковнымъ запрещеніемъ. По причинамъ, лучше всего извѣстнымъ имъ самимъ, духовныя власти нашли необходимымъ отрѣшить его отъ исполненія священныхъ обязанностей, къ исполненію которыхъ онѣ сами же призвали его. Можетъ быть, епископы не всегда являются хладнокровными и безпристрастными судьями въ чисто догматическихъ столкновеніяхъ, и многимъ можетъ показаться, что когда свирѣпствуютъ несогласія, религіи грозитъ опасность.

«Какъ бы тамъ ни было, но достовѣрно одно что въ теченіе долгихъ годовъ м-ръ Мортонъ подвергался обращенію, болѣе похожему на средневѣковыя гоненія, чѣмъ на просвѣщенное отношеніе современной намъ церкви, ибо ему запрещено было проповѣдывать въ какой бы то ни было церкви Англіи. Если ему и случалось, отъ времени до времени, съ большими промежутками, всходить на каѳедру, то это бывало безъ вѣдома и разрѣшенія епископской власти, и каждый разъ находили средства лишить его каѳедры.

«Теперь м-ръ Мортонъ могъ бы на собственный счетъ воздвигнуть соборъ больше собора св. Петра, выше кельнскаго собора и проповѣдывать всѣмъ съ каѳедры изъ чистаго золота, осыпанной драгоцѣнными каменьями, какую не могло бы себѣ представить самое утон-

ченное воображеніе избалованнаго восточнаго владыки,и все—таки оставаться богатымъ человѣкомъ».

Такъ старались многорѣчивые журналисты, въ то время какъ ихъ меньшая братія, съ альманахомъ въ одной рукѣ и со справочной книгой въ другой, старалась доказать голыми цифрами, что ежемѣсячный доходъ м-ра Мортона превосходить ежегодный доходъ самаго богатаго изъ лондонскихъ клубовъ.

Ежегодный доходъ м-ра Мортона превышаетъ сумму государственнаго долга республики Боливіи. Если бы недѣльный доходъ м-ра Мортона внести въ видѣ годовой преміи въ любое страховое общество, то двадцати семействамъ, глава которыхъ достигъ 51 года, была бы обезпечена еженедѣльная пенсія въ гинею.

Не меньше этихъ рыцарей пера старались многіе рисовальщики, стремившіеся поразить глазъ наглядными изображеніями: деньги м-ра Мортона, насыпанныя въ мѣшки и нагруженныя въ товарные вагоны, занимали поѣздъ, локомотивъ котораго стоялъ на станціи Кастонъ-стритъ, послѣдній вагонъ достигалъ Чарингъ-Кросса; солдаты всего міра проходили стройными рядами, и у каждаго въ рукахъ пятифунтовая бумажка; дорожка изъ трехпенсовыхъ монетъ соединяетъ землю съ ближайшей неподвижной звѣздой, проходя черезъ луну.

Отъ кого и какъ достались Мортону деньги также служило предметомъ обсужденій.

Смутныя или вполнѣ опредѣленныя, выдуманныя или основанныя на фактахъ, всѣ статьи, якобы имѣвшія своимъ источникомъ достойныхъ довѣрія американскихъ авторитетовъ, сходились въ своихъ намекахъ на темное и подозрительное происхожденіе милліоновъ Вавасура. Двадцать лѣтъ тому назадъ м-ръ Вавасуръ обдѣлалъ какое-то нечистое дѣло, продалъ какія-то свѣдѣнія, оказавшіяся ложными, вызвавшія биржевую панику; всѣ биржевики клялись въ мщеніи, а онъ вынырнулъ изъ всеобщаго погрома богатымъ человѣкомъ. Затѣмъ онъ пріобрѣлъ недвижимую собственность въ Бруклинѣ и присосался, какъ спрутъ, къ расширяющемуся городу, который не пожалѣлъ никакихъ жертвъ, чтобы избавиться отъ него. Послѣ этого дѣла пошли обычнымъ въ Америкѣ путемъ: богатство стало страшнымъ оружіемъ въ стальныхъ, жестокихъ рукахъ, поражало безъ промаха и безъ жалости. Поединки между конкурирующими желѣзными дорогами, ажіотажъ и трёсты, захватъ и контролированіе чужихъ доходовъ, война золота противъ золота въ то время, какъ мирные обитатели театра войны умираютъ отъ голода—вотъ изъ какихъ обычныхъ, хотя и непостижимыхъ фактовъ вѣчно спѣшащіе корреспонденты по кусочкамъ склеивали біографію этого человѣка. Одно было совершенно ясно: въ Америкѣ никто и не подозрѣвалъ, насколько велико было на самомъ дѣлѣ его состояніе. Онъ жилъ уединенно, молчаливымъ и таинственнымъ отверженцемъ, не созданнымъ для общества, не интереснымъ для репортеровъ, какъ рабочій въ подземной шахтѣ, обтесывающій для собственнаго монумента гранитныя глыбы, изъ которыхъ каждая неожиданно оказалась милліономъ.

Недѣли проходили, къ совершившемуся чуду привыкли, и новыя статьи заняли мѣсто прежнихъ описаній. Деньги были на лицо, и читателямъ уже надоѣло слышать объ этомъ. Но какъ же Мортонъ употребитъ ихъ? Предположенія и опроверженія съ обычной быстротою слѣдовали одно за другимъ. М-ръ Мортонъ купилъ громадный домъ въ Гросвенoръ-Скверѣ, извѣстный подъ именемъ Уильтширъ Гауза. По справкѣ, наведенной у агентовъ Палль-Молля, оказалось, что домъ все еще продается. М-ръ Мортонъ пріобрѣлъ извѣстное охотничье имѣніе въ Норфолькѣ, въ Кумберлэнѣ, въ Лестерширѣ, въ полосѣ графствъ соединеннаго королевства. М-ръ Мортонъ и его уполномоченные изучаютъ Вестъ-Эндъ Лондона, имѣя ввиду снести значительную часть его, чтобы освободить мѣсто для приличной его состоянію резиденціи. Затѣмъ оказалось, что эти свѣдѣнія не точны: м-ръ Мортонъ занимался не Вестъ-Эндомъ, а Истъ-

Эндомъ. Однако было доказано, что онъ купилъ громадные участки въ Уайтчепелѣ, Ст. Джорджѣ, Степни, Поляврѣ, Бэтналь-Гринѣ. Тайна искусно сохранялась, но внезапно раскрылась потому, что, благодаря операціямъ м-ра Мортона, разросшимся до небывалыхъ размѣровъ, цѣны на землю въ Истъ-Эндѣ непомѣрно возросли. М-ръ Мортонъ, повидимому, намѣревался не строить для себя дворецъ, а снести и уничтожить всѣ тѣ трущобы, которыя обозначены самыми темными красками на картѣ лондонской нищеты. Вслѣдъ за этимъ сообщеніемъ появилось засвидѣтельствованное опроверженіе двухъ наиболѣе извѣстныхъ посредническихъ конторъ: до сихъ поръ никто никакихъ такихъ участковъ не покупалъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Затѣмъ пошли разсказы о пособіяхъ и пенсіяхъ, выданныхъ всѣмъ неимущимъ друзьямъ и послѣдователямъ м-ра Мортона, имя которымъ—легіонъ. Сто фунтовъ въ годъ назначалось всякому, кто могъ доказать, что онъ или она былъ постояннымъ членомъ его странствующей уличной конгрегаціи, и тысячи подобныхъ пособій были уже розданы. Но посланные провѣрить эти разсказы не могли добыть ни одного достовѣрнаго свидѣтельства и ихъ пришлось считать преждевременными. «Не малое число жителей трущобъ, посѣщенныхъ нами, были лично знакомы съ м-ромъ Мортономъ, всѣ они слышали о полученномъ имъ состояніи, но относились къ этому факту чрезвычайно апатично, и т. д., и т. д. Никому изъ нашихъ представителей, не смотря на всѣ ихъ старанія, не удалось повидать м-ра Мортона».

Но изъ всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній, искаженныхъ фактовъ, разнузданныхъ фантазій и завѣдомой лжи, не смотря на ихъ противорѣчія и вызываемыя ими сомнѣнія, выросла и приняла опредѣленныя формы золотая легенда. Гдѣ-то,—нужно было только найти его—былъ человѣкъ, щедрою рукою сѣявшій золото, какъ пахарь сѣетъ зерна на нивѣ.

И въ самомъ лучшемъ обществѣ языки работали на эту злободневную тему также усердно, какъ въ омнибусахъ и на рынкахъ. Леди Толльхерстъ объѣзжала своихъ знакомыхъ и всѣмъ съ возбужденіемъ говорила: «Голубчикъ, дайте мнѣ договорить. Я знаю его», и затѣмъ повѣствовала своимъ очарованнымъ слушателямъ про встрѣчу съ Мортономъ на завтракѣ у леди Баркеръ. Ей рѣдко удавалось досказать до конца, потому что всѣ устремлялись къ леди Баркеръ, какъ къ первоисточнику. Если леди Баркеръ удалось однажды заманить его въ свой свѣтскій звѣринецъ, она можетъ сдѣлать это опять и показать обществу этого льва въ своей клѣткѣ. Всѣ знали, что если леди Баркеръ и потерпитъ неудачу, то не по своей волѣ. Леди Баркеръ съ глубокимъ огорченіемъ снова направляла ихъ къ леди Толльхерстъ. Левъ скитался за границами ея самыхъ настойчивыхъ приглашеній и, по крайней мѣрѣ въ данное время, былъ неуловимъ; леди Толльхерстъ видѣла его послѣдняя.

Общество, въ лицѣ своихъ представителей смутно прослышавъ о родственныхъ узахъ связывающихъ Толльхерстовъ съ Патрингтонами, писало леди Толльхерстъ совершенно серьезно: вы открыли его, и мы смѣемъ надѣяться, что вы сервируете его и намъ, а не будете держать про себя. По крайней мѣрѣ пятьдесятъ писемъ заключали въ себѣ такія строки: «Не нуженъ ли ему секретарь или вообще руководитель, который оберегалъ бы его отъ грубой эксплоатаціи? Если такъ, то мой Арчи именно подходящій для этого человѣкъ, и мнѣ такъ хочется удержать его въ Лондонѣ. Будьте милочкой, обѣщайте мнѣ ваше содѣйствіе!»

Но золотой человѣкъ самъ сдѣлался невидимкой, и никто никакими средствами не могъ добраться до него.

Д-ръ Кольбекъ, зашедшій къ Патрингтонамъ черезъ недѣлю послѣ описанныхъ событій, услыхалъ отъ дворецкаго, котораго онъ вовсе объ этомъ и не спрашивалъ, что м-ра Мортона съ тѣхъ поръ не видали.

— Нѣтъ,—докладывалъ лакей,—миледи нѣтъ въ городѣ. Милордъ въ

Лондонѣ, но его нѣтъ дома.—Затѣмъ появился дворецкій, много лѣтъ уже жившій въ домѣ, и при его приближеніи его подчиненные поспѣшили стушеваться. Кольбекъ умѣлъ искусно заставить его разболтаться.

Леди Сара была въ Девонширѣ, въ Эмберли, у леди Рэгфордъ, ея тетки. Леди Сара чувствовала себя очень плохо и не выходила изъ своей комнаты. Легкая инфлюэнца, насколько зналъ дворецкій, но, съ своей стороны, онъ былъ склоненъ думать, что леди Сара въ послѣднее время слишкомъ много работала по благотворительности. Д-ръ Гарнетъ изъ Гертфордъ-стрита, лечившій ее, прописалъ отдыхъ и перемѣну климата, и леди Сара немедленно уѣхала на недѣлю или дней на десять къ теткѣ въ Эмберли въ Девонширѣ.

— Мы теперь совсѣмъ не видимъ м-ра Мортона, сэръ,—прибавилъ дворецкій съ оттѣнкомъ почтительнаго любопытства.—Вчера была недѣля съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Я полагаю, сэръ, что все это правда. Въ «Daily Telegraph» была статья, сэръ, я сейчасъ достану ее вамъ, если вы ее не читали.

— Не трудитесь,—сказалъ д-ръ Кольбекъ и ушелъ.

Лорда Патрингтонъ, также какъ леди Толльхерстъ, все время осаждали письмами. И всѣ эти письма, написанные легкомысленными друзьями или милыми родными, раздражали его и надоѣли ему безконечно. Письма леди Эмили, всегда раздражавшія его, особенно дѣйствовали на него въ эту осень. Но письмо кузена Берти просто вывело его изъ себя.

Берти, какъ это ни было странно, исчезъ одновременно съ Мортономъ. Но такъ какъ онъ никому не былъ нуженъ, то его исчезновеніе прошло незамѣченнымъ. И вдругъ, черезъ пять или шесть недѣль, онъ прислалъ лорду Патрингтону, безъ всякаго уважительнаго повода, письмо, весьма торжественное и просто невыносимое. Если кое-кто и искалъ мѣсто секретаря, то м-ръ Карпентеръ искалъ для себя секретарей.

«Мнѣ нужны два молодыхъ секретаря, достойныхъ довѣрія. Я не требую отъ нихъ особыхъ знаній, они просто должны завѣдывать моей корреспонденціей, вести счеты и т. п. Такъ какъ ты имѣешь столько связей въ дѣловомъ мірѣ, я подумалъ, что, можетъ быть, у тебя есть какіе-нибудь protégés, которыхъ ты можешь рекомендовать».

Благородный лордъ разорвалъ тщеславную записку и оставилъ ее безъ отвѣта. Понятно, Берти просто расхвастался, чтобы показать всей семьѣ, какой онъ великій человѣкъ. Ни минуты лордъ Патрингтонъ не сомнѣвался относительно скрытаго источника новаго величія Берти. Отблескъ славы м-ра Мортона, что же другое? Случай на мгновеніе показалъ Берти щедраго мецената его мечтаній, но въ эту минуту Берти успѣлъ уцѣпиться за его фалды.

Разсердившись на м-ра Карпентера, лордъ Патрингтонъ изъ чистаго любопытства нанесъ визитъ гг. Норману и Джорджу, повѣреннымъ на Эссексъ-стритѣ. Возвращаясь однажды съ общаго собранія акціонеровъ въ Канконъ-стритѣ-отелѣ, онъ остановилъ свой экипажъ и оставилъ его ждать на набережной, а самъ влѣзъ на крутую лѣстницу подъ старыми аркадами и, безъ труда найдя старомодную контору, послалъ свою карточку.

Лорды всегда останутся лордами для Эссексъ-стрита, и младшій компаньонъ любезно принялъ его.

М-ръ Норманъ съ помощникомъ былъ въ Нью-Іоркѣ, чтобы привести въ извѣстность и ликвидировать сложныя и запутанныя дѣла по наслѣдству. Да, м-ръ Мортонъ оказалъ сей фирмѣ честь, предоставивъ въ ихъ руки свои дѣла. Это было замѣчательное событіе.

— Въ лѣтописяхъ нашей профессіи,—говорилъ младшій компаньонъ,—это самый крупный кліентъ, дѣлами котораго когда-либо завѣдывала исключительно одна фирма. Когда герцогъ Ланкастерскій однажды лишилъ своего довѣрія Грея, Ветчинсона и Бринкера и передалъ управленіе своею лондонскою недвижимостью въ руки Кэмпа и Рольстона—это было событіе. Передача дѣлъ лорда Беверли отъ стариковъ въ Линкольнъ-

Иннсъ Фильдъ-Гаммонду тоже въ свое время было событіе. Но *это* побило всѣ рекорды.

— Такъ ли велико состояніе, какъ объ немъ говорятъ?

— Больше!—внушительно прошепталъ младшій компаньонъ.—Невозможно даже сказать, какъ оно велико!

— Правда?

— Завѣщаніе утверждено, и мы уже заплатили сто двадцать пять тысячъ фунтовъ пошлины. Я могу вамъ показать росписки, если вамъ угодно. Подобный случай—прямо кладъ для канцлера казначейства, какъ подумаешь объ этомъ.

— О да,—снисходительно добавилъ младшій компаньонъ.—Они очень любезно обошлись съ нами въ Соттеритъ-Гаузѣ. Право, все сошло какъ по маслу, безъ сучка, безъ задоринки. Вы знаете, онъ единственный наслѣдникъ, онъ все получастъ, больше никто ни гроша. Покойный м-ръ Вавасуръ помѣстилъ значительную часть своего состоянія въ Англіи. Онъ не былъ американскимъ гражданиномъ и сохранилъ англійское подданство, и это очень упростило для насъ все дѣло. Въ Нью-Іоркѣ тоже все идетъ гладко.

Лорду Патрингтону росписокъ не показали, но зато показали сосѣдній домъ, который долго пустовалъ, точно ожидалъ, что онъ можетъ пригодиться фирмѣ. Два штукатура заботливо оберегали лорда Патрингтона отъ опасности запачкать свой сюртукъ, въ то время какъ онъ проходилъ въ двери, проломанныя въ стѣнѣ, раздѣлявшей оба дома, а младшій компаньонъ указывалъ ему дорогу. Отъ чердака до подвала прекраснаго стариннаго дома кишѣли рабочіе: пыльные каменщики, пахнущіе краской маляры, запыленные электротехники. Только двѣ большія комнаты были временно приспособлены, и въ этихъ комнатахъ, конторщики, какъ прилежные муравьи, за конторками и столами, заваленными счетными книгами, разрабатывали механическія подробности громаднаго наслѣдства. Десять, двѣнадцать, пятнадцать конторщиковъ насчиталъ лордъ Патрингтонъ въ двухъ комнатахъ. Скоро весь домъ, каждая комната будетъ наполнена дѣлами новаго кліента.

— Контора въ Нью-Іоркѣ больше, чѣмъ весь этотъ домъ, но она только временная. Эта, конечно, будетъ постоянная. Но если подумаешь хорошенько, то это просто песчинка въ морѣ. Представьте себѣ, если бы всѣ частныя дѣла всего города, помѣщеніе капиталовъ, платежи, арендные договоры тридцати тысячъ жителей совершались подъ одной крышей. Тогда никто бы не удивился. Но вы видите все въ другомъ свѣтѣ, разъ дѣло идетъ объ одномъ человѣкѣ. А между тѣмъ онъ одинъ стоитъ нѣсколькихъ такихъ городовъ.

Мальчикъ въ ливрейной курточкѣ везъ черезъ площадку нагруженную телѣжку и младшій компаньонъ остановилъ его. Это была плоская желѣзная телѣжка, которыя употребляются въ банкахъ, а также въ нѣкоторыхъ адвокатскихъ конторахъ для перевозки ящиковъ съ документами изъ одного помѣщенія въ другое. Теперь на ней стояла громадная корзина, до краевъ наполненная нераспечатанными письмами и заказными пакетами.

— Взгляните! Это письма, полученныя на имя м-ра Мортона сегодня утромъ, и большинство изъ нихъ помѣчены «въ собственныя руки», все просьбы о пособіи. Вотъ почему мы никому не даемъ его адреса.

— О! Вы и мнѣ не дадите его адреса?

— Къ сожалѣнію—нѣтъ. Хотя м-ру Мортону, конечно, было бы пріятно, что вы знаете, гдѣ онъ. Но, впрочемъ, вы можете написать ему здѣсь, и я сочту своимъ долгомъ лично передать ему ваше письмо. Напишите ваше имя или... вашъ титулъ, я хотѣлъ сказать... на конвертѣ.

— Что онъ теперь дѣлаетъ?

— О, онъ очень занятъ. Во-первыхъ, собирается жениться.

И, провожая своего благороднаго посѣтителя, младшій компаньонъ понизилъ свой голосъ до конфиденціальнаго шопота.

— Везетъ же нѣкоторымъ людямъ! Вѣдь какую партію дѣлаетъ эта дѣвушка! А вѣдь говорятъ, что она про-

сто съ улицы. Контракта не будетъ: какой тамъ контрактъ, когда у нея нѣтъ ни гроша. Я думаю, что если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы получить руку принцессы, и даже королевской крови, конечно континентальной,—прибавилъ онъ не безъ гордости. — Я не говорю о нашей королевской семьѣ.

Въ тотъ же день лордъ Патрингтонъ получилъ извѣстіе отъ леди Эмили. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, небольшой комнатѣ въ нижнемъ этажѣ. Стѣны были уставлены внушительными книжными шкафами, наполненными книгами въ роскошныхъ переплетахъ, которыя ихъ владѣлецъ никогда не открывалъ, а на шкафахъ стояли мраморные бюсты; массивный письменный столъ и конторка были покрыты бумагами и брошюрами: отчетами парламентскихъ коммиссій, отчетами и проспектами акціонерныхъ компаній, ежемѣсячными циркулярами биржевыхъ маклеровъ, списками пайщиковъ; на одномъ изъ большихъ кожанныхъ креселъ громоздилась куча справочныхъ книгъ, въ которыя иногда заглядывала его свѣтлость—родословныя пэровъ, справочныя книги по сельскому хозяйству, каталоги различныхъ аукціоновъ, ежегодные отчеты земельныхъ агентовъ, каталоги сельско-хозяйственныхъ складовъ и заводовъ химическихъ удобреній. Если судить по безпорядку въ рабочемъ кабинетѣ его свѣтлости, о его методахъ труда, то очевидно его свѣтлость былъ очень безтолковый работникъ. Лордъ Патрингтонъ смялъ письмо леди Эмили въ комокъ и швырнулъ его въ каминъ.

«Я должна снова сказать тебѣ, дорогой папа, что если половина, или даже четверть того, что пишется въ газетахъ — правда, вы съ Сарой упустили такой случай, какого намъ не вымолить никогда опять. Ради Сары, ради всѣхъ насъ, ради будущности моихъ крошекъ, а я не могу не думать, какую пользу ихъ будущей карьерѣ принесло бы подобное родство — я думаю, ты могъ бы подождать и не дѣлать изъ всего этого исторіи, которая заставила его искать въ другомъ мѣстѣ. Ты знаешь, что я всегда говорила. И почему же, скажи мнѣ ради Бога, ты упустилъ такой случай?»

А между тѣмъ, въ старой церкви св. Гильдебранта въ восточной части Лондона Джонъ Мортонъ на-вѣки былъ соединенъ со своей невѣстой. Чего бы ни дали «наши уполномоченные», чтобы присутствовать при церемоніи? Какой чудный матеріалъ для одного или двухъ столбцовъ краснорѣчивыхъ описаній и философскихъ размышленій пропали совершенно даромъ! Голая и темная старая церковь такъ отличалась отъ разукрашенной, блестяще освѣщенной церкви св. Георга въ Ганноверъ-скверѣ; туманъ съ улицы вползалъ въ церковь и придавалъ ей какой-то особенный, сверхъестественный видъ, а вмѣстѣ съ туманомъ проникли два-три любопытныхъ зрителя: фабричная дѣвушка и какой-то бродяга шаркали ногами и покашливали около теплой печки; прилично одѣтая женщина, повидимому принадлежащая къ высшему классу общества, скрывалась въ темнотѣ подъ хорами; странная сцена и неподходящіе зрители для такого важнаго событія!

У алтарной рѣшетки стояли мужчина и женщина, двѣ темныя, незначительныя фигуры, за ними ихъ свидѣтели, еще менѣе значительные — м-ръ Бигландъ и какой-то бѣлокурый юноша.

Надъ дверью, ведущей въ ризницу, была зажжена лампа, на алтарѣ горѣло нѣсколько свѣчей, скорѣе для освѣщенія, чѣмъ для возбужденія мистическаго чувства, и викарій съ двумя своими помощниками, въ облаченіи, торжественно и значительно по очереди читали молитвы и обращались съ наставленіями. Не было ни органа, ни музыки, ни пѣнія; сторожъ сидѣлъ въ темномъ углу, грубо равнодушный къ происходившему важному событію. Только викарій и его помощники знали имя жениха, и ихъ притягивало окружавшее его золотое сіяніе. Вѣдь онъ могъ однимъ словомъ возобновить колокольню, покрыть дефицитъ церковнаго фонда, заставить церковныя окна горѣть всѣми цвѣтами радуги или сразу снять всю тяжесть долга, давившаго церковь и приходъ. Кто могъ сказать заранѣе?

— Желаешь ли ты назвать эту женщину своей женой?

— Да.

— Желаешь ли ты имѣть своимъ мужемъ это неограниченное число милліоновъ?

Викарій легко могъ бы такъ оговориться, потому что мысль о милліонахъ наполняла его голову, но онъ употребилъ обычную формулу, предлагая этотъ торжественный вопросъ.

Въ ризницѣ не произошло ничего необыкновеннаго. Женихъ вынулъ потертый кожаный кошелекъ, кошелекъ рабочаго, запылившійся и почти почернѣвшій отъ употребленія, и заплатилъ самую низкую плату за совершенную церемонію, потомъ поблагодарилъ духовенство и ушелъ, оставивъ ихъ въ холодномъ изумленіи.

Въ покрытой густымъ туманомъ улицѣ, у дверей церкви, стоялъ экипажъ, въ которомъ ждала хорошо одѣтая горничная, вздрагивая отъ сырости.

Прежде чѣмъ молодыя вышли изъ ризницы, леди Сара, появившись изъ скрывавшей ее темноты подъ хорами, сѣла въ экипажъ и уѣхала.

— Этотъ милый мальчикъ, Вальтеръ, позавтракаетъ съ нами,—сказалъ Мортонъ,—и Бигландъ, конечно, тоже. Бауменъ, позвольте представить васъ моей дорогой женѣ.

Завтракъ былъ заказанъ въ итальянскомъ ресторанѣ, лучшемъ и самомъ избранномъ увеселительномъ мѣстѣ Бетналъ-Грина.

Впродолженіи скромнаго пиршества молодой м-ръ Бауменъ и старый м-ръ Бигландъ довольствовались тѣмъ, что съ восторгомъ слушали каждое слово своего учителя и съ молчаливымъ почтеніемъ смотрѣли ему въ глаза, не пробуя даже принять участіе въ разговорѣ. Затѣмъ, простившись со своими гостями, Мортонъ и его жена по конкамъ, въ омнибусѣ и подземной дорогой направились на западъ.

— Куда вы послали мои вещи? Куда мы ѣдемъ?—спрашивала м-ссъ Мортонъ.

Теперь они шли пѣшкомъ черезъ Блумсбери-стритъ; онъ ласково взялъ ее подъ руку, когда они вышли со станціи Гоуеръ-стритъ. Было уже почти темно. Фонари уже зажгли и на углу цвѣточница собирала свои жалкіе цвѣты и укладывала ихъ въ корзину, прежде чѣмъ закинуть ее за плечи и поплестись къ себѣ домой, въ одну изъ трущобъ Друри-Лэна.

Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ жены, Мортонъ остановился и купилъ пучокъ бѣлыхъ хризантемъ.

— Чтобы украсить нашъ брачный чертогъ. Для тебя, — весело сказалъ онъ.—Куда мы ѣдемъ? Домой! Въ квартиру, которую я нанялъ. Это совсѣмъ близко, Софайа-стритъ. Мы съ тобой никогда и во снѣ не видѣли, что будемъ когда-нибудь жить въ такой квартирѣ. У насъ важная гостиная и спальня, въ первомъ этажѣ, съ раздвижными дверями, такими дверями, какъ у Патрингтоновъ. И это наша, наша!

Онъ схватилъ ее за руку и быстрѣе потащилъ за собою.

— Наша! Подумай только. И я буду сидѣть весь вечеръ у камина, у нашего камина, держа въ моихъ рукахъ руку моей голубки, и благодаря Отца моего Небеснаго!

— А завтра?—тихимъ голосомъ спросила она.—Завтра мы уѣдемъ?

— Завтра я опять примусь за мое дѣло, но теперь весь міръ будетъ двигаться подъ музыку, мой трудъ будетъ освѣщенъ свѣтомъ моей любви!

ГЛАВА 8.

Незадолго до Рождества однажды въ сумерки Мортонъ проповѣдывалъ собравшейся вокругъ него толпы на углу одной изъ улицъ Уайтчепеля, подъ уличнымъ фонаремъ. Съ обнаженной головой, держа въ рукахъ библію, онъ стоялъ на импровизированной каѳедрѣ изъ пустыхъ ящиковъ изъ-подъ апельсиновъ, и на призывъ его громкаго, яснаго голоса мало-по-малу собралась

вокругъ него праздная толпа уличныхъ зѣвакъ.

Кругомъ шумѣла обычная въ этихъ мѣстахъ уличная торговля: ручныя тележки зеленщиковъ и распряженные фургоны, нагруженные рыбой, фруктами и овощами, тѣснились одинъ возлѣ другого вдоль панелей; тамъ и здѣсь стояли прилавки, устроенные изъ ящиковъ и корзинъ, съ развѣвающимися парусиновыми навѣсами для предохраненія отъ непогоды ихъ жалкихъ товаровъ: пестрыхъ ситцевъ и американскихъ суконъ, орѣховъ, запасы которыхъ хранились подъ кроватью продавца, пироговъ, печеныхъ въ грязыхъ подвалахъ; между прилавками красовались бочки съ селедками, на мостовой стояли грязныя корзины, владѣльцы которыхъ предлагали канареечную травку и бѣлый песокъ для любителей комнатныхъ птичекъ; или торговали битой посудой, погнутыми жестяными лампами, старыми замками и ключами, стоптанными сапогами, полинявшими шляпами, ручками отъ дверей. Но въ это время дня торговля еще не начиналась: дѣвушки еще не выходили съ фабрикъ, мужчины изъ мастерскихъ, и торговцы, устраивая свои дощатые прилавки и подвѣшивая керосиновыя лампы, или спуская въ уличныя стоки рыбью чешую и всякіе отбросы, довольно дружелюбно поглядывали на проповѣдника. Его краснорѣчіе не только не мѣшало торговлѣ, но привлекало толпу. Два—три торговца даже оставили свой товаръ на подручныхъ и подошли поближе, чтобы лучше слышать. Но сборище у фонаря, главнымъ образомъ, состояло изъ бродягъ, уличныхъ паразитовъ и кабацкихъ завсегдатаевъ, а также поденщиковъ, не нашедшихъ себѣ работы. Среди кучки слушателей и сзади нихъ толкались мальчишки и подростки съ обезьяньими ухватками, дѣти улицы, быстроногія, востроглазыя, готовыя на всякія проказы.

Молчаливо и глухо слушая Мортона, толпа то отливала, то приливала, все увеличиваясь въ объемѣ.

По временамъ его начали прерывать, изъ заднихъ рядовъ раздавались насмѣшливыя восклицанія: «Валяй, валяй! Хорошенько, дяденька!»

Съ ближайшей большой улицы по временамъ доносился гулъ и стукъ экипажей и крики газетчиковъ.

Прилично одѣтый человѣкъ среднихъ лѣтъ стоялъ на краю толпы. Сѣдой, приземистый, въ мягкой фетровой шляпѣ и длинномъ пальто, онъ, повидимому, принадлежалъ къ совершенно иному классу людей, чѣмъ окружавшая его толпа. Слушая проповѣдь, онъ гораздо внимательнѣе присматривался къ толпѣ, чѣмъ къ проповѣднику и вдругъ, когда новая шайка бродягъ, съ дюжину оборванныхъ мальчишекъ и взрослыхъ мужчинъ, увеличила толпу слушателей, онъ повернулся и быстро удалился. Черезъ узкій проходной дворъ и боковой переулокъ онъ въ нѣсколько минутъ дошелъ до полицейскаго поста. Не говоря ни слова двумъ констэблямъ, сидѣвшимъ въ пріемной, онъ прямо прошелъ въ контору. Брошенный въ стеклянную дверь взглядъ показалъ ему, что инспекторъ спокойно грѣетъ спину у камина, и онъ, безъ колебанія и не спрашивая разрѣшенія, быстро толкнулъ дверь и вошелъ въ контору.

— Добрый день,—сказалъ онъ инспектору.—Я Гриффисъ, Р. Дж. Гриффисъ, бывшій чиновникъ сыскной полиціи, бывшій участковый инспекторъ Соутварка. Мнѣ кажется, я знаю васъ. Морганъ? Не такъ ли? Вы были въ Ламбетѣ въ восемьдесятъ восьмомъ году? Конечно.—И онъ и инспекторъ пожали другъ другу руки.

— Я хочу попросить васъ объ одолженіи. Дайте мнѣ двухъ человѣкъ изъ вашего резерва въ статскомъ платьѣ—сейчасъ же.—М-ръ Гриффисъ говорилъ поспѣшно, но съ твердостью.—На углу Фредерикъ-стритъ человѣкъ проповѣдуетъ. Не пройдетъ и десяти минутъ, какъ тамъ будетъ свалка. Я хочу выручить его. Онъ меня заинтересовалъ.

Полицейскій сержантъ, со спискомъ въ рукахъ, диктовалъ что-то другому, который сидѣлъ у стола. Онъ обернулся и доложилъ своему начальнику:

— Не извольте безпокоиться, сэръ. Это тотъ чудакъ, Мессія.

— Какъ? Сумасшедшій Мессія съ Петтикотъ-Лэна? — Инспекторъ фыркнулъ.—О, съ нимъ ничего не случится. Вы знаете, это тотъ, о которомъ прокричали всѣ газеты, который получилъ такую кучу денегъ. Только это вѣрно все вранье. Въ послѣдніе дни онъ снова принялся за свои старые штуки и не похоже, что...

— Не все ли вамъ равно,—сказалъ м-ръ Гриффисъ.—Я прошу васъ объ личномъ одолженіи. Дайте мнѣ двухъ изъ вашихъ людей.

— Увѣряя васъ,—съ нѣкоторой обидой повторилъ инспекторъ,—что онъ въ безопасности. Онъ знаетъ свою публику. Съ нимъ ничего не случится и никто его не тронетъ.

— Нѣтъ, очень могутъ тронуть.

— Да право же, онъ путается здѣсь уже лѣтъ шесть и даже больше. Сначала мы арестовывали его раза два. Но намъ приказано было оставить его въ покоѣ, и съ тѣхъ поръ намъ съ нимъ никакихъ хлопотъ не было.

— Вѣрно, но въ личное для меня одолженіе...

— О, въ личное одолженіе—извольте.—Инспекторъ позвалъ одного изъ констэблей.—Я сейчасъ пошлю человѣка...

— Нѣтъ, я не этого хочу. Мнѣ не нуженъ полицейскій въ мундирѣ. Я не хочу скандала. Я хочу потихоньку увести его...

— Да никакого скандала не будетъ. Право, его очень любятъ. Онъ ходитъ себѣ среди этихъ бродягъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Прозвали его сумасшедшимъ Мессіей и носятся съ нимъ по своему. Однако, никто, даже самые безшабашные изъ нихъ, никогда его не тронули.

— Да, да, но теперь другое дѣло. Они думаютъ, что у него есть деньги. Я знаю, о чемъ говорю. Не отказывайте мнѣ, Морганъ. Достаньте мнѣ экипажъ, карету со стоянки въ Хай-стритъ. Пусть двое изъ вашихъ запасныхъ ждутъ меня съ экипажемъ на углу Фредерикъ-стрита, и, когда начнется свалка, я приведу туда проповѣдника. Если мнѣ не удастся высвободитъ его—я свисну, и тогда пусть они идутъ ко мнѣ на выручку. Если я не свисну—пусть стоятъ у дверецъ кареты. Поняли, ребята? Спасибо товарищъ, вы очень обязали меня.

М-ръ Гриффисъ пожалъ руку инспектору и поспѣшно удалился.

Толпа на углу еще увеличилась, но теперь она вела себя еще хуже. Слушатели тѣснымъ кольцомъ окружали проповѣдника у фонарнаго столба. Не безъ усилія и вызывая громкіе протесты, м-ръ Гриффисъ протолкался поближе къ проповѣднику и тогда оглянулся кругомъ. Молодые хулиганы, разносчики-мальчишки лѣтъ восемнадцати-двадцати, какіе-то оборванцы, нѣсколько малорослыхъ, узкогрудыхъ евреевъ-тряпичниковъ составляли теперь аудиторію. Всѣ болѣе солидные торговцы вернулись къ своимъ товарамъ, такъ какъ теперь трудно было что-нибудь услышать, и они избѣгали давки. Проповѣдника больше не слушали, мяуканье, свистки, грубыя шутки хоромъ заглушали его могучій голосъ.

— Мессія, Мессія! Брось намъ соверенъ! Хоть копеечку—двѣ! Не скупись! Мессія, эй, послушай, дай на выпивку. Христа ради грошикъ!

Какой-то парень кривлялся передъ самымъ лицомъ проповѣдника:

— Эй, Мессія, а ну-ка попробуй дать мнѣ въ рожу.

Въ адскомъ шумѣ его могучій голосъ совершенно пропадалъ, порою вырывались лишь отдѣльные слова:

— Путеводная звѣзда... идемъ за нею... истинно говорю вамъ... Господь услышитъ васъ... Онъ здѣсь... вѣруйте...

Въ толпѣ какой-то парень задѣлъ дѣвушку.

— Проваливай, ахъ, ты!..—и непечатныя ругательства полились грязными потоками.

За дѣвушку вступился ея любезный. Гриффисъ видѣлъ, какъ дѣвушка расталкивала толпу, расчищая мѣсто для драки, удары посыпались на лицо мальчишки, а негодующіе зрители, на которыхъ онъ свалился, толчками заставили его подняться. Онъ въ мигъ очутился снова на ногахъ, вытирая гряз-

ной рукой кровь съ лица, фыркая носомъ, но совершенно спокойно оглядываясь, куда скрылся его врагъ.

Все еще стараясь уловить раздававшіяся надъ его головой отрывочныя слова, м-ръ Гриффисъ не спускалъ съ толпы своихъ проницательныхъ глазъ. По звѣриному невѣжественные въ священныхъ словахъ, произносимыхъ проповѣдникомъ, они осыпали его насмѣшками и издѣвались надъ нимъ, однако, общее настроеніе было довольно дружелюбное. Только кое-гдѣ мелькали опасныя лица, отъ которыхъ каждую минуту можно было ожидать бѣды, да, можетъ быть, съ дюжину карманниковъ нетерпѣливо ожидали свалки, чтобы воспользоваться ею для своихъ цѣлей.

Среди толпы м-ръ Гриффисъ замѣтилъ одного рабочаго, кровельщика или стекольщика, рѣзко отличавшагося отъ окружающихъ его и, очевидно, стоявшаго выше ихъ въ смыслѣ развитія и образованія.

Маленькій, со сварливымъ, угрюмымъ лицомъ привычнаго пьяницы, онъ очень хорошо понималъ смыслъ слушаемыхъ имъ словъ. Онъ натравливалъ двухъ—трехъ евреевъ, бѣдныхъ тряпичниковъ или мелкихъ торгашей, случайно очутившихся подлѣ него.

— Почему вы не кричите: «Осанна царю израилеву»?

Но они не обращали на него вниманія и молча увертывались, когда онъ толкалъ ихъ локтемъ въ грудь.

— Начинайте же! Привѣтствуйте его, паршивые жиды, толкомъ вамъ говорю! Провозглашайте его своимъ царемъ.

Но они не обнаруживали никакого увлеченія, отказывались впутываться, очевидно, не понимая, чего онъ хочетъ, и убрались отъ него подальше.

Тогда, въ порывѣ внезапнаго пьянаго задора, маленькій человѣкъ набросился на проповѣдника.

— Вотъ такъ царь израилевъ! Бейте его въ мою голову, заткните ему глотку!

Въ ту же минуту въ проповѣдника полетѣли капустныя кочерыжки, щепки, комки грязи.

Мортонъ стоялъ, широко разведя руки и въ нѣмомъ изумленіи, сверху внизъ смотрѣлъ на толпу. Толпа заколебалась, изъ-подъ его ногъ выбили ящикъ, онъ уронилъ библію и долженъ былъ соскочить внизъ, чтобы его не сбили съ ногъ. Это была внезапная атака сзади, откуда на толпу бросились уличные мальчишки, съ которыми, какъ извѣстно изъ полицейскихъ отчетовъ, даже взрослые люди не всегда могутъ справиться.

Гриффисъ поднялъ библію, подалъ Мортону его шляпу и взялъ его подъ руку.

— Я полицейскій, сэръ... скорѣе... я васъ провожу до экипажа... назадъ, эй вы!—крикнулъ онъ въ толпу, наступая на чужія ноги и плечами пробивая себѣ дорогу.

— Полицейскій? Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я вѣдь среди друзей.

И Мортонъ громко закричалъ:

— Вѣдь вы всѣ, всѣ мои друзья?

Но кто-то схватилъ его за шиворотъ. Онъ чувствовалъ, какъ его обыскивали чьи-то руки, видѣлъ, какъ вылетѣли изъ его кармана его дешевенькіе часы, какъ разлетѣлась вдребезги стальная цѣпочка; его теребили взадъ и впередъ, и онъ пересталъ протестовать.

Съ трудомъ удалось Гриффиссу вырвать его изъ толпы, довести, или, вѣрнѣе, дотащить до угла улицы и впихнуть въ ожидавшую карету. Стоявшіе у дверецъ двое людей бросились къ головѣ лошади, стремительнымъ натискомъ раздвинули толпу и отскочили; въ одну минуту карета исчезла изъ виду.

Когда они завернули за уголъ Коммерческой улицы, Мортонъ снова снялъ шляпу, провелъ рукой по волосамъ и, взглянувъ въ зеркальце на свой разорванный воротъ, ощупалъ и убѣдился, что спрятанная на груди цѣпочка съ крестомъ цѣла. Лицо его горѣло и губы дрожали, когда онъ обратился къ своему спутнику.

— Мой собственный народъ! Я не могу ничего понять! Мнѣ очень жаль, что вы присутствовали при этомъ. Не судите ихъ слишкомъ строго. Я найду имъ оправданіе. Все такъ ново, такъ странно... Куда вы меня везете?

— Куда вамъ угодно, сэръ. Я велѣлъ кучеру ѣхать на западъ.

Мортонъ со смутнымъ удивленіемъ глядѣлъ на него.

— Кто послалъ васъ? Вы полицейскій? Откуда? По чьему вы порученію?

М-ръ Гриффисъ очень скромно и застѣнчиво объяснилъ свое присутствіе. Онъ уже больше не полицейскій, но воспользовался этимъ именемъ, чтобы сразу показать толпѣ, что онъ находится подъ защитой закона. Онъ служилъ прежде сыщикомъ, но выйдя въ отставку, конечно, лишился права называть себя принадлежащимъ къ полиціи. Въ настоящее время онъ былъ такъ называемымъ частнымъ агентомъ; этимъ именемъ прикрывается большое количество людей, среди которыхъ, къ несчастью, встрѣчается не мало сомнительныхъ личностей. Онъ былъ именно тотъ самый сыщикъ, которому гг. Норманъ и Джорджъ поручили узнать адресъ м-ра Мортона.

— Я исполнилъ возложенное на меня порученіе, — съ улыбкой добавилъ м-ръ Гриффисъ, — и сообщилъ необходимыя свѣдѣнія черезъ два часа и двадцать три минуты послѣ того, какъ получилъ инструкціи.

Съ тѣхъ поръ, по словамъ м-ра Гриффиса, онъ съ возрастающимъ интересомъ читалъ все, что писалось въ газетахъ о джентльменѣ, славѣ котораго и онъ содѣйствовалъ по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ. Онъ беретъ на себя смѣлость замѣтить, что м-ръ Мортонъ теперь всемірная знаменитость. Онъ смущенно закашлялъ.

— Я не особенно занятой человѣкъ, сэръ, и вотъ, читая про васъ и думая о васъ, я взялъ на себя смѣлость, въ чемъ долженъ сознаться вамъ теперь, въ послѣднее время раза два послѣдовать за вами. Если я не ошибаюсь, за послѣднюю недѣлю вы три раза говорили публично: на Кэбль-стритѣ, у Кэмбриджскаго театра «Варьете» и сегодня... Да! Я всѣ три раза присутствовалъ, сэръ, и слушалъ. Внимательно слушалъ. Вы извините мнѣ мою смѣлость, сэръ!

— Извинить? За то, что вы слушали? Для чего же я говорю, какъ не для того, чтобы меня слушали? Но они не хотятъ меня слушать. Мой собственный народъ!

— Сегодня среди нихъ были и посторонніе элементы, сэръ. Судя по тому, что я видѣлъ сегодня, я не назвалъ бы ихъ вашимъ собственнымъ народомъ! Это все были чужіе, подозрительная шайка, только у нихъ и разговору, что о деньгахъ, сэръ. Это не ваши прежніе слушатели.

— Вы правы, — горячо подтвердилъ Мортонъ.—Чужіе. Все чужіе. Они еще глухи.

— На основаніи моихъ наблюденій, сэръ, я взялъ на себя смѣлость позаботиться объ экипажѣ. Это была съ моей стороны большая смѣлость, я понималъ это. Но вы, надѣюсь, не сердитесь на меня, сэръ.

— Дорогой мой, я очень вамъ благодаренъ, — и Мортонъ крѣпко пожалъ ему руку. Затѣмъ онъ открылъ окно и сказалъ:—Остановитесь у станціи подземной дороги... Вы поступили очень предусмотрительно. Я вамъ глубоко благодаренъ. Но я долженъ вернуться домой, жена ждетъ, я обѣщалъ ей. Поѣдемте со мною, мнѣ хочется поговорить съ вами. Вы напьетесь съ нами чаю, моя жена уже ждетъ.

— Я глубоко тронутъ вашимъ приглашеніемъ, это такая честь, сэръ. Но я боюсь быть навязчивымъ...

— Ѣдемъ, — сказалъ Мортонъ, — я хочу поговорить съ вами.

На вокзалѣ подземной дороги Мортонъ взялъ два билета третьяго класса до Говеръ-стрита, и въ ожиданіи онъ подхватилъ своего новаго знакомаго подъ руку и сталъ прохаживаться съ нимъ по платформѣ.

— Я все думаю, Гриффисъ. Да, Гриффисъ, я все думаю. Вы видите, я не забылъ вашего имени. Вы его мнѣ не говорили, но я слыхалъ его тогда. Да,—продолжалъ онъ, бросивъ быстрый взглядъ на внимательное лицо бывшаго сыщика,—мнѣ нравятся ваши честные глаза. Да. Была однажды одна очень несчастная женщина, въ Ливерпулѣ, женщина, которую я долженъ найти...

Нашъ поѣздъ? Да. Идемте сюда. Я видѣлъ тамъ пустой вагонъ. Мы займемъ цѣлое отдѣленіе. Вы не курите?

Эта женщина, разсказывалъ онъ Гриффису уже въ поѣздѣ, была подругой его двоюроднаго брата, а потомъ она исчезла. Для его спокойствія было необходимо разыскать ее. — Это долгъ, Гриффисъ, который я долженъ уплатить за покойника.—Мысль, что она въ нищетѣ, казалась ему ужасной. Но до сихъ поръ, хотя уже прошло не мало времени, она не отозвалась на его публикаціи, на его призывъ явиться въ Эссексъ-стритъ для полученія счастливаго для нея извѣстія.

— Объявленія страшно дороги, Гриффисъ. Много денегъ истрачено, а отозвались только разные мазурики и самозванки.

— Она не подаетъ признаковъ жизни, сэръ? Это странно.

— Да. И я былъ неправъ, согласившись на отсрочку. Я былъ занятъ другимъ дѣломъ, я былъ неправъ, нужно было дѣйствовать сразу. Теперь я подумалъ, что вы...

Въ эту минуту поѣздъ остановился на станціи, и въ вагонъ ввалилась цѣлая толпа каменьщиковъ. Грязные, запыленные, съ запачканными мокрой глиной сапогами, одинъ со сломанной лопаткой, другой съ пораненнымъ пальцемъ, они заполнили все отдѣленіе, и двоимъ еще пришлось стоять.

— Досадный перерывъ конфиденціальнаго разговора, — подумалъ Гриффисъ, глядя на этихъ неожиданныхъ, шумныхъ, грязныхъ пассажировъ.

Но онъ замѣтилъ, что Мортонъ встрѣтилъ ихъ ласковой и привѣтливой улыбкой, на которую одинъ изъ рабочихъ отвѣчалъ дружескимъ кивкомъ головы.

— Что, кусокъ стекла попалъ въ кирпичъ?

Человѣкъ съ порѣзанной рукой сидѣлъ какъ какъ разъ противъ Мортона, и тотъ указалъ на окровавленный платокъ, которымъ была обмотана его лѣвая рука.

— Черепокъ какой то. Я и не посмотрѣлъ даже, пустяки. Вотъ вернусь домой, такъ перевяжу.

И черезъ минуту скромный труженикъ и человѣкъ, который, если бы хотѣлъ, могъ командовать цѣлыми арміями рабочихъ, дружелюбно въ полъ-голоса бесѣдовали, какъ старые товарищи.

И раненый, и его товарищи работали на ремонтѣ желѣзной дороги, исправляли кирпичную облицовку подземнаго тунеля. Они работали на компанію, а не на подрядчика, значитъ приходилось частенько работать цѣлыми часами дольше «постановленія».

Онъ не ручается за другихъ, но онъ самъ едва ли выдержитъ дольше десяти дней, уйдетъ, а его отдѣленіе союза будетъ косо смотрѣть на него за то, что онъ работалъ на «частную фирму» да еще по пятьдесятъ четыре часа въ недѣлю. Жилъ онъ на Ноттингъ-Хилли, и сейчасъ же принялся описывать свой домъ и свою семью.

М-ръ Гриффисъ, занятый собственными мыслями, на время переставалъ слушать. Когда онъ снова сталъ прислушиваться къ разговору, рабочій разсказывалъ о несчастіи, случившемся съ однимъ изъ его дѣтей.

— Вотъ видите, наша квартира во второмъ этажѣ. Дворъ у насъ порядочный; во дворѣ ребята нижнихъ жильцовъ играли, а нашъ малышъ глядѣлъ на нихъ изъ окна. Какъ разъ подъ нашими окна конторы и подъѣздъ съ навѣсомъ. Малышъ перевѣсился съ окна, на ребятъ заглядѣлся, да и кувырнулся, ударился объ навѣсъ надъ подъѣздомъ, а оттуда на землю свалился. Ребятишки перепугались, разбѣжались, и никому ни слова. Бѣдный малышъ, пожалуй, нѣсколько часовъ на дворѣ пролежалъ безъ чувствъ. Никто и не зналъ, что съ нимъ случилось; мать, когда вернулась, подобрала его, снесла наверхъ и въ постель уложила. Съ тѣхъ поръ онъ и не встаетъ. Хребетъ себѣ повредилъ.

Каменьщикъ отвернулся и смотрѣлъ въ окошко, точно считалъ камни, которыми выложены стѣны тунеля.

— Бѣдный малышъ! — продолжалъ онъ, не поворачивая головы.—Что-жъ дѣлать, не въ одномъ нашемъ домѣ лежитъ убогонькій; пожалуй, какъ по-

смотришь, такъ не найдешь семьи, гдѣ бы его не было.

Мортонъ положилъ руку на колѣно каменьщика.

— Дайте мнѣ вашъ адресъ. Я знаю одно мѣсто, гдѣ производятся большія постройки и нужны рабочія руки. Я напишу вамъ къ тому времени, какъ вы покончите свое дѣло на желѣзной дорогѣ. Вотъ напишите на этомъ конвертѣ. Я выйду на Говеръ-стритъ.

— Добрый вечеръ, сэръ, — сказалъ рабочій, когда Мортонъ протянулъ ему руку.—Покорно благодарю васъ, сэръ, за ваши хлопоты.

Онъ въ первый разъ назвалъ Мортона «сэръ» и господствовавшее въ ихъ разговорѣ равенство сразу исчезло.

М-ссъ Мортонъ сидѣла у окна своей гостиной и смотрѣла на освѣщенную улицу, погруженная въ свои думы или мечтая о томъ, кто могутъ быть всѣ эти мужчины и женщины, такъ озабоченно снующіе по улицѣ. Она медленно поднялась навстрѣчу своему мужу и его спутнику, не высказала удивленія при видѣ незнакомаго ей лица и тотчасъ принялась за свои обязанности жены и хозяйки. Пальто и шляпы были сложены на стулъ, зажгли второй газовый рожокъ, горничная разостлала скатерть на одномъ изъ концовъ обѣденнаго стола, принесла подносъ съ чайнымъ приборомъ и вынула изъ шкафа сахаръ и полъ-кэка. Скоро хозяева и гость сидѣли за мирной трапезой.

— Какъ ты думаешь, кто такой м-ръ Гриффисъ?—весело спросилъ Мортонъ.—Знаменитый сыщикъ.

— Сыщикъ? Какъ это интересно,— сказала м-ссъ Мортонъ, отрѣзая кусокъ кэка и съ улыбкой предлагая интересному гостю.

— Онъ отыскалъ меня въ два часа и двадцать три минуты. Вѣдь это все равно, что отыскать епископа кентерберійскаго, а, Гриффисъ?—Онъ засмѣялся, весело потирая руки.—А теперь,—снова серьезно продолжалъ онъ—,онъ поможетъ мнѣ отыскать эту несчастную женщину.

— Да?—м-ссъ Мортонъ посмотрѣла на своего задумчиваго и молчаливаго гостя, который крошилъ свой кэкъ на краю дешевой тарелки съ отбитыми краями.

— Мы не должны больше откладывать,—говорилъ Мортонъ.—Я былъ неправъ, пропуская столько времени. Мы должны приняться за дѣло, Гриффисъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, сэръ.

М-ръ Гриффисъ былъ очень задумчивъ. Онъ молча поклонился м-ссъ Мортонъ, когда она снова наполнила его чашку. Онъ кланялся въ отвѣтъ на каждую маленькую услугу со стороны внимательной хозяйки, но казался разсѣяннымъ, озабоченнымъ или слишкомъ удрученнымъ неожиданною честью. Не подавая и виду, онъ осмотрѣлъ и мысленно оцѣнилъ окружающую его обстановку и все больше и больше удивлялся. Ничего цѣннаго и дорогого, что бы давало хотя намекъ на богатство обитателей этой бѣдной квартирки. Удивительно! И это былъ тотъ самый человѣкъ, о которомъ писали въ газетахъ, что все великолѣпіе Уильтширъ-Гауза слишкомъ незначительно для него.

— Можетъ быть, ты задаешь м-ру Гриффису невозможную задачу?

Хозяйка смотрѣла на Гриффиса съ любезно вопросительнымъ выраженіемъ въ прекрасныхъ темныхъ глазахъ и онъ, казалось, съ усиліемъ встряхнулся и заставилъ себя отвѣтить.

— Я не думаю, чтобы это было такъ трудно, сударыня. Вѣроятно, я скоро найду ее.

— Но вѣдь возможно,—я часто говорила это мужу,—что она умерла.

— Тогда я найду ея могилу.

Онъ говорилъ разсѣянно, съ колебаніемъ, но послѣ нѣсколькихъ вопросовъ со стороны Мортона, онъ казалось сдѣлалъ новое, и на этотъ разъ болѣе успѣшное, усиліе спуститься съ облаковъ на землю и заняться дѣлами.

— Видите ли, сэръ, вотъ что я вывожу изъ вашихъ словъ—теперь онъ говорилъ бодро, тономъ человѣка, знающаго свое дѣло и чувствующаго подъ ногами твердую почву.—Никогда не надо угадывать! Это нашъ пароль. Надо доискиваться. Но необходимо все принимать къ свѣдѣнію. Ну-съ! Такъ вы

не получили отвѣта на ваши объявленія? А вы публиковали въ американскихъ газетахъ? Вѣдь она пріѣхала изъ Америки и, вѣроятно, вернулась туда же. Навѣрное присвоила себѣ кое-какія драгоцѣнности — кольца, булавки, что подвернулось подъ руку, заложила ихъ или продала, взяла себѣ билетъ, да и уѣхала. Въ Ливерпулѣ у насъ есть докторъ, адвокатъ. Насколько я помню, вы упоминали объ адвокатѣ? Потомъ сидѣлка, прислуга, закладчики, служащіе на пароходѣ, самый пароходъ, каюта, которую она занимала или раздѣляла съ другими пассажирами, горничная, которая ей служила.—М-ръ Гриффисъ пожалъ плечами.—Понадобится не мало времени, больше двухъ съ половиной часовъ, сэръ, можетъ быть, мѣсяцы. Но подобные поиски очень часто приводятъ къ желаемымъ результатамъ.

Поздно вечеромъ, когда м-ръ и м-ссъ Мортонъ сидѣли у камина, служанка подала имъ письмо, которое только что принесли. На конвертѣ слова «весьма секретное» были дважды подчеркнуты. Адресъ отправителя былъ: Кедровая вилла, № 78 Фашкетоу-Родъ, Ламбетъ. Прежде чѣмъ читать письмо, Мортонъ взглянулъ на подпись и прочелъ: Р. Дж. Гриффисъ.

«Сэръ,—писалъ м-ръ Гриффисъ,—я прошу у васъ большой милости и постараюсь быть по возможности краткимъ. Я двадцать девять лѣтъ прослужилъ въ полиціи, и за все это время не получилъ ни одного замѣчанія. Я былъ три года и четыре мѣсяца окружнымъ инспекторомъ въ Соутваркѣ, отъ 1887 до 1890 г., затѣмъ служилъ въ уголовномъ сыскномъ отдѣлѣ Нью-Скоттландъ-Ярда, пока не вышелъ въ отставку два года тому назадъ. Мнѣ пятьдесятъ одинъ годъ, я вдовецъ, принадлежу къ государственной церкви Англіи, никогда не упускалъ случая усовершенствоваться и пополнить свое образованіе. Позвольте мнѣ быть вашимъ помощникомъ и сотрудникомъ. Мнѣ кажется, что я во многихъ отношеніяхъ могъ бы быть полезенъ вамъ, какъ посредникъ при собираніи необходимыхъ справокъ и какъ вашъ тѣлохранитель отъ обманщиковъ и людей, недостойныхъ вашихъ милостей. Вы можете справиться обо мнѣ въ полицейскомъ управленіи, и я увѣренъ, что такому лицу, какъ вы, лично, а не письменно сообщатъ все, что васъ можетъ интересовать.

«Моя покойная жена стояла выше меня по рожденію и воспитанію, у нея было много вліятельныхъ друзей, и благодаря ихъ любезному содѣйствію меня, въ видѣ особой милости и послѣ тяжелой болѣзни, пріобрѣтенной при исполненіи служебныхъ обязанностей, перевели въ уголовное сыскное отдѣленіе. Сообщаю даже, что моя покойная жена обладала частными средствами, и благодаря ея великодушію, а также моей пенсіи, я болѣе чѣмъ обезпеченный человѣкъ.

«Но я совершенно одинокъ на свѣтѣ, и если наведенныя вами справки удовлетворяютъ васъ, сэръ, и вы сдѣлаете честь принять мои услуги, то вы дадите мнѣ дѣятельность и пріобрѣтете человѣка, вполнѣ сердечно преданнаго вамъ.

«По вышеупомянутымъ причинамъ я положительно отказываюсь отъ всякаго вознагражденія за мои услуги, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вы поручите мнѣ какое-нибудь дѣло, требующее крупныхъ издержекъ. Я не нуждаюсь въ заработкѣ и прошу у васъ, какъ милости; но я просилъ бы васъ, чтобы это осталось между нами. Пусть всѣ думаютъ, что вы мнѣ платите, мнѣ тогда гораздо легче будетъ поддерживать дружескія отношенія съ тѣми изъ вашихъ наемныхъ служащихъ, съ которыми мнѣ придется сталкиваться.

«Извините мнѣ мою смѣлость, но я желалъ бы выразить вамъ, сэръ, какъ тронули меня слова вашей проповѣди, слышанной мною уже дважды прежде, и въ особенности, какъ глубоко тронуло меня сегодня ваше сердечное отношеніе ко мнѣ и къ другимъ людямъ. Я никогда не былъ невѣрующимъ человѣкомъ, хотя и рѣдко бываю въ церкви, а теперь, услыхавъ васъ, сэръ, я осмѣлюсь положительно утверждать, что

*

я твердо вѣрю въ истину вашего благовѣстія.

Вашъ покорнѣйшій слуга
«Р. Дж. Гриффисъ».

Мортонъ потрясъ письмомъ надъ своей головой и вскочилъ на ноги.

— Что съ тобой?—и м-ссъ Мортонъ подняла глаза отъ книги.

Его глаза были влажны, но свѣтились торжествомъ и счастьемъ. Темный румянецъ пятнами выступилъ на смуглыхъ щекахъ.

— Новый послѣдователь пришелъ ко мнѣ. Послѣдователь въ ту минуту, когда я сомнѣвался, когда я чувствовалъ, что почва уходитъ изъ подъ моихъ ногъ. Гриффисъ, этотъ дорогой другъ, услышалъ призывъ и идетъ за мною!

ГЛАВА 9.

Такимъ образомъ м-ръ Гриффисъ, бывшій агентъ лондонской полиціи, получилъ мѣсто, котораго добивалось столько свѣтскихъ молодыхъ людей.

— Только, пожалуйста, безъ всякихъ таинственностей, Гриффисъ. Когда я выхожу, я не желаю имѣть за собою другой тѣни, кромѣ своей собственной. Не бойтесь показываться мнѣ на глаза, сколько вамъ угодно, мнѣ пріятно видѣть во время моей проповѣди ваше внимательное лицо. Но у меня слова не пойдутъ съ языка, если я буду знать, что ваши глаза невидимо слѣдятъ за мною. Не угнетайте меня, я долженъ быть свободенъ. Я не хочу тѣлохранителей.

Съ ранняго утра милліонеръ уходилъ на проповѣдь и возвращался только тогда, когда зимнія сумерки спускались на землю. И весь долгій день жену милліонера, сидѣвшую за книгой или праздно погруженную въ мечты, осаждали посѣтители: конторщики съ Эссексъ-Стрита съ запечатанными пакетами, чертежники отъ м-ра Карпентера съ новыми планами, писцы отъ земельныхъ агентовъ, типографщики съ пачками корректуры и печатными бланками. Но эти посѣтители приходили къ м-ру Мортону и, не заставъ его, оставляли свои пакеты и удалялись. Но кромѣ нихъ были и другіе, которые не желали уходить, которые, не заставъ Мортона, умоляли, чтобы имъ дали поговорить хоть нѣсколько минутъ съ его женой. Они прослѣдили его въ его убѣжищѣ, журналисты, духовенство изъ центральныхъ приходовъ западнаго Лондона, діаконы и діакониссы, миссіонеры, приходскія сидѣлки, члены арміи спасенія, члены арміи церкви, фотографы, декламаторы, рабочіе люди и праздные лѣнтяи, нищіе, различные агенты, любопытные мальчишки и просто бродяги съ улицы. Домъ ихъ уже успѣлъ прославиться во всемъ кварталѣ, и если бы не спеціально появившійся на ближайшемъ углу полицейскій, то прислугѣ не удавалось бы справиться съ толпою, осаждавшею его двери.

— Я ничего не могу для васъ сдѣлать,—говорила жена милліонера холоднымъ, сухимъ тономъ тѣмъ изъ дамъ посѣтительницъ, посѣтительницъ по профессіи,—которыя привыкли проникать сквозь какія угодно запертыя двери и которыхъ не могъ удержать никакой полицейскій. — Если вамъ нужно, напишите моему мужу.

До сихъ поръ еще у м-ссъ Мортонъ не было друзей, которые помогли бы ей скоротать долгіе, скучные часы одиночества. Она почти не выходила изъ дому, и рѣдкія прогулки ея ограничивались путешествіемъ въ ближайшую библіотеку за новымъ запасомъ романовъ или къ перчаточнику на Нью-Оксфордъ - Стритъ за парой черныхъ шведскихъ перчатокъ.

Мортонъ, возвращаясь домой, освѣженный рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ, съ пылающимъ лицомъ, укорялъ ее за ея домосѣдство и, держа ее за плечи, съ озабоченной нѣжностью заглядывалъ ей въ лицо.

— Наша жизнь слишкомъ одинока для тебя, но подожди еще немножко, голубка. Нашъ новый домъ будетъ скоро готовъ.

М-ссъ Мортонъ улыбалась ему въ отвѣтъ и снова усаживалась въ кресло у камина съ книгой въ рукахъ.

— Что, леди Сара не заѣзжала сегодня? Да, леди Сара. Она должна брать тебя съ собою, я попрошу ее.

Но м-ссъ Мортонъ не согласилась на это предложеніе. Леди Сара не любитъ ее, она увѣрена въ этомъ. Леди Сара пріѣзжаетъ только къ нему, по дѣлу. Леди Сара всегда даетъ ей почувствовать, что она стоитъ поперекъ ея дороги. Она не желаетъ, чтобы ей насильно покровительствовала леди Сара.

Мортонъ, стоявшій у камина, наклонился и взялъ ее за руку.

— Ну, такъ иди со мною. Какъ я буду счастливъ видѣть тебя рядомъ со мною во время моей проповѣди! Вѣдь ты обѣщала помогать мнѣ. Дорогая моя, иди за мною!

Да, м-ссъ Мортонъ согласна идти за нимъ, но не за леди Сарой.

Во время одной изъ подобныхъ экспедицій онъ купилъ ей подарокъ—новое пальто. Былъ ясный, холодный день въ концѣ января, и когда они шли вдоль сѣверной стороны Беджорсъ-сквера пронизывающій, холодный вѣтеръ такъ и рѣзалъ ей лицо. Мортонъ указалъ женѣ на одинъ изъ домовъ, на дверяхъ котораго висѣла доска съ надписью, что домъ продается.

— Посмотри: они еще не успѣли снять доску, но это *нашъ* домъ. Все уже подписано и припечатано! Теперь, если бы они и захотѣли, то уже не могутъ вернуться назадъ. Для тебя мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы сейчасъ же могли въ него въѣхать. Тамъ не нужно дѣлать никакого ремонта, все въ чудесномъ видѣ.

И, когда они пошли дальше, онъ началъ описывать ей всѣ красоты ихъ новаго дома. Въ его глазахъ это былъ благородный старый домъ: помѣстительный, солидный, почти вдвое больше сосѣднихъ домовъ, съ большими комнатами и широкими корридорами, съ массивными дверями и крѣпкими оконными рамами, съ объемистыми стѣнными шкафами во всѣхъ спальняхъ; домъ, построенный до увлеченія дутыми кирпичами и американской мебелью, домъ, предназначавшійся «для какого-нибудь большого барина вродѣ Патрингтона».

— Ты только подумай! У моей милой женушки будетъ собственный домъ, которымъ она можетъ гордиться!

М-ссъ Мортонъ дрожала въ своей коротенькой драповой кофточкѣ.

— Тебѣ холодно? Ты слишкомъ легко одѣта.—Онъ остановился и повернулся къ ней.—Надо купить моей голубкѣ новое теплое пальто. Я видѣлъ такое недалеко отсюда, въ окнѣ магазина. Я торопился, а если бы у меня было время, я бы сюрпризомъ принесъ его домой. Чудная, теплая одежда, достойная моей королевы!

Онъ взглянулъ на часы и быстро повелъ ее по направленію Гампстедъ-Рода.

Въ окнѣ громаднаго дешеваго базара онъ указалъ ей «королевскую одежду» и, подхвативъ ее подъ руку, потащилъ въ магазинъ.

— Пожалуйте наверхъ, сэръ, въ отдѣленіе верхнихъ вещей, — сказалъ швейцаръ.

— Нѣтъ,—рѣшительно заявилъ Мортонъ,—я хочу то пальто, которое выставлено въ окнѣ.

— Наверху много совершенно такихъ же, сэръ, и вамъ тамъ легче будетъ выбрать по фигурѣ барыни.

Все держась подъ руку, они прошли черезъ весь магазинъ и поднялись по широкой лѣстницѣ мимо дешевыхъ игрушекъ, блестящей, липкой отъ лаку мебели, олеографій въ золотыхъ рамахъ; мимо прилавковъ, заваленныхъ грубымъ бѣльемъ, какое носятъ служанки; черезъ цѣлыя аллеи фланелевыхъ капотовъ, веселенькихъ блузокъ, галстуховъ и бумажныхъ воротниковъ къ далекому отдѣленію верхнихъ вещей. Со стекляннаго купола надъ ихъ головой спускались флаги всѣхъ національностей, байковыя одѣяла, полотнища ситцу и оконныя занавѣски. Кругомъ нихъ двигалась и шумѣла толпа покупателей, толкаясь, щупая и прицѣниваясь къ выставленнымъ вещамъ, то останавливаясь кучками и погружаясь въ таинственные

переговоры шопотомъ, то снова устремляясь къ прилавкамъ. Въ толпѣ преобладали женщины самыхъ низшихъ классовъ, но весьма почтенныя на видъ: сердитыя хозяйки въ забрызганныхъ грязью непромокаемыхъ пальто, съ не особенно чистымъ мѣшкомъ или корзиной въ одной рукѣ, таща другой рукой не особенно чистаго ребенка.

— Это пальто удивительно идетъ барынѣ,—говорилъ суетливый приказчикъ-еврей, завѣдующій отдѣленіемъ верхнихъ вещей. И, когда м-ссъ Мортонъ стала разсматривать свое отраженіе въ большомъ тускломъ зеркалѣ, онъ съ паѳосомъ прибавилъ:—Вы ничего подобнаго не найдете по эту сторону Риджентъ-стрита.

Но и по ту сторону Риджентъ-стрита, конечно, нельзя было найти ничего подобнаго. Это было длинное драповое пальто съ пелериной цвѣта сухой горчицы, на подкладкѣ изъ дешевой фланели того же цвѣта. Воротникъ былъ изъ пунсоваго сукна, и крылья пелерины были подбиты узкими полосками пунсоваго бумажнаго атласа. Большія пуговицы въ видѣ темныхъ жемчужинъ и пунсовыя выпушки на карманахъ и общлагахъ дополняли великолѣпіе. Когда м-ссъ Мортонъ поворачивалась передъ зеркаломъ, проклеенный холстъ, проложенный на груди и въ воротникѣ, очень замѣтно трещалъ. Это было типичное произведеніе сметливыхъ еврейскихъ мозговъ, умѣющихъ на лету подмѣтить вкусы толпы, и быстрыхъ истъ-эндскихъ рабочихъ рукъ въ тѣсныхъ мастерскихъ, также на лету осуществляющихъ данную имъ идею; никуда негодная дешевка, находящая въ теченіе зимы колоссальный сбытъ и черезъ недѣлю не имѣющая уже никакого вида.

Тѣмъ не менѣе въ глазахъ м-ра Мортона это была необыкновенно модная вещь и, когда онъ своими руками застегивалъ большія жемчужныя пуговицы, глаза его любовно смотрѣли на пальто, и онъ не могъ удержаться, чтобы не обнять жену и не расцѣловать ее на глазахъ всѣхъ приказчиковъ.

— Да, сударыня, вашъ супругъ заслуживаетъ поцѣлуя,—любезно замѣтилъ еврей-приказчикъ.

Но тутъ возникло легкое затрудненіе. Ощупавъ свой старый кожаный кошелекъ, нашъ милліонеръ убѣдился, что не въ состояніи уплатить страшнаго счета. Въ магазинѣ хорошо знали его фамилію, даже очень хорошо знали, но фамилія—только фамилія и больше ничего, и надо было доказать, что она дѣйствительно ему принадлежитъ. Магазинъ готовъ послать вещь по адресу барыни, но они не могутъ дозволить барынѣ унести ее, оставивъ взамѣнъ такую изношенную жакетку американскаго издѣлія. Но въ кассѣ сомнѣнія приказчиковъ разсѣялись при видѣ пачки писемъ, извлеченной изъ кармана м-ра Мортона; въ числѣ ихъ было донесеніе на бланкѣ фирмы Эссексъ-стрита. Въ магазинѣ увѣровали въ подлинность личности сказочнаго милліонера, чуть не распростерлись передъ нимъ на землѣ, и м-ссъ Мортонъ безпрепятственно прослѣдовала изъ магазина, облеченная въ новое пальто.

Выйдя изъ магазина, они продолжали свой путь на востокъ по подземной желѣзной дорогѣ. Сегодня Мортонъ взялъ билеты второго класса; и пока поѣздъ медленно двигался черезъ туннели мимо освѣщенныхъ станцій къ Альдгэту, онъ развивалъ своей молчаливой спутницѣ свои многочисленные планы, быстро перескакивая съ одного предмета на другой и то въ нѣсколькихъ словахъ намѣчая цѣлую серію будущихъ дѣйствій, то подолгу останавливаясь на какой-нибудь одной подробности.

— Наконецъ, наконецъ-то дѣло подвигается. Всѣ эти проволочки не даютъ мнѣ спать по ночамъ. Я буду спать все крѣпче и крѣпче по мѣрѣ того, какъ работа будетъ подвигаться, дышать легче съ каждымъ шагомъ впередъ. Тяжесть моей ноши дѣлаетъ меня угрюмымъ и задумчивымъ. Но скоро я стану веселѣе. Мэри, развѣ ты видѣла когда-нибудь, чтобы человѣкъ съ ношей на спинѣ останавливался, чтобы поболтать и пошутить? Сбрось ношу, и тогда и смѣйся, а?... Но ты помогаешь мнѣ

нести ее, любовь моя. Ты теперь помогаешь мнѣ. Музыка и мой свѣтъ! Ты помнишь? Они окружаютъ меня теперь! Мы приближаемся къ одному изъ моихъ темныхъ пятенъ. Но я сдѣлаю его бѣлымъ, Мэри, мы прогонимъ тьму солнечнымъ свѣтомъ, который я куплю! Воздухъ будетъ нашимъ слугой, и мы выбѣлимъ темныя пятна!

Темное пятно, бывшее цѣлью ихъ путешествія, лежало недалеко отъ рѣки, въ приходѣ св. Георга въ Истъ-Эндѣ. Трамвай довезъ ихъ до угла Каннонъ-Стритъ-Рода, дальше они пошли пѣшкомъ, и съ каждымъ шагомъ, казалось, ихъ окружала все болѣе мрачная нищета. Сначала все-таки въ освѣщенныхъ лавкахъ видна была жизнь, мелькали столь излюбленные евреями яркіе цвѣта, публика на панеляхъ оживленно болтала по-нѣмецки и по-польски, на ступенькахъ домовъ жирные евреи читали еврейскія газеты, запахъ жареной рыбы носился въ холодномъ воздухѣ; но какъ только они прошли мрачную каменную церковь, всѣ признаки оживленія исчезли и уступили мѣсто самому безысходному отчаянію. На Ст.-Джорджъ-стритѣ еще были кое-какіе признаки жизни: нѣсколько фабричныхъ фургоновъ, кучка рабочихъ изъ доковъ и какихъ-то оборванцевъ, матросъ въ синей фуфайкѣ съ чистымъ холщевымъ мѣшкомъ на плечѣ; но Ольдъ-Гравель-Лэнъ былъ ужасенъ—мрачный, пустой, отвратительный.

Они прошли цѣпной мостъ у доковъ, гдѣ на черной отъ каменнаго угля водѣ по обѣ стороны виднѣлись баржи, буксиры, большіе грузовые пароходы съ черно-красными полосатыми трубами, а сзади нихъ возвышался цѣлый лѣсъ мачтъ парусныхъ судовъ. Здѣсь холодный вѣтеръ, надъ ничѣмъ не защищенной поверхностью воды, такъ и рѣзалъ лицо и вызывалъ слезы на глаза, и только подъ защитою огромныхъ стѣнъ доковыхъ складовъ за мостомъ можно было перевести духъ. Они повернули направо и стали пробираться черезъ темный лабиринтъ узенькихъ переулочковъ. Мортонъ велъ жену все дальше и дальше по казавшимся безконечными улицамъ этой ужасной, непокрытой нищеты; наконецъ онъ остановился у широкихъ, низкихъ воротъ.

— Это все мое!—шепнулъ онъ.—Наше!

И онъ обвелъ рукою по направленію цѣлаго ряда облупившихся, полуразваливающихся домовъ, съ разбитыми, заткнутыми тряпками окнами.

— Еще два шага, и ты будешь на землѣ, которая принадлежитъ намъ.

Онъ провелъ ее въ ворота.

— Они не знаютъ этого и пока еще не должны знать.

Ворота были такъ низки, что экипажъ не могъ бы подъ ними проѣхать, но ручныя телѣжки тряпичниковъ и мелкихъ торговцевъ проходили свободно Съ полъ-дюжины такихъ телѣжекъ занимали половину маленькаго дворика подъ старымъ, покосившимся навѣсомъ, поддерживаемымъ грязными стѣнами двухъ сосѣднихъ домовъ. Телѣжки эти представляли собственность одного хозяина, отдававшаго ихъ на прокатъ самому низшему классу уличныхъ торговцевъ, тѣмъ бездомнымъ бродягамъ, которымъ удавалось на день, на недѣлю или на мѣсяцъ подняться на одну—двѣ ступеньки лѣстницы общественной порядочности. Двери навѣса были теперь открыты, но цѣпочки и ржавые замки указывали, что на ночь принимались соотвѣтственныя предосторожности. Дворъ замыкался высокимъ брандсмауеромъ. Это была задняя стѣна дома, выходившаго на другую улицу. Грубая мостовая во дворѣ, въ серединѣ котораго проходила сточная канава, была мѣстами исковеркана, и на мѣстѣ недостававшихъ камней стояли лужи черной, вонючей грязи. Сточная канава была наполнена отвратительными отбросами, въ которыхъ копошились двѣ тощія, голодныя кошки, при появленіи неожиданныхъ посѣтителей обратившіяся въ поспѣшное бѣгство, съ взъерошенною шерстью, высоко задравъ хвосты. Дома по правую сторону, казалось, по крайней мѣрѣ, на футъ вросли въ землю, въ сравненіи со своимъ первоначальнымъ уровнемъ, и липкая, жидкая грязь переливалась черезъ ихъ пороги, капала

по разбитымъ ступенькамъ и образовала черныя лужи на скользкихъ доскахъ сѣней. Хотя эти жилища едва ли насчитывали двадцать лѣтъ, они совершенно разваливались: штукатурка вездѣ обсыпалась, скверные кирпичи крошились и разваливались, и многія входныя двери представлялись какими-то мрачными дырами. У другихъ обсыпающіеся кирпичи на высотѣ локтя были сглажены, отполированы, какъ отвратительная имитація чернаго мрамора, отъ вѣчнаго тренія грязныхъ локтей и грязныхъ узловъ.

— Подними повыше платье,—шепнулъ Мортонъ,—и держись подальше отъ стѣнъ. Выше. Тамъ меня ждетъ ребенокъ калѣка, которому я несу надежду.

Было очень темно; отъ густого, вонючаго воздуха кружилась голова; изъ-подъ каждой невидимой двери ползли волны удушливой вони. М-ссъ Мортонъ споткнулась на верху лѣстницы. Нижняя часть одной изъ дверей была, очевидно недавно выломана; сквозь образовавшуюся дыру видны были вороха гусиныхъ перьевъ, кучи грязнаго тряпья и чья-то босая нога. Хриплые мужскіе голоса казались ворчаніемъ и хрюканьемъ нечистыхъ животныхъ, запертыхъ въ тѣсномъ хлѣву.

Мортонъ постучалъ въ дверь и крикнулъ въ дырку:—Это я. Я пришелъ исполнить свое обѣщаніе.

Хриплые голоса замолкли; женщина открыла дверь, и Мортонъ посторонился, уступая дорогу своей женѣ.

Въ открытую дверь видна была маленькая коморка, погруженная въ какой-то странный полумракъ. На кучѣ тряпокъ у холоднаго очага сидѣлъ на корточкахъ старикъ, возившійся съ клеемъ и бумагой надъ горой старыхъ рваныхъ шляпъ, очевидно собранныхъ въ мусорныхъ ящикахъ; двое полусонныхъ ребятишекъ внимательно наблюдали за нимъ и, казалось, помогали ему. На скамейкѣ у тусклаго окошечка дѣвочка лѣтъ четырнадцати, съ красными воспаленными глазами, клеила спичечныя коробки. Въ комнатѣ былъ еще человѣкъ, тотъ, кому принадлежали босыя ноги; сгорбленный, сѣдой, весь заросшій волосами, онъ походилъ на старую крысу. На низкой кровати, поперекъ ея, въ ногахъ, лежалъ подъ грязнымъ мѣшкомъ еще ребенокъ съ лицомъ, покрытымъ отвратительными язвами. Кромѣ кровати и скамьи, въ комнатѣ не было никакой мебели.

Черныя стѣны, черный полъ, грязь и отбросы, полумракъ и эти человѣческіе призраки, живущіе и работающіе здѣсь, больше похожіе на животныхъ въ грязномъ хлѣву, чѣмъ на людей!

— Я не могу... я не могу войти!.. М-ссъ Мортонъ повернулась къ мужу и задыхающимся шопотомъ сказала эти слова.

— Пусти меня. Я не могу... я не вынесу этого...

Казалось, она сейчасъ потеряетъ сознаніе, но его сильная рука поддержала ее, и онъ почти снесъ ее внизъ по лѣстницѣ и на открытый воздухъ.

— Я знаю, знаю, дорогая,—ласково сказалъ онъ.—Духъ бодръ, а плоть немощна. Здѣсь рядомъ есть лавочка. Тамъ моя пріятельница. Ты у нея подожди меня.

— Милости просимъ!—сказала женщина въ лавочкѣ.—Барыня, конечно, можетъ посидѣть здѣсь. Изъ комнатки за лавкой она вынесла стулъ и, обтеревъ его грязнымъ рукавомъ своей бумазейной кофты, поставила его у окна.

Это была вполнѣ приличная мелочная лавочка, и, несмотря на исчезновеніе покупателей, которые имѣли скверную привычку набирать въ долгъ и затѣмъ пропадать безслѣдно, добрая женщина кое-какъ перебивалась. Невзыскательные ея товары были аккуратно разложены на полкахъ по обѣ стороны очага. Подъ ними стояла кровать, на которую хозяйкѣ приходилось взбираться, если нужно было достать съ верхней полки что-нибудь такое, на что обыкновенно не было большого спроса: окорокъ ветчины, сыръ или жестянку съ пряниками.

Одна половина стола передъ окномъ была занята расхожимъ товаромъ, который пріобрѣтался по мелочамъ на гроши: чаемъ, сахаромъ и т. п., на другомъ концѣ и подъ столомъ были навалены картон-

ные поддонники и подносики, которые хозяйка клеила въ часы своего досуга. Они были тщательно закрыты отъ грязи и пыли старыми газетами. Комната за лавкой отдавалась жильцамъ; тамъ жили вдова съ дочкой, обѣ работавшія на мыльномъ заводѣ на Сэндъ-стритѣ. Хорошіе, аккуратные люди, по словамъ старой пріятельницы м-ра Мортона, часто дѣлавшіе подарки своей хозяйкѣ. Это онѣ подарили ей пестро раскрашенный календарь и портретъ знаменитаго генерала, занимавшіе почетные мѣста на стѣнѣ.

Сидя у окна и глядя на улицу, м-ссъ Мортонъ прислушивалась къ болтовнѣ старухи. На другой сторонѣ улицы ребятишки играли у самой сточной канавы. Оборванные, полунагіе, на холодномъ вѣтру, они лежали на животѣ и копались въ жидкой грязи. М-ссъ Мортонъ видѣла, какъ черная грязь текла между ихъ пальцевъ, слышала ихъ радостные крики. Вдругъ въ припрыжку прибѣжала съ визгомъ другая кучка ребятишекъ; они босыми ногами и палочками подгоняли плывшую въ канавѣ дохлую мышь и воображали, что это пароходъ. Когда мышь застревала гдѣнибудь, они становились на колѣни, вытаскивали ее за хвостъ и снова пускали по теченію. Теперь мышь была уже мертвая, но не извѣстно, какая она была пять минутъ тому назадъ. Мышь проплыла мимо, и всѣ ребятишки умчались вслѣдъ за нею.

Въ этой лавочкѣ м-ссъ Мортонъ тщетно ждала своего мужа двадцать минутъ, часъ, полтора часа, цѣлую вѣчность.

Наконецъ, онъ пришелъ, сопровождаемый топотомъ босыхъ ногъ и визгливыми голосами уличныхъ мальчишекъ: «Мессія, Мессія! Дай копеечку! Дай копеечку, Мессія, Мессія!» Она услышала визгливый хоръ и встала со стула. Мортонъ несъ на рукахъ запачканнаго карапуза, котораго шумная толпа ребятишекъ сбила съ ногъ, ушибла и обидѣла. И хотя Мортонъ не далъ имъ денегъ, но онъ опустошилъ жестянку съ пряниками и строго поровну надѣлилъ ими дѣтей. Теперь онъ былъ свободенъ и готовъ двинуться въ путь.

— Ты проповѣдывалъ имъ? Ты такъ долго не приходилъ.

— Нѣтъ, я сказалъ имъ только нѣсколько притчъ. Мнѣ кажется, что мои притчи больше трогаютъ ихъ сердца, чѣмъ слова поученія. Они требовали у меня притчи.

Было уже довольно поздно, но ему необходимо было повидать кое-кого во вновь открытомъ миссіонерскомъ убѣжищѣ; кое-что устроить для будущаго и высказать свое мнѣніе въ одномъ спорномъ вопросѣ. Но поѣздка въ омнибусѣ на свѣжемъ воздухѣ будетъ только пріятна. Онъ былъ возбужденъ и счастливъ, вполнѣ доволенъ своимъ днемъ и говорилъ безъ умолку. Она вздрогнула, когда онъ просунулъ подъ ея локоть свою руку, ту самую руку, на которой онъ держалъ грязнаго ребенка. Онъ разсказалъ ей происхожденіе своихъ притчей, какъ его пригласили въ этотъ домъ и какъ благодарили за все, что онъ сдѣлалъ.

Недѣли двѣ тому назадъ его умоляли придти и выгнать привидѣніе. Въ этомъ домѣ происходила драка между пьяницей и больнымъ, и больной былъ убитъ. Онъ упалъ и разбилъ себѣ голову объ стѣну или переломалъ ребра объ полъ. Какъ бы тамъ ни было, при его болѣзненномъ состояніи повреждение оказалось роковымъ; онъ долго пролежалъ безпомощно на полу у своей пустой кровати и стоналъ ужасно, прежде чѣмъ умеръ. Другой человѣкъ, протрезвившійся отъ страху, сбѣжалъ, и больше его не видали. Всѣ въ домѣ клятвенно увѣряли, что духъ покойника стонетъ, не даетъ имъ покою и изъ-за него положительно жить въ домѣ нельзя.

— Бѣдняги!—говорилъ Мортонъ.— Вѣдь они были совершенно невинны. Виновнаго негодяя среди нихъ не было. Ну вотъ я и началъ молиться, а они стояли кругомъ и дрожали. Мэри, подумай, съ того дня они спали спокойно. Сегодня они сказали мнѣ, что я сотворилъ чудо, чудо! И они благодарили меня со слезами на глазахъ.—Затѣмъ онъ задумчиво прибавилъ:—но это не было чудо, Мэри. Ничего чудеснаго тутъ не было; была только сила молитвы.

Его дѣло въ миссіонерскомъ домѣ было быстро покончено, съ нимъ былъ оконченъ его трудовой день, и началось длинное обратное путешествіе. И все время, въ омнибусѣ, въ вагонѣ трамвая и когда они шли пѣшкомъ, онъ безостановочно разсказывалъ ей свои многочисленные планы будущаго. Было уже почти темно: огоньки фонарей протянулись безконечной линіей. Небо надъ головой окрасилось въ красноватый цвѣтной отблескъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца; и кругомъ нихъ темнота, казалось, налетала вмѣстѣ съ порывами вѣтра. Со своего мѣста наверху омнибуса м-ссъ Мортонъ наблюдала, какъ пустые экипажи быстро мелькали, направляясь къ шумнымъ и яркоосвѣщеннымъ центральнымъ улицамъ.

— Смотри! Вонъ тамъ! — Мортонъ стоялъ во весь ростъ, положивъ одну руку ей на плечо, а другою указывая на сѣверъ.—Видишь это облако дыма? Видишь верхушку фабричной трубы? Это стеариновый заводъ на Кларендонъ-стритѣ. По прямой линіи отъ него, по другую сторону, въ одной милѣ разстоянія самое темное изъ всѣхъ моихъ пятенъ. Шесть съ половиною акровъ! Черезъ недѣлю, если все пойдетъ гладко, оно будетъ *мое*, *наше*. Теперь смотри сюда.—Онъ отвелъ руку немного въ сторону.—Вотъ здѣсь еще два такихъ же пятна. Одно тамъ, гдѣ мы съ тобой въ первый разъ встрѣтились. Оно черно, какъ чернила. Черезъ три недѣли они оба будутъ наши. Мы съ помощью нашего золота разгонимъ тьму, мы черное сдѣлаемъ бѣлымъ... Я радъ, что ты видѣла этотъ домъ; я такъ радъ, что ты видѣла его сегодня. Я тебя опять поведу туда, и тогда моя королева будетъ шествовать въ солнечномъ сіяніи, которое я вызову, и ея сердце будетъ горѣть, а эти усталые глаза засіяютъ отъ радости, когда она увидитъ своихъ подданныхъ въ домахъ, построенныхъ на ея золото.

ГЛАВА 10.

Однажды днемъ молодой м-ръ Боменъ зашелъ съ какими-то справками для м-ра Мортона. По его словамъ, это было очень важное сообщеніе отъ м-ра Карпентера, и ему было приказано передать его немедленно и на словахъ.

— Тогда лучше подождите,—сказала ему м-ссъ Мортонъ.—Присядьте, пожалуйста.

Боменъ былъ еще совсѣмъ юный—ему едва исполнилось двадцать два года—и крайне робкій молодой человѣкъ, бѣлокурый и голубоглазый. Онъ сѣлъ, какъ ему было сказано, на кончикъ стула у ярко горящаго камина и, нервнымъ движеніемъ поглаживая свой цилиндръ, отвѣчалъ на всѣ предлагаемые ему вопросы робкимъ голосомъ и крайне односложно.

— Вы давно знакомы съ моимъ мужемъ?

— Нѣтъ... не особенно давно.

— Вы его сотрудникъ?

— Да.

М-ссъ Мортонъ замѣтила, что онъ хорошо одѣтъ; и его платье, совершенно новое, отличалось скромностью и даже строгостью. Черный шелковый галстухъ и длинный, застегнутый сюртукъ придавали какую-то особенную серьезность его тонкой фигурѣ и почти дѣтскому лицу. М-ссъ Мортонъ улыбнулась, точно желая, если возможно, ободрить его.

— Какъ же вы помогаете ему? Въ чемъ состоятъ ваши обязанности?

— О, онѣ чисто секретарскія.

— Пишите письма и тому подобное?

— Да.

— Цѣлый день? А вы не устаете?

— О нѣтъ.—М-ръ Боменъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.—Это до смѣшного легкая работа. Я бы хотѣлъ имѣть больше дѣла, чувствовать, что я приношу дѣйствительную пользу. Каждый можетъ дѣлать то, что я дѣлаю.

— Вы занимаетесь въ конторѣ на Эссексъ-стритъ?

— Нѣтъ, я въ конторѣ на Фрэнтсъ-стритъ.

— Какъ! Еще новая контора! Это то мѣсто, куда посылаются отсюда всѣ письма, куда ихъ уноситъ этотъ старикъ— м-ръ Бигландъ?

— Да.

— Васъ тамъ много?

— Только двое—м-ръ Бигландъ и я.

— А тотъ другой—я никакъ не могу запомнить его имя—м-ръ Гриффисъ, онъ развѣ тамъ не работаетъ?

— Иногда только. Онъ заходитъ на часъ, на два. Знаете, онъ принужденъ много разъѣзжать по роду своего занятія.

— А гдѣ онъ былъ въ послѣднее время? Куда ѣздилъ?

— Главнымъ образомъ въ Ливерпуль, кажется.

— А вы такъ при конторѣ и живете, вы и старикъ?

— Да, пока, вѣроятно, до двадцать пятаго марта.

— А! А гдѣ же тотъ же—м-ръ Гриффисъ—живетъ?

— У него свой домъ въ Ламбетѣ.

— Онъ тоже переѣдетъ послѣ двадцать пятаго марта?

— О нѣтъ, не думаю.

— Вы бы, вѣроятно, знали, не такъ ли?

М-ссъ Мортонъ предлагала очень много вопросовъ, и мало-по-малу юный м-ръ Боменъ набрался смѣлости и сталъ понемножку разговаривать. И вотъ, поборовъ свою застѣнчивость, онъ началъ краснорѣчиво описывать свою горячую привязанность и вѣчную благодарность къ ея мужу.

— Я готовъ сдѣлать все на свѣтѣ для него. — Онъ говорилъ нервно, съ увлеченіемъ, короткими, отрывистыми фразами, и вдругъ внезапно умолкалъ, точно стыдясь, что онъ сказалъ слишкомъ много. Нельзя было усомниться въ томъ, что онъ говоритъ вполнѣ искренно и съ глубокимъ чувствомъ. М-ссъ Мортонъ ободряла его своей улыбкой.

Случайное посѣщеніе молодого человѣка явилосъ желаннымъ перерывомъ однообразія ея жизни.

Слышать свой собственный голосъ, поболтать нѣсколько минутъ со свѣжимъ человѣкомъ, который не былъ несноснымъ, назойливымъ просителемъ,—одно это уже возбуждало и оживляло ее. Въ ея темныхъ глазахъ снова вспыхнули свѣтъ и жизнь, блѣдное лицо порозовѣло, голосъ зазвучалъ увѣреннѣе и веселѣе.

Такъ какъ м-ръ Мортонъ все еще не возвращался, она рѣшила, не дожидаясь его, напоить гостя чаемъ. Подали чай, появилось изъ бумажнаго мѣшка свѣжее печенье; молодой человѣкъ положилъ шляпу и пододвинулъ свой стулъ къ столу. И онъ, и м-ссъ Мортонъ были погружены въ обсужденіе трудностей нѣмецкаго языка, когда Мортонъ, наконецъ, вернулся.

— Я радъ, что вы подружились,— сказалъ онъ, улыбаясь имъ обоимъ.— Ну, Вальтеръ, что новенькаго?

Новости, принесенныя м-ромъ Боменомъ, были пріятнаго свойства, и Мортонъ слушалъ его, весело потирая руки.

М-ръ Карпентеръ прислалъ сказать, что въ послѣдніе дни нѣсколько разъ тщетно искалъ повидать м-ра Мортона, чтобы сообщить ему, что въ работахъ на Ленноксъ-стритѣ произошла маленькая задержка.

Рабочіе, строившіе фундаментъ для двухъ большихъ подъемныхъ крановъ, заподозрили и донесли о стачкѣ другихъ рабочихъ, которые углубляли почву и устанавливали маленькій кранъ для подъема мусора; была также жалоба о томъ, что заставляютъ работать сверхъ установленныхъ часовъ, и много затрудненій при организаціи ночной смѣны. Но сегодня м-ръ Карпентеръ счастливъ доложить, что всѣ недоразумѣнія улажены. Подрядчики удалили заподозрѣнныхъ рабочихъ, надъ десятниками установленъ контроль, каждый рабочій будетъ получать свою плату непосредственно изъ рукъ подрядчиковъ; всѣ распоряженія выполнены и съ сегодняшняго дня работы пойдутъ безостановочно день и ночь, безъ опасеній новыхъ задержекъ.

— Чудесно!—говорилъ Мортонъ, прихлебывая свой холодный чай.—Превосходно!—И онъ трепалъ м-ра Бомена по плечу и хвалилъ его, какъ хвалятъ умнаго ребенка, принесшаго хорошее извѣстіе.

— Это моя ходячая энциклопедія, Мери, мой живой лексиконъ. Нѣтъ ничего такого, чему можно научиться изъ книгъ, чтобы Вальтеръ не зналъ. Подумай, на-дняхъ я получилъ письмо отъ одного профессора изъ Варшавы, и Вальтеръ отвѣчалъ ему на его родномъ языкѣ. Но я не хочу заставлять его краснѣть. Вѣдь онъ такъ же скроменъ, какъ и уменъ.

И дѣйствительно, м-ръ Боменъ покраснѣлъ отъ удовольствія, робко протестуя противъ ласковой похвалы своего учителя.

— Вѣдь вы знаете,—говорилъ онъ, вставая и прощаясь съ хозяйкой,—что м-ръ Мортонъ, по своей добротѣ, считаетъ, что люди именно такіе, какими бы онъ хотѣлъ ихъ видѣть.

Прошла уже половина длиннаго вечера, когда Мортонъ, который безостановочно писалъ нѣсколько часовъ подрядъ, бросилъ перо и сталъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, точно охваченный внезапнымъ нетерпѣніемъ.

— Я не засну, пока не увижу ихъ, Мери. Исполни мою прихоть. Надѣнь твое прелестное новое пальто, и мы съ тобой пойдемъ на Минаксъ-стритъ, посмотримъ, какъ тамъ работаютъ при освѣщеніи. Пожалуйста!

М-ссъ Мортонъ медленно поднялась и, казалось, колебалась.

— Хорошо,—сказала она наконецъ.— Я согласна, но только я не пойду пѣшкомъ и не поѣду въ омнибусѣ. Ты долженъ отвезти меня въ экипажѣ, и пусть онъ ждетъ тамъ и привезетъ меня назадъ.

М-ръ Мортонъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее, нахмуривъ брови. Потомъ его лицо снова прояснилось, и онъ весело сказалъ:

— Хорошо, будемъ расточительны на одинъ разъ. Доставимъ себѣ удовольствіе и не будемъ считать издержекъ. Это мотовство, роскошь, но не большая, чѣмъ наша ночная работа. Она тоже— излишняя роскошь. Скорѣй, скорѣй одѣвайся!

Странную картину представляло это ярко освѣщенное, оживленное пятно, среди общаго мрака спящаго города. Три или четыре громадныхъ дуговыхъ фонаря, шипя и мигая на высокихъ желѣзныхъ подставкахъ, заливали ослѣпительнымъ бѣлымъ свѣтомъ участокъ и прилегающія къ нимъ улицы, и отъ ихъ свѣта окружающій мракъ казался еще чернѣе. Изъ-за высокаго забора доносился шумъ всевозможныхъ инструментовъ: стукъ молотковъ по камню, шипѣніе и свистъ паровыхъ машинъ, звонъ цѣпей, скрипъ колесъ тачекъ, трескъ и грохотъ желѣза. Изъ воротъ въ дощатомъ заборѣ, безконечная вереница заморенныхъ лошадей съ неимовѣрными усиліями вывозила телѣги, тяжело нагруженныя землею и всякимъ мусоромъ. По всему мѣсту, казалось, носился въ темнотѣ неугомонный духъ слѣпой поспѣшности, управлявшій этимъ почти безбожнымъ превращеніемъ ночи въ день.

Когда они на минуту остановились внѣ ограды у порога конторы, гдѣ молчаливые, усталые люди считали выѣзжающія телѣги, быстро заносили ихъ въ списки, наблюдали, расчитывали и разносили что-то по книгамъ, другой экипажъ вынырнулъ изъ внѣшней тьмы. Въ немъ сидѣлъ м-ръ Карпентеръ, во фракѣ, въ цилиндрѣ, закутанный въ мѣховую шубу и бѣлое кашне; невидимыя нити притягивали его сюда изъ клуба, изъ блестящей гостиной, и онъ пріѣзжалъ, чтобы убѣдиться еще разъ собственными глазами, что эта волшебная постройка—дѣйствительный фактъ, а не плодъ его воображенія, слѣдствіе сытнаго обѣда и отдыха въ уютномъ креслѣ у камина. Онъ сейчасъ же завладѣлъ «хозяиномъ» и его женой и съ утонченной, слегка покровительственной любезностью принялся имъ все показывать. Весь участокъ былъ уже расчищенъ, кромѣ одного угла, который каменьщики оставили на послѣдокъ и должны были убрать днемъ, на досугѣ. Въ этомъ углу, въ яркихъ лучахъ электрическаго фонаря, половина дома, похожая на сломанную рукою великана игрушку, показывала въ разрѣзѣ пять или шесть скромныхъ квартирокъ. Въ одной комнатѣ были еще совершенно новыя и свѣжія обои; въ каминѣ ви-

сѣлъ на крючкѣ чайникъ; на каминѣ стояли двѣ фарфоровыя вазы, на стѣнахъ красовались вырѣзанныя изъ иллюстрированныхъ журналовъ картинки. Казалось, внезапное землетрясеніе выгнало всѣхъ обитателей, не успѣвшихъ уложить и унести свое имущество. У этого полуразрушеннаго дома былъ устроенъ временной складъ матеріаловъ и мастерскія. Пилы, рѣзцы и молотки обрабатывали кровельное желѣзо; паровая машина дрожала и фыркала; люди толпились около горна и сновали взадъ и впередъ въ красноватомъ свѣтѣ газа и нефтяныхъ факеловъ, здѣсь же обтесывали каменныя глыбы для фундамента. Двѣ колоссальныя башни, похожія на устои желѣзнодорожнаго моста, но сдѣланныя изъ балокъ вмѣсто желѣза, были почти готовы и должны были служить устоями для двухъ гигантскихъ крановъ. Въ мрачной безднѣ будущихъ подваловъ и фундамента люди, подобные муравьямъ, возились надъ длинными балками, а другіе, бѣлые муравьи, рядомъ съ ними, тащили камни и кирпичи и уже начинали возводить основаніе будущей громадной постройки. Человѣкъ, похожій на мрачнаго, черпаго Молоха, съ головой, покрытой капюшономъ, держалъ въ рукѣ флагъ и подавалъ сигналы другому, невидимому человѣку гдѣ-то надъ его головой, руководившему работой крана, который пыхтя и свистя, опускалъ внизъ желѣзную бадью и снова вытаскивалъ ее, нагруженную невидимыми руками, и опорожнялъ въ вагончики, пробѣгавшіе мимо съ головокружительной быстротою. Странный свѣтъ, странные звуки, чудовищныя тѣни, гдѣ человѣку каждую минуту, казалось, угрожала опасность быть неожиданно раздавленнымъ движущимися гранитными глыбами или огромными балками, внезапно появляющимися неизвѣстно откуда на концахъ невидимыхъ канатовъ.

— Нѣтъ,— сказалъ Карпентеръ, отвѣчая на вопросъ Мортона, — мы теперь стоимъ внутри галлереи, на южной сторонѣ. Здѣсь, около угла того сарая, галлерея кончается.

— А гдѣ же входная зала?—спросилъ Мортонъ. — Право, здѣсь зала. Неужели я заблудился?

Карпентеръ указалъ на ближайшую башню изъ балокъ:

— Вотъ середина большой входной залы. Она проходитъ сквозь потолокъ. Она на десять футъ выше крыши.

— Да, да,—воскликнулъ Мортонъ.— Теперь я все вижу.—И онъ тоже принялся указывать въ разныя стороны въ пустое пространство.—Здѣсь столовая, больница прямо противъ нея, а здѣсь...

Изъ словъ ихъ обоихъ было ясно, что въ ихъ воображеніи зданіе уже построено. Пробираясь между телѣгами, подпорками, вагончиками, глядя вверхъ на качающіеся фонари, они въ воображеніи шли по мозаичнымъ поламъ, подъ мраморными сводами дверей, подъ рѣзными потолками. Въ хаосѣ и безпорядкѣ они наслаждались тишиною галлерей и комнатъ, достигнутою благодаря толстымъ каменнымъ стѣнамъ и тяжелымъ дубовымъ дверямъ.

— Вотъ часовня,—говорилъ Карпентеръ. Онъ велъ подъ руку м-ссъ Мортонъ.—Мы теперь стоимъ въ саду, и алтарное окно прямо противъ насъ. Ночью вы именно съ этого мѣста видите это цвѣтное окно, освѣщенное изнутри, и вамъ кажется, что картина отражается на темной стѣнѣ при помощи фолшебнаго фонаря.

Тутъ ихъ позвалъ одинъ изъ надсмотрщиковъ, и они принуждены были покинуть м-ссъ Мортонъ, чтобы спуститься внизъ, въ темный человѣческій муравейникъ. Они поставили ее у ярко горящаго очага, подъ навѣсомъ изъ листового желѣза, и совѣтовали ей не двигаться; отсюда она могла видѣть, какъ ея мужъ и архитекторъ бѣгали взадъ и впередъ, точно самые оживленные черные муравьи.

Карпентеръ одинъ вернулся назадъ, пространно извиняясь, что вынужденъ былъ такъ долго оставить ее одну; но они увлеклись, и м-ра Мортона и до сихъ поръ нельзя вытащить оттуда.

М-ръ Карнентеръ сказалъ м-ссъ Мортонъ, что онъ послѣднее время почти не бываетъ въ обществѣ; его гигантскій трудъ такъ увлекаетъ его, и къ вечеру

онъ чувствуетъ себя такимъ усталымъ и разбитымъ, что не въ состояніи поддерживать свѣтскій разговоръ.

— Я понимаю это вполнѣ,—говорила м-ссъ Мортонъ въ темнотѣ подъ желѣзнымъ навѣсомъ.—Пожалуйста, не трудитесь занимать меня.

— Какъ можно,—съ прежнею вѣжливостью возразилъ Карпентеръ.—Это для меня большое удовольствіе, великая честь. А также рѣдкое удовольствіе — мы съ вами такъ мало встрѣчаемся.

М-ссъ Мортонъ ничего не отвѣчала.

— Вотъ почему я заговорилъ о своихъ обѣдахъ въ обществѣ,—продолжалъ м-ръ Карпентеръ съ тою же торжественною любезностью, нисколько не смущаясь ея молчаніемъ.—Дня два тому назадъ я нарушилъ свое правило и хотѣлъ сказать. какой большой интересъ вы и м-ръ Мортонъ возбуждаете во всѣхъ. Я былъ героемъ вечера только потому, что я знакомъ съ вами.

Здѣсь м-ръ Карпентеръ въ краткихъ чертахъ намѣтилъ мѣсто дѣйствія и характеръ окружающихъ лицъ. Большой, политическій салонъ, у леди Уизернси, «обычные ея посѣтители», при этомъ онъ далъ понять, что обычные посѣтители леди Уизернси—самые знаменитые и именитые люди въ странѣ. И всѣ они окружили м-ра Карпентера и многократно выражали, что завидуютъ его счастью—его близости къ м-ру и м-ссъ Мортонъ.

— Право, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. М-ръ Мортонъ необыкновенный человѣкъ. Вы никогда не исполните общаго горячаго желанія, м-ссъ Мортонъ?

Весьма вѣроятно, что м-ръ Берти преувеличивалъ общественное значеніе своихъ друзей изъ простительнаго желанія прихвастнуть; но въ его манерѣ говорить было столько покровительственной доброты, можетъ быть, нѣсколько преувеличенная внимательность умудреннаго опытомъ мужа, говорящаго съ ребенкомъ, рѣзко отличающаяся отъ небрежной снисходительности прежнихъ дней.

— Осмѣлюсь сказать, у м-ра Мортона такая могучая сила воли, что ему нечего бояться свѣтскихъ развлеченій. Его не столкнетъ съ его пути легкомысленная толпа, какъ не столкнетъ она и меня. А что касается васъ, то мнѣ кажется, что несправедливо было бы лишать васъ этихъ невинныхъ, случайныхъ развлеченій.

Въ обществѣ она встрѣтитъ добрыхъ друзей, которые ждутъ ее съ распростертыми объятіями, не только однихъ любопытныхъ. Любопытныхъ, поспѣшилъ онъ прибавить, которыхъ привлекаютъ все растущіе слухи о благородныхъ планахъ и безграничной благотворительности ея мужа.

— Да,—сказала м-ссъ Мортонъ,—я бы очень хотѣла этого, если бы мужъ позволилъ. Но я боюсь просить его.

Ея блѣдное лицо, освѣщенное слабымъ свѣтомъ, покраснѣло, темные глаза заблестѣли. Она говорила нервно, возбужденно, какъ дитя, которому разсказали о невозможномъ для него удовольствіи.

— О, онъ долженъ позволить,—съ тою же покровительственною добротою продолжалъ м-ръ Карпентеръ.—Мы окажемъ на него маленькое дружеское давленіе; немножко схитримъ, если нужно. Я увѣренъ, что это вамъ обоимъ будетъ полезно. Я надѣюсь, вы знаете,— торжественно закончилъ онъ,—что я искренно восхищаюсь вашимъ супругомъ, м-ссъ Мортонъ.

Право, м-ра Берти точно подмѣнили. Его великое зданіе переродило его. Въ немъ появилось то достоинство, которое является у людей отъ привычки чувствовать власть въ своихъ рукахъ. Плоть и кровь, мускулы и кости, паръ и электричество повиновались его приказаніямъ. Гранитныя глыбы, привезенныя изъ далекихъ горъ, покорныя одному мановенію его руки, стройно становились на свои мѣста. Зданіе, возникшее въ его мозгу, его мечта, облеченная въ камень и желѣзо, изъ строителя воздушныхъ замковъ превратило его въ дѣятеля, навсегда отмѣтило его печатью созиданія. И хотя весьма возможно, что другіе опытные инженеры разработали его планы и испытывали матеріалы, опытные техники сдѣлали всѣ расчеты,

особый уполномоченный принималъ работы и зорко слѣдилъ за подрядчиками, все-таки это было его собственное созданіе, его, Берти, плодъ его мечтаній, лучшая его честь, теперь и навсегда!

М-ръ Карпентеръ, распахнувъ шубу и взглянувъ на часы, когда Мортонъ вернулся, настойчиво сталъ приглашать поужинать вмѣстѣ.

— Поѣдемъ. Мы какъ разъ успѣемъ увидѣть весь свѣтъ и всю славу его. Это презабавно. Не говорите нѣтъ, Мортонъ. Мы съ вами еще потолкуемъ за ужиномъ. Я забылъ вамъ сказать, тутъ есть еще разныя свидѣтельства. Поѣдемъ.

Мортонъ, счастливый и возбужденный всѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ отъ надсмотрщика за ночными работами, былъ, казалось, готовъ согласиться на это предложеніе.

— А почему же нѣтъ? Ѣдемъ голубка? Мы, вѣдь, сегодня кутимъ, безумно кутимъ.

— Вы—мои гости, говорилъ Берти.— Я настаиваю, настаиваю.

—- Гдѣ это? спросила м-ссъ Мортонъ.—Куда мы поѣдемъ?

М-ръ Карпентеръ назвалъ ресторанъ. Это былъ недавно открытый и самый модный изъ всѣхъ модныхъ ресторановъ.

— Нѣтъ,—сказала м-ссъ Мортонъ, опустивъ глаза и глядя на длинныя полы своего драповаго пальто. — Вы очень любезны, но я лучше поѣду домой. Я устала.

Мортонъ забралъ ея руку себѣ подъ локоть и ласково погладилъ ее. Онъ былъ въ восторгѣ, что она отказалась.

— Нашъ собственный очагъ, Карпентеръ, для насъ это лучшее въ свѣтѣ.

— Могу я подвезти васъ?—спросилъ м-ръ Карпентеръ, когда они пробирались къ воротамъ между телѣгъ и лошадей.—У меня экипажъ ждетъ. Я выпущу васъ, гдѣ вы захотите.

— Спасибо, сказалъ Мортонъ, но насъ также ждетъ экипажъ.

Когда они ѣхали домой, сначала среди совершенной темноты, потомъ по ярко освѣщеннымъ улицамъ, не менѣе оживленнымъ ночью, чѣмъ днемъ, Мортонъ обратилъ вниманіе жены на дѣвушекъ на улицѣ. Онѣ шли, взявшись за руки, по двѣ и по три или по одиночкѣ; блондинки и брюнетки, совсѣмъ молоденькія дѣвочки въ соломенныхъ матросскихъ шляпкахъ и шерстяныхъ юбкахъ, взрослыя дѣвушки въ невозможныхъ шляпахъ, въ короткихъ жакетахъ, въ мѣховыхъ боа и шелковыхъ юбкахъ; они были такъ хорошо одѣты, что могли, не покраснѣвъ, смѣло войти въ любой лондонскій ресторанъ; слишкомъ хорошо одѣты для продавщицъ, а для дочерей богатыхъ родителей время было слишкомъ позднее.

— Жилицы для нашего дома!—сказалъ Мортонъ.—Посмотри вонъ еще!

— Посмотри на эту. А эти двѣ, вѣдь ни одной изъ нихъ нѣтъ еще шестнадцати лѣтъ. Бѣдныя овечки, бѣдныя овечки!

М-ръ Гербертъ Карпентеръ, войдя во вновь отдѣланное отдѣленіе конторы на Эссексъ-стритѣ и сообщивъ коммиссіонеру, мальчикамъ въ передней и всѣмъ, кто только могъ его слышать, что онъ страшно торопится, услыхалъ, что хозяева заняты, и что, если онъ не можетъ ждать, ему придется удовольствоваться старшимъ конторщикомъ.

— Что вамъ угодно, сэръ?—спросилъ этотъ важный и немного слишкомъ фамиліарный служащій.

— Будьте любезны записать, что я сегодня плачу подрядчикамъ двадцать пять тысячъ, и что черезъ нѣсколько дней выдамъ имъ еще столько же. Лучше напишите это прописью и выдайте мнѣ оба чека заразъ.

— Хорошо, хорошо,—снисходительно замѣтилък онторщикъ,—спѣшить нечего. Какіе подрядчики, гдѣ? По постройкѣ, конечно, но, вѣдь, мы строимъ въ Бетналь-Гринѣ, въ Уайтчэпелѣ, въ Степни. Гдѣ мы только не строимъ! Ну-съ, а какой именно вашъ отдѣлъ?

— Нѣтъ у меня никакого отдѣла,—надменно отвѣчалъ м-ръ Карпентеръ.—Я м-ръ Карпентеръ—архитекторъ.

— О, я знаю, кто вы, но мнѣ нужно...

— Мнѣ показалось, что вы не знаете, твердо перебилъ его м-ръ Карпентеръ.— Будьте такъ добры не забывать этого, и передайте то, что я вамъ приказалъ, вашимъ хозяевамъ, какъ можно скорѣе.

— Хорошо. Я сейчасъ все сдѣлаю,— сказалъ внезапно сконфуженный конторщикъ, и м-ръ Карпентеръ торжественно прослѣдовалъ вонъ изъ конторы, исполненный важности и чувства собственнаго достоинства. Запершись въ своемъ личномъ кабинетѣ и выбравъ свободное время, компаньоны вели конфиденціальный разговоръ. Упорная мысль, что сосѣдній домъ въ концѣ концовъ не будетъ постояннымъ прибавленіемъ къ конторѣ, не давала покою предусмотрительной головѣ младшаго компаньона.

— Я скажу вамъ, что это все значитъ для насъ: успѣхъ, а затѣмъ крахъ.

М-ръ Норманъ, только что вернувшійся изъ Нью-Іорка, улыбнулся.

— Десять милліоновъ — много денегъ, ихъ долго тратить можно!—сказалъ онъ, звеня связкой ключей въ карманѣ.

— Да, но онъ истратитъ ихъ,—возбужденно говорилъ младшій компаньонъ.— Прошлую ночь я не спалъ и дѣлалъ расчетъ. Если онъ будетъ тратить такъ же, какъ теперь, то истратитъ все въ два съ половиною года. Я нѣсколько разъ провѣрялъ свой расчетъ, онъ совершенно вѣренъ. Я не спалъ до трехъ часовъ, у меня голова такъ и горѣла.

— Ну, ну,—успокаивалъ его Норманъ, продолжая звенѣть ключами.—А какъ онъ тратитъ? Развѣ вы не видите, что каждый новый фондъ, каждый вкладъ со всѣми операціями—новое дѣло? Съ нашей точки зрѣнія деньги не уходятъ—онѣ приносятъ доходъ. Будетъ наша вина, если мы не съумѣемъ такъ поставить дѣло, чтобы его хватило и на вашъ, и на мой вѣкъ.

— Вы серьезно это думаете?

— Совершенно серьезно. Вы можете спать спокойно и охладить свою пылкую голову капелькой здраваго смысла.

ГЛАВА 11.

Дни становились длиннѣе. Февраль обманчиво нашептывалъ про весну: дрожащими переливами свѣта и легкими лиловатыми тѣнями онъ старался обольстить землю и заставить ее снова повѣрить его быстро нарушаемымъ обѣщаніямъ. Въ саду между Стэнхонъ-Гэтъ и Анслей-Хаузъ желтенькіе и лиловые крокусы выглядывали изъ молодой травы, а черный дроздъ насвистывалъ весеннюю пѣсенку. Вѣтренныя сирени уже показывали маленькія цвѣточныя почки подъ плотнымъ покровомъ зеленыхъ листочковъ, а на высокомъ раскидистомъ каштанѣ мелкія, янтарныя почки такъ налились и набухли, что готовы были лопнуть. Д-ръ Кольбекъ, заложивъ руки за спину, прохаживался по саду, прислушивался къ шуму колесъ проѣзжавшихъ экипажей, и не слышалъ его, смотрѣлъ на гувернантку съ двумя непослушными дѣтьми—и не видѣлъ ихъ.

На западѣ рисовавшаяся на блѣдномъ желтоватомъ небѣ масса построекъ у Найтбриджа посѣрѣла и расплылась въ безформенное пятно, похожее на мимолетный эскизъ въ альбомѣ художника-импрессіониста; легкій сѣрый туманъ, казалось, поднимался вдали на встрѣчу низкимъ, дымчатымъ облакамъ; экипажи стали рѣже, бѣлый циферблатъ часовъ у рѣшетки сада освѣтился оранжевымъ свѣтомъ и сталъ похожъ на полную луну, въ жаркій лѣтній вечеръ всплывающую надъ горизонтомъ; — а д-ръ Кольбекъ все еще ходилъ взадъ и впередъ вдоль рѣшетки, задумчивый, нерѣшительный, колеблющійся.

— Да,—сказалъ лакей—миледи дома; ея милость вернулась домой съ часъ тому назадъ и прошла въ свою комнату.

Какъ другъ дома, для котораго не существуетъ непріемныхъ часовъ, онъ поднялся по широкой лѣстницѣ, прошелъ мимо дверей залы, гдѣ нѣкогда пировалъ принцъ-регентъ, поднялся еще выше, и черезъ минуту уже сидѣлъ противъ хозяйки дома.

— Я уже отчаявался когда-либо увидѣть васъ,—сказалъ д-ръ Кольбекъ. Васъ никогда нѣтъ дома, когда я прихожу въ человѣческіе часы, вы нигдѣ не бываете и никогда больше не пишите мнѣ.

вліяніе греческаго искусства, переданнаго персамъ іонянами мало-азійскаго побережья, но рельефы, составленные изъ цвѣтныхъ глазированныхъ плитъ съ рядами львовъ и воиновъ въ богато вышитыхъ одеждахъ, окаймленные полосами орнамента и идущіе въ видѣ длиннаго фриза, носятъ ясно выраженный, строго восточный характеръ. Однако, если въ общемъ эти фризо-подобныя украшенія ведутъ свое происхожденіе отъ ассирійскихъ образцовъ, то самое чувство красокъ, преобладаніе синей и желтой, являются, несомнѣнно, чисто персидскою особенностью. Они напоминаютъ тѣ персидскіе ковры, которые, можетъ быть, и дали направленіе этому цвѣтному декоративному искусству, производившему блестящее и богатое впечатлѣніе въ соотвѣтствіе къ восточному солнцу, заливавшему своими горячими лучами обширныя плоскости стѣнныхъ поверхностей.

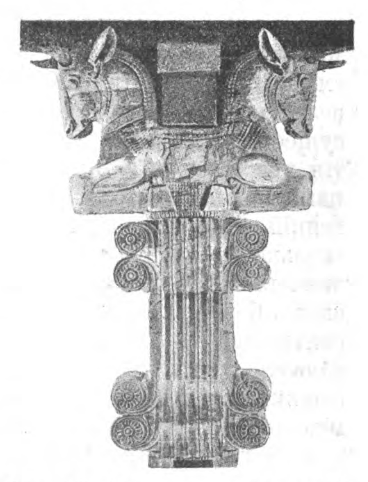

Рис. 17. Капитель персидской колонны изъ Сузы.

Особенностью персидскаго искусства является образованіе колоннъ, изъ которыхъ многія еще высятся среди развалинъ Персеполя. Особенность ихъ лежитъ не столько въ самомъ строеніи высокихъ тонкихъ стержней, сколько въ формѣ ихъ капителей, которыя состоятъ изъ двухъ переднихъ частей единорога, льва или быка, спинами соединенныхъ вмѣстѣ (рис. 17).

Рядомъ съ свободно стоящими гробницами у персовъ существовали также и гробницы въ скалахъ, которыя исполнялись по образцу мало-азійскихъ, именно фригійскихъ. Какъ и въ Египтѣ, самое тѣло клалось въ камерѣ, глубоко врѣзанной въ скалѣ, а снаружи гробница была украшена высѣченнымъ въ скалѣ фасадомъ, архитектурно расчлененнымъ и украшеннымъ скульптурными изображеніями. Наиболѣе интересною, какъ въ художественномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, изъ такихъ гробницъ является гробница Дарія I у Персеполя, гдѣ внѣшняя сторона гробницы въ нижней своей части расчленена четырьмя колоннами съ единорогами на капителяхъ по сторонамъ двери, ведущей въ гробницу, между тѣмъ какъ въ верхней изображенъ царь, приносящій жертву передъ пылающимъ алтаремъ.

3. Искусство Финикіи и Малой Азіи.

Подъ Финикіей, въ строгомъ смыслѣ слова, обыкновенно подразумѣваютъ ту узкую полосу сирійскаго берега, гдѣ еще во второмъ тысячелѣтіи до Р. Х. осѣли финикіяне и основали много богатыхъ городовъ, среди которыхъ особаго процвѣтанія достигли Сидонъ и Тиръ. Природа страны направила дѣятельность народа преимущественно на торговлю, на обмѣнъ произведеній своей страны на произведенія сосѣднихъ побережій, съ которыми вступали въ сношенія на корабляхъ, сооруженныхъ знаменитыми корабельщиками Тира и Сидона. Купцы и мореплаватели, финикіяне имѣли достаточно политическаго смысла, чтобы основаніемъ на отдаленныхъ берегахъ и островахъ

факторій и колоній упрочивать тамъ свое могущество и расширять свои торговые интересы. На Кипрѣ и Критѣ, на далекомъ сѣверо-западномъ побережьѣ Африки возникли ихъ наиболѣе значительныя колоніи, изъ которыхъ Карфагенъ возвысился до полной независимости и въ теченіе вѣковъ игралъ видную роль въ исторіи народовъ, жившихъ по западнымъ побережьямъ Средиземнаго моря Народъ по преимуществу торговый, финикіяне не создали самостоятельнаго, національнаго искусства. Въ зодчествѣ, какъ и въ ваяніи, они являются только подражателями египтянъ и ассиріянъ, причемъ въ этомъ смѣшеніи египетскій элементъ преобладаетъ. Самое это художественное смѣшеніе финикіяне заносили и къ другимъ народамъ, съ которыми вели торговыя сношенія и въ этомъ посредничествѣ заключается та существенная роль, которая выпала финикіянамъ въ исторіи развитія искусства. На ихъ коренной родинѣ, въ самой Финикіи, отъ ихъ памятниковъ осталось очень мало, въ колоніяхъ же изгладился даже всякій слѣдъ ихъ художественной дѣятельности, по крайней мѣрѣ насколько намъ это извѣстно до сихъ поръ. Не лишены нѣкотораго значенія памятники финикійскаго зодчества близъ Амрита на сирійскомъ берегу. Таковы высѣченныя въ живой скалѣ, свободно стоящія святилища и башнеобразныя гробницы, которыя сверху заканчиваются круглымъ куполомъ или пирамидою. Характерными чертами финикійскаго зодчества является прочность и стремленіе къ впечатлѣнію подавляющей массой. Тамъ, гдѣ имъ недоставало собственной художественной мысли, они старались заполнить пробѣлъ высоко усовершенствованной техникой, обработкой камня и оборудываніемъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, въ чемъ они могли соперничать съ египтянами. Изъ библейскихъ преданій мы знаемъ, что для удовлетворенія страсти къ великолѣпію іудейскими царями были вызваны финикійскіе архитекторы, такъ какъ еврейскій народъ не занимался тогда ни архитектурой, ни другимъ какимъ-нибудь искусствомъ. Царь Соломонъ (955—925 г. до Р. X.) поручилъ финикіянамъ постройку своего дворца на горѣ Сіонѣ и связаннаго съ нимъ храма. Послѣднему, по всей вѣроятности, принадлежатъ остатки колоссальнаго фундамента, сложеннаго изъ большихъ каменныхъ блоковъ. И впослѣдствіи евреямъ не удалось выработать собственнаго искусства. О многовѣковомъ существованіи ихъ самостоятельной формы государства свидѣтельствуютъ только гробницы, частью въ скалахъ съ высѣченными изъ камня фасадами, обнаруживающими во всѣхъ деталяхъ вліяніе греческаго искусства, частью свободно стоящія гробницы,—башни, въ общемъ имѣющія еще восточный характеръ, а въ формахъ украшенія опять-таки обнаруживающія подражаніе греческимъ образцамъ. Въ то время какъ преданіе закрѣпило за этими памятниками историческія имена: гробница судей, гробница царей, гробница Авесалома, позднѣйшія изслѣдованія доказали, что они относятся къ первому столѣтію по Р. X. или, самое раннее, къ послѣднему до Р. X.

Изъ скульптурныхъ произведеній, которыя мы по праву могли бы приписать финикіянамъ, наиболѣе важными надо признать недавно (въ 1877 г.) найденныя на Кипрѣ. Это – обломки статуй, стоявшихъ въ священной округѣ и, вѣроятно, изображавшихъ набожныхъ жертвователей на пользу храма и жрецовъ. Трудно опредѣлить время исполненія этихъ произведеній, однако сущность ихъ художественнаго характера указываетъ на ассирійскіе праобразы, которые отчасти переданы были финикіянами, отчасти же распространились по Кипру послѣ

завоеванія его ассирійскимъ царемъ Саргономъ II (722—705 г. до Р. Х.), который велѣлъ поставить тамъ надпись, гласящую о его побѣдѣ. Позднѣе на Кипрѣ утвердились греки и опять основной характеръ кипрскаго искусства былъ измѣненъ еще болѣе, такъ что теперь онъ представляется намъ смѣсью различныхъ элементовъ, не сведенною къ какой-либо художественной цѣльности.

Рис. 18. Женскій бюстъ IV—III в. до Р. Х., найденный въ Испаніи (хранится въ Парижѣ, въ Луврскомъ музеѣ).

Остатки финикійской художественной производительности, которая отчасти сплавилась съ древнѣйшею, можетъ быть, туземною, отчасти подчинилась вліянію греческаго архаическаго искусства, въ недавнемъ прошломъ были найдены близъ Эйхе, въ юго-западной Испаніи. Тамъ коренное иберійское населеніе продолжало существовать независимо отъ финикійскихъ, карфагенскихъ и греческихъ колоній, основавшихся на западномъ побережьѣ Испаніи уже съ VI-го столѣтія, однако искусству, которое, какъ показываютъ находки, примѣнялось къ надгробнымъ памятникамъ и статуямъ, оно научилось отъ чужеземцевъ. По одному женскому бюсту изъ известняка, относящемуся къ IV—III-му вѣку до Р. Х., можно судить о той степени развитія, до какой дошло это искусство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о богатствѣ одежды этого коренного

населенія, у котораго любовь къ роскоши питалась доходившими до него произведеніями восточной культуры (рис. 18).

Распространеніе легко перевозимыхъ товаровъ было особенно по сердцу финикійскимъ купцамъ, а поэтому главное вниманіе обращали они на развитіе художественной промышленности. Въ древности изъ произведеній финикійской промышленности особенно цѣнились ткани и произведенія изъ стекла и металла. Драгоцѣннѣйшая краска древности, пурпуръ, который добывался изъ выдѣленій морскихъ раковинъ и обладалъ всѣми оттѣнками, отъ фіолетоваго до пунцоваго, была финикійскимъ открытіемъ, примѣнявшимся къ окраскѣ тканей для одежды и для ковровъ. Нѣкоторые серебряные сосуды, дошедшіе до насъ, свидѣтельствуютъ о высокой степени развитія ремесленной техники и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно указываютъ, что даже и въ художественной промышленности ихъ искусство находилось въ тѣсной зависимости отъ египетскаго, что особенно обнаруживается въ трактовкѣ фигуръ и орнаментѣ.

Точно также искусство народовъ западной части Малой Азіи, лидійцевъ, фригійцевъ и ликійцевъ, наиболѣе привлекавшихъ къ себѣ вниманіе, не можетъ разсматриваться, какъ нѣчто самобытное, такъ какъ оно находится въ зависимости отъ чужеземныхъ образцовъ и, въ силу хода политическихъ событій, подвергалось сперва вліянію ассиріянъ, потомъ грековъ. Наше знакомство съ памятниками этого искусства сводится, въ сущности, къ знакомству съ надгробными сооруженіями, которыя, какъ и у большинства восточныхъ народовъ, представляютъ частью башнеобразныя свободныя гробницы, частью же вырѣзанныя въ скалѣ съ скульптурно обработанными фасадами. Эти послѣднія, по своеобразной орнаментикѣ поверхностей, иногда напоминаютъ до нѣкоторой степени рисунки ковровъ, какъ, напримѣръ, такъ называемая гробница Мидаса во Фригіи. Тщательная обработка въ камнѣ балокъ, косяковъ дверей и рамъ указываетъ на подражаніе деревянной архитектурѣ, которая примѣнялась въ Ликіи ранѣе, чѣмъ каменная. Такіе фасады гробницъ составляли особенность Ликіи, которая удерживалась и тогда, когда въ гробничныя сооруженія проникли и греческіе элементы.

Особенностью малоазійскаго искусства надо считать колоссальные рельефы, высѣченные на значительной высотѣ въ нѣсколько сглаженной поверхности скалы. Они представляютъ боговъ и богослуженіе или же изображаютъ подвиги побѣдоносныхъ повелителей. Въ этихъ рельефахъ обнаруживается характерное для восточныхъ народовъ пристрастіе ко всему фантастическому и величественному,—пристрастіе, которое поражало уже древнихъ грековъ. Высѣченное въ скалѣ Сипила грубое изображеніе женщины, которое въ Малой Азіи почитали за образъ матери боговъ, Кибелы, у грековъ же слыло за неутѣшную Ніобею, а горную воду, падающую изъ расщелины скалы на ея лицо понимаютъ послѣдніе, какъ вѣчно льющіяся слезы несчастной матери, оплакивающей погибшихъ дѣтей.

4. Индійское искусство.

Отъ древне-восточнаго искусства, по нѣкоторымъ основнымъ чертамъ, находится въ зависимости и искусство Индіи и другихъ странъ, связанныхъ съ послѣднею общею культурою.

Съ сѣвера ограниченный Гималаями, съ запада и востока—полноводными Индомъ и Брамапутрою, изрѣзанный внутри многочисленными рѣками, Индостанскій полуостровъ далеко вдается въ Индійскій океанъ. Однако, несмотря на эту строгую замкнутость, все же искусство въ Индію принесено было извнѣ. Правда, подъ вліяніемъ религіи, мѣстнаго строительнаго матеріала и особенностей народнаго характера, искусство это сравнительно скоро преобразовалось и достигло той само-

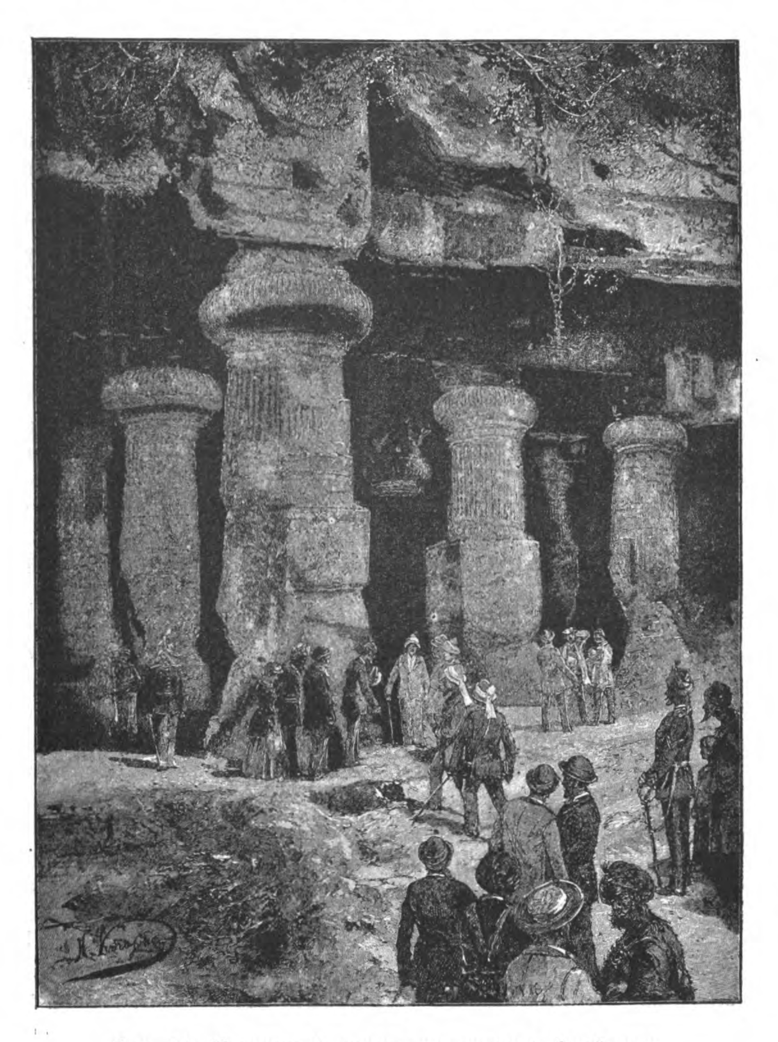

Рис. 19. Пещерный храмъ на островѣ Элефанта.

стоятельности, которая въ теченіе вѣковъ пересоздала извнѣ полученныя основныя формы и сдѣлала ихъ вполнѣ индійскими по существу. Природа страны, которой благопріятствовало изобиліе воды, съ безграничной щедростью разсыпала свои сокровища и человѣка создала въ извѣстной степени по своему образу и по подобію. Она преимущественно пробуждала силы фантазіи, между тѣмъ какъ тѣлесная мощь подъ вліяніемъ роскошной жизни засыпала, тѣло мало-по-малу

слабѣло и мужи вмѣстѣ съ женственной наружностью пріобрѣтали и женскія черты характера. Отсюда произошла смѣсь чувственности и жестокости, которая хотя и свойственна всѣмъ восточнымъ народамъ, но ни у кого не достигала такого неограниченнаго преобладанія, какъ у индусовъ. Мудрое ученіе Будды, которое за 6 вѣковъ до Р. Х. проповѣдывало самоотреченіе, воздержаніе и удаленіе отъ міра, не взирая на то, что буддизмъ въ третьемъ столѣтіи до Р. Х. сдѣлался государственной религіей и таковой удержался до седьмого христіанскаго столѣтія, никогда не пускало прочныхъ корней въ Индіи. Индусы въ большинствѣ придерживались браманизма съ его безконечнымъ множествомъ боговъ, и эта народная религія, которая, по всей вѣроятности, распространилась въ Индіи около 1500 до Р. Х., когда полуостровомъ овладѣла пришлая арійская народность, подчинившая себѣ коренныхъ жителей, оказала на искусство болѣе сильное вліяніе, чѣмъ буддизмъ.

Древнѣйшіе, сохранившіеся до насъ, памятники индійскаго искусства не заходятъ далѣе средины III-го вѣка до Р. Х. По характеру этихъ памятниковъ, которые высѣчены въ живой скалѣ, мы можемъ заключить, что и здѣсь, какъ въ Малой Азіи, каменнымъ постройкамъ предшествовала художественно развитая деревянная архитектура. Отличительныя черты деревянной техники въ архитектурѣ и скульптурѣ выступаютъ и въ каменныхъ постройкахъ и скульптурахъ. Орнаментальныя детали и нѣкоторыя законченныя художественныя формы, хотя бы капители съ единорогами, указываютъ, что первый толчокъ къ художественной дѣятельности индійцамъ данъ былъ изъ Персіи. Это воздѣйствіе, однако, могло быть только очень непродолжительнымъ, такъ какъ первыя проявленія индійскаго искусства относятся ко времени царя Асока, въ 250 году до Р. Х. объявившаго буддизмъ государственной религіей и, можетъ быть, повелѣвшаго строить храмы и воздвигать статуи Будды. Тогда уже Александромъ Великимъ и его преемниками въ ихъ походахъ были занесены въ Индію греческое искусство и греческая образованность, и первое оказало такое сильное вліяніе на туземныхъ строителей и скульпторовъ, что это вліяніе живо чувствовалось еще до послѣднихъ временъ римскаго владычества. Въ зодчествѣ сказывалось оно всегда только на отдѣльныхъ формахъ, въ пластикѣ же— въ извѣстной моделировкѣ лица и тѣла. Такимъ образомъ совершенно справедливо сидячія статуи Будды относятъ къ типу Аполлона въ позднегреческой передачѣ. Возникшія подъ греческимъ вліяніемъ произведенія архитектуры и скульптуры признаются за совершеннѣйшія произведенія индійскаго искусства за много вѣковъ его существованія. Въ общемъ они, конечно, обнаруживаютъ гораздо больше индійскаго, чѣмъ греческаго. Культъ былъ настолько главнымъ потребителемъ и высшей цѣлью въ индійскомъ искусствѣ, что всѣ другія художественныя стремленія отступали на заднiй планъ. Даже дворцы правителей страны получили болѣе утонченную художественную обработку только тогда, когда въ XII-мъ вѣкѣ магометане распространили свое владычество надъ Индіей.

Всѣ древнеиндійскія постройки или религіозные памятники, или храмы. Еще царь Асока приказалъ во всѣхъ краяхъ страны воздвигать колонны въ честь Будды (стамбы или латсы) и колонны эти, по образцамъ персидскимъ или греческимъ, на капителяхъ своихъ рядомъ съ священными символами имѣли львовъ или слоновъ. Собственно мѣстами культа служили *ступы*, полушарообразныя купольныя постройки изъ кирпича или каменныхъ блоковъ на террассо-

образномъ, четыреугольномъ или кругломъ основаніи, хранящія въ небольшой камерѣ, устроенной внутри ихъ, какія-либо реликвіи Будды. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эти ступы разрослись въ обширныя, разнообразно расчлененныя сооруженія, окруженныя рядомъ тонкихъ, стеблеобразныхъ колоннъ и обнесенныя каменною оградою съ богато украшеннымъ порталомъ. На островѣ Цейлонѣ существуетъ еще одна ступа, построенная около 150 года до Р. Х., которая, не смотря на то, что отчасти уже разрушена, имѣетъ въ вышину 42 метра и стоитъ

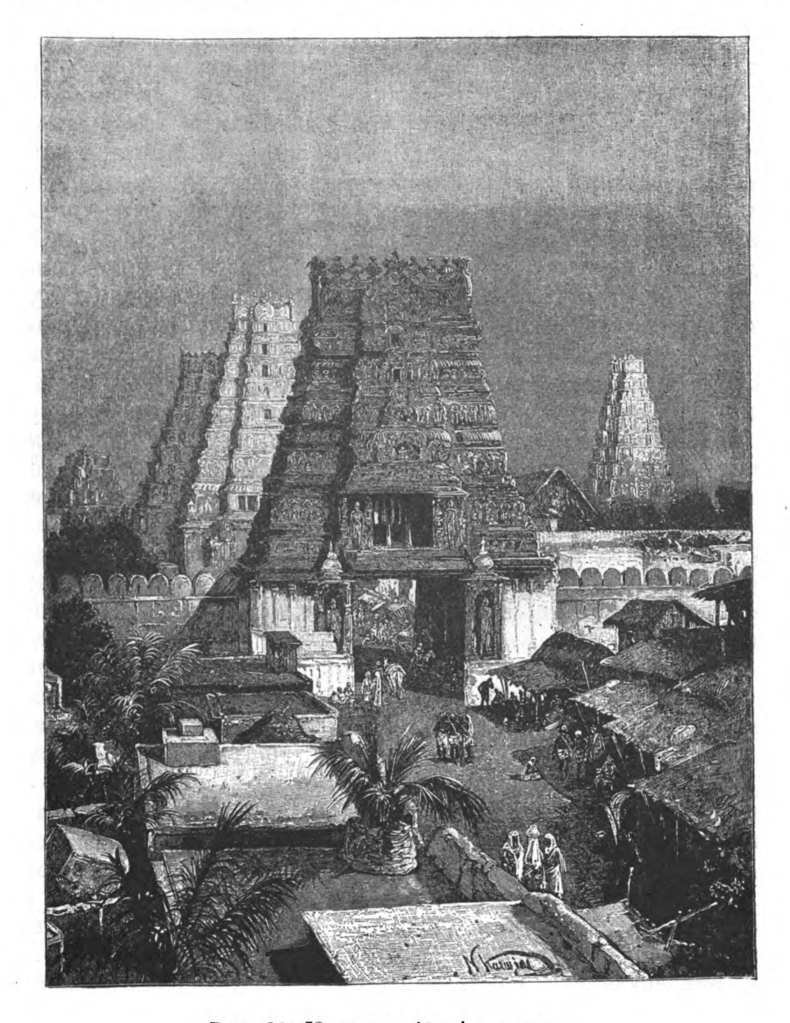

Рис. 20. Южно-индійскія пагоды.

на гранитной террассѣ въ 150 метровъ ширины. Древнѣйшія ступы, кажется, обѣ ступы въ Ѳанчи, въ центральной Индіи, гдѣ вообще находятся важнѣйшіе памятники болѣе древняго искусства Индіи, находившагося подъ греческимъ вліяніемъ.

Наивысшаго и богатѣйшаго развитія архитектура индійская достигла въ храмахъ въ скалахъ или въ пещерахъ, причемъ архитектурѣ здѣсь оказала существенную услугу пластика, украшая внѣшность и внутренность храма подавляющею массою свободно вы-

сѣченныхъ изъ скалы статуй. Первоначально эти храмы возникли изъ келій буддійскихъ священниковъ и монаховъ. Мало-по-малу эти пещерныя сооруженія выростали въ обширныя сооруженія, состоявшія, подобно египетскимъ храмамъ, изъ серій залъ и портиковъ, расположенныхъ рядомъ или другъ за другомъ. Основная форма этихъ подземныхъ храмовъ была продолговатый прямоугольникъ двумя или болѣе рядами колоннъ или четырехъ-восьми-шестнадцати-гранныхъ столбовъ раздѣленный на три или болѣе нефовъ; на узкой сторонѣ этотъ прямоугольникъ замыкался полукруглой нишей, въ которой на тронѣ помѣщалось изображеніе Будды. Когда количество залъ и боковыхъ камеръ увеличивалось, верхняя часть скалы проламывалась и среди залъ возвышались вырѣзанныя изъ скалы со всѣхъ сторонъ зданія въ формѣ древнихъ ступъ. Важнѣйшіе изъ этихъ храмовъ въ скалахъ находятся близъ Бомбея, древнѣйшіе—въ Карли, величественнѣйшіе въ Эллорѣ и Элефантѣ (рис. 19). Въ сооруженіи ихъ, конечно, причастенъ и браманизмъ, который, пріобрѣтя опять преобладающее значеніе, удержалъ буддійскую форму построекъ. Съ восьмого столѣтія по Р. Х. браманизмъ обратился къ свободнымъ постройкамъ, положивъ въ основаніе ихъ народную форму ступъ. Въ видоизмѣненіи этой основной формы для построекъ различнаго рода индійскій художественный духъ далъ свое высшее проявленіе и развилъ здѣсь высшую степень подвижности своей фантазіи, самымъ смѣлымъ проявленіемъ которой была *пагода*, пирамидообразное сооруженіе, подымавшееся въ нѣсколько, иногда до 15, этажей. Отдѣльные этажи большею частью были отдѣлены своеобразными, округленными крышами и покрыты до загроможденія скульптурою, дикая масса которой сбивала съ толку зрителя, опьяняла его, но нимало не доставляла эстетическаго удовлетворенія (рис. 20). Величайшее и знаменитѣйшее изъ этихъ храмовыхъ сооруженій (пагодъ)—храмъ бога Джагганата близъ Пури въ Бенгальской провинціи, сооруженный около 1198 г. по Р. Х.

Еще сильнѣе, чѣмъ въ архитектурѣ, чувственная пышность, мягкость, фантастичность индійскаго искусства проявляются въ пластикѣ, которая въ большинствѣ служитъ архитектурѣ въ формѣ рельефа. Высокая техническая опытность, которой достигли индійскіе рѣзчики камня, нисколько не послужила для художественнаго творчества въ высшемъ смыслѣ этого слова, хотя у нихъ и не замѣчается недостатка въ чувствѣ жизненности. Если египетскимъ художникамъ новаго царства ставилось въ упрекъ, что они обезображивали своихъ боговъ, насаживая на нихъ головы животныхъ, имъ посвященныхъ, то индійскіе художники погрѣшали не менѣе, такъ какъ они, чтобы обозначить разносторонность или всемогущество своихъ боговъ, придавали имъ шесть или восемь рукъ. Хотя въ изображеніи женскихъ фигуръ иногда они достигали извѣстной прелести, однако не вышли все же изъ передачи апатичнаго спокойствія, тупой мечтательности и задумчивости.

Изъ этой душной атмосферы восточнаго искусства мы выбираемся впервые на свѣжій, чистый воздухъ только тогда, когда обращаемся къ Греціи и вступаемъ на европейскую почву. Однако, и греческое искусство должно было пройти различныя стадіи развитія, освободиться отъ вліяній востока, прежде чѣмъ оно достигло той свободы, которая создала высочайшій расцвѣтъ античнаго искусства.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Греческое и италійско-римское искусство.

---

1. Греческое искусство.

Первымъ проявленіямъ греческаго духа въ государственной организаціи, въ религіи и искусствѣ предшествовали два тысячелѣтія древней культуры, перенесенной съ востока и много вѣковъ находившейся подъ его дальнѣйшее воздѣйствіе. Впервые раскопки послѣднихъ десятилѣтій пролили нѣкоторый свѣтъ на эту до эллинскую культуру, начало которой, кажется, восходитъ къ началу третьяго тысячелѣтія до Р. Х. Даже грекамъ первыхъ историческихъ временъ эта культура была неизвѣстна, такъ какъ всѣ слѣды ея или, глубоко засыпанные, покоились въ землѣ, или сохранились только въ разрозненныхъ фрагментахъ. Грекамъ того времени, когда въ храмовой постройкѣ они имѣли законченную художественную строительную форму полной гармоніи, эти фрагменты казались чѣмъ-то чуждымъ ихъ духу и они происхожденіе гигантскихъ сооруженій относили въ ихъ сказаніяхъ къ циклопамъ, поколѣнію гигантовъ. Благодаря раскопкамъ, намъ выясняется взаимное отношеніе между древнѣйшей культурой въ Греціи и тѣмъ позднѣйшимъ искусствомъ, которое обнаруживаетъ характерныя черты собственно греческаго духа, и теперь, даже въ томъ случаѣ, когда не хватаетъ различныхъ промежуточныхъ звеньевъ, мы въ состояніи ясно прослѣдить, какъ греческій духъ постепенно освобождался отъ оковъ восточнаго искусства, какъ онъ вбиралъ элементы его въ свою сущность, переплавляя ихъ и придавая имъ свой отпечатокъ, какъ, наконецъ, достигалъ онъ національнаго самосознанія.

О культурной обстановкѣ, которая въ 3-мъ тысячелѣтіи господствовала въ областяхъ, впослѣдствіи населенныхъ греческими племенами, въ собственной Греціи, на островахъ Эгейскаго моря и на западныхъ берегахъ Малой Азіи, мы можемъ составить себѣ хоть и несовершенное представленіе по раскопкамъ Генриха Шлимана. Его неутомимой дѣятельности обязаны мы первыми разъясненіями до-эллинской культуры въ его раскопкахъ большого насыпного холма около деревни Гиссарликъ, въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи. Въ этомъ холмѣ нашелъ онъ остатки девяти, другъ надъ другомъ расположенныхъ, поселеній, изъ которыхъ позднѣйшее относится ко временамъ римскаго владычества. Въ двухъ низшихъ слояхъ, заключающихъ въ себѣ слѣды окруженнаго стѣной города приблизительно за 2.500—2.000 лѣтъ до Р. Х., найдены были развалины построекъ изъ высушеннаго на воз-

духѣ кирпича, остатки большихъ и меньшихъ жилыхъ домовъ, изъ которыхъ самый большій былъ, можетъ быть, дворцомъ царя. Въ основной своей формѣ дома эти состояли изъ открытаго спереди преддверія и одной или двухъ прилегающихъ другъ къ другу продолговатыхъ залъ, мужскихъ или женскихъ помѣщеній, и эта основная форма повторяется въ дальнѣйшемъ, высшемъ развитіи въ гораздо болѣе обширныхъ сооруженіяхъ, которыя опять-таки, благодаря шлимановскому рвенію и самопожертвованію, были открыты въ Арголидѣ, въ восточной части Пелопонеса. Въ древнихъ столицахъ, Микенахъ и Тиринфѣ, царствовали здѣсь княжескіе роды, которые, несмотря на ограниченность своихъ владѣній, соперничали по своей любви къ роскоши съ египетскими и ассирійскими деспотами, и эта страсть къ роскоши, которая находила богатую пищу въ сношеніяхъ съ востокомъ чрезъ посредство финикіянъ, вызвала культуру и вмѣстѣ съ нею искусство, которыя мы по мѣсту богатѣйшихъ Шлимановскихъ находокъ,—микенскому акрополю,—называемъ Микенскими. Эта культура распространяется на довольно обширную область: на восточные берега Греціи, на острова Эгейскаго моря, и характерныя для микенской культуры явленія, особенно произведенія изъ глины и металла, сосуды и предметы украшенія, были найдены въ шестомъ слоѣ Гиссарликскаго холма.

Наивысшаго своего развитія Микенская культура достигла около 1500 г. до Р. Х., но продержалась все второе тысячелѣтіе. О томъ, что изъ этой культуры сохранилось въ памяти грековъ, мы узнаемъ изъ пѣсенъ Гомера, и если убѣжденіе Шлимана, думавшаго, что въ одномъ изъ городовъ Гиссарлика онъ нашелъ гомеровскую Трою, въ Микенахъ—крѣпость и гробницу Агамемнона, должно быть отвергнуто научнымъ изслѣдователемъ, то, во всякомъ случаѣ, находки эти показали, что данныя Гомеровскими пѣснями изображенія царскихъ дворцовъ и ихъ украшенія съ сіяющею бронзою и художественными изваяніями ничуть не созданія поэтической фантазіи, а покоятся на реальныхъ основахъ.

Какъ и на востокѣ, архитектурные остатки микенской культуры состоятъ изъ царскихъ дворцовъ и гробницъ. Отъ святилищъ, отъ мѣстъ почитанія боговъ не найдено никакихъ слѣдовъ. Самые обширные остатки царскаго дворца дали раскопки Тиринфа. На поверхности холма, окруженнаго со всѣхъ сторонъ стѣною, найденъ неправильный комплексъ (куча) портиковъ, большихъ и малыхъ дворовъ и залъ, къ которымъ примыкаютъ комнаты, совершенно такъ же, какъ въ ассирійскихъ царскихъ дворцахъ. Отдѣльныя зданія воздвигались изъ камня, высушеннаго кирпича и дерева. Стѣны, съ внутренней стороны покрытыя штукатуркой, были расписаны или, по ассирійскому образцу, покрыты алебастровыми плитами, представлявшими рельефныя изображенія восточнаго стиля. Встрѣчается и каменная архитектура, но она ограничивается цѣлью защиты. Стѣны городскія сооружались изъ огромныхъ, доходившихъ до 17 метровъ, камней, сначала совсѣмъ необработанныхъ или мало обработанныхъ, позднѣе многогранныхъ, и промежутки между ними съ цѣлью большей крѣпости заполнялись мелкими камешками. Тамъ, гдѣ это было необходимо въ цѣляхъ защиты въ стѣнахъ этихъ оставлялись пустыя мѣста, чтобы по нимъ были проходы, и чтобы защитники могли свободно видѣть все вокругъ. Эти проходы устраивались такъ, что каждый верхній рядъ камней выступалъ надъ

нижнимъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не смыкались, и такимъ образомъ надъ ходами потолокъ имѣлъ форму какъ бы свода. Здѣсь видимъ мы самую первичную форму свода, который потомъ былъ разработанъ среднеиталійскими народами и, наконецъ, римлянами доведенъ въ свободно стоящихъ купольныхъ сводахъ до высокой степени совершенства.

Еще тщательнѣе, чѣмъ въ этихъ стѣнныхъ проходахъ Тиринфа, эта первичная форма свода обработана въ подземныхъ купольныхъ гробницахъ, какихъ въ восточной части Греціи найдено болѣе пятнадцати.

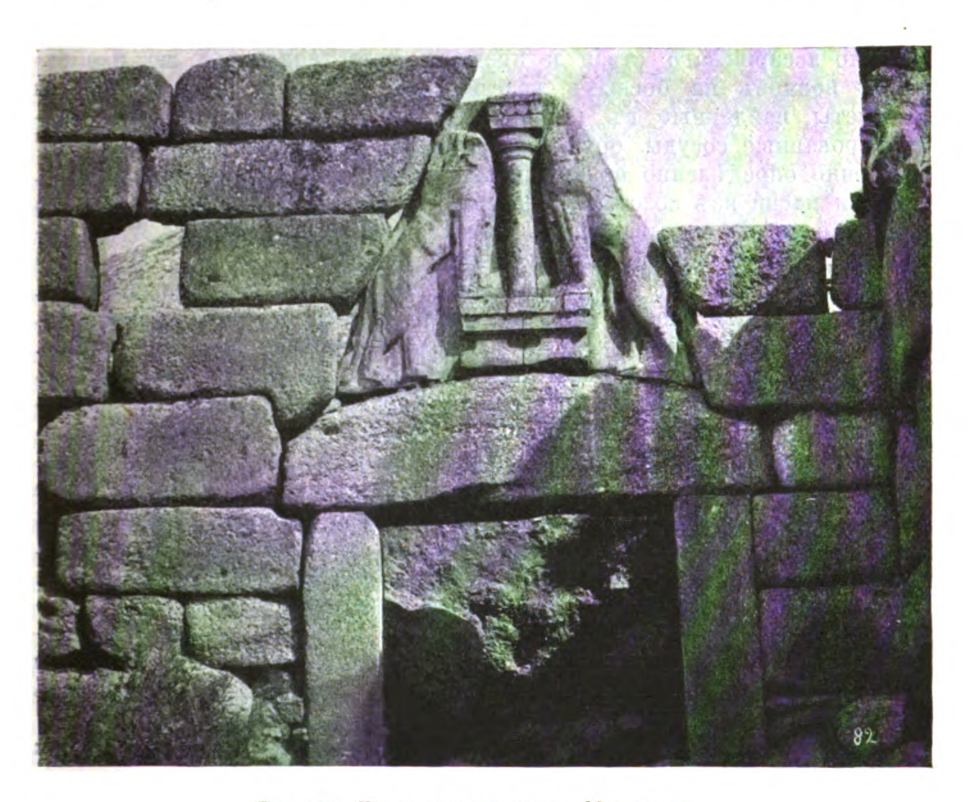

Рис. 21. Львиныя ворота въ Микенахъ.

Самая знаменитая изъ нихъ давно извѣстная купольная гробница около Микенъ, которая прежде считалась за подземную сокровищницу, такъ называемую «сокровищницу Атрея», родоначальника микенской царствующей фамиліи. Длинный, прорѣзанный въ склонѣ горы, сверху открытый проходъ, обложенный со сторонъ камнемъ, велъ къ двери круглаго помѣщенія въ 15 метровъ высоты и діаметра, стѣны котораго одѣты выглаженными къ внутреннему пространству каменными блоками, все сближающимися кверху, пока не сходятся совершенно въ вершинѣ. Къ этому помѣщенію, служившему для поминальныхъ торжествъ въ честь умершихъ, примыкала сбоку собственно погребальная камера. Стѣны купольнаго помѣщенія, какъ показываютъ сохранившіеся слѣды, были покрыты мѣдными плитами, которыя бли-

стали при свѣтѣ факеловъ. Эти подземныя гробницы тоже восходятъ къ египетскимъ праобразамъ, способъ же покрытія, кажется, повторяетъ фригійскіе и ликійскіе образцы, хотя также хорошо можетъ быть и собственнымъ изобрѣтеніемъ до-эллинскаго населенія Греціи, которое непонятнымъ для насъ образомъ позже было перенесено въ Италію.

Рядомъ съ купольными гробницами существовали также и камерныя гробницы, съуживающіяся книзу могилы, перекрытыя деревянными балками и шиферными плитами; надъ ними, какъ надгробный памятникъ, воздвигалась каменная плита съ рельефомъ. Какъ эти рельефы вообще несутъ на себѣ отпечатокъ восточнаго, преимущественно ассирійскаго стиля и представляютъ подобныя же изображенія воиновъ на боевыхъ колесницахъ, охоты и т. п., такъ и предметы, найденные въ гробницахъ, въ большинствѣ богато орнаментированные сосуды, оружіе и предметы украшенія изъ золота, совершенно опредѣленно обнаруживаютъ свое восточное происхожденіе. Грубыя маски изъ золотыхъ пластинокъ, которыя накладывались на лицо умершихъ, вызываютъ въ памяти египетскіе саркофаги и покровы мумій съ портретными головами умершихъ.

Ворота, ведшія въ купольныя гробницы и внутрь городскихъ стѣнъ, были предметомъ особой архитектурной и скульптурной обработки. Надъ прямоугольнымъ входомъ клались огромные каменные блоки, надъ которыми, чтобы облегчить лежащую на нихъ тяжесть, въ стѣнѣ оставлялось пустое треугольное пространство, закрытое каменною плитою. Самыя знаменитыя и большія изъ такихъ воротъ — львиныя ворота, ведущія на микенскій акрополь (рис. 21). Свое названіе получили они отъ рельефа въ $4^1/_2$ метра длины и болѣе метра толщины въ самомъ высокомъ мѣстѣ рельефа, словомъ, самаго большого камня, когда-либо употребленнаго въ архитектурѣ. На цоколѣ, по срединѣ котораго подымается колонна, стоятъ, вытянувшись на переднихъ лапахъ, два льва, повернувшіе свои нынѣ утраченныя, первоначально же вырѣзанныя изъ отдѣльныхъ кусковъ, головы въ сторону входящихъ. Это хранители царской твердыни, съ которыми мы познакомились уже въ быкахъ и львахъ съ человѣческими головами при входныхъ дверяхъ ассирійскихъ царскихъ дворцовъ.

Такимъ образомъ и начала греческой пластики указываютъ на востокъ, природныя богатства котораго вмѣстѣ съ произведеніями искусства и промышленности сдѣлались доступными первобытнымъ жителямъ Греціи частью чрезъ посредство Малой Азіи, представлявшей естественный мостъ между Греціей и областями Евфрата и Тигра, частью чрезъ Финикіянъ. Послѣднимъ собственно принадлежатъ «циклопическая кладка» и искусство обработки металловъ. Въ Азіи коренятся зародыши греческаго искусства. Однако эллинскій народъ присваиваетъ себѣ чужіе элементы въ неустанномъ трудѣ и въ теченіе столѣтій ему удается такъ полно ихъ очистить и преобразовать въ своемъ духѣ, что присвоенное съ побѣдоносною силою является самобытнымъ. Между микенской культурой и первыми откровеніями собственнаго греческаго искусства, конечно, были промежуточные члены и переходныя ступени, отъ которыхъ до сихъ поръ еще не найдено никакихъ слѣдовъ. Однако новѣйшія изслѣдованія съ достовѣрностью показали, что даже въ формахъ зрѣлаго греческаго искусства, въ дорійскомъ и іонійскомъ архитектурныхъ пріемахъ удержались преданія египетскаго и азіатскаго искусства и еще опредѣленнѣе сказываются

они въ нѣкоторыхъ орнаментальныхъ формахъ греческихъ архитектурныхъ частей, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ египетскими растеніями, особенно съ цвѣтами лотоса*).

А. Греческая архитектура.

Крупный переворотъ вызвало окончаніе той первой эпохи греческой исторіи, которая называется «героическимъ періодомъ». Въ сказаніи о Троянской войнѣ, которую поэтически прославили древнѣйшія героическія поэмы грековъ, Гомеровскія пѣсни, сохранилось воспоминаніе объ этомъ переворотѣ. Это было первое столкновеніе первобытныхъ обитателей Эллады съ азіатскими племенами, и если эта долголѣтняя война и окончилась побѣдою эллиновъ на чужой почвѣ, то вернувшимся домой побѣдителямъ представились прежнія отношенія измѣнившимися. Отдѣльныя племена сдѣлались самостоятельными, сила единовластія сломлена и на развалинахъ ихъ государствъ развились новые государственные организмы, въ которыхъ народъ управлялъ самъ въ своей совокупности или чрезъ выбранные органы. Имущественныя отношенія перемѣнились, такъ какъ нѣкоторыя племена стали переселяться въ поискахъ за лучшими мѣстами жительства, и только когда эта цѣль была достигнута и племена эти осѣли, дальнѣйшее развитіе культуры получило прочную почву. Этотъ большой переворотъ, происшедшій около 1.100 года до Р. Х., называется въ исторіи «дорійскимъ переселеніемъ». Доряне, которые представляются намъ строгими, неповоротливыми и важными, но вмѣстѣ съ тѣмъ также храбрыми, стойкими и умѣренными, заняли Пелопонесъ, южный полуостровъ Греціи. Однако уже очень скоро послѣ этого избытокъ своего народа они выслали на западъ, гдѣ, въ Сициліи и южной Италіи, основали города, которые скоро достигли высокаго процвѣтанія и всѣ вмѣстѣ образовали такое политическое могущество и такую богатую культуру, что получили прозваніе «Великой Греціи». Рядомъ съ дорянами выдвигаются впередъ и іоняне, во всемъ своемъ существѣ полная противоположность дорянамъ. Болѣе легкая, болѣе живая фантазія была тою природною основой этого племени, изъ которой развилась высокая духовная подвижность, достигавшая геніальности въ массѣ особо одаренныхъ личностей, но при этой счастливой естественной одаренности не было недостатка и въ тѣневыхъ сторонахъ. Наклонность къ роскоши часто парализовала дѣятельную способность отдѣльныхъ лицъ; недовѣріе, зависть и ревность массы неотступно преслѣдовали великихъ людей, которые выдѣлились изъ толпы и своей самоотверженной работой искали случая сдѣлать свою родину великой и могущественной. Когда разсматриваешь исторію Греціи трезвымъ взглядомъ современнаго политика-реалиста, приходишь къ убѣжденію, что

*) Выводы г. А. Розенберга относительно микенской культуры представляются спорными. Не отвергая существованія восточныхъ элементовъ въ микенской культурѣ, никакъ нельзя отнести эти элементы на счетъ ассирійцевъ и финикіянъ, такъ какъ эти народы выступили на историческое поприще позже паденія микенской культуры, которое связывается съ дорійскимъ переселеніемъ около 1.100 года до Р. Х. Несмотря на массу элементовъ въ микенской культурѣ общихъ съ Египтомъ и Халдеей, культура микенская должна быть признана самобытной, въ которой уже проявляются элементы, характерные для будущаго греческаго искусства. *А. П.*

этотъ наиболѣе разносторонне одаренный народъ древности былъ способенъ къ созданію, но не къ поддержанію благоустроеннаго государственнаго организма. Политическій смыслъ грековъ никогда не достигъ той высоты, какой достигъ художественный. Въ то время какъ исторія Греціи послѣ грекоперсидскихъ войнъ, когда всѣ народы и племена греческія энергично ополчились противъ флота и войска персидскаго царя, грозившаго гибелью едва только развившейся греческой самостоятельной культурѣ, представляетъ грустную картину разрозненности, несчастнаго соперничества и безумнаго самоуничтоженія, приведшихъ къ рановременной гибели греческую самостоятельность, греческое искусство въ своемъ, постоянно идущемъ впередъ, развитіи оставалось почти не затрогиваемымъ политическими смутами, борьбою партій и послѣдствіями внѣшнихъ войнъ. Если оно и возникло изъ народнаго духа, то изъ него выбрало оно только добрыя силы, и если оно было настолько народнымъ, насколько затѣмъ не было ни одно искусство у какого бы то ни было народа, то все же своимъ подъемомъ, развитіемъ и процвѣтаніемъ оно обязано не милости и единодушной волѣ народа, а высокому смыслу и энергіи отдѣльныхъ мужей, которые время отъ времени умѣли захватывать въ свои руки высшую власть.

То, чего добивались деспоты въ Египтѣ и Ассиріи, примѣняя принудительную власть надъ цѣлымъ порабощеннымъ народомъ, того достигали маленькіе тиранны греко-дорійскихъ городовъ Сициліи, правители въ Аѳинахъ и іонійскихъ городахъ на западномъ берегу Малой Азіи болѣе мягкими средствами. Форма была иная, но конечная цѣль та же.

Впервые самостоятельный греческій художественный геній проявилъ себя въ архитектурныхъ произведеніяхъ и каждое изъ обоихъ племенъ, рано выступившихъ въ греческой исторіи съ своими собственными чертами, но скоро проявившихъ взаимную вражду и своимъ пагубнымъ соперничествомъ ускорившихъ гибель Греціи, и въ архитектурѣ проявило свои особенности.

Въ греческой архитектурѣ различаютъ дорійскій и іонійскій стили, съ которыми, впрочемъ, мы знакомимся впервые уже на сравнительно высокой ступени развитія, а не въ началѣ ихъ сложенія. Дорійскій стиль, повидимому, является болѣе древнимъ. По крайней мѣрѣ, въ собственной Греціи и въ сицилійскихъ и южно-италійскихъ колоніяхъ онъ развился почти вполнѣ, когда іонійскій стиль проложилъ себѣ путь въ Грецію чрезъ посредство греческихъ колоній Малой Азіи. Высшаго и совершеннѣйшаго своего развитія оба эти стиля достигли на почвѣ каменистой, скудно одаренной природой Аттики, которая со своей столицей, Аѳинами, послѣ греко-персидскихъ войнъ мало-по-малу сдѣлалась центромъ греческой образованности. Здѣсь поэзія, науки и изобразительныя искусства достигли своего наивысшаго процвѣтанія и образовали прочное основаніе той культуры, которая въ теченіе двухъ тысячелѣтій господствовала и до сихъ поръ не утратила своей чарующей силы.

Когда, послѣ переселенія дорянъ, греческій народъ успокоился и усилившееся благочестіе выяснило религіозныя представленія и на мѣсто прежнихъ грубыхъ символовъ культа природы: скалъ, деревьевъ и источниковъ, выступили болѣе или менѣе человѣкоподобные образы, явилась потребность защитить изображеніе божества крышей, дать ему жилище. Какъ боговъ изображали греки подобными себѣ, такъ и жи-

лище боговъ, святилище, храмъ сооружали по образцу собственныхъ жилищъ, совершенно такъ, какъ это дѣлали египтяне. Греческій храмъ обнаруживаетъ основную форму ту же, что и форма древняго царскаго дома, съ которымъ мы познакомились въ раскопкахъ Тиринфа и Микенъ. Чрезъ открытое спереди, но закрытое съ боковъ, поддерживаемое колоннами, преддверіе входятъ въ крытое помѣщеніе, имѣющее форму продолговатаго четыреугольника, предъ задней стѣной котораго возвышается на тронѣ изображеніе божества. Это помѣщеніе, называемое греками *наосомъ*, римлянами—целлой, и было жилищемъ бога, святилищемъ, къ которому каждый имѣлъ доступъ для принесенія своего почитанія. Религіозныя торжества, въ которыхъ желали принимать участіе многіе, совершались подъ открытымъ небомъ, въ округѣ святилища, на особо отведенныхъ для того мѣстахъ, къ которымъ вели дороги для процессій.

Эта простѣйшая и, конечно, древнѣйшая основная форма храма по переднимъ угловымъ столбамъ выступающихъ впередъ продольныхъ стѣнъ целлы названа римлянами *templum in antis*. Между столбами стояло, по крайней мѣрѣ, 2 колонны, которыя несли преддверіе. Изъ расположенія колоннъ скоро развилось большое разнообразіе храмовыхъ формъ, которыя различаются разстановкою колоннъ. Если простое преддверіе повторяется и на задней сторонѣ целлы, получается двойной храмъ въ пилястрахъ. Если боковыя стѣны целлы не доводятся впередъ до преддверія, но это послѣднее со сторонъ открыто и поддерживается только колоннами, храмовая форма называется *простилемъ*, а повтореніе такого портика на задней сторонѣ целлы даетъ форму *амфипростиль*. По мѣрѣ того, какъ возростала страсть къ постройкамъ въ городахъ и правителяхъ и вмѣстѣ съ нею смѣлость строителей, расширялись и храмовыя постройки, такъ какъ вокругъ зерна его, целлы, ставились съ начала одинъ, а затѣмъ и два ряда колоннъ, на которыя распространялись балки и крыша храма. При простой окружающей храмъ колоннадѣ храмъ назывался *периптеромъ*, такъ какъ кругомъ него шла колоннада (птеронъ), и эта форма храма наиболѣе воплощала идею греческаго храма, какъ подносмаго дара божеству, почему и приподнимался онъ на трехъ ступеняхъ. Появленіе вокругъ храма двойного ряда колоннъ, дающаго храму названіе *диптера*, указываетъ на проникновеніе роскоши, которая съумѣла превзойти простоту прежнихъ формъ не собственными, самостоятельными измышленіями, а только нагроможденіемъ уже существовавшихъ мотивовъ. Какъ скоро фантазія сдѣлалась непроизводительной, она стала стараться прикрыть этотъ недостатокъ увеличеніемъ пропорцій до колоссальныхъ размѣровъ.

Изъ этихъ основныхъ формъ развилось нѣсколько побочныхъ, которыя, какъ показываютъ уже ихъ названія, возникли изъ стремленія къ роскоши, не имѣвшаго достаточно самостоятельныхъ средствъ въ своемъ распоряженіи къ его удовлетворенію. Если храмъ обносился однимъ рядомъ колоннъ, которыя, однако, находились въ такомъ же большомъ разстояніи отъ стѣнъ целлы, какъ если бы надо было оставить мѣсто для промежуточнаго ряда колоннъ, то такая форма называлась *псевдодиптеръ*, т.-е. ложнымъ диптеромъ, если же колонны настолько придвигались къ стѣнамъ целлы, что выступали изъ нихъ только наполовину своего діаметра, то такая форма, въ которой колонны, эти важнѣйшіе и характернѣйшіе члены греческой храмовой постройки, обращались въ орнаметальныя прибавки называлась *псев-*

доперриптеръ. Отъ формы колоннъ получали свое названіе и два главныхъ греческихъ архитектурныхъ стиля: *дорійскій* и *іонійскій*. Дорійская колонна, символъ дюжей силы, племенной крѣпости, стоитъ на ступенчатомъ основаніи храма безъ всякаго посредствующаго члена, безъ базы. Крѣпкій, приземистый стержень не остается гладкимъ, какъ въ египетской колоннѣ, но расчленяется 16—20 вверхъ идущими ложками, углубленіями, *канеллюрами*, края которыхъ сходятся подъ острымъ угломъ. Не трудно намъ въ этихъ ложкахъ признать происхожденіе колоннъ изъ растительныхъ формъ, изъ высоко подымающихся древесныхъ стволовъ, но прежде чѣмъ признали это соотношеніе, греческія колонны представлялись самобытными созданіями эллинскаго духа. Капитель дорійской колонны (рис. 22) состоитъ изъ низкой, чашевидной формы (*эхина*) и четыреугольной плиты (*абака*), которая принимаетъ на себя балки (*архитравъ*). Надъ архитравомъ тянется фризъ, состоящій изъ

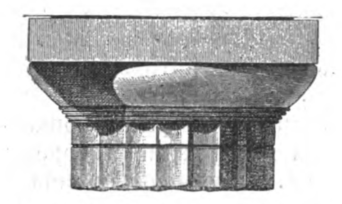

Рис. 22. Капитель дорійской колонны.

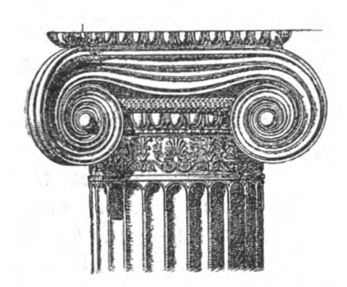

Рис. 23. Капитель іонійской колонны.

Рис. 24. Капитель коринфской колонны.

ряда каменныхъ плитъ съ рельефными изображеніями (*метопъ*) и раздѣляющихъ ихъ между собою *триглифовъ*, блоковъ съ тремя вертикальными бороздами, этихъ, можетъ быть, остатковъ деревянной архитектуры, существовавшей ранѣе каменной. Надъ фризомъ, отдѣляясь отъ него карнизомъ, подымается плоская двускатная крыша, которую греки называютъ орломъ (*аэтосъ*), находя въ ней сходство съ распущенными крыльями орла. Пространство *фронтоновъ*, треугольниковъ подъ этой двускатной крышей, заполнялось статуарными группами, рѣже рельефами, и изображенія ихъ стояли въ тѣсной связи съ божествомъ, которому былъ посвященъ храмъ. На конькѣ крыши ставились маленькія фигуры или декоративныя скульптуры въ формѣ пальметтъ (*акротеріи*).

Тамъ гдѣ позволялъ это добываемый въ каменоломняхъ матеріалъ, колонны высѣкались изъ цѣльнаго куска, однако, въ большинствѣ случаевъ онѣ складывались изъ нѣсколькихъ блоковъ (*барабановъ*), ко-

торые пригонялись одинъ къ другому такъ аккуратно, что швы были совершенно незамѣтны. Хотя греческіе художники-строители и не имѣли въ своемъ распоряженіи тысячъ рабовъ, какъ египетскіе фараоны, тѣмъ не менѣе они произвели не мало чудесъ техники, конечно гораздо въ меньшихъ размѣрахъ. Въ большихъ размѣрахъ и не нуждался греческій храмъ, такъ какъ по самому своему назначенію онъ былъ только домомъ божества. *Пареенонъ* въ Аеинахъ (рис. 25), храмъ Аеины-Дѣвственницы, покровительницы города, былъ только немногимъ выше 19 метровъ. Въ немъ дорійскій стиль достигъ своего наивыс-

Рис. 25. Пареенонъ въ Аеинахъ.

шаго и утонченнѣйшаго развитія. Въ своемъ внѣшнемъ видѣ онъ проявляетъ форму периптера и эта форма повторяется и внутри въ двухъ рядахъ колоннъ, дѣлящихъ целлу на три нефа, давая такое дѣленіе, въ которомъ мы видимъ прообразъ римскихъ и позднѣе христіанскихъ базиликъ. Въ теперешнемъ разрушенномъ видѣ Пареенонъ, этотъ величайшій дорійскій храмъ греческой метрополіи, созданный *Иктиномъ* и *Калликратомъ* въ то блестящее время, когда Периклъ руководилъ политикой Аеинъ, между 447 и 434 годами до Р. Х., не даетъ намъ удовлетворительнаго представленія ни о своей первоначальной роскоши, ни о красотѣ и уравновѣшенности своихъ пропорцій, ни о своей величественности. До 1687 года онъ сохранялся еще не дурно, но во время осады города венеціанцами попавшая въ него бомба начала разрушеніе, которое продолжалось и позже и закончилось увозомъ большей части его пластическаго украшенія. Лучше сохранился болѣе древній храмъ въ Аеинахъ, такъ называемый *Тезей*-

онъ (рис. 26), но лучше всѣхъ храмовъ греческой древности сохранился *храмъ Посейдона у Пестума* въ южной Италіи, построенный въ половинѣ VI-го вѣка до Р. Х. Наоборотъ, незначительнымъ по своему художественному значенію является выстроенный *Либономъ* около 470 года храмъ Зевса въ Олимпіи, обязанный своей извѣстностью въ древности гораздо болѣе стоявшей тамъ исполненной Фидіемъ изъ слоновой кости и золота статуѣ Зевса, въ которомъ греческія племена, послѣ учрежденія въ знакъ своего политическаго единства здѣсь въ 776 году олимпійскихъ игръ, почитали видимый символъ ихъ родства.

Гармоничное отношеніе отдѣльныхъ частей къ цѣлому, хорошо расчлененный организмъ цѣлаго, гдѣ всѣ части являлись цѣлесообразными и необходимыми, чудесная законченность всего сооруженія, при видѣ которой смолкаетъ всякая критика современнаго изслѣдователя, не удовлетворяли, однако, тонко развитое чувство красоты древняго грека. Часто архитектурное впечатлѣніе, подкрѣпленное еще широкимъ участіемъ скульптуры, должно было быть еще приподнято, завершенно раскраскою. Греческій храмъ въ своемъ законченномъ видѣ блисталъ своимъ богатѣйшимъ красочнымъ украшеніемъ (*полихроміей*). Подъ голубымъ небомъ, при яркихъ краскахъ окружающей природы, бѣлый тонъ мрамора рѣзалъ бы глаза, да, кромѣ того, греки раздѣляли со всѣми южанами, съ азіатами и египтянами, отъ которыхъ пришли къ нимъ первыя художественныя возбужденія, пристрастіе къ возможно широкому примѣненію красокъ. Большія плоскости, колонны, стѣны целлы и архитравъ, даже когда они дѣлались изъ лучшихъ породъ мрамора, покрывались свѣтло-желтой прозрачной краской. При украшеніи отдѣльныхъ частей, какъ-то капителей, триглифовъ, метопъ, фризовъ, карниза и т. д., примѣнялись яркіе тона красокъ, какъ красная, голубая, зеленая, желтая, непосредственно рядомъ, не отдѣленные даже золотомъ. Эта полихромія распространялась и на всѣ скульптурныя части, точно такъ же, какъ примѣнялась она и въ скульптурѣ, не зависимой отъ архитектуры. До насъ дошло выраженіе великаго Праксителя, что онъ особенно высоко цѣнилъ тѣ изъ своихъ произведеній, которыя раскрашивалъ живописецъ Никій. Отъ этой полихроміи древнегреческихъ архитектурныхъ памятниковъ до насъ сохранились ничтожные остатки, достаточные, однако, чтобы установить первоначальное впечатлѣніе отъ нея. Теплый, золотисто-коричневый блескъ, которымъ и до сихъ поръ сіяютъ развалины храмовъ Греціи, южной Италіи и Сициліи, происходитъ отъ разложенія мрамора или, какъ показали новыя изслѣдованія, отъ появленія на мраморѣ лишая.

Характернѣйшею особенностью іонійскаго ордера является форма колонны, которая отличается отъ дорійской прежде всего большею стройностью, а затѣмъ базою и формою капители (рис. 23). Въ то время какъ дорійская колонна выходитъ непосредственно изъ основанія зданія, какъ дерево изъ почвы, іонійская стоитъ на базѣ, которая состоитъ изъ четырехугольнаго плинта, двухъ углубленій (*трохилей*), отдѣленныхъ другъ отъ друга валиками, и лежащаго на нихъ подушкообразнаго вала. Канеллюры не сходятся здѣсь болѣе подъ острымъ угломъ, но раздѣлены одна отъ другой узкими ребрами. Особенно богатую и совершенно отличную отъ дорійской форму представляетъ іонійская капитель, которая въ обѣ стороны надъ дорійскимъ эхиномъ развивается въ спиралевидныя формы, такъ называемыя *волюты*. Эхинъ по большей части украшенъ рядомъ скульптурныхъ листьевъ, овальная форма которыхъ дала этому украшенію названіе «ововъ». Гораздо бо-

Рис. 26. Тезейонъ (храмъ Тезея) въ Аѳинахъ.

гаче расчленено и все надстолбіе (антаблементъ), начиная отъ тройного архитрава до карниза и желоба надъ нимъ (*симы*). Метопы и триглифы исчезли и на ихъ мѣсто явился гладкій *фризъ*, который покрывается или рельефомъ, или живописью.

Хотя іонійскій стиль возникъ въ греческихъ колоніяхъ на западномъ побережьѣ Малой Азіи и поэтому еще нагляднѣе, чѣмъ дорійскій, проявляетъ свое происхожденіе изъ восточной архитектурной манеры, однако своего совершеннѣйшаго развитія достигъ и онъ на почвѣ Аттики, на которой какъ бы удвоивались всѣ духовныя силы эллинства, какъ въ искусствѣ, такъ и въ наукѣ. Самые памятники іонійскаго стиля въ Аѳинахъ сохранились лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Въ то время, какъ въ Малой Азіи древнѣйшія іонійскія постройки погибли почти совершенно, Аѳины въ Эрехѳіонѣ на Акрополѣ (рис. 27) имѣютъ прекраснѣйшій и чудно сохранившійся храмъ іонійскаго ордера, который въ то же время, благодаря своему оригинальному устройству, среди греческихъ храмовъ занимаетъ обособленное мѣсто, такъ какъ онъ посвященъ одновременно культу двухъ божествъ, покровительницы города Аѳины и морскаго бога Посейдона, получившаго прозваніе Эрехѳія. Неровностью самой скалистой почвы Акрополя объясняется различная высота отдѣльныхъ частей этого храма, изъ которыхъ южный красивый портикъ пріобрѣлъ особое значеніе и славу, благодаря поддерживавшимъ его дѣвушкамъ, *корамъ* или *каріатидамъ*. О первоначальной красотѣ зданія даетъ правильное представленіе счастливая попытка его реставраціи, предложенная Ниманомъ. Насколько богаче сдѣлался іонійскій стиль на аттической почвѣ, особенно ясно показываетъ капитель Эрехѳіона при

*

сравненіи ея со строго іонійской, а изъ сопоставленія аттико-іонійской капители съ дорійской яснымъ дѣлается тотъ шагъ впередъ по пути разнообразія и неотразимой прелести, который обозначило появленіе въ Греціи іонійскаго стиля.

Аѳинскій акрополь представляетъ еще два памятника совершеннаго іонійскаго стиля: *храмъ Ники Аптеросъ* (Безкрылой Побѣды) на выступѣ скалы вправо отъ входа на Акрополь (рис. 28) и *Пропилеи*, роскошныя ворота, которыя стоятъ на верху лѣстницы, ведущей на Акрополь (рис. 29). И эти сооруженія лежатъ въ развалинахъ, но на почвѣ научныхъ изслѣдованій архитекторамъ нашего времени удалось возстановить хотя приблизительно вѣрное представленіе о томъ роскошномъ видѣ, какой представлялъ аѳинскій Акрополь, это святилище греческаго искусства, во дни его наибольшаго блеска. Колоссальнѣе этихъ аѳинскихъ построекъ іонійскаго стиля были позже построенныя на малоазійской почвѣ: храмъ Аѳины въ Пріэнѣ, храмъ Аполлона въ Милетѣ и Артемиды въ Ефесѣ, прославленная святыня древности, послѣ сожженія Геростратомъ, построенная вновь Динократомъ въ болѣе роскошной формѣ, которая дала ей мѣсто среди семи чудесъ древняго міра.

Рядомъ съ дорійскимъ и іонійскимъ ордерами, которые оба были формальнымъ проявленіемъ греческаго духа въ архитектурѣ, въ VI-мъ вѣкѣ до Р. Х. развивается еще третій стиль, коринфскій, который въ сущности отличается отъ іонійскаго только капителью (рис. 24). Онъ представляется поэтому не болѣе, какъ декоративнымъ подъемомъ послѣдняго, но чашеобразная форма капители, представлявшаяся позднѣйшимъ

Рис. 27. Эрехѳіонъ въ аѳинскомъ Акрополѣ (южный портикъ съ каріатидами).

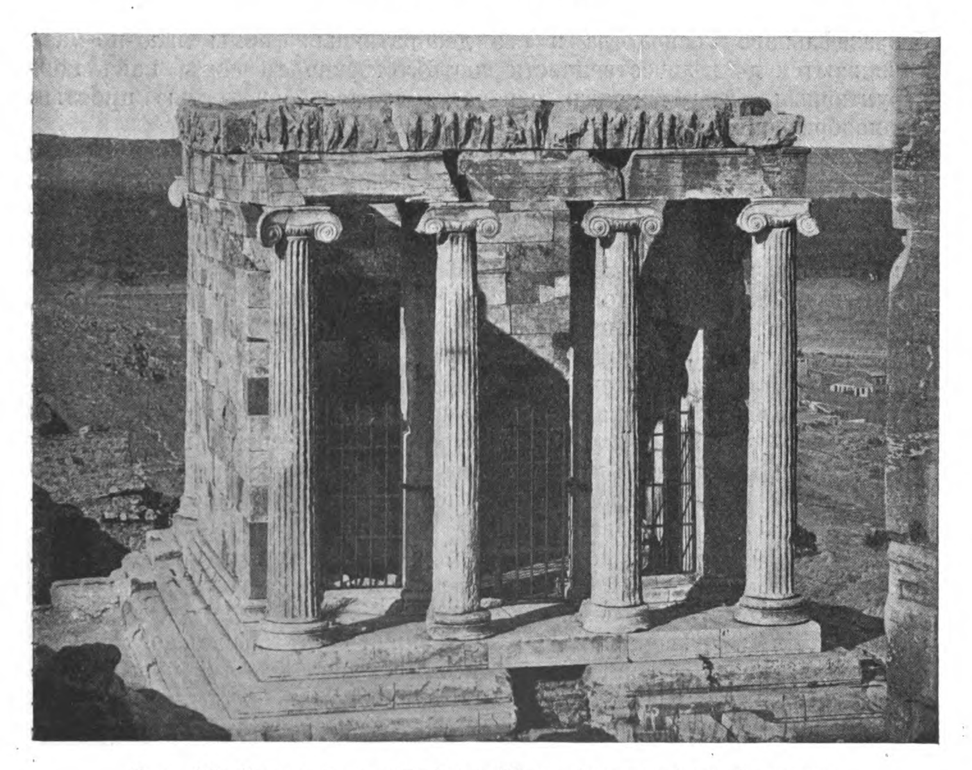

Рис. 28. Храмъ Аѳины-Побѣды (Ника Аптеросъ) въ Аѳинахъ.

грекамъ и римлянамъ похожею на корзину, покрытую стоящими аканѳовыми листьями, указываетъ на происхожденіе ея отъ египетскихъ чашевидныхъ капителей.

Въ то время, какъ у египтянъ растительный элементъ въ этихъ капителяхъ изображался красками, греки исполняли его скульптурой, вырѣзывая въ камнѣ и листья, и вѣтви. Сперва капитель обхватывалъ одинъ рядъ остроконечныхъ листьевъ медвѣжатника, аканѳа, который далъ греко-римскому искусству необыкновенное разнообразіе декоративныхъ мотивовъ и сохранилъ свое значеніе классическаго орнаментальнаго мотива и до новѣйшаго времени. Впослѣдствіи изъ промежутковъ между листьями выдвинулись болѣе высокіе листья, такъ что появились два ряда листьевъ, и тогда изъ угловъ выдѣлились стеблевидныя образованія, которыя, завиваясь, подпирали углы плинта къ балкѣ, къ архитраву.

Высшій моментъ въ развитіи коринѳской капители на греческой почвѣ представляетъ хорошо до насъ сохранившійся памятникъ, воздвигнутый нѣкіимъ Лизикратомъ для постановки полученнаго имъ золотого треножника, какъ награды за постановку и исполненіе хора въ публично поставленныхъ драматическихъ произведеніяхъ. Это одно изъ послѣднихъ произведеній архитектуры, гдѣ аттическій художественный вкусъ сказался во всей своей прелести и чистотѣ.

Въ виду своей большей роскоши, своего бо́льшаго великолѣпія, коринѳскій стиль былъ усвоенъ римлянами, которые культивировали его не только въ своей столицѣ, но и въ самой Греціи съ особенной любовью. Съ началомъ императорскихъ временъ этотъ стиль достигаетъ

безраздѣльнаго господства и его декоративныя формы мало-по-малу развиваются до величественности соотвѣтственно съ тѣмъ, какъ конструктивныя силы римлянъ переростаютъ своей смѣлостью простыя формообразованія грековъ.

Уже въ Греціи рядомъ съ храмами воздвигались монументальныя постройки и для свѣтскихъ цѣлей, и ихъ формы послужили римлянамъ образцами для ихъ колоссальныхъ сооруженій. Такъ какъ политическая и общественная жизнь грековъ проходила при полной гласности и въ узкомъ кругу отдѣльныхъ профессій, такъ какъ забота о развитіи тѣлесныхъ и духовныхъ силъ народа лежала на государствѣ, то для этого и воздвигались общественныя зданія: зданія для правительственныхъ учрежденій на основахъ демократическихъ, булевтеріоны и пританіи, окруженныя портиками площади для народныхъ собраній, театры для драматическихъ представленій съ хоровой пѣсней и музыкой, устраиваемыхъ на государственный счетъ, гимназіи для тѣлесныхъ упражненій, къ которымъ впослѣдствіи присоединились и духовныя, сообщенія философовъ и поэтовъ (откуда и получилось современное пониманіе слова гимназія), палестры для борьбы и кулачныхъ боевъ, стадіи для состязанія въ бѣгѣ, гипподромы для скачекъ и бѣговъ на колесницахъ и т. д. Гимнастическія упражненія, въ которыхъ развивали свои силы не только мальчики, юноши и мужи, но впослѣдствіи и дѣвочки и даже дѣвушки, составляли основу греческаго народнаго образованія и военныхъ способностей и въ то же время давали художникамъ постоянную и неисчерпаемую возможность изучать человѣческое тѣло, изображеніе котораго въ наготѣ вскорѣ сдѣлалось излюбленной задачей изобразительныхъ искусствъ. То, что изучалось въ продолженіе годовъ, находило признаніе и награду на національныхъ играхъ, которыя устраивались черезъ правильные промежутки времени и на которыхъ дружески соединялись всѣ греческія племена. Самыми

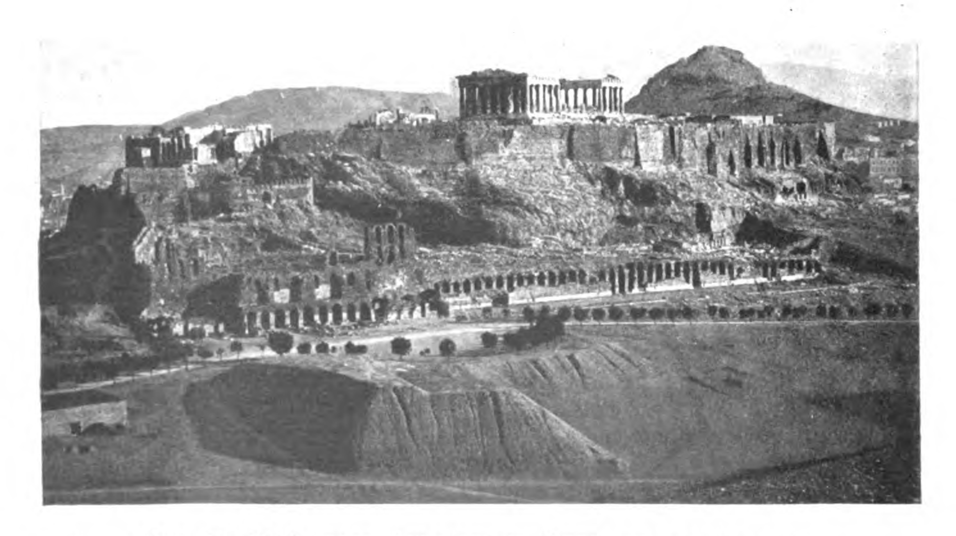

Рис. 29. Общій видъ Акрополя съ Филопаппа въ Аѳинахъ.

блестящими изъ этихъ игръ, имѣвшими наибольшее значеніе для каждаго грека, являлись олимпійскія, праздновавшіяся каждые четыре года въ Пелопонесской области Элидѣ, въ долинѣ, называвшейся «Алтидой»; учрежденныя въ 776 г. до Р. Х., они просуществовали до 394 г. по Р. Х. Вокругъ храма олимійскаго Зевса, почитаемаго національной святыней всѣми греческими племенами, въ теченіе вѣковъ образовалась масса построекъ различнаго рода: храмы, сокровищницы, мѣста собраній, гостинницы для участниковъ въ играхъ, жилища для должностныхъ лицъ рядомъ съ помѣщеніями для упражненій и боль-

Рис. 30. Театръ Діониса.

шимъ стадіемъ для состязающихся въ бѣгѣ. Отъ этихъ, различно сформованныхъ построекъ, при раскопкахъ въ 1876 году на средства германскаго правительства, были открыты значительные остатки. Несмотря на сильныя поврежденія во многихъ существенныхъ частностяхъ, они обнаруживаютъ уже присутствіе здѣсь всѣхъ основныхъ формъ, которыя, послѣ паденія Греціи, сперва на малоазійской и египетской почвѣ, а затѣмъ у римлянъ, получили дальнѣйшее развитіе и привели къ созданіямъ удивительной смѣлости.

Среди общественныхъ сооруженій особенное вниманіе удѣлялось театрамъ, древнѣйшимъ изъ которыхъ, кажется, надо считать театръ Діониса на южномъ склонѣ Акрополя въ Аѳинахъ (рис. 30). Послѣ того какъ въ V-мъ вѣкѣ древнее деревянное зданіе этого театра было замѣнено каменнымъ, театръ этотъ явился прототипомъ всѣхъ прочихъ театровъ въ Греціи и въ колоніяхъ. Для сооруженія театра, гдѣ только

позволяла мѣстность, выбирали обыкновенно склонъ горы, по которому и располагались въ полукругѣ ступенями ряды мѣстъ для зрителей, вырѣзанные въ живой скалѣ. Эти мѣста зрителей окружали большую часть круглой площади, предназначенной для танцевъ хора. Открытая сторона ея ограничивалась сценическими постройками, которыя въ позднѣйшія времена сооружались изъ камня и богато украшались колоннами и изваяніями.

Послѣдній могучій подъемъ представила греческая архитектура послѣ смерти Александра Великаго, когда его генералы, такъ называемые діадохи, на развалинахъ его всемірной монархіи основали маленькія государства и въ нихъ создавали новыя столицы, украшаемыя съ необыкновенною роскошью художественными произведеніями греческихъ архитекторовъ и скульпторовъ. Тогда сооружались не только отдѣльныя зданія, но создавались по художественно задуманному плану цѣлые города съ такимъ расчетомъ, чтобы въ нихъ, какъ въ художественномъ цѣломъ, отдѣльныя зданія гармонично сочетались въ постепенномъ усиленіи впечатлѣнія отъ цѣлаго. На почвѣ Малой Азіи діадохамъ отчасти предшествовали мѣстные царьки, какъ, напримѣръ, карійскій царь Мавзолъ, который украсилъ свою столицу Галикарнасъ многими великолѣпными художественными произведеніями и укрѣпленіями. Съ его именемъ связано воспоминаніе объ одномъ изъ семи чудесъ свѣта, *о мавзолеѣ*, надгробномъ памятникѣ, воздвигнутомъ ему его супругой Артемизіей въ 350 году до Р. Х. при участіи въ сооруженіи его греческихъ художниковъ. Этотъ памятникъ состоялъ изъ внушительнаго основанія съ погребальною камерою внутри и стоящаго на немъ храма, увѣнчаннаго крышей въ видѣ ступенчатой пирамиды, на вершинѣ которой, на колесницѣ о четырехъ лошадяхъ, стояли статуи царя и его супруги. Отъ этого зданія въ 40 м. высоты, въ скульптурномъ украшеніи котораго принимали участіе такіе выдающіеся художники, какъ Скопасъ, въ 1858 году на мѣстѣ были найдены только ничтожные остатки, преимущественно скульптурные фрагменты, и между ними разбитая статуя Мавзола. Совершенно, безъ всякаго слѣда, исчезли съ лица земли обѣ блестящія столицы временъ діадоховъ, Антіохія въ Сиріи и Александрія въ Египтѣ. Наоборотъ, предпринятыя прусскимъ правительствомъ въ 1880 году подъ руководствомъ инженера К. Гумана раскопки на мѣстѣ древняго Пергама, столицы Атталидовъ, у западнаго берега Малой Азіи, даютъ намъ ясное и полное представленіе о главномъ городѣ государства, основаннаго Атталомъ I-мъ и высшаго своего процвѣтанія достигнувшаго, какъ показываютъ сохранившіеся до насъ памятники, при Евменѣ II-мъ, въ первой половинѣ II-го вѣка до Р. Х. По образцу древнегреческихъ городовъ, и въ городахъ эллинистической культуры, въ художественныхъ произведеніяхъ которой греческое чувство красоты и мѣры вступило въ благородный союзъ съ восточною любовью къ роскоши, важнѣйшія постройки концентрировались на акрополѣ, а акрополь этотъ, первоначально служившій крѣпостью, мало-по-малу расширился по нѣсколькимъ террассамъ и обратился въ верхній городъ, подъ защитою котораго внизу, въ долинѣ, селились граждане, образуя нижній городъ. Въ Пергамѣ, на верхней террассѣ, какъ важнѣйшее святилище, стоялъ храмъ Аѳины Поліады, дворъ котораго съ двухъ сторонъ былъ окруженъ двухэтажными портиками. За нимъ помѣщалась библіотека, обязательно существовавшая въ каждой столицѣ діадоховъ, которые одинаково усердно покровительствовали и искус-

ству, и наукѣ. На ближайшей, низшей террасѣ былъ воздвигнутъ знаменитый алтарь Зевса, отъ котораго сохранилось столько фрагментовъ, что представилась возможность предпринять въ Берлинѣ, въ особомъ зданіи, реставрацію его. Цоколь, нижняя часть алтаря, былъ опоясанъ фризомъ, изображающимъ въ высокомъ рельефѣ борьбу боговъ съ гигантами. Отъ этого фриза до насъ сохранилась значительная часть, которая знакомитъ насъ съ совершенно новой стороной греческаго художественнаго творчества въ эллинистическую эпоху, стремленіемъ къ живописности въ скульптурѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ подъемомъ страстности, что въ художественномъ развитіи послѣдующихъ вѣковъ вновь совмѣстно появляется въ искусствѣ стиля бароко. На третьей террассѣ пергамскаго акрополя храмъ Діониса и театръ заканчиваютъ роскошныя постройки, въ которыхъ владычество Атталидовъ оставило по себѣ славную память.

Всѣ эти постройки въ позднѣйшія времена были превзойдены римлянами, предпріимчивый духъ которыхъ не останавливался ни передъ какими трудностями. Утвердивъ на нѣкоторое время свое міровое владычество, они старались усвоить и искусство побѣжденныхъ. Однимъ изъ основныхъ положеній ихъ государственнаго искусства было уничтожать въ покоренныхъ странахъ всякое воспоминаніе о прошедшемъ созиданіемъ роскошныхъ построекъ. Тамъ, гдѣ существующее на лицо было освящено древностью, особымъ почитаніемъ или искусствомъ, тамъ примыкали они къ нему съ мудрою осторожностью, тамъ же, гдѣ сохраненіе существующаго грозило безопасности ихъ владычества, какъ напримѣръ, въ Карфагенѣ, тамъ безпощадно стирали они съ лица земли и послѣдніе остатки существовавшаго. Въ общемъ даже колоссальностью своихъ строительныхъ предпріятій римляне стремились внушать покореннымъ народамъ сознаніе ихъ превосходства, и къ этимъ колоссальнымъ размѣрамъ они умѣли съ ловкостью приспособлять орнаментальныя формы, заимствованныя ими съ греческаго востока. Смѣлостью своихъ конструкцій и практичностью своихъ построекъ для общихъ цѣлей двинули они строительное искусство далѣе грековъ.

B. Греческая пластика.

Если греческая скульптура и начинается позже, чѣмъ живопись, то самостоятельности за то достигаетъ она ранѣе. Между тѣмъ какъ живопись долго остается въ положеніи прикладнаго искусства, на службѣ у гончарнаго дѣла для украшенія глиняныхъ сосудовъ разнаго рода, скульптура очень рано освобождается отъ связи съ архитектурой и ремесломъ, которымъ и она служила нѣкоторое время, почему и создался рельефъ прежде круглой скульптуры. По образцу востока, балки древняго деревяннаго храма покрывались металлическими листами, украшенными рельефными изображеніями, а когда въ этихъ храмахъ дерево было замѣнено камнемъ, бронзовые рельефы тоже уступили мѣсто каменнымъ. Въ гомеровскомъ описаніи щита Ахилла сохранилось воспоминаніе объ этихъ древнѣйшихъ металлическихъ произведеніяхъ, знаніе и употребленіе которыхъ греки усвоили отъ финикіянъ.

Уже въ самыхъ древнѣйшихъ произведеніяхъ греческой пластики любимымъ предметомъ изображенія является человѣкъ, а не божество. Боги были почитаемы въ образѣ деревянныхъ идоловъ, сдѣланныхъ

изъ грубыхъ досокъ или древесныхъ стволовъ, которымъ придавалась человѣческая форма прибавкою отдѣльныхъ членовъ тѣла. Гораздо ранѣе греки стали посвящать богамъ въ ихъ храмы изображенія собственнаго своего тѣла, чтобы получить себѣ защиту боговъ. Точно также дорого имъ было и благоволеніе ихъ покойныхъ, которое они старались снискивать тѣмъ, что воздвигали имъ на могилахъ статуи или украшали могилы рельефами. на которыхъ покойные изображались, какъ высшія существа, въ размѣрахъ бо́льшихъ натуры и живущіе имъ приносили жертвы. Стремленіе къ портретному сходству было имъ чуждо. Они удовлетворялись двумя типами, нагого мужа и одѣтой женщины. Мужи изображались обыкновенно стоящими или выступающими, женщины, въ большинствѣ, сидящими. Уже въ этомъ обнаруживается вліяніе на греческую пластику заботы грековъ о тѣлесномъ развитіи, такъ какъ съ самаго начала художники, имѣя предъ глазами въ гимназіяхъ и палестрахъ живые образцы нагого тѣла, изображали мужчинъ нагими, между тѣмъ какъ только въ IV-мъ столѣтіи, послѣ ряда робкихъ попытокъ, рѣшились они на изображенія нагого женскаго тѣла.

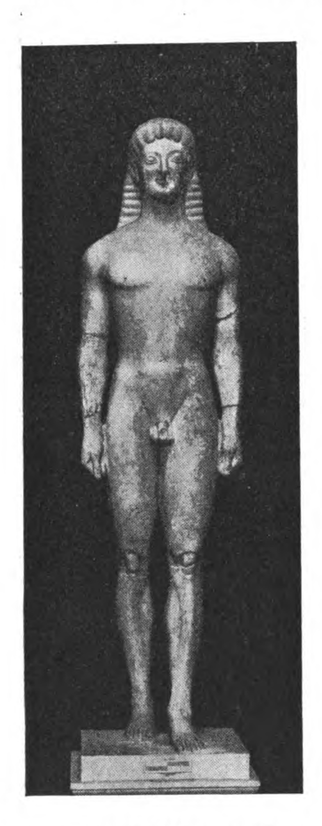

Рис. 31. Тенейскій Аполлонъ.

Типъ нагого мужа представляется намъ въ цѣломъ рядѣ статуй, частью съ острововъ, частью изъ Беотіи; повидимому, этотъ родъ круглыхъ скульптуръ пришелъ въ самую Грецію изъ Малой Азіи по островамъ. По рѣзкой, угловатой обработкѣ мрамора, по тому, какъ руки тѣсно прижимаются къ тѣлу, можно ясно видѣть, что прототипы этихъ каменныхъ статуй были рѣзаны изъ дерева и деревянная техника была наивно перенесена на мраморъ. Однако подвижный духъ греческихъ скульпторовъ скоро съумѣлъ внести въ эти застывшія фигуры жизнь и движеніе, и послѣдняя фигура въ ряду статуй этого типа, такъ называемый *Тенейскій Аполлонъ* изъ Коринѳа (рис. 31), никакъ не статуя бога, а, по всей вѣроятности, надгробная или посвященная въ храмъ статуя атлета, обнаруживаетъ уже стремленіе оживить лицо улыбкой, правда неподвижною, которая затѣмъ дѣлается характерною для скульптуръ древняго (*архаичеекаго*) стиля. Въ Малой Азіи возникли и первыя сидячія статуи, одѣтыя мужскія и женскія, сидящія на троноподобныхъ сѣдалищахъ; десять изъ такихъ колоссальныхъ статуй было найдено у священной дороги, ведущей къ храму Аполлона въ Милетѣ; по образцу египетскихъ аллей сфинксовъ, эти фигуры, изображенія членовъ правящей фамиліи, были разставлены, вмѣстѣ со статуями львовъ, по сторонамъ этой дороги.

Древнѣйшими памятниками рельефной скульптуры въ камнѣ признается группа надгробныхъ рельефовъ, найденныхъ около Спарты, и три метопы съ средняго храма на акрополѣ греческой колоніи въ

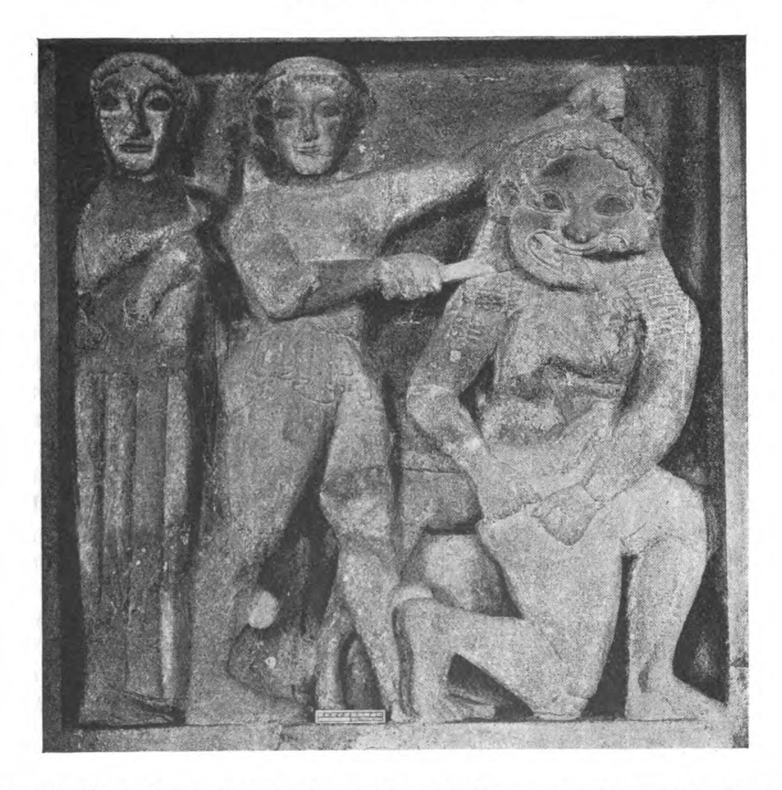

Рис. 32. Персей отрубаетъ голову Медузы. Селинунтскій метопъ. Палермо.

Сициліи, Селинунта. Послѣднія, изъ которыхъ изображенная у насъ представляетъ убіеніе Медузы и возникновеніе изъ крови ея Пегаса (рис. 32), какъ кажется, относятся еще къ концу VII-го вѣка. Какъ на египетскихъ рельефахъ, туловище здѣсь передается спереди, ноги въ профиль, такъ какъ безпомощное еще искусство не въ состояніи изобразить иначе. Въ болѣе развитой формѣ представляется намъ скульптурная техника въ древнѣйшемъ изъ спартанскихъ надгробныхъ рельефовъ, который можно относить къ половинѣ VI-го вѣка, т.-е. къ значительно позднѣйшему времени. Здѣсь обнаруживается уже болѣе разнообразная композиція и лицо одной изъ сидящихъ фигуръ изображено въ профиль. Надъ трономъ сидящей пары извивается змѣя, конечно, символъ безсмертія. Мужчина держитъ въ правой рукѣ бокалъ о двухъ ручкахъ, кантаръ, женщина—гранатовое яблоко, какъ символъ продолженія жизни и по смерти. Двѣ фигуры, приближающіяся съ дарами, намѣренно исполнены въ крошечныхъ размѣрахъ, чтобы выдѣлить покойныхъ, какъ героевъ, существа, достойныя поклоненія. Исполненіе этого рельефа ясно обнаруживаетъ примѣненіе деревянной техники. Греческіе художники этого древняго періода скульптурнаго творчества должны были серьезно думать объ изобрѣтеніи техники, которая бы соотвѣтствовала каждому матеріалу. Миѳическіе разсказы, сложенные и передаваемые самими греками о началѣ ихъ искусства, преимущественно называютъ имена такихъ художниковъ, которые сдѣлали какой-нибудь шагъ впередъ въ дѣлѣ техники. Родоначальникомъ этихъ миѳическихъ художниковъ считаютъ

грека *Дедала*, о которомъ говорятъ, что онъ первый отдѣлилъ руки отъ туловища, выдвинулъ одну ногу на шагъ впередъ и открылъ глаза; такимъ образомъ онъ положилъ начало движенію и проявленію жизни.

Уже въ этихъ древнѣйшихъ скульптурахъ, какъ въ архитектурѣ, краска играла большую роль, но ничуть не для передачи впечатлѣнія естественности. Здѣсь просто въ самой наивной формѣ проявлялась обычная юнымъ народамъ любовь къ краскамъ, но уже въ теченіе столѣтія эта любовь настолько уменьшилась, что въ началѣ V-го столѣтія окраска ограничивалась только отдѣльными частями одежды, особенно же украшеніемъ коймъ ея и рисунками на полѣ одежды, въ окраскѣ же частей тѣла, волосъ, бровей и глазъ стремились къ передачѣ природы, чему содѣйствовала и позолота предметовъ украшенія у женскихъ статуй. Цѣлый рядъ такихъ статуй былъ найденъ при раскопкахъ, произведенныхъ на Акрополѣ въ 1884 году; здѣсь на свѣтъ Божій были извлечены обломки построекъ и скульптуръ, разрушенныхъ на Акрополѣ персами въ 480 году до Р. Х. и оставленныхъ въ землѣ вернувшимися аѳинянами, украсившими Акрополь много роскошнѣе. По этимъ женскимъ статуямъ (рис. 33), которыя были подносными дарами богинѣ Аѳинѣ и стояли въ самомъ храмѣ или передъ нимъ, узнаемъ мы о положеніи аттическаго искусства въ періодъ времени отъ 500 до 480 года до Р. Х. Какъ и архитектура, мраморная скульптура, введенная, вѣроятно, іонійскими художниками и вытѣснившая совершенно старую поросовую скульптуру, достигла наивысшаго совершенства впервые на аттической почвѣ. Въ передачѣ сложныхъ прическокъ и богатыхъ, напоминающихъ востокъ, одеждъ, которыхъ одѣто три одна на другую, обнаруживается стремленіе къ изысканности и къ тонкости исполненія. Такимъ образомъ эти статуи являются предвѣстницами тѣхъ благородныхъ одѣтыхъ статуй, лучшими образчиками которыхъ служили знаменитыя каріатиды Эрехѳіона (см. в. рис. 27). Изысканная, почти кокетливая трактовка одежды, характерная для тѣхъ аттическихъ статуй, удерживается въ греческой скульптурѣ еще нѣсколько времени послѣ грекоперсидскихъ войнъ, свидѣтельствомъ чего является мраморная статуя быстро шагающей впередъ Артемиды въ въ неаполитанскомъ музеѣ въ которой видятъ копію со статуи, исполненной изъ золота и слоновой кости художниками изъ Навпакты Менехмомъ и Сойдомъ въ половинѣ V-го вѣка для храма эолійскаго города Калидона.

Рис. 33. Женская фигура типа коръ, изъ Акрополя въ Аѳинахъ.

До насъ дошло много именъ выдающихся художниковъ, жившихъ непосредственно предъ или послѣ грекоперсидскихъ войнъ; древніе писатели называютъ намъ и произведенія ихъ, но въ нашемъ запасѣ памятни-

ковъ нѣтъ ни одного, который мы могли бы съ досто вѣрностью сопоставить съ именами этихъ художниковъ. Мы знаемъ только, что въ различныхъ городахъ Пелопонеса, который въ послѣдней четверти VI-го и въ первой V-го вѣка стоялъ во главѣ скульптурной дѣятельности, преимущественно практиковалась бронзовая пластика и что особенно въ городахъ: Аргосѣ, Сикіонѣ и Эгинѣ около выдающихся мастеровъ собирались ученики, которые снабжали своими произведеніями другіе города и даже Аѳины. Въ Аргосѣ работалъ *Агеладъ*, который въ греческой исторіи искусствъ славенъ тѣмъ, что долженъ былъ бы быть учителемъ трехъ первыхъ великихъ мастеровъ греческой пластики, Мирона, Фидія и Поликлета; въ Сикіонѣ работалъ *Канахъ*, главное произведеніе котораго, бронзовая статуя Аполлона, было предназначено для храма этого бога въ Милетѣ, и въ Эгинѣ— *Каллонъ* и *Онатъ*, основатели школы выдающихся скульпторовъ и литейщиковъ, значеніе которыхъ для развитія греческой пластики выясняется изъ обширнаго выдающагося произведенія этой школы, выкопанныхъ въ 1811 году фронтонныхъ статуй храма Аѳины на Эгинѣ. Нѣтъ недостатка въ выдающихся скульпторахъ въ это время и въ Аѳинахъ, но, кажется, они не дошли еще до той свободы движенія, какую обнаруживаютъ эгинскія группы, хотя имъ и не недоставало заказовъ, имѣвшихъ предметомъ изображеніе драматически подвижныхъ событій. Такъ, напримѣръ, скульпторъ *Антенорь* создалъ группу «Тиранноубійцъ», Гармодія и Аристогитона, которая была поставлена на Акрополѣ въ память геройскаго поступка этихъ друзей, давшаго толчокъ къ изгнанію Пизистратидовъ, сыновей тиранна Пизистрата. Група эта была увезена въ 480 году Ксерксомъ и, три года спустя, была замѣнена подобной же группой скульпторовъ *Критія* и *Несіота*, произведеніе которыхъ, хотя бы только приблизительно, можетъ быть возстановлено по изображеніямъ на монетахъ и по позднѣйшимъ копіямъ въ Неаполитанскомъ музеѣ. Эта вторая группа, представляющая смѣлый порывъ впередъ обоихъ друзей, изъ которыхъ одинъ прикрываетъ другого, трактуетъ, кажется, событіе съ неменьшею живостью и умѣньемъ, чѣмъ эгинская школа этого времени. Антенорь, отъ котораго въ персидскомъ слоѣ на Акрополѣ до насъ дошло оригинальное произведеніе въ видѣ сильно фрагментированной женской статуи, представляется намъ еще стоящимъ на пути архаической, связанной передачи природы, точно также какъ и все современное ему атти-

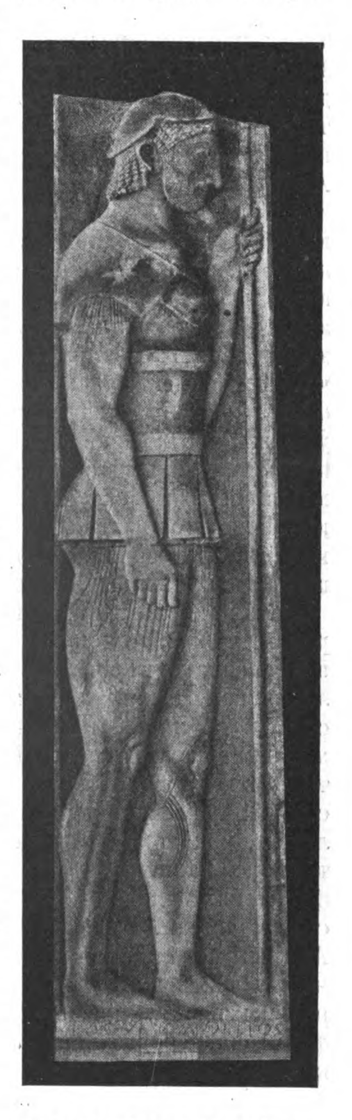

Рис. 34. Стела Аристіона. Аѳины. Нац. Муз.

ческое искусство, лучше всего характеризуемое надгробными памятниками.

Памятники эти представляютъ высокую, узкую каменную плиту, поставленную на четырехъугольную подставку: на передней сторонѣ плиты въ плоскомъ рельефѣ вырѣзано изображеніе покойнаго во весь ростъ. Всѣ подробности вооруженія и одежды переданы съ величайшею правдивостью, увеличиваемою еще раскраскою. Существуютъ даже *стелы*, такъ называются эти гробничныя плиты, украшенныя изображеніемъ покойнаго только красками. Такъ же, какъ въ статуяхъ, найденныхъ на Акрополѣ, и въ этихъ надгробныхъ рельефахъ видно стремленіе художниковъ къ передачѣ всѣхъ подробностей въ возможно изысканной формѣ. На одной изъ этихъ стелъ (рис. 34) рядомъ съ именемъ изображеннаго Аристіона находится и имя исполнителя стелы, художника *Аристоклеса*. Фигура покойнаго изображена въ полномъ вооруженіи аѳинскаго гражданина, въ поножахъ и панцырѣ, съ копьемъ и шлемомъ, панашъ котораго, къ сожалѣнію, отломанъ вмѣстѣ съ верхней частью стелы, обыкновенно украшаемой пальметтою. Это — вѣрный образъ тѣхъ на смерть храбрыхъ мужей, которые при Мараѳонѣ (480 г.) устояли противъ несмѣтныхъ полчищъ персовъ и при первомъ столкновеніи выгнали азіатовъ съ эллинской почвы. Неуклюже, какъ эти мужи, было и искусство, которое оставило намъ ихъ изображенія, но и оно пошло быстро впередъ въ своемъ развитіи послѣ того, какъ народъ греческій во второй разъ побѣдоносно проявилъ свою силу противъ напавшихъ персовъ.

Какъ первый памятникъ этого болѣе свободнаго художественнаго развитія являются намъ группы фронтоновъ эгинскаго храма Аѳины, построеннаго, вѣроятно, въ воспоминаніе морской побѣды грековъ въ Саламинскомъ заливѣ противъ береговъ Эгины, такъ какъ группы эти представляютъ явный намекъ на пораженіе азіатскаго владычества соединенными силами греческихъ племенъ и героевъ. На восточномъ фронтонѣ изображена битва Геракла и эгинскаго героя Теламона съ троянскимъ царемъ Лаомедономъ, на западномъ, фигуры котораго сохранились лучше,—эпизодъ изъ воспѣтой Гомеромъ Троянской войны, бой надъ трупомъ павшаго героя, Патрокла или Ахилла (рис. 35). Въ обоихъ фронтонахъ распредѣленіе и группировка фигуръ одна и таже, строго симметричная. Въ срединѣ каждаго фронтона стоитъ фигура богини Аѳины, не видимая бьющимися, въ спокойной, торжественной позѣ, между тѣмъ какъ всѣ другія фигуры въ живомъ движеніи вплоть до раненыхъ и умирающихъ, которые, растянувшись, заполняютъ углы фронтона. Треугольная форма фронтона давала опредѣленную форму композиціи группы, для которой первую извѣстную намъ схему дали эгинскіе художники и этой схемы придерживались затѣмъ греческіе скульпторы.

Возможно, что въ этихъ фигурахъ представляется та ступень развитія искусства, какой достигли эгинскіе скульпторы Каллонъ и Онатъ. Съ основательнымъ знаніемъ человѣческаго тѣла соединяли они уже и способность передать его въ живомъ быстромъ движеніи. Передачѣ духовнаго подъема или душевнаго движенія они не придавали никакого значенія и эта особенность пелопонесской скульптуры въ противуположность аттической сохранилась и на времена наивысшаго процвѣтанія искусства. Пелопонесская скульптура создавала идеальные образы мужественной силы и тѣлесной красоты и поэтому поставила для Олимпіи и для другихъ мѣстъ игръ большинство статуй побѣдителей, но она

никогда серьезно не занималась выраженіемъ духовной сущности человѣческаго образа.

Не изслѣдовано и аттическое искусство въ періодъ отъ греко-персидскихъ войнъ до появленія Фидія, съ которымъ связывается первый полный расцвѣтъ греческой пластики. Аттическіе художники этого времени стояли еще слишкомъ подъ вліяніемъ пелопонесскихъ, сильно опередившихъ ихъ въ выработкѣ техники, что особенно замѣтно по тому, что они тоже почти исключительно работаютъ въ бронзѣ. *Каламисъ* и *Миронъ* слывутъ за самыхъ выдающихся мастеровъ этой эпохи. Изъ произведеній перваго, изъ которыхъ въ древности особенно славились Гермесъ, несущій барана, и лошади въ колесницахъ его статуй побѣдителей въ Олимпіи, до насъ не сохранилось ни одного хотя бы въ сколько-нибудь вѣроятныхъ копіяхъ. Напротивъ, мы можемъ составить себѣ представленіе объ одномъ изъ главныхъ произведеній Мирона, его «Дискоболѣ», бросателѣ диска, по многочисленнымъ мраморнымъ копіямъ, лучшая изъ которыхъ находится въ паллацо Ланчеллотти въ Римѣ (рис. 36). По этому произведенію видно, что и Миронъ, какъ его пелопонесскіе сотоварищи, преимущественно стремился къ передачѣ юношескаго тѣла въ моментъ наивысшаго напряженія его силъ, въ данномъ случаѣ къ изображенію юноши въ тотъ моментъ, когда онъ напрягъ всю свою силу, чтобы возможно дальше и ловче бросить дискъ, тяжелый кругъ для метанія. Только самое внимательное наблюденіе за этой любимой игрой греческихъ юношей въ палестрѣ могло дать художнику возможность удержать въ памяти человѣческое тѣло въ этомъ быстро преходящемъ, моментальномъ движеніи и передать въ деталяхъ игру мускуловъ съ полной вѣрностью природѣ. Стремленіе вообще къ высшей передачѣ природной правды надо признать за главный признакъ Мироновскаго искусства. Гораздо болѣе, чѣмъ его боги, славилась въ древности его статуя коровы, поставленная на Акрополѣ въ Аѳинахъ; въ многочисленныхъ эпиграммахъ она высоко оцѣнивается за ея естественность, которая была такъ обманчива, что даже телята приближались къ ней, чтобы сосать ее.

Рис. 35. Фигура изъ эгинскаго фронтона. Мюнхенъ. Глиптотека.

Однако изъ этой эпохи ранняго разсвѣта сохранились до насъ и оригинальныя произведенія, которыя нѣкогда составляли украшеніе одного изъ славнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ, храма Зевса въ Олимпіи, и на свѣтъ Божій извлечены были вновь при раскопкахъ, произведенныхъ германскимъ правительствомъ. Постройка этого храма была закончена въ 460 году до Р. Х. и около этого же времени были исполнены и скульптуры его: 12 метопъ съ рельефными изображеніями подвиговъ Геракла, по 6 на каждой узкой сторонѣ надъ внутреннимъ рядомъ колоннъ, и двѣ фронтонныя группы, изъ которыхъ западная представляла борьбу лапиѳовъ съ кентаврами, восточная — приготовленіе къ состязанію въ ристаніи на колесницахъ чужестранца Пелопса и туземнаго царя Ойномая, въ которомъ видятъ начало олимпійскихъ игръ, особенно состязанія на колесницахъ. Какъ въ Эгинетахъ, такъ и здѣсь въ композиціи фронтонныхъ группъ принципъ симметріи наблюдается строго. На западномъ фронтонѣ по срединѣ стоитъ Аполлонъ, на восточномъ—Зевсъ въ позѣ судьи надъ борцами, внушающей страхъ и уваженіе. Въ деталяхъ, какъ въ трактовкѣ одежды и волосъ, отдѣланныхъ вѣроятно усиленной окраской, господствуетъ еще старинная строгость, хотя уже съ примѣсью натуралистичныхъ подробностей. Однако общая композиція, позы и движенія отдѣльныхъ фигуръ— особенно въ восточномъ фронтонѣ — производятъ впечатлѣніе возвышеннаго, торжественнаго величія въ противоположность сухому, мелочному реализму Эгинетовъ. Это первыя проявленія стиля, направленнаго къ исканію идеальнаго стремленія къ великому, монументальному впечатлѣнію, съ чѣмъ соединяется еще нѣкоторое тяготѣніе къ живописности. Неизвѣстный намъ художникъ, творецъ этихъ группъ, не владѣлъ еще вполнѣ находящимися въ его рукахъ средствами и тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ первый шагъ по пути, по которому шелъ затѣмъ впередъ Фидій, доведшій монументальную пластику возвышеннаго стиля до высшаго развитія и законченности.

Въ *Фидіи*, который главнымъ твореніемъ своей жизни, хризоэлефантинской статуей Зевса, тѣсно сросся съ священной почвой Олимпіи, греки почитали своего величайшаго мастера скульптуры, а потомство еще увеличило его славу, называя его имя, какъ имя величайшаго скульптора всѣхъ временъ, хотя и не сохранилось ни одного изъ его высоко цѣнившихся произведеній. Греки цѣнили въ немъ не только великаго художника, но и творца скульптурныхъ произведеній, въ которыхъ они видѣли воплощенными въ благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ формахъ ихъ божественные идеалы. Его произведенія призывали грековъ къ глубочайшему благочестію и воспламеняли въ нихъ высочайшее воодушевленіе при видѣ красоты и благородства. Родившись въ Аѳинахъ скоро послѣ 500 года, еще мальчикомъ могъ онъ любоваться великими подвигами своихъ согражданъ. Получивъ художественное воспитаніе подъ руководствомъ аѳинянина Эгезія, ученика аргосца Агелада, рано былъ онъ призванъ увѣковѣчить эти славные подвиги въ памятникахъ, въ подносныхъ дарахъ богамъ. Въ память мараѳонской побѣды создалъ онъ группу изъ 13 бронзовыхъ статуй, которую аѳиняне пожертвовали въ Дельфы; представляла она побѣдоноснаго полководца Мильтіада среди боговъ и аттическихъ героевъ. Затѣмъ, какъ даръ всего греческаго народа, исполнилъ онъ изъ мрамора и позолоченнаго дерева статую Аѳины, которая была поставлена въ храмѣ этой воинственной богини въ Платеѣ, на мѣстѣ послѣдняго рѣшительнаго сраженія съ персами. Для

BOUND BY
HNM

U of Chicago
55015453